

СОЧИНЕНІЯ А. С. ПУШКИНА

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА

ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМЪЧАНІЯМИ

П. О. МОРОЗОВА

ТОМЪ III

ПОЭМЫ И ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ

(1825—1833)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1887

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

(1825).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

(1598 года, 20 февраля).

Князья Шуйскій и Воротынскій.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать,
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; вослѣдъ за патриархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

ШУЙСКІЙ.

Чѣмъ кончится? Узнать не мудрено:
Народъ еще повоетъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ, по милости своей,
Принять вѣнецъ смиренно согласится;
А тамъ — а тамъ онъ будетъ нами править
По прежнему.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Но мѣсяць ужъ протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырѣ съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское.

соч. А. С. ПУШКИНА. Т. III.

1

Ни патріархъ, ни думные бояре
 Склонить его доселѣ не могли;
 Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,
 Ни ихъ мольбамъ, ни воплю всей Москвы,
 Ни голосу великаго собора.
 Его сестру напрасно умоляли
 Благословить Бориса на державу;
 Печальная монахиня-царица,
 Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима:
 Знать, самъ Борисъ сей духъ въ нее вселилъ.
 Что, ежели правитель въ самомъ дѣлѣ
 Державными заботами наскучилъ
 И на престолъ безвластный не взойдетъ?
 Что скажешь ты?

шуйскій.

Скажу, что понапрасну
 Лилася кровь царевича-младенца;
 Что если такъ, Димитрій могъ бы жить.

воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Полно, точно ль
 Царевича сгубилъ Борисъ?

шуйскій.

А кто же?

Кто подкупалъ напрасно Чепчугова?
 Кто подослалъ обоихъ Битяговскихъ
 Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ посланъ былъ
 Исслѣдовать на мѣстѣ это дѣло:
 Наѣхалъ я на свѣжіе слѣды;
 Весь городъ былъ свидѣтель злодѣянья;
 Всѣ граждане согласно показали;
 И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
 Изобличить сокрытаго злодѣя.

воротынскій.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

шуйскій.

Онъ, признаюсь, тогда меня смутилъ
 Спокойствіемъ, безстыдностью неожиданной;

Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто правый:
 Разспрашивалъ, въ подробности входилъ —
 И передъ нимъ я повторилъ нелѣпость,
 Которую мнѣ самъ онъ нашепталъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Нечисто, князь.

ШУЙСКІЙ.

А что мнѣ было дѣлать?
 Все объявить Феодору? Но царь
 На все глядѣлъ очами Годунова,
 Всему внималъ ушами Годунова;
 Пускай его бъ увѣрилъ я во всемъ, —
 Борисъ тотчасъ его бы разувѣрилъ,
 А тамъ меня жъ сослали бъ въ заточенье,
 Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
 Въ глухой тюрьмѣ тихонько бъ задавили.
 Не хвастаюсь, а въ случаѣ, конечно,
 Никакая казнь меня не утратить;
 Я самъ не трусь, но также не глупецъ,
 И въ петлю лѣзть не соглашуся даромъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
 Губителя раскаянье тревожить:
 Конечно, кровь невиннаго младенца
 Ему ступить мѣшаетъ на престолъ.

ШУЙСКІЙ.

Перешагнетъ: Борисъ не такъ-то робокъ!
 Какая честь для насъ, для всей Руси!
 Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
 Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
 Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

ВОРОТЫНСКІЙ.

Такъ; родомъ онъ не знатенъ; мы знатнѣе.

ШУЙСКІЙ.

Да, кажется.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Вѣдь Шуйскій, Воротынскій...
Легко сказать, природные князья.

ШУЙСКІЙ.

Природные, и Рюриковой крови.

ВОРОТЫНСКІЙ.

А слушай, князь, вѣдь мы бѣ имѣли право
Наслѣдовать Теодору.

ШУЙСКІЙ.

Да, болѣ,

Чѣмъ Годуновъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

ШУЙСКІЙ.

Что жъ?

Когда Борисъ хитрить не перестанетъ,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставляютъ Годунова,
Своихъ князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ цари любого изберутъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Не мало насъ, наслѣдниковъ варяга,
Да трудно намъ тягаться съ Годуновымъ:
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древню отрасль
Воинственныхъ властителей своихъ.
Уже давно лишились мы удѣловъ,
Давно царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ, и любовью,
И славою народъ очаровать.

ШУЙСКІЙ (глядитъ въ окно).

Онъ смѣлъ, вотъ все — а мы... Но полно. Видишь,
Народъ идетъ, рассыпавшись, назадъ —
Пойдемъ скорѣй, узнаемъ, рѣшено ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Народъ.

одинъ.

Неумолимъ! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, бояръ и патріарха.
Они предъ нимъ напрасно пали ницъ;
Его страшить сіяніе престола.

другой.

О Боже мой, кто будетъ нами править?
О горе намъ!

третій.

Да вотъ, верховный дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенье думы.

НАРОДЪ.

Молчать! молчать! Дьякъ думный говорить;
Ш-ш — слушайте!

ЩЕЛКАНОВЪ (съ Краснаго крыльца).

Соборомъ положили

Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною правителя душой.
Заутра вновь святѣйшій патріархъ,
Въ Кремлѣ отпѣвъ торжественно молебень,
Предшествуемъ хоругвями святыми,
Съ иконами Владимірской, Донской,
Воздвижется, а съ нимъ синклить, бояре,
Да сонмъ дворянъ, да выборные люди
И весь народъ московскій православный,
Мы всё пойдемъ молить царицу вновь,
Да сжалятся надъ сиротою Москвою
И на вѣнецъ благословить Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Молитесь, да взыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ.

(Народъ расходится).

ДѢВИЧЬЕ ПОЛЕ.

Новодѣвичій монастырь. Народъ.

одинъ.

Теперь они пошли къ царицѣ въ келью;
Туда вошли Борисъ и патріархъ
Съ толпой бояръ.

другой.

Что слышно?

третій.

Все еще

Упрямится; однако есть надежда.

БАБА (съ ребенкомъ).

Агу! не плачь, не плачь! Вотъ бука, бука
Тебя возьметъ! Агу, агу... не плачь.

одинъ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

другой.

Нельзя. Куды! и въ полѣ даже тѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь. Смотри: ограда, кровли,
Всѣ ярусы соборной колокольни,
Главы церквей и самые кресты
Униваны народомъ.

первый.

Право, любо!

одинъ!

Что тамъ за шумъ?

другой.

Послушай... что за шумъ?

Народъ завылъ: тамъ падаютъ что волны
За рядомъ рядъ... еще... еще! Ну, братъ,
Дошло до насъ: скорѣе, на колѣни!

НАРОДЪ (на колѣнахъ; вой и плачь).

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! Властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

одинъ (тихо).

О чемъ мы плачемъ?

ДРУГОЙ.

А какъ намъ знать? То вѣдають бояре —
Не намъ чета.

БАБА (съ ребенкомъ).

Ну, что жъ? Какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! Вотъ я тебя!.. вотъ бука!
Плачь, бадовень! (Бросаетъ его объ вемь; ребенокъ плачетъ). Ну,
то-то же!

одинъ.

Всѣ плачутъ —

Заплачемъ, братъ, и мы!

ДРУГОЙ.

Я силюсь, братъ,

Да не могу.

одинъ.

Я также. Нѣтъ ли луку?

Потремъ глаза.

ДРУГОЙ.

А я слюной намажу.

Что тамъ еще?

ПЕРВЫЙ.

Да кто ихъ разбереть!

НАРОДЪ.

Вѣнецъ за нимъ! онъ царь! онъ согласился!..
Борись нашъ царь! да здравствуетъ Борисъ!

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

Борисъ, патриархъ, бояре.

БОРИСЪ.

Ты, отче патриархъ, вы всѣ, бояре!
 Обнажена душа моя предъ вами:
 Вы видѣли, что я приѣмлю власть
 Великую со страхомъ и смиреньемъ.
 Сколь тяжела обязанность моя!
 Наслѣдую могущимъ Іоаннамъ —
 Наслѣдую и ангелу-царю!..
 О праведникъ, о мой отецъ державный!
 Возври съ небесъ на слезы вѣрныхъ служѣ
 И ниспошли тому, кого любилъ ты,
 Кого ты здѣсь столь дивно возвеличилъ,
 Священное на власть благословенье:
 Да правлю я во славѣ свой народъ,
 Да буду благъ и праведенъ, какъ ты.

Отъ васъ я жду содѣйствія, бояре:
 Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
 Когда труды я ваши раздѣлялъ,
 Не избранный еще народной волей.

БОЯРЕ.

Не измѣнимъ присягѣ, нами данной.

БОРИСЪ.

Теперь пойдемъ, поклонимся гробамъ
 Почіющихъ властителей Россіи,
 А тамъ — сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
 Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣпца;
 Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе.

(Уходитъ; за нимъ и бояре).

КНЯЗЬ ВОРОТЫНСКІЙ (останавливая Шуйскаго).

Ты угадалъ.

ШУЙСКІЙ.

А что?

ВОРОТЫНСКІЙ.

Да здѣсь, намедни,

Ты помнишь?

ШУЙСКІЙ.

Нѣтъ, не помню ничего.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Когда народъ ходилъ въ Дѣвичье поле,
Ты говорилъ —

ШУЙСКІЙ.

Теперь не время помнить,
Совѣтую порой и забывать.
А впрочемъ, я злословіемъ притворнымъ
Тогда желалъ тебя лишь испытать,
Вѣрнѣй узнать твой тайный образъ мыслей;
Но вотъ — народъ привѣтствуетъ царя —
Отсутствіе мое замѣтить могутъ —
Иду за нимъ.

ВОРОТЫНСКІЙ.

Лукавый царедворецъ!

НОЧЬ. КЕЛБЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРѢ.

(1603 года).

Отецъ Пименъ, Григорій (спящій).

ПИМЕНЪ (пишетъ передъ лампадой).

Еще одно, послѣднее сказанье —
И лѣтопись окончена моя,
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ, грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда-нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безыменный;
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду,
И пылъ вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,

Правдивыя сказанья перепишетъ,
 Да вѣдаютъ потомки православныхъ
 Земли родной минувшую судьбу,
 Своихъ царей великихъ поминають
 За ихъ труды, за славу, за добро —
 А за грѣхи, за темныя дѣянья,
 Спасителя смиренно умоляютъ...

На старости я сывнова живу;
 Минувшее проходить предо мною...
 Давно ль оно неслось, событий полно,
 Волнуясь, какъ море-окиянь?
 Теперь оно безмолвно и спокойно:
 Не много лицъ мнѣ память сохранила,
 Не много словъ доходить до меня,
 А прочее погубило невозвратно!..
 Но близокъ день, лампада догораетъ —
 Еще одно, послѣднее сказанье. (Пишетъ).

ГРИГОРІЙ (пробуждается).

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? Въ третій разъ!
 Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
 Старикъ сидитъ, да пишетъ — и дремотой,
 Знать, во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
 Какъ я люблю его спокойный видъ,
 Когда, душой въ минувшемъ погруженный,
 Онъ лѣтопись свою ведетъ; и часто
 Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
 О темномъ ли владычествѣ татаръ?
 О казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
 О бурномъ ли новгородскомъ вѣчѣ?
 О славѣ ли отечества? Напрасно!
 Ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ
 Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ;
 Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
 Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
 Спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ,
 Добру и злу внимая равнодушно,
 Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

ПИМЕНЪ.

Проснулся, братъ.

ГРИГОРІЙ.

Благослови меня,
Честный отецъ.

ПИМЕНЪ.

Благослови Господь
Тебя и днесь, и присно, и во вѣки.

ГРИГОРІЙ.

Ты все писалъ, и сномъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мучилъ:
Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ, и страшно становилось —
И падая стремглавъ, я пробуждался...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

ПИМЕНЪ.

Младая кровь играетъ;
Смиряй себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкихъ будутъ
Исполнены. Донинѣ — если я,
Невольною дремотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
Мой старыи сонъ не тихъ и не безгрѣшенъ:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

ГРИГОРІЙ.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйскомъ отражалъ,
Ты видѣлъ дворъ и роскошь Іоанна!
Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
По келіямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ бояхъ,
Не пировать за царскою трапезой?

Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ
 Отъ суеты, отъ міра отложиться,
 Произнести монашества обѣтъ
 И въ тихую обитель затвориться.

ПИМЕНЪ.

Не сѣтуй, братъ, что рано грѣшный свѣтъ
 Покинулъ ты, что мало искушеній
 Послалъ тебѣ Всевышній. Вѣрь ты мнѣ:
 Насъ издали плѣняютъ слава, роскошь
 И женская лукавая любовь.
 Я долго жилъ и многимъ наслаждался;
 Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
 Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
 Подумай, сынъ, ты о царяхъ великихъ:
 Кто выше ихъ? Единый Богъ. Кто смѣетъ
 Противу нихъ? Никто. А что же? Часто
 Златой вѣнецъ тяжель имъ становился:
 Они его мѣняли на клубукъ.
 Царь Іоаннъ искалъ успокоенья
 Въ подобіи монашескихъ трудовъ.
 Его дворець, любимцевъ гордыхъ полный,
 Монастыря видѣ новый принималъ:
 Кромѣшники въ тафьяхъ и власяницахъ
 Послушными являлись чернецами,
 А грозный царь — игумномъ богомольнымъ.
 Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
 (Въ ней жилъ тогда Кирилль многострадальный,
 Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
 Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
 Мірскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я царя,
 Усталого отъ гнѣвныхъ думъ и казней:
 Задумчивъ, тихъ сидѣлъ межъ нами Грозный;
 Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
 И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
 Онъ говорилъ игумну и всей братьѣ:
 «Отцы мои, желанный день придетъ:
 Предстану здѣсь алкающій спасенья;
 Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кирилль,
 Вы всё — обѣтъ примите мой духовный:
 Прииду къ вамъ, преступникъ окаянный,
 И схиму здѣсь честную восприму,

Къ стопамъ твоимъ, святыи отецъ, припадши.»
 Такъ говорилъ державный государь,
 И сладко рѣчь изъ устъ его лилася,
 И плакаль онъ. А мы въ слезахъ молились,
 Да ниспошлетъ Господь любовь и миръ
 Его душѣ, страдающей и бурной...
 А сынъ его Феодоръ? На престолѣ
 Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
 Молчальника. Онъ царскіе чертоги
 Преобразилъ въ молитвенную келью;
 Тамъ тяжкія державныя печали
 Святой души его не возмущали.
 Богъ возлюбилъ смиреніе царя,
 И Русь при немъ во славѣ безмятежной
 Утѣшилась—а въ часъ его кончины
 Свершилося неслыханное чудо:
 Къ его одру, царю едину зримый,
 Явился мужъ необычайно свѣтель,
 И началъ съ нимъ бесѣдовать Феодоръ
 И называть великимъ патріархомъ...
 И всѣ кругомъ объаты были страхомъ,
 Уразумѣвъ небесное видѣнье,
 Зане святыи владыка предъ царемъ
 Во храминѣ тогда не находился.
 Когда же онъ преставился, палаты
 Исполнились святымъ благоуханьемъ,
 И ликъ его какъ солнце просіялъ.
 Ужъ не видать такого намъ царя...
 О страшное, невиданное горе!
 Прогнѣвали мы Бога, согрѣшили:
 Владыкою себѣ царевубійцу
 Мы нарекли.

ГРИГОРІЙ.

Давно, честный отецъ,
 Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
 Димитрія-царевича; въ то время
 Ты, говорятъ, былъ въ Угличѣ.

ПИМЕНЪ.

Охъ, помню!

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
 Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ

На нѣкое былъ усланъ послушанье.
 Пришелъ я въ ночь. Наутро, въ часъ обѣдни,
 Вдругъ слышу звонъ; ударили въ набатъ;
 Крикъ, шумъ. Бѣгутъ на дворъ царицы. Я
 Слѣшу туда жъ — а тамъ уже весь городъ.
 Гляжу: лежитъ зарѣзанный царевичъ;
 Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ,
 Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ,
 А тутъ народъ, остервенясь, волочить
 Безбожную предательницу-мамку...
 Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, отъ злости блѣдень,
 Является Іуда-Битяговскій.
 «Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль,
 И вмигъ его не стало. Тутъ народъ
 Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
 Укрывшихся злодѣевъ захватили
 И привели предъ теплый трупъ младенца,
 И чудо — вдругъ мертвецъ затрепеталъ!
 «Покайтесь!» народъ имъ завопилъ:
 И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
 Покаялись — и назвали Бориса.

ГРИГОРІЙ.

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

ПИМЕНЪ.

Да лѣтъ семи; ему бы нынѣ было —
 (Тому прошло ужъ десять лѣтъ... нѣтъ, больше:
 Двѣнадцать лѣтъ) — онъ былъ бы твой ровесникъ
 И царствовалъ; но Богъ судилъ иное.

Сей повѣстью плачевной заключу
 Я лѣтопись свою; съ тѣхъ поръ я мало
 Вникалъ въ дѣла мірскія. Братъ Григорій,
 Ты грамотой свой разумъ просвѣтилъ:
 Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
 Свободные отъ подвиговъ духовныхъ
 Описывай, не мудрствуя лукаво,
 Все то, чему свидѣтель въ жизни будешь:
 Войну и миръ, управу государей,
 Угодниковъ святыхъ чудеса,
 Пророчества и знаменья небесны —

А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погасить лампаду... Но звонять
Къ заутренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!.. Подай костыль, Григорій.

(Уходитъ).

ГРИГОРІЙ.

Борись, Борись! все предъ тобой трепещеть,
Никто тебѣ не смѣетъ и напомнить
О жребіи несчастнаго младенца;
А между тѣмъ отшельникъ въ темной кельѣ
Здѣсь на тебя доносъ ужасный пишетъ:
И не уйдешь ты отъ суда мірскаго,
Какъ не уйдешь отъ Божьяго суда*).

ПАЛАТЫ ПАТРИАРХА.

Патріархъ, игуменъ Чудова монастыря.

ПАТРИАРХЪ.

И онъ убѣждалъ, отецъ игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Убѣждалъ, святой владыка, вотъ ужъ тому третій день.

ПАТРИАРХЪ.

Пострѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

ИГУМЕНЪ.

Изъ роду Отрепьевыхъ, галицкихъ боярскихъ дѣтей; смолоду постригся невѣдомо гдѣ, жилъ въ Суздальѣ, въ Ефимьевскомъ монастырѣ; ушелъ оттуда, шатался по разнымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ моей чудовской братіи; а я, видя, что онъ еще младъ и неразуменъ, отдалъ его подъ начало отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и былъ онъ весьма грамотенъ, читалъ наши лѣтописи, сочинялъ каноны святымъ; но знать, грамота далася ему не отъ Господа Бога...

*) Послѣ этого въ рукописи слѣдовала сцена, откинутая авторомъ: «Монастырская ограда». Она помѣщена ниже, въ концѣ пьесы.

ПАТРИАРХЪ.

Ужь эти мнѣ грамотѣи! Что еще выдумаль! буду царемъ на Москвѣ! Ахъ, онъ, сосудъ діавольскій! Однако, нечего царю и докладывать объ этомъ: что тревожить отца-государя? Довольно будетъ объявить о побѣгѣ дьяку Смирнову или дьяку Ефимьеву. Этака ересь! буду царемъ на Москвѣ!.. Поймать, поймать врагоугодника, да и сослать въ Соловецкій на вѣчное покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ игуменъ?

ИГУМЕНЪ.

Ересь, святыи владыка, сущая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Два стольника.

ПЕРВЫЙ.

Гдѣ государь?

ВТОРОЙ.

Въ своей опочивальнѣ.

Онъ заперся съ какимъ-то колдуномъ.

ПЕРВЫЙ.

Такъ; вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, колдуньи.
Все ворожить, что красная невѣста.
Желалъ бы знать, о чемъ гадаеть онъ?

ВТОРОЙ.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

ПЕРВЫЙ.

Какъ онъ угрюмъ!

(Уходятъ).

ЦАРЬ (входитъ).

Достигъ я высшей власти;
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно:
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолоду влюбляемся и алчемъ

Утѣхъ любви, но только утолимъ
 Сердечный гладъ мгновеннымъ обладаньемъ,
 Ужъ охладѣвъ скучаемъ и томимся!..
 Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
 Дни долгіе, дни власти безмятежной—
 Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
 Предчувствую небесный громъ и горе.
 Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
 Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
 Щедротами любовь его снискать—
 Но отложилъ пустое попеченье:
 Живая власть для черни ненавистна,—
 Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
 Безумны мы, когда народный плескъ
 Иль ярый вопль тревожить сердце наше.
 Богъ насылалъ на землю нашу гладъ;
 Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
 Я отворилъ имъ житницы; я злато
 Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы:
 Они жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
 Пожарный огонь ихъ дома истребилъ;
 Я выстроилъ имъ новыя жилища:
 Они жъ меня пожаромъ упрекали!
 Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
 Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду,
 Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
 Какъ буря, смерть уноситъ жениха...
 И тутъ молва лукаво нарекаетъ
 Виновникомъ дочерняго вдовства
 Меня, меня, несчастнаго отца!..
 Кто ни умретъ—я всѣхъ убійца тайный:
 Я ускорилъ Θεодора кончину,
 Я отравилъ свою сестру, царицу,
 Монахиню смиренную... все я!
 Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
 Среди мірскихъ печалей успокоить;
 Ничто, ничто... едина развѣ совѣсть!
 Такъ, здравая, она восторжествуетъ
 Надъ злобою, надъ темной клеветою;
 Но если въ ней единое пятно,
 Единое случайно завелось,
 Тогда бѣда: какъ язвой моровой

Душа сгорить, нальется сердце ядомъ,
 Какъ молоткомъ стучить въ ухахъ упрекомъ,
 И все тошнить, и голова кружится,
 И мальчики кровавые въ глазахъ...
 И радъ бѣжать, да некуда... ужасно!
 Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста!

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

Мисаиль и Варлаамъ, бродяги въ видѣ чернецовъ; Григорій
 Отрепьевъ міряниномъ; хозяйка.

ХОЗЯЙКА.

Чѣмъ-то мнѣ васъ потчивать, старцы честные?

ВАРЛААМЪ.

Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяюшка. Нѣтъ ли вина?

ХОЗЯЙКА.

Какъ не быть, отцы мои! сейчасъ вынесу.

(Уходитъ).

МИСАИЛЬ.

Что жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница Литов-
 ская, до которой такъ хотѣлось тебѣ добраться.

ГРИГОРІЙ.

Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоенъ.

ВАРЛААМЪ.

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаиль
 да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и
 не думаемъ: Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ
 равно, было бы вино... да вотъ и оно!...

МИСАИЛЬ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

ХОЗЯЙКА (входитъ).

Вотъ вамъ, отцы мои. Пейте на здоровье.

МИСАИЛЬ.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. (Пьютъ. Варлаамъ затягиваетъ пѣсню: «Какъ во городѣ было во Казани»...). Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

ГРИГОРІЙ.

Не хочу.

МИСАИЛЬ.

Вольному воля...

ВАРЛААМЪ.

А пьяному рай, отецъ Мисаиль! Выпьемъ же чарочку за шинкарочку... (Пьютъ).

Однако, отецъ Мисаиль, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю: иное дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить какъ мы, милости просимъ — нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скормохъ попу не товарищъ.

ГРИГОРІЙ.

Пей, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ!.. Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

ВАРЛААМЪ.

А что мнѣ про себя разумѣть?

МИСАИЛЬ.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

ВАРЛААМЪ.

Да что онъ за постникъ? Самъ же къ намъ назвался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда — да еще и спѣсивится; можетъ быть, кобылу нюхаль...

(Пьетъ и поетъ: «Молодой чернецъ постригся»).

ГРИГОРІЙ (хозяйкѣ).

Куда ведетъ эта дорога?

ХОЗЯЙКА.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

ГРИГОРІЙ.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

ХОЗЯЙКА.

Недалече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы царскія, да сторожевые приставы.

ГРИГОРІЙ.

Какъ, заставы! что это значитъ?

ХОЗЯЙКА.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать, да осматривать.

ГРИГОРІЙ (про себя).

Вотъ тебѣ, бабушка, Юрьевъ день.

ВАРЛААМЪ.

Эй, товарищъ! да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать, не нужна тебѣ водка, а нужна молодка: дѣло, братъ, дѣло! У всякаго свой обычай, а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка — пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ и въ донушко поколотимъ.

МИСАИЛЪ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

ГРИГОРІЙ (хозяйкѣ).

Да кого жъ имъ надобно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

ХОЗЯЙКА.

А Господь его вѣдаетъ, воръ ли, разбойникъ, только здѣсь и добрымъ людямъ нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? Ничего; ни лысаго бѣса не поймаютъ: будто въ Литву нѣтъ и и другого пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти влѣво, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ болото на Хлопино, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякій мальчишка доведетъ до Луёвыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что при-тѣсняють прохожихъ, да обируютъ насъ, бѣдныхъ. (Слышенъ шумъ). Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они, проклятые! дозоромъ идутъ.

ГРИГОРІЙ.

Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другого угла?

ХОЗЯЙКА.

Нѣту, родимый, рада бы сама спрятаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай имъ и вина, и хлѣба, и невѣдомо чего — чтобъ имъ издохнуть, окаяннымъ! чтобъ имъ...

(Входятъ приставы).

ПРИСТАВЪ.

Здорово, хозяйка!

ХОЗЯЙКА.

Добро пожаловать, гости дорогие, милости просимъ!

ОДИНЪ ПРИСТАВЪ (другому).

Ба! да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. (Монахамъ). Вы что за люди?

ВАРЛААМЪ.

Мы Божіи старцы, иноки смиренные, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостыню христіанскую на монастырь.

ПРИСТАВЪ (Григорію).

А ты?

МИСАИЛЬ.

Нашъ товарищъ...

ГРИГОРІЙ.

Мірянинъ изъ пригорода; проводилъ старцевъ до рубежа; отселѣ иду во-свои.

МИСАИЛЬ.

Такъ ты раздумалъ...

ГРИГОРІЙ (тихо).

Молчи.

ПРИСТАВЪ.

Хозяйка, выставь-ка еще вина; а мы здѣсь со старцами поъемъ, да побесѣдуемъ.

ДРУГОЙ ПРИСТАВЪ (тихо).

Парень-то, кажется, голъ; съ него взять нечего; за то старцы...

ПЕРВЫЙ.

Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся. — Что, отцы мои, каково промышляете?

ВАРЛААМЪ.

Плохо, сыне, плохо! нынѣ христіане стали скупы; деньгу любятъ, деньгу прячутъ. Мало Богу даютъ. Приде грѣхъ велий на языцы земніи. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства; думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда въ три дни трехъ полушекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдетъ недѣля, другая, заглянешь въ мошонку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться; что дѣлать? съ горя и остальное пропъешь; бѣда да и только.— Охъ, плохо! знать, пришли наши послѣднія времена...

ХОЗЯЙКА (плачетъ).

Господь помилуй и спаси!

(Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи, первый приставъ значительно всматривается въ Мисаила).

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Алеха! при тебѣ ли царскій указъ?

ВТОРОЙ.

При мнѣ.

ПЕРВЫЙ.

Подай-ка сюда.

МИСАИЛЬ.

Что ты на меня такъ пристально смотришь?

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

А вотъ что: изъ Москвы бѣжалъ нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отрепьевъ. Слыхалъ ли ты это?

МИСАИЛЬ.

Не слыхалъ.

ПРИСТАВЪ.

Не слыхалъ? Ладно. А того бѣглаго еретика царь приказалъ изловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

МИСАИЛЬ.

Не знаю.

ПРИСТАВЪ (Варлааму).

Умѣешь ли ты читать?

ВАРЛААМЪ.

Смолоду зналъ, да разучился.

ПРИСТАВЪ (Мисаилу).

А ты?

МИСАИЛЬ.

Не умудрилъ Господь.

ПРИСТАВЪ.

Такъ вотъ тебѣ царскій указъ.

МИСАИЛЬ.

На что мнѣ его?

ПРИСТАВЪ.

Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ, воръ, мошенникъ — ты.

МИСАИЛЬ.

Я? Помилуй! что ты!

ПРИСТАВЪ.

Постой! держи двери. Вотъ мы сейчасъ и справимся.

ХОЗЯЙКА.

Ахъ они, окаянные мучители! и старца-то въ покоѣ не оставлять!

ПРИСТАВЪ.

Кто здѣсь грамотный?

ГРИГОРІЙ (выступаетъ впередъ).

Я грамотный.

ПРИСТАВЪ.

Вотъ на... А у кого же ты научился?

ГРИГОРІЙ.

У нашего пономаря.

ПРИСТАВЪ (даетъ ему указъ).

Читай же вслухъ.

ГРИГОРІЙ (читаетъ).

«Чудова монастыря недостойный чернецъ Григорій, изъ роду Отрепьевыхъ, впалъ въ ересь и дерзнулъ, наученный дьяволомъ,

возмущать святую братію всякими соблазнами и беззаконіями. А по справкамъ оказалось, отбѣжалъ онъ, окаянный Гришка, къ границѣ Литовской...»

ПРИСТАВЪ (Мисаилу).

Какъ же не ты?

ГРИГОРІЙ.

«И царь повелѣлъ изловить его...»

ПРИСТАВЪ.

И повѣсить!

ГРИГОРІЙ.

Тутъ не сказано: повѣсить.

ПРИСТАВЪ.

Врешь! не всяко слово въ строку пишется. Читай: изловить и повѣсить.

ГРИГОРІЙ.

И повѣсить. А лѣтъ ему, вору Гришкѣ, отъ роду... (смотря на Варлаама) за 50, а росту онъ средняго, лобъ имѣеть плѣшивый, бороду сѣдую, брюхо толстое.»

(Все глядятъ на Варлаама).

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ.

Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите его! Вотъ ужъ не думаль, не гадалъ!

ВАРЛААМЪ (вырывая бумагу).

Отстаньте, пострѣлы! что я за Гришка? Какъ! 50 лѣтъ, борода сѣдая, брюхо толстое! Нѣтъ, братъ, молодъ еще надо мною шутки шутить. Я давно не читываль и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ дѣло до петли доходить. (Читаетъ по складамъ). «А лѣтъ е-му отъ ро-ду 20.» — Что, братъ, гдѣ тутъ 50? видишь — 20?

ВТОРОЙ ПРИСТАВЪ.

Да, помнится, двадцать; такъ и намъ было сказано.

ПЕРВЫЙ ПРИСТАВЪ (Григорію).

Да ты, братъ, видно, забавникъ.

(Во время чтенія, Григорій стоитъ потупя голову, съ рукою за пазухой).

ВАРЛААМЪ (продолжаетъ).

«А ростомъ онъ малъ, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу другая.» Да это, другъ, ужъ не ты ли?

(Григорій вдругъ вынимаетъ кинжалъ; всѣ передъ нимъ разступаются; онъ бросается въ окно).

ПРИСТАВЫ.

Держи! держи!

(Всѣ бѣгутъ въ беспорядкѣ.)

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

Шуйскій, множество гостей; ужинъ.

ШУЙСКІЙ.

Вина еще! (Встаетъ, за нимъ и всѣ). Ну, гости дорогіе, Послѣдній ковшъ! Читай молитву, мальчикъ.

МАЛЬЧИКЪ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленію внемли:
Помолимся о нашемъ государѣ,
Объ избранномъ тобой, благочестивомъ,
Всѣхъ христіанъ царѣ самодержавномъ.
Храни его въ палатахъ, въ полѣ ратномъ,
И на путяхъ, и на одрѣ ночлега.
Подай ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря до моря,
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да освѣнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной; а къ намъ, своимъ рабамъ,
Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатень,
И милостивъ, и долготерпѣливъ,
Да мудрости его неистоцимой
Проистекуть источники на насъ;
И царскую на то воздвигнувъ чашу,
Мы молимся тебѣ, царю небесъ.

ШУЙСКІЙ (пѣть).

Да здравствуетъ великій государь!
Простите же вы, гости дорогие;
Благодарю, что вы моей хлѣбъ-солью
Не презрѣли. Простите, добрый сонъ.

(Гости уходятъ; онъ провожаетъ ихъ до дверей).

ПУШКИНЪ.

Насилу убрались; ну, князь Василій Ивановичъ, я ужъ думалъ, что намъ не удастся и переговорить.

ШУЙСКІЙ (слугамъ)

Вы, что ротъ разинули? Все бы вамъ господъ подслушивать. Сбирайте со стола, да ступайте вонъ.— Что такое, Аеанасій Михайловичъ?

ПУШКИНЪ.

Чудеса да и только!
Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

ШУЙСКІЙ.

Ну?

ПУШКИНЪ.

Странную племянникъ пишетъ новость.
Сынъ Грознаго... Постой. (Идетъ къ дверямъ и осматриваетъ).
Державный отрокъ,
По манію Бориса убіенный...

ШУЙСКІЙ.

Да это ужъ не ново.

ПУШКИНЪ.

Погоди:

Димитрій живъ.

ШУЙСКІЙ.

Вотъ-на! какая вѣсть!
Царевичъ живъ! Ну, подлинно чудесно!
И только-то?

ПУШКИНЪ.

Послушай до конца:

Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли царевичъ,
Иль нѣкій духъ во образѣ его,
Иль смѣлый плуть, безстыдный самозванецъ,
Но только тамъ Димитрій появился.

ШУЙСКІЙ.

Не можетъ быть!

ПУШКИНЪ.

Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
Какъ пріѣзжалъ впервой онъ во дворецъ
И сквозь ряды литовскихъ пановъ прямо
Шель въ тайную палату короля.

ШУЙСКІЙ.

Кто жъ онъ такой? Откуда онъ?

ПУШКИНЪ.

Не знаютъ;

Извѣстно то, что онъ слугою былъ
У Вишневецкаго; что на одрѣ болѣзни
Открылся онъ духовному отцу;
Что гордый панъ, сію провѣдавъ тайну,
Ходилъ за нимъ, поднималъ его съ одра,
И съ нимъ потомъ уѣхалъ къ Сигизмунду.

ШУЙСКІЙ.

Что жъ говорятъ объ этомъ удалыцѣ?

ПУШКИНЪ.

Да слышно, онъ уменъ, привѣтливъ, ловокъ,
По нраву всѣмъ. Московскихъ бѣглецовъ
Обворожилъ. Латинскіе попы
Съ нимъ заодно. Король его ласкаетъ —
И, говорятъ, помощи обѣщаль.

ШУЙСКІЙ.

Все это, братъ, такая кутерьма,
Что голова кругомъ пойдетъ невольно.
Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
Но признаюсь, опасность не мала.

Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!

ПУШКИНЪ.

Такой грозѣ, что врядъ царю Борису
Сдержатъ вѣнецъ на умной головѣ.
И подѣломъ ему! онъ править нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть).
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Иисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребаеть углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей?
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ въ глуши голодна смерть иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?
Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньѣ.
Дай срокъ: тебѣ такая жъ будетъ участь.
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
Осаждены невѣрными рабами:
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочемъ наказать.
Вотъ — Юрьевъ день задумалъ уничтожить:
Не властны мы въ помѣстїяхъ своихъ,
Не смѣй согнать лѣнивца! радъ не радъ,
Корми его! не смѣй переманить
Работника! не то — въ приказъ холопій.
Ну, слыхано ль хоть при царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Такъ и пойдетъ потѣха.

ШУЙСКІЙ.

Правъ ты, Пушкинъ.

Но знаешь ли? Объ этомъ обо всемъ
Мы помолчимъ до времени.

ПУШКИНЪ.

Вѣстимо,

Знай про себя. Ты человѣкъ разумный;
 Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ,
 И если что меня подь часъ тревожить,
 Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ;
 Къ тому жъ твой медъ, да бархатное пиво
 Сегодня такъ языкъ мой развязали...
 Прощай же, князь.

ШУЙСКІЙ.

Прощай, братъ, до свиданья.

(Провожаетъ Пушкина).

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Царевичъ чертитъ географическую карту. Царевна, мамка
 царевны.

КСЕНІЯ (цѣлуетъ портретъ)*).

Милый мой женихъ, прекрасный королевичъ, не мнѣ ты до-
 стался, не своей невѣстѣ, а темной могилкѣ, на чужой сторонкѣ;
 никогда не утѣшусь, вѣчно по тебѣ буду плакать.

МАМЕА.

И, царевна! Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ: взойдетъ
 солнце, росу высушитъ. Будетъ у тебя другой женихъ, и пре-
 красный, и привѣтливый. Полюбишь его, дитя наше ненагляд-
 ное, забудешь Ивана королевича.

*) Въ рукописи эта сцена начинается такъ:

КСЕНІЯ (держитъ портретъ).

Что жъ уста твои
 Не промолвили,
 Очи ясныя
 Не проглянули?
 Ахъ уста твои
 Затворилися,
 Очи ясныя
 Закатилися?

Братецъ, а братецъ! скажи: королевичъ похожъ былъ на мой образокъ?

ЕЕОДОРЪ.

Я говорю тебѣ, что похожъ.

КСЕНІЯ:

Нѣтъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.

(Входитъ Борисъ).

ЦАРЬ.

Что, Ксенія? Что, милая моя?
 Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица!
 Все плачешь ты о мертвомъ женихѣ.
 Дитя мое! судьба мнѣ не судила
 Виновникомъ быть вашего блаженства.
 Я, можетъ быть, прогнѣвалъ небеса,
 Я счастье твое не могъ устроить;
 Безвинная! зачѣмъ же ты страдаешь?
 А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

ѢЕОДОРЪ.

Чертежъ земли Московской; наше царство
 Изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва,
 Тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море,
 Вотъ пермскіе дремучіе лѣса,
 А вотъ Сибирь.

ЦАРЬ.

А это что такое
 Узоромъ здѣсь вѣтается?

ѢЕОДОРЪ.

Это Волга.

ЦАРЬ.

Какъ хорошо! вотъ сладкій плодъ ученья!
 Какъ съ облаковъ, ты можешь обозрѣть
 Все царство вдругъ: границы, грады, рѣки.
 Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
 Намъ опыты быстротекущей жизни.
 Когда нибудь, и скоро, можетъ быть,
 Всѣ области, которыя ты нынѣ
 Изобразилъ такъ хитро на бумагѣ,
 Всѣ подъ руку достанутся твою.
 Учись, мой сынъ: и легче и яснѣе
 Державный трудъ ты будешь постигать.

(Входитъ Семень Годуновъ).

Вотъ Годуновъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
 (Ксенія). Душа моя, поди въ свою свѣтлицу;
 Прости, мой другъ; утѣшь тебя Господь.
 (Ксенія съ мамкою уходятъ).

Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Нынѣче

Ко мнѣ, чѣмъ свѣтъ, дворецкій князь Василья
 И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

ЦАРЬ.

Ну?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
 Что поутру вчера къ нимъ въ домъ пріѣхалъ
 Изъ Кракова гонецъ — и черезъ часъ
 Безъ грамоты отосланъ былъ обратно.

ЦАРЬ.

Гонца схватить.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Ужъ послано въ догоню.

ЦАРЬ.

О Шуйскомъ что?

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Вечоръ онъ угощалъ
 Своихъ друзей: обоихъ Милославскихъ,
 Бутурлиныхъ, Михайла Салтыкова,
 Да Пушкина, да нѣскольکو другихъ;
 А разошлись ужъ поздно. Только Пушкинъ
 Наединѣ съ хозяиномъ остался
 И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

ЦАРЬ.

Сейчасъ послать за Шуйскимъ.

СЕМЕНЪ ГОДУНОВЪ.

Государь!

Онъ здѣсь уже.

ЦАРЬ.

Позвать его сюда.

(Годуновъ уходитъ).

ЦАРЬ.

Сношенія съ Литвою! это что?..

Противенъ мнѣ родъ Пушкиныхъ мятежный,

А Шуйскому не должно довѣрять:

Уклончивый, но смѣлый и лукавый...

(Входитъ Шуйскій).

Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить.

Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:

И выслушать хочу тебя сперва.

ШУЙСКІЙ.

Такъ, государь: мой долгъ тебѣ повѣдать

Вѣсть важную.

ЦАРЬ.

Я слушаю тебя.

ШУЙСКІЙ (тихо, указывая на Феодора).

Но, государь...

ЦАРЬ.

Царевичъ можетъ знать,

Что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

ШУЙСКІЙ.

Царь, изъ Литвы пришла къ намъ вѣсть...

ЦАРЬ.

Не та ли,

Что Пушкину привезъ вечеръ гонецъ?

ШУЙСКІЙ.

Все знаетъ онъ!.. Я думалъ, государь,

Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

ЦАРЬ.

Нѣтъ нужды, князь: хочу сообразить

Извѣстія; иначе не узнаемъ

Мы истины.

ШУЙСКІЙ.

Я знаю только то,
Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что король и паны за него.

ЦАРЬ.

Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

ШУЙСКІЙ.

Не вѣдаю.

ЦАРЬ.

Но... чѣмъ опасенъ онъ?

ШУЙСКІЙ.

Конечно, царь, сильна твоя держава,
Ты милостью, радѣньемъ и щедротой
Усыновишь сердца своихъ рабовъ:
Но знаешь самъ: бессмысленная чернь
Измѣнчива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей нравится безстыдная отвага;
Такъ если сей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ, —
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Димитрія воскреснувшее имя.

ЦАРЬ.

Димитрія!.. Какъ? Этого младенца?
Димитрія!.. Царевичъ, удались.

ШУЙСКІЙ.

Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!..

ФЕОДОРЪ.

Государь,

Дозволишь ли...

ЦАРЬ.

Нельзя, мой сынъ, поди.

(Феодоръ уходитъ).

Димитрія!..

ШУЙСКІЙ.

Онъ ничего не зналъ.

ЦАРЬ.

Послушай, князь: взять мѣры сей же часъ;
 Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась
 Заставами; чтобъ ни одна душа
 Не перешла за эту грань; чтобъ заяцъ
 Не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ
 Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

ШУЙСКІЙ.

Иду.

ЦАРЬ.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть
 Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
 Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
 Допрашивать царей, царей законныхъ,
 Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
 Увѣнчанныхъ великимъ патріархомъ?
 Смѣшно? а? что? Что жъ не смѣешься ты?

ШУЙСКІЙ.

Я, государь?..

ЦАРЬ.

Послушай, князь Василій:
 Какъ я узналъ, что отрока сего...
 Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни,
 Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь
 Тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
 По совѣсти мнѣ правду объяви:
 Узналъ ли ты убитаго младенца
 И не было ль подмѣна? Отвѣчай.

ШУЙСКІЙ.

Клянусь тебѣ...

ЦАРЬ.

Нѣтъ, Шуйскій не клянись,
 Но отвѣчай: то былъ царевичъ?

ШУЙСКІЙ.

Онъ.

ЦАРЬ.

Подумай, князь. Я милость обѣщаю,
 Прошедшей лжи опалою напрасной
 Не накажу. Но если ты теперь
 Со мной хитришь, то головою сына
 Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь,
 Такая казнь, что царь Иванъ Васильичъ
 Отъ ужаса во гробъ содрогнется.

ШУЙСКІЙ.

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;
 Передъ тобой дерзну ли я лукавить?
 И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,
 Что не узналъ Дмитрія? Три дня
 Я трупъ его въ соборѣ посѣщаль,
 Всѣмъ Угличемъ туда сопровождаемый.
 Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,
 Растерзанныхъ народомъ, и по нимъ
 Ужъ тлѣніе примѣтно проступало,
 Но дѣтскій ликъ царевича былъ ясенъ
 И свѣжъ, и тихъ, какъ будто усыпленный;
 Глубокая не запекалась язва,
 Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.
 Нѣтъ, государь, сомнѣнья нѣтъ: Дмитрій
 Во гробъ спитъ.

ЦАРЬ.

Довольно, удались.

(Шуйскій уходитъ).

Ухъ, тяжело!.. дай духъ переведу!
 Я чувствовалъ: вся кровь моя въ лицо
 Мнѣ кинулась и тяжело опускалась...
 Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать лѣтъ мнѣ сряду
 Все снилося убитое дитя!
 Да, да — вотъ что! теперь я понимаю.
 Но кто же онъ, мой грозный супостатъ?
 Кто на меня? Пустое имя, тѣнь —
 Ужели тѣнь сорветъ съ меня порфиру,
 Иль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслѣдства?

Безумецъ я! чего жъ я испугался?
 На призракъ сей подуи — и нѣтъ его.
 Такъ, рѣшено: не окажу я страха —
 Но презирать не должно ничего...
 Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИШНЕВЕЦКАГО.

Самозванецъ и pater Черниковскій.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненья.
 Я знаю духъ народа моего:
 Въ немъ набожность не знаетъ изступленья,
 Ему священъ примѣръ царя его.
 Всегда, къ тому жъ, терпимость равнодушна.
 Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
 Весь мой народъ и вся восточна церковь
 Признаютъ власть намѣстника Петра.

РАТЕВ.

Вспомоществуй тебѣ святой Игнатій,
 Когда придутъ иныя времена.
 А между тѣмъ небесной благодати
 Таи въ душѣ, царевичъ, сѣмена;
 Притворствовать предъ оглашеннымъ свѣтомъ
 Намъ иногда духовный долгъ велить:
 Твои слова, дѣянья — судятъ люди;
 Намѣренья единый видитъ Богъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Амен. Кто тамъ!

(Входитъ слуга).

Сказать: мы принимаемъ.

(Отворяются двери, входитъ толпа русскихъ и поляковъ).

Товарищи! мы выступаемъ завтра
 Изъ Кракова. Я, Мнишекъ, у тебя
 Остановлюсь въ Самборѣ на три дня.
 Я знаю: твой гостепріимный замокъ
 И пышностью блистаетъ благородной,

И славится хозяйкой молодой.
 Прелестную Марину я надѣюсь
 Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
 Литва и Русь, вы, братскія знамена
 Поднявшіе на общаго врага,
 На моего коварнаго злодѣя,
 Сыны славянъ, я скоро поведу
 Въ желанный бой дружины ваши грозны;
 Но между васъ я вижу новы лица.

ГАВРИЛА ПУШКИНЪ.

Они пришли у милости твоей
 Просить меча и службы.

САМОВАНЕЦЪ.

Радъ вамъ, дѣти.
 Ко мнѣ, друзья. Но кто, скажи мнѣ, Пушкинъ,
 Красавецъ сей?

ПУШКИНЪ.

Князь Курбскій.

САМОВАНЕЦЪ (Курбскому).

Имя громко!
 Ты родственникъ казанскому герою?

КУРБСКІЙ.

Я сынъ его.

САМОВАНЕЦЪ.

Онъ живъ еще?

КУРБСКІЙ.

Нѣтъ, умеръ.

САМОВАНЕЦЪ.

Великій умъ! мужъ битвы и совѣта!
 Но съ той поры, когда являлся онъ,
 Своихъ обидъ ожесточенный мститель,
 Съ литовцами подъ ветхой городъ Ольгинъ,
 Молва объ немъ умогла.

КУРВСКІЙ.

Мой отецъ
 Въ Волыніи провелъ остатокъ жизни,
 Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
 Баторіемъ. Уединенъ и тихъ,
 Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады;
 Но мирный трудъ его не утѣшалъ:
 Онъ юности своей отчизну помнилъ
 И до конца по ней онъ тосковалъ.

САМОВВАНЕЦЪ.

Несчастный вождь! какъ ярко просіялъ
 Восходъ его шумящей, бурной жизни!
 Я радуюсь, великородный витязь,
 Что кровь его съ отечествомъ мирится;
 Вины отцовъ не должно вспоминать;
 Миръ гробу ихъ! Приблизься, Курбскій... руку!
 Не странно ли? сынъ Курбскаго ведетъ
 На тронъ, кого? да — сына Іоанна!..
 Все за меня: и люди, и судьба.
 Ты кто такой?

ПОЛЯКЪ.

Собаньскій, шляхтичъ вольный.

САМОВВАНЕЦЪ.

Хвала и честь тебѣ, свободы чадо!
 Впередъ ему треть жалованья выдать.
 Но эти кто? Я узнаю на нихъ
 Земли родной одежду. Это наши.

ХРУЦОВЪ (бьетъ челомъ).

Такъ, государь, отецъ нашъ. Мы твои
 Усердные, гонимые холопья.
 Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
 Къ тебѣ, нашъ царь—и за тебя готовы
 Главами лечь, да будутъ наши трупы
 На царскій тронъ ступенями тебѣ.

САМОВВАНЕЦЪ.

Мужайтесь, безвинные страдальцы!
 Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,

А тамъ уже Борисъ со мной и съ вами
Расплатится. Что жъ новаго въ Москвѣ?

ХРУЦОВЪ.

Все тихо тамъ еще. Но ужъ народъ
Спасеніе царевича провѣдалъ,
Ужъ грамоту твою вездѣ читають.
Всѣ ждуть тебя. Недавно двухъ бояръ
Борисъ казнилъ за то, что за столомъ
Они твое здоровье тайно пили.

САМОЗВАНЕЦЪ.

О добрые, несчастные бояре!
Но кровь за кровь! и горе Годунову!
Что говорить о немъ?

ХРУЦОВЪ.

Онъ удалился
Въ печальныя свои палаты. Грозенъ
И мраченъ онъ. Ждутъ казней. Но недугъ
Его грызеть. Борисъ едва влачится
И, думаютъ, его послѣдній часъ
Ужъ недалекъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Какъ врагъ великодушный,
Борису я желаю смерти скорой:
Не то — бѣда злодѣю! А кого
Наслѣдникомъ наречъ намѣренъ онъ?

ХРУЦОВЪ.

Онъ замысловъ своихъ не объявляетъ,
Но, кажется, что молодого сына,
Феодора, онъ прочитъ намъ въ цари.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Въ разчетахъ онъ, быть можетъ, ошибется.
Ты кто?

КАРЕЛА.

Казакъ; къ тебѣ я съ Дона посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ храбрыхъ атамановъ,
Отъ казаковъ верховыхъ и низовыхъ,

Узрѣть твои царевы ясны очи
И кланяться тебѣ ихъ головами.

САМОВАНЕЦЪ.

Я зналъ донцовъ: не сомнѣвался видѣть
Въ своихъ рядахъ казачьи бунчуки.
Благодаримъ донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ казаки
Неправедно притѣснены, гонимы;
Но если Богъ поможетъ намъ вступить
На тронъ отцовъ, то мы по старинѣ
Пожалуемъ нашъ вѣрный, вольный Донъ.

ПОЭТЪ (приближается, кланяясь низко и
хватаетъ Гришку за полу).

Великій принцъ, свѣтлѣйшій королевичъ!

САМОВАНЕЦЪ.

Что хочешь ты?

ПОЭТЪ (подаетъ ему бумагу).

Примите благосклонно
Сей бѣдный плодъ усерднаго труда.

САМОВАНЕЦЪ.

Что вижу я? Латинскіе стихи!
Стократъ священъ союзъ меча и лиры;
Единый лавръ ихъ дружно обвиваетъ.
Родился я подъ небомъ полунощнымъ,
Но мнѣ знакомъ латинской музы голосъ,
И я люблю парнасскіе цвѣты *).

*) Въ рукописи было добавлено:

(читаетъ про-себя).

Кто сей?
ХРУЦОВЪ (тихо Пушкину).
ПУШКИНЪ.
Пить.
ХРУЦОВЪ.
Какое жъ это званье?
ПУШКИНЪ.
Какъ бы сказать по-русски? Виршенписецъ,
Иль скоморохъ.
САМОВАНЕЦЪ.
Прекрасные стихи!

Я вѣрую въ пророчества пѣтговъ.
 Нѣтъ, не вотще въ ихъ пламенной груди
 Кишитъ восторгъ: благословится подвигъ,
 Его жъ они прославили заранѣ!
 Приблизься, другъ. Въ мое воспоминанье
 Прими сей даръ. (Даетъ ему перстень).

Когда со мной свершится
 Судьбы завѣтъ, когда корону предковъ
 Надѣну я, надѣюсь вновь услышать
 Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный гимнъ.
 Musa gloriæ coronat, gloriæque musam.
 Итакъ, друзья, до завтра, до свиданья.

ВСѢ.

Въ походъ, въ походъ! Да здравствуетъ Димитрій!
 Да здравствуетъ великій князь московскій!

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МНИШКА ВЪ САМБОРѢ. УБОРНАЯ МАРИНЫ.

Марина, Рузя убираетъ ее; служанки.

МАРИНА (передъ зеркаломъ).

Ну, что жъ? готово ли? нельзя ли поспѣшить?

РУЗЯ.

Позвольте — напередъ рѣшите выборъ трудный:
 Что вы надѣнете, жемчужную ли нить,
 Иль полумѣсяцъ изумрудный?

МАРИНА.

Алмазный мой вѣнецъ.

РУЗЯ.

Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,
 Когда изволили вы ѣздить во дворецъ?
 На балѣ, говорятъ, какъ солнце вы блистали:
 Мужчины ахали, красавицы шептали...

Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ первый разъ
Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣлился.

А точно, говорятъ, на васъ
Кто ни взглянулъ, тотъ и влюбился.

МАРИНА.

Нельзя ли поскорѣй?

РУЗЯ.

Сейчасъ.

Сегодня вашъ отецъ надѣется на васъ.

Царевичъ видѣлъ насъ не даромъ:
Не могъ онъ ұтаить восторга своего;

Ужъ раненъ онъ; такъ надобно его

Сразить рѣшительнымъ ударомъ.

А точно, панна, онъ влюбленъ:

Вотъ мѣсяцъ, какъ оставя Краковъ,

Забывъ войну, московскій тронъ,

Въ гостяхъ у васъ пируетъ онъ

И бѣситъ русскихъ и поляковъ.

Ахъ, Боже мой, дождусь ли дня?..

Не правда ли, когда въ свою столицу

Димитрій повезетъ московскую царицу,

Вы не оставите меня?

МАРИНА.

Ты развѣ думаешь, царицей буду я?

РУЗЯ.

А кто жъ, когда не вы? Кто смѣетъ красотою

Равняться здѣсь съ моею госпожою?

Родъ Мнишковъ ни чьему еще не уступалъ;

Умомъ — превыше вы похвалъ...

Счастливы, кого вашъ взоръ вниманья удостоить,

Кто сердца вашего любовь себѣ присвоить —

Кто бъ ни былъ онъ, хотъ нашъ король

Или французскій королевичъ,

Не только нищій вашъ царевичъ,

Богъ вѣсть какой, Богъ вѣсть отколь!

МАРИНА.

Онъ точно царскій сынъ и признанъ цѣлымъ свѣтомъ.

РУЗЯ.

А все жъ онъ былъ прошедшею зимой
У Вишневецкаго слугой.

МАРИНА.

Скрывался онъ.

РУЗЯ.

Не спору я объ этомъ.
А только знаете ли вы,
Что говорить о немъ въ народѣ?
Что будто онъ дьячекъ, бѣжавшій изъ Москвы,
Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

МАРИНА.

Какія глупости!

РУЗЯ.

О, я не вѣрю имъ!
Я только говорю, что долженъ онъ конечно
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другимъ.

СЛУЖАНКА (вбѣгаетъ).

Ужъ гости съѣхались.

МАРИНА.

Вотъ видишь: ты до свѣта
Готова пустяки болтать,
А между тѣмъ я не одѣта...

РУЗЯ.

Сейчасъ, готово все. (Служанки суетятся).

МАРИНА (про себя).

Мнѣ должно все узнать...

РЯДЪ ОСВѢЩЕННЫХЪ КОМНАТЪ. МУЗЫКА.

Вишневецкій, Мнишекъ.

МНИШЕКЪ.

Онъ говоритъ съ одной моей Мариной,
 Мариною одною занять онъ...
 А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже,
 Ну, думаль ты — признайся, Вишневецкій —
 Что дочь моя царицей будетъ? а?

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Да, чудеса... И думаль ли ты, Мнишекъ,
 Что мой слуга взойдетъ на тронъ московскій?

МНИШЕКЪ.

А какова, скажи, моя Марина?
 Я только ей промолвилъ: ну, смотри!
 Не упускай Дмитрія!.. и вотъ
 Все кончено, ужъ онъ въ ея сѣтяхъ.

(Музыка играетъ польскій. Самозванецъ идетъ съ Мариною въ
 первой парѣ).

МАРИНА (тихо Дмитрію).

Да, ввечеру, въ одиннадцать часовъ,
 Въ аллеѣ липъ, я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другая пара).

КАВАЛЕРЪ.

Что въ ней нашель Дмитрій?

ДАМА.

Какъ! она

Красавица.

КАВАЛЕРЪ.

Да, мраморная нимфа:
 Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки...

(Новая пара).

ДАМА.

Онъ не красивъ, но видъ его пріятень;
 И царская порода въ немъ видна.

(Новая пара).

ДАМА.

Когда жъ похоть?

КАВАЛЕРЪ.

Когда велить царевичъ.

Готовы мы; но, видно, панна Мнишекъ
Съ Димитріемъ задержать насъ въ плѣну.

ДАМА.

Пріятный плѣнъ.

КАВАЛЕРЪ.

Конечно, если вы...

(Расходятся; комнаты пустѣютъ).

МНИШЕКЪ.

Мы, старики, ужъ нынче не танцуемъ,
Музыки громъ не призываетъ насъ,
Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не цѣлуемъ...
Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ!
Теперь не то, не то, что прежде было!
И молодежь, ей-ей, не такъ смѣла;
И красота не такъ ужъ весела;
Признайся, другъ: все какъ-то приуныло.
Оставимъ ихъ; пойдѣмъ, товарищъ мой,
Венгерскаго, обросшую травой,
Велимъ отрыть бутылку вѣковую,
Да въ уголку потянемъ-ка вдвоемъ
Душистый токъ, струю какъ жиръ густую,
А между тѣмъ посудимъ кой о чемъ.
Пойдемъ же, братъ.

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

И дѣло, другъ, пойдѣмъ.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

САМОВЗВАНЕЦЪ (входитъ).

Вотъ и фонтанъ; она сюда придетъ.
Я, кажется, рожденъ не боязливымъ;
Передъ собой вблизи видалъ я смерть;
Предъ смертію душа не содрогалась;

Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
 За мной гнались — я духомъ не смутился
 И дерзости неволи избѣжалъ.
 Но что жъ теперь тѣснить мое дыханье?
 Что значить сей неодолимый трепеть?
 Иль это дрожь желаній напряженныхъ?
 Нѣтъ, это страхъ. День пѣлый ожидалъ
 Я тайнаго свиданія съ Мариной,
 Обдумывалъ все то, что ей скажу,
 Какъ оболещу ея надменный умъ,
 Какъ назову московскою царицей;
 Но часъ насталъ — и ничего не помню;
 Не нахожу затверженныхъ рѣчей;
 Любовь мутитъ мое воображенье...
 Но что-то вдругъ мелькнуло... шорохъ... тише...
 Нѣтъ, это свѣтъ обманчивой луны,
 И прошумѣлъ здѣсь вѣтерокъ.

МАРИНА (входитъ).

Царевичъ!

САМОВАНЕЦЪ.

Она!.. вся кровь во мнѣ остановилась:

МАРИНА.

Димитрій! вы?

САМОВАНЕЦЪ.

Волшебный, сладкій голосъ!
 (Идетъ къ ней). Ты ль наконецъ? Тебя ли вижу я,
 Одну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
 Какъ медленно катился скучный день!
 Какъ медленно заря вечерня гасла!
 Какъ долго ждалъ во мракѣ я ночномъ!

МАРИНА.

Часы бѣгутъ, и дорого мнѣ время —
 Я здѣсь тебѣ назначила свиданье
 Не для того, чтобъ слушать нѣжны рѣчи
 Любовника. Слова не нужны. Вѣрю,
 Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
 Съ твоей судьбой, и бурной, и невѣрной,

Соединить судьбу мою; то вправѣ
 Я требовать, Дмитрій, одного:
 Я требую, чтобъ ты души своей
 Мнѣ тайныя открылъ теперь надежды,
 Намѣренья и даже опасенья;
 Чтобъ объ руку съ тобой могла я смѣло
 Пуститься въ жизнь — не съ дѣтской слѣпотой,
 Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
 Наложница безмолвная твоя;
 Но какъ тебя достойная супруга,
 Помощница московскаго царя.

САМОВАНЕЦЪ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
 Моей судьбы заботы и тревоги!
 Забудь сама, что видишь предъ собой
 Царевича. Марина! зри во мнѣ
 Любовника, избраннаго тобою,
 Счастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
 О, выслушай моленія любви!
 Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

МАРИНА.

Не время, князь: ты медлишь, и межъ тѣмъ
 Приверженность твоихъ клеветовъ стынетъ;
 Часъ отъ часу опасность и труды
 Становятся опаснѣй и труднѣе;
 Ужъ носятся сомнительные слухи,
 Ужъ новизна смѣняетъ новизну;
 А Годуновъ свои приѣмлетъ мѣры...

САМОВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ? Во власти ли Бориса
 Твоя любовь, одно мое блаженство?
 Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
 На тронъ его, на царственную власть.
 Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
 И славы блескъ, и русская держава?
 Въ глухой степи, въ землянкѣ бѣдной — ты,
 Ты замѣнишь мнѣ царскую корону;
 Твоя любовь...

МАРИНА.

Стыдись, не забывай
 Высокаго, святого назначенья:
 Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
 Всѣхъ радостей, всѣхъ оболщений жизни.
 Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
 Не юношѣ, кипящему безумно,
 Плѣнненному моею красотой —
 Знай, отдаю торжественно я руку
 Наслѣднику московскаго престола,
 Царевичу, спасенному судьбой.

САМОВЗВАНЕЦЪ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
 Не говори, что санъ, а не меня
 Избрала ты. Марина! ты не знаешь,
 Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвишь.
 Какъ! ежели... о страшное сомнѣнье!
 Скажи: когда бъ не царское рожденье
 Назначила слѣпая мнѣ судьба,
 Когда бъ я былъ не Іоанновъ сынъ,
 Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
 Тогда бъ... тогда бъ любила ль ты меня?

МАРИНА.

Димитрій ты, и быть инымъ не можешь;
 Другого мнѣ любить нельзя.

САМОВЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ! полно —
 Я не хочу дѣлиться съ мертвецомъ
 Любовницей, ему принадлежащей —
 Нѣтъ, полно мнѣ притворствоваться! скажу
 Всю истину; такъ знай же: твой Димитрій
 Давно погибъ, зарытъ — и не воскреснетъ;
 А хочешь ли ты знать, кто я таковъ?
 Изволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;
 Монашеской неволею скучая,
 Подъ кlobукомъ свой замыселъ отважный
 Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
 И наконецъ изъ келии бѣжалъ

Къ украинцамъ, въ ихъ буйные курени;
 Владѣть конемъ и саблей научился;
 Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался
 И поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
 Что скажешь ты, надменная Марина?
 Довольна ль ты признаніемъ моимъ?
 Что жъ ты молчишь?

МАРИНА.

О стыдъ! о горе мнѣ!

(Молчаніе).

САМОВЗВАНЕЦЪ (тихо).

Куда завлекъ меня порывъ досады!
 Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
 Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
 Что сдѣлалъ я, безумецъ? (Вслухъ). Вижу, вижу:
 Стыдишься ты не княжеской любви;
 Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово;
 Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба;
 Рѣши: я жду. (Бросается на колѣна).

МАРИНА.

Встань, бѣдный самозванецъ!

Не мнишь ли ты колѣнопреклоненіемъ,
 Какъ дѣвочки довѣрчивой и слабой,
 Тщеславное мнѣ сердце умилишь?
 Ошибся, другъ: у ногъ своихъ видала
 Я рыцарей и графовъ благородныхъ;
 Но ихъ мольбы я хладно отвергала
 Не для того, чтобъ бѣлаго монаха...

САМОВЗВАНЕЦЪ (встаетъ).

Не презирай младого самозванца;
 Въ немъ доблести таятся, можетъ быть,
 Достойныя московскаго престола,
 Достойныя руки твоей безцѣнной...

МАРИНА.

Достойныя поворной петли, дерзкій!

САМОВЗВАНЕЦЪ.

Виновенъ я; гордыней обуянный,
 Обманывалъ я Бога и царей —

Я міру лгаль; но не тебѣ, Марина,
 Меня казнить: я правъ передъ тобою.
 Нѣтъ, я не могъ обманывать тебя.
 Ты мнѣ была единственной святыней,
 Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ:
 Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
 Одна любовь принудила меня
 Все высказать.

МАРИНА.

Чѣмъ хвалится, безумецъ!
 Кто требовалъ признанья твоего?
 Ужъ если ты, бродяга безымянный,
 Могъ ослѣпить чудесно два народа;
 Такъ долженъ ужъ, по крайней мѣрѣ, ты
 Достойнъ быть успѣха своего
 И свой обманъ отважный обезпечить
 Упорною, глубокою, вѣчной тайной.
 Могу ль, скажи, предаться я тебѣ,
 Могу ль, забывъ свой родъ и стыдъ дѣвичій,
 Соединить судьбу мою съ твоею,
 Когда ты самъ съ такою простотою,
 Такъ вѣтрено поворъ свой обличаешь?
 Онъ изъ любви со мною проболтался!
 Дивлюся: какъ передъ моимъ отцомъ
 Изъ дружбы ты доселѣ не открылся,
 Отъ радости предъ нашимъ королемъ,
 Или еще предъ паномъ Вишневецкимъ —
 Изъ вѣрнаго усердія слуги.

САМОВАНЕЦЪ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
 Ты вымучить одна могла признанье;
 Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
 Ни въ пиршествѣ, за чашею безумства,
 Ни въ дружескомъ, завѣтномъ разговорѣ,
 Ни подъ ножомъ, ни въ мукахъ истязаній,
 Сихъ тяжкихъ тайнъ не выдастъ мой языкъ.

МАРИНА.

Клянешься ты! итакъ, должна я вѣрить.
 О, вѣрю я! но чѣмъ, нельзя ль узнать,

Клянешься ты? Не именемъ ли Бога,
 Какъ набожный приемышь езуитовъ?
 Иль честію, какъ витязь благородный,
 Иль, можетъ быть, единымъ царскимъ словомъ,
 Какъ царскій сынъ? Не такъ ли? Говори.

САМОЗВАНЕЦЪ (гордо).

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
 Димитріемъ изъ гроба нарекла,
 Вокругъ меня народы возмутила
 И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.
 Царевичъ я. Довольно. Стыдно мнѣ
 Предъ гордою полячкой унижаться.
 Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
 Судьбы моей обширныя заботы
 Тоску любви, надѣюсь, заглушатъ.
 О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
 Когда пройдетъ постыдной страсти жаръ!
 Теперь иду — погибель иль вѣнецъ
 Мою главу въ Россіи ожидаетъ;
 Найду ли смерть, какъ воинъ, въ битвѣ честной,
 Иль какъ злодѣй, на плахѣ площадной,
 Не будешь ты подругою моею,
 Моей судьбы не раздѣлишь со мною;
 Но, можетъ быть, ты будешь сожалѣть
 Объ участи, отвергнутой тобою.

МАРИНА.

А если я твой дерзостный обманъ
 Заранѣ предъ всѣми обнаружу?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
 Что болѣе повѣрять польской дѣвѣ,
 Чѣмъ русскому царевичу? Но знай,
 Что ни король, ни папа, ни вельможи
 Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
 Димитрій я, иль нѣтъ — что имъ за дѣло?
 Но я предлогъ раздоровъ и войны.
 Имъ это лишь и нужно: и тебя,
 Мятежница, повѣрь, молчать заставятъ.
 Прощай.

МАРИНА.

Постой, царевичъ. Наконецъ
 Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
 Съ тобою, князь, она меня мирить.
 Безумный твой порывъ я забываю
 И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
 Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
 Веди полки скорѣе на Москву;
 Очисти Кремль, садись на тронъ московскій —
 Тогда за мной шли брачнаго посла;
 Но, слышитъ Богъ, пока твоя нога
 Не оперлась на тронныя ступени,
 Пока тобой не сверженъ Годуновъ.
 Любви рѣчей не буду слушать я.

(Уходитъ).

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ — легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
 Или хитрить съ придворнымъ езуитомъ,
 Чѣмъ съ женщиной. Чортъ съ ними; мочи нѣтъ:
 И путаетъ, и вьется, и ползетъ,
 Скользитъ изъ рукъ, шипитъ, грозитъ и жалитъ.
 Змѣя! змѣя!.. Не даромъ я дрожалъ.
 Она меня чуть-чуть не погубила.
 Но рѣшено: завтра двину рать.

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

(1604 года, 16-е октября).

Князь Курбскій и Самозванецъ, оба верхами. Полки приближаются къ границѣ.

КУРВСКІЙ (прискакавъ первый).

Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница!
 Святая Русь! отечество! я твой!
 Чужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхаю
 Съ моихъ одеждъ; пью жадно воздухъ новый:
 Онъ мнѣ родной! Теперь твоя душа,
 О мой отецъ, утѣшилась, и въ гробѣ
 Опальные возрадуются кости!

Блеснулъ опять наслѣдственный нашъ мечъ,
 Сей славный мечъ — гроза Казани темной,
 Сей добрый мечъ — слуга царей московскихъ!
 Въ своемъ пиру теперь онъ загуляетъ
 За своего надежу-государя!..

САМОВАНЕЦЪ (ѣдетъ тихо съ поникшей головой).

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
 Въ немъ радостью и славой разыгралась!
 О витязь мой, завидую тебѣ!
 Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньѣ,
 Забывъ отцомъ снесенныя обиды,
 Его вину за гробомъ искупивъ,
 Ты кровь излить за сына Іоанна
 Готовишься, законнаго царя
 Ты возвратить отечеству... Ты правъ,
 Душа твоя должна пылать весельемъ.

КУРВСКІЙ.

Ужель и ты не веселишься духомъ?
 Вотъ наша Русь: она твоя, царевичъ!
 Тамъ ждуть тебя сердца твоихъ людей,
 Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

САМОВАНЕЦЪ.

Кровь русская, о Курбскій, потечеть!
 Вы за царя подъяли мечъ, вы чисты;
 Я жъ васъ веду на братьевъ; я Литву
 Позвалъ на Русь; я въ красную Москву
 Кажу врагамъ завѣтную дорогу!
 Но пусть мой грѣхъ падеть не на меня,
 А на тебя, Борисъ-цареубійца!
 Впередъ!

КУРВСКІЙ.

Впередъ! и горе Годунову!

(Скачутъ. Полки переходятъ границу).

ЦАРСКАЯ ДУМА.

Царь, патриархъ и бояре.

ЦАРЬ.

Возможно ли? Разстрига, бѣглый инокъ
 На насъ ведетъ злодѣйскія дружины,
 Дерзаетъ намъ писать угрозы! Полно,
 Пора смирить безумца! Поѣзжайте,
 Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ; помощь
 Нужна моимъ усерднымъ воеводамъ.
 Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ:
 Спасайте градъ и гражданъ.

БАСМАНОВЪ.

Государь,
 Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
 И замолчитъ и слухъ о самозванцѣ;
 Его въ Москву мы привеземъ, какъ звѣря
 Заморскаго, въ желѣзной клѣткѣ. Богомъ
 Тебѣ клянусь.

(Уходитъ съ Трубецкимъ).

ЦАРЬ.

Мнѣ свейскій государь
 Черезъ пословъ союзъ свой предложилъ;
 Но не нужна намъ чуждая помощь:
 Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
 Чтобъ отразить измѣнниковъ и ляха.
 Я отказалъ.

Щелкановъ! разослать
 Во всѣ концы указы къ воеводамъ,
 Чтобъ на коня сажались и людей
 По старинѣ на службу высылали;
 Въ монастыряхъ подобно отобрать
 Служителей причетныхъ. Въ прежни годы,
 Когда бѣдой отечеству грозило,
 Отшельники на битву сами шли;
 Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ;
 Пусть молятся за насъ они: таковъ
 Указъ царя и приговоръ боярскій.
 Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:

Вы знаете, что наглый самозванецъ
 Коварные промчалъ повсюду слухи;
 Повсюду имъ разосланныя письма
 Посѣяли тревогу и сомнѣнье;
 На площадяхъ мятежный бродить шопоть,
 Умы кипятъ... ихъ нужно остудить;
 Предупредить желалъ бы казни я,
 Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты первый,
 Святой отецъ, свою повѣдай мысль.

ПАТРИАРХЪ.

Благословенъ Всевышній, поселившій
 Духъ милости и кроткаго терпѣнья
 Въ душѣ твоей, великій государь;
 Ты грѣшному погибели не хочешь,
 Ты тихо ждешь, да прѣидетъ заблужденье:
 Оно прѣидетъ и солнце правды вѣчной
 Всѣхъ озарить.

Твой вѣрный богомолецъ,
 Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судія,
 Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:

Бѣсовскій сынъ, разстрига окаянный,
 Прослыть умѣлъ Димитріемъ въ народѣ;
 Онъ именовъ царевича, какъ ризой
 Украденной, безстыдно облачился:
 Но стоитъ лишь ее раздрать — и самъ
 Онъ наготой своею посрамится.

Самъ Богъ на то намъ средство посылаетъ:
 Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ,
 Въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь
 Благословилъ на царскую державу —
 Въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды
 Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
 И чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну:

«Въ младыхъ лѣтахъ», сказалъ онъ, «я ослѣпъ,
 И съ той поры не зналъ ни дня, ни ночи
 До старости: напрасно я лѣчился
 И зелиемъ, и тайнымъ нашептаньемъ;
 Напрасно я ходилъ на поклоненье
 Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;

Напрасно я изъ кладязей святыхъ
 Кропилъ водой цѣлебной темны очи —
 Не посылашь Господь мнѣ исцѣленья.
 Вотъ, наконецъ, утратилъ я надежду,
 И къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны
 Мнѣ виданныхъ вещей ужъ не являли,
 А снилися мнѣ только звуки. Разъ
 Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
 Мнѣ говорить: встань, дѣдушка, поди
 Ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенья;
 Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
 Богъ милостивъ — и я тебя прощу.
 Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
 Царевичъ я Димитрій. Царь небесный
 Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ,
 И я теперь великій чудотворецъ.
 Иди, старикъ. — Проснулся я и думалъ:
 Что жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Богъ
 Мнѣ позднее даруетъ исцѣленье.
 Пойду — и въ путь отправился далекий.
 Вотъ, Углича достигъ я, прихожу
 Въ святой соборъ, и слушаю обѣдню,
 И, разгорясь душой усердной, плачу
 Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
 Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
 Когда народъ сталъ выходить, я внуку
 Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
 Царевича Димитрія. И мальчикъ
 Повелъ меня — и только передъ гробомъ
 Я тихую молитву сотворилъ,
 Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
 И Божій свѣтъ, и внука, и могилку.»
 Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

(Общее смущеніе. Впродолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько
 разъ отираетъ лицо платкомъ).

Я посылашь тогда нарочно въ Угличъ,
 И свѣдано, что многіе страдальцы
 Спасеніе подобно обрѣтали
 У гробовой царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыхъ мощи
 Перенести, поставить ихъ въ соборъ
 Архангельскомъ; народъ увидить ясно

Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
И мощь бѣсовъ исчезнетъ яко прахъ.

(Молчаніе).

князь шуйскій.

Святой отецъ, кто вѣдаетъ пути
Всевышняго? Не мнѣ его судить.
Нетлѣнный сонъ и силу чудотворства
Онъ можетъ дать младенческимъ останкамъ;
Но надлежитъ народную молву
Изслѣдовать прилежно и безстрастно;
А въ бурныя ль смятеній времена
Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
Въ дѣлахъ мірскихъ орудіемъ творимъ?
Народъ и такъ колеблется безумно,
И такъ ужъ есть довольно шумныхъ толковъ:
Умы людей не время волновать
Нежданною, столь важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ,
Разсѣянный разстригой, уничтожить;
Но есть на то иныя средства — проще.
Такъ, государь, когда изволишь ты,
Я самъ явлюсь на площади народной,
Уговорю, усоуѣщу безумство
И злой обманъ бродяги обнаружу.

царь.

Да будетъ такъ! Владыка патріархъ,
Прошу тебя пожаловать въ палату:
Сегодня мнѣ нужна твоя бесѣда.

(Уходитъ; за нимъ и всѣ бояре).

одинъ бояринъ (тихо другому).

Замѣтилъ ты, какъ государь блѣднѣлъ,
И крупный потъ съ лица его закапалъ?

второй.

Я, признаюсь, не смѣлъ поднять очей,
Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться.

первый.

А выручилъ князь Шуйскій. Молодецъ!

РАВНИНА БЛИЗЪ НОВГОРОДА-СѢВЕРСКАГО.

(1604 года, 21 декабря).

Битва.

ВОИНЫ (бѣгутъ въ безпорядкѣ).

Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вотъ они! вотъ они!
(Входятъ капитаны: Маржеретъ и Вальтеръ Розенъ).

МАРЖЕРЕТЪ.

Куда, куда? Allons... пошѣль назадъ!

ОДИНЪ ИЗЪ ВЪГЛЕЦОВЪ.

Самъ пошѣль, коли есть охота, проклятый бусурманъ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Quoi? quoi?

ДРУГОЙ.

Ква! ква! Тебѣ любо, лягушка заморская, квакать на русскаго царевича; а мы вѣдь православные.

МАРЖЕРЕТЪ.

Qu'est-ce à dire pravoslavni?.. Sacrés gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr, j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. РОЗЕНЪ.

Es ist Schande.

МАРЖЕРЕТЪ.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un pas; puisque le vin est tiré, il faut le boire. Qu'en dites-vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЪ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЪ.

Tudieu, il y fait chaud! — Ce diable de Samozvanets, comme ils l'appellent, est un bougre, qui a du poil au col! — Qu'en pensez-vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЪ.

Ja.

МАРЖЕРЕТЪ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait une sortie.

В. РОЗЕНЪ.

Ich glaube das.

(Входятъ нѣмцы).

МАРЖЕРЕТЪ.

Ha! ha! voici nos allemands. Messieurs! Mein Herr, dites leur donc de se raillier et, sacrebleu, chargeons!

В. РОЗЕНЪ.

Sehr gut. Halt!

(Нѣмцы строятся).

Marsch!

НѢМЦЫ (идутъ).

Hilf Gott!

(Сраженіе. Русскіе снова бѣгутъ).

ЛЯХИ.

Побѣда! побѣда! Слава царю Димитрію!

ДИМИТРІЙ (верхомъ).

Ударить отбой! Мы побѣдили. Довольно; щадите русскую кровь. Отбой!

(Трубятъ; бьютъ барабаны.)

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОВОРОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

Народъ.

одинъ.

Скоро ли царь выйдетъ изъ собора?

другой.

Обѣдня кончилась; теперь идетъ молебствіе.

первый.

Что? ужъ проклинали того?

другой.

Я стоялъ на паперти и слышалъ, какъ дьяконъ завопилъ: Гришка Отрепьевъ — анаема!

ПЕРВЫЙ.

Пускай себѣ проклинаятъ; царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева.

ДРУГОЙ.

А царевичу поютъ теперь вѣчную память.

ПЕРВЫЙ.

Вѣчную память живому! Вотъ уже имъ будетъ, безбожникамъ.

ТРЕТІЙ.

Чу! шумъ. Не царь ли?

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Нѣтъ, это юродивый.

(Входитъ юродивый въ желѣзной шапкѣ, обвѣшанный веригами и окруженный мальчишками).

МАЛЬЧИШКИ.

Николка, Николка, желѣзный колпакъ!.. трррр...

СТАРУХА.

Отвяжитесь отъ него, бѣсенята. Помолись, блаженный, за меня грѣшную.

ЮРОДИВЫЙ.

Дай, дай, дай копѣчку.

СТАРУХА.

Вотъ тебѣ копѣчка; помани же меня.

ЮРОДИВЫЙ (садится на землю и поетъ).

Мѣсяць ѣдетъ,
Котенокъ плачетъ,
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

(Мальчишки окружаютъ его снова).

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Здравствуй, юродивый, что же ты шапки не снимаешь? (Щелкаетъ его по желѣзной шапкѣ). Экъ она звонить!

ЮРОДИВЫЙ.

А у меня копѣчка есть.

МАЛЬЧИШКА.

Неправда; ну, покажи.

(Вырываетъ копѣчку и убѣгаетъ).

ЮРОДИВЫЙ (плачетъ).

Взяли мою копѣчку, обижаютъ юродиваго.

НАРОДЪ.

Царь, царь идетъ!

(Царь выходитъ изъ собора; бояринъ впереди раздаетъ нищимъ милостыню. Бояре).

ЮРОДИВЫЙ.

Борись, Борись! Николку дѣти обижаютъ!

ЦАРЬ.

Подать ему милостыню! О чемъ онъ плачетъ?

ЮРОДИВЫЙ.

Николку маленькія дѣти обижаютъ... Вели ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича.

БОЯРЕ.

Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

ЦАРЬ.

Оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка!

(Уходитъ).

ЮРОДИВЫЙ (ему вслѣдъ).

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за царя-Ирода: Богородица не велить.

СЪВСКЪ.

Самозванецъ, окруженный своими.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Гдѣ плѣнный?

ЛЯХЪ.

Здѣсь.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Позвать его ко мнѣ.

(Входитъ русскій плѣнный).

Кто ты?

ПЛѢННИКЪ.

Рожновъ, московскій дворянинъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Давно ли ты на службѣ?

ПЛѢННИКЪ.

Съ мѣсяць будетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
Ты поднялъ мечъ?

ПЛѢННИКЪ.

Какъ быть, не наша воля.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Сражался ты подъ Сѣверскимъ?

ПЛѢННИКЪ.

Я прибылъ

Недѣли двѣ по битвѣ изъ Москвы.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что Годуновъ?

ПЛѢННИКЪ.

Онъ очень былъ встревоженъ

Потерею сраженія и раной
Мстиславскаго, и Шуйскаго послалъ
Начальствовать надъ войскомъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А зачѣмъ

Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?

ПЛѢННИКЪ.

Царь наградилъ его заслуги честью
И золотомъ. Басмановъ въ царской думѣ
Теперь сидитъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.

Ну, что въ Москвѣ?

ПЛѢННИКЪ.

Все, слава Богу, тихо.

САМОВЗВАНЕЦЪ.

Что? ждуть меня?

ПЛѢННИКЪ.

Богъ знаетъ; о тебѣ

Тамъ говорить не слишкомъ нынче смѣютъ.
 Кому языкъ отрѣжутъ, а кому
 И голову. Такая, право, притча —
 Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты.
 На площади, гдѣ человѣка три
 Сойдутся — глядь — лазутчикъ ужъ и вѣтся,
 А государь досужною порою
 Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
 Какъ разъ бѣда; такъ лучше ужъ молчать.

САМОВЗВАНЕЦЪ.

Завидна жизнь Борисовыхъ людей!
 Ну, войско что?

ПЛѢННИКЪ.

Что съ нимъ? Одѣто, сыто,
 Довольно всѣмъ.

САМОВЗВАНЕЦЪ.

Да много ли его?

ПЛѢННИКЪ.

Богъ вѣдаетъ.

САМОВЗВАНЕЦЪ.

А будетъ тысячь тридцать?

ПЛѢННИКЪ.

Да наберешь и тысячь пятьдесятъ.

(Самозванецъ задумывается, окружающіе смотрять другъ на друга).

САМОВЗВАНЕЦЪ.

Ну! обо мнѣ какъ судяты въ вашемъ станѣ?

ПЛѢННИКЪ.

А говорятъ о милости твоей,
 Что ты-дескать (будь не во гнѣвѣ) и воръ,
 А молодець.

САМОВАНЕЦЪ (смѣясь).

Такъ это я на дѣлѣ
Имъ докажу: друзья, не станемъ ждать
Мы Шуйскаго; я поздравляю васъ:
Назавтра бой.

(Уходитъ).

ВСѢ.

Да здравствуетъ Димитрій!

ЛЯХЪ.

Назавтра бой! Ихъ тысячь пятьдесятъ,
А насъ всего едва ль пятнадцать тысячь:
Съ ума сошелъ.

ДРУГОЙ.

Пустое, другъ: полякъ
Одинъ пятьсотъ москалей вызвать можетъ.

ПЛѢННИКЪ.

Да, вызовешь! а какъ дойдетъ до драки,
Такъ убѣжишь отъ одного, хвастунъ.

ЛЯХЪ.

Когда бъ ты былъ при саблѣ, дерзкій плѣнникъ,
То я тебя (указывая на свою саблю) вотъ этимъ бы смирилъ.

ПЛѢННИКЪ.

Нашъ братъ-русакъ безъ сабли обойдется:
Не хочешь ли вотъ этого (показывая кулакъ), безмозглый!
(Ляхъ гордо смотреть на него и молча отходить. Всѣ смѣются).

Л Ѣ С Ѣ.

Самозванецъ и Пушкинъ.

(Въ отдаленіи лежитъ конь издыхающій).

САМОВАНЕЦЪ.

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быстро несъ меня!
Мой бѣдный конь!

ПУШКИНЪ (про себя).

Ну, вотъ о чемъ жалѣеть, —
Объ лошади, когда все наше войско
Побито въ прахъ!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Послушай, можетъ быть,
Отъ раны онъ лишь только заморился
И отдохнетъ.

ПУШКИНЪ.

Куда! онъ издыхаетъ.

САМОЗВАНЕЦЪ (идетъ къ коню).

Мой бѣдный конь!.. что дѣлать? снять узду,
Да отстегнуть подпругу. Пусть на волѣ
Издохнетъ онъ.

(Разнуздываетъ и разсѣдываетъ коня. Входятъ нѣсколько
ляховъ).

Здорово, господа!

Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; тѣмы сабель молодца,
Что зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше поднимался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ.
Гдѣ жъ витязь мой?

ЛЯХЪ.

Онъ легъ на полѣ смерти.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Честь храброму и миръ его душѣ!
Какъ мало насъ отъ битвы уцѣлѣло!
Измѣнники, злодѣи запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили насъ!
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я ихъ уже! десятого повѣшу!
Разбойники!

ПУШКИНЪ.

Кто тамъ ни виновать,
Но все-таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

соч. а. с. пушкина. т. III.

САМОЗВАНЕЦЪ.

А дѣло было наше;
 Я было снялъ передовую рать —
 Да нѣмцы насъ порядкомъ отразили;
 А молодцы! ей-Богу, молодцы!
 Люблю за то; изъ нихъ ужъ непремѣнно
 Составлю я почетную дружину.

ПУШКИНЪ.

А гдѣ-то намъ сегодня ночевать?

САМОЗВАНЕЦЪ.

Да здѣсь, въ лѣсу. Чѣмъ это не ночлегъ?
 Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь; къ обѣду будемъ въ Рыльскѣ.
 Спокойна ночь.

(Ложится, кладетъ сѣдло подъ голову и засыпаетъ).

ПУШКИНЪ.

Пріятный сонъ, царевичь!
 Разбитый въ прахъ, спасаяся побѣгомъ,
 Безпечень онъ, какъ глупое дитя:
 Хранить его, конечно, провидѣнье;
 И мы, друзья, не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Борисъ, Басмановъ.

ЦАРЬ.

Онъ побѣжденъ, — какая польза въ томъ?
 Мы тщетно побѣдой увѣнчались:
 Онъ вновь собралъ разсѣянное войско
 И намъ со стѣнъ Путивля угрожаетъ.
 Что дѣлаютъ межъ тѣмъ герои наши?
 Стоять у Кромъ, гдѣ кучка казаковъ
 Смѣется имъ изъ-подъ гнилой ограды.
 Вотъ слава! Нѣтъ, я ими недоволенъ;
 Пошлю тебя начальствовать надъ ними;
 Не родъ, а умъ поставлю въ воеводы;
 Пускай ихъ спѣсь о мѣстничествѣ тужить!

Пора презрѣть мнѣ ропоть знатной черни
И гибельный обычай уничтожить.

БАСМАНОВЪ.

Ахъ, государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда Разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь.

ЦАРЬ.

День этотъ недалекъ;
Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

БАСМАНОВЪ.

Что на него смотрѣть?
Всегда народъ къ смятенію тайно склоненъ:
Такъ борзый конь грызетъ свои бразды;
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что жъ? Конемъ спокойно всадникъ править,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

ЦАРЬ.

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержатъ народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже.

(Входитъ бояринъ).

Что?

БОЯРИНЪ.

Привели гостей иноплеменныхъ.

ЦАРЬ.

Иду принять; Басмановъ, погоди,
Останься здѣсь: съ тобой еще мнѣ нужно
Поговорить.

(Уходитъ).

БАСМАНОВЪ.

Высокій духъ державный!
 Дай Богъ ему съ Отрепьевымъ проклятымъ
 Управиться; и много, много онъ
 Еще добра Россіи сотворить.
 Мысль важная въ умѣ его родилась;
 Не надобно ей дать остыть. Какое
 Мнѣ поприще откроется, когда
 Онъ сломитъ рогъ боярству родовому!
 Соперниковъ во брани я не знаю;
 У царскаго престола стану первый...
 И можетъ быть... Но что за чудный шумъ?

(Тревога. Бояре, придворные служители въ беспорядкѣ бѣгутъ, встрѣчаются и шепчутъ).

ОДИНЪ.

За лѣкаремъ!

ДРУГОЙ.

Скорѣе къ патріарху!

ТРЕТІЙ.

Царевича, царевича зоветь!

ЧЕТВЕРТЫЙ.

Духовника!

БАСМАНОВЪ.

Что сдѣлалось такое?

ПЯТЫЙ И ШЕСТОЙ.

Царь занемогъ, царь умираетъ.

БАСМАНОВЪ.

Боже!

ПЯТЫЙ.

На тронѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ;
 Кровь хлынула изъ устъ и изъ ушей.

(Царя выносятъ на ступѣ; все царское семейство; всѣ бояре).

ЦАРЬ.

Подите всѣ — оставьте одного
 Царевича со мною. (Всѣ уд. клянутся). Умираю;

Обнимемся. Прощай, мой сынъ: сейчасъ
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сейчасъ явлюсь передъ Тобой — и душу
Мнѣ некогда очистить покаяньемъ!
Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ дороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ бѣ надлежало;
Но я достигъ верховной власти — чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь;
А я за все одинъ отвѣчу Богу.
О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣпляй себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты приѣмлешь:
Опасенъ онъ, сей чудный самозванецъ,
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнихъ лѣтъ въ правленѣхъ искушенный,
Могъ удержатъ смятенъе и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала;
Но ты, молодой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, опутывать измѣну?
Но Богъ великъ! онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... Слушай:
Совѣтника, во-первыхъ, избери
Надежнаго, холодныхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой, —
Хоть Шуйскаго. Для войска нынѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси боярскій ропоть.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ думѣ,
Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка —
Душа державъ. Я нынѣ долженъ былъ
Возстановить опалы, казни — можешь
Ихъ отмѣнить; тебя благословятъ,
Какъ твоего благословляли дядю,
Когда престоль онъ Грознаго пріялъ.
Современемъ и понемногу снова

Затягивай державныя бразды;
 Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская.
 Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
 Довѣрчиво ихъ службу принимай.
 Со строгостью храни уставъ церковный;
 Будь молчаливъ: не долженъ царскій голосъ
 На воздухъ теряться по пустому;
 Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь вѣщать
 Велику скорбь или великій праздникъ.
 О, милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
 Когда намъ кровь волнуетъ женскій ликъ.
 Храни, храни святую чистоту
 Невинности и гордую стыдливость:
 Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
 Въ молодые дни привыкнулъ утопать,
 Тотъ, возмужавъ, угрюмъ и кровожаденъ,
 И умъ его безвременно темнѣетъ.
 Въ семьѣ своей будь всегда главой;
 Мать почитай, но властвуй самъ собою:
 Ты мужъ и царь; люби свою сестру —
 Ты ей одинъ хранитель остаешься.

ѲЕОДОРЪ (на колѣнахъ).

Нѣтъ, нѣтъ — живи и царствуй долговѣчно:
 Народъ и мы погибли безъ тебя.

ЦАРЬ.

Все кончено — глаза мои темнѣютъ,
 Я чувствую могильный хладъ...

(Входятъ патріархъ, святители; за ними всѣ бояре. Царицу ведутъ подъ руки; царевна рыдаетъ).

Кто тамъ?

А! сжима... такъ! святое постриженье...
 Ударилъ часъ! въ монахи царь идетъ —
 И темный гробъ моею будетъ кельей.
 Повремени, владыка патріархъ,
 Я царь еще: внемлите вы, бояре —
 Се тотъ, кому приказываю царство;
 Цѣлуйте крестъ Ѳеодору... Басмановъ,
 Друзья мои... при гробѣ васъ молю
 Ему служить усердіемъ и правдой!

Онъ такъ еще и младъ, и непорочень.
Клянетесь ли?

БОЯРЕ.

Клянемся.

ЦАРЬ.

Я доволенъ.

Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя, и тайныя обиды...

Святой отецъ, приближься, я готовъ.

(Начинается обрядъ постриженія. Женщинъ въ обморокъ выносятъ).

СТАВКА.

Басмановъ вводитъ Пушкина.

БАСМАНОВЪ.

Войди сюда и говори свободно.
Итакъ, тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

ПУШКИНЪ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ
И первый санъ по немъ въ московскомъ царствѣ.

БАСМАНОВЪ.

Но я и такъ Феодоромъ высоко
Ужъ вознесенъ; начальствую надъ войскомъ;
Онъ для меня презрѣлъ и чинъ разрядный,
И гнѣвъ бояръ. Я присягалъ ему.

ПУШКИНЪ.

Ты присягалъ наслѣднику престола
Законному; но если живъ другой,
Законнѣйшій?...

БАСМАНОВЪ.

Послушай, Пушкинъ, полно;
Пустого мнѣ не говори! я знаю,
Кто онъ такой.

ПУШКИНЪ.

Россія и Литва

Димитріемъ давно его признали;
 Но, впрочемъ, я за это не стою.
 Быть можетъ, онъ Димитрійъ настоящій,
 Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
 Я вѣдаю, что рано или поздно
 Ему Москву уступить сынъ Борисовъ.

ВАСМАНОВЪ.

Пока стою за юнаго царя,
 Дотолѣ онъ престола не оставитъ;
 Полковъ у насъ довольно, слава Богу!
 Побѣдою я ихъ одушевлею.
 А вы кого противъ меня пошлете,
 Не казака ль Карелу, али Мнишка?
 Да много ль васъ? всего-то восемь тысячъ.

ПУШКИНЪ.

Ошибся ты: и тѣхъ не наберешь.
 Я самъ скажу, что войско наше дрянь,
 Что казаки лишь только села грабятъ,
 Что поляки лишь хвастаютъ, да пьютъ,
 А русскіе... да что и говорить —
 Передъ тобой не стану я лукавить;
 Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?
 Не войскомъ, нѣтъ, не польскою помощью,
 А мнѣніемъ — да, мнѣніемъ народнымъ.
 Димитрія ты помнишь торжество
 И мирныя его завоеванья,
 Когда вездѣ безъ выстрѣла ему
 Послушные сдавались города,
 А воеводъ упрямыхъ чернь вязала?
 Ты видѣлъ самъ: охотно ль ваши рати
 Сражались съ нимъ? Когда же? При Борисѣ!
 А нынче ль?... Нѣтъ, Басмановъ, поздно спорить
 И раздувать холодный пепель брани:
 Со всѣмъ твоимъ умомъ и твердой волей
 Не устоишь; не лучше ли тебѣ
 Дать первому примѣръъ благоразумный,
 Димитрія царемъ провозгласить

И тѣмъ ему навѣки услужить?
Какъ думаешь?

БАСМАНОВЪ.

Узнаете вы завтра.

ПУШКИНЪ.

Рѣшись.

БАСМАНОВЪ.

Прощай.

ПУШКИНЪ.

Подумай же, Басмановъ.

(Уходитъ).

БАСМАНОВЪ.

Онъ правъ, онъ правъ: вездѣ измѣна зрѣтъ;
Что дѣлать мнѣ? Ужели буду ждать,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Отрепьеву? Не лучше ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому.... Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ родъ и родъ!
Довѣренность молодого вѣнценосца
Предательствомъ ужаснымъ заплатить!..
Опальному изгнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,
Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу государя....
Но смерть.... но власть.... но бѣдствія народны....

(Задумывается).

Сюда! кто тамъ? (Свищетъ). Коня! трубите сборъ!

ЛОВНОЕ МѢСТО.

Пушкинъ идетъ, окруженный народомъ.

НАРОДЪ.

Царевичъ намъ боярина послалъ.
Послушаемъ, что скажетъ намъ бояринъ.
Сюда! сюда!

ПУШКИНЪ (на амвонѣ).

Московскіе граждане!

Вамъ кланяться царевичъ приказалъ. (Кланяется).
 Вы знаете, какъ промыселъ небесный
 Царевича отъ рукъ убійцы спасъ;
 Онъ шель казнить злодѣя своего,
 Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
 Димитрію Россія покорилась;
 Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
 Свои полки привелъ ему къ присягѣ.
 Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.
 Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
 Подымете вы руку на царя
 Законнаго, на внука Мономаха?

НАРОДЪ.

Вѣстимо, нѣтъ.

ПУШКИНЪ.

Московскіе граждане!

Міръ вѣдаетъ, сколь много вы терпѣли
 Подъ властію жестокаго пришельца:
 Опалу, казнь, безчестіе, налоги,
 И трудъ, и гладъ, все испытали вы.
 Димитрій же васъ жаловать намѣренъ,
 Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, ратныхъ,
 Гостей, купцовъ — и весь честной народъ.
 Вы ль станете упрямитъ безумно
 И милостей кичливо убѣгать?
 Но онъ идетъ на царственный престолъ
 Своихъ отцовъ въ сопровожденъ грозномъ.
 Не гнѣвайте жъ царя и бойтесь Бога,
 Цѣлуйте крестъ законному владыкѣ;
 Смиритесь; немедленно пошлите
 Къ Димитрію во станъ митрополита,
 Бояръ, дьяковъ и выборныхъ людей,
 Да бьютъ челомъ отцу и государю.

(Сходить. Шумъ народный).

НАРОДЪ.

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
 Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

МУЖИКЪ НА АМВОНЪ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ царскія палаты!
Ступай вязать Борисова щенка!

НАРОДЪ (несется толпою).

Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій!
Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА.

Ееодоръ подь окномъ.

НИЦІЙ.

Дайте милостыню Христа ради!

СТРАЖА.

Поди прочь; не велѣно говорить съ заключенными.

ЕЕОДОРЪ.

Поди, старикъ, я бѣднѣе тебя: ты на волѣ.

(Ксенія, подь покрываломъ, подходитъ также къ окну).

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Братъ да сестра — бѣдныя дѣти, что пташки въ клѣткѣ.

ДРУГОЙ.

Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!

ПЕРВЫЙ.

Отецъ былъ злодѣй, а дѣтки невинны.

ДРУГОЙ.

Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.

КСЕНІЯ.

Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ бояре идутъ.

ЕЕОДОРЪ.

Это Голицынъ, Мосальскій. Другіе мнѣ незнакомы.

КСЕНІЯ.

Ахъ, братецъ, сердце замираетъ.

(Голицынъ, Мосальскій, Молчановъ и Шереметевъ; за ними трое стрѣльцовъ).

НАРОДЪ.

Разступитесь, разступитесь: бояре идутъ.

(Они входятъ въ домъ).

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.

Зачѣмъ они пришли?

ДРУГОЙ.

А вѣрно приводитъ къ присягѣ Ѳеодора Годунова.

ТРЕТІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ. Слышишь, какой въ домѣ шумъ! Тревога!.. дерутся!

НАРОДЪ.

Слышишь? визгъ! Это женскій голосъ... Взойдемъ.... Двери заперты — крики замолкли — шумъ продолжается...

(Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцѣ).

МОСАЛЬСКІЙ.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Ѳеодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мертвые трупы. (Народъ въ ужасѣ молчитъ). Что жъ вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

Народъ безмолвствуетъ *).

*) Въ рукописи пьеса оканчивалась иначе:

НАРОДЪ.

Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

Конецъ комедіи, въ ней же первая персона царь Борисъ Годуновъ. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь.

Пушкинъ долженъ былъ измѣнить это окончаніе, потому что оно было найдено «предсудительнымъ въ политическомъ отношеніи.»

ПРОПУЩЕННАЯ СЦЕНА ИЗЪ БОРИСА ГОДУНОВА *).

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

Григорій и злой чернецъ.

ГРИГОРІЙ.

Что за скука, что за горе наше бѣдное житье!
 День приходитъ, день проходитъ — видно, слышно все одно:
 Только видишь черны рясы, только слышишь колоколь.
 Днемъ зѣвая бродишь, бродишь, дѣлать нечего—соснешь;
 Ночью долгою до свѣта все не спится чернецу.
 Сномъ забудешься, такъ душу грезы черныя мутятъ;
 Радъ, что въ колоколь ударятъ, что разбудятъ костьюлемъ...
 Нѣтъ, не вытерплю! нѣтъ мочи. Черезъ ограду, да бѣгомъ!
 Миръ великъ: мнѣ путь-дорога на четыре стороны,
 Поминай, какъ звали.

ЧЕРНЕЦЪ.

Правда—ваше горькое житье,
 Вы разгульные, лихіе, молодые чернецы!

ГРИГОРІЙ.

Хоть бы ханъ опять нагрянулъ, хоть Литва бы поднялась,
 Такъ и быть, пошелъ бы съ ними перевѣдаться мечемъ!
 Что, когда бы нашъ царевичъ изъ могилы вдругъ воскресъ
 И вскричалъ: «а гдѣ вы, дѣти, слуги вѣрныя мои?»
 Вы подите на Бориса, на злодѣя моего,
 Изловите супостата, приведите мнѣ его!»

*) Эта сцена была откинута Пушкинымъ, хотя и напечатана при его жизни, въ «Лит. Приб. къ Рус. Инв.» 1834, № 3, при переводѣ съ нѣмецкаго статьи барона Розена о трагедіи изъ «Dorpater Jahrbücher für Litteratur, Statistik and Kunst» (1833, № 1). Бар. Розенъ пояснилъ при этомъ: «упомянемъ объ одномъ явленіи не напечатанномъ... по совѣтамъ польскаго поэта Мицкевича и покойнаго барона Дельвига: будто бы сцена сія ослабляетъ впечатлѣніе, произведенное разсказомъ Пимена. Авторъ, намѣреваясь помѣстить эту сцену при второмъ изданіи Бориса Годунова» (оно не вышло), «позволилъ намъ...» и пр. Сцена эта должна была слѣдовать за сценой съ Пименомъ. (См. выше, стр. 15).

ЧЕРНЕЦЪ.

Полно, не болтай пустого. Мертвыхъ намъ не воскресить.
Нѣтъ, царевичу иное, видно, было суждено...
Но послушай: если дѣло затѣвать, такъ затѣвать..

ГРИГОРІЙ.

Что такое?

ЧЕРНЕЦЪ.

Если бъ я былъ такъ же молодъ, какъ и ты,
Если бъ усъ не пробивала ужъ лихая сѣдина...
Понимаешь?

ГРИГОРІЙ.

Нѣтъ, нисколько.

ЧЕРНЕЦЪ.

Слушай. Глупый нашъ народъ
Легковѣренъ, радъ дивиться чудесамъ и новизнѣ,
А бояре въ Годуновѣ помятъ равнаго себѣ.
Племя древняго варяга и теперь любезно всеѣмъ.
Ты царевичу ровесникъ... Если ты хитеръ и твердъ...
Понимаешь?

ГРИГОРІЙ.

Понимаю.

ЧЕРНЕЦЪ.

Что же скажешь?

ГРИГОРІЙ

Рѣшено!

Я Димитрій, я царевичъ!

ЧЕРНЕЦЪ.

Дай мнѣ руку; будешь царь.

[Въ «Вѣстн. Европы», 1882, № 10, стр. 893, г. А. Онѣгинъ (А. Ф. Отто) сообщилъ еще слѣдующій черновой отрывокъ, найденный имъ въ бумагахъ Жуковского:

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

КОМЕДИЯ

О настоящей бѣдѣ Моск. госуд. О царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

Лѣтопись о многихъ мятежахъ и пр.

писано бысть Алексашкою Пушкинымъ

въ лѣто 7333,

на городищѣ Вороницѣ.

Послѣ сцены VI.

Гдѣ-жъ онъ? гдѣ старецъ Леонидъ?
 Я здѣсь одинъ, и все молчить,
 Холодный духъ въ лицо мнѣ дуетъ,
 И ходитъ холодъ по главѣ...
 Что-жъ это? что-же знаменуетъ?
 Бѣда-ли мнѣ, бѣда-ль Москвѣ?
 Бѣда тебѣ, Борисъ лукавый!
 Царевичъ тѣню кровавой
 Войдетъ со мной въ твой свѣтлый домъ.
 Бѣда тебѣ! главы преступной
 Ты не спасешь ни покаяньемъ,
 Ни Мономаховымъ вѣнцомъ.

Пьеса писана въ Михайловскомъ, въ концѣ 1824 и первой половинѣ 1825 года. 13 июля 1825 г. Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому:

«Передо мной моя трагедія. Не могу вытерпѣть, чтобъ не выписать ея заглавіе. Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому Государству, о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333, на городищѣ Вороницѣ.—Какое?» Затѣмъ, въ сентябрѣ, онъ сообщалъ князю: «Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ одинъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай да Пушкинъ, ай-да....! Юродивый мой—малый презабавный; Марина тебѣ понравится, ибо она полька и собою преизрядна... Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все сквернословить; цензура его не пропуститъ. Жуковский говоритъ, что царь меня проститъ за трагедію. Наверядъ, мой милый, хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчать!» (См. т. VII, п. 121 и 146).

Трагедію свою Пушкинъ читалъ въ 1825 г. посѣщавшимъ его товарищамъ-лицейстамъ и сосѣду своему по деревнѣ А. Н. Вульфъ (Евг. Онѣгинъ, IV, 35, и письма къ кн. Вяземскому), а вызванный государемъ въ Москву въ концѣ 1826 г. прочелъ ее у Соболевскаго и Веневитинова, гдѣ слушателями его были, между прочимъ: Баратынскій, Мицкевичъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погдинъ, Шевыревъ и др. Рассказываютъ, что Мицкевичъ, выслушавъ трагедію, воскликнулъ: «Tu Shakespeare eris, si fata sinant!» («Р. Стар.» 1880, № 1, стр. 135—137); за это чтеніе 26 ноября Пушкинъ получилъ выговоръ отъ тогдашняго начальника III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, предложившаго немедленно прислать Годунова; а затѣмъ гр. Бенкендорфъ извѣстилъ Пушкина, что государь прочталь драму съ большимъ удовольствіемъ, замѣтивъ лишь нѣкоторыя мѣста, требующія очищенія, и что цѣль была бы болѣе выполнена, еслибъ комедія была пе-

редѣлана въ исторической романъ, на подобіе романовъ В.-Скотта. На это Пушкинъ отозвался, что пьеса его дѣйствительно болѣе сбивается на историческій романъ, но что онъ не въ силахъ уже передѣлать имъ однажды написанное. Въ 1829 г. Пушкинъ вновь представилъ Годунова съ поправками по сдѣланнымъ въ 1826 г. замѣчаніямъ, но пьеса опять была возвращена для перемѣны еще нѣкоторыхъ «тривіальныхъ мѣстъ» и замѣны «нѣкоторыхъ словъ и выраженій, слишкомъ простонародныхъ или нарушающихъ скромность», причемъ нѣкоторыя мѣста вовсе были опущены и потребовалось уничтоженіе названія «комедія», хотя III Одѣленіе находило въ этомъ подражаніе «древнимъ нашимъ писателямъ» и вообще заключало, что «въ пьесѣ нѣтъ ничего дѣлаго: это отдѣльныя сцены или, лучше сказать, отрывки изъ X и XI т. Исторіи Гос. Россійскаго, сочиненія Карамзина, передѣланныя въ разговоры. Характеры, происшествія, мнѣнія — все основано на сочиненіи Карамзина; все отсюда позаимствовано. Автору комедіи принадлежить только расказъ, расположеніе дѣйствія на сцены. Почти каждая сцена составлена изъ событій, упомянутыхъ въ исторіи, исключая сцены самозванца въ корчмѣ, сцены кородиваго и свиданія самозванца съ Мариною.» Наконецъ, 22 октября 1830 г., высочайше разрѣшено было печатаніе, но подъ собственною отвѣтственностью поэта. Все это подробно, по документамъ, изложено въ статьѣ акад. М. И. Сухомлинова: «Императоръ Николай Павловичъ—критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина» («Истор. Вѣстн.» 1884, янв., т. XV, стр. 55—87; ср. также «Рус. Стар.» 1874, № 8, въ ст. М. М. Попова). 24 декабря 1830 года министръ нар. просвѣщенія кн. Ливенъ увѣдомилъ гр. Бенкендорфа, что «типографія министерства нар. просвѣщенія, отпечатывъ драму г. Пушкина, выпустила экземпляры, по его порученію, г. Плетневу.»

Печальный экземпляръ драмы, вышедшій 1 января 1831 г. подъ короткимъ заглавіемъ: «Борисъ Годуновъ» и съ помѣткою, вмѣсто цензурнаго разрѣшенія: «съ дозволенія правительства», былъ представленъ государю, объ отзывѣ котораго Бенкендорфъ увѣдомилъ автора письмомъ отъ 9 янв. 1831 г. — Бенкендорфъ не рѣшился отправить этого письма, не представивши его предварительно государю, который и сдѣлалъ въ немъ нѣсколько поправокъ. Такъ, въ письмѣ было сказано: «Его Величество Государь Императоръ, прочитавъ сочиненіе ваше «Борисъ Годуновъ», изволилъ отозваться, что чтеніе сего изящнаго шитическаго творенія доставило ему великое удовольствие.» Государь исправилъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «Е. В. Государь Императоръ поручить мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, что сочиненіе ваше «Б. Г.» изволилъ читать съ особымъ удовольствіемъ.»

Въ «Лит. Газетѣ» 1831, № 1, находимъ извѣстіе, что въ первое же утро по выходѣ книги было раскуплено, по показаніямъ книгопродавцевъ, до 400 экземпляровъ ея. «Это доказываетъ, прибавляетъ Газета, что невправдливые журналисты напрасно винятъ нашу публику въ равнодушіи къ истинно хорошему въ нашей литературѣ и вообще ко всему отечественному.» Въ той же «Лит. Газ.» 1831, № 1, 2 и 3, былъ напечатанъ и разборъ трагедіи Пушкина. Другія критическія статьи и рецензіи явились въ «Сынѣ Отеч.» 1830, №№ 24 — 28 (ч. 142 и 143, ст. В. Плаксияна); затѣмъ — въ «Колокольникѣ» 1831, № 6 (ст. В. Олига); «Моск. Телегр.», № 2; «Спб. Вѣстникъ», № 2 (ст. Яковлева); «Сынѣ Отечества», № 40 и 41 (ст. Ф. Камашева); «Сѣв. Пчелѣ», № 133 и 167; «Сѣв. Меркурій», № 1; «Телескопъ», № 4 и «Эхъ» № 2 (ст. Ф.—Д.—Дика). Кромѣ того, разборъ трагедіи посвящена особая брошюра подъ заглавіемъ: «О Борисѣ Годуновѣ Пушкина. Разговоръ». (М. 1831, 16 стр. 8°) о ней см. «Гирляндѣ» 1831, № 24 — 25; «Дамскій Журналъ», № 6 и 10 (ст. С. Н. Глинки); «Сѣв. Меркурій», № 28; «Листокъ», № 45.—Сцена Пимена съ Григоріемъ, напечатанная отдѣльно въ «Моск. Вѣстникѣ» 1827, № 1, разобрана Д. В. Веневитиновымъ въ статьѣ: «Analyse d'une scène détachée de la tragédie de M-r Pouchkine» (Полн. Собр. Соч. Веневитинова, изд. 1862, стр. 191). Ср. также «Европеецъ» 1832, ч. I, стр. 102—123 и 259—278.

Въ настоящемъ изданіи текстъ Бориса восстановленъ въ его первоначаль-

номъ видѣ, на основаніи рукописей и указанной выше статьи М. И. Сухомлинова.

Въ черновой рукописи трагедіи ей непосредственно предшествуютъ слѣдующія историческія замѣтки:

«Убіеніе св. Димитрія. Чиновники Владим. Заградской и Никифоръ Чепчуговъ не согласились. Дядька царскій, окольникій Андрей Лупъ-Клепникъ предложилъ дьяка Михайла Витяговскаго. Сынъ его Данило, племянникъ Никита Качаловъ, сынъ его Осипъ (убійцы). Кормилица Дмитрія Ирина Жданова.

1591 г. мая 15.—Судьи: Клепникъ и кн. Вас. Ив. Шуйскій, младшій братъ погибшаго кн. Андрея Шуйскаго, дьякъ Вылузгинъ. 19 мая съ крутицкимъ митрополитомъ (Геласій) являются въ Угличъ, въ церк. св. Преображенія. Геласій проситъ прощенія за вдовую царицу. Царицу постригаютъ въ пустыню св. Николая на Выксѣ.

1598. Государственный дьякъ и печатникъ Василій Щелкаловъ требуетъ присяги во имя думы боярской. Избраніе Годунова.

Ссылки и казни. 1584 — 87. Діонисій, мудрый Грамматикъ, замышляютъ съ кн. Шуйскимъ о равводѣ Феодора съ Ириною; по клеветѣ взяты подъ стражу кн. Татевы, Урусовы, Колычевы, Быкасовы, друзья кн. Ш., кн. Андрей Ив. Ш. Псковскій сосланъ въ Каргополь, другихъ заточили въ Буй-городъ, въ Галичъ, въ Шую и въ Сибирь. Кн. Ив. Татевъ — въ Астрахань; купцамъ отсѣкли головы. Діонисій и Варлаамъ заточены, 1-й — въ монастырь Хутынский, 2-й — въ Антоніевъ Новгородскій. К. Шуйскій удушенъ.

1584. Верховная дума. Кн. Мстиславскій, старый бояринъ и воевода. Никита Роман. Юрьевъ, дядя государя, братъ Анастасіи. Кн. Шуйскій Псковскій. Бѣльскій, любимецъ Грознаго. Годуновъ, зять Малюты-Скуратова. — Феодоръ царствуетъ 14 лѣтъ.

Послѣ убійства Димитрія до избранія Годунова 7 лѣтъ.

Князья Рюрикова племени: Шуйскій, Сицкій, Воротынский, Ростовскій Телятевскій, и проч.»

Затѣмъ начинается программа трагедіи:

«Годуновъ въ монастырѣ; толки князей; вѣсти; — площадь, вѣсти объ избраніи Годуновъ, юридическій. — Лѣтописецъ, Отрепьевъ. — Бѣгство Отрепьева.

Годуновъ въ монастырѣ, его раскаяніе; — монахи-бѣглецы. Годуновъ въ семействѣ.

Годуновъ въ совѣтѣ; толки на площади. — Вѣсти объ измѣнахъ, смерть Ирины. — Годуновъ и колдуны.

Самозванецъ передъ сраженіемъ. — Смерть Годунова (извѣстіе о первой побѣдѣ, пиры, появленіе самозванца), присяга бояръ, измѣна.

Пушкинъ и Плещеевъ на площади — письмо Димитрія; — вѣче; — убіеніе Царя; — самозванецъ вѣзжаетъ въ Москву.»

Въ другой тетради находится еще замѣтка:

«О Гаврилѣ Григорьевичѣ Пушкинѣ *) Передался самозванцу, былъ имъ съ Плещеевымъ посланъ возмущать Москву, пожалованъ имъ въ великіе сокольничіе (побывалый чинъ), находился потомъ думнымъ дворяниномъ (1616 г.) съ Мининымъ, получающа 120 р. оклада. Въ 1630 году находился въ томъ же чинѣ. 1 октября 1619 года у Срѣтенскихъ воротъ, съ Макс. Радиловымъ, защищаетъ Москву противъ Владислава и Сагайдачнаго. Въ Вязьмѣ принимаетъ

*) Этого Пушкина звали Григорьемъ Гавриловичемъ. Онъ умеръ въ 1656 г.

возвращающагося изъ плѣна Филарета; въ 1643 году онъ Елатомскимъ намѣстникомъ и посломъ въ Польшѣ (о границахъ).»

Кромѣ того, въ бумагахъ Пушкина остались слѣдующія замѣтки по поводу этого труда, набросанныя въ разное время, въ 1825—30 гг.

I.

Pour une préface.— Le public et la critique ayant accueilli avec une indulgence passionnée mes premiers essais et dans un temps où la sévérité et la malveillance m'eussent probablement dégoûté de la carrière que j'allais embrasser, je leur dois reconnaissance entière, et je les tiens quitte envers moi — leur rigueur et leur indifférence ayant maintenant peu d'influence sur mes travaux.

II.

Je me présente ayant renoncé à ma manière première. N'ayant plus à illustrer un nom inconnu et une première jeunesse, je n'ose plus compter sur l'indulgence avec laquelle j'avais été accueilli. Ce n'est plus le sourire de la mode que je brigue. Je me retire volontairement du rang de ses favoris, en faisant mes humbles remerciements de la faveur avec laquelle elle avait accueilli mes faibles essais pendant dix ans de ma vie.

III.

Съ величайшимъ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ Бориса Годунова. Успѣхъ или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразование драматической нашей системы. Боюсь, чтобы собственные ея недостатки не были отнесены къ романтизму и чтобъ она тѣмъ самымъ не замедлила хода...

19 іюля 1829. Арзрумъ.

IV.

Съ отвращеніемъ рѣшаюсь я выдать въ свѣтъ И хоть я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ своихъ сочиненій, но признаюсь, неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна, а я въ ней почти увѣренъ. Какъ Монтань, я могу сказать о моемъ сочиненіи: «с'est une oeuvre de bonne foi.» Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постоянного труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое вліяніе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ одобреніе малаго числа избранныхъ... Трагедія моя уже извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу. Одно доставало въ числѣ моихъ слушателей: того, кому я обязанъ мыслию моей трагедіи, чей геній одушевилъ и поддержалъ меня, чье одобреніе представлялось воображенію моему сладкою наградой и единственно развлекало посреди уединеннаго труда *).

V.

Комедія о царѣ Борисѣ и о Гр. Отрепьевѣ писана въ 1825 году и долго не могъ я рѣшиться выдать ее въ свѣтъ. Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ.

*) Карамзинъ умеръ 22 мая 1826.

Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени. Источники богатѣе! Успѣлъ ли ими воспользоваться — не знаю. По крайней мѣрѣ труды мои были ревностны и добросовѣстны.

Долго не могъ я рѣшиться напечатать свою драму. Хорошій или худой успѣхъ моихъ стихотвореній, благосклонное или строгое рѣшеніе журналовъ о какой нибудь стихотворной повѣсти слабо тревожили мое самолюбіе. Читая разборы самыя оскорбительныя, старался я угадать мнѣніе критики, понять со всевозможнымъ хладнокровіемъ, въ чемъ именно состоятъ ея обвиненія и если никогда не отвѣчалъ на оныя, то сіе происходило не изъ презрѣнія, но единственно изъ убѣжденія, что для нашей литературы il est indifférent, что такая-то глава Онѣгина выше или ниже другой. Но признаюсь искренно, неуспѣхъ драмы моей огорчилъ бы меня; ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народныя законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены. (Ермакъ А. С. Хомякова есть болѣе произведеніе лирическое, чѣмъ драма. Успѣхомъ своимъ оно обявано прекраснымъ стихамъ, коими оно написано).

Приступаю къ нѣкоторымъ частнымъ объясненіямъ. Стихъ, употребленный мною (пятистопный ямбъ), принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ Аргівьянахъ. — А. Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи, писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія.

Есть шутки грубыя, сцены простонародныя. Поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣжать; если жъ нѣтъ, то ему нѣтъ нужды стараться замѣнять ихъ чѣмъ нибудь инымъ.

Нашедъ въ исторіи — одною изъ предковъ моихъ, игравшаго важную роль въ сію несчастную эпоху, я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, *son auge*, но безо всякой дворянской спѣси. Изъ всѣхъ моихъ подражаній Байрону дворянская спѣсь была самое смѣшное. Аристокрацію нашу составляетъ дворянство новое, древнее же пришло въ упадокъ; его права уравнены съ правами прочихъ сословій, великія имѣнія давно раздроблены, уничтожены, и никто, даже если бы... и проч. Принадлежать къ такой аристокраціи не представляетъ никакого преимущества въ глазахъ благоразумнаго человѣка, и уединенное почитаніе къ славѣ предковъ можетъ только навлечь нареканія въ страшномъ безсмыслии или въ подражаніи иностранцамъ.

Но отъ кого бы я ни происходилъ, — отъ разночинцевъ, вышедшихъ въ дворяне, или отъ одного изъ самыхъ старинныхъ русскихъ родовъ, отъ предковъ, коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ исторіи нашей, — образъ мыслей моихъ отъ этого никакъ бы не зависѣлъ. Отказываться отъ него я ничуть не намѣренъ, хоть вездѣ донинѣ я его не обнаруживалъ и никому до него дѣла нѣтъ...

[Ср. II, 107—110 и V, 116 и сл.]

VI.

Не стану оправдывать правила, коими я руководствовался въ составленіи сей трагедіи: духъ вѣка требуетъ великихъ перемѣнъ и на сценѣ драматической; можетъ быть, и онѣ обманутъ надежды преобразователей. Поэтъ, живущій на высотахъ созданія, яснѣе видитъ, можетъ быть, и недостатки привередливыхъ требованій, и то, что скрывается отъ взоровъ волнующей толпы; но напрасно было бы ему бороться. Такимъ образомъ *Lope de Vega*

Расинъ уступали потоку. Но гений, какое направленіе ни избереть, остается всегда гений: судъ потомства отдѣлитъ золото, ему принадлежащее, отъ примѣси.

VII.

Вѣроятно, трагедія моя не будетъ имѣть никакого успѣха. Журналы на меня озлоблены. Для публики я уже не имѣю главной привлекательности: молодости и новизны литературнаго имени. Къ тому же, главныя сцены уже напечатаны или искажены въ подражаніяхъ. Раскрывъ наудачу историческій романъ г. Булгарина, нашель я, что у него о появленіи Самозванца приходится объявлять царю кн. В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говорить наединѣ съ Васмаковымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у г. Булгарина также. Все это—драматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другого... Но это еще не бѣда, *les beaux esprits se rencontrent*.

VIII.

Мнѣніе митрополита Платона о Дмитріѣ Самозванцѣ, будто бы воспитанъ у езуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякій былъ годенъ, чтобъ разыграть эту роль. Доказательство послѣ смерти Отрепьева: Тушинскій воръ, и проч. и проч. и проч.

IX.

Lorsque j'écrivais cette tragédie, j'étais seul à la campagne, ne voyant personne, ne lisant que les journaux etc... d'autant plus volontiers que j'ai toujours cru que le romantisme convenait seul à notre scène; je vis que j'étais dans l'erreur; j'approuvais avec une grande répugnance à livrer au public ma tragédie. Je voulais au moins la faire précéder d'une préface et la faire accompagner de notes, mais je trouve tout cela fort inutile.

Къ 1827 году относится также черновое письмо Пушкина къ неизвѣстному лицу, слѣдующаго содержанія:

Благодарю васъ за участіе, принимаемое вами въ судьбѣ Годунова. Ваше нетерпѣніе видѣть его очень лестно для моего самолюбія; но теперь, когда, по стеченію благоприятныхъ обстоятельствъ, открылась мнѣ возможность его напечатать, предвижу новыя затрудненія, мною прежде не подозреваемыя.

Съ 1820 года, будучи удаленъ отъ московскихъ и петербургскихъ обществъ, я въ однихъ журналахъ могъ наблюдать направленіе нашей словесности. Читая жаркіе споры о романтизмѣ, я вообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ намъ наскучили правильность и совершенство классической древности и блѣдныя, однообразныя списки ея подражателей; что утомленный вкусъ требуетъ иныхъ, сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ, но кипящихъ источникахъ нашей народной повѣи. Мнѣ казалось однако довольно страннымъ, что младенческая словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцовъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики; но, думалъ я, французская словесность, вѣдѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно причиною сего явленія. Искренно признаюсь, что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени. Это первое признаніе ведетъ къ другому, болѣе важному: такъ и быть, каюсь, что я въ литературѣ скептикъ (чтобъ не сказать хуже), и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суевѣрно поработать литературную совѣсть? Зачѣмъ писателю не повиноваться принятымъ обычаямъ въ словесности своего народа, какъ онъ повинуется законамъ своего языка?

Онъ долженъ владѣть своимъ предметомъ, не смотря на затруднительность правилъ, какъ онъ обязанъ владѣть языкомъ, не смотря на грамматическія оковы.....

....Между тѣмъ, читая мелкія стихотворенія, величаемыя романтическими, я въ нихъ не видѣлъ и слѣдовъ искренняго и свободнаго хода романтической поэзіи, но жеманство лжеклассицизма французскаго....

Все это сильно поколебало мою авторскую увѣренность: я началъ подозрѣвать, что трагедія моя есть анахронизмъ....

Скоро я въ томъ удостовѣрился. Вы читали въ 1-й книжкѣ Московскаго Вѣстника отрывокъ изъ Бориса Годунова, сцену лѣтописца. Характеръ Пимена не есть мое изобрѣтеніе. Въ немъ собралъ я черты, плѣнившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ; умиленная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности дышать въ сихъ драгоценныхъ памятникахъ временъ давно минувшихъ, между коими озлобленная лѣтописъ кн. Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ....

Мнѣ казалось, что сей характеръ вмѣстѣ новъ и знакомъ для русскаго сердца; что трогательное равнодушіе древнихъ лѣтописцевъ, столь постигнутое Карамзиннымъ и оразившееся въ его бессмертномъ созданіи, украситъ простоту моихъ стиховъ и заслужитъ снисходительную улыбку читателей. Что жъ вышло? Обратили вниманіе на политическія мнѣнія Пимена и нашли ихъ запоздалыми; другіе сомнѣвались, могутъ ли стихи безъ риемъ назваться стихами. Г-въ Загоскинъ предложилъ промѣнять сцену Бориса Годунова на картинку Дамскаго Журнала. Тѣмъ и кончился строгій судъ почтеннѣйшей публики....

Что жъ изъ этого слѣдуетъ? Что г-въ Загоскинъ и публика правы, но что гг. журналисты виноваты ошибочными извѣстіями, введшими меня въ искушеніе. Воспитанные подъ вліяніемъ французской критики, русскіе привыкли къ правиламъ, утвержденнымъ сею критикою, и неохотно смотрятъ на все, что не подходитъ подъ ея законы. Нововведенія опасны, и, кажется, не нужны... (Ср. еще т. VII, п. 143 и 209).

Въ экземплярѣ 1-го изданія «Бориса», принадлежащемъ Румянцевскому Музею и поступившемъ туда изъ собранія С. Д. Полторацкаго, вклеенъ листокъ съ запиской Пушкина (карандашемъ):

«Voici, mon ami, celui de mes ouvrages que j'aime le mieux. Vous le lirez puisqu'il est à moi — et vous m'en direz votre avis. En attendant je vous embrasse et vous souhaite une bonne année. — 2 janvier.»

[Изученіе историческихъ драмъ Шекспира отразилось не только въ общемъ характерѣ трагедіи Пушкина, но и въ отдѣльныхъ ея сценахъ. Съ этой стороны поучительно сравнить избраніе Бориса на царство съ сценой избранія герцога Глостера («Ричардъ III», д. III, сд. 7); монологъ Бориса: «Достигъ я высшей власти» — съ монологомъ Генриха V: «На короля, — все, все на короля» («Генрихъ V», д. IV, сд. 1) и въ особенности — послѣднія наставленія Бориса Теодору со сценою между Генрихомъ IV и принцемъ Уэльскимъ («Генрихъ IV», ч. II, послѣдняя сцена IV дѣйствія). Военныя сцены также представляютъ большое сходство съ подобными же сценами въ «Генрихѣ V». Нѣкоторые нѣмецкіе изслѣдователи видятъ въ «Борисѣ» слѣды вліянія гёттескаго «Гётца фонъ Берхлингена» (Honegger, Russ. Literatur und Kultur, 1880, S. 189; Weddigen, Gesch. der Einwirkungen der deutschen Literatur auf die Literaturen der übrigen Völker, 1882, S. 166); но, кажется, напрасно.]

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

(1825).

Пора, пора! рога трубятъ;
Псаря въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзые прыгаютъ на сворахъ.
Выходитъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обозрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.
Чекмень затянутый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарную тревогу.
Вотъ мужу подвели коня,
Онъ холку хватъ и въ стремя ногу,
Кричитъ женѣ: «не жди меня!»
И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ сентября
(Презрѣнной прозой говоря)
Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ, мелкій снѣгъ,
Да вой волковъ. Но то-то счастье

Охотнику! не зная нѣтъ,
 Въ отъѣзжемъ полѣ онъ гарцуеть,
 Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
 Бранится, мокнетъ и пируетъ
 Опустошительный набѣгъ...

А что же дѣлаетъ супруга,
 Одна въ отсутствіи супруга?
 Занятій мало ль есть у ней?
 Грибы солить, кормить гусей,
 Заказывать обѣдъ и ужинъ,
 Въ амбаръ и въ погребъ заглянуть.
 Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
 Онъ вмигъ замѣтитъ что нибудь.

Къ несчастью героиня наша
 (Ахъ, я забылъ ей имя дать!
 Мужъ просто звалъ ее Наташа,
 Но мы — мы будемъ называть
 Наталья Павловна), къ несчастью,
 Наталья Павловна совсѣмъ
 Своей хозяйственной частью
 Не занималась, затѣмъ,
 Что не въ отеческомъ законѣ
 Она воспитана была,
 А въ благородномъ пансіонѣ
 У эмигрантки Фалбала.

Она сидитъ передъ окномъ;
 Предъ ней открытъ четвертый томъ
 Сентиментальнаго романа:
 «Любовь Элизы и Армана,
 Иль переписка двухъ семей» —
 Романъ классическій, старинный,
 Отмѣнно длинный, длинный, длинный,
 Правоучительный и чинный,
 Безъ романтическихъ затѣй.

Наталья Павловна сначала
 Его внимательно читала,
 Но скоро какъ-то развлеклась
 Передъ окномъ возникшей дракой

Ковла съ дворовою собакой,
 И ея тихо занялась.
 Кругомъ мальчишки хохотали;
 Межь тѣмъ печально подь окномъ
 Индѣйки съ крикомъ выступали
 Вослѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;
 Три утки полоскались въ лужѣ;
 Шла баба черезъ грязный дворъ
 Бѣлье повѣсить на заборъ;
 Погода становилась хуже:
 Казалось, снѣгъ идти хотѣлъ...
 Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
 Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
 Какъ сильно колокольчикъ дальный
 Порой волнуетъ сердце намъ.
 Не другъ ли ѣдетъ запоздалый,
 Товарищъ юности удалой?..
 Ужъ не она ли?.. Боже мой!
 Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
 Но мимо, мимо звукъ несется,
 Слабѣй... и смолкнулъ за горой.

Наталья Павловна къ балкону
 Бѣжить, обрадована звону,
 Глядитъ и видитъ: за рѣкой,
 У мельницы, коляска скачетъ,
 Вотъ на мосту — къ намъ точно... нѣтъ,
 Поворотила влѣво. Вслѣдъ
 Она глядитъ и чуть не плачетъ.
 Но вдругъ... о радость! косогоръ —
 Коляска на бокъ. «Филька! Васька!
 Кто тамъ? скорѣй! Вонъ тамъ коляска:
 Сейчасъ везти ее на дворъ
 И барина просить обѣдать;
 Да живъ ли онъ?.. Бѣги провѣдать;
 Скорѣй, скорѣй!»

Слуга бѣжить.

Наталья Павловна спѣшить
 Взбить пышный локонъ, шаль накинуть,
 Задернуть завѣсъ, стулъ подвинуть,

И ждётъ: да скоро ль, мой Творецъ!
 Вотъ ѣдутъ, ѣдутъ наконецъ.
 Забрызганный въ дорогѣ дальной,
 Опасно раненый, печальный
 Кой-какъ тащится экипажъ;
 Вслѣдъ баринъ молодой хромаеть.
 Слуга-французъ не унываетъ
 И говорить: «allons, courage!»
 Вотъ у крыльца; вотъ въ сѣни входятъ.
 Покамѣстъ барину теперь
 Покой особенный отводить
 И настежъ отворяютъ дверь,
 Пока Ricard шумить, хлопочеть,
 И баринъ одѣваться хочетъ,
 Сказать ли вамъ, кто онъ таковъ?
 Графъ Нулинъ; изъ чужихъ краевъ,
 Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды
 Свои грядущіе доходы,
 Себя казать, какъ чудный звѣрь,
 Въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь
 Съ запасомъ фраговъ и жилетовъ,
 Шляпъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ,
 Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
 Цвѣтныхъ платковъ, чулковъ à jong,
 Съ ужасной книжкою Гизота,
 Съ тетрадью злыхъ карикатуръ,
 Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта,
 Съ bons-mots парижскаго двора,
 Съ послѣдней пѣсней Беранжера,
 Съ мотивами Россини, Пера,
 Et cetera, et cetera.

Ужъ столъ накрытъ; давно пора;
 Хозяйка ждётъ нетерпѣливо;
 Дверь отворилась, входитъ графъ;
 Наталья Павловна, привставъ,
 Освѣдомляется учтиво,
 Каковъ онъ? что нога его?
 Графъ отвѣчаетъ: ничего!
 Идутъ за столъ; вотъ онъ садится,
 Къ ней подвигаетъ свой приборъ
 И начинается разговоръ:

Святую Русь бранить, дивится,
 Какъ можно жить въ ея снѣгахъ,
 Жалѣть о Парижѣ страхъ.
 «А что театр?» — О, сиротѣть!
 C'est bien mauvais, ça fait pitié.
 Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣть,
 И мамзель Марсъ, увы! старѣть.
 За то Потье, le grand Potier!
 Онъ славу прежнюю въ народѣ
 Ей-Богу, поддержалъ одинъ.
 «Какой писателъ нынѣче въ модѣ?»
 — Все d'Arlincourt и Ламартинъ.
 «У насъ имъ также подражаютъ.»
 — Нѣтъ! право? Такъ у насъ умы
 Ужъ развиваться начинаютъ.
 Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы!
 «Какъ тальи носятъ?» — Очень низко,
 Почти до... вотъ по этихъ поръ.
 Позвольте видѣть вашъ уборъ;
 Такъ... рюши, банты, здѣсь узоръ;
 Все это къ модѣ очень близко.
 «Мы получаемъ Телеграфъ.»
 — Ага!.. хотите ли послушать
 Прелестный водевилъ? — И графъ
 Поеть. «Да, графъ, извольте жъ кушать.»
 — Я сытъ и такъ...

Изъ-за стола

Встаютъ. Хозяйка молодая
 Черезвычайно веселая;
 Графъ, о Парижѣ забывая,
 Дивится, какъ она мила.
 Проходитъ вечеръ непримѣтно;
 Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
 То выражается привѣтно,
 То вдругъ потушенъ безотвѣтно.
 Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ.
 Давно храпитъ слуга въ передней,
 Давно поеть пѣтухъ сосѣдній,
 Въ чугунову доску сторожъ бьетъ;
 Въ гостинной свѣчи догорѣли.
 Наталья Павловна встаетъ:
 «Пора, прощайте! ждутъ постели.

Пріятный сонъ!...» Съ досадою вставъ,
 Полу-влюбленный нѣжный графъ
 Цѣлуетъ руку ей. И что же?
 Куда кокетство не ведетъ?
 Проказница — прости ей, Боже!
 Тихонько графу руку жметъ.

Наталья Павловна раздѣта;
 Стоитъ Параша передъ ней.
 Друзья мои, Параша эта
 Наперсница ея затѣй:
 Шьетъ, моетъ, вѣсти переносить,
 Изношенныхъ капотовъ просить,
 Пороку съ бариномъ шалить,
 Порой на барина кричить,
 И лжетъ предъ барыней отважно.
 Теперь она толкуетъ важно
 О графѣ, о дѣлахъ его,
 Не пропускаетъ ничего —
 Богъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла.
 Но госпожа ей наконецъ
 Сказала: «полно, надоѣла!»
 Спросила кофту и чепецъ,
 Легла и выйти вонъ велѣла.

Своимъ французомъ между тѣмъ
 И графъ раздѣтъ уже совсѣмъ.
 Ложится онъ, сигару просить;
 Monsieur Ricard ему приноситъ
 Графинъ, серебряный стаканъ,
 Сигару, бронзовый свѣтильникъ,
 Щипцы съ пружиною, будильникъ
 И неразрѣзанный романъ.

Въ постелѣ лежа, Вальтеръ-Скотта
 Глазами пробѣгаетъ онъ.
 Но графъ душевно развлеченъ:
 Неугомонная забота
 Его тревожить; мыслить онъ:
 Неужто вправду я влюбленъ?
 Что, если можно?... Вотъ забавно;
 Однакожь это было бь славно!

Я, кажется, хозяйкѣ милъ —
И Нулинъ свѣчку погасилъ.

Несносный жаръ его объемлетъ.
Не спится графу — бѣсъ не дремлетъ
И дразнить грѣшною мечтой
Въ немъ чувства. Пылкій нашъ герой
Воображаетъ очень живо
Хозяйки взоръ краснорѣчивый,
Довольно круглый, полный станъ,
Пріятный голосъ, прямо женскій,
Лица румянецъ деревенскій
(Здоровье краше всѣхъ румянъ).
Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
Онъ помнитъ, точно, точно такъ —
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; онъ дуракъ,
Онъ долженъ былъ остаться съ нею,
Ловить минутную затѣю.
Но время не ушло. Теперь
Отворена, конечно, дверь —
И тотчасъ, на плеча накинувъ
Свой пестрый шелковый халатъ
И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
Къ Лукреціи Тарквиніи новый
Отправился, на все готовый.

Такъ иногда лукавый котъ,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется съ лежанки:
Украдкой медленно идетъ,
Полузажмурясь подступаетъ,
Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,
Раздвинетъ когти хитрыхъ лапъ
И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ *).

*) Ср. слѣдующій отрывокъ, сохранившійся въ черновыхъ тетрадахъ поэта:

Такъ хищный волкъ, томясь отъ голода,
Выходитъ изъ глуши лѣсовъ
И рыщетъ близъ безпечныхъ псовъ,
Вокругъ неопытнаго стада;
Все спитъ, и вдругъ свирѣпый воръ
Ягненка мчитъ въ дремучій боръ.

Влюбленный графъ въ потемкахъ бродить,
 Дорогу оцущью находить;
 Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
 Едва дыханье переводить;
 Трепещеть, если полъ подъ нимъ
 Вдругъ заскрипитъ. Вотъ онъ подходитъ
 Къ завѣтной двери и слегка
 Жметъ ручку мѣдную замка;
 Дверь тихо, тихо уступаетъ;
 Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ
 И блѣдно спальню освѣщаетъ;
 Хозяйка мирно почиваетъ,
 Иль притворяется, что спитъ.

Онъ входитъ, медлитъ, отступаетъ —
 И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
 Она... Теперь, съ ихъ позволенья,
 Прошу я петербургскихъ дамъ
 Представить ужасъ пробужденья
 Натальи Павловны моей
 И разрѣшить, что дѣлать ей.

Она, открывъ глаза большіе,
 Глядитъ на графа — нашъ герой
 Ей сыплеть чувства выписныя,
 И дерзновенною рукой
 Коснуться хочетъ одѣяла,
 Совсѣмъ смутивъ ее сначала...
 Но вдругъ опомнилась она,
 И гнѣва гордаго полна
 (А впрочемъ, можетъ быть, и страха),
 Она Тарквинію съ размаха
 Даетъ пощечину: да, да!
 Пощечину, да вѣдь какую!

Сторѣлъ графъ Нулинъ со стыда,
 Обиду проглотивъ такую.
 Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
 Досадою страшною пылая,
 Но шпигъ косматый, вдругъ залая,
 Прервалъ Параша крѣпкій сонъ.
 Услышалъ графъ ея походку,

И, проклиная свой ночлегъ
И своенравную красотку,
Въ постыдный обратился бѣгъ.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
Проводятъ остальную ночь, —
Воображайте, воля ваша,
Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возставъ поутру молчаливо,
Графъ одѣвается лѣнливо;
Отдѣлкой розовыхъ ногтей,
Зѣвая, занялся небрежно,
И галстухъ вяжетъ неприменно,
И мокрой щеткою своей
Не гладитъ стриженныхъ кудрей.
О чемъ онъ думаетъ — не знаю;
Но вотъ его позвали къ чаю.
Что дѣлать? Графъ, преодолевъ
Неловкій стыдъ и тайный гнѣвъ,
Идетъ.

Проказница младая,
Насмѣшливый потупя взоръ
И губки алыя кусая,
Заводитъ скромно разговоръ
О томъ, о семъ. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ.
Получаса не проходило,
Ужъ онъ и шутить очень мило,
И чуть ли снова не влюбленъ.
Вдругъ шумъ въ передней. Входятъ. Кто же?
«Наташа, здравствуй!»

НАТАЛЬЯ ПАВЛОВНА.

Ахъ, мой Боже!

Графъ, вотъ мой мужъ. Душа моя,
Графъ Нулинъ.

мужъ.

Радъ сердечно я.
Какая скверная погода!

У кузницы я видѣлъ вашъ
 Совсѣмъ готовый экипажъ.
 Наташа! тамъ, у огорода,
 Мы затравили русака.
 Эй, водки! Графъ, прошу отвѣдать:
 Прислали намъ издалека.
 Вы съ нами будете обѣдать?

ГРАФЪ.

Не знаю, право, я спѣшу.

МУЖЪ.

И, полно, графъ, я васъ прошу.
 Жена и я — гостямъ мы рады.
 Нѣтъ, графъ, останьтесь!

Но съ досады

И всѣ надежды потерявъ,
 Упрямится печальный графъ.
 Ужъ подкрѣпивъ себя стаканомъ,
 Пикарь кряхтитъ за чемоданомъ,
 Уже къ коляскѣ двое слугъ
 Несутъ привинчивать сундукъ.
 Къ крыльцу подвезена коляска,
 Пикарь все скоро уложилъ,
 И графъ уѣхалъ.. Тѣмъ и сказка
 Могла бы кончиться, друзья;
 Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала,
 Жена все мужу рассказала
 И подвигъ графа моего
 Всему сосѣдству описала.
 Но кто же болѣе всего
 Съ Натальей Павловной смѣялся?
 Не угадать вамъ. — Почему жъ?
 Мужъ? — Какъ не такъ. Совсѣмъ не мужъ!
 Онъ очень этимъ оскорблялся,
 Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,
 Молокососъ; что если такъ,
 То графа онъ визжать заставить,
 Что псами онъ его затравить.

Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совѣмъ не диво.

(Въ концѣ 1825).

[Относительно происхожденія этой поэмы въ рукописяхъ Пушкина сохранилась слѣдующая замѣтка: «Въ концѣ 1825 года находился я въ деревнѣ, и перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что если бѣ Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило бѣ его предпримчивость и онъ со стыдомъ принужденъ былъ отступить. Лукреція бы не зарѣзалась, Публикола не забѣсилъ бы — и міръ, и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась; я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть.» (См. т. V, 122 — 126 и 194).

Въ февралѣ 1827 г. Пушкинъ представилъ гр. Бенкендорфу черезъ барона Дельвига: «Разговоръ Татьяны съ няней», «Къ *** (А. П. Кернъ)» и «19-е октября», а въ іюнѣ самъ доставилъ: «Ангель», «Стансы», III-ю гл. «Онѣгина», «Гр. Нулина», «Фаустъ и Мефистофель» и «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ». Гр. Бенкендорфъ замѣтилъ поэту, что онъ не долженъ избирать посредника въ сношеніяхъ, основанныхъ на высочайшемъ повелѣніи, и сообщилъ, что государь изволилъ читать стихотворенія его съ особеннымъ вниманіемъ, а «Графа Нулина» съ большимъ удовольствіемъ, и что прелестная пьеса эта дозволяется къ печатанію. Впрочемъ, указано было на два стиха, которые государь желалъ видѣть измѣненными, именно: «Порою съ бариномъ шалить» и «Коснуться хочеть одѣяла». О пѣсняхъ же про Стеньку Разина Бенкендорфъ писалъ, что онѣ, «при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанію своему неприличны къ напечатанію, и что сверхъ того церковь проклинаятъ Разина, равно какъ и Пугачева.» (Соч. Плетиева, III, 345). Указанные стихи были замѣнены другими: «Порою барина смѣшить» и «Уже руки ея коснулся, но тутъ опомнилась она» и т. д. Кромѣ того, одно слово на стр. 91 въ рукописи читалось иначе, что и было указано въ «С. Отец.» 1829, № 12.

Отрывокъ изъ поэмы былъ напечатанъ въ Моск. Вѣстникѣ 1827, № 2; затѣмъ вся поэма появилась въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1828 годъ, и отсюда оттиснута отдѣльной брошюрой (Спб. 1827); затѣмъ, въ томъ же году, была вновь напечатана вмѣстѣ съ поэмой Баратынскаго «Валь» и, наконецъ, вошла въ изданіе «Поэмъ и повѣстей» 1835 г.

Критическія статьи и рецензіи о ней: Сѣв. Пч. 1828, № 4 и 150; Моск. Телегр. 1828, № 12; Сыпъ Отец. 1829, № 5 и 12; Атеней 1829, № 1; Вабочка, № 6. Особенно рѣзко отозвался о Нулинѣ Н. И. Надеждинъ: въ статьѣ «Сомнище нигилистовъ» (В. Евр. 1829, № 1 и 2) онъ говоритъ, напр.: «Нашъ литературный хаосъ, осмѣняемый мрачною философіею ничтожества, разрождается Нулиными. Множить ли, дѣлать ли нули на нули, — они всегда остаются нулями.» Въ разборѣ поэмы (вмѣстѣ съ поэмой Баратынскаго «Валь», В. Евр. 1829, № 2 и 3) онъ говоритъ: «Графъ Нулинъ есть нуль во всей математической полнотѣ значенія сего слова... Графъ Нулинъ проглотилъ пощечину Натальи Павловны; геній поэта переварилъ ее съ творческимъ одушевленіемъ и... разрѣшился Нулинымъ», и т. д. Ср. замѣтки Пушкина въ т. V, 122 — 126.]

Ж Е Н И Х Ъ.

(1825).

Три дня купеческая дочь
Наташа пропадала;
Она на дворъ на третью ночь
Безъ памяти вбѣжала.
Съ вопросами отецъ и мать
Къ Наташѣ стали приступать.
Наташа ихъ не слышитъ,
Дрожитъ и еле дышетъ.

Тужила мать, тужилъ отецъ,
И долго приступали,
И отступились наконецъ,
А тайны не узнали.
Наташа стала, какъ была,
Опять румяна, весела,
Опять пошла съ сестрами
Сидѣть за воротами.

Разъ у тесовыхъ у воротъ
Съ подружками своими
Сидѣла дѣвица — и вотъ
Промчалась передъ ними
Лихая тройка съ молодцомъ,
Конями, крытыми ковромъ;
Въ саняхъ онъ стоя править
И гонить всѣхъ, и давить.

Онъ, поровнявшись, поглядѣлъ,
 Наташа поглядѣла,
 Онъ вихремъ мимо пролетѣлъ,
 Наташа помертвѣла.
 Стремглавъ домой она бѣжить:
 «Онъ! онъ! узнала!» говоритъ,
 «Онъ, точно онъ! держите,
 Друзья мои, спасите!»

Печально слушаетъ семья,
 Качая головою;
 Отецъ ей: «милая моя,
 Откройся предо мною,
 Обидѣлъ кто тебя, скажи,
 Хотя только слѣдъ намъ укажи.»
 Наташа плачетъ снова,
 И болѣе ни слова.

Наутро сваха къ нимъ на дворъ
 Нежданая приходитъ,
 Наташу хвалить, разговоръ
 Съ отцомъ ея заводитъ:
 «У васъ товаръ, у насъ купецъ;
 Собою парень молодецъ,
 И статный, и проворный,
 Не вздорный, не зазорный.

«Богатъ, уменъ, ни передъ кѣмъ
 Не кланяется въ поясъ,
 А какъ бояринъ между тѣмъ
 Живеть, не беспокоясь;
 А подарить невѣстѣ вдругъ
 И лисью шубу, и жемчугъ,
 И перстни золотые,
 И платья парчевыя.

«Катаясь, видѣлъ онъ вчера
 Ее за воротами;
 Не по рукамъ ли, да съ двора,
 Да въ церковь съ образами!»
 Она сидитъ за пирогомъ,
 Да рѣчь ведетъ обинякомъ,

А бѣдная невѣста
Себѣ не видитъ мѣста.

«Согласенъ, говоритъ отецъ;
Ступай благополучно,
Моя Наташа, подъ вѣнецъ:
Одной въ свѣтелкѣ скучно.
Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
Не все касаткѣ распѣвать,
Пора гнѣздо устроить,
Чтобъ дѣтушекъ покоить.»

Наташа къ стѣнкѣ уперлась
И слово молвить хочетъ —
Вдругъ зарыдала, затряслась,
И плачетъ, и хохочетъ.
Въ смятенѣ сваха къ ней бѣжитъ,
Водой студеною поить
И льетъ остатокъ чаши
На голову Наташи.

Крушится, охаетъ семья.
Опомнилась Наташа
И говоритъ: «послушна я,
Святая воля ваша.
Зовите жениха на пиръ,
Пеките хлѣбы на весь мѣръ,
На славу медъ варите,
Да судъ на пиръ зовите.»

«Изволь, Наташа, ангелъ мой!
Готовъ тебѣ въ забаву
И жизнь отдать!» — И пиръ горой;
Пекуть, варятъ на славу.
Вотъ гости честные нашли;
За столъ невѣсту повели;
Поютъ подружки, плачутъ;
А вотъ и сани скачутъ.

Вотъ и женихъ — и всѣ за столъ.
Звенять, гремятъ стаканы;
Заздравный ковшъ кругомъ пошелъ;
Все шумно, гости пьяны.

ЖЕНИХЪ.

«А что же, милые друзья,
Невѣста красная моя
Не пѣть, не ѣсть, не служить?
О чемъ невѣста тужить?»

Невѣста жениху въ отвѣтъ:
«Откроюсь наудачу.
Душѣ моей покоя нѣтъ;
И день, и ночь я плачу:
Недобрый сонъ меня крушить.»
Отецъ ей: «что жъ твой сонъ гласить?
Скажи намъ, что такое,
Дитя мое родное?»

«Мнѣ снилось, говоритъ она:
Запла я въ лѣсъ дремучій,
И было поздно; чуть луна
Свѣтила изъ-за тучи;
Съ тропинки сбилась я: въ глуши
Не слышно было ни души,
И сосны лишь да ели
Вершинами шумѣли.

«И вдругъ, какъ будто наяву,
Изба передо мною.
Я къ ней; стучу — молчать; зову —
Отвѣта нѣтъ; съ мольбою
Дверь отворила я. Вхожу —
Въ избѣ свѣча горить; гляжу —
Вездѣ серебро, да золото,
Все свѣтло и богато.»

ЖЕНИХЪ.

«А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Знать, жить тебѣ богато.»

НЕВѢСТА.

«Постой, сударь, не конченъ онъ.
На серебро, на золото,
На сукна, коврики, парчу,
На новгородскую камчу

Я молча любовалась,
И диву дивовалась.

«Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ...
Подъѣхали къ крылечку.
Я поскорѣ дверью хлопъ,
И спряталась за печку.
Вотъ слышу много голосовъ...
Взошли двѣнадцать молодцовъ,
И съ ними голубица
Красавица-дѣвица.

«Взошли толпой, не поклонясь,
Иконъ не замѣчая;
За столъ садятся, не молясь
И шапокъ не снимая.
На первомъ мѣстѣ братъ большой,
По праву руку братъ меньшей,
По лѣву голубица
Красавица-дѣвица.

«Крикъ, хохоть, пѣсни, шумъ и звонъ,
Разгульное похмѣлье...»

ЖЕНИХЪ.

«А чѣмъ же худъ, скажи, твой сонъ?
Вѣщаетъ онъ веселье.»

НЕВѢСТА.

«Постой, сударь, не конченъ онъ.
Идетъ похмѣлье, громъ и звонъ,
Пиръ весело бушуетъ,
Лишь дѣвица горюетъ.

«Сидитъ, молчитъ, не ѣстъ, не пьетъ,
И токомъ слезы точитъ,
А старшій братъ свой ножъ беретъ,
Присвистывая точитъ;
Глядитъ на дѣвицу-красу,
И вдругъ хватаетъ за косу:
Злодѣй дѣвицу губить,
Ей праву руку рубить.»

«Ну, это, говоритъ женихъ,
Прямая небылица!
Но не тужи, твой сонъ не лихъ,
Повѣрь, душа-дѣвица.»
Она глядитъ ему въ лицо.
«А это съ чьей руки кольцо?»
Вдругъ молвила невѣста,
И всѣ привстали съ мѣста.

Кольцо катится и звенить,
Женихъ дрожить, блѣднѣя;
Смутились гости — судъ гласить:
Держи, вязать злодѣя!
Злодѣй окованъ, обличенъ,
И скоро смертію казненъ.
Прославилась Наташа!
И вся тутъ пѣсня наша.

[Напечатано въ «Моск. Вѣстн.» 1827, № 13; къ 1825 году отнесено самимъ Пушкинымъ. По справедливому замѣчанію г. Анненкова (Мат. 108, 113), это произведеніе было первымъ образцомъ русской народной сказки и остается блестящимъ результатомъ сношеній поэта съ старушкой-няней, разказами которой онъ такъ много пользовался впоследствии.]

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

(1826).

Берегъ моря. Фаустъ и Мефистофель.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Что дѣлать, Фаустъ!

Таковъ вамъ положонъ предѣль,
Его жъ никто не преступаетъ.
Вся тварь разумная скучаетъ:
Иной отъ лѣни, тотъ отъ дѣль;
Кто вѣрить, кто утратилъ вѣру;
Тотъ насладиться не успѣлъ...
Ты съ жизни взялъ возможну дань,
А былъ ли счастливъ?

ФАУСТЪ.

Перестань,

На растравляй мнѣ язвы тайной.
Въ глубокомъ знаньѣ жизни нѣтъ —
Я проклялъ знаній ложный свѣтъ,
А слава... лучъ ея случайный
Неуловимъ. Мирская честь
Безмысленна, какъ сонъ.... Но есть
Прямое благо: сочетанье
Двухъ душъ...

МЕФИСТОФЕЛЬ.

И первое свиданье,
 Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
 Кого изволишь поминать?
 Не Гретхенъ ли?

ФАУСТЪ.

О сонъ чудесный!
 О пламя чистое любви!
 Тамъ, тамъ — гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ древесный,
 Гдѣ сладко-звонкія струи,
 Тамъ, на груди ея прелестной
 Покоя томную главу,
 Я счастливъ былъ...

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Творецъ небесный!
 Ты бредишь, Фаустъ, наяву!
 Услужливымъ воспоминаемъ
 Себя обманываешь ты.
 Не я ль тебѣ своимъ стараньемъ
 Доставилъ чудо красоты,
 И въ часъ полуночи глубокой
 Съ тобою свель ее? Тогда
 Плодами своего труда
 Я забавлялся одинокій,
 Какъ вы вдвоемъ.... все помню я!
 Когда красавица твоя
 Была въ восторгѣ, въ упоеньѣ,
 Ты безпокойною душой
 Ужъ погружался въ размышленье
 (А доказали мы съ тобой,
 Что размышленье — скуки сѣмя).
 И знаешь ли, философъ мой,
 Что думалъ ты въ такое время,
 Когда не думаетъ никто?
 Сказать ли?

ФАУСТЪ.

Говори. Ну, что?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Ты думалъ: агнецъ мой послушный!
Какъ жадно я тебя желалъ!
Какъ хитро въ дѣвѣ простодушной
Я грезы сердца возмущалъ!
Любви невольной, безкорыстной
Невинно предалась она...
Что жъ грудь моя теперь полна
Тоской и скукой ненавистной?..
На жертву прихоти моей
Гляжу, упившись наслажденьемъ,
Съ неодолимымъ отвращеньемъ:
Такъ безрасчетный дуралей,
Вотще рѣпшась на злое дѣло,
Зарѣзавъ нищаго въ лѣсу,
Бранить ободранное тѣло;
Такъ на продажную красу,
Насытись ею торопливо,
Развратъ косится боязливо...
Потомъ изъ этого всего
Одно ты вывелъ заключенье...

ФАУСТЪ.

Сокройся, адское творенье!
Бѣги отъ взора моего!

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Изволь. Задай лишь мнѣ задачу:
Безъ дѣла, знаешь, отъ тебя
Не смѣю отлучаться я —
Я даромъ времени не трачу.

ФАУСТЪ.

Что тамъ бѣлѣветъ? говори.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Корабль испанскій трехмачтовый,
Пристать въ Голландію готовый:
На немъ мерзавцевъ сотни три,
Двѣ обезьяны, бочки злата,
Да грузъ богатый шоколата,

Да модная болѣзнь: она
Недавно вамъ подарена.

ФАУСТЪ.

Все утопить.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Сейчасъ.

(Исчезаетъ).

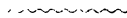

[Сцена эта написана какъ бы въ отвѣтъ на вызовъ Веневитинова въ его посланіи «Къ Пушкину» (Соч., 101), гдѣ онъ указываетъ на Гете:

Наставникъ нашъ, наставникъ твой,
Онъ кроется въ странѣ мечтаній,
Въ своей Германіи родной.
Досель хладѣющія длани
По струнамъ бѣгаютъ порой
.....
И вѣрь, онъ съ радостью живой
Въ пріютѣ старости унылой
Еще услышитъ голосъ твой..

По словамъ П. В. Анненкова (Мат., 177), есть предположеніе, что Гёте зналъ о написанной Пушкинымъ сценѣ: «Разсказываютъ, что онъ послалъ Пушкину поклонъ черезъ одного русскаго путешественника и препроводилъ съ нимъ, въ подарокъ, собственное свое перо, которое, какъ мы слышали, многіе видѣли въ кабинетѣ Пушкина, въ богатомъ футлярѣ, имѣвшемъ надпись: «Подарокъ Гёте».

Два послѣдніе стиха не были пропущены высшею цензурою, на разсмотрѣніе которой Пушкинъ представлялъ свои произведенія, и до 1861 г. не печатались. См. Соч. Плетнева, III, 345.]

ПОЛТАВА.

(1828).

The power and glory of the war,
Faithless, as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.

Byron.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полтавская битва есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ счастливыхъ происшествій царствованія Петра Великаго. Она избавила его отъ опаснѣйшаго врага; утвердила русское владычество на югѣ, обезпечила новыя завоеванія на сѣверѣ и доказала государству успѣхъ и необходимость преобразованія, совершаемаго царемъ.

Ошибка шведскаго короля вошла въ пословицу. Его упрекаютъ въ неосторожности, находятъ его походъ въ Украину безразсуднымъ. На критиковъ не угодишь, особенно послѣ неудачи, Карль, однакожъ, симъ походомъ избѣгнулъ славной ошибки Наполеона: онъ не пошелъ на Москву. И могъ ли онъ ожидать, что Малороссія, всегда безпокойная, не будетъ увлечена примѣромъ своего гетмана и не возмутится противу недавняго владычества Петра, что Левенгауптъ три дня сряду будетъ разбитъ, что наконецъ 25,000 шведовъ, предводительствуемыхъ своимъ королемъ, побѣгутъ передъ нарвскими бѣглецами? Самъ Петръ долго колебался, избѣгая главнаго сраженія, яко зѣло опаснаго дѣла. Въ семь походѣ Карль XII менѣе, нежели когда нибудь, ввѣрялся своему счастью: оно уступило генію Петра.

Мазепа есть одно изъ самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи. Нѣкоторые писатели хотѣли сдѣлать изъ него героя свободы, новаго Богдана Хмѣльницкаго. Исторія представляетъ его честолюбцемъ, закоренѣлымъ въ коварствахъ и злодѣянiяхъ, клеветникомъ Самойловича — своего благодѣтеля, губителемъ отца несчастной своей любовницы, измѣнникомъ Петра передъ его побѣдою, предателемъ Карла послѣ его пораженiя: память его, преданная церковно ананемѣ, не можетъ избѣгнуть и проклятiя человѣчества.

Нѣкто въ романтической повѣсти изобразилъ Мазепу старымъ трусомъ, блѣднѣющимъ предъ вооруженной женщиной, изобрѣтающимъ утонченные ужасы, годные во французской мелодрамѣ и проч. Лучше было бы развить и объяснить настоящiй характеръ мятежнаго гетмана, не искажая своевольно историческаго лица.

31 января 1829.

ПОСВЯЩЕНИЕ.

Тебѣ — но голосъ музы темной
 Коснется ль слуха твоего?
 Поймешь ли ты душою скромной
 Стремленье сердца моего?
 Иль посвященiе поэта,
 Какъ нѣкогда его любовь,
 Передъ тобою безъ привѣта
 Пройдетъ, непризнанное вновь?

Узнай, по крайней мѣрѣ, звуки,
 Бывало, милые тебѣ —
 И думай, что во дни разлуки,
 Въ моей измѣнчивой судьбѣ,
 Твоя далекая пустыня,
 Послѣднiй звукъ твоихъ рѣчей —
 Одно соковище, святыня,
 Одна любовь души моей.

(27 октября 1828. Дер. Малинники).

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Богатъ и славенъ Кочубей ¹⁾.
 Его луга необозримы;
 Тамъ табуны его коней
 Пасутся вольны, нехранимы.
 Кругомъ Полтавы хутора ²⁾
 Окружены его садами,
 И много у него добра,
 Мѣховъ, атласа, серебра
 И на виду, и подъ замками.
 Но Кочубей богатъ и гордъ
 Не долгогривыми конями ³⁾,
 Не златомъ, данью крымскихъ ордъ,
 Не родовыми хуторами —
 Прекрасной дочерью своей
 Гордится старый Кочубей.

И то сказать: въ Полтавѣ нѣтъ
 Красавицы, Маріи равной.
 Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
 Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
 Какъ тополь кіевскихъ высотъ
 Она стройна. Ея движенья
 То лебедя пустынныхъ водъ
 Напоминають плавный ходъ,
 То лани быстрыя стремленья.
 Какъ пѣна, грудь ея бѣла;
 Вокругъ високаго чела,
 Какъ тучи, локоны чернѣють;
 Звѣздой блестятъ ея глаза;
 Ея уста какъ роза рдѣють.
 Но не единая краса
 (Мгновенный цвѣтъ!) молвою шумной

¹⁾ Василій Леонтьевичъ Кочубей — генеральный судья, одинъ изъ предковъ нынѣшнихъ графовъ.

²⁾ Хуторъ — загородный домъ.

³⁾ У Кочубея было нѣсколько дочерей; одна изъ нихъ была замужемъ за Обидовскимъ, племянникомъ Мазепы. Та, о которой здѣсь упоминается, называлась Матреной.

Въ младой Маріи почтена:
 Вездѣ прославилась она
 Дѣвицей скромной и разумной.
 За то завидныхъ жениховъ
 Ей шлетъ Украина и Россія;
 Но отъ вѣнца, какъ отъ оковъ,
 Бѣжить пугливая Марія.
 Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
 За ней самъ гетманъ сватовъ шлетъ ⁴⁾...

Онъ старъ, онъ удрученъ годами,
 Войной, заботами, трудами;
 Но чувства въ немъ кипятъ, и вновь
 Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мгновенно сердце молодое
 Горитъ и гаснетъ. Въ немъ любовь
 Проходитъ и приходитъ вновь,
 Въ немъ чувство каждый день иное.
 Не столь послушно, не слегка,
 Не столь мгновенными страстями
 Пылаетъ сердце старика,
 Окаменѣлое годами.
 Упорно, медленно оно
 Въ огнѣ страстей раскалено;
 Но поздній жаръ ужъ не остынетъ
 И съ жизнью лишь его покинетъ.

Не серна подъ утесъ уходитъ,
 Орла слыша тяжкій летъ;
 Одна въ сѣняхъ невѣста бродитъ,
 Трепещетъ и рѣшенья ждетъ.

И вся полна негодованьемъ
 Къ ней мать идетъ, и съ содроганьемъ
 Схвативъ ей руку, говоритъ:
 «Бестыдный! старецъ нечестивый!
 Возможно ль?.. Нѣтъ, пока мы живы,
 Нѣтъ! онъ грѣха не совершитъ.
 Онъ, должный быть отцомъ и другомъ

⁴⁾ Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но ему отказали.

Невинной крестницы своей...
 Безумецъ! на закатѣ дней
 Онъ вздумалъ быть ея супругомъ!»
 Марія вздрогнула. Лицо
 Покрыла блѣдность гробовая,
 И охладѣвъ, какъ неживая,
 Упала дѣва на крыльцо.

Она опомнилась, но снова
 Закрыла очи — и ни слова
 Не говорить. Отецъ и мать
 Ей сердце ищутъ успокоить,
 Боязнь и горе разогнать,
 Тревогу смутныхъ думъ устроить...
 Напрасно. Цѣлые два дня,
 То молча плача, то стѣня,
 Марія не пила, не ѣла,
 Шатаясь, блѣдная какъ тѣнь,
 Не зная сна. На третій день
 Ея свѣтлица опустѣла.

Никто не зналъ, когда и какъ
 Она сокрылась. Лишь рыбакъ
 Той ночью слышалъ конскій топотъ,
 Казачью рѣчь и женскій шопотъ,
 И утромъ слѣдъ осьми подковъ
 Былъ виденъ на росѣ луговъ.

Не только первый пухъ ланить,
 Да русы кудри молодья,—
 Порой и старца строгій видъ,
 Рубцы чела, волосы сѣдые
 Въ воображенъе красоты
 Влагаютъ страстные мечты.

И вскорѣ слуха Кочубея
 Коснулась роковая вѣсть:
 Она забыла стыдъ и честь,
 Она въ объятіяхъ злодѣя!
 Какой позоръ! Отецъ и мать
 Молву не смѣютъ понимать.
 Тогда лишь истина явилась

Съ своей ужасной наготой;
 Тогда лишь только объяснилась
 Душа преступницы молодой;
 Тогда лишь только стало явно,
 Зачѣмъ бѣжала своенравно
 Она семейственныхъ оковъ,
 Томилась тайно, воздыхала,
 И на привѣты жениховъ
 Молчаньемъ гордымъ отвѣчала;
 Зачѣмъ такъ тихо за столомъ
 Она лишь гетману внимала,
 Когда бесѣда ликовала
 И чаша пѣнилась виномъ;
 Зачѣмъ она всегда пѣвала
 Тѣ пѣсни, кои онъ слагалъ ⁵⁾,
 Когда онъ бѣденъ былъ и малъ,
 Когда молва его не знала;
 Зачѣмъ съ неженскою душой
 Она любила конный строй,
 И бранный звонъ литавръ, и клики
 Предъ бунчукомъ и булавою
 Малороссійскаго владыки... ⁶⁾

Богатъ и знатенъ Кочубей;
 Довольно у него друзей;
 Свою омытъ онъ можетъ славу;
 Онъ можетъ возмутить Полтаву;
 Внезапно средъ его дворца
 Онъ можетъ мщеніемъ отца
 Постигнуть гордаго злодѣя;
 Онъ можетъ вѣрною рукой
 Вонзить... но замыселъ иной
 Волнуеть сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
 Когда Россія молодая,
 Въ бореньяхъ силы напрягая,

⁵⁾ Преданіе приписываетъ Мазепѣ нѣсколько пѣсней, донинѣ сохранившихся въ памяти народной. Кочубей въ своемъ доносѣ также упоминаетъ о патріотической думѣ, будто бы сочиненной Мазепою. Она замѣчательна не въ одномъ историческомъ отношеніи.

⁶⁾ Бунчукъ и булава—знаки гетманскаго достоинства.

Мужала съ геніемъ Петра.
 Суровый былъ въ наукѣ славы
 Ей данъ учитель: не одинъ
 Урокъ неожиданный и кровавый
 Задалъ ей шведскій паладинъ.
 Но въ искушеньяхъ долгой кары
 Перетерпѣвъ судебъ удары,
 Окрѣпла Русь. Такъ тяжкій млатъ,
 Дробя стекло, куеть булатъ.

Вѣнчаннй славой бесполезной,
 Отважный Карлъ скользилъ надъ бездной.
 Онъ шель на древнюю Москву,
 Взметая русскія дружины,
 Какъ вихоръ гонить прахъ долины
 И клонить пыльную траву.
 Онъ шель путемъ, гдѣ слѣдъ оставилъ
 Въ дни наши новый, сильный врагъ,
 Когда паденіемъ ославилъ
 Мужъ рока свой попятный шагъ⁷⁾.

Украина глухо волновалась.
 Давно въ ней искра разгоралась;
 Друзья кровавой старины
 Народной чаяли войны,
 Роптали, требуя кичливо,
 Чтобъ гетманъ узы ихъ расторгъ,
 И Карла ждалъ нетерпѣливо
 Ихъ легкомысленный восторгъ.
 Вокругъ Мазепы раздавался
 Мятажный крикъ: пора, пора!
 Но старый гетманъ оставался
 Послушнымъ подданнымъ Петра.
 Храня суровость обычайну,
 Спокойно вѣдалъ онъ Украину,
 Молвъ, казалось, не внималь,
 И равнодушно пироваль.

«Что жъ гетманъ? юноши твердили:
 Онъ изнемогъ; онъ слишкомъ старъ;

⁷⁾ Смотр. Мазепу Байрона.

Труды и годы угасили
 Въ немъ прежній, дѣятельный жарь.
 Зачѣмъ дрожащею рукою
 Еще онъ носить булаву?
 Теперь бы грянуть намъ войною
 На ненавистную Москву!
 Когда бы старый Дорошенко ⁸⁾,
 Иль Самойловичъ молодой ⁹⁾,
 Иль нашъ Палѣй ¹⁰⁾, иль Гордѣенко ¹¹⁾
 Владѣли силой войсковою;
 Тогда бъ въ снѣгахъ чужбины дальней
 Не погибали казаки,
 И Малороссіи печальной
 Освобождались ужъ полки» ¹²⁾.

Такъ, своеволіемъ пылая,
 Роптала юность удалая,
 Опасныхъ алча перемѣнъ,
 Забывъ отчизны давній плѣнъ,
 Богдана счастливые споры,
 Святыя брани, договоры,
 И славу дѣдовскихъ временъ.
 Но старость ходитъ осторожно
 И подозрительно глядитъ:
 Чего нельзя и что возможно,
 Еще не вдругъ она рѣшитъ.
 Кто снидетъ въ глубину морскую,
 Покрытую недвижно льдомъ?
 Кто испытующимъ умомъ
 Проникнетъ бездну роковую
 Души коварной? Думы въ ней,
 Плоды подавленныхъ страстей,

⁸⁾ Дорошенко, одинъ изъ героевъ древней Малороссіи, непримиримый врагъ русскаго владычества.

⁹⁾ Григорій Самойловичъ, сынъ гетмана, сосланнаго въ Сибирь въ началѣ царствованія Петра I.

¹⁰⁾ Симеонъ Палѣй, хвостовскій полковникъ, славный наѣздникъ. За своевольные набѣги сосланъ былъ въ Енисейскъ, по жалобамъ Мазепы. Когда сей послѣдній оказался измѣнникомъ, то и Палѣй, какъ закоренѣлый врагъ его, былъ возвращенъ изъ ссылки и находился въ полтавскомъ сраженіи.

¹¹⁾ Костя Гордѣенко, кошевой атаманъ запорожскихъ казаковъ. Впослѣдствіи передался Карлу XII. Взятъ въ плѣнъ и казненъ въ 1708 г.

¹²⁾ 20000 казаковъ было послано въ Лифляндію.

Лежать погружены глубоко,
 И замысль давнишнихъ дней,
 Быть можетъ, зрѣеть одиноко.
 Какъ знать? Но чѣмъ Мазепа злѣй,
 Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
 Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
 И въ обхожденіи простѣй.
 Какъ онъ умѣетъ самовластно
 Сердца привлечь и разгадать,
 Умами править безопасно,
 Чужія тайны разрѣшать!
 Съ какой довѣрчивостью живой,
 Какъ добродушно на пирахъ
 Со старцами старикъ болтливый
 Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ.
 Свободу славить съ своевольнымъ,
 Поносить власти съ недовольнымъ,
 Съ ожесточеннымъ слезы льетъ,
 Съ глупцомъ разумну рѣчь ведетъ!
 Немногимъ, можетъ быть, извѣстно,
 Что духъ его неукротимъ,
 Что радъ и честно, и безчестно
 Вредить онъ недругамъ своимъ;
 Что ни единой онъ обиды
 Съ тѣхъ поръ какъ живъ, не забывалъ.
 Что далеко преступны виды
 Старикъ надменный простиралъ;
 Что онъ не вѣдаетъ святыни,
 Что онъ не помнитъ благостыни,
 Что онъ не любитъ ничего,
 Что кровь готовъ онъ лить какъ воду,
 Что презираетъ онъ свободу,
 Что нѣтъ отчизны для него.

Издавна умысль ужасный
 Взлелѣялъ тайно злой старикъ
 Въ душѣ своей. Но взоръ опасный,
 Враждебный взоръ — его проникъ.

«Нѣтъ, дерзкій хищникъ, нѣтъ, губитель!
 Скрежеща, мыслить Кочубей:
 Я пощажу твою обитель,

Темницу дочери моей;
 Ты не истлѣешь средь пожара,
 Ты не издохнешь отъ удара
 Казачьей сабли. Нѣтъ, злодѣй!
 Въ рукахъ московскихъ палачей,
 Въ крови, при тщетныхъ отрицаньяхъ,
 На дыбѣ, корчась въ истязаньяхъ,
 Ты проклянешь и день, и часъ,
 Когда ты дочь крестилъ у насъ,
 И пиръ, на коемъ чести чашу
 Тебѣ я полную наливалъ,
 И ночь, когда голубку нашу
 Ты, старый коршунъ, заклевалъ!..»

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
 Былъ другъ Мазепа; въ оны дни,
 Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ,
 Дѣлились чувствами они.
 Ихъ кони по полямъ побѣды
 Скакали рядомъ сквозь огни;
 Нерѣдко долгія бесѣды
 Наединѣ вели они —
 Предъ Кочубеемъ гетманъ скрытный
 Души мятежной, ненасытной
 Отчасти бездну открывалъ,
 И о грядущихъ измѣненьяхъ,
 Переговорахъ, возмущеньяхъ
 Въ рѣчахъ неясныхъ намекалъ.
 Такъ, было сердце Кочубея
 Въ то время предано ему,
 Но въ горькой злобѣ свирѣпѣя,
 Теперь позыву одному
 Оно послушно; онъ голубить
 Едину мысль и день и ночь:
 Иль самъ погибнетъ, иль погубить —
 Отмстить поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу
 Онъ крѣпко въ сердцѣ затаилъ.
 «Въ бессильной горести, ко гробу
 Теперь онъ мысли устремилъ.
 Онъ зла Мазепѣ не желаетъ

Всему виновна дочь одна;
 Но онъ и дочери прощаетъ:
 Пусть Богу дастъ отвѣтъ она,
 Покрывъ семью свою позоромъ,
 Забывъ и небо, и законъ...»

А между тѣмъ, орлинымъ взоромъ
 Въ кругу домашнемъ ищетъ онъ
 Себѣ товарищей отважныхъ,
 Неколебимыхъ, непродажныхъ.
 Во всемъ открылся онъ женѣ: ¹³⁾
 Давно въ глубокой тишинѣ
 Уже доносъ онъ грозный копить,
 И гнѣва женскаго полна,
 Нетерпѣливая жена
 Супруга злобнаго торопить.
 Въ тиши ночной, на ложѣ сна,
 Какъ вѣкій духъ, ему она
 О мщеньѣ шепчетъ, укоряетъ,
 И слезы льетъ, и ободряетъ.
 И клятвы требуетъ — и ей
 Клянется мрачный Кочубей.
 Ударъ обдуманъ. Съ Кочубеемъ
 Безстрашный Искра заодно ¹⁴⁾,
 И оба мыслятъ: «одолѣемъ;
 Врага паденье рѣшено.
 Но кто жъ, усердьемъ пламенѣя,
 Ревнуя къ общему добру,
 Доносъ на мощнаго злодѣя
 Предубѣжденному Петру
 Къ ногамъ положить не робѣя?»

Между полтавскихъ казаковъ,
 Презрѣнныхъ дѣвою несчастной,
 Одинъ съ младенческихъ годовъ
 Ее любилъ любовью страстной.
 Вечерней, утренней порой,
 На берегу рѣки родной,

¹³⁾ Мазепа въ одномъ письмѣ упрекаетъ Кочубея въ томъ, что имъ управляетъ жена его, гордая и высокоумная.

¹⁴⁾ Искра, полтавскій полковникъ, товарищъ Кочубея, раздѣлившій съ нимъ его умыселъ и участь.

Въ тѣни украинскихъ черешень,
 Бывало, онъ Марію ждалъ,
 И ожиданіемъ страдалъ,
 И краткой встрѣчей былъ утѣшенъ.
 Онъ безъ надеждъ ее любилъ,
 Не докучалъ онъ ей мольбою:
 Отказа бъ онъ не пережилъ.
 Когда наѣхали толпою
 Къ ней женихи, изъ ихъ рядовъ
 Унылъ и сирь онъ удалился.
 Когда же вдругъ межъ казаковъ
 Позоръ Маринъ огласился,
 И непощадная молва
 Ее со смѣхомъ поразила —
 И тутъ Марія сохранила
 Надъ нимъ привычныя права *).
 Но если кто хотя случайно
 Предъ нимъ Мазепу называлъ,
 То онъ блѣднѣлъ, терзаясь тайно,
 И взоры въ землю опускалъ.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ
 Такъ поздно ѣдетъ на конѣ?
 Чей это конь неутомимый
 Бѣжитъ въ степи необозримой?

Казакъ на сѣверъ держитъ путь,
 Казакъ не хочетъ отдохнуть
 Ни въ чистомъ полѣ, ни въ дубравѣ,
 Ни при опасной переправѣ.

Какъ стекло булатъ его блеститъ,
 Мѣшокъ за пазухой звенитъ,

*) Въ рукописи слѣдовали за этимъ еще стихи, исключенные при перепискѣ поэмы:

Убитый ею, къ ней одной
 Стремилъ онъ страстныя желанья,
 И горькій ропотъ и мечтанья
 Души кипящей и больной.
 Еще хоть разъ ее увидѣтъ
 Безумной жаждой опъ горѣлъ;
 Ни презирать, ни пенавидѣтъ
 Ее не могъ и не хотѣлъ.

Не спотыкаясь, конь ретивый
 Бѣжить, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца,
 Булатъ — потѣха молодца,
 Ретивый конь — потѣха тоже,
 Но шапка для него дороже.

За шапку онъ оставить радъ
 Коня, червонцы и булатъ,
 Но выдасть шапку только съ бою,
 И то лишь съ буйной головою.

Зачѣмъ онъ шапкой дорожить?
 Затѣмъ, что въ ней доносъ зашить,
 Доносъ на гетмана-злодѣя
 Царю Петру отъ Кочубея.

Грозы не чуж, между тѣмъ
 Не ужасаемый ничѣмъ,
 Мазепа козни продолжаетъ;
 Съ нимъ полномощный езуитъ ¹⁵⁾
 Мятежъ народный учреждаетъ
 И шаткій тронъ ему сулитъ.
 Во тѣмъ ночной они какъ воры
 Ведутъ свои переговоры,
 Измѣну цѣнять межъ собой,
 Слагаютъ цифрѣ универсаль ¹⁶⁾,
 Торгуютъ царской головой,
 Торгуютъ клятвами вассаловъ.
 Какой-то нищій во дворецъ
 Невѣдомо отколѣ ходитъ,
 И Орликъ, гетмановъ дѣлецъ ¹⁷⁾,
 Его приводить и выводить.
 Повсюду тайно сѣютъ ядъ

¹⁵⁾ Езуитъ Заленскій, княгиня Дульская и какой-то болгарскій архіепископъ, изгнанный изъ своего отечества, были главными агентами Мазепиной измѣны. Послѣдній въ видѣ нищаго ходилъ изъ Польши въ Украину и обратно.

¹⁶⁾ Такъ назывались манифесты гетмановъ.

¹⁷⁾ Филиппъ Орликъ, генеральный писарь, напереникъ Мазепы, послѣ смерти (въ 1710) сего послѣдняго, получилъ отъ Карла XII пустой титулъ малороссійскаго гетмана. Впослѣдствіи принялъ магометанскую вѣру, и умеръ въ Бендерахъ около 1736 года.

Его подосланные слуги:
 Тамъ, на Дону, казачьи круги
 Они съ Булавинымъ мутятъ ¹⁸⁾,
 Тамъ будятъ дикихъ ордь отвагу,
 Тамъ, за порогами Днѣпра,
 Стращаютъ буйную ватагу
 Самодержавіемъ Петра.
 Мазепа всюду взоръ кидаетъ,
 И письма шлетъ изъ края въ край,
 Угрозой хитрой подымаетъ
 Онъ на Москву Бахчисарай.
 Король ему въ Варшавѣ внемлетъ,
 Въ стѣнахъ Очакова папа,
 Во станѣ Карль и царь. Не дремлетъ
 Его коварная душа;
 Онъ думой думу развивая,
 Вѣрнѣй готовитъ свой ударъ;
 Въ немъ не слабѣетъ воля злая,
 Неумимъ преступный жаръ.

“ Но какъ онъ вздрогнулъ, какъ воспрянулъ,
 Когда предъ нимъ незапно грянулъ
 Упадшій громъ! когда ему,
 Врагу Россіи, самому
 Вельможи русскіе послали ¹⁹⁾
 Въ Полтавѣ писанный доносъ,
 И вмѣсто праведныхъ угрозъ,
 Какъ жертвѣ, ласки расточали;
 И озабоченный войной,
 Гнушаясь мнимой клеветой,
 Доносъ оставя безъ вниманья,
 Самъ царь Іуду утѣшалъ,
 И злобу шумомъ наказанья
 Смирить надолго обѣщаль!

Мазепа, въ горести притворной,
 Къ царю возносить гласъ покорный.
 «И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:

¹⁸⁾ Булавинъ, донской казакъ, бунтовавшій около того времени.

¹⁹⁾ Тайный секретарь Шафировъ и гр. Головкинъ, друзья и покровители Мазепы; на нихъ по справедливости долженъ лежать ужасъ суда и казни доносителей.

Онъ, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ
 Царю служилъ душою вѣрной;
 Его щедротою безмѣрной
 Осыпанъ, дивно вознесенъ...
 О, какъ слѣпа, безумна злоба!..
 Ему ль теперь, у двери гроба,
 Начать ученіе измѣнъ
 И потемнять благую славу?
 Не онъ ли помощь Станиславу ²⁰⁾
 Съ негодованьемъ отказалъ,
 Стыдясь, отвергъ вѣнецъ Украйны,
 И договоръ, и письма тайны
 Къ царю, по долгу, отослалъ?
 Не онъ ли наущеньямъ хана ²¹⁾
 И цареградскаго султана
 Былъ глухъ, усердіемъ горя,
 Съ врагами бѣлаго царя
 Умомъ и саблей радъ былъ спорить,
 Трудовъ и жизни не жалѣлъ?—
 И нынѣ злобный недругъ смѣлъ
 Его сѣдины опозорить!
 И кто же? Искра, Кочубей!
 Такъ долго бывъ его друзьями!..
 И съ кровожадными слезами,
 Въ холодной дровости своей,
 Ихъ казни требуетъ злодѣй ²²⁾...

Чьей казни?.. Старецъ непреклонный!
 Чья дочь въ объятіяхъ его?
 Но хладно сердца своего
 Онъ заглушаетъ ропотъ сонный.
 Онъ говорить: «въ неравный споръ
 Зачѣмъ вступаетъ сей безумецъ?
 Онъ самъ, надменный вольнодумецъ,
 Самъ точить на себя топоръ.

²⁰⁾ Въ 1705 году. Смол. примѣчанія къ Исторіи Малороссіи, Б.-Каменскаго

²¹⁾ Во время неудачнаго похода въ Крымъ, Казы-Гирей предлагалъ ему соединиться съ нимъ и вмѣстѣ напасть на русское войско.

²²⁾ Въ своихъ письмахъ онъ жаловался, что доносителей пытали слишкомъ легко, неотступно требовалъ ихъ казни, сравнивая себя съ Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а графа Головкина съ пророкомъ Данииломъ.

Куда бѣжить, зажавши вѣжды?
 На чемъ онъ основалъ надежды?
 Или... но дочери любовь
 Главы отцовской не искупить.
 Любовникъ гетману уступить.
 Не то — моя прольется кровь.»

Марія, бѣдная Марія,
 Краса черкасскихъ дочерей!
 Не знаешь ты, какого змія
 Ласкаешь на груди своей.
 Какой же властью непонятной
 Къ душѣ свирѣпой и развратной
 Такъ сильно ты привлечена?
 Кому ты въ жертву отдана?
 Его кудрявыя сѣдины,
 Его глубокія морщины,
 Его блестящій, впалый взоръ,
 Его лукавый разговоръ
 Тебѣ всего, всего дороже:
 Ты мать забыть для нихъ могла,
 Соблазномъ посланное ложе
 Ты отчей сѣни предпочла!
 Своими чудными глазами
 Тебя старикъ заворожилъ,
 Своими тихими рѣчами
 Въ тебѣ онъ совѣсть усыпилъ,
 Ты на него съ благоговѣньемъ
 Возводишь ослѣпленный взоръ,
 Его лелѣешь съ умиленьемъ —
 Тебѣ пріятенъ твой позоръ,
 Ты имъ въ безумномъ упоеньѣ,
 Какъ цѣломудріемъ горда —
 Ты прелесть вѣжную стыда
 Въ своемъ утратила паденьѣ...

Что стыдъ Маріи? Что молва?
 Что для нея мірскія пени,
 Когда склоняется въ колѣни
 Къ ней старца гордая глава,
 Когда съ ней гетманъ забываетъ
 Судьбы своей и трудъ, и шумъ,

Иль тайны смѣлыхъ, грозныхъ думъ
 Ей, дѣвѣ робкой, открываетъ?
 И дней невинныхъ ей не жаль,
 И душу ей одна печаль
 Порой, какъ туча, затмѣваетъ:
 Она унылыхъ предъ собой
 Отца и мать воображаетъ;
 Она, сквозь слезы, видитъ ихъ
 Въ бездѣтной старости однихъ,
 И, мнится, пенямъ ихъ внимаетъ...
 О, если бѣ вѣдала она,
 Чтò ужъ узнала вся Украина!
 Но отъ нея сохранена
 Еще убійственная тайна.

(3 октября).

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Мазепа мраченъ. Умъ его
 Смущенъ жестокими мечтами.
 Марія нѣжными очами
 Глядитъ на старца своего.
 Она, обнявъ его колѣни,
 Слова любви ему твердитъ;
 Напрасно: черныхъ помышлений
 Ея любовь не удалить.
 Предъ бѣдной дѣвой съ невниманьемъ
 Онъ хладно потупляетъ взоръ,
 И ей на ласковый укоръ
 Однимъ отвѣтствуетъ молчаньемъ.
 Удивлена, оскорблена,
 Едва дыша, встаетъ она
 И говорить съ негодованьемъ:

Послушай, гетманъ: для тебя
 Я позабыла все на свѣтѣ.
 Навѣкъ однажды полюбя,
 Одно имѣла я въ предметѣ —
 Твою любовь. Я для нее
 Сгубила счастье мое.
 Но ни о чемъ я не жалѣю —

Ты помнишь: въ страшной тишинѣ,
 Въ ту ночь, какъ стала я твоею,
 Меня любить ты клялся мнѣ.
 Зачѣмъ же ты меня не любишь?

МАЗЕПА.

Мой другъ, несправедлива ты!
 Оставь безумныя мечты,
 Ты подозрѣнемъ сердце губишь.
 Нѣтъ, душу пылкую твою
 Волнуютъ, ослѣпляютъ страсти.
 Марія, вѣрь: тебя люблю
 Я больше славы, больше власти.

МАРІЯ.

Неправда; ты со мной хитришь.
 Давно ль мы были неразлучны?
 Теперь ты ласкъ моихъ бѣжишь,
 Теперь онѣ тебѣ докучны;
 Ты цѣлый день въ кругу старшинъ
 Въ пирахъ, развѣздахъ — я забыта;
 Ты долгой ночью иль одинъ,
 Иль съ нищимъ, иль у езуита.
 Любовь смиренная моя
 Встрѣчаетъ хладную суровость.
 Ты пилъ недавно, знаю я,
 Здоровье Дульской. Это новость;
 Кто эта Дульская?

МАЗЕПА.

И ты

Ревнива? мнѣ ль, въ мои ли лѣта
 Искать надменнаго привѣта
 Самолюбивой красоты?
 И стану ль я, старикъ суровый,
 Какъ правдный юноша, вздыхать,
 Влачить позорныя оковы
 И женъ притворствомъ искушать?

МАРІЯ.

Нѣтъ, объяснись безъ отговорокъ,
 И просто, прямо отвѣчай.

МАЗЕПА.

Покой души твоей мнѣ дорогъ,
Марія; такъ и быть, узнай.

Давно замыслили мы дѣло;
Теперь оно кипить у насъ;
Благое время намъ приспѣло;
Борьбы великой близокъ часъ.
Безъ милой вольности и славы
Склоняли долго мы главы
Подъ покровительствомъ Варшавы,
Подъ самовластіемъ Москвы.
Но независимой державой
Украинѣ быть уже пора —
И знамя вольности кровавой
Я поднимаю на Петра.
Готово все: въ переговорахъ
Со мною оба короля;
И скоро въ смутахъ, въ бранныхъ спорахъ,
Быть можетъ, тронъ воздвигну я.
Друзей надежныхъ я имѣю:
Княгиня Дульская и съ нею
Мой езуитъ, да нищій сей
Къ концу мой замыселъ приводятъ:
Черезъ руки ихъ ко мнѣ доходятъ
Наказы, письма королей.
Вотъ важныя тебѣ признанья.
Довольна ль ты? Твои мечтанья
Разсѣяны ль?

МАРІЯ.

О милый мой,
Ты будешь царь земли родной!
Твоимъ сѣдинамъ какъ пристанеть
Корона царская!

МАЗЕПА.

Постой,
Не все свершилось. Буря грянетъ;
Кто можетъ знать, что ждетъ меня?

МАРІЯ.

Я близь тебя не знаю страха —
Ты такъ могуць! О, знаю я:
Тронъ ждетъ тебя.

МАЗЕПА.

А если плаха?..

МАРІЯ.

Съ тобой на плаху, если такъ.
Ахъ, пережить тебя могу ли?
Но нѣтъ, ты носишь власти знакъ.

МАЗЕПА.

Меня ты любишь?

МАРІЯ.

Я! люблю ли?

МАЗЕПА.

Скажи: отецъ или супругъ
Тебѣ дороже?

МАРІЯ.

Милый другъ,
Къ чему вопросъ такой? Тревожить
Меня напрасно онъ. Семейю
Стараюсь я забыть мою.
Я стала ей въ поворъ; быть можетъ
(Какая страшная мечта!),
Моимъ отцомъ я проклята,—
А за кого?

МАЗЕПА

Такъ я дороже
Тебѣ отца? Молчишь...

МАРІЯ.

О Боже!

МАЗЕПА.

Что жъ? Отвѣчай.

МАРІЯ.

Рѣши ты самъ.

МАЗЕПА.

Послушай: если было бѣ намъ,
Ему иль мнѣ, погибнуть надо,
А ты бы намъ судьей была,
Кого бѣ ты въ жертву принесла,
Кому бы ты была ограда?

МАРІЯ.

Ахъ, полно! сердце не смущай!
Ты искунитель.

МАЗЕПА.

Отвѣчай!

МАРІЯ.

Ты блѣденъ; рѣчь твоя сурова...
О, не сердись! всѣмъ, всѣмъ готова
Тебѣ я жертвовать, повѣрь;
Но страшны мнѣ слова такія.
Довольно.

МАЗЕПА.

Помни же, Марія,
Что ты сказала мнѣ теперь.

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ,
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопоть и смятенье.
Въ одной изъ башенъ, подъ окномъ,
Въ глубокомъ, тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.

Заутра казнь. Но безъ боязни
 Онъ мыслить объ ужасной казни;
 О жизни не жалѣеть онъ.
 Что смерть ему? желанный сонъ.
 Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
 Драма долить. Но, Боже правый!
 Къ ногамъ злодѣя, молча, пасть
 Какъ безсловесное созданье,
 Царемъ быть отдану во власть
 Врагу царя на поруганье,
 Утратить жизнь — и съ нею честь,
 Друзей съ собой на плаху вестъ,
 Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
 Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
 Врага веселый встрѣтитъ взоръ,
 И смерти кинуться въ объятя,
 Не завѣщая никому
 Вражды къ злодѣю своему!..

И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
 Обычный кругъ семьи, друзей,
 Минувшихъ дней богатство, славу,
 И пѣсни дочери своей,
 И старый домъ, гдѣ онъ родился,
 Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
 И все, чѣмъ въ жизни наслаждался,
 Что добровольно бросилъ онъ,
 И для чего? —

Но ключъ въ заржавомъ
 Замкѣ гремитъ — и пробужденъ
 Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
 Вотъ на пути моемъ кровавомъ
 Мой вождь подъ знаменемъ креста,
 Грѣховъ могущій разрѣшитель,
 Духовной скорби врачъ, служитель
 За насъ распятаго Христа,
 Его святую кровь и тѣло
 Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
 Да приступлю ко смерти смѣло
 И жизни вѣчной приобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
 Готовъ несчастный Кочубей

Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
 Излить тоску мольбы своей.
 Но не отшельника святого,
 Онъ гостя узнаеть иного —
 Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
 И отвращеніемъ томимъ,
 Страдалецъ горько вопрошаетъ:
 Ты здѣсь, жестокій человекъ?
 Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
 Еще Мазепа возмущаетъ?

ОРЛИКЪ.

Допросъ не конченъ; отвѣчай

КОЧУБЕЙ.

Я отвѣчалъ уже; ступай,
 Оставь меня.

ОРЛИКЪ.

Еще признанья
 Панъ гетманъ требуетъ.

КОЧУБЕЙ.

Но въ чемъ?

Давно сознался я во всемъ,
 Что вы хотѣли. Показанья
 Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
 Я строю козни. Гетманъ правъ.
 Чего вамъ болѣе?

ОРЛИКЪ.

Мы знаемъ,
 Что ты несчетно былъ богатъ;
 Мы знаемъ: не единый кладъ
 Тобой въ Диканькѣ укрываемъ²³).
 Свершиться казнь твоя должна;
 Твое имѣніе сполна
 Въ казну поступить войсковую —
 Таковъ законъ. Я указую
 Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
 Гдѣклады, скрытые тобой?

Деревня Кочубея.

соч. А. С. ПУШКИНА. Т. III.

КОЧУВЕЙ.

Такъ, не ошиблись вы: три клада
 Въ сей жизни были мнѣ отрада.
 И первый кладъ мой — честь была:
 Кладъ этотъ пытка отняла;
 Другой былъ кладъ невозвратимый —
 Честь дочери моей любимой.
 Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
 Мазепа этотъ кладъ укралъ.
 Но сохранилъ я кладъ послѣдній,
 Мой третій кладъ — святую мечь:
 Ее готовлюсь Богу снести.

ОРЛИКЪ.

Старикъ, оставь пустыя бредни;
 Сегодня покидая свѣтъ,
 Питайся мыслию суровой.
 Шутить не время. Дай отвѣтъ,
 Когда не хочешь пытки новой:
 Гдѣ спряталъ деньги?

КОЧУВЕЙ.

Злой холопъ!
 Окончишь ли допросъ нелѣпный?
 Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
 Тогда ступай себѣ съ Мазепою
 Мое наслѣдіе считать
 Окровавленными перстами,
 Мои подвалы разрывать,
 Рубить и жечь сады съ домами.
 Съ собой возьмите дочь мою;
 Она сама вамъ все расскажетъ,
 Сама всѣ клады вамъ укажетъ;
 Но ради Господа молю,
 Теперь оставь меня въ покоѣ.

ОРЛИКЪ.

Гдѣ спряталъ деньги? укажи.
 Не хочешь? — Деньги гдѣ? — скажи,
 Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.

Подумай: мѣсто намъ назначь.
Молчишь? — Ну, въ пытку. Гей, палачъ!²⁴⁾

Палачъ вошелъ...

О, ночь мученій!
Но гдѣ же гетманъ? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызеній
Змѣиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незнаніемъ блаженной,
Близъ ложа крестницы младой
Сидитъ съ поникшею главой
Мазепа тихій и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй.
«Умреть безумный Кочубей;
Спасати нельзя его. Чѣмъ ближе
Цѣль гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клевереть
Умрутъ.» Но, брося взоръ на ложе,
Мазепа думаетъ: «о, Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ —
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Сѣкира,
Упавъ поутру, загромитъ
По всей Украинѣ. Голосъ міра
Вокругъ нея заговоритъ!..
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ гровою,
Не призывай къ себѣ жены:
Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.

²⁴⁾ Уже осужденный на смерть, Кочубей былъ пытанъ въ войскѣ гетмана. По отвѣтамъ несчастнаго видно, что его допрашивали о сокровищахъ, имъ угаенныхъ.

Забылся я неосторожно —
 Теперь плачу безумства дань...
 Все, что цѣны себѣ не знаетъ,
 Все, все, чѣмъ жизнь мила бываетъ,
 Бѣдняжка принесла мнѣ въ даръ,
 Мнѣ, старцу мрачному — и что же?
 Какой готовлю ей ударъ!..»
 И онъ глядитъ: на тихомъ ложѣ
 Какъ сладокъ юности покой!
 Какъ сонъ ее лелѣетъ нѣжно!
 Уста раскрылись; безмятежно
 Дыханье груди молодой;
 А завтра, завтра... Содрогаясь,
 Мазепа отвращаетъ взглядъ,
 Встаетъ и, тихо пробираясь,
 Въ уединенный сходить садъ.

Тиха украинская ночь.
 Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
 Своей дремоты превозмочь
 Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
 Сребристыхъ тополей листы.
 Но мрачны странныя мечты
 Въ душѣ Мазепы: звѣзды ночи,
 Какъ обвинительныя очи,
 За нимъ насмѣшливо глядятъ.
 И тополи, стѣснившись въ рядъ,
 Качая тихо головою,
 Какъ судьбы шепчутъ межъ собою,
 И лѣтней, теплой ночи тьма
 Душна, какъ черная тюрьма.

Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ
 Какъ бы изъ замка слышитъ онъ.
 То былъ ли сонъ воображенья,
 Иль плачь совы, иль звѣря вой,
 Иль пытки стонъ, иль звукъ иной —
 Но только своего волненья
 Преодолѣть не могъ старикъ,
 И на протяжный, слабый крикъ
 Другимъ отвѣтствовалъ — тѣмъ крикомъ,
 Которымъ онъ въ весельѣ дикомъ

Поля сраженья оглашаль,
 Когда съ Забѣлой, съ Гамалѣемъ,
 И — съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ
 Онъ въ бранномъ пламени скакаль.

Зари багряной полоса
 Объемлетъ ярко небеса.
 Блеснули доли, холмы, нивы,
 Вершины роцъ и волны рѣкъ.
 Раздался утра шумъ игривый
 И пробудился человѣкъ.

Еще Марія сладко дышетъ,
 Дремой объятая, и слышитъ
 Сквозь легкѣй сонъ, что кто-то къ ней
 Вошелъ и ногъ ея коснулся.
 Она проснулась — но скорѣй
 Съ улыбкой взоръ ея сомкнулся
 Отъ блеска утреннихъ лучей.
 Марія руки протянула
 И съ нѣгой томною шепнула:
 Мазепа, ты?.. Но голосъ ей
 Иной отвѣтствуетъ... О, Боже!
 Вздогнувъ, она глядитъ... и что же?
 Предъ нею мать...

МАТЬ.

Молчи, молчи,
 Не погуби насъ: я въ ночи
 Сюда прокралась осторожно
 Съ единой, слезною мольбой.
 Сегодня казнь. Тебѣ одной
 Свирѣпство ихъ смягчить возможно.
 Спаси отца!

ДОЧЬ (въ ужасѣ).

Какой отецъ?

Какая казнь?

МАТЬ.

Иль ты донинѣ
 Не знаешь?.. Нѣтъ! ты не въ пустынѣ,
 Ты во дворцѣ; ты знать должна,

Какъ сила гетмана грозна,
 Какъ онъ враговъ своихъ караетъ,
 Какъ государь ему внимаетъ.
 Но вижу, скорбную семью
 Ты отвергаешь для Мазепы;
 Тебя я сонну застаю,
 Когда свершаютъ судъ свирѣпый,
 Когда читаютъ приговоръ,
 Когда готовъ отцу топоръ...
 Другъ другу, вижу, мы чужія...
 Опомнись, дочь моя! Марія,
 Бѣги, пади къ его ногамъ,
 Спаси отца, будь ангель намъ:
 Твой взглядъ злодѣямъ руки свяжетъ,
 Ты можешь ихъ топоръ отвести.
 Рвись, требуй — гетманъ не откажетъ:
 Ты для него забыла честь,
 Родныхъ и Бога...

дочь.

Что со мною?

Отецъ... Мазепа... казнь... съ мольбою
 Здѣсь, въ этомъ замкѣ мать моя —
 Нѣтъ, иль ума лишилась я,
 Иль это грезы...

мать.

Богъ съ тобою!

Нѣтъ, нѣтъ — не грезы, не мечты.
 Ужель еще не знаешь ты,
 Что твой отецъ жесточенный
 Безчестья дочери не снесъ,
 И жаждой мести увлеченный,
 Царю на гетмана донесъ;
 Что въ истязаніяхъ кровавыхъ
 Сознался въ умыслахъ лукавыхъ,
 Въ стыдѣ безумной клеветы;
 Что жертва смѣлой правоты,
 Врагу онъ выданъ головою;
 Что предъ громадой войсковою,
 Когда его не осѣнить
 Десница вышняя Господня,

Онъ долженъ быть казнень сегодня;
 Что здѣсь покамѣсть онъ сидитъ
 Въ тюремной башнѣ.

дочь.

Боже, Боже!..
 Сегодня!.. Бѣдный мой отецъ!

И дѣва падаетъ на ложе,
 Какъ хладный падаетъ мертвецъ.

Пестрѣютъ шапки. Копья блещутъ.
 Бьютъ бубны. Скачутъ сердюки ²⁵⁾.
 Въ строяхъ равняются полки.
 Толпы кипятъ. Сердца трепещутъ.
 Дорога, какъ змѣиный хвостъ,
 Полна народу, шевелится.
 Средь поля роковой помость;
 На немъ гуляеть, веселится
 Палачъ и алчно жертвы ждеть:
 То въ руки бѣлыя беретъ,
 Играючи, топоръ тяжелый,
 То шутитъ съ чернью веселой.
 Въ гремучій говоръ все слилось:
 Крикъ женскій, брань, и смѣхъ, и ропоть.
 Вдругъ восклицанье раздалось —
 И смолкло все. Лишь конскій топотъ
 Былъ слышенъ въ грозной тишинѣ.
 Тамъ, окруженный сердюками,
 Вельможный гетманъ съ старшинами
 Скакалъ на ворономъ конѣ,
 А тамъ, по кievской дорогѣ,
 Телѣга ѣхала. Въ тревогѣ
 Всѣ взоры обратили къ ней.
 Въ ней, съ миромъ, съ небомъ примиренный,
 Могущей вѣрой укрѣпленный,
 Сидѣлъ безвинный Кочубей,
 Съ нимъ Искра тихій, равнодушный,
 Какъ агнецъ, жребію послушный.
 Телѣга стала. Раздалось

²⁵⁾ Войско, состоящее на собственномъ иждивеніи гетмановъ.

Моленъе ликовъ громогласныхъ;
 Съ кадилъ куренье поднялось;
 За упокой души несчастныхъ
 Безмолвно молится народъ,
 Страдальцы — за враговъ. И вотъ
 Идутъ они, взопли. На плаху,
 Крестьясь, ложится Кочубей.
 Какъ будто въ гробъ — тьмы людей
 Молчать. Топоръ блеснулъ съ размаху,
 И отскочила голова.
 Все поле охнуло. Другая
 Катится вслѣдъ за ней, мигая.
 Зардѣлась кровію трава —
 И сердцемъ радуясь во злобѣ,
 Палачъ за чубъ поймалъ ихъ обѣ,
 И напряженною рукой
 Потрясъ ихъ обѣ надъ толпой.

Свершилась казнь. Народъ безпечный
 Идетъ, рассыпавшись, домой,
 И про свои работы вѣчны
 Уже толкуетъ межъ собой.
 Пустѣетъ поле понемногу.
 Тогда чрезъ пеструю дорогу
 Перебѣжали двѣ жены.
 Утомлены, запылены,
 Онѣ, казалось, къ мѣсту казни
 Спѣшили, полныя боязни.
 Ужъ поздно, кто-то имъ сказалъ
 И въ поле перстомъ указалъ.
 Тамъ роковой намость ломали,
 Молился въ черныхъ ризахъ попъ,
 И на телѣгу подымали
 Два казака дубовый гробъ.

Одинъ предъ конною толпой
 Мазепа, гровень, удалялся
 Отъ мѣста казни. Онъ терзался
 Какой-то страшной пустотой.
 Никто къ нему не приближался;
 Не говорилъ онъ ничего;
 Весь въ пѣнѣ мчался конь его.

Домой пріѣхавъ, «что Марія?»
 Спросилъ Мазепа. Слышитъ онъ
 Отвѣты робкіе, глухіе...
 Невольно страхомъ пораженъ,
 Идетъ онъ къ ней; въ свѣтлицу входитъ —
 Свѣтлица тихая пуста.
 Онъ въ садъ, и тамъ смятенный бродить;
 Но вокругъ широкаго пруда,
 Въ кустахъ, вдоль сѣней безмятежныхъ
 Все пусто, нѣтъ нигдѣ слѣдовъ —
 Ушла! — Зоветъ онъ слугъ надежныхъ,
 Своихъ проворныхъ сердюковъ.
 Они бѣгутъ. Храпятъ ихъ кони —
 Раздался дикій кликъ погони,
 Верхомъ — и скачутъ молодцы
 Во весь опоръ, во всѣ концы.

Бѣгутъ мгновенья дорога, —
 Не возвращается Марія.
 Никто не вѣдалъ, не слыхаль,
 Зачѣмъ и какъ она бѣжала.
 Мазепа молча скрежеталъ;
 Затихнувъ, челядь трепетала.
 Въ груди кипучій ядънося,
 Въ свѣтлицѣ гетманъ заперся.
 Близъ ложа тамъ во мракѣ ночи
 Сидѣлъ онъ, не смыкая очи,
 Нездѣшной мукою томимъ.
 Поутру посланные слуги
 Одинъ явились за другимъ.
 Чуть кони двигались. Подпруги,
 Подковы, узды, чепраки,
 Все было пѣною покрыто,
 Въ крови, растеряно, избито —
 Но ни одинъ ему принести
 Не могъ о бѣдной дѣвѣ вѣсть.
 И слѣдъ ея существованья
 Пропалъ, какъ будто звукъ пустой,
 И мать одна во мракъ изгнанья
 Умчала горе съ нищетою.

(9 октября).

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Души глубокая печаль
 Стремиться дерзновенно въ даль
 Вождю Украйны не мѣшаетъ.
 Твердѣя въ умыслѣ своемъ,
 Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ
 Свои сношенья продолжаетъ.
 Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
 Глаза враждебнаго сомнѣнья,
 Онъ, окружась толпой врачей,
 На ложѣ мнимаго мученья
 Стоная, молитъ испѣленья.
 Плоды страстей, войны, трудовъ,
 Болѣзни, дряхлость и печали,
 Предтечи смерти, приковали
 Его къ одру. Уже готовъ
 Онъ скоро бранный мѣръ оставить;
 Святой обрядъ онъ хочетъ править,
 Онъ архипастыря зоветъ
 Къ одру сомнительной кончины,
 И на коварныя сѣдины
 Елей таинственный течетъ.

Но времяшло. Москва напрасно
 Къ себѣ гостей ждала всечасно,
 Средь старыхъ вражескихъ могилъ
 Готова шведамъ тризну тайну.
 Незапно Карлъ поворотилъ
 И перенесъ войну въ Украйну.

И день насталъ. Встаетъ съ одра
 Мазепа, сей страдалецъ хилый,
 Сей трупъ живой, еще вчера
 Стонавшій слабо надъ могилой.
 Теперь онъ мощный врагъ Петра;
 Теперь онъ, бодрый, предъ полками
 Сверкаетъ гордыми очами
 И саблей машетъ — и къ Деснѣ
 Проворно мчится на конѣ.
 Согбенный тяжко жизнью старой,

Такъ оный хитрый кардиналь,
Вѣнчавшись римскою тиарой,
И прямъ, и здравъ, и молодъ сталъ.

И вѣсть на крыльяхъ полетѣла;
Украина смутно зашумѣла:
«Онъ перешель, онъ измѣнилъ,
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный.» Пламя пышетъ,
Встаетъ кровавая заря
Войны народной.

Кто опишетъ
Негодованье, гнѣвъ царя? ²⁶⁾
Гремитъ анаема въ соборахъ;
Мазепы ликъ терзаетъ кать ²⁷⁾;
На шумной радѣ, въ вольныхъ спорахъ
Другого гетмана творять.
Съ береговъ пустынныхъ Енисея
Семейства Искры, Кочубея
Поспѣшно призваны Петромъ.
Онъ съ ними слезы проливаетъ;
Онъ ихъ, лаская, осыпаетъ
И новой честью, и добромъ.
Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украину ѣдетъ, въ царскій станъ.
Трепещетъ бунтъ осиротѣлый.
На плахѣ гибнетъ Чечель ²⁸⁾ смѣлый
И запорожскій атаманъ.
И ты, любовникъ бранной славы,
Для шлема кинувшій вѣнецъ,

²⁶⁾ Сильныя мѣры, принятыя Петромъ съ обыкновенной его быстротой и энергіей, удержали Украину въ повиновеніи. <1708 г. ноября 7-го числа, по указу государеву, казаки, по обычаю своему, вольными голосами выбрали въ гетманы полковника стародубскаго Ив. Скоропадскаго.— 8-го числа пріѣхали въ Глуховъ кіевскій, черниговскій и перяславскій архіепископы.— А 9-го дня предали влѣтвѣ Мазепу оныя архіереи публично; того же дня и персону (куклу) онаго измѣнника Мазепы вынесли, и снявъ кавалерію (которая на ту персону была надѣта съ бантомъ), оную персону бросили въ палачевскія руки, которую палаць, взявъ и прицѣпя за веревку, тащилъ по улицѣ и по площади даже до висѣлицы, а потомъ повѣсили.— Въ Глуховѣ же, 10-го дня казнили Чечеля и прочихъ измѣнниковъ...» (Журналь Петра Великаго).

²⁷⁾ Малороссійское слово. По-русски палаць.

²⁸⁾ Чечель отчаянно защищалъ Батурина противъ войскъ кн. Меншикова.

Твой близокъ день,— ты валь Полтавы
Вдали завидѣль наконецъ.

И царь туда жь помчалъ дружины.
Онѣ какъ буря притекли —
И оба стана средь равнины
Другъ друга хитро облегли:
Не разъ избитый въ схваткѣ смѣлой,
Заранѣ кровью опьянѣлый,
Съ бойцомъ желаннымъ наконецъ
Такъ грозный сходитя боецъ.
И злобясь, видитъ Карлъ могучій
Ужъ не разстроенныя тучи
Несчастныхъ нарвскихъ бѣглецовъ,
А нить полковъ блестящихъ, стройныхъ,
Послушныхъ, быстрыхъ и спокойныхъ,
И рядъ невыблемый штыковъ.

Но онъ рѣшилъ: завтра бой.
Глубокій сонъ во станѣ шведа.
Лишь подъ палаткою одной
Ведется шопотомъ бесѣда.

«Нѣтъ, вижу я, нѣтъ, Орликъ мой,
Поторопились мы не кстати:
Расчетъ и дерскій, и плохой,
И въ немъ не будетъ благодати.
Пропала, видно, цѣль моя.
Что дѣлать, даль я промахъ важный:
Ошибся въ этомъ Карлѣ я.
Онъ мальчикъ бойкій и отважный;
Два, три сраженья разыграть,
Конечно, можетъ онъ съ успѣхомъ,
Къ врагу на ужинъ прискакать ²⁹⁾,
Отвѣтствовать на бомбу смѣхомъ ³⁰⁾;
Не хуже русскаго стрѣлка
Прокрасться въ ночь ко вражьей стану;
Свалить, какъ нынече, казака

²⁹⁾ Въ Дрезденъ къ королю Августу. Смолр. Voltaire, Hist. de Charles XII.

³⁰⁾ Ахъ, В. В.! бомба!..— «Что есть общаго между бомбою и письмомъ, которое тебѣ диктую? пиши.» Это случилось гораздо послѣ.

И обмѣнять на рану рану ³¹⁾;
 Но не ему вести борьбу
 Съ самодержавнымъ великаномъ.
 Какъ полкъ вертѣтся онъ судьбу
 Принудить хочетъ барабаномъ;
 Онъ слѣпъ, упрямъ, нетерпѣливъ,
 И легкомысленъ, и кичливъ,
 Богъ вѣсть какому счастью вѣрить;
 Онъ силы новыя врага
 Успѣхомъ прошлымъ только мѣритъ —
 Сломить ему свои рога.
 Стыжусь: воинственнымъ бродягой
 Увлекся я на старость лѣтъ;
 Былъ ослѣпленъ его отвагой
 И бѣглымъ счастиемъ побѣдъ,
 Какъ дѣва робкая.»

ОРЛИКЪ.

Сраженья

Дождемся. Время не ушло
 Съ Петромъ опять войти въ сношенья:
 Еще поправить можно зло.
 Разбитый нами, нѣтъ сомнѣнья,
 Царь не отвергнетъ примиренья.

МАЗЕПА.

Нѣтъ, поздно. Русскому царю
 Со мной мириться невозможно.
 Давно рѣшилась непреложно
 Моя судьба. Давно горю
 Стѣсненной злобой. Подъ Азовомъ
 Однажды я съ царемъ суровымъ
 Во ставкѣ ночью пироваль.
 Полны виномъ, кипѣли чаши,
 Кипѣли съ ними рѣчи наши;
 Я слово смѣлое сказалъ.
 Смугились гости молодые —
 Царь, вспыхнувъ, чашу уронилъ

³¹⁾ Ночью Карлъ, самъ осматривая нашъ лагерь, наѣхалъ на казаковъ, сидѣвшихъ у огня. Онъ посакалъ прямо къ нимъ и одного изъ нихъ застрѣлить изъ собственныхъ рукъ. Казаки дали по немъ три выстрѣла и жестоко ранили его въ ногу.

И за усы мои сѣдые
 Меня съ угрозой ухватилъ.
 Тогда, смирясь въ безсильномъ гнѣвѣ,
 Отмстить себѣ я клятву далъ;
 Носилъ ее — какъ мать во чревѣ
 Младенца носить. Срокъ насталъ.
 Такъ, обо мнѣ воспоминанье
 Хранить онъ будетъ до конца.
 Петру я посланъ въ наказанье;
 Я тернъ въ листахъ его вѣнца.
 Онъ далъ бы грады родовые
 И живни лучшіе часы,
 Чтобъ снова, какъ во дни былые,
 Держать Мазепу за усы.
 Но есть еще для насъ надежды...
 Кому бѣжать, рѣшить заря.

Умолкъ и закрываетъ вѣжды
 Измѣнникъ русскаго царя.

Горить востокъ зарею новой;
 Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
 Грохочуть пушки. Дымъ багровый
 Кругами всходитъ къ небесамъ
 Навстрѣчу утреннимъ лучамъ.
 Полки ряды свои сомкнули;
 Въ кустахъ рассыпались стрѣлки;
 Катятся ядра, свищутъ пули;
 Нависли хладные штыки.
 Сыны любимые побѣды,
 Сквозь огонь окоповъ рвутся шведы;
 Волнуясь, конница летить;
 Пѣхота движется за нею
 И тяжелой твердостью своею
 Ея стремленія крѣпить.
 И битвы поле роковое
 Гремить, пылаетъ здѣсь и тамъ;
 Но явно счастье боевое
 Служить ужъ начинаетъ намъ.
 Пальбой отбиты дружины,
 Мѣшаясь, падаютъ во прахъ;
 Уходитъ Розень сквозь тѣснины;

Сдается пылкій Шлиппенбахъ;
 Тѣснимъ мы шведовъ рать за ратью,
 Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
 И Бога браней благодатью
 Нашъ каждый шагъ запечатлѣвъ.

Тогда-то, свыше вдохновенный,
 Раздался звучный гласъ Петра:
 «За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
 Толпой любимцевъ окруженный,
 Выходитъ Петръ. Его глаза
 Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
 Движенья быстры. Онъ прекрасенъ,
 Онъ весь, какъ Божія гроза.
 Идетъ. Ему коня подводятъ.
 Ретивъ и смиренъ вѣрный конь.
 Почуя роковой огонь,
 Дрожить, глазами косо водить,
 И мчится въ прахѣ боевомъ,
 Гордясь могущимъ сѣдокомъ.

Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
 Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
 Кой-гдѣ гарцуютъ казаки;
 Равняясь, строятся полки;
 Молчитъ музыка боевая;
 На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
 Прервали свой голодный ревъ;
 И се — равнину оглашая,
 Далече грянуло ура:
 Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
 Могущъ и радостенъ какъ бой.
 Онъ поле пожиралъ очами.
 За нимъ вослѣдъ неслись толпой
 Сии птенцы гнѣзда Петрова —
 Въ премѣнахъ жребія земного,
 Въ трудахъ державства и войны
 Его товарищы, сыны:
 И Шереметевъ благородный,
 И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпинъ,

И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣдень, недвижимъ,
Страдая раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье:
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ маниемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины —
И грянулъ бой, полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Стѣной живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй
Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся съ плеча.
Бросая груды тѣлъ на груды,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, русскій — колеть, рубить, рѣжетъ;
Бой барабанный, клики, скрежетъ;
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ,
И смерть, и адъ со всѣхъ сторонъ.

Среди тревоги и волненья,
На битву взоромъ вдохновенъя
Вожди спокойные глядятъ,
Движенъя ратныя слѣдятъ,
Предвидятъ гибель и побѣду
И въ тишинѣ ведутъ бесѣду.

Но близъ московскаго царя
 Кто воинъ сей подъ сѣдинами?
 Двумя поддержанъ казаками,
 Сердечной ревностью горя,
 Онъ окомъ опытнымъ героя
 Взираетъ на волненье боя.
 Ужъ на коня не вскочить онъ:
 Одряхъ, въ изгнанъѣ сиротѣя,
 И казаки на кличъ Палѣя
 Не налетятъ со всѣхъ сторонъ!
 Но что жъ его свергнули очи
 И гнѣвомъ, будто мглою ночи,
 Покрылось старое чело?
 Что возмутить его могло?
 Иль онъ сквозь бранный дымъ увидѣлъ
 Врага Мазепу, и въ сей мигъ
 Свои лѣта возненавидѣлъ
 Обезоруженный старикъ?

Мазепа, въ думу погруженный,
 Взиралъ на битву, окруженный
 Толпой мятежныхъ казаковъ,
 Родныхъ, старшинъ и сердюковъ.
 Вдругъ выстрѣлъ. Старецъ обратился.
 У Войнаровскаго въ рукахъ
 Мушкетный стволъ еще дымился.
 Сраженный въ нѣсколькихъ шагахъ,
 Младой казакъ въ крови валялся,
 А конь, весь въ пѣнѣ и пыли,
 Почуя волю, дико мчался,
 Скрываясь въ огненной дали.
 Казакъ на гетмана стремился
 Сквозь битву, съ саблею въ рукахъ,
 Съ безумной яростью въ очахъ.
 Старикъ, подѣхавъ, обратился
 Къ нему съ вопросомъ. Но казакъ
 Ужъ умиралъ. Потухшій зракъ
 Еще грозилъ врагу Россіи;
 Былъ мраченъ помертвѣлый ликъ,
 И имя нѣжное Маріи
 Чуть лепеталъ еще языкъ.
 Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.

Ура! мы ломимъ; гнутся шведы;
 О славный часъ! о славный видъ!
 Еще напоръ — и врагъ бѣжить³²⁾;
 И слѣдомъ конница пустилась,
 Убійствомъ тупятся мечи,
 И падшими вся степь покрылась,
 Какъ роемъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордь, и ясенъ,
 И славы полонъ взоръ его.
 И царскій пиръ его прекрасенъ:
 При кликахъ войска своего,
 Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
 Своихъ вождей, вождей чужихъ,
 И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
 И за учителей своихъ
 Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Но гдѣ же первый, званый гость?
 Гдѣ первый, грозный нашъ учитель,
 Чью долговременную злость
 Смирилъ полтавскій побѣдитель?
 И гдѣ жъ Мазепа? Гдѣ злодѣй?
 Куда бѣжалъ Гуда въ страхѣ?
 Зачѣмъ король не межь гостей?
 Зачѣмъ измѣнникъ не на плахѣ?³³⁾

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
 Король и гетманъ мчатся оба.
 Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.

³²⁾ Благодаря прекраснымъ распоряженіямъ и дѣйствіямъ кн. Меншикова, участь главнаго сраженія была рѣшена заранее. Дѣло не продолжалось и двухъ часовъ. «Ибо (сказано въ Жур. Петра Вел.) необходимыя господа шведы скоро хребетъ свой показали, и отъ нашихъ войскъ вся неприятельская армія весьма опрокинута.» Петръ впоследствии времени многое прощалъ Данилычу за услуги, оказанныя въ сей день генераломъ кн. Меншиковымъ.

³³⁾ L'Empereur Moscovite pénétré d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler (было о чемъ и радоваться) recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait à tout moment: où est donc mon frère Charles... Alors prenant un verre de vin: à la santé, dit-il, de mes maîtres dans l'art de la guerre! — Renschild lui demanda: qui étaient ceux qu'il honorerait d'un si beau titre.— Vous, messieurs les généraux suédois, reprit le Czar Votre Majesté est donc bien ingrate, reprit le comte, d'avoir tant maltraité ses maîtres.

Опасность близкая и злоба
 Даруютъ силу королю.
 Онъ рану тяжкую свою
 Забылъ. Поникнувъ головою,
 Онъ скачетъ, русскими гонимъ,
 И слуги вѣрныя толпою
 Чуть могутъ слѣдовать за нимъ.

Обозрѣвая зоркимъ взглядомъ
 Степей широкій полукругъ,
 Съ нимъ старый гетманъ скачетъ рядомъ.
 Предъ ними хуторъ... Что же вдругъ
 Мазепа будто испугался?
 Что мимо хутора помчался
 Онъ стороной во весь опоръ?
 Иль этотъ запустѣлый дворъ,
 И домъ, и садъ уединенный,
 И въ поле отпертая дверь
 Какой нибудь рассказъ забвенный
 Ему напомнили теперь?
 Святой невинности губитель!
 Узналъ ли ты сію обитель,
 Сей домъ, веселый прежде домъ,
 Гдѣ ты, виномъ разгоряченный,
 Семей счастливой окруженный,
 Шутить, бывало, за столомъ?
 Узналъ ли ты пріютъ укромный,
 Гдѣ мирный ангелъ обиталъ,
 И садъ, откуда ночью темной
 Ты вывелъ въ степь... Узналъ, узналъ!

Ночныя тѣни степь объемлютъ.
 На брегѣ синяго Днѣпра
 Между скалами чутко дремлютъ
 Враги Россіи и Петра.
 Щадятъ мечты покой героя,
 Уронъ Полтавы онъ забылъ.
 Но сонъ Мазепы смутенъ былъ.
 Въ немъ мрачный духъ не зналъ покоя.
 И вдругъ въ безмолвіи nocturno
 Его зовутъ. Онъ пробудился.
 Глядитъ: надъ нимъ, грозя перстомъ,

Тихонько кто-то наклонился.
 Онъ вздрогнулъ, какъ подъ топоромъ...
 Предъ нимъ, съ развитыми власами,
 Сверкая впальми глазами,
 Вся въ рубищѣ, худа, блѣдна,
 Стоитъ, луной освѣщена...
 «Иль это сонъ?.. Марія... ты ли?»

МАРІЯ.

Ахъ, тише, тише, другъ!.. Сейчасъ
 Отецъ и мать глаза закрыли...
 Постой... услышать могутъ насъ.

МАЗЕПА.

Марія, бѣдная Марія!
 Опомнись! Воже!.. Что съ тобой?

МАРІЯ.

Послушай, хитрости какія!
 Что за рассказъ у нихъ смѣшной?
 Она за тайну мнѣ сказала,
 Что умеръ бѣдный мой отецъ,
 И мнѣ тихонько показала
 Сѣдую голову — Творецъ!
 Куда бѣжать намъ отъ злорѣчья?
 Подумай: эта голова
 Была совсѣмъ не человѣчья,
 А волчья — видишь, какова!
 Чѣмъ обмануть меня хотѣла!
 Не стыдно ль ей меня терзать?
 И для чего? Чтобъ я не смѣла
 Съ тобой сегодня убѣжать!
 Возможно ль?
 Съ горестью глубокой
 Любовникъ ей внималъ жестокой.
 Но вихрю мыслей предана*),

*) Въ рукописи послѣ этого стиха было написано еще 16, исключенныхъ при перепискѣ поэмы:

Но вихрю мыслей предана,
 «Ей-Богу, говорятъ она:
 Старуха лжетъ. Сѣдой проказникъ
 Тамъ въ башнѣ спрягался. Пойдемъ,

«Однакожь, говорить она:
 Я помню поле... праздникъ шумный...
 И чернь... и мертвыя тѣла...
 На праздникъ мать меня вела...
 Но гдѣ жъ ты былъ?.. Съ тобою розно
 Зачѣмъ въ ночи скитаюсь я?
 Пойдемъ домой. Скорѣй... ужъ поздно...
 Ахъ, вижу, голова моя
 Полна волненія пустого:
 Я принимала за другого
 Тебя, старикъ. Оставь меня.
 Твой взоръ насмѣшливъ и ужасенъ.
 Ты безобразенъ. Онъ прекрасенъ:
 Въ его глазахъ блестить любовь,
 Въ его рѣчахъ такая нѣга!
 Его усы бѣлѣе снѣга,
 А на твоихъ засохла кровь.»

И съ дикимъ смѣхомъ завизжала,
 И легче серны молодой
 Она вспрыгнула, побѣжала,
 И скрылась въ темнотѣ ночной.

Рѣдѣла тѣнь. Востокъ алѣлъ.
 Огонь казачій пламенѣлъ;
 Пшеницу казаки варили;
 Драбанты у берега Днѣпра
 Коней разсѣдланныхъ поили.
 Проснулся Карлъ. «Ого! пора!

Не будемъ горевать о немъ,
 Пойдемъ... Какой сегодня праздникъ?
 Народъ бѣжить, народъ поетъ —
 Поѣду за ними; я на волѣ,
 Меня никто не стережетъ...
 Алтарь готовъ; въ веселомъ полѣ
 Не кровь... о нѣтъ, вино течетъ!
 Сегодня праздникъ. Разрѣшили...
 Женихъ — не крестный мой отецъ:
 Отецъ и мать меня простили:
 Идетъ невеста подъ вѣнецъ!»

Но вдругъ, потупя взоръ безумный,
 Видѣнья страшнаго полна:
 «Однакожь, говорить она... и пр.

Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ.»
 Но гетманъ ужъ не спитъ давно.
 Тоска, тоска его снѣдаетъ;
 Въ груди дыханье стѣснено.
 И молча онъ коня сѣдлаетъ,
 И скачетъ съ бѣглымъ королемъ,
 И страшно взоръ его сверкаетъ,
 Съ роднымъ прощаясь рубежемъ.

Прошло сто лѣтъ — и что жъ осталось
 Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
 Столь полныхъ волею страстей?
 Ихъ поколѣнье миновалось —
 И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
 Насилій, бѣдствій и побѣдъ.
 Въ гражданствѣ сѣверной державы,
 Въ ея воинственной судьбѣ,
 Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
 Огромный памятникъ себѣ.
 Въ странѣ, гдѣ мельницъ рядъ крылатый
 Оградой мирной обступилъ
 Бендеръ пустынные раскаты,
 Гдѣ бродятъ буйволы рогаты
 Вокругъ воинственныхъ могилъ, —
 Останки разоренной сѣни,
 Три углубленные въ землѣ
 И мхомъ поросшія ступени
 Гласятъ о шведскомъ королѣ.
 Съ нихъ отражалъ герой безумный,
 Одинъ, въ толпѣ домашнихъ слугъ,
 Турецкой рати приступъ шумный,
 И бросилъ шпагу подъ бунчукъ.
 И тщетно тамъ пришлецъ унылый
 Искаль бы гетманской могилы *):
 Забыть Мазепа съ давнихъ поръ;
 Лишь въ торжествующей святынѣ,
 Разъ въ годъ анаемой донинѣ

*) Могилу Мазепы самъ Пушкинъ разыскивалъ въ 1824 г. въ Бендерахъ и разспрашивалъ о ней стараго казака Миколу Искру, но ничего не могъ добыть. См. воспоминанія Липранди въ Рус. Арх. 1866, ст. 1459, 61, 63 — 65.

Гроза, гремитъ о немъ соборъ.
 Но сохранилася могила,
 Гдѣ двухъ страдальцевъ прахъ почилъ:
 Межъ древнихъ праведныхъ могилъ
 Ихъ мирно церковь приютила ³⁴).
 Цвѣтеть въ Диканькѣ древній рядъ
 Дубовъ, друзьями насажденныхъ;
 Они о праотцахъ казенныхъ
 Донинѣ внукамъ говорятъ.
 Но дочь-преступница... преданья
 Объ ней молчать. Ея страданья,
 Ея судьба, ея конецъ
 Непроницаемою тьмою
 Отъ насъ закрыты. Лишь порою
 Слѣпой украинскій пѣвецъ,
 Когда въ селѣ передъ народомъ
 Онъ пѣсни гетмана бречить,
 О грѣшной дѣвѣ мимоходомъ
 Казачкамъ юнымъ говорить.

(16 октября. Петербургъ).

[Полтаву Пушкинъ считалъ самымъ зрѣлымъ изъ всѣхъ своихъ стихотворныхъ произведеній, замѣчая, что въ ней почти все оригинально и что Жуковский, Гнѣдичъ, Дельвигъ и кн. Вяземскій предпочитали ее всему, что было создано имъ до тѣхъ поръ. Вся эта поэма написана въ двѣ недѣли: первая пѣснь окончена 3-го октября 1828 г., вторая — 9-го, третья — 16-го; посвяще-

³⁴) Обезглавленныя тѣла Искры и Кочубея были отданы родственникамъ и похоронены въ Кіевской лаврѣ; надъ ихъ гробомъ высѣчена слѣдующая надпись:

«Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
 Елицы здѣ естесмо положены сущи.
 Понеже намъ страсть и смерть повели молчати,
 Сей камень возопіеть о насъ ти вѣщати,
 И за правду и вѣрность къ Монарѣшу нашу,
 Страданія и смерти испыймо чашу,
 Злуданьемъ Мазепы, всевѣчно правы,
 Посѣченны воставше топоромъ во главы;
 Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычнѣ,
 Подающія всѣмъ своимъ рабомъ животь вѣчный.»

Рокъ 1708, мѣсяца іюля 15 дня, посѣчены средь обозу войскового, за Вѣлою Церковію на Борщаговцѣ и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ Искра, полковникъ полтавскій. Привезены же тѣла ихъ іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семь мѣстъ погребены.»

не написано 27-го октября въ тверскомъ имѣннѣ Вульфъ, Малинникахъ, куда Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга. Это посвященіе печаталось до сихъ поръ ошибочно; въ настоящемъ изданіи текстъ его восстановленъ по рукописи Пушкина. Въ подстрочныхъ выноскахъ приведены примѣчанія, которыми Пушкинъ снабдилъ свою поэмѣ, а также два мѣста, отброшенные имъ при перепискѣ черновой рукописи.

Первоначально Пушкинъ хотѣлъ назвать поэмѣ «Мазепой», но затѣмъ измѣнилъ заглавіе, въ виду того, что «Мазепа» есть уже у Байрона (изъ этой поэмы взятъ Пушкинымъ эпитафъ). Ср. письмо кн. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 12 декабря 1828, въ сборникѣ Бартенева «Пушкинъ», II, 40.

Въ черновой рукописи, въ 1-й пѣсни, передъ характеристикой Мазепы, набросана программа: «Портретъ Мазепы, его ненависть, его замыслы, его сношенія съ Петромъ и Карломъ, его хитрость, пиры, ночи.» Въ концѣ пѣсни: «Чуйкевичъ (казакъ) ѣдетъ, между тѣмъ сношенія съ іезуитомъ, извѣстіе о доносѣ.» Для Маріи и полтавской битвы также набросана программа: «Марія; Чуйкевичъ; доносъ; ночь передъ казнію; мать и Марія; казнъ; сумасшествіе; измѣна; Полтава.»

Критическія статьи и рецензіи о «Полтавѣ» явились въ «Вѣстн. Евр.» 1828, № 21 и 22 (ст. Надеждина: «Литературныя опасенія за будущій годъ») и 1829, № 8 и 9, «Сѣв. Пч.» 1829, № 39; «С. Отец.», № 15 и 17; «Моск. Телегр.», № 7 и 10 (большая статья К. С. Полевого); въ «Атеней» 1829, № 4 и 6 (ст. М. А. Максимовича о «Полтавѣ» въ историческомъ отношеніи); въ «Галатей», № 16 и 17; «Сѣв. Пч.» № 39, и «Сѣв. Цв.» на 1830 г. (Обозрѣніе російской словесности Ор. Сомова, стр. 50—58). Замѣчанія самого Пушкина см. въ т. V, 132—134. Надеждинъ въ своей статьѣ, между прочимъ, посмѣялся надъ замѣчаніемъ «Сына Отец.», гдѣ въ похвалу Пушкина было сказано, что онъ началъ писать въ очень ранней юности, — и напомнилъ эпитагму «почтеннѣйшаго дядюшки» В. Л. Пушкина, «въ коей Аполлонъ вершитъ судъ свой надъ однимъ 15-лѣтнимъ поэтомъ». Пушкинъ отвѣчалъ на эту выходку эпитагмой: «Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ», см. II, 80. По этому же поводу В. Л. Пушкинъ написалъ свое посланіе «Къ А. С. Пушкину», напеч. въ «Моск. Тел.» 1829, № 6.]

ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНѢ.

(1830).

—
Modo vir, modo femina.

Ovidius.

I.

Четырестопный ямбъ мнѣ надоѣлъ:
Имъ писать всякій. Мальчикамъ въ забаву
Пора бѣ его оставить. Я хотѣлъ
Давнымъ давно приняться за октаву.
А въ самомъ дѣлѣ: я бы совладѣлъ
Съ тройнымъ созвучіемъ. Пуцусь на славу!
Вѣдь риемы запросто со мной живутъ:
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ.

II.

А чтобъ имъ путь открыть широкій, вольный,
Глаголы тотчасъ имъ я разрѣшу...
Вы знаете, что риемой наглагольной
Гнушаемся мы. Почему? спрошу.
Такъ писывалъ Шихматовъ богомольный,
По бѣльшей части такъ и я пишу.
Къ чему, скажите? ужъ и такъ мы голы:
Отнынѣ въ риемы буду брать глаголы.

III.

Не стану ихъ надменно браковать,
Какъ рекрутовъ, добившихся увѣчья,

Иль какъ коней за ихъ плохую стать,
 А подбирать союзы да нарѣчья;
 Изъ мелкой сволочи вербую рать.
 Мнѣ риѣмы нужны; всѣ готовъ сберечь я,
 Хоть весь словарь; что слогъ, то и солдатъ —
 Всѣ годны въ строй; у насъ вѣдь не парадъ.

IV.

У насъ война! Красавцы молодые,
 Вы хрипуны (но хрипъ вашъ приумолкъ),
 Сломали ль вы походы боевые?
 Видали ль въ Персіи ширванскій полкъ?
 Ужъ люди! мелочь, старички кривые,
 А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ, что въ стадѣ волкъ!
 Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавый:
 Ширванскій полкъ могу сравнить съ октавой.

V.

Поэты Юга, вымысловъ отцы,
 Какихъ чудесъ съ октавой не творили?
 Но мы, лѣнницы, робкіе пѣвцы,
 На мелочахъ мы риѣму заморили.
 Могучіе намъ чужды образцы.
 Мы новыхъ странъ себѣ не покорили,
 И нашихъ дней изнѣженный поэтъ
 Чуть смыслить свой уравнивать куплетъ *).

VI.

Но возвратиться все жъ я не хочу
 Къ четырестопнымъ ямба́мъ, мѣрѣ низкой...
 Съ гекзаметромъ... О, съ нимъ я не шучу:
 Онъ мнѣ не въ мочь. А стихъ александрійскій?..
 Ужъ не его ль себѣ я залучу?
 Извилистый, проворный, длинный, склизкій,

*) Послѣ этой строфы въ рукописи зачеркнуто:

Октавы трудны! Взявъ удовку лисью,
 Сказать я бъ могъ, что кисель виноградъ;
 Мнѣ, видно, съ ними надъ парнасской высью
 Вѣкъ не бывать! Не лучше ли назадъ
 Скорѣй вести свою дружину рысью?
 Ужъ риѣмами кой-какъ онѣ бренчатъ...
 Кой-какъ ужъ до конца октаву эту
 Я дотянулъ. Стыдъ русскому поэту.

И съ жаломъ даже — точная змія;
 Мнѣ кажется, что съ нимъ управлюсь я.

VII.

Онъ вынянченъ былъ мамкою не душой:
 За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,
 Шагалъ онъ чинно, стянуть былъ цезурой;
 Но пудреной пѣтиксѣ на зло
 Растрепанъ онъ свободою цензурой.
 Ученіе не въ прокъ ему пошло:
 Нюго съ товарищи, друзья природы,
 Его гулять пустили безъ цезуры.

VIII.

О, что бъ сказалъ поэтъ-законодатель,
 Гроза несчастныхъ мелкихъ риемачей!
 И ты, Расинъ, безсмертный подражатель,
 Пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей!
 И ты, Вольтеръ, философъ и ругатель,
 И ты, Делиль, парнасскій муравей,
 Что бъ вы сказали, сей соблазнъ увидя?
 Нашъ вѣкъ обидѣлъ васъ, вашъ стихъ обидя! *)

IX.

У насъ его недавно стали знать.
 Кто первый? можете у «Телеграфа»
 Спросить и хорошенько все узнать.
 Онъ годенъ, говорятъ, для эпиграфа,
 Да можно имъ порою украшать
 Гробницы или мраморъ кенотафа;
 До нашихъ модъ, благодаря судьбѣ,
 Мнѣ дѣла нѣтъ: беру его себѣ!

*) Послѣ этой строфы зачеркнуто:

Какъ рѣзвая покойница Жако,
 Александрійскій стихъ по всѣмъ суставамъ
 Развинченъ, гнется, прыгаетъ легко
 И высоко, какъ бѣлка по дубравамъ,
 Ломается проворно и легко,
 На диво всѣмъ парнасскимъ костоправамъ.
 Они ворчатъ: уймется ль негодяй?
 Какой повѣса! экій разгильдяй!

X.

Ну, женскіе и мужескіе слоги!
 Благословясь, попробуемъ: слушай!
 Ровняйтесь, вытягивайте ноги,
 И по три въ рядъ въ октаву заѣзжай!
 Не бойтесь, мы не будемъ слишкомъ строги!
 Держись вольнѣй и только не плошай,
 А тамъ уже привыкнемъ, слава Богу,
 И выѣдемъ на ровную дорогу.

XI.

Какъ весело стихи свои вести
 Подъ цифрами, въ порядкѣ, строй за строемъ,
 Не позволять имъ въ сторону брести,
 Какъ войску, въ пухъ рассыпанному боемъ!
 Тутъ каждый слогъ замѣченъ и въ чести,
 Тутъ каждый стихъ глядитъ себѣ героемъ,
 А стихотворецъ... съ кѣмъ же равенъ онъ?
 Онъ Тамерланъ, иль самъ Наполеонъ.

XII.

Немного отдохнемъ на этой точкѣ.
 Что? перестать или пустить на пе?..
 Признаться вамъ, я въ пятистопной строчкѣ
 Люблю цезуру на второй стопѣ.
 Иначе стихъ то въ ямбѣ, то на кочкѣ,
 И хоть лежу, теперь на канapé,
 Все кажется мнѣ, будто въ тряскомъ бѣгѣ
 По мерзлой пашнѣ мчусь я на телѣгѣ *).

XIII.

Что за бѣда? Не все жъ гулять пѣшкомъ
 По невскому граниту, иль на балѣ
 Лощить паркетъ, или скакать верхомъ
 Въ степи киргизской. Поплетусь-ка далѣ,
 Со станціи на станцію шажкомъ,
 Какъ говорятъ о томъ оригиналѣ,
 Который, не кормя, на рысакѣ
 Приѣхалъ изъ Москвы къ Невѣ-рѣкѣ.

*) Послѣ этой строфы въ черновой рукописи помѣчено: 5 октября.

XIV.

Скажу, рысакъ!.. Парнасскій иноходецъ
Его не обогналь бы. Но Пегасъ
Старь, зубъ ужъ нѣтъ. Имъ вырытый колодець
Иссохъ. Поросъ крапивою Парнасъ;
Въ отставкѣ Фебъ живетъ, а хороводець
Старушекъ-музъ ужъ не прельщаетъ насъ,
И таборъ свой съ классическихкихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

XV.

И тамъ себѣ мы возимся въ грязи,
Торгуемся, бранимся такъ, что любо,
Кто въ одиночку, кто съ другимъ въ связи,
Кто просто вретъ, кто вретъ еще сугубо...
Но, муза, никому здѣсь не грози, —
Не то, тебя прижмутъ довольно грубо,
И вмѣсто лестной общей похвалы
Поставятъ въ уголь «Сѣверной Пчелы!»

XVI.

Иль наглою, безнравственной, мишурной
Тебя въ Москвѣ журналы прозовутъ,
Или «Газетою Литературной»
Ты будешь призвана на барскій судъ.
Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной;
Другъ на друга словесники идутъ,
Другъ друга рѣжутъ и другъ друга губятъ,
И хоромъ про свои побѣды трубятъ!

XVII.

Блаженъ, кто издали глядитъ на всѣхъ,
И ротъ зажавъ, смѣется то надъ тѣми,

*) Эта строфа первоначально была написана такъ:

И тамъ копынутъ себѣ въ грязи
Густой, болотистой, прохладной, клейкой,
Кто съ жабой, кто съ лягушкою въ связи,
Кто ракомъ пятится, кто вьется змѣйкой...
Но, муза, имъ и въ шутокъ не грози, —
Не то тебя покроемъ тѣлогрѣйкой
Оборванной и, вмѣсто похвалы,
Поставимъ въ уголь «Сѣверной Пчелы.»

То надъ другими. Верхъ земныхъ утѣхъ
 Изъ-за угла смѣяться надо всѣми!
 Но самъ въ толпу не суйся... или смѣхъ
 Плохой ужъ выйдетъ: шутками однѣми,
 Тебя, какъ шапками, и врагъ, и другъ,
 Соединясь, всѣ закидаютъ вдругъ.

XVIII.

Тогда давай Богъ ноги. Потому-то
 Здѣсь имя подписать я не хочу.
 Порой я стихъ повертываю круто,
 Все жъ видно — не впервой я имъ верчу!
 А какъ давно? Того и не скажу-то.
 На критиковъ я ѣду, не свищу,
 Какъ древній богатырь — а какъ найду...
 Что жъ? Поклонюсь и приглашу къ обѣду.

XIX.

Покажѣсть можете принять меня
 За стараго, обстрѣяннаго волка,
 Или за молодого воробья,
 За новичка, въ которомъ мало толка.
 У васъ въ шкапу, быть можетъ, мнѣ, друзья.
 Отведена особенная полка,
 А можетъ быть, впервой хочу послать
 Свою тетрадку въ мокрую печать.

XX.

Ахъ, если бы меня, подъ легкой маской,
 Никто въ толпѣ забавной не узналъ!
 Когда бы за меня своей указкой
 Другого строгій критикъ пощелкалъ!
 Ужъ то-то бъ неожиданной развязкой
 Я всѣ журналы послѣ взволновалъ!
 Но полно, будетъ ли такой мнѣ праздникъ?
 Насъ мало. Не укроется проказникъ!

XXI.

А, вѣроятно, не замѣтятъ насъ, —
 Меня съ октавами моими купно.
 Однакожь, намъ пора. Вѣдь я рассказъ
 Готовилъ; а шучу довольно крупно

И ждать напрасно заставляю васъ.
 Языкъ мой — врагъ мой: все ему доступно,
 Онъ обо всемъ болтать себѣ привыкъ.
 Фригійскій рабъ, на рынокъ взявъ языкъ,

XXII.

Сварилъ его (у господина Копа
 Коптятъ его). Езопъ его потомъ
 Принесъ на столъ... Опять, зачѣмъ Езоба
 Я вплелъ, съ его варенымъ языкомъ,
 Въ мои стихи? Чтò вся прочла Европа,
 Нѣтъ нужды вновь бесѣдовать о томъ!
 Насилу-то, риемачъ я безразсудный,
 Отдѣлался отъ сей октавы трудной!

XXIII.

Усядся, муза; ручки въ рукава,
 Подъ лавку ножки! Не вертись, рѣзвущка!
 Теперь начнемъ. — Жила-была вдова,
 Тому лѣтъ восемь, бѣдная старушка,
 Съ одною дочерью. У Покрова
 Стояла ихъ смиренная лачужка,
 За самой будкой. Вижу, какъ теперь,
 Свѣтелку, три окна, крыльцо и дверь.

XXIV.

Дня три тому, туда ходилъ я вмѣстѣ
 Съ однимъ знакомымъ, передъ вечеркомъ:
 Лачужки этой нѣтъ ужъ тамъ. На мѣстѣ
 Ея построенъ трехъ-этажный домъ.
 Я вспомнилъ о старушкѣ, о невѣстѣ,
 Бывало, тутъ сидѣвшихъ подъ окномъ,
 О той порѣ, когда я былъ моложе,
 Я думалъ: живы ли онѣ? — И что же?

XXV.

Мнѣ стало грустно: на высокій домъ
 Глядѣлъ я, косо. Если въ эту пору
 Пожаръ его бы обхватилъ кругомъ,
 То моему бѣ озлобленному взору
 Пріятно было пламя. Страннымъ сномъ
 Бываетъ сердце полно; много вздору

Приходить намъ на умъ, когда бредемъ
Одни или съ товарищемъ вдвоемъ.

XXVI.

Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ править
И держать мысль на привязи свою,
Кто въ сердцѣ усыпляетъ или давить
Мгновенно прошипѣвшую змѣю;
Но кто болтливъ, того молва прославить
Вмигъ извергомъ... Я воды Леты пью,
Мнѣ докторомъ запрещена унылость;
Оставимъ это — сдѣлайте мнѣ милость!

XXVII.

Старушка (я стократъ видалъ точь въ точь
Въ картинахъ Рембрандта такія лица)
Носила чепчикъ и очки. Но дочь
Была, ей-ей, прекрасная дѣвица:
Глаза и брови — темные какъ ночь,
Сама бѣла, нѣжна — какъ голубица;
Въ ней вкусъ былъ образованный. Она
Читала сочиненья Эмина.

XXVIII.

Играть умѣла также на гитарѣ,
И пѣла: «стонетъ сизый голубокъ»,
И «выду ль я...», и то, что ужъ постарѣ,
Все, что у печки въ зимній вечерокъ
Иль скучной осенью при самоварѣ,
Или весною, обходя лѣсокъ,
Поетъ уныло русская дѣвица,
Какъ музы наши, грустная пѣвица.

XXIX.

Фигурно иль буквально: всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ музъ, и дѣвъ,
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ!

XXX.

Парапа (такъ звалась красotka наша)
 Умѣла мыть и гладить, шить и плестъ;
 Всѣмъ домою правила одна Парапа;
 Поручено ей было счеты вестъ,
 При ней варилась гречневая каша
 (Сей важный трудъ ей помогала несть
 Стряпуха Ѳекла, добрая старуха,
 Давно лишенная чутья и слуха).

XXXI.

Старушка-мать, бывало, подъ окномъ
 Сидѣла; днемъ она чулокъ вязала,
 А вечеромъ, за маленькимъ столомъ,
 Раскладывала карты и гадала.
 Дочь, между тѣмъ, весь обѣгала домъ,
 То у окна, то на дворѣ мелькала,
 И кто бы ни проѣхалъ иль ни шелъ,
 Всѣхъ успѣвала видѣть (зоркій полъ!).

XXXII.

Зимою ставни закрывались рано,
 Но лѣтомъ до ночи растворено
 Все было въ домѣ. Блѣдная Діана
 Глядѣла долго дѣвушкѣ въ окно
 (Безъ этого ни одного романа
 Не обойдется: такъ заведено!).
 Бывало, мать давнымъ давно храпѣла,
 А дочка на луну еще смотрѣла

XXXIII.

И слушала мяуканье котовъ
 По чердакамъ, свиданій знакъ нескромный,
 Да стражи дальній крикъ, да бой часовъ —
 И только. Ночь надъ мирною Коломною
 Тиха отмѣнно! Рѣдко изъ домовъ
 Мелькнуть двѣ тѣни. Сердце дѣвы томной
 Ей слышать было можно, какъ оно
 Въ упругое толкалось полотно.

XXXIV.

По воскресеньямъ, лѣтомъ и зимою,
 Вдова ходила съ нею къ Шокрову,

И становилася передъ толпою,
 У крылоса налѣво. Я живу
 Теперь не тамъ, но вѣрно мечтою
 Люблю летать, заснувши на яву,
 Въ Коломну, къ Покрову — и въ воскресенье
 Тамъ слушать русское богослуженье.

XXXV.

Туда, я помню, ѣздила всегда
 Графиня... (звали какъ, не помню право).
 Она была богата, молода;
 Входила въ церковь съ шумомъ, величаво;
 Молилась гордо (гдѣ была горда!).
 Бывало, грѣшенъ! все гляжу направо,
 Все на нее. Параша передъ ней
 Казалась, бѣдная, еще бѣднѣй *).

XXXVI.

Порой графиня на нее небрежно
 Бросала важный взоръ свой. Но она
 Молилась Богу тихо и прилежно,
 И не казалась имъ развлечена.
 Смиренье въ ней изображалось нѣжно,
 Графиня же была погружена
 Въ самой себѣ, въ волшебствѣ моды новой,
 Въ своей красѣ надменной и суровой.

XXXVII.

Она казалась хладный идеаль
 Тщеславія. Его бѣ вы въ ней узнали;
 Но сквозь надменность эту я читалъ
 Иную повѣсть: долгиа печали,
 Смиренье жалобъ... Въ нихъ-то я вникалъ;
 Невольный взоръ они-то привлекали...
 Но это знать графиня не могла,
 И, вѣрно, въ списокъ жертвъ меня внесла.

XXXVIII.

Она страдала, хоть была прекрасна
 И молода; хоть жизнь ея текла

*) Н. С. Маевскій въ своихъ «Семейныхъ воспоминаніяхъ» (Ист. Вѣсти. 1880, № 10, стр. 339) говоритъ, что это была графиня Екатерина Александровна Стройновская, урожд. Буткевичъ.

Въ роскошной нѣгѣ; хотъ была подвластна
 Фортуна ей; хотъ мода ей несла
 Свой вѣнчанъ, — она была несчастна.
 Блаженнѣ стократъ ея была,
 Читатель, новая знакомка вапа,
 Простая, добрая моя Параша.

XXXIX.

Коса змѣей на гребнѣ роговомъ,
 Изъ-за ушей змѣю кудри русы,
 Косыночка крестъ на крестъ иль узломъ,
 На тонкой шеѣ восковыя бусы —
 Нарядъ простой; но предъ ея окномъ
 Все жъ ѣздили гвардейцы черноусы,
 И дѣвушка прельщать умѣла ихъ
 Безъ помощи нарядовъ дорогихъ.

XL.

Межъ ними кто ея былъ сердцу ближе,
 Или равно для всѣхъ она была
 Душою холодна? увидимъ ниже.
 Покамѣсть мирно жизнь она вела,
 Не думая о балахъ, о Парижѣ,
 Ни о дворѣ (хотъ при дворѣ жила
 Ея сестра двоюродная, Вѣра
 Ивановна, супруга гофъ-фурьера).

XLI.

Но горе вдругъ ихъ посѣтило домъ:
 Стряпуха, возвратясь изъ бани жаркой,
 Слегла. Напрасно чаемъ и виномъ,
 И уксусомъ, и мятною припаркой
 Ее лѣчили. Въ ночь предъ Рождествомъ
 Она скончалась. Съ бѣдною кухаркой
 Онѣ простились. Въ тотъ же день пришли
 За ней, и гробъ на Охту отвезли.

XLII.

Объ ней жалѣли въ домѣ, всѣхъ же болѣ
 Котъ Васька. Послѣ вдовушка моя
 Подумала, что два-три дня, не долѣ —
 Жить можно безъ кухарки; что нельзя .

Предать свою трапезу Божьей волѣ.
 Старушка кличетъ дочь: «Параша!» — Я!
 «Гдѣ взять кухарку? свѣдай у сосѣдки,
 Не знаетъ ли? Дешевыя такъ рѣдки.»

XLIII.

«Узнаю, маменька.» И вышла вонъ,
 Закутавшись (зима стояла грозно,
 И снѣгъ скрипѣлъ, и синій небосклонъ,
 Безоблаченъ, въ звѣздахъ сіялъ морозно).
 Вдова ждала Парашу долго; сонъ
 Ее клонилъ тихонько; было поздно,
 Когда Параша тихо къ ней вошла,
 Сказавъ: «вотъ, я кухарку привела.»

XLIV.

За нею слѣдомъ, робко выходя,
 Короткой юбочкой принарядясь,
 Высокая, собою недурная,
 Шла дѣвушка, и низко поклонясь,
 Прижалась въ уголь, фартукъ разбирая.
 «А что возьмешь?» спросила, обратясь,
 Старуха. — Все, что будетъ вамъ угодно,
 Сказала та смиренно и свободно.

XLV.

Вдовѣ понравился ея отвѣтъ.
 «А какъ зовутъ?» — А Маврой. «Ну, Мавруша,
 Живи у насъ; ты молода, мой свѣтъ;
 Гоняй мужчинъ. Покойница Оеклуша
 Служила мнѣ въ кухаркахъ десять лѣтъ,
 Ни разу долга чести не наруша.
 Ходи за мной, за дочерью моею;
 Усердна будь; присчитывать не смѣй.»

XLVI.

Проходить день, другой. Въ кухаркѣ толку
 Довольно мало: то переварить,
 То пережарить, то съ посудой полку
 Уронить; вѣчно все пересолить.
 Шить сядеть — не умѣетъ взять иголку;
 Ее бранять — она себѣ молчитъ;

Вездѣ, во всемъ ужъ какъ-нибудь подгадить.
Параша бьется, а никакъ не сладить.

XLVII.

Поутру, въ воскресенье, мать и дочь
Пошли къ обѣднѣ. Дома лишь осталась
Мавруша; видите ль: у ней всю ночь
Болѣли зубы; чуть жива таскалась;
Корицы нужно было натолочь,—
Пирожное испечь она собиралась.
Ее оставили; но въ церкви вдругъ
На старую вдову нашель испугъ.

XLVIII.

Она подумала: «въ Маврушѣ ловкой
Зачѣмъ къ пирожному припала страсть?
Пирожница, ей-ей, глядитъ плутовкой!
Не вздумала ль она насъ обокрасть,
Да улизнуть? Вотъ, будемъ мы съ обновкой
Для праздника! Ахти, какая страсть!»
Такъ думая, старушка обмирала,
И, наконецъ, не вытерпѣвъ, сказала:

XLIX.

«Стой тутъ, Параша. Я схожу домой;
Мнѣ что-то страшно.» Дочь не разумѣла.
Чего ей страшно. Съ паперти долой
Чуть-чуть моя старушка не слетѣла;
Въ ней сердце билось, какъ передъ бѣдой.
Пришла въ лачужку, въ кухнѣ посмотрѣла —
Мавруши нѣтъ. Вдова къ себѣ въ покой
Вошла — и что жъ? о Боже! страхъ какой!

L.

Предъ зеркальцемъ Параша чинно сядя,
Кухарка брилась. Что съ моей вдовой?
«Ахъ, ахъ!» и шлепнулась. Ее увидя,
Та второпяхъ, съ намыленной щекой
Черезъ старуху (вдовью честь обидя)
Прыгнула въ сѣни, прямо на крыльцо,
Да ну бѣжать, закрывъ себѣ лицо.

LI.

Обѣдня кончилась; пришла Параша.
 «Что, маменька?» — Ахъ, Пашенька моя!
 Маврушка... «Что, что съ ней?» — Кухарка наша...
 Опомнитесь досель не въ силахъ я...
 За зеркальцемъ... вся въ мыль... «Воля ваша,
 Мнѣ право ничего понять нельзя;
 Да гдѣ жъ Мавруша?» — Ахъ, она разбойникъ!
 Она здѣсь брилась!.. точно мой покойникъ!

LII.

Параша покраснѣлась или нѣтъ,
 Сказать вамъ не умѣю; но Маврушки
 Съ тѣхъ поръ какъ не было — простыль и слѣдъ;
 Ушла, не взявъ въ уплату ни полушки
 И не успѣвъ надѣлать важныхъ бѣдъ.
 У красной дѣвушки и у старушки
 Кто заступилъ Маврушу? признаюсь,
 Не вѣдаю, и кончить тороплюсь.

LIII.

— Какъ развѣ все тутъ? Шутите! «Ей Богу.»
 — Такъ вотъ куда октавы насъ вели!
 Къ чему жъ такую подняли тревогу,
 Скликали рать и съ похвалбою шли?
 Завидную жъ вы избрали дорогу!
 Ужель иныхъ предметовъ не нашли?
 Да нѣтъ ли хоть у васъ правоученья?
 «Нѣтъ... или есть: минуточку терпѣнья...

LIV.

«Вотъ вамъ мораль: по мнѣнью моему,
 Кухарку даромъ нанимать опасно;
 Кто жъ родился мужчиною, тому
 Рядиться въ юбку странно и напрасно:
 Когда нибудь придется же ему
 Брить бороду себѣ, что несогласно
 Съ природой дамской... Больше ничего
 Не выжмешь изъ разсказа моего.»

10 октября 1830. Болдино.

[«Повѣсть» эта напечатана въ «Новосельѣ» на 1833 г. Рецензію см. въ Лит. Приб. къ Рус. Инв. 1833, № 69. Нѣсколько строфъ (IV—IX и XV—XXII) въ то время не попали въ печать, но Пушкинъ дорожилъ ими и хотѣлъ ихъ напечатать (вѣроятно, въ своемъ «Современникѣ»); онѣ оказались въ его бумагахъ особо переписанными и съ надписью: «Сии октавы служили вступленіемъ къ шуточной поэмѣ, уже уничтоженной.» Последній оборотъ рѣчи былъ необходимъ въ виду исключенія октавъ или цензурою, или посторонней волею. Теперь онѣ внесены на свое мѣсто; кромѣ того, изъ подлинной рукописи Пушкина добавлены, въ подстрочныхъ выноскахъ, двѣ зачеркнутыя строфы и вариантъ XV-ой.]

СКУПОЙ РЫЦАРЬ.

(Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи: THE SAVETIOUS KNIGHT).

(1830).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(Въ башнѣ).

Альберъ и Иванъ.

АЛЬБЕРЪ.

Во что бы то ни стало, на турнирѣ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ.

(Иванъ подаетъ ему шлемъ).

Пробить насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! Проклятый графъ Делоржъ!

ИВАНЪ.

И вы ему порядкомъ отплатили:
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его,
Онъ сутки замертво лежалъ — и врядъ ли
Оправился.

АЛЬБЕРЪ.

А все жъ онъ не въ убыткѣ:
Его нагрудникъ цѣль венеціанскій
А грудь своя гроша ему не стоитъ —
Другой себѣ не станетъ покупать.

Зачѣмъ съ него не снялъ я шлема тутъ же!
 А снялъ бы я, когда бъ не было стыдно
 Мнѣ дамъ и герцога. Проклятый графъ!
 Онъ лучше бы мнѣ голову пробилъ.
 И платью нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
 Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
 Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
 За герцогскимъ столомъ. Отговорился
 Я тѣмъ, что на турниръ попалъ случайно.
 А нынче что скажу? О, бѣдность, бѣдность!
 Какъ унижаетъ сердце намъ она!
 Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
 Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ,
 А я съ открытой головой пришпорилъ
 Эмира моего, помчался вихремъ
 И бросилъ графа на двадцать шаговъ,
 Какъ маленькаго пажу; какъ всѣ дамы,
 Привстали съ мѣсть, когда сама Клотильда,
 Закрывъ лицо, невольно закричала
 И славили герольды мой ударъ:
 Тогда никто не думалъ о причинѣ
 И храбрости моей, и силы дивной!
 Взбѣсился я за поврежденный шлемъ;
 Геройству что виною было? — Скупость.
 Да! заравиться здѣсь не трудно ею
 Подъ кровлею одной съ моимъ отцомъ.
 Что бѣдный мой Эмиръ?

ИВАНЪ.

Онъ все хромаетъ.
 Вамъ выѣхать на немъ еще нельзя.

АЛЬБЕРЪ.

Ну, дѣлать нечего, куплю гнѣдого.
 Недорого и просять за него.

ИВАНЪ.

Недорого, да денегъ нѣтъ у насъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ говорить бездѣльнику Соломонъ?

ИВАНЪ.

Онъ говорить, что болѣе не можетъ
Взаимы давать вамъ денегъ безъ заклада.

АЛЬБЕРЪ.

Закладъ! а гдѣ мнѣ взять заклада, дьяволъ!

ИВАНЪ.

Я сказывалъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ онъ?

ИВАНЪ.

Кряхтитъ да жмется.

АЛЬБЕРЪ.

Да ты бѣ ему сказалъ, что мой отецъ
Богатъ и самъ какъ жидъ, что рано ль, поздно ль
Всему наследую.

ИВАНЪ.

Я говорилъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ?

ИВАНЪ.

Жмется да кряхтитъ.

АЛЬБЕРЪ.

Какое горел

ИВАНЪ.

Онъ самъ хотѣлъ придти.

АЛЬБЕРЪ.

Ну, слава Богу.

Безъ выкупа не выпущу его.

(Стучать въ дверь).

Кто тамъ?

(Входить жидъ).

ЖИДЪ.

Слуга вашъ низкій.

АЛЬБЕРЪ.

А, пріятель!

Проклятый жидъ, почтенный Соломонъ,
Пожалуй-ка сюда: такъ ты, я слышу,
Не вѣришь въ долгъ?

ЖИДЪ.

Ахъ, милостивый рыцарь,
Клянусь вамъ, радъ бы... право не могу.
Гдѣ денегъ взять? Весь разорился я,
Все рыцарямъ усердно помогаю.
Никто не платитъ. Васъ хотѣлъ просить,
Не можете ль хоть часть отдать...

АЛЬБЕРЪ.

Разбойникъ!

Да если бъ у меня водились деньги,
Съ тобою сталъ ли бъ я возиться? Полно,
Не будь упрямъ, мой милый Соломонъ,
Давай червонцы. Высыпи мнѣ сотню,
Пока тебя не обыскали.

ЖИДЪ.

Сотню!

Когда бъ имѣлъ я сто червонцевъ!

АЛЬБЕРЪ.

Слушай:

Не стыдно ли тебѣ своихъ друзей
Не выручать?

ЖИДЪ.

Клянусь вамъ..

АЛЬБЕРЪ.

Полно, полно.

Ты требуешь заклада? что за вздоръ!
Что дамъ тебѣ въ закладъ? — свиную кожу?
Когда бъ я могъ что заложить, давно

Ужь продалъ бы. Иль рыцарскаго слова
Тебѣ, собака, мало?

жидъ.

Ваше слово,
Пока вы живы, много, много значить.
Всѣ сундуки фламандскихъ богачей
Какъ талисманъ оно вамъ отопретъ.
Но если вы его передадите
Мнѣ, бѣдному еврею, а межъ тѣмъ
Умрете (Боже сохрани), тогда
Въ моихъ рукахъ оно подобно будетъ
Ключу отъ брошенной шкатулки въ море.

АЛЬБЕРЪ.

Ужель отецъ меня переживетъ?

жидъ.

Какъ знать? Дни наши сочтены не нами:
Цвѣлъ юноша вечеръ, а нынче умеръ,
И вотъ, его четыре старика
Несутъ на скорбленныхъ плечахъ въ могилу.
Баронъ здоровъ. Богъ дастъ, лѣтъ десять, двадцать
И двадцать пять, и тридцать проживетъ онъ.

АЛЬБЕРЪ.

Ты врешь, еврей! Да черезъ тридцать лѣтъ
Мнѣ стукнетъ пятьдесятъ, тогда и деньги
На что мнѣ пригодятся?

жидъ.

Деньги? — Деньги
Всегда, во всякій возрастъ намъ пригодны;
Но юноша въ нихъ ищетъ слугъ проворныхъ,
И не жалѣя шлетъ туда-сюда,
Старикъ же видитъ въ нихъ друзей надежныхъ
И бережетъ ихъ какъ зѣницу ока.

АЛЬБЕРЪ.

О! мой отецъ не слугъ и не друзей
Въ нихъ видитъ, а господъ; и самъ имъ служить;
И какъ же служить? какъ алжирскій рабъ,

Какъ песь цѣпной! Въ нетопленной конурѣ
 Живеть, пьеть воду, ѣсть сухія корки,
 Всю ночь не спать, все бѣгаетъ да лаетъ.
 А золото спокойно въ сундукахъ
 Лежить себѣ. Молчи! когда нибудь
 Оно послужить мнѣ, лежать забудеть.

жидъ.

Да, на бароновыхъ похоронахъ
 Прольется больше денегъ, нежели слезъ.
 Пошли вамъ Богъ скорѣй наслѣдство.

АЛЬБЕРЪ.

Amen!

жидъ.

А можно-бъ...

АЛЬБЕРЪ.

Что?

жидъ.

Такъ, думалъ я, что средство
 Такое есть...

АЛЬБЕРЪ.

Какое средство?

жидъ.

Такъ —

Есть у меня знакомый старичекъ,
 Еврей, аптекаръ бѣдный...

АЛЬБЕРЪ.

Ростовщикъ

Такой же, какъ и ты, иль почестнѣе?

жидъ.

Нѣтъ, рыцарь. Товій торгъ ведетъ иной:
 Онъ составляетъ капли... право, чудно,
 Какъ дѣйствуютъ онѣ.

АЛЬБЕРЪ.

А что мнѣ въ нихъ?

ЖИДЪ.

Въ стаканъ воды подлить... трехъ капель будетъ,
 Ни вкуса въ нихъ, ни цвѣта незамѣтно;
 А человекъ безъ рѣзи въ животѣ,
 Безъ тошноты, безъ боли умираеть.

АЛЬБЕРЪ.

Твой старичекъ торгуетъ ядомъ.

ЖИДЪ.

Да —

И ядомъ.

АЛЬБЕРЪ.

Что жъ? Взаимы, на мѣсто денегъ,
 Ты мнѣ предложишь стклянокъ двѣсти яду —
 За стклянку по червонцу. Такъ ли, что ли?

ЖИДЪ.

Смѣяться вамъ угодно надо мною.
 Нѣтъ; я хотѣлъ... быть можетъ, вы... я думалъ,
 Что ужъ барону время умереть.

АЛЬБЕРЪ.

Какъ! отравить отца! и смѣлъ ты сыну...
 Иванъ! держи его. И смѣлъ ты мнѣ!..
 Да знаешь ли, жидовская душа,
 Собака, змѣй, что я тебя сейчасъ же
 На воротахъ повѣшу!

ЖИДЪ.

Виновать!

Простите, я шутилъ.

АЛЬБЕРЪ.

Иванъ, веревку.

ЖИДЪ.

Я... я шутилъ. Я деньги вамъ принесъ.

АЛЬБЕРЪ.

Вонъ, песь!

(Жидъ уходитъ).

Вотъ до чего меня доводитъ
 Отца родного скупость! Жидь мнѣ смѣль
 Что предложить! Дай мнѣ стаканъ вина!
 Я весь дрожу... Иванъ, однакожь деньги
 Мнѣ нужны... Сбѣгай за жидомъ проклятымъ.
 Возьми его червонцы. Да сюда
 Мнѣ принеси чернильницу... Я плуту
 Росписку дамъ. Да не вводи сюда
 Гуду этого... Иль нѣтъ, постой —
 Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
 Какъ сребренники пращура его...
 Я спрашивалъ вина.

ИВАНЪ.

У насъ вина

Ни капли нѣтъ.

АЛЬБЕРЪ.

А то, что мнѣ прислалъ
 Въ подарокъ изъ Испаніи Ремонъ?

ИВАНЪ.

Вечоръ я снесъ послѣднюю бутылку
 Больному кузнецу.

АЛЬБЕРЪ.

Да, помню, знаю...
 Такъ дай воды. Проклятое житье!
 Нѣтъ, рѣшено — пойду искать управы
 У герцога: пускай отца заставятъ
 Меня держать какъ сына, не какъ мышъ.
 Рожденную въ подпольѣ.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Подвалъ).

БАРОНЪ.

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
 Съ какой нибудь развратницей лукавой,
 Иль дурой, имъ обманутой, такъ я
 Весь день минуты ждалъ, когда сойду

Въ подвалъ мой тайный, къ вѣрнымъ сундукамъ.
 Счастливыи день! могу сегодня я
 Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще не полный)
 Горсть золота накопленнаго всыпать.
 Не много, кажется, но понемногу
 Сокровища растутъ. Читаль я гдѣ-то,
 Что царь однажды воинамъ своимъ
 Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу, —
 И гордый холмъ возвысился, и царь
 Могъ съ вышины съ весельемъ озирать
 И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
 И море, гдѣ бѣжали корабли.
 Такъ я, по горсти бѣдной принося
 Привычну дань мою сюда, въ подвалъ,
 Вознесъ мой холмъ — и съ высоты его
 Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
 Что не подвластно мнѣ?.. Какъ нѣкій демонъ
 Отселѣ править міромъ я могу;
 Лишь захочу — воздвигнутся чертоги;
 Въ великолѣпные мои сады
 Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
 И музы дань свою мнѣ принесуть,
 И вольный гений мнѣ поработится,
 И добродѣтель, и безсонный трудъ
 Смирненно будутъ ждать моей награды.
 Я свистну — и ко мнѣ послушно, робко
 Вползеть окровавленное злодѣйство,
 И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
 Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
 Мнѣ все послушно, я же — ничему;
 Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
 Я знаю мощь мою: съ меня довольно
 Сего сознанья... (Смотрить на свое золото).
 Кажется, не много,
 А сколькихъ человѣческихъ заботъ,
 Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
 Оно тяжеловѣсный представитель!
 Тутъ есть дублонъ старинный.. вотъ онъ. Нынче
 Вдова мнѣ отдала его, но прежде
 Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
 Она стояла на колѣняхъ, воя.
 Шель дождь, и пересталь, и вновь пошелъ, —

Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? Этотъ мнѣ принесъ Тибо.
Гдѣ было взять ему, лѣнивцу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ быть,
Тамъ, на большой дорогѣ, ночью, въ рошѣ...
Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ — я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отпереть сундукъ).

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепеть.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснить
Какое-то невѣдомое чувство...
Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ.

(Отпираетъ сундукъ).

Вотъ мое блаженство!

(Всыпаетъ деньги).

Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спать въ глубокихъ небесахъ!..

Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блестящія груди.

(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ).

Я царствую!.. Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастье, въ ней честь моя и слава!

Я царствую!.. Но кто вослѣдъ за мной
 Приметь власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
 Безумецъ, расточитель молодой!
 Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
 Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда,
 Подъ эти мирные, нѣмые своды,
 Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ,
 Укравъ ключи у трупа моего,
 Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ,
 И потекутъ сокровища мои
 Въ атласные, дырявые карманы.
 Онъ разобьетъ священные сосуды,
 Онъ грязь елеемъ царскимъ напоить —
 Онъ расточить... А по какому праву?
 Мнѣ развѣ даромъ это все досталось,
 Или шутя, какъ игроку, который
 Гремить костями, да груды загребаеть?
 Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
 Обузанныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
 Дневныхъ заботъ, ночей бессонныхъ мнѣ
 Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,
 Что сердце у меня обросло мохомъ,
 Что я не зналъ желаній, что меня
 И совѣсть никогда не грызла, — совѣсть,
 Когтистый звѣрь, скребящій сердце, — совѣсть,
 Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
 Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
 Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ и могилы
 Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!...
 Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
 А тамъ посмотримъ, станетъ ли несчастный
 То расточать, что кровью приобрѣлъ.
 О, если бѣ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
 Я скрыть подвалъ!... о, если бѣ изъ могилы
 Придти я могъ, сторожевою тѣнью
 Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
 Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!...

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

(Во дворцѣ).

Альберъ, Герцогъ.

АЛЬБЕРЪ.

Повѣрьте, государь, терпѣлъ я долго
Стыдъ горькой бѣдности. Когда бъ не крайность,
Вы бъ жалобы моей не услышали.

ГЕРЦОГЪ.

Я вѣрю, вѣрю: благородный рыцарь,
Таковъ какъ вы, отца не обвинить
Безъ крайности. Такихъ развратныхъ мало....
Спокойны будьте: вашего отца
Усовѣщю наединѣ, безъ шуму.
Я жду его. Давно мы не видались.
Онъ былъ другъ дѣду моему. Я помню,
Когда я былъ еще ребенкомъ, онъ
Меня сажалъ на своего коня
И покрывалъ своимъ тяжелымъ шлемомъ,
Какъ будто колоколомъ. —

(Смотрить въ окно).

Это кто?

Не онъ ли?

АЛЬБЕРЪ.

Такъ — онъ, государь.

ГЕРЦОГЪ.

Подите жъ

Въ ту комнату. Я кликну васъ.

(Альберъ уходитъ; входитъ баронъ).

Баронъ,

Я радъ васъ видѣть бодрымъ и здоровымъ.

БАРОНЪ.

Я счастливъ, государь, что въ силахъ былъ
По приказанью вашему явиться.

ГЕРЦОГЪ.

Давно, баронъ, давно разстались мы.
Вы помните меня?

БАРОНЪ.

Я, государь?

Я какъ теперь васъ вижу. О, вы были Ребенокъ рѣзвый. — Мнѣ покойный герцогъ Говариваль: Филиппъ (онъ звалъ меня Всегда Филиппомъ), что ты скажешь? а? Лѣтъ черезъ двадцать, право, ты да я, Мы будемъ глупы передъ этимъ малымъ... Предъ вами, то есть...

ГЕРЦОГЪ.

Мы теперь знакомство Возобновимъ. Вы дворъ забыли мой.

БАРОНЪ.

Старъ, государь, я нынче: при дворѣ Что дѣлать мнѣ? Вы молоды; вамъ любви Турниры, праздники. А я на нихъ Уже не гожусь. Богъ дастъ войну, такъ я Готовъ, кряхтя, взлѣзть снова на коня; Еще достанетъ силы старый мечъ За васъ рукой дрожащей обнажить.

ГЕРЦОГЪ.

Баронъ, усердье ваше намъ извѣстно; Вы дѣду были другомъ; мой отецъ Васъ уважалъ. И я всегда считалъ Васъ вѣрнымъ, храбрымъ рыцаремъ; но сядемъ. У васъ, баронъ, есть дѣти?

БАРОНЪ.

Сынъ одинъ.

ГЕРЦОГЪ.

Зачѣмъ его я при себѣ не вижу? Вамъ дворъ наскучилъ, но ему прилично Въ его лѣтахъ и званѣ бытъ при насъ.

БАРОНЪ.

Мой сынъ не любитъ шумной, свѣтской жизни; Онъ дикаго и сумрачнаго нрава —

Вкругъ замка по лѣсамъ онъ вѣчно бродить,
Какъ молодой олень.

ГЕРЦОГЪ.

Нехорошо

Ему дичиться. Мы тотчасъ приучимъ
Его къ весельямъ, къ баламъ и турнирамъ.
Пришлите мнѣ его; назначьте сыну
Приличное по званью содержанье...
Вы хмуритесь — устали вы съ дороги,
Быть можетъ?

БАРОНЪ.

Государь, я не усталъ;
Но вы меня смутили. Передъ вами
Я бъ не хотѣлъ сознаться, но меня
Вы принуждаете сказать о сынѣ
То, что желалъ отъ васъ бы утаить.
Онъ, государь, къ несчастью, недостойнъ
Ни милостей, ни вашего вниманья.
Онъ молодость свою проводить въ буйствѣ,
Въ порокахъ низкихъ...

ГЕРЦОГЪ.

Это потому,

Баронъ, что онъ одинъ. Уединенье
И правдность губятъ молодыхъ людей.
Пришлите къ намъ его: онъ позабудетъ
Привычки, зарожденныя въ глуши.

БАРОНЪ.

Простите мнѣ, но право, государь,
Я согласиться не могу на это...

ГЕРЦОГЪ.

Но почему жъ?

БАРОНЪ.

Увольте старика...

ГЕРЦОГЪ.

Я требую: откройте мнѣ причину
Отказа вашего.

БАРОНЪ.

На сына я

Сердить.

ГЕРЦОГЪ.

За что?

БАРОНЪ.

За злое преступленье.

ГЕРЦОГЪ.

А въ чемъ оно, скажите, состоитъ?

БАРОНЪ.

Увольте, герцогъ...

ГЕРЦОГЪ.

Это очень странно!

Или вамъ стыдно за него?

БАРОНЪ.

Да... стыдно..

ГЕРЦОГЪ.

Но что же сдѣлалъ онъ?

БАРОНЪ.

Онъ... онъ меня

Хотѣлъ убить.

ГЕРЦОГЪ.

Убить! Такъ я суду

Его предамъ, какъ чернаго злодѣя.

БАРОНЪ.

Доказывать не стану я, хоть знаю,
Что точно смерти жаждетъ онъ моей,
Хоть знаю то, что покушался онъ
Меня...

ГЕРЦОГЪ.

Что?

БАРОНЪ.

Обокрасть.

(Альберъ бросается въ комнату).

АЛЬБЕРЪ.

Баронъ, вы лжете!

ГЕРЦОГЪ (сыну).

Какъ смѣли вы?..

БАРОНЪ.

Ты здѣсь! ты, ты мнѣ смѣлъ!..

Ты могъ отцу такое слово молвить!..

Я лгу? и передъ нашимъ государемъ!..

Мнѣ, мнѣ... иль ужъ не рыцарь я?..

АЛЬБЕРЪ.

Вы лжецъ!

БАРОНЪ.

И громъ еще не грянулъ, Боже правый!

Такъ подыми жъ, и мечъ насъ рассуди!

(Бросаетъ перчатку, сынъ поспѣшно ее поднимаетъ).

АЛЬБЕРЪ.

Благодарю. Вотъ первый даръ отца!

ГЕРЦОГЪ.

Что видѣлъ я? Что было предо мною?

Сынъ принялъ вызовъ стараго отца!

Въ какіе дни надѣлъ я на себя

Цѣпь герцоговъ! Молчите: вы, безумецъ,

И ты, тигренокъ! — полно. (Сыну). Бросьте это;

Отдайте мнѣ перчатку. (Отнимаетъ ее).

АЛЬБЕРЪ (а parte).

Жаль!

ГЕРЦОГЪ.

Такъ и впился въ нее когтями!.. Извергъ!

Подите: на глаза мои не смѣйте

Являться до тѣхъ поръ, пока я самъ

Не призову васъ.

(Альберъ выходитъ).

Вы, старикъ несчастный,

Не стыдно ль вамъ...

БАРОНЪ.

Простите, государь...

Стоять я не могу... мои колѣна
Слабѣютъ... душно!.. душно!.. Гдѣ ключи?
Ключи, ключи мои!

ГЕРЦОГЪ.

Онъ умеръ. Боже!

Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!

23 октября 1830. Болдино.

[Скупой рыцарь напечатанъ въ «Современникѣ» 1836, № 1, съ подписью: «Р.». Въ рукописи пьеса сперва была озаглавлена просто: Скупой, и имѣла эпиграфъ изъ Державина, зачеркнутый потомъ:

Престань и ты жить въ погребѣхъ,
Какъ вротъ въ ущеліяхъ подземныхъ.

Затѣмъ уже Пушкинъ приписалъ свое произведеніе небывалому англійскому поэту Ченстону и нѣсколько разъ передѣлывалъ англійское названіе; сначала: «The savetous Knight», безъ имени Ченстона, потомъ зачеркнулъ: «savetous», и наконецъ поставилъ: «The saveteous Knight», прибавилъ имя Ченстона и самую пьесу назвалъ: «Скупой рыцарь». См. Анненкова, Мат., 277 — 279.]

МОЦАРТЬ И САЛБЕРИ.

(1830).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

(Комната).

САЛБЕРИ.

Всѣ говорятъ: нѣтъ правды на землѣ.
Но правды нѣтъ — и выше. Для меня
Такъ это ясно, какъ простая гамма.
Родился я съ любовію къ искусству;
Ребенкомъ будучи, когда высоко
Звучалъ органъ въ старинной церкви нашей,
Я слушалъ и заслушивался — слезы
Невольныя и сладкія текли.
Отвергъ я рано праздныя забавы;
Науки, чуждыя музыкѣ, были
Постылы мнѣ; упрямо и надменно
Отъ нихъ отрекся я и предался
Одной музыкѣ. Труденъ первый шагъ
И скученъ первый путь. Преодолѣлъ
Я раннія невзгоды. Ремесло
Поставилъ я подножіемъ искусству;
Я сдѣлался ремесленникъ: перстамъ
Придалъ послушную, сухую бѣглость,
И вѣрность уху. Звуки умертвивъ,
Музыку я разъялъ, какъ трупъ. Повѣрилъ
Я алгеброй гармонію. Тогда

Уже дерануль, въ наукѣ искушенный,
 Предаться нѣгѣ творческой мечты.
 Я сталъ творить, но въ тишинѣ, но втайнѣ,
 Не смѣя помышлять еще о славѣ.
 Нерѣдко, просидѣвъ въ безмолвной кельѣ
 Два-три дня, позабывъ и сонъ, и пищу,
 Вкусивъ восторгъ и слезы вдохновенья,
 Я жегъ мой трудъ и холодно смотрѣль,
 Какъ мысль моя и звуки, мной рожденны,
 Пылая, съ легкимъ дымомъ исчезали!..
 Что говорю? Когда великій Глюкъ
 Явился и открылъ намъ новы тайны
 (Глубокія, плѣнительныя тайны!) —
 Не бросилъ ли я все, что прежде зналъ,
 Что такъ любилъ, чему такъ жарко вѣрилъ,
 И не пошелъ ли бодро вслѣдъ за нимъ
 Безропотно, какъ тотъ, кто заблуждался,
 И встрѣчнымъ посланъ въ сторону иную?
 Усильнымъ, напряженнымъ постоянствомъ
 Я наконецъ въ искусствѣ безграничномъ
 Достигнулъ степени высокой. Слава
 Мнѣ улыбнулась; я въ сердцахъ людей
 Нашелъ совучія своимъ созданьямъ.
 Я счастливъ былъ: я наслаждался мирно
 Своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой; также
 Трудами и успѣхами друзей,
 Товарищей моихъ въ искусствѣ дивномъ.
 Нѣтъ! никогда я зависти не зналъ!
 О, никогда! — ниже, когда Пиччини
 Плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ парижанъ,
 Ниже, когда слышалъ въ первый разъ
 Я Ифигеніи начальны звуки.
 Кто скажетъ, чтобъ Сальери гордый былъ
 Когда нибудь завистникомъ презрѣннымъ,
 Змѣей, людьми растоптанною, вживѣ
 Песокъ и пыль грызущею безсильно?
 Никто!.. А нынѣ — самъ скажу — я нынѣ
 Завистникъ! Я завидую; глубоко,
 Мучительно завидую. — О небо!
 Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
 Когда безсмертный геній — не въ награду
 Любви горячей, самоотверженья,

Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
 А озаряетъ голову безумца,
 Гуляки прайднаго?.. О Моцартъ, Моцартъ!

(Входитъ Моцартъ).

МОЦАРТЪ.

Ага! увидѣлъ ты! а мнѣ хотѣлось
 Тебя неожиданой шуткой угостить.

САЛЬЕРИ.

Ты здѣсь! — Давно ль?

МОЦАРТЪ.

Сейчасъ. Я шель къ тебѣ,
 Несъ кое-что тебѣ я показать;
 Но, проходя передъ трактиромъ, вдругъ
 Услышаль скрипку... Нѣтъ, мой другъ Сальери!
 Смѣшнѣе отроду ты ничего
 Не слыхиваль!.. Слѣпой скрипачъ въ трактирѣ
 Разыгрываль voi che sapete. Чудо!
 Не вытерпѣлъ, привель я скрипача,
 Чтобъ угостить тебя его искусствомъ.
 Войди!

(Входитъ слѣпой старикъ со скрипкой).

Изъ Моцарта намъ что нибудь!

(Старикъ играетъ арію изъ Донъ-Жуана; Моцартъ хохочетъ).

САЛЬЕРИ.

И ты смѣяться можешь?

МОЦАРТЪ.

Ахъ, Сальери!

Ужель и самъ ты не смѣешься?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ,

Мнѣ не смѣшно, когда маляръ негодный
 Мнѣ пачкаетъ Мадонну Рафаэля;
 Мнѣ не смѣшно, когда фигляръ презрѣнный
 Пародіей безчестить Алигьери.
 Пошелъ, старикъ.

МОЦАРТЪ.

Постой же: вотъ тебѣ;

Пей за мое здорovie.

(Старикъ уходитъ).

Ты, Сальери,
 Не въ духѣ нынче. Я приду къ тебѣ
 Въ другое время.

САЛЬЕРИ.

Что ты мнѣ принесешь?

МОЦАРТЪ.

Нѣтъ — такъ, бездѣлицу. Намедни ночью
 Безсонница моя меня томила,
 И въ голову пришли мнѣ двѣ-три мысли.
 Сегодня я ихъ набросалъ. Хотѣлось
 Твое мнѣ слышать мнѣнье; но теперь
 Тебѣ нѣ до меня.

САЛЬЕРИ.

Ахъ, Моцартъ, Моцартъ!
 Когда же мнѣ не до тебя? Садись;
 Я слушаю.

МОЦАРТЪ (за фортепіано).

Представь себѣ... кого бы?
 Ну, хотъ меня — немного помоложе;
 Влюбленнаго — не слишкомъ, а слегка;
 Съ красоткой, или съ другомъ — хотъ съ тобой;
 Я веселъ... Вдругъ: видѣнье гробовое,
 Незапный мракъ иль что нибудь такое...
 Ну, слушай же.

(Играетъ).

САЛЬЕРИ.

Ты съ этимъ шель ко мнѣ,
 И могъ остановиться у трактира
 И слушать скрипача слѣпго! — Боже!
 Ты, Моцартъ, недостойнъ самъ себя.

МОЦАРТЪ.

Что жъ, хорошо?

САЛЬЕРИ.

Какая глубина!
 Какая смѣлость и какая стройность!
 Ты, Моцартъ, богъ, и самъ того не знаешь;
 Я знаю, я.

МОЦАРТЪ.

Ба! право? можетъ быть...
Но божество мое проголодалось.

САЛЬЕРИ.

Послушай: отобѣдаемъ мы вмѣстѣ
Въ трактирѣ Золотого Льва.

МОЦАРТЪ.

Пожалуй;
Я радъ. Но дай, схожу домой, сказать
Женѣ, чтобы меня она къ обѣду
Не дожидалась. (Уходитъ).

САЛЬЕРИ.

Жду тебя; смотри жъ. —

Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобы его
Остановить — не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки,
Не я одинъ съ моей глухою славой...
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ!
Оно падетъ опять, какъ онъ исчезнетъ:
Наслѣдника намъ не оставитъ онъ.
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ,
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть!
Такъ улетай же! чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

Вотъ ядъ, послѣдній даръ моей Изоры.
Осмынадцать лѣтъ ношу его съ собою —
И часто жизнь казалась мнѣ съ тѣхъ поръ
Несносной раной, и сидѣлъ я часто
Съ врагомъ безпечнымъ за одной трапезой,
И никогда на шопотъ искушенья
Не преклонился я, хотъ я не трусь,
Хотъ обиду чувствую глубоко,
Хотъ мало жизнь люблю. Все медлил я.

Какъ жажда смерти мучила меня—
 Что умирать? я мнилъ: быть можетъ, жизнь
 Мнѣ принесетъ незапные дары;
 Быть можетъ, посѣтитъ меня восторгъ
 И творческая ночь, и вдохновенье;
 Быть можетъ, новый Гайдень сотворить
 Великое—и наслажуся имъ...
 Какъ пировалъ я съ гостемъ ненавистнымъ —
 Быть можетъ, мнилъ я, злѣйшаго врага
 Найду; быть можетъ, злѣйшая обида
 Въ меня съ надменной грянетъ высоты—
 Тогда не пропадешь ты, даръ Изоры.
 И я былъ правъ! и наконецъ нашель
 Я моего врага, и новый Гайдень
 Меня восторгомъ дивно упоилъ!
 Теперь—пора! Завѣтный даръ любви,
 Переходи сегодня въ чашу дружбы.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

(Особая комната въ трактирѣ; фортепіано).

Моцартъ и Сальери (за столомъ).

САЛЬЕРИ.

Что ты сегодня пасмуренъ?

МОЦАРТЬ.

Я? Нѣтъ!

САЛЬЕРИ.

Ты, вѣрно, Моцартъ, чѣмъ нибудь разстроенъ?
 Обѣдъ хорошій, славное вино,
 А ты молчишь, и хмуришься.

МОЦАРТЬ.

Признаться,
 Мой Requiem меня тревожитъ.

САЛЬЕРИ.

А!

Ты сочиняешь Requiem? Давно ли?

МОЦАРТЬ.

Давно, недѣли три. Но странный случай...
Не сказываль тебѣ я?

САЛЬЕРИ.

Нѣтъ.

МОЦАРТЬ.

Такъ слушай:

Недѣли три тому, пришелъ я поздно
Домой. Сказали мнѣ, что заходилъ
За мною кто-то. Отчего — не знаю,
Всю ночь я думаль: кто бы это былъ?
И что ему во мнѣ? Назавтра тотъ же
Зашель, и не засталъ опять меня.
На третій день играль я на полу
Съ моимъ мальчишкой. Кликнули меня;
Я вышелъ. Человѣкъ, одѣтый въ черномъ,
Учтиво поклонившись, заказаль
Мнѣ Requiem и скрылся. Сѣлъ я тотчасъ
И сталъ писать — и съ той поры за мною
Не приходилъ мой черный человѣкъ;
А я и радъ: мнѣ было бъ жаль разстаться
Съ моей работой, хоть совѣмъ готовъ
Ужъ Requiem. Но между тѣмъ я...

САЛЬЕРИ.

Что?

МОЦАРТЬ.

Мнѣ совѣстно признаться въ этомъ...

САЛЬЕРИ.

Въ чемъ же?

МОЦАРТЬ.

Мнѣ день и ночь покоя не даетъ
Мой черный человѣкъ. За мною всюду
Какъ тѣнь онъ гонится. Вотъ и теперь
Мнѣ кажется, онъ съ нами самъ-третей
Сидить.

САЛЬЕРИ.

И, полно! Что за страхъ ребячій!
Разсѣй пустую думу. Бомарше

Говариваль мнѣ: «слушай, братъ Сальери,
 Какъ мысли черныя къ тебѣ придуть,
 Откупори шампанскаго бутылку,
 Иль перечти Женитьбу Фигаро.»

МОЦАРТЬ.

Да! Бомарше вѣдь былъ тебѣ пріятель;
 Ты для него Тарара сочинилъ,
 Вещь славную. Тамъ есть одинъ мотивъ...
 Я все твержу его, когда я счастливъ...
 Ла-ла-ла-ла... Ахъ, правда ли, Сальери,
 Что Бомарше кого-то отравилъ?

САЛЬЕРИ.

Не думаю: онъ слишкомъ былъ смѣшонъ
 Для ремесла такого.

МОЦАРТЬ.

Онъ же геній,
 Какъ ты да я. А геній и злодѣйство —
 Двѣ вещи несомвѣстныя. Не правда ль?

САЛЬЕРИ.

Ты думаешь?

(Бросаетъ ядъ въ стаканъ Моцарта).

Ну, пей же.

МОЦАРТЬ.

За твое
 Здоровье, другъ, за искренній союзъ,
 Связующій Моцарта и Сальери,
 Двухъ сыновей гармоніи.

(Пьетъ).

САЛЬЕРИ.

Постой,
 Постой, постой!.. Ты выпилъ!.. безъ меня?

МОЦАРТЬ (бросаетъ салфетку на столъ).

Довольно, сытъ я.

(Идетъ къ фортепіано).

Слушай же, Сальери,
 Мой Requiem. (Играетъ).

Ты плачешь?

САЛЬЕРИ.

Эти слезы

Впервые лью: и больно, и приятно,
 Какъ будто тяжкій совершилъ я долгъ,
 Какъ будто ножъ цѣлебный мнѣ отсѣкъ
 Страдавшій членъ! Другъ Моцартъ, эти слезы...
 Не замѣчай ихъ. Продолжай, спѣши
 Еще наполнить звуками мнѣ душу...

МОЦАРТЪ.

Когда бы всѣ такъ чувствовали силу
 Гармоніи! Но нѣтъ: тогда бъ не могъ
 И міръ существовать; никто бъ не сталъ
 Заботиться о нуждахъ низкой жизни —
 Всѣ предались бы вольному искусству!
 Насъ мало избранныхъ, счастливецъ праздныхъ,
 Пренебрегающихъ презрѣнной пользой,
 Единаго прекраснаго жрецовъ.
 Не правда ль? Но я нынче нездоровъ,
 Мнѣ что-то тяжело; пойду, засну.
 Прощай же.

САЛЬЕРИ.

До свиданья.

(Одинъ).

Ты заснешь

Надолго, Моцартъ!.. Но ужель онъ правъ,
 И я не гений? Гений и злодѣйство —
 Двѣ вещи несовмѣстныя. Неправда:
 А Бонаротти?.. Или это сказка
 Тупой, бессмысленной толпы — и не былъ
 Убийцею создатель Ватикана?

26 октября 1830.

[Моцартъ и Сальери напеч. въ «Сѣв. Цвѣтахъ» на 1832 г., съ подписью: «А. Пушкинъ»; затѣмъ въ особой брошюрѣ, заключающей всѣ стихотворенія поэта, помѣщенные въ названномъ альманахѣ 1832 г., и перепеч. въ 3-й части «Сочиненій» 1832 г. и въ посмертномъ изд. безъ перемѣнъ. Въ рукописи пьеса первоначально была озаглавлена: «Зависть», и между бумагами поэта сохранился ключекъ, на которомъ Пушкинъ записалъ: «Въ первое представленіе Донъ-Жуана, въ то время, когда весь театръ безмолвно уживался гармоніей Моцарта, радовался свистъ: всѣ обратились съ изумленіемъ и негодованіемъ, а знаменитый Сальери вышелъ изъ залы въ бѣшенствѣ, снѣдаемый завистью.—

Сальери умеръ лѣтъ 8 тому назадъ *). Нѣкоторые нѣмецкіе журналы говорили, что на одрѣ смерти признался онъ, будто бы, въ ужасномъ преступленіи, въ отравленіи великаго Моцарта.—Завистникъ, который могъ освистать Донъ-Жуана, могъ отравить его творца.» Г. Анненковъ (Мат., 280) высказываетъ предположеніе, что слова эти написаны Пушкинымъ въ отвѣтъ на возраженія друзей его, которые беспокоились насчетъ клепа, введеннаго въ этой пьесѣ на Сальери. Къ числу ихъ принадлежалъ, между прочимъ, и П. А. Катенинъ, который смотрѣлъ на драму Пушкина съ чисто-юридической стороны: она производила на него точно такое же впечатлѣніе, какое производитъ краснорѣчивый и искусный адвокатъ, поддерживающій несправедливое обвиненіе. Вѣроятно, къ спору, тогда возникшему, должно относиться и шуточное замѣчаніе Пушкина: «Зависть — сестра соревнованія, стало быть, изъ хорошаго роду.»

Въ Лит. Приб. къ Рус. Инв. 1833, № 18, стр. 142—143, есть указаніе, что эта пьеса была поставлена на сцену, но не имѣла успѣха.]

*) Онъ умеръ въ маѣ 1825 г.; слѣдовательно, замѣтка писана около 1833 г.

КАМЕННЫЙ ГОСТЬ.

(1830).

LEPORELLO. O statua gentilissima
Del gran Commendatore!..
Ah, Padroni!..
Don Giovanni.

СЦЕНА I.

Ночь. Кладбище близъ Мадрита.

Донъ-Жуанъ и Лепорелло.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дождемся ночи здѣсь. Уфъ! наконецъ
Достигли мы воротъ Мадрита. Скоро
Я полечу по улицамъ знакомымъ,
Усы плащемъ закрывъ, а брови шляпой.
Какъ думаешь: узнать меня нельзя?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Да, Донъ-Жуана мудрено признать!
Такихъ, какъ онъ, такая бездна!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Шутишь?

Да кто жъ меня узнаеть?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Первый сторожъ,
Гитана, или пьяный музыкантъ,

Иль свой же братъ, нахальный кавалеръ,
Въ плащѣ, со шпагою подъ мышкой, въ шляпѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за бѣда, хоть и узнаютъ! Только бѣ
Не встрѣтился мнѣ самъ король, а впрочемъ
Я никого въ Мадритѣ не боюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А завтра же до короля дойдетъ,
Что Донъ-Жуанъ изъ ссылки самовольно
Въ Мадритъ явился — что тогда, скажите,
Онъ съ вами сдѣлаетъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Пошлетъ назадъ.

Ужъ вѣрно головы мнѣ не отрубятъ:
Вѣдь я не государственный преступникъ!
Меня онъ удалилъ, меня жъ любя,
Чтобы меня оставила въ покоѣ
Семья убитаго.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ну, то-то жъ!

Сидѣли бѣ вы себѣ спокойно тамъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слуга покорный! Я едва-едва
Не умеръ тамъ со скуки. Что за люди!
Что за земля! А небо?.. точный дымъ;
А женщины?.. Да я не промѣняю,
Вотъ видишь ли, мой глупый Лепорелло,
Последней въ Андалузiи крестьянки
На первыхъ тамошнихъ красавицъ — право.
Онѣ сначала нравились мнѣ
Глазами синими, да бѣлизною,
Да скромностью — а пуще новизною;
Да, слава Богу, скоро догадался:
Увидѣлъ я, что съ ними грѣхъ и знаться;
Въ нихъ жизни нѣтъ — все куклы восковыя...
А наши!.. Но послушай, это мѣсто
Знакомо намъ; узналъ ли ты его?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Какъ не узнать? Антошевъ монастырь
Мнѣ памятенъ. Възжали вы сюда,
А лошадей держалъ я въ этой роцѣ:
Проклятая, признаться, должность! Вы
Пріятнѣ здѣсь время проводили,
Чѣмъ я, повѣрьте.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (задумчиво).

Бѣдная Инеза!

Ея ужъ вѣтъ! Какъ я любилъ ее!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Инезу — черноглазую?.. о, помню!
Три мѣсяца ухаживали вы
За ней; насилу-то помогъ лукавый.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ іюлѣ... ночью. Странную пріятность
Я находилъ въ ея печальномъ взорѣ
И помертвѣлыхъ губкахъ. Это странно.
Ты, кажется, ее не находилъ
Красавицей. И точно — мало было
Въ ней истинно-прекраснаго. Глаза,
Одни глаза, да взглядъ... такого взгляда
Ужъ никогда я не встрѣчалъ! А голосъ
У ней былъ тихъ и слабъ, какъ у больной...
А мужъ ея былъ негодяй суровый —
Узналъ я поздно... Бѣдная Инеза!..

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что жъ? Вслѣдъ за ней другія были.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Правда.

ЛЕПОРЕЛЛО.

А живы будемъ, будутъ и другія.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

И то.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Теперь которую въ Мадридѣ
Отыскивать мы будемъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Лауру!

Я прямо къ ней бѣгу явиться.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Дѣло.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Къ ней прямо въ дверь; а если ктонибудь
Ужъ у нея — прошу въ окно прыгнуть.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Конечно. Ну, развеселились мы.
Недолго насъ покойницы тревожатъ.
Кто къ намъ идетъ?

(Входитъ монахъ).

МОНАХЪ.

Сейчасъ она пріѣдетъ
Сюда. Кто здѣсь? Не люди ль Доны-Анны?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, сами по себѣ мы господа.
Мы здѣсь гуляемъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А кого вы ждете?

МОНАХЪ.

Сейчасъ должна пріѣхать Дона-Анна
На мужнину гробницу.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дона-Анна

Де-Сольва? Какъ? Супруга командора,
Убитаго... не помню кѣмъ.

МОНАХЪ.

Развратнымъ,
Безсовѣстнымъ, безбожнымъ Донъ-Жуаномъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ого! вотъ какъ! Молва о Донъ-Жуанѣ
И въ мирный монастырь проникла даже:
Отшельники хвалы ему поютъ.

МОНАХЪ.

Онъ вамъ знакомъ, быть можетъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Намъ? Нимало.

А гдѣ то онъ теперь?

МОНАХЪ.

Его здѣсь нѣтъ.

Онъ въ ссылкѣ, далеко.

ЛЕПОРЕЛЛО.

И слава Богу!

Чѣмъ далѣе, тѣмъ лучше. Всѣхъ бы ихъ,
Развратниковъ, въ одинъ мѣшокъ, да въ море.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что, что ты врешь?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Молчите: я нарочно...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ здѣсь похоронили командора?

МОНАХЪ.

Здѣсь. Памятникъ жена ему воздвигла,
И прїѣзжаетъ каждый день сюда
За упокой души его молиться
И плакать.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что за странная вдова!

Не даромъ же покойникъ былъ ревнивъ;
Онъ Дону-Анну взаперти держалъ:
Никто изъ насъ не видывалъ ея.
И недурна?

МОНАХЪ.

Мы красотою женской,
Отшельники, прельщаться не должны;
Но лгать грѣшно: не можетъ и угодникъ
Въ ея красѣ чудесной не сознаться.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я съ нею бы хотѣлъ поговорить.

МОНАХЪ.

О, Дона-Анна никогда съ мужчиной
Не говоритъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А съ вами, мой отецъ?

МОНАХЪ.

Со мной иное дѣло — я монахъ.
Да вотъ она.

(Входитъ Дона-Анна).

ДОНА-АННА.

Отецъ мой, отоприте.

МОНАХЪ.

Сейчасъ, сенъора; я васъ ожидалъ.

(Дона-Анна идетъ за монахомъ).

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что, какова?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ея совсѣмъ не видно

Подъ этимъ вдовьимъ чернымъ покрываломъ;
Чуть узенькую пятку я замѣтилъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Довольно съ васъ. У васъ воображенье
Въ минуту дорисуетъ остальное;
Оно у васъ проворнѣй живописца.
Вамъ все равно, съ чего бы ни начать —
Съ бровей ли, съ ногъ ли.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Слушай, Лепорелло:

Я съ нею познакомлюсь.

ЛЕПОРЕЛЛО (про себя).

Вотъ еще!

Куда какъ нужно! Мужа повалилъ,
 Да хочетъ поглядѣть на вдовьи слезы.
 Безсовѣстный!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Однако ужъ и смерклося.
 Пока луна надъ нами не взошла
 И въ свѣтлый сумракъ тьмы не обратила,
 Войдемъ въ Мадридъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Испанскій грандъ, какъ воръ,
 Ждетъ ночи — и луны боится, Боже!
 Проклятое житье! Да долго ль будетъ
 Мнѣ съ нимъ возиться! Право, нѣтъ ужъ силъ!

СЦЕНА II.

Комната. Ужинъ у Лауры.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Клянусь тебѣ, Лаура, никогда
 Съ такимъ ты совершенствомъ не играла!
 Какъ роль свою ты вѣрно поняла!

ВТОРОЙ.

Какъ развила ее! съ какою силой!

ТРЕТІЙ.

Съ какимъ искусствомъ!

ЛАУРА.

Да, мнѣ удавалось
 Сегодня каждое движеніе, слово;
 Я вольно предавалась вдохновенью;
 Слова лились, какъ будто ихъ рождала
 Не память робкая, но сердце...

ПЕРВЫЙ.

Правда.

Да и теперь глаза твои блестятъ

И щеки разгорѣлись — не проходить
 Въ тебѣ восторгъ. Лаура, не давай
 Остыть ему бесплодно: спой, Лаура,
 Спой что нибудь!

ЛАУРА.

Подайте мнѣ гитару.

(Поеть).

ВСѢ.

О, brava! brava! чудно! неподобно!

ПЕРВЫЙ.

Благодаримъ, волшебница! Ты сердце
 Чаруешь намъ. Изъ наслажденій жизни
 Одной любви музыка уступаетъ;
 Но и любовь — мелодія... Вагляни:
 Самъ Карлосъ тронуть, твой угрюмый гость!

ВТОРОЙ.

Какіе звуки! сколько въ нихъ души!
 А чьи слова, Лаура?

ЛАУРА.

Донъ-Жуана.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Что? Донъ-Жуанъ!

ЛАУРА.

Ихъ сочинилъ когда-то
 Мой вѣрный другъ, мой вѣтреный любовникъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Твой Донъ-Жуанъ — безбожникъ и мерзавецъ;
 А ты, ты дура.

ЛАУРА.

Ты съ ума сопелъ!
 Да я сейчасъ велю тебя варѣзать
 Моимъ слугамъ, хоть ты испанскій грандъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ (встаеть).

Зови же ихъ.

ПЕРВЫЙ.

Лаура, перестань!
Донъ-Карлосъ, не сердись. Она забыла...

ЛАУРА.

Что?.. Что Жуанъ на поединкѣ честно
Убилъ его родного брата? Правда, жаль,
Что не его.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я глупъ, что осердился.

ЛАУРА.

Ага! самъ сознаешься, что ты глупъ —
Такъ помиримся.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Виновать, Лаура!
Прости меня. Но знаешь: не могу
Я слышать это имя равнодушно...

ЛАУРА.

А виновата ль я, что поминутно
Мнѣ на языкъ приходитъ это имя?

ГОСТЬ.

Ну, въ знакъ, что ты совсѣмъ ужъ не сердита,
Лаура, спой еще!

ЛАУРА.

Да, на прощанье.
Пора — ужъ ночь. Но что же я спою?
А! слушайте.

(Поетъ).

ВСЪ.

Прелестно, безподобно!

ЛАУРА.

Прощайте жъ, господа.

ГОСТИ.

Прощай, Лаура.

(Выходятъ. Лаура останавливаетъ Донъ-Карлоса).

ЛАУРА.

Ты, бѣшенный, останься у меня.
Ты мнѣ понравился; ты Донъ-Жуана
Напомнилъ мнѣ, какъ выбранилъ меня
И стиснулъ зубы съ скрежетомъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Счастливецъ!

Такъ ты его любила?

(Лаура дѣлаетъ утвердительный знакъ).

Очень?

ЛАУРА.

Очень.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

И любишь и теперь?

ЛАУРА.

Въ сію минуту?

Нѣтъ, не люблю. Мнѣ двухъ любить нельзя.
Теперь люблю тебя.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Скажи, Лаура,

Который годъ тебѣ?

ЛАУРА.

Осмынадцать лѣтъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Такъ молода... и будешь молода
Еще лѣтъ пять иль шесть. Вокругъ тебя
Еще лѣтъ шесть они толпиться будутъ,
Тебя ласкать, лелѣять и дарить,
И серенадами ночными тѣшить,
И за тебя другъ друга убивать
На перекресткахъ ночью. Но когда
Пора пройдетъ, когда твои глаза
Впадутъ, и вѣки, сморщась, почернѣютъ,
И сѣдина въ косѣ твоей мелькнетъ,
И будутъ называть тебя старухой,
Тогда — что скажешь ты?

ЛАУРА.

Тогда... Зачѣмъ
 Объ этомъ думать? Что за разговоръ?
 Иль у тебя всегда такія мысли?
 Приди — открой балконъ. Какъ небо тихо!
 Недвижимъ теплый воздухъ; ночь лимономъ
 И лавромъ пахнетъ; яркая луна
 Блеститъ на синевѣ густой и темной,
 И сторожа кричатъ протяжно, ясно!..
 А далеко, на сѣверѣ — въ Парижѣ —
 Быть можетъ, небо тучами покрыто,
 Холодный дождь идетъ и вѣтеръ дуетъ.
 А намъ какое дѣло? Слушай, Карлосъ:
 Я требую, чтобъ улыбнулся ты.
 Ну! то-то жь!

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Милый демонъ!

(Стучать).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Гей, Лаура!

ЛАУРА.

Кто тамъ? Чей это голосъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Отпри...

ЛАУРА.

Ужели!.. Боже!..

(Отпираетъ двери, входитъ Донъ-Жуанъ).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здравствуй...

ЛАУРА.

Донъ-Жуанъ!..

(Лаура выдается ему на шею).

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Какъ! Донъ-Жуанъ!..

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, милый другъ!..

(Цѣлуетъ ее).

Кто у тебя, моя Лаура?

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Я,—

Донъ-Карлосъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ нечаянная встрѣча!

Я завтра весь къ твоимъ услугамъ...

ДОНЪ-КАРЛОСЪ.

Нѣтъ!

Теперь — сейчасъ.

ЛАУРА.

Донъ-Карлосъ, перестаньте!

Вы не на улицѣ — вы у меня —

Извольте выйти вонъ.

ДОНЪ-КАРЛОСЪ (ея не слушая).

Я жду. Ну, что жь?

Вѣдь ты при шпагѣ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ежели тебѣ

Не терпится, изволь.

(Бьются).

ЛАУРА.

Ай, ай! Жуанъ!..

(Кидается на постель. Донъ-Карлосъ падаетъ).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вставай, Лаура, кончено.

ЛАУРА.

Что тамъ?

Убить? Прекрасно! въ комнатѣ моей!

Что дѣлать мнѣ теперь, повѣса, дьяволь?

Куда я выброшу его?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Быть можетъ,

Онъ живъ еще.

(Осматриваетъ тѣло).

ЛАУРА.

Да, живъ! Гляди, проклятый!

Ты прямо въ сердце ткнулъ — небось, не мимо.

И кровь нейдетъ изъ треугольной ранки,

А ужъ не дышетъ — каково?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что дѣлать?

Онъ самъ того хотѣлъ.

ЛАУРА.

Эхъ, Донъ-Жуанъ,

Досадно, право. Вѣчныя проказы!..

А все не виновать... Откуда ты?

Давно ли здѣсь?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я только что пріѣхалъ

И то тихонько — я вѣдь не прощень.

ЛАУРА.

И вспомнилъ тотчасъ о своей Лаурѣ?

Что хорошо, то хорошо. Да полно,

Не вѣрю я. Ты мимо шель случайно,

И домъ увидѣлъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, моя Лаура,

Спроси у Лепорелло. Я стою

За городомъ, въ проклятой вентѣ. Я Лауры

Пришелъ искать въ Мадритѣ.

(Цѣлуетъ ее).

ЛАУРА.

Другъ ты мой!..

Постой... при мертвомъ!.. Что намъ дѣлать съ нимъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Оставь его — передъ разсвѣтомъ, рано.

Я вынесу его подъ епанчею

И положу на перекресткѣ.

ЛАУРА.

Только

Смотри, чтобъ не увидѣли тебя.
 Какъ хорошо ты сдѣлалъ, что явился
 Одной минутой позже! У меня
 Твои друзья здѣсь ужинали. Только
 Что вышли вонъ. Когда бъ ты ихъ засталъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лаура, и давно его ты любишь?

ЛАУРА.

Кого? ты бредишь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милая плутовка! *)

А сколько разъ ты измѣняла мнѣ
 Въ моемъ отсутствіи?

ЛАУРА.

А ты, повѣса?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Скажи жь... Нѣтъ, послѣ переговоровъ!..

СЦЕНА III.

Памятникъ командора.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Все къ лучшему: нечаянно убивъ
 Донъ-Карлоса, отшельникомъ смиреннымъ
 Я скрылся здѣсь—и вижу каждый день
 Мою прелестную вдову, и ею,
 Мнѣ кажется, замѣченъ. До сихъ поръ
 Чинились мы другъ съ другомъ, но сегодня
 Пущуся въ разговоры съ ней: пора!
 Съ чего начну? «Осмѣлюсь»... или нѣтъ:

*) Въ рукописи эти два слова зачеркнуты и сверху написано: «А признайся.»

«Сеньора»... ба! что въ голову придетъ,
 То и скажу, безъ предуготовленья,
 Импровизаторомъ любовной пѣсни...
 Пора бѣ ужъ ей пріѣхать. Безъ нея,
 Я думаю, скучаетъ командоръ.
 Какимъ онъ здѣсь представленъ исполиномъ!
 Какія плечи! что за Геркулесъ!..
 А самъ, покойникъ, малъ былъ и щедулень;
 Здѣсь, ставъ на цыпочки, не могъ бы руку
 До своего онъ носу дотянуть.
 Когда за Эскурьяломъ мы сошлись,—
 Наткнулся мнѣ на шпагу онъ и замеръ,
 Какъ на булавокѣ стрекоза; а былъ
 Онъ гордъ и смѣлъ, и духъ имѣлъ суровый...
 А! вотъ она.

(Входитъ Дона-Анна).

ДОНА-АННА.

Опять онъ здѣсь. Отецъ мой,
 Я развлекла васъ въ вашихъ помышленьяхъ —
 Простите.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я просить прощенья долженъ
 У васъ, сеньора. Можетъ, я мѣшаю
 Печали вашей вольно изливаться.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, мой отецъ: печаль моя во мнѣ.
 При васъ мои моленья могутъ къ небу
 Смиренно возноситься. Я прошу
 И васъ свой голосъ къ нимъ соединить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Мнѣ, мнѣ молиться съ вами, Дона-Анна!
 Я не достоинъ участи такой.
 Я не дерзну порочными устами
 Мольбу святую вашу повторять;
 Я только издали съ благоговѣньемъ
 Смотрю на васъ, когда, склонившись тихо,
 Вы кудри черные на мраморъ блѣдный
 Разсыплете — и мнится мнѣ, что тайно

Гробницу эту ангелъ посѣтилъ.
Въ смущенномъ сердцѣ я не обрѣтаю
Тогда моленій. Я дивлюсь безмолвно
И думаю: счастливъ, чей хладный мраморъ
Согрѣтъ ея дыханіемъ небеснымъ
И окропленъ любви ея слезами.

ДОНА-АННА.

Какія рѣчи странныя!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Сеньора?

ДОНА-АННА.

Мнѣ.. вы забыли...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что? Что недостойный
Отшельникъ я? Что грѣшный голосъ мой
Не долженъ здѣсь такъ громко раздаваться?

ДОНА-АННА.

Мнѣ показалось... Я не поняла...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ахъ вижу я: вы все, вы все узнали!

ДОНА-АННА.

Что я узнала?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Такъ, я не монахъ...
У вашихъ ногъ прощенья умоляю.

ДОНА-АННА.

О, Боже! встаньте, встаньте!... Кто же вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Несчастный, жертва страсти безнадёжной!

ДОНА-АННА.

О, Боже мой! и здѣсь, при этомъ гробѣ!
Подите прочь!..

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Минуту, Дона-Анна!

Одну минуту!

ДОНА-АННА.

Если кто взойдетъ!..

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Рѣшетка заперта. Одну минуту!

ДОНА-АННА.

Ну? что? чего вы требуете?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Смерти!

О, пусть умру сейчасъ у вашихъ ногъ,
Пусть бѣдный прахъ мой здѣсь же похоронять,
Не подлѣ праха, милаго для васъ.
Не тутъ — не близко — далѣ гдѣ нибудь,
Тамъ — у дверей — у самаго порога,
Чтобъ камня моего могли коснуться
Вы легкою ногой или одеждой,
Когда сюда, на этотъ гордый гробъ,
Пройдете кудри наклонять и плакать.

ДОНА-АННА.

Вы не въ своемъ умѣ...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Или желать

Кончины, Дона-Анна, знаешь безумства?
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ хотѣлъ
Въ живыхъ остаться, я бъ имѣлъ надежду
Любовью нѣжной тронуть ваше сердце;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бы ночи
Сталъ провождать у вашего балкона,
Тревожа серенадами вашъ сонъ;
Не сталъ бы я скрываться — я, напротивъ,
Старался бъ быть вездѣ замѣченъ вами;
Когда бъ я былъ безумецъ, я бъ не сталъ
Страдать въ безмолвіи...

ДОНА-АННА.

Такъ это вы!

Молчите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Случай, Дона-Анна, случай
Увлекъ меня! Не то, вы бѣ никогда
Моей печальной тайны не узнали...

ДОНА-АННА.

И любите давно ужъ вы меня?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Давно или недавно,—самъ не знаю;
Но съ той поры лишь только знаю цѣну
Мгновенной жизни, только съ той поры
И понялъ я, что значить слово счастье.

ДОНА-АННА.

Подите прочь — вы человѣкъ опасный.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Опасный! чѣмъ?

ДОНА-АННА.

Я слушать васъ боюсь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я замолчу; лишь не гоните прочь
Того, кому вашъ видъ одна отрада.
Я не питаю дерзостныхъ надеждъ,
Я ничего не требую, но видѣть
Васъ долженъ я, когда уже на жизнь
Я осужденъ.

ДОНА-АННА.

Подите — здѣсь не мѣсто.

Такимъ рѣчамъ, такимъ безумствамъ... Завтра
Ко мнѣ придите; если вы клянетесь
Хранить ко мнѣ такое жъ уваженъе,
Я васъ приму — но вечеромъ, позднѣе...
Я никого не вижу съ той поры,
Какъ овдовѣла...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ангель, Дона-Анна!

Утѣшь васъ Богъ, какъ сами вы сегодня
Утѣшили несчастнаго страдальца!

ДОНА-АННА.

Подите прочь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще одну минуту.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, видно, мнѣ уйти... Къ тому жъ моленье
Мнѣ въ умъ нейдетъ. Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно отвыкло. — Завтра
Я васъ приму...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Еще не смѣю вѣрить,
Не смѣю счастьемъ моему предаться!..
Я завтра васъ увижу!.. И не здѣсь,
И не украдкою!

ДОНА-АННА.

Да, завтра, завтра.
Какъ васъ зовутъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Діего де-Кальвидо.

ДОНА-АННА.

Прощайте, Донъ-Діего.

(Уходитъ).

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Лепорелло!

(Лепорелло входитъ).

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что вамъ угодно?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милый Лепорелло!

Я счастливъ! — «Завтра — вечеромъ, позднѣе»...

Мой Лепорелло, завтра!.. приготовь...
Я счастливъ, какъ ребенокъ!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Съ Доной-Анной
Вы говорили? Можетъ быть, она
Сказала вамъ два ласковыя слова,
Или ее благословили вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, Лепорелло, нѣтъ! Она свиданье,
Свиданье мнѣ назначила!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Неужто?

О, вдовы! всѣ вы таковы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я счастливъ!

Я пѣть готовъ, я радъ весь мiръ обнять!

ЛЕПОРЕЛЛО.

А командоръ? Что скажетъ онъ объ этомъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты думаешь, онъ станетъ ревновать?
Ужъ вѣрно нѣтъ: онъ человекъ разумный,
И вѣрно присмирѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ умеръ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ, посмотрите на его статую.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что жъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Кажется, на васъ она глядитъ
И сердится.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай же, Лепорелло,
Проси ее пожаловать ко мнѣ —
Нѣтъ, не ко мнѣ — а къ Донѣ-Аннѣ, завтра.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Статую въ гости звать! Зачѣмъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ужъ вѣрно

Не для того, чтобъ съ нею говорить.
 Проси статую завтра къ Донѣ-Аннѣ
 Придти попозже вечеромъ и стать
 У двери на часахъ.

ЛЕПОРЕЛЛО.

Охота вамъ

Шутить, и съ кѣмъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай же!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Но...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ступай!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Преславная, прекрасная статуя!
 Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, покорно просить
 Пожаловать... Ей-Богу, не могу;
 Мнѣ страшно.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Трусъ! вотъ я тебя!..

ЛЕПОРЕЛЛО.

Позвольте.

Мой баринъ, Донъ-Жуанъ, васъ просить завтра
 Придти попозже въ домъ супруги вашей
 И стать у двери...

(Статуя киваетъ головой въ знакъ согласія).

Ай!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что тамъ?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Ай, ай!..

Ай, ай!.. умру!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что сдѣлалось съ тобою?

ЛЕПОРЕЛЛО (квивая головой).

Статуя... ай!..

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ты кланяешься?

ЛЕПОРЕЛЛО.

Нѣтъ,

Не я — она!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Какой ты вздоръ несешь!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Подите сами.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ну, смотри жь, бездѣльникъ!

(Статуѣ). Я, командоръ, прошу тебя придти

Къ твоей вдовѣ, гдѣ завтра буду я,

И стать у двери на часахъ. Что? будешь?

(Статуя квиваетъ опять).

О, Боже!

ЛЕПОРЕЛЛО.

Что? я говорилъ...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Уйдемъ.

СЦЕНА IV.

(Комната Доны-Анны).

Донъ-Жуанъ и Дона-Анна.

ДОНА-АННА.

Я приняла васъ, Донъ-Діего! только

Боюсь, моя печальная бесѣда

Скучна вамъ будетъ. Бѣдная вдова,

Все помню я свою потерю: слезы

Съ улыбкою мѣшаю, какъ апрѣль.

Что жь вы молчите?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Наслаждаюсь молча,
Глубоко — мыслью быть наединѣ
Съ прелестной Доной-Анной, здѣсь — не тамъ,
Не при гробницѣ мертвѣго счастливца —
И вижу васъ уже не на колѣнахъ
Предъ мраморнымъ супругомъ.

ДОНА-АННА.

Донъ-Діего,
Такъ вы ревнивы! Мужъ мой и во гробѣ
Васъ мучить.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не долженъ ревновать:
Онъ вами выбранъ былъ.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ; мать моя
Велѣла дать мнѣ руку Донъ-Альвару.
Мы были бѣдны, Донъ-Альваръ богатъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Счастливецъ! Онъ сокровища пустыя
Принесъ къ ногамъ богини: вотъ за что
Вкусилъ онъ райское блаженство! Если бъ
Я прежде васъ узналъ — съ какимъ восторгомъ
Мой санъ, мои богатства, все бы отдалъ,
Все, за единый благосклонный взглядъ!
Я былъ бы рабъ священной вашей воли!
Всѣ ваши прихоти я бъ изучалъ,
Чтобъ ихъ предупреждать, чтобъ ваша жизнь
Была однимъ волшебствомъ непрерывнымъ!
Увы, судьба сулила мнѣ иное!

ДОНА-АННА.

Діего, перестаньте! Я грѣшу,
Васъ слушая — мнѣ васъ любить нельзя:
Вдова должна и гробу быть вѣрна,
Когда бы знали вы, какъ Донъ-Альваръ
Меня любилъ! О, Донъ-Альваръ ужъ вѣрно
Не принялъ бы къ себѣ влюбленной дамы,

Когда бъ онъ овдовѣлъ; онъ былъ бы вѣренъ
Супружеской любви.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не мучьте сердца
Мнѣ, Дона-Анна, вѣчнымъ поминаньемъ,
Супруга. Полно вамъ меня казнить,
Хоть казнь я заслужилъ, быть можетъ.

ДОНА-АННА.

Чѣмъ же?

Вы узами не связаны святыми
Ни съ кѣмъ — не правда ль? Полюбивъ меня,
Вы предо мной и передъ небомъ правы.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Предъ вами! Боже!

ДОНА-АННА.

Развѣ вы виновны
Передо мной? Скажите, въ чемъ же?.. Ну!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, никогда!..

ДОНА-АННА.

Діего, что такое?
Вы предо мной неправы? Въ чемъ, скажите.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, ни за что!

ДОНА-АННА.

Діего, это странно!
Я васъ прошу, я требую...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

ДОНА-АННА.

А! такъ-то вы моей послушны волѣ!
А что сейчасъ вы говорили мнѣ?
Что вы бъ рабомъ моимъ желали быть.

Я разсержусь, Діего: отвѣчайте,
Въ чемъ предо мной виновны вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не смѣю:

Вы ненавидѣть станете меня.

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ заранѣе прощаю,
Но знать хочу я.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не желайте знать
Ужасную, убійственную тайну.

ДОНА-АННА.

Ужасную!.. Вы мучите меня:
Я страхъ какъ любопытна — что такое?
И какъ меня могли вы оскорбить?
Я васъ не знала. У меня враговъ
И нѣтъ, и не было. Убійца мужа
Одинъ и есть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ (про себя).

Идетъ къ развязкѣ дѣло!
Скажите мнѣ: несчастный Донъ-Жуанъ
Вамъ не знакомъ?

ДОНА-АННА.

Нѣтъ, отъ роду его
Я не видала.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вы въ душѣ къ нему
Питаете вражду?

ДОНА-АННА.

По долгу чести.
Но вы отвлечь стараетесь меня
Отъ моего вопроса, Донъ-Діего —
Я требую...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что, если бъ Донъ-Жуана
Вы встрѣтили?

ДОНА-АННА.

Тогда бы я злодѣю
Кинжалъ вонзила въ сердце.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Дона-Анна,
Гдѣ твой кинжалъ?—Вотъ грудь моя.

ДОНА-АННА.

Діего!

Что вы?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я не Діего — я Жуанъ.

ДОНА-АННА.

О Боже! нѣтъ, не можетъ быть, не вѣрю...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ.

ДОНА-АННА.

Не правда.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я убилъ

Супруга твоего; и не жалѣю
О томъ — и нѣтъ раскаянья во мнѣ.

ДОНА-АННА.

Что слышу я? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я Донъ-Жуанъ, и я тебя люблю.

ДОНА-АННА (падая).

Гдѣ я?.. Гдѣ я?.. Мнѣ дурно, дурно!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Небо!

Что съ нею? Что съ тобою, Дона-Анна?
Проснись, опомнись: твой Діего,
Твой рабъ у ногъ твоихъ!

ДОНА-АННА.

Оставь меня *).

(Слабо). Ты, ты мнѣ врагъ — ты отнялъ у меня
Все, все, что въ жизни...

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Милое созданье!

Я всёмъ готовъ ударъ мой искупить;
У ногъ твоихъ жду только приказанья:
Вели — умру; вели — дышать я буду
Лишь для тебя...

ДОНА-АННА.

. Такъ это Донъ-Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Не правда ли, онъ былъ описанъ вамъ
Злодѣемъ, извергомъ?

О, Дона-Анна!

Молва, быть можетъ, не совсѣмъ неправа;
На совѣсти усталой много зла,
Быть можетъ, тяготѣеть; но съ тѣхъ поръ,
Какъ васъ увидѣлъ я, все измѣнилось:
Мнѣ кажется, я весь переродился!
Васъ полюбя, люблю я добродѣтель —
И въ первый разъ смиренно передъ ней
Дрожащія колѣна преклоняю.

ДОНА-АННА.

О, Донъ-Жуанъ краснорѣчивъ — я знаю!
Слышала я: онъ хитрый человекъ...
Вы, говорятъ, безбожный развратитель,
Вы сущій демонъ. Сколько бѣдныхъ женщинъ
Вы погубили?

*) Дальше зачеркнуто:

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, какъ она прекрасна въ этомъ видѣ!
Въ лицѣ томленье, взоръ полузакрытъ,
Волненье груди, блѣдность этихъ устъ...
(Цѣлуетъ ее).

ДОНА-АННА (слабо).

Ты, ты мнѣ врагъ, и т. д.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Ни одной донынѣ
Изъ нихъ я не любилъ.

ДОНА-АННА.

И я повѣрю,
Чтобъ Донъ-Жуанъ влюбился въ первый разъ,
Чтобъ не искалъ во мнѣ онъ жертвы новой!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда бъ я васъ обманывать хотѣлъ,
Признался ль я, сказалъ бы я то имя,
Котораго не можете вы слышать?
Гдѣ жъ видны тутъ обдуманность, коварство?

ДОНА-АННА.

Кто знаетъ васъ? Но какъ могли придти
Сюда вы? здѣсь узнать могли бы васъ —
И ваша смерть была бы неизбѣжна.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Что значить смерть? За сладкій мигъ свиданья
Безропотно отдамъ я жизнь.

ДОНА-АННА.

Но какъ же
Отсюда выйти вамъ, неосторожный?

ДОНЪ-ЖУАНЪ (цѣлуя ей руки).

И вы о жизни бѣднаго Жуана
Заботитесь! Такъ ненависти нѣтъ
Въ душѣ твоей небесной, Дона-Анна?

ДОНА-АННА.

Ахъ, если бъ васъ могла я ненавидѣть!
Однакожъ надобно разстаться намъ.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Когда жъ опять увидимся?

ДОНА-АННА.

Не знаю,
Когда нибудь.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

А завтра?

ДОНА-АННА.

Гдѣ же?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Здѣсь.

ДОНА-АННА.

О, Донъ-Жуанъ, какъ сердцемъ я слаба!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Въ залогъ прощанья мирный поцѣлуй...

ДОНА-АННА.

Пора, поди.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Одинъ, холодный, мирный...

ДОНА-АННА.

Какой ты нествязный! на, вотъ онъ..

(Стучать).

Что тамъ за стукъ?.. О, скройся, Донъ-Жуанъ!

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Прощай же, до свиданья, другъ мой милый.

(Уходитъ и вбѣгаетъ опять).

А!..

ДОНА-АННА.

Что съ тобой? А!..

(Входитъ статуя командора; Дона-Анна падаетъ).

СТАТУЯ.

Я на зовъ явился.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

О, Боже! Дона-Анна!

СТАТУЯ.

Брось ее.

Все кончено. Дрожишь ты, Донъ-Жуанъ?

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Я? Нѣтъ!.. Я звалъ тебя и радъ, что вижу.

СТАТУЯ.

Дай руку.

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

Вотъ она... О, тяжело

Пожатье каменной его десницы!

Оставь меня, пусти, пусти мнѣ руку!..

Я гибну — кончено — о, Дона-Анна!..

(Проваливаются).

4 ноября 1830. Волдино.

[Каменный Гость или Донъ-Гуанъ, какъ первоначально назвалъ Пушкинъ эту пьесу, явился въ печати уже по смерти автора, въ сборникѣ «Сто русскихъ литераторовъ» (1839), съ произвольными поправками и пропусками, устраненными только въ настоящемъ изданіи. По словамъ г. Анненкова (Мат., 280), почти несомнѣнно, что пьеса была вызвана мыслию о Моцартѣ, съ именемъ котораго такъ неравдушно связанъ ея сюжетъ. Конецъ III-й сцены (приглашеніе статуи командора на ужинъ) представляетъ довольно близкое заимствование изъ комедіи Мольера: *Don Juan ou le Festin de pierre* (acte III, sc. 6). Оба романа Лауры не были написаны; можно предполагать, что Пушкинъ намѣревался вставить въ эту пьесу стихотворенія: «Я здѣсь, Инезилья», и «Предъ испанкой благородной», написанныя около того же времени, см. II, 117—118.]

ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ.

(Изъ Вильсоновой трагедіи: THE CITY OF THE PLAGUE).

(1830).

Улица. Накрытый столъ. Нѣсколько пирующихъ мужчинъ и женщинъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Почтенный предсѣдатель! Я напомню
О человѣкѣ, очень намъ знакомомъ,
О томъ, чьи шутки, повѣсти смѣшныя,
Отвѣты острые и замѣчанья,
Столь ѣдкія въ ихъ важности забавной,
Застольную бесѣду оживляли
И разгоняли мракъ, который нынѣ
Зараза, гостя наша, насылаетъ
На самые блестящія умы.
Тому два дня, нашъ общій хохотъ славиль
Его рассказы; невозможно быть,
Чтобъ мы въ своемъ веселомъ пированьи
Забыли Джаксона! Его здѣсь кресла
Стоять пустыя, будто ожидая
Весельчака; но онъ ушелъ уже
Въ холодныя, подземныя жилища...
Хотя краснорѣчивѣйшій языкъ
Не умолкалъ еще во прахъ гроба,
Но много насъ еще живыхъ, и намъ
Причины нѣтъ печалиться. Итакъ
Я предлагаю выпить въ его память

Съ веселымъ звономъ рюмокъ, съ восклицаньемъ,
Какъ будто бѣ былъ онъ живъ.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Онъ выбылъ первый
Изъ круга нашего. Пускай въ молчаньѣ
Мы выпьемъ въ честь его.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Да будетъ такъ!
(Всѣ пьютъ молча).

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Твой голосъ, милая, выводитъ звуки
Родимыхъ пѣсенъ съ дикимъ совершенствомъ:
Спой, Мери, намъ, уныло и протяжно,
Чтобъ мы потомъ къ веселью обратились
Безумнѣе, какъ тотъ, кто отъ земли
Былъ отлученъ какимъ нибудь видѣньемъ.

МЕРИ (поеть).

Было время, процвѣтала
Въ мирѣ наша сторона:
Въ воскресеніе бывала
Церковь Божія полна;
Нашихъ дѣтокъ въ шумной школѣ
Раздавались голоса,
И сверкали въ свѣтломъ полѣ
Серъ и быстрая коса.

Нынѣ церковь опустѣла;
Школа глухо заперта;
Нива праздно перезрѣла;
Роща темная пуста;
И селенье, какъ жилище
Погорѣлое, стоитъ;
Тихо все — одно кладбище
Не пустѣть, не молчить.

Поминутно мертвыхъ носить,
И стenanія живыхъ

Боязливо Бога просятъ
 Упокоить души ихъ!
 Поминутно мѣста надо,
 И могилы межъ собой,
 Какъ испуганное стадо,
 Жмутся тѣсною чередой.

Если ранняя могила
 Суждена моею веснѣ —
 Ты, кого я такъ любила,
 Чья любовь отрада мнѣ, —
 Я молю: не приближайся
 Къ тѣлу Дженни ты своей;
 Усть умершихъ не касайся:
 Слѣдуй издали за ней.

И потомъ оставь селенье!
 Уходи куда нибудь,
 Гдѣ бь ты могъ души мученье
 Усладить и отдохнуть!
 И когда зараза минетъ
 Посѣти мой бѣдный прахъ;
 А Эдмонда не покинетъ
 Дженни даже въ небесахъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Благодаримъ, задумчивая Мери,
 Благодаримъ за жалобную пѣсню!
 Въ дни прежніе чума такая жь, видно,
 Холмы и доли ваши посѣтила,
 И раздавались жалкія стенанья
 По берегамъ потоковъ и ручьевъ,
 Бѣгущихъ нынѣ весело и мирно
 Сквозь дикій рай твоей земли родной;
 И мрачный годъ, въ который пало столько
 Отважныхъ, добрыхъ и прекрасныхъ жертвъ,
 Едва оставилъ память о себѣ
 Въ какой-нибудь простой пастушьей пѣснѣ,
 Унылой и пріятной... Нѣтъ, ничто
 Такъ не печалитъ насъ среди веселій,
 Какъ томный, сердцемъ повторенный звукъ.

МЕРИ.

О, если бь никогда я не пѣвала
Внѣ хижины родителей своихъ!
Они свою любили слушать Мери;
Самой себѣ я, кажется, внимаю,
Поющей у родимаго порога.
Мой голосъ слаще былъ въ то время: онъ
Былъ голосомъ невинности...

ЛУИЗА.

Не въ модѣ
Теперь такія пѣсни! Но все жь есть
Еще простыя души: рады таять
Отъ женскихъ слезъ, и слѣпо вѣрятъ имъ.
Она увѣрена, что взоръ слезливый
Ея неотразимъ; а если бь тоже
О смѣхѣ думала своемъ, то вѣрно
Все бь улыбалась. Вальсингамъ хвалили
Крикливыхъ сѣверныхъ красавицъ: вотъ
Она и разстоналась. Ненавижу
Волосъ шотландскихъ этихъ желтизну.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Послушайте: я слышу стукъ колесъ!

(Бѣдетъ телѣга, наполненная мертвыми тѣлами. Негръ управляетъ ею).

Ага! Луизѣ дурно; въ ней, я думалъ,
По языку судя, мужское сердце.
Но такъ-то: нѣжнаго слабѣй жестокой,
И страхъ живетъ въ душѣ, страстями томимой!
Брось, Мери, ей воды въ лицо. Ей лучше.

МЕРИ.

Сестра моей печали и позора,
Прилягъ на грудь мою.

ЛУИЗА (приходя въ чувство).

Ужасный демонъ

Приснился мнѣ: весь черный, бѣлоглазый...
Онъ звалъ меня въ свою телѣжку. Въ ней
Лежали мертвые — и лепетали
Ужасную, невѣдомую рѣчь...

Скажите мнѣ: во снѣ ли это было?
Проѣхала ль телѣга?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну, Луиза,
Развеселись! Хоть улица вся наша —
Безмолвное убѣжище отъ смерти,
Пріютъ пировъ, ничѣмъ невозмутимыхъ,
Но знаешь? эта черная телѣга
Имѣетъ право всюду разѣзжать —
Мы пропускать ее должны. Послушай
Ты, Вальсингамъ: для пресѣченья споровъ
И слѣдствій женскихъ обмороковъ, спой
Намъ пѣсню — вольную, живую пѣсню,
Не грустію шотландской вдохновенну,
А буйную, вакхическую пѣснь,
Рожденную за чашею кипящей!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Такой не знаю; но спою вамъ гимнъ
Я въ честь чумы: я написалъ его
Прошедшей ночью, какъ разстались мы.
Мнѣ странная пришла охота къ приемамъ
Впервые въ жизни! Слушайте жъ меня:
Охрипый голосъ мой приличенъ пѣснѣ.

МНОГІЕ.

Гимнъ въ честь чумы! послушаемъ его!
Гимнъ въ честь чумы! прекрасно! bravo! bravo!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (поетъ).

Когда могучая зима,
Какъ бодрый вождь, ведетъ сама
На насъ косматыя дружины
Своихъ морозовъ и снѣговъ,
Навстрѣчу ей трещать каминны,
И весель зимній жаръ пировъ.

Царица грозная, чума
Теперь идетъ на насъ сама,
И льстится жатвою богатой,
И къ намъ въ окошко день и ночь

Стучить могильною лопатой...
 Что дѣлать намъ? и какъ помочь?

Какъ отъ проказницы зимы,
 Запремся такъ же отъ чумы!
 Зажжемъ огни, нальемъ бокалы,
 Утопимъ весело умы —
 И, заваривъ пиры да балы,
 Возславимъ царствіе чумы!

Есть упоеніе въ бою
 И бездны мрачной на краю,
 И въ разъяренномъ океанѣ
 Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
 И въ аравійскомъ ураганѣ,
 И въ дуновеніи чумы!

Все, все, что гибелью грозитъ,
 Для сердца смертнаго таитъ
 Незыблемы наслажденья —
 Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
 И счастливъ тотъ, кто средь волненья
 Ихъ обрѣтаетъ и вѣдать могъ.

Итакъ — хвала тебѣ, чума!
 Намъ не страшна могилы тьма,
 Насъ не смутитъ твое призванье!
 Бокалы пѣнимъ дружно мы
 И дѣвы-розы пьемъ дыханье —
 Быть можетъ — полное чумы!

(Входитъ старый священникъ).

СВЯЩЕННИКЪ.

Безбожный пиръ, безбожные безумцы!
 Вы пиршествомъ и пѣснями разврата
 Ругаетесь надъ мрачной тишиной,
 Повсюду смертію распространенной!
 Средь ужаса плачевныхъ похоронъ,
 Средь блѣдныхъ лицъ, молюсь я на кладбищѣ,
 А ваши ненавистные восторги
 Смущаютъ тишину гробовъ — и землю
 Надъ мертвыми тѣлами потрясаютъ!
 Когда бы стариковъ и женъ моленья
 Не освятили общей, смертной ямы,

Подумать могъ бы я, что нынѣче бѣсы
 Погибшій духъ безбожника терзаютъ
 И въ тьму кромѣшную тащатъ со смѣхомъ.

Нѣсколько голосовъ.

Онъ мастерски объ адѣ говорить!
 Ступай, старикъ! ступай своей дорогой!

Священникъ.

Я заклинаю васъ святою кровью
 Спасителя, распятаго за насъ:
 Прервите пиръ чудовищный, когда
 Желаете вы встрѣтить въ небесахъ
 Утраченныхъ возлюбленныя души.
 Ступайте по своимъ домамъ!

Предсѣдатель.

Домъ

У насъ печальны: юность любить радость.

Священникъ.

Ты ль это, Вальсингамъ? Ты ль самый тотъ,
 Кто три тому недѣли, на колѣняхъ,
 Трупъ матери, рыдая, обнималъ
 И съ воплемъ бился надъ ея могилой?
 Иль думаешь: она теперь не плачетъ,
 Не плачетъ горько въ самыхъ небесахъ,
 Взирая на пирующаго сына
 Въ пиру разврата; слыша голосъ твой,
 Поющій бѣшенныя пѣсни между
 Мольбы святой и тяжкихъ воздыханій?
 Ступай за мной!

Предсѣдатель.

Зачѣмъ приходишь ты
 Меня тревожить? Не могу, не долженъ
 Я за тобой идти: я здѣсь удержанъ,
 Отчаяньемъ, воспоминаньемъ страшнымъ,
 Сознаньемъ беззаконья моего,
 И ужасомъ той мертвой пустоты,
 Которую въ моемъ дому встрѣчаю,
 И новостью сихъ бѣшеныхъ веселій,

И благодатнымъ ядомъ этой чаши,
 И ласками (прости меня Господь!)
 Погибшаго, но милаго созданья...
 Тѣнь матери не вызоветъ меня
 Отсель; поздно слышу голосъ твой,
 Меня зовущій; признаю усилья
 Меня спасти... Старикъ! иди же съ миромъ;
 Но проклять будь, кто за тобой пойдетъ!

МНОГІЕ.

Bravo, bravo, достойный предсѣдатель!
 Вотъ проповѣдь тебѣ! пошелъ! пошелъ!

СВЯЩЕННИКЪ.

Матильды чистый духъ тебя зоветъ!

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ (встаетъ).

Клянись же мнѣ, съ поднятой къ небесамъ,
 Увядшей, блѣдною рукой, оставить
 Въ гробу навѣкъ умолкнувшее имя!
 О, если бѣ отъ очей ея безсмертныхъ
 Скрыть это зрѣлице! Меня когда-то
 Она считала чистымъ, гордымъ, вольнымъ —
 И знала рай въ объятіяхъ моихъ...
 Гдѣ я?.. Святое чадо свѣта! вижу
 Тебя я тамъ, куда мой падшій духъ
 Не достигнетъ уже...

ЖЕНСКІЙ ГОЛОСЪ.

Онъ сумасшедшій:
 Онъ бредитъ о женѣ похороненной!

СВЯЩЕННИКЪ.

Пойдемъ, пойдемъ...

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ.

Отецъ мой, ради Бога,
 Оставь меня!

СВЯЩЕННИКЪ.

Спаси тебя Господь!
 Прости, мой сынъ.

(Уходитъ. Пирь продолжается. Предсѣдатель остается, погруженный въ глубокую задумчивость).

[Довольно близкій переводъ 4-й сцены I-го акта трагедіи Джона Уильсона (John Wilson, 1785—1854): *The City of the Plague* (1816); пѣсни Мери и Президента принадлежатъ, однако, самому Пушкину. См. *The poetical works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall*, Paris 1829.

Приводимъ здѣсь, встати, списокъ пушкинскихъ драмъ, набросанный имъ на случайно сохранившемся въ его бумагахъ листкѣ:

«Скупой. — Ромуль и Ремъ. — Моцартъ и Сальери. — Донъ-Гуанъ. — Иисусъ. — Беральдъ Савойскій. — Павелъ I. — Влюбленный Бѣсъ. — Дмитрій и Марина. — Курбскій.»

Такъ какъ, по свидѣтельству г. Анненкова (Мат., 276; ср. В. Евр. 1881, июль, стр. 60), Пушкинъ никогда не дѣлалъ перечета произведеніямъ, еще не существующимъ, то необходимо предположить, что пьесы, обозначенныя въ этомъ спискѣ и до насъ не дошедшія (ихъ заглавія напечатаны съ разрядкой), или были истреблены авторомъ, или были изложены чернѣ и потомъ затерялись. Дмитрій и Марина и Курбскій — можетъ быть, первоначальные очерки сценъ, включенныхъ потомъ въ составъ Бориса Годунова; сюжетъ Беральда Савойскаго могъ быть заимствованъ изъ повѣсти: *Beralde, prince de Savoie*, напечатанной въ книгѣ: *Bibliothèque de campagne, ou Amusemens de l'esprit et du coeur. Tome VII. Naye, 1738, pp. 165—257*. Извлеченіе изъ этой повѣсти, подъ заглавіемъ: *Extrait de Beralde de Savoie*, начинающееся словами: «*Le duc de Saxe en mourant laissa à l'empereur Otton son frère*», находится въ одной изъ тетрадей Пушкина, которая, по содержанию своему, относится къ 1824—26 гг. Ср. замѣтку кн. Н. Кострова на Матеріалы Анненкова, въ *Москвитинѣ* 1856, № 1.]

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

(Романъ въ стихахъ).

(1822 — 1831).

Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil, qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

ГЛАВА ПЕРВАЯ *).

И жить торопится, и чувствовать спѣшить.

Кн. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
Когда не въ шутку занемогъ:
Онъ уважать себя заставилъ,
И лучше выдумать не могъ;
Его примѣръ другимъ наука;
Но, Боже мой, какая скука
Съ больнымъ сидѣть и день, и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,

*) Въ черновой рукописи первой строфѣ предшествуетъ помѣта: «9 іюня — 28 мая, ночью». Слѣдовательно, Пушкинъ началъ писать Онѣгина 28 мая 1822 г.

Печально подносить лѣкарство,
 Вздыхать и думать про себя:
 Когда же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думаль молодой повѣса,
 Летя въ пыли на почтовыхъ,
 Всевышней волею Зевеса
 Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.
 Друзья Людмилы и Руслана!
 Съ героемъ моего романа,
 Безъ предисловія, сей же часъ,
 Позвольте познакомить васъ:
 Онѣгинъ, добрый мой пріятель,
 Родился на брегахъ Невы,
 Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
 Или блистали, мой читатель!
 Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
 Но вреденъ сѣверъ для меня ¹⁾).

III.

Служивъ отлично, благородно,
 Долгами жилъ его отецъ;
 Давалъ три бала ежегодно,
 И промотался наконецъ.
 Судьба Евгенія хранила:
 Сперва madame за нимъ ходила,
 Потомъ monsieur ее смѣнилъ.
 Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
 Monsieur l'Abbé, французъ убогій,
 Чтобъ не измучилось дитя,
 Училъ его всему шутя,
 Не докучалъ моралью строгой,
 Слегка за шалости бранилъ,
 И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
 Пришла Евгению пора,
 Пора надеждъ и грусти нѣжной,

¹⁾ Писано въ Бессарабіи.

Monsieur прогнали со двора.
 Вотъ, мой Онѣгинъ на свободѣ,
 Остриженъ по послѣдней модѣ,
 Какъ dandy лондонскій одѣтъ²⁾,
 И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
 Онъ по-французски совершенно
 Могъ изъясняться и писалъ;
 Легко мазурку танцовалъ
 И кланялся непринужденно:
 Чего жъ вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
 Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всё учились понемногу,
 Чему нибудь и какъ нибудь,
 Такъ воспитаньемъ, слава Богу,
 У насъ немудрено блеснуть.
 Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
 (Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
 Ученый малый, но педантъ.
 Имѣлъ онъ счастливый талантъ
 Безъ принужденья въ разговорѣ
 Коснуться до всего слегка;
 Съ ученымъ видомъ знатока
 Хранить молчанье въ важномъ спорѣ,
 И возбуждать улыбку дамъ
 Огнемъ нежданныхъ эпиграммъ^{*)}.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ;
 Такъ, если правду вамъ сказать,
 Онъ зналъ довольно по-латынѣ,
 Чтобъ эпиграфы разбирать,
 Потолковать объ Ювеналѣ,
 Въ концѣ письма поставить vale,

²⁾ Dandy — франтъ.

^{*)} Подозрѣвали въ немъ талантъ,—
 И могъ онъ съ ними, въ самомъ дѣлѣ,
 Вести и мужественный споръ
 О Байронѣ и Бенжаменѣ,
 О карбонарахъ, о Парни.
 Объ генералѣ Жюмини.

Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
 Изъ Энеиды два стиха.
 Онъ рыться не имѣлъ охоты
 Въ хронологической пыли
 Бытописанія земли;
 Но дней минувшихъ анекдоты,
 Отъ Ромула до нашихъ дней,
 Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
 Для звуковъ жизни не падить,
 Не могъ онъ ямба отъ хорей,
 Какъ мы ни бились, отличить.
 Бранилъ Гомера, Феокрита;
 За то читалъ Адама Смита,
 И былъ глубокой экономъ,
 То есть, умѣлъ судить о томъ,
 Какъ государство богатѣетъ,
 И чѣмъ живетъ, и почему
 Не нужно золота ему,
 Когда простой продуктъ имѣетъ *).
 Отецъ понять его не могъ,
 И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгеній,
 Пересказать мнѣ недосугъ;
 Но въ чемъ онъ истинный былъ геній,
 Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
 Что было для него измлада
 И трудъ, и мука, и отрада,
 Что занимало цѣлый день
 Его тоскующую лѣнь —
 Была наука страсти нѣжной,
 Которую воспѣлъ Назонъ,
 За что страдальцемъ кончилъ онъ
 Свой вѣкъ блестящій и мятежный

*) Ср. IV, 358: «Въ 1818 году строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ... Теперь французская кадрили замѣнила Адама Смита.»

Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей³⁾).

IX*).

.....

X.

Какъ рано могъ онъ лицемѣрить,
Таить надежду, ревновать,
Разувѣрять, заставить вѣрять,
Казаться мрачнымъ, изнывать,
Являться гордымъ и послушнымъ,
Внимательнымъ иль равнодушнымъ!
Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блисталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,

³⁾ Мнѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынѣшній Аккерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ *Ex Ponto* онъ ясно означаетъ мѣстомъ пребыванія городъ Томы, при самомъ устьѣ Дуная. Столько же несправедливо и мнѣніе Вольтера, полагающаго причиной его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія, десять лѣтъ тому прежде, была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово и тайна его съ нимъ умерла: «*Alterius facti culpa silenda mihi.*» (Примѣчаніе 1-го изданія).

*) Стрoфа IX: Насъ пылъ сердечный рано мучить,—
Очаровательный обманъ,—
Любви насъ не природа учитъ,
А Сталь или Шатобрианъ.
Мы алчемъ жизнь узнать заранѣ,
И узнаемъ ее въ романѣ;
Лѣта пройдутъ, и между тѣмъ,
Не насладились мы ничѣмъ.
Прелестный опытъ упреждая,
Мы только счастію вредимъ:
Незавно скроется, и съ нимъ
Уйдетъ горячность молодая.
Онѣгинъ это испыталъ.
За то — какъ женщинъ онъ узналъ!

Пугать отчаяньемъ готовымъ,
 Приятной лестью забавлять,
 Ловить минуту умиленья,
 Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
 Умомъ и страстью побѣждать,
 Невольной ласки ожидать,
 Молить и требовать признанья,
 Подслушать сердца первый звукъ,
 Преслѣдовать любовь — и вдругъ
 Добиться тайнаго свиданья,
 И послѣ ей наединѣ
 Давать уроки въ типинѣ!*)

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
 Сердца кокетокъ записныхъ!
 Когда жъ хотѣлось уничтожить
 Ему соперниковъ своихъ,
 Какъ онъ язвительно злословилъ!
 Какія сѣти имъ готовилъ!
 Но вы, блаженные мужья,
 Съ нимъ оставались вы друзья:
 Его ласкалъ супругъ лукавый,
 Фобласа давній ученикъ,
 И недовѣрчивый старикъ,
 И рогоносецъ величавый,
 Всегда довольный самъ собой,
 Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII *). XIV.

.....

*) Какъ онъ умѣлъ наединѣ...
 Но скромнымъ быть пора-бы мнѣ.

**) Строфа XIII:

Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной
 Привлечь благочестивый взоръ
 И съ нею скромный и смущенный
 Начать, краснѣя, разговоръ.
 Какъ онъ умѣлъ съ любовью дамой
 О платонизмѣ разсуждать,
 Смѣшнить неожиданной эпиграммой
 И въ куклы съ дурочкой играть...

XV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ:
 Къ нему записочки несутъ.
 Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
 Три дома на вечеръ зовутъ:
 Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
 Куда жь поскачетъ мой проказникъ?
 Съ кого начнетъ онъ? Все равно —
 Вездѣ поспѣтъ немудрено.
 Покамѣсть, въ утреннемъ уборѣ,
 Надѣвъ широкій боливаръ ⁴⁾,
 Онъгинъ ѣдетъ на бульваръ,
 И тамъ гуляетъ на просторѣ,
 Пока недремлющій брегетъ
 Не прозвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно; въ санки онъ садится;
 «Поди! поди!» раздался крикъ;
 Морозной пылью серебрится
 Его бобровый воротникъ.
 Къ Talon ⁵⁾ помчался: онъ увѣренъ,
 Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ ⁶⁾);
 Вошелъ — и пробка въ потолокъ,
 Вина кометы брызнула токъ,
 Предъ нимъ roast-beef окровавленный,
 И трюфли — роскошь юныхъ лѣтъ,
 Французской кухни лучшій цвѣтъ,
 И Страсбурга пирогъ нетлѣнный
 Межъ сыромъ лимбургскимъ живымъ
 И ананасомъ золотымъ.

Такъ хищный волкъ, томясь отъ глада,
 Выходитъ изъ глуши лѣсовъ
 И рыщетъ средь безпечныхъ псовъ,
 Вокругъ неопытнаго стада;
 Все спитъ... И вдругъ свирѣпый воръ
 Ягненка мчитъ въ дремучій боръ.

[Последніе шесть стиховъ повторены въ черновыхъ наброскахъ «Гр. Нулина», см. выше, 92.]

⁴⁾ Шляпа à la Bolívar. [Симонъ Боливаръ 1793 — 1830, основатель республики Колумбій.]

⁵⁾ Известный рестораторъ.

⁶⁾ О П. П. Каверинѣ см. I, 173.

XVII.

Еще бокаловъ жажда просить
 Залить горячій жиръ котлетъ;
 Но звонъ брегета имъ доносить,
 Что новый начался балетъ.
 Театра злой законодатель,
 Непостоянный обожатель
 Очаровательныхъ актрисъ,
 Почетный гражданинъ кулисъ,
 Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
 Гдѣ каждый, критикой дыша,
 Готовъ охлопать entreschat,
 Обшикать Федру, Клеопатру,
 Моину вызвать — для того,
 Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
 Сатиры смѣлый властелинъ,
 Блесталъ Фонъ-Визинъ, другъ свободы,
 И переимчивый Княжнинъ;
 Тамъ Озеровъ невольны дани
 Народныхъ слезъ, рукоплесканій
 Съ младой Семеновой дѣлили *);
 Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
 Корнеля геній величавый;
 Тамъ вывелъ колкій Шаховской
 Своихъ комедій шумный рой;
 Тамъ и Дидло вѣнчался славой;
 Тамъ, тамъ, подъ сѣнію кулисъ,
 Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
 Внемлите мой печальный гласъ:
 Все тѣ же ль вы? Другія ль дѣвы,

*) Ек. Ник. Семенова, даровитая трагическая актриса, ученица Дмитревскаго и Гнѣдича, вышла, вполнѣдствіи за кн. Ив. Алексѣевича Гагарина. Ум. 1849. О ней см. Воспом. П. А. Каратыгина въ Рус. Стар. 1875, № 4, и Воспом. Вигеля, IV, 161 и V, 35.

Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
 Услышу ль вновь я ваши хоры?
 Узрю ли русской Терпсихоры
 Душой исполненный полетъ?
 Иль взоръ унылый не найдетъ
 Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
 И устремивъ на чуждый свѣтъ
 Разочарованный лорнетъ,
 Веселья зритель равнодушный,
 Безмолвно буду я зѣвать
 И о быломъ воспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
 Партеръ и кресла, все кипитъ;
 Въ райкѣ нетерпѣливо плещутъ,
 И, взвившись, занавѣсь шумить.
 Блистательна, полувоздушна,
 Смычку волшебному послушна,
 Толпою нимфъ окружена,
 Стоитъ Истомина; она,
 Одной ногой касаясь пола,
 Другою медленно кружить,
 И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летить,
 Летить, какъ пухъ отъ устъ Эола;
 То станъ совѣтъ, то разовѣтъ,
 И быстрой ножкой ножку бьетъ *).

XXI.

Все хлопаютъ. Онѣгинъ входитъ:
 Идетъ межъ кресель по ногамъ,
 Двойной лорнетъ, скосясь, наводитъ
 На ложи незнакомыхъ дамъ;
 Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
 Все видѣлъ: лицами, уборомъ,
 Ужасно недоволенъ онъ;
 Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ

*) Авдотья Ильинична Истомина, знаменитая въ свое время танцовщица, вышла впоследствии замужъ за отставного актера Экунина. Ум. 1848. О ней см. Рус. Арх. 1866, ст. 1750 и Восп. Вигеля, V, 36; портретъ ея — въ альманахѣ «Русская Талія» 1825 г.

Раскланялся, потомъ на сцену
 Въ большомъ разсѣяннѣхъ взглянулъ,
 Отворотился и зѣвнулъ,
 И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну;
 Балеты долго я терпѣлъ,
 Но и Дидло мнѣ надоѣлъ.» ⁶⁾

XXII.

Еще амуры, черти, змѣи
 На сценѣ скачутъ и шумятъ;
 Еще усталые лакеи
 На шубахъ у подъѣзда спать;
 Еще не перестали топтать,
 Сморгаться, кашлять, шикать, хлопать;
 Еще снаружи и внутри
 Вездѣ блистаютъ фонари;
 Еще, прозябнувъ, бьются кони,
 Наскуча упряжью своей,
 И кучера вокругъ огней
 Бранятъ господъ и бьютъ въ ладони;
 А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ:
 Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изображу ль въ картинѣ вѣрной
 Уединенный кабинетъ,
 Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрный
 Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
 Все, чѣмъ для прихоти обильной
 Торгуетъ Лондонъ щепетильный
 И по балтическимъ волнамъ
 За лѣсъ и сало возить къ намъ;
 Все, что въ Парижѣ вкусъ голодный,
 Полезный промыселъ избравъ,
 Изобрѣтаетъ для забавъ,
 Для роскоши, для нѣги модной,—
 Все украшало кабинетъ
 Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

⁶⁾ Черта охлажденнаго чувства, достойная Чальдъ-Гарольда. Балеты Дидло исполнены живости воображенія и прелести необыкновенной. Одинъ изъ нашихъ романтическихъ писателей находилъ въ нихъ гораздо болѣе поэзіи, нежели во всей французской литературѣ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
 Фарфоръ и бронза на столѣ,
 И, чувствъ извѣженныхъ отрада,
 Духи въ граненомъ хрусталѣ;
 Гребенки, пилочки стальные,
 Прямые ножницы, кривыя,
 И щетки тридцати родовъ —
 И для ногтей, и для зубовъ.
 Руссо (замѣчу мимоходомъ)
 Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
 Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
 Краснорѣчивымъ сумасбродомъ: ⁷⁾
 Защитникъ вольности и правъ
 Въ семь случаѣ совѣмъ не правъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
 И думать о красѣ ногтей:
 Къ чему бесплодно спорить съ вѣкомъ?
 Обычай деспотъ межъ людей *).
 Второй Каверинъ, мой Евгенийъ,
 Боясь ревнивыхъ осужденій,
 Въ своей одеждѣ былъ педантъ
 И то, что мы назвали франтъ.
 Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
 Предъ зеркалами проводилъ,

⁷⁾ Tout le monde sut qu'il mettait du blanc; et moi, qui n'en croyais rien, je commençai de le croire, non seulement par l'embellissement de son teint et pour avoir trouvé de tasses de blanc sur sa toilette, mais sur ce qu'entrant un matin dans sa chambre, je le trouvai brossant ses ongles avec une petite vergette faite exprès, ouvrage qu'il continua fièrement devant moi. Je jugeai qu'un homme qui passe deux heures tous les matins à brosser ses ongles, peut bien passer quelques instans à remplir de blanc les creux de sa peau. (Confessions de J. J. Rousseau). — Гриммъ опередилъ свой вѣкъ: нынѣ во всей просвѣщенной Европѣ чистятъ ногти особенною щеточкой.

*) По всей Европѣ въ наше время,
 Между воспитанныхъ людей,
 Не почитается за бремя
 Отдѣлка нѣжная ногтей;
 И нынѣ воинъ и придворный
 . . . и либераль задорный,
 Поэтъ и сладкій дипломатъ
 Готовъ

И изъ уборной выходилъ
 Подобный вѣтреной Венерѣ,
 Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
 Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
 Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
 Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
 Здѣсь описать его нарядъ;
 Конечно бѣ это было смѣло,
 Описывать мое же дѣло;
 Но панталоны, фракъ, жилетъ —
 Всѣхъ этихъ словъ на русскомъ нѣтъ.
 А вижу я, винюсь предъ вами,
 Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
 Пестрѣтъ гораздо меньше бѣ могъ
 Иноплеменными словами,
 Хоть и заглядывалъ я встарь
 Въ Академическій Словарь ⁸⁾.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметѣ:
 Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
 Куда стремглавъ, въ ямской каретѣ,
 Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
 Передъ померкшими домами,
 Вдоль сонной улицы, рядами
 Двойные фонари каретъ
 Веселый изливаютъ свѣтъ
 И радуги на снѣгъ наводятъ;
 Усѣянъ плошками кругомъ,
 Блестить великолѣпный домъ;
 По цѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
 Мелькаютъ профили головъ
 И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

⁸⁾ Нельзя не пожалѣть, что наши писатели слишкомъ рѣдко справляются съ Словаремъ Россійской Академіи. Онъ останется вѣчнымъ памятникомъ попечительной воли Екатерины и просвѣщеннаго труда наслѣдниковъ Ломоносова, строгихъ и вѣрныхъ опекуновъ языка отечественнаго. Вотъ что говоритъ Карамзинъ въ своей рѣчи. [За этимъ слѣдуетъ обширная выписка изъ похвальной рѣчи Екатеринѣ II, Карамзина.] — Примѣчаніе I-го изданія.

XXVIII.

Вотъ, нашъ герой поддѣхаль къ сѣнямъ;
 Швейцара мимо, онъ стрѣлой
 Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
 Расправилъ волоса рукой,
 Вошелъ. Полна народу зала;
 Музыка ужъ гремѣть устала;
 Толпа мазуркой занята;
 Кругомъ и шумъ, и тѣснота;
 Бренчатъ кавалергарда шпоры *);
 Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
 По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
 Летаютъ пламенные взоры,
 И ревомъ скрипокъ заглушенъ
 Ревнивый шопотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
 Я былъ отъ баловъ безъ ума:
 Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
 И для врученія письма.
 О вы, почтенные супруги!
 Вамъ предложу свои услуги;
 Прошу мою замѣтить рѣчь:
 Я васъ хочу предостеречь.
 Вы также, маменьки, построже
 За дочерьми смотрите вслѣдъ,
 Держите прямо свой лорнетъ,
 Не то... не то — избави Боже!
 Я это потому пишу,
 Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
 Я много жизни погубилъ!
 Но если бъ не страдали нравы,
 Я балы бъ до сихъ поръ любилъ.

*) Къ этому стиху въ черновой рукописи сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: «Неточность. На балахъ кавалерійскіе офицеры являються, такъ же какъ и лейбъ-гусары, въ вицмундирѣ, въ башмакахъ. Замѣчаніе основательное, но въ описаніи есть нѣчто поэтическое. Ссылаюсь на мнѣніе А. И. В.»

Люблю я бѣшеную младость,
 И тѣсноту, и блескъ, и радость,
 И дамъ обдуманнѣй нарядъ,
 Люблю ихъ ножки—только врядъ
 Найдете вы въ Россіи цѣлой
 Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
 Ахъ, долго я забыть не могъ
 Двѣ ножки!.. Грустный, охладѣлый,
 Я все ихъ помню, и во снѣ
 Онѣ тревожатъ сердце мнѣ*).

XXXI.

Когда жъ и гдѣ, въ какой пустынѣ,
 Безумецъ, ихъ забудешь ты?
 Ахъ, ножки, ножки! гдѣ вы нынѣ?
 Гдѣ мнете вѣшніе цвѣты?
 Взлелѣяны въ восточной нѣгѣ,
 На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
 Вы не оставили слѣдовъ:
 Любили мягкихъ вы ковровъ
 Роскошное прикосновенье.
 Давно ль для васъ я забывалъ
 И жажду славы и похвалъ,
 И край отцовъ, и заточенье?
 Исчезло счастье юныхъ лѣтъ,
 Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ!

XXXII.

Дианы грудь, ланиты Флоры
 Прелестны, милые друзья!
 Однако ножка Терпсихоры
 Прелестнѣй цѣмъ-то для меня.
 Она, пророчествуя взгляду
 Неопѣненную награду,
 Влечетъ условною красой
 Желаній своевольный рой.
 Люблю ее, мой другъ Эльвина,
 Подъ длинной скатертью столовъ,
 Весной на муравѣ луговъ,

*) Въ I-мъ изданіи этотъ стихъ читался: «Онѣ смущаютъ сердце мнѣ»,
 и сдѣлано было примѣчаніе: «Непростительный галлицизмъ.—Соч.».

Зимой на чугуи́ камина,
 На зеркальномъ паркетѣ заль,
 У моря на гранитѣ скаль.

XXXIII.

Я помню море предъ грозою:
 Какъ я завидоваль волнамъ,
 Бѣгущимъ бурной чередою
 Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
 Какъ я желалъ тогда съ волнами
 Коснуться милыхъ ногъ устами!
 Нѣтъ, никогда средь пылкихъ дней
 Кипящей младости моей
 Я не желалъ съ такимъ мученьемъ
 Лобзать уста молодыхъ Армидъ,
 Иль розы пламенныхъ ланить,
 Иль перси, полныя томленьемъ;
 Нѣтъ, никогда порывъ страстей
 Такъ не терзалъ души моей!*)

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
 Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ
 Держу я счастливое стремя,
 И ножку чувствую въ рукахъ;
 Опять кипитъ воображенье,
 Опять ея прикосновенье
 Зажгло въ увядшемъ сердцѣ кровь,
 Опять тоска, опять любовь...
 Но полно прославлять надменныхъ
 Болтливой лирою своей:
 Онѣ не стоятъ ни страстей,
 Ни пѣсенъ, ими вдохновенныхъ;
 Слова и взоръ волшебницъ сихъ
 Обманчивы, какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
 Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ,
 А Петербургъ неутомонный
 Ужъ барабаномъ пробужденъ.

*) Помѣта: 16 августа 1822.

Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
 На биржу тянется извозчикъ,
 Съ кувшиномъ охтенка спѣшить,
 Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
 Проснулся утра шумъ пріятный;
 Открыты ставни; трубный дымъ
 Столбомъ восходитъ голубымъ,
 И хлѣбникъ, нѣмецъ аккуратный,
 Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
 Уже отворялъ свой васисдасъ.

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленный
 И утро въ полночь обратя,
 Спокойно спитъ въ тѣни блаженной
 Забавъ и роскоши дитя.
 Проснется за-полдень, и снова
 До утра жизнь его готова,
 Однообразна и пестра,
 И завтра то же, что вчера.
 Но былъ ли счастливъ мой Евгений,
 Свободный, въ цвѣтъ лучшихъ лѣтъ,
 Среди блистательныхъ побѣдъ,
 Среди всedневныхъ наслажденій?
 Вотще ли былъ онъ средъ пировъ
 Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли;
 Ему наскучилъ свѣта шумъ;
 Красавицы не долго были
 Предметъ его привычныхъ думъ;
 Измѣны утомить успѣли;
 Друзья и дружба надоѣли.
 Затѣмъ, что не всегда же могъ
 Beef-steaks и страсбургскій пирогъ
 Шампанской обливать бутылкой,
 И сыпать острыя слова,
 Когда болѣла голова:
 И хотъ онъ былъ повѣса пылкій,
 Но разлюбилъ онъ, наконецъ,
 И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
 Давно бы отыскать пора,
 Подобный англійскому сплину,
 Короче — русская хандра
 Имъ овладѣла понемногу;
 Онъ застрѣлиться, слава Богу,
 Попробовать не захотѣлъ,
 Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
 Какъ Childe Harold, угрюмый, томный,
 Въ гостиныхъ появлялся онъ;
 Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
 Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
 Ничто не трогало его,
 Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

.....

XLII.

Причудницы большого свѣта!
 Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
 И правда то, что въ наши лѣта
 Довольно скученъ высшій тонъ.
 Хоть, можетъ быть, иная дама
 Толкуеть Сея и Бентама;
 Но вообще ихъ разговоръ —
 Несносный, хоть невинный вздоръ.
 Къ тому жь, онѣ такъ непорочны,
 Такъ величавы, такъ умны,
 Такъ благочестія полны,
 Такъ осмотрительны, такъ точны,
 Такъ неприступны для мужчинъ,
 Что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ⁹⁾.

⁹⁾ Вся сія ироническая строфа не что иное, какъ тонкая похвала прекраснымъ нашимъ соотечественницамъ. Такъ Буало, подъ видомъ укорины, хвалитъ Людовика XIV. Наши дамы соединяютъ просвѣщеніе съ любезностью и строгую чистоту нравовъ съ этою восточною прелестію, столь плѣвливнею г-жу Сталь (См. Dix ans d'exil).

XLIII.

И вы, красотки молодые,
 Которыхъ позднею порой
 Уносять дрожжи удалыя
 По петербургской мостовой,
 И васъ покинулъ мой Евгеній.
 Отступникъ бурныхъ наслаждений,
 Онѣгинъ дома заперся,
 Зѣвая за перо взялся,
 Хотѣлъ писать, но трудъ упорный
 Ему былъ тошень; ничего
 Не вышло изъ пера его,
 И не попалъ онъ въ цѣхъ задорный
 Людей, о коихъ не сужу
 Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И снова преданный бездѣлю,
 Томясь душевной пустотой,
 Усѣлся онъ съ похвальной цѣлью
 Себѣ присвоить умъ чужой;
 Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
 Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
 Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
 Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
 На всѣхъ различныя вериги;
 И устарѣла старина,
 И старымъ бредить новизна.
 Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
 И полку съ пыльной ихъ семьей
 Задержнулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
 Какъ онъ, оставъ отъ суеты,
 Съ нимъ подружился я въ то время.
 Мнѣ нравились его черты,
 Мечтамъ невольная преданность,
 Неподражательная странность
 И рѣзкій, охлажденный умъ.

Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
 Страстей игру мы знали оба:
 Томила жизньъ обоихъ насъ;
 Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
 Обоихъ ожидала злоба
 Слѣпой Фортуны и людей
 На самомъ утрѣ нашихъ дней *).

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
 Въ душѣ не презирать людей;
 Кто чувствовалъ, того тревожить
 Призракъ невозвратимыхъ дней —
 Тому ужъ нѣтъ очарованій,
 Того змѣя воспоминаній,
 Того раскаянье грызетъ.
 Все это часто придаетъ
 Большую прелесть разговору.
 Сперва Онъгина языкъ
 Меня смущалъ, но я привыкъ
 Къ его язвительному спору,

*) Къ стр. XLV:

Мнѣ было грустно, тяжело, больно,
 Но одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
 Онъ сочеталъ меня неволью
 Своей таинственной судьбѣ;
 Я сталъ взирать его очами,
 Съ его печальными рѣчами
 Мои слова звучали въ ладъ...

Сюда же, вѣроятно, надо отнести и слѣдующій набросокъ:

Мою задумчивую младость
 Онъ для восторговъ охладилъ.
 Я неописанную сладость
 Въ его бесѣдахъ находилъ.
 Я сталъ взирать его очами;
 Открылъ я жизни бѣдной кладь,
 Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
 Въ замѣну вѣры и надеждъ
 Для легкомысленныхъ невѣждъ.

Внизу, на той же страницѣ, начато стихотвореніе, записанное въ такомъ видѣ:

Жуковский святой
 Парнаса чудотворецъ
 царедворецъ,
 Крыловъ разбить параличемъ.

И къ путѣѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпитаграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невкою ¹⁰⁾.
И водъ веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Діаны,
Вспомня прежнихъ лѣтъ романъ,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрмы
Перенесенъ колодникъ сонный,

¹⁰⁾ Читатели помнятъ прелестное описаніе петербургской ночи въ идилліи Гнѣдича:

Вотъ ночь; но не меркнуть златистыя полосы облакъ;
Безъ звѣздъ и безъ мѣсяца вся озаряется дальность.
На взморьѣ далекомъ сребристыя видны вѣтрила
Чуть видныхъ судовъ, какъ по синему небу плывущихъ.
Сіяньемъ безсумрачнымъ небо ночное сіяетъ
И пурпуръ заката сливается съ златомъ востока:
Какъ будто денница за вечеромъ слѣдомъ выводитъ
Румяное утро. Была то година влатая,
Какъ лѣтніе дни похищаютъ владычество ночи,
Какъ взоръ иноземца на сѣверномъ небѣ плѣняетъ
Сліянье волшебное тѣни и сладкаго свѣта,
Какимъ никогда не украшено небо полудня;
Та ясность, подобная прелестямъ сѣверной дѣвы,
Которой глаза голубые и алія щеки
Едва оттѣняются русыми локонамъ волнами.
Тогда надъ Невой и надъ пышнымъ Петрополемъ видятъ
Безъ сумрака вечеръ и быстрыя ночи безъ тѣни;
Тогда Филомела полночныя пѣсни лишь кончатъ,
И пѣсни заводитъ, привѣтствуя день восходящій.
Но поздно; повѣяла свѣжесть на невскія тундры;
Роса опустилась.
Вотъ полночь; шумѣвшая вечеромъ тысячкою веселъ,
Нева не колыхнеть; разтѣхались гости градскіе;
Ни гласа на брегѣ, ни выби на влагѣ,— все тихо;
Лишь изрѣдка гудъ отъ мостовъ пробѣжить надъ водою;
Лишь крикъ протяженный изъ дальней промчитъ деревни,
Гдѣ въ ночь окликается ратная стража со стражей.
Все спитъ.

Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
И опершись на гранитъ,
Стоялъ задумчиво Евгенийъ,
Какъ описалъ себя пѣтъ¹⁾.
Все было тихо; лишь ночные
Перекликались часовые,
Да дрожькъ отдаленный стукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ,
И насъ плѣняли вдалькѣ
Рожокъ и пѣсня удалая.
Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ! *)

XLIX.

Адриатическія волны!
О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италиі златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ венеціанкою молодой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ;
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

¹⁾ «Въявъ богиню благосклонну
Зрять восторженный пѣтъ,
Что проводить ночь бессонну,
Опершись на гранитъ.

(Муравьевъ. «Богиня Невы».)

*) Къ этой строфѣ относится рисунокъ, присланный Пушкинымъ брату и шутилая подписъ въ тому же рисунку, воспроизведенному въ «Невскомъ Альманахѣ»: «Вотъ, перешедши мостъ Кокушкинъ» и пр. (VII, 91).

L.

Придетъ ли часъ моей свободы?
 Пора, пора! — взываю къ ней;
 Брожу надъ моремъ ¹²⁾, жду погоды,
 Маню вѣтрила кораблей *).
 Подъ ривой бурь съ волнами споря,
 По вольному распутью моря
 Когда жъ начну я вольный бѣгъ?
 Пора покинуть скучный берегъ
 Мнѣ непріязненной стихіи,
 И средь полуденныхъ зыбей,
 Подъ небомъ Африки моей ¹³⁾,
 Вдыхать о сумрачной Россіи,

¹²⁾ Писано въ Одессѣ.

*) По словамъ Арх. Ос. Россета (Р. Арх. 1882, I, 246), кн. Е. К. Воронцова, гуляя съ Пушкинымъ надъ моремъ, часто повторяла стихи: «Не бѣдѣють ли вѣтрила? Не плывутъ ли корабли?», такъ что Пушкинъ въ шутку называлъ ее la princesse Belle-ventrille.

¹³⁾ Авторъ, со стороны матери, происхожденія африканскаго. Его прадѣдъ, Абрамъ Петровичъ Аннибалъ, на 8-мъ году своего возраста, былъ похищенъ съ береговъ Африки и привезенъ въ Константинополь. Россійскій посланикъ, выручивъ его, послалъ въ подарокъ Петру Великому, который крестилъ его въ Вильнѣ. Вслѣдъ за нимъ братъ его прѣвжалъ сперва въ Константинополь, а потомъ въ Петербургъ, предлагая за него выкупъ, но Петръ I не согласился возвратитъ своего крестника. До глубокой старости Аннибалъ помнилъ еще Африку, роскошную жизнь отца, 19 братьевъ, изъ коихъ онъ былъ меньшой; помнилъ, какъ ихъ водили къ отцу, съ руками, связанными за спину, между тѣмъ какъ онъ одинъ былъ свободенъ и плавалъ подъ фонтанами отческаго дома, помнилъ также любимую сестру свою Лаганъ, плывшую издали на кораблѣмъ, на которомъ онъ удалялся.—18-ти лѣтъ отъ роду Аннибалъ посланъ былъ царемъ во Францію, гдѣ и началъ свою службу въ арміи регента; онъ возвратился въ Россію съ разрубленной головой и чиномъ французскаго лейтенанта. Съ тѣхъ поръ находясь онъ неотлучно при особѣ императора. Въ царствованіи Анны, Аннибалъ, личный врагъ Бирона, посланъ былъ въ Сибирь подъ благовиднымъ предлогомъ. Наскуча безлюдствомъ и жестокостію климата, онъ самовольно возвратился въ Петербургъ и явился къ своему другу Миниху. Минихъ изумился и совѣтовалъ ему скрыться немедленно. Аннибалъ удалился въ свои помѣстья, гдѣ и жилъ во все время царствованія Анны, считаясь въ службѣ и въ Сибири. Елизавета, вступивъ на престолъ, осыпала его своими милостями. А. П. Аннибалъ умеръ уже въ царствованіи Елизаветы, уволенный отъ важныхъ занятій службы съ чиномъ генералъ-аншефа, на 92 г. отъ рожденія.—Въ Россіи, гдѣ память замѣчательныхъ людей скоро исчезаетъ по причинѣ недостатка историческихъ записокъ, странная жизнь Аннибала известна только по семейнымъ преданіямъ.—Сынъ его генералъ-лейтенантъ И. А. Аннибалъ принадлежитъ безспорно къ числу отличнѣйшихъ людей екатерининскаго вѣка (умеръ 1800 г.). Мы современемъ надѣемся издать полную его біографію.—(Примѣчаніе 1-го изданія, а во 2-мъ изданіи 1833 г. оставлено только: «Авторъ, со стороны матери, происхожденія африканскаго»).

Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ...

LI.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Отець его тогда скончался;
Передъ Онѣгинимъ собрался
Займодавецъ жадный полкъ.
У каждаго свой умъ и толкъ:
Евгеній, тяжбы ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалика
Кончину дяди-старика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Отъ управителя докладъ,
Что дядя при смерти, въ постелѣ,
И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ,
И ужъ заранѣе зѣвалъ,
Приготовляясь, денегъ ради,
На вздохи, скужу и обманъ
(И тѣмъ я началъ мой романъ);
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашель ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашель онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили;
Попы и гости ѣли, пили,

И послѣ важно разошлись,
 Какъ будто дѣломъ занялись.
 Вотъ, нашъ Онѣгинъ — сельскій житель,
 Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
 Хозяинъ полный, а досель
 Порядка врагъ и расточитель,
 И очень радъ, что прежній путь
 Перемѣнилъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
 Уединенныя поля,
 Прохлада сумрачной дубровы,
 Журчанье тихаго ручья;
 На третій — роща, холмъ и поле
 Его не занимали болѣ;
 Потомъ ужъ наводили сонъ;
 Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
 Что и въ деревнѣ скука та же,
 Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
 Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
 Хандра ждала его на стражѣ,
 И бѣгала за нимъ она,
 Какъ тѣнь, иль вѣрная жена*).

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
 Для деревенской тишины:
 Въ глуши звучнѣе голосъ лирный,
 Живнѣе творческіе сны.
 Досугамъ посвящаться невиннымъ
 Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
 И far niente — мой законъ.
 Я каждымъ утромъ пробужденъ
 Для сладкой нѣги и свободы:
 Читаю мало, много сплю,
 Летучей славы не ловлю.
 Не такъ ли я въ былые годы

*) Ср. V, 22: «Вышедь изъ лица, я тотчасъ почти уѣхалъ въ псковскую деревню моей матери. Помню, какъ обрадовался сельской жизни, русской банѣ, клубничѣ и проч. Но все это правилось мнѣ недолго. Я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу.»

Провель въ бездѣйствіи, въ тиши,
Мои счастливейшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
Поля! я преданъ вамъ душой.
Всегда я радъ замѣтить разность
Между Онѣгинымъ и мной,
Чтобы насмѣшливый читатель,
Или какой нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здѣсь мои черты,
Не повторялъ потомъ безбожно,
Что намаралъ я свой портретъ,
Какъ Байронъ, гордости поэтъ;
Какъ будто намъ ужъ невозможно
Писать поэмы о другомъ,
Какъ только о себѣ самомъ? *)

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мнѣ снились, и душа моя
Ихъ образъ тайный сохранила;
Ихъ послѣ муза оживила:
Такъ я, безпечень, воспѣвалъ
И дѣву горь, мой идеаль,
И плѣнницъ береговъ Салгира **).
Теперь отъ васъ мои друзья,
Вопросъ нерѣдко слышу я:
«О комъ твоя вздыхаетъ лира?
Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
Ты посвятилъ ея напѣвъ?»

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
Умильной лаской наградилъ
Твое задумчивое пѣнье?»

*) Подобныя замѣчанія дѣлались по поводу «Кавказскаго Плѣнника».

**) «Кавк. Плѣнникъ» и «Бахч. Фонтанъ».

Кого твой стихъ боготворилъ?»
 И, други, никого, ей Богу!
 Любви безумную тревогу
 Я безотрадно испыталъ.
 Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
 Горячку риѣмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
 Поэзіи священный бредъ,
 Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
 А муки сердца успокоилъ,
 Поймалъ и славу между тѣмъ;
 Но я, любя, былъ глупъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась муза,
 И прояснился темный умъ.
 Свободенъ, вновь ищу союза
 Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
 Пишу, и сердце не тоскуетъ;
 Перо, забывшись, не рисуетъ,
 Близъ неоконченнхъ стиховъ,
 Ни женскихъ ножекъ, ни головъ *);
 Погасшій пепелъ ужъ не вспыхнетъ;
 Я все грущу, но слезъ ужъ нѣтъ,
 И скоро, скоро бури слѣдъ
 Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.
 Тогда-то я начну писать
 Поэму, пѣсень въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужъ о формѣ плана,
 И какъ героя назову.
 Покаместъ моего романа
 Я кончилъ первую главу;
 Пересмотрѣлъ все это строго:
 Противорѣчій очень много,
 Но ихъ исправить не хочу.
 Цензурѣ долгъ свой заплачу,
 И журналистамъ на съѣденъе
 Плоды трудовъ своихъ отдамъ:

*) Тетради Пушкина 20-хъ годовъ представляютъ множество подобныхъ рисунковъ.

Иди же къ невскимъ берегамъ,
 Новорожденное творенье,
 И заслужи мнѣ славы дань:
 Кривые толки, шумъ и брань! ¹⁴⁾

28 мая 1822 г.—22 сентября 1823.

Кишиневъ. Одесса.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

0 гус.
 Ног.
 0 Русь!

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгений,
 Была прелестный уголокъ;
 Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
 Благословить бы небо могъ *).
 Господскій домъ уединенный,
 Горой отъ вѣтровъ огражденный,
 Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
 Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
 Луга и нивы золотыя,
 Мелькали села здѣсь и тамъ,
 Стада бродили по лугамъ,
 И сѣни расширялъ густыя
 Огромный, запущенный садъ,
 Приютъ задумчивыхъ дриадъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
 Какъ замки строиться должны:
 Отмѣнно проченъ и спокоенъ,
 Во вкусѣ умной старины.
 Вездѣ высокіе покои,
 Въ гостиной штофные обои,
 Царей портреты на стѣнахъ,
 И печи въ пестрыхъ изразцахъ.

¹⁴⁾ Всѣ пропуски въ семь сочиненіи, означенные точками, сдѣланы самимъ авторомъ.—(Примѣчаніе къ I-й главѣ 1-го изданія).

*) Деревня, гдѣ скучалъ Евгений,
 Была пустая сторона;
 Для безпорочныхъ наслажденій
 Она казалась создана.

Все это нынѣ обветшало,
 Не знаю, право, почему,
 Да впрочемъ, другу моему
 Въ томъ нужды было очень мало,
 Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
 Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
 Гдѣ деревенскій старожилъ
 Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
 Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ.
 Все было просто: полъ дубовый,
 Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
 Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
 Онѣгинъ шкафы отворилъ:
 Въ одномъ нашель тетрадь расхода,
 Въ другомъ наливкою цѣлый строй,
 Кувшины съ яблочной водой
 И календарь осьмого года:
 Старикъ, имѣя много дѣлъ,
 Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
 Чтобъ только время проводить,
 Сперва задумалъ нашъ Евгенийъ
 Порядокъ новый учредить.
 Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
 Яремъ онъ барщины старинной
 Оброкомъ легкимъ замѣнилъ —
 И небо рабъ благословилъ.
 За то въ углу своемъ надулся,
 Увидя въ этомъ страшный вредъ,
 Его разсчетливый сосѣдъ;
 Другой лукаво улыбнулся,
 И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
 Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
 Но такъ какъ съ задняго крыльца

Обыкновенно подавали
 Ему донского жеребца,
 Лишь только вдоль большой дороги
 Заслышать ихъ домашни дроги, —
 Поступкомъ оскорбясь такимъ,
 Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
 «Сосѣдь нашъ неучъ, сумасбродить;
 Онъ ффармазонъ; онъ пьетъ одно
 Стаканомъ красное вино;
 Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
 Все да, да нѣтъ, не скажетъ да-съ
 Иль нѣтъ-съ.» Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ,
 И столь же строгому разбору
 Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ:
 По имени Владиміръ Ленскій,
 Съ душою прямо геттингенской,
 Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
 Поклонникъ Канта и поэтъ.
 Онъ изъ Германіи туманной
 Привезъ учености плоды:
 Вольнолюбивыя мечты,
 Духъ пылкій и довольно странный,
 Всегда восторженную рѣчь,
 И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
 Еще увянуть не успѣвъ,
 Его душа была согрѣта
 Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
 Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
 Его лелѣяла надежда,
 И міра новый блескъ и шумъ
 Еще плѣняли юный умъ.
 Онъ забавлялъ мечтою сладкой
 Сомнѣнья сердца своего;

Цѣль жизни нашей для него
 Была заманчивой загадкой;
 Надъ ней онъ голову ломаль,
 И чудеса подозрѣваль *).

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
 Соединиться съ нимъ должна;
 Что безотрадно изнывая,
 Его вседневно ждетъ она;
 Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
 За честь его принять оковы,
 И что не дрогнетъ ихъ рука
 Разбить сосудъ клеветника;
 Что есть избранные судьбами
 Людей священные друзья,
 Что ихъ бессмертная семья
 Неотраивимыми лучами
 Когда нибудь насъ озарить,
 И мiръ блаженствомъ одарить.

IX.

Негодование, сожалѣнье,
 Ко благу чистая любовь,
 И славы сладкое мученье
 Въ немъ рано волновали кровь.
 Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ;
 Подъ небомъ Шиллера и Гёте,
 Ихъ поэтическимъ огнемъ
 Душа воспламенилась въ немъ;
 И музъ возвышенныхъ искусства,
 Счастливецъ, онъ не постыдилъ;
 Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
 Всегда возвышенныя чувства,

*) Вар. послѣднихъ шести стиховъ, по черновой рукописи:

Онъ вѣдалъ трудъ и вдохновенье
 И освѣжительный покой,
 Къ чему-то жизни молодой
 Неизъяснимое влеченье,
 Страстей кипящихъ буйный пиръ,
 И слезы, и сердечный миръ.

Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты *).

*) Къ строфѣ IX:

Не пѣлъ порочной онъ забавы,
Не пѣлъ презрительныхъ цирцей:
Онъ оскорблять гнушался нравы
Прелестной лирою своей.
Поклонникъ истиннаго счастья,
Не славилъ сѣти сладострастья,
Какъ тотъ, чья хладная душа,
Постыдной нѣгою дыша,
Добыча вредныхъ заблужденій,
Добыча пагубныхъ страстей,
Преслѣдуетъ, въ тоскѣ своей,
Картины прежнихъ наслажденій,
И свѣту въ пѣсняхъ роковыхъ,
Безумно обнажаетъ ихъ.

*

Пѣвцы слѣпого упоенья,
Напрасно шалостей младыхъ
Передаете впечатлѣнья
Вы намъ въ элегіяхъ своихъ!
Напрасно дѣвочки, угадкой
Внимая звуки лиры сладкой,
Къ вамъ устремляютъ нѣжный взоръ,
Начать не смѣя разговоръ.
Напрасно вѣтрена младость
Васъ любить славить на пирахъ;
Хранить и въ сердцѣ и въ устахъ
Стиховъ невѣженную сладость,
И на ухо стыдливыхъ дѣвъ
Ихъ шепчетъ, робость одолѣвъ...

*

Пустыми звуками, словами
Вы сѣте развратно зло...
Пѣвцы любви, скажите сами,
Какое ваше ремесло?
Передъ судилищемъ Паллады
Вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды.
Потомство въ нихъ откажетъ вамъ...
Прилична ль гордому поэту
Промышленность!.....
Но вамъ дороже, знаю самъ,
Слева съ улыбкой пополамъ;
Вы рождены для славы женской,
Для васъ ничтоженъ гласъ модвы,
И жалъ мнѣ васъ, и милы вы.
Не вамъ чета былъ строгій Ленскій:
Его стихи, конечно, мать
Велѣла бѣ дочери читать *).

*) La mère en prescrite la lecture à sa fille.

Стихъ Пирона вошелъ въ поговорку. Замѣтимъ, что Пиронъ (кромя своей «Мегриин») хорошъ только въ такихъ стихахъ, о которыхъ невозможно намекнуть, не оскорбляя благопристойности.

(Пушк.)

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
 И пѣснь его была ясна,
 Какъ мысли дѣвы простодушной,
 Какъ сонъ младенца, какъ луна
 Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
 Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
 Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
 И нѣчто, и туманну даль,
 И романтическія розы;
 Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
 Гдѣ долго въ лоно тишины
 Лились его живыя слезы;
 Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
 Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгений
 Могъ оцѣнить его дары,
 Господь сосѣдственныхъ селеній
 Ему не нравились пиры;
 Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной!
 Ихъ разговоръ благоразумный
 О сѣнокосѣ, о винѣ,
 О псарнѣ, о своей роднѣ,
 Конечно, не блисталъ ни чувствомъ,
 Ни поэтическимъ огнемъ,
 Ни острою, ни умомъ,
 Ни общежитія искусствомъ;
 Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
 Гораздо меньше былъ уменъ.

Но добрый юноша, готовый
 Высокій подвигъ совершить,
 Не будетъ въ гордости суровой
 Стихи порочныя твердить.
 Но праведникъ изнеможенный,
 Въ цѣпяхъ, на казни осужденный,
 Съ лампадой, брежжущей во тьмѣ,
 не склонить
 На свитокъ вашъ очей своихъ
 И на стѣнахъ вашъ вольный стихъ
 не начертать,
 Грядущимъ увнивамъ въ привѣтъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
 Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ:
 Таковъ обычай деревенскій:
 Всѣ дочекъ прочили своихъ
 За полурусскаго сосѣда.
 Войдетъ ли онъ — тотчасъ бесѣда
 Заводить слово стороной
 О скукѣ жизни холостой;
 Зовутъ сосѣда къ самовару,
 А Дуня разливаетъ чай;
 Ей шепчуть: «Дуня, примѣчай!»
 Потомъ приносятъ и гитару,
 И запищитъ она (Богъ мой!):
 «Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!..» ¹⁵⁾

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ, конечно,
 Охоты узы брака несть,
 Съ Онъгинымъ желалъ сердечно
 Знакомство покороче свестъ.
 Они сошлись. Волна и камень,
 Стихи и проза, ледъ и пламень
 Не столь различны межъ собой.
 Сперва взаимной разнотой
 Они другъ другу были скучны;
 Потомъ понравились; потомъ
 Съѣзжались каждый день верхомъ,
 И скоро стали неразлучны.
 Такъ люди (первый каюсь я)
 Отъ дѣлать нечего друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
 Всѣ предразсудки истребя,
 Мы почитаемъ всѣхъ — нулями,
 А единицами — себя;

¹⁵⁾ Изъ первой части Днѣпровской Русалки. [Переводъ нѣмецкой комической оперы «Das Donauweibchen», поставленный на петербургской сценѣ въ 1803 г. и съ тѣхъ поръ много разъ игранный съ огромнымъ успѣхомъ; арія изъ «Русалки» были долгое время въ большой модѣ.]

Мы всё глядимъ въ Наполеоны;
 Двуногихъ тварей миллионы
 Для насъ орудіе одно;
 Намъ чувство дико и смѣшно *).
 Сноснѣ многихъ былъ Евгенийъ;
 Хоть онъ людей, конечно, зналъ,
 И вообще ихъ презиралъ;
 Но (правиль нѣтъ безъ исключеній)
 Иныхъ онъ очень отличалъ,
 И вчужѣ чувство уважалъ **).

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
 Поэта пылкій разговоръ,
 И умъ, еще въ сужденьяхъ зыбкій,
 И вѣчно вдохновенный взоръ —
 Онѣгину все было ново;
 Онъ охладительное слово
 Въ устахъ старался удержать,
 И думалъ: глупо мнѣ мѣшать
 Его минутному блаженству;
 И безъ меня пора придеть;
 Пускай покамѣстъ онъ живетъ,
 Да вѣрить міра совершенству;
 Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
 И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все рождало споры
 И къ размышленію влекло:
 Племенъ минувшихъ договоры,
 Плоды наукъ, добро и зло,

*) Собою жертвовать смѣшно.
 Имѣть восторженное чувство
 Простительно въ семнадцать лѣтъ.
 Кто чувству вѣрить, тотъ поэтъ,
 Иль хочетъ выказать искусство
 Предъ легковѣрною толпой.
 Что жъ мы такое? Боже мой?

***) Не посвящалъ друзей въ шпіоны,
 Не думалъ, что добро, законы,
 Любовь къ отечеству, права —
 Лишь только звучныя слова.

И предразсудки вѣковые,
 И гроба тайны роковыя,
 Судьба и жизнь, въ свою чреду,
 Все подвергалось ихъ суду.
 Поэтъ, въ жару своихъ сужденій,
 Читалъ, забывшись, между тѣмъ,
 Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
 И снисходительный Евгеній,
 Хоть ихъ немного понималъ,
 Прилежно юношѣ внималъ *).

*) Къ строфѣ XVI:

Въ прогулкѣ ихъ уединенной
 О чемъ ни заводили споръ!
 Судьба души, судьба вселенной,
 На что ни обращали взоръ!
 И предразсудки вѣковые,
 И тайны гроба роковыя,
 Царей судьба, въ свою чреду, —
 Все подвергалось ихъ суду.
 Отъ важныхъ исхода предметовъ,
 Касался [этотъ] разговоръ
 И русскихъ иногда поетовъ;
 Со вздохомъ и потупя взоръ,
 Владиміръ слушалъ, жакъ Евгеній
 Немилосердно поражалъ...

(ОБРАЗЦЫ СТИХОВЪ ЛЕНСКАГО).

I.

Придетъ ужасный мигъ... твои небесны очи
 Покроются, мой другъ, туманомъ вѣчной ночи.
 Молчанье вѣчное твои сомкнетъ уста —
 Ты навсегда сойдешь въ тѣ мрачныя мѣста,
 Гдѣ прадѣдовъ твоихъ почіють мощи хладны;
 Но я, дотогѣ твой поклонникъ безотрадный,
 Въ обитель скорбную сойду я за тобой
 И сяду близъ тебя, недвижный и нѣмой..

II.

Надеждой сладостной младенчески дыша,
 Когда бы вѣрилъ я, что нѣкогда душа,
 Отъ тлѣнья убѣжавъ, уносить мысли вѣчны,
 И память, и любовь въ пучины безконечны, —
 Клянусь! давно бы я оставилъ этотъ міръ:
 Я сокрушилъ бы жизнь, уродливый кумиръ,
 И улетѣлъ въ страну свободы, наслажденій,
 Въ страну, гдѣ смерти нѣтъ, гдѣ нѣтъ предразсужденій,
 Гдѣ мысль одна живетъ въ небесной чистотѣ...
 Но тщетно предаюсь обманчивой мечтѣ!
 Мой умъ упорствуетъ, надежду презираетъ...

XVII.

Но чаще занимали страсти
 Умы пустынноиковъ моихъ.
 Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
 Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
 Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
 Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
 И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
 Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
 Кто охлаждалъ любовь разлукой,
 Вражду — злословіемъ; порой
 Зѣваль съ друзьями и женой,
 Ревнивой не тревожась мукой,
 И дѣдовъ вѣрный капиталъ
 Коварной двойкѣ не ввѣрялъ! *)

Меня ничтожествомъ могила ужасаетъ...
 Какъ! ничего! ни мысль, ни первая любовь!
 Мнѣ страшно... и на жизнь гляжу печально вновь,
 И долго жить хочу, чтобъ долго образъ милый
 Таился и пылалъ въ душѣ моей унылой!

*) Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненье,
 Порывы, сладость, упоенье,
 И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
 Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
 Кто усыплялъ любовь измѣной,
 Вражду — злословьемъ, клеветой,
 Зѣваль съ друзьями и женой,
 Ревнивой не тревожась мукой...
 Но мнѣ досталася на часть
 Одна губительная страсть —

Страсть къ банку!.. Ни любовь свободы,
 Ни Фебъ, ни дружба, ни пиры
 Не отвлекли бъ въ минувши годы
 Меня отъ карточной игры.
 Задумчивый, всю ночь до свѣта
 Бывалъ готовъ я въ эти лѣта
 Допрашивать судьбы завѣтъ:
 Натѣво ль выпадеть валетъ?
 Уже раздался звонъ обѣденъ;
 Среди разбросанныхъ колодъ
 Дремалъ усталый банкочетъ,
 А я, все такъ же бодръ и блѣденъ,
 Надежды полнъ, закрывъ глаза,
 Гнулъ уголь третьяго туза.

Ужъ я не тотъ — и гладнокровнѣй
 Ввѣряюсь вѣтренной мечтѣ:

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
 Благоразумной тишины,
 Когда страстей угаснетъ пламя,
 И намъ становятся смѣшны
 Ихъ своевольство иль порывы
 И запоздалые отзывы,
 Смирѣнные не безъ труда,—
 Мы любимъ слушать иногда
 Страстей чужихъ языкъ мятежный,
 И намъ онъ сердце шевелить;
 Такъ точно старый инвалидъ
 Охотно клонить слухъ прилежный
 Разсказамъ юныхъ усачей,
 Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
 Не можетъ ничего скрывать:
 Вражду, любовь, печаль и радость
 Она готова разболтать.
 Въ любви считаюсь инвалидомъ,
 Онъгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
 Какъ, сердца исповѣдь любя,
 Поэтъ высказывалъ себя;
 Свою довѣрчивую совѣсть
 Онъ простодушно обнажалъ;
 Евгенийъ безъ труда узналъ
 Его любви младую повѣсть,
 Обильный чувствами разсказъ,
 Давно не новыми для насъ.

Не ставлю грозно карты темной,
 Замѣтя тайное руге;
 Мѣлокъ оставилъ я въ покоѣ,
 «Атанде» — слово роковое
 Мнѣ не приходитъ на языкъ;
 Отъ рены тоже я отвыкъ.
 Что буду дѣлать? — Между нами,
 Всѣмъ этимъ утомился я;
 На дняхъ попробую, друзья,
 Заняться бѣлыми стихами...

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
 Уже не любятъ; какъ одна
 Безумная душа поэта
 Еще любить осуждена:
 Всегда, вездѣ одно мечтанье,
 Одно привычное желанье,
 Одна привычная печаль!
 Ни охлаждающая даль,
 Ни долгія лѣта разлуки,
 Ни музамъ данные часы,
 Ни чужеземныя красы,
 Ни шумъ веселій, ни науки
 Души не измѣнили въ немъ,
 Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣненный,
 Сердечныхъ мукъ еще не зная,
 Онъ былъ свидѣтель умиленный
 Ея младенческихъ забавъ;
 Въ тѣни хранительной дубравы
 Онъ раздѣлялъ ея забавы,
 И дѣтямъ прочили вѣнцы,
 Друзья-сосѣди, ихъ отцы.
 Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
 Невинной прелести полна,
 Въ глазахъ родителей, она
 Цвѣла какъ ландышъ потаенный
 Незнаемый въ травѣ глухой
 Ни мотыльками, ни пчелой *).

*) Къ строфѣ XXI:

Кто жъ та была, которой очи
 Онъ безъ искусства привлекалъ,
 Которой онъ и дни, и ночи.
 И думы сердца посвящалъ?
 Меньшая дочь сосѣдей бѣдныхъ,
 Вдали веселій, связей вредныхъ,
 Невинной прелести полна,
 Въ глазахъ родителей она
 Цвѣла, какъ ландышъ потаенный,
 Незнаемый въ травѣ густой
 Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
 Младыхъ восторговъ первый сонъ;
 И мысль о ней одушевила
 Его цѣвницы первый стонъ. *)
 Простите, игры золотыя!
 Онъ рощи полюбилъ густыя,
 Уединенье, тишину,
 И ночь, и звѣзды, и луну —
 Луну, небесную лампаду,
 Которой посвящали мы
 Прогулку средь вечерней тьмы.
 И слезы, тайныхъ мукъ отраду...
 Но нынѣ видимъ только въ ней
 Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
 Всегда какъ утро весела,
 Какъ жизнь поэта простодушна,
 Какъ поцѣлуй любви мила,
 Глаза какъ небо голубые,
 Улыбка, локоны льняные,
 Движенья, голосъ, легкій станъ,
 Все въ Ольгѣ... но любой романъ
 Возьмите, и найдете вѣрно
 Ея портретъ: онъ очень милъ;
 Я прежде самъ его любилъ;
 Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.

Ни дура англійской породы,
 Ни своенравная мамзель
 (Благодаря уставамъ моды
 Необходимыя досель)
 Не баловали Ольги милой:
 Фадеевна рукою хилой
 Ея качала колыбель...
 Она жъ за Ольгою ходила
 Стала ей дѣтскую постель,
 «Помилуй мя» читать учила,
 Бову средь ночи говорила,
 Псутру наливала чай —
 И баловала невзначай.

*) Ср. I, 95.

Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой*).

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна...¹⁶⁾
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что жь? Оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неравлично
Воспомянанье старины
Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенье не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство — больше ничего.

XXV.

Итакъ, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяной
Не привлекла бь она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто цѣлый день одна
Сидѣла молча у окна**).

*) Вар.:

И новый карандашъ беру,
Чтобъ описать ея сестру.

¹⁶⁾ Сладкозвучнѣйшія греческія имена, каковы, напримѣръ: Агаонъ, Филать, Феодора, Феела и проч., употребляются у насъ только между простолюдинами.

**) Съ сестрой рѣзвиться не хотѣла
И часто цѣлый день одна
Сидѣла съ книгой у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
 Отъ самыхъ колыбельныхъ дней.
 Теченье сельскаго досуга
 Мечтами украшала ей.
 Ея изнѣженные пальцы
 Не знали игль; склонясь на пяльцы,
 Узоромъ шелковымъ она
 Не оживляла полотна.
 Охоты властвовать примѣта:
 Съ послушной куклою дитя
 Приготавливается шутя
 Къ приличію — закону свѣта.
 И вѣчно повторяеть ей
 Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
 Татьяна въ руки не брала;
 Про вѣсти города, про моды
 Бесѣды съ нею не вела.
 И были дѣтскія проказы
 Ей чужды: страшные рассказы
 Зимою, въ темнотѣ ночей,
 Плѣняли больше сердце ей.
 Когда же няня собирала
 Для Ольги, на широкій лугъ,
 Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
 Она въ горѣлки не играла,
 Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
 И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
 Предупреждать зари восходъ,
 Когда на блѣдномъ небосклонѣ
 Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
 И тихо край земли свѣтлѣеть,
 И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣеть,
 И всходитъ постепенно день.
 Зимой, когда ночная тѣнь

Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ въ празднои тишинѣ,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо *).
Отецъ ея былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкъъ запоздалый,
Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой,
И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена жъ его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла; ¹⁷⁾
Но встарину княжна Полина,
Ея московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но поневолѣ
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ—

*) Ей чтенье нравилось болѣ,
Никто ей въ этомъ не мѣшалъ,
И чѣмъ романъ тянулся долѣ,
Тѣмъ ей онъ болѣ угождалъ.

¹⁷⁾ Грандисонъ и Ловласъ, герои двухъ славныхъ романовъ.

Сей Грандисонъ былъ славный фронтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу.
И, чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась,
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна стала.
Привычка свыше намъ дана,
Замѣна счастію она ¹⁸ *).

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ:
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять, —
И все тогда пошло на стать.
Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь —
Все это мужа не спросясь.

¹⁸) Si j'avais la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude. [Шатобрианъ].

*) Они привыкли вмѣстѣ кушать,
Сосѣдей вмѣстѣ навѣщать,
По праздникамъ обѣдню слушать,
А въ будни дѣльный день зѣвать.

XXXIII.

Бывало, писывала кровью
 Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
 Звала Полиною Прасковью
 И говорила нараспѣвъ;
 Корсетъ носила очень узкій,
 И русскій Н, какъ N французскій,
 Произносить умѣла въ носъ;
 Но скоро все перевелось:
 Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
 Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
 Она забыла — стала звать
 Акулькой прежнюю Селину,
 И обновила, наконецъ,
 На ватѣ плафдоръ и чепецъ *).

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
 Въ ея затѣи не входилъ,
 Во всемъ ей вѣровалъ безпечно,
 А самъ въ халатѣ ѣлъ и пилъ.
 Покойно жизнь его катилась;
 Подъ вечеръ иногда сходилась
 Сосѣдей добрая семья,
 Нецеремонные друзья, —
 И потужить, и позлословить,
 И посмѣяться кой о чемъ.
 Проходить время; между тѣмъ
 Прикажутъ Ольгѣ чай готовить;
 Тамъ ужинъ, тамъ и спать пора,
 И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
 Привычки мирной старины:
 У нихъ на масляницѣ жирной
 Водились русскіе блины;

*) Къ строфѣ XXXIII.

Супругъ — онъ звался Дмитрій Ларинъ —
 И винокуръ, и хлѣбосоль,
 Ну, словомъ, — прямо русскій баринъ...

Два раза въ годъ они говѣли;
 Любили круглыя качели,
 Подблюдны пѣсни, хороводъ;
 Въ день Троицынъ, когда народъ,
 Зѣвая, слушаетъ молебень,
 Умильно на пучекъ зари
 Они роняли слезки три;
 Имъ квасъ, какъ воздухъ, былъ потребень,
 И за столомъ у нихъ гостямъ
 Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
 И отворились, наконецъ,
 Передъ супругомъ двери гроба,
 И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
 Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
 Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
 Дѣтymi и вѣрною женой
 Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.
 Онъ былъ простой и добрый баринъ,
 И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
 Надгробный памятникъ гласить:
 «Смиренный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
 Господній рабъ и бригадиръ
 Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.»

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
 Владиміръ Ленскій посѣтилъ
 Сосѣда памятникъ смиренный,
 И вздохъ онъ пеплу посвятилъ;
 И долго сердцу грустно было.
 «Роог Yoric!»¹⁹⁾ молвилъ онъ уныло,
 «Онъ на рукахъ меня держалъ.
 Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
 Его очаковской медалью!
 Онъ Ольгу прочилъ за меня,
 Онъ говорилъ: дождусь ли дня...»

¹⁹⁾ Вѣднѣй Юрикъ! — восклицаніе Гамлета надъ черепомъ шута. (См. Шекспира и Стерна).

И полный искренней печалью,
Владимірь тутъ же начерталь
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Отца и матери, въ слезахъ,
Почтилъ онъ прахъ патріархальный..
Увы, на жизненныхъ браздахъ,
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ вослѣдъ идуть...
Такъ наше вѣтреное племя
Растеть, волнуется, кипить,
И къ гробу прадедовъ тѣснить.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ.

XXXIX.

Покажѣсть упивайтесь ею,
Сей легкой жизнию, друзья!
Ея ничтожность разумѣю,
И мало къ ней привязанъ я;
Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было бъ грустно міръ оставить;
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ;
И, сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Летѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ — лестная надежда—

Укажетъ будущій невѣжда
 На мой прославленный портретъ,
 И молвить: то-то былъ поэтъ! *)
 Прими жъ мое благодаренье,
 Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
 О ты, чья память сохранить
 Мои летучія творенья,
 Чья благосклонная рука
 Потреплетъ лавры старика!

8 декабря 1823, nuit [Одесса.]

ГЛАВА ТРЕТЬЯ **).

Elle était fille, elle était amoureuse
 Malfilatre.

I.

«Куда? Ужъ эти мнѣ поэты!»
 — Прощай, Онъгинъ, мнѣ пора.
 «Я не держу тебя; но гдѣ ты
 Свои проводишь вечера?»
 — У Лариныхъ. «Вотъ это чудно.
 Помилуй! и тебѣ не трудно
 Такъ каждый вечеръ убивать?»
 — Нимало. «Не могу понять.
 Отселѣ вижу, что такое:
 Во-первыхъ — слушай, правъ ли я? —
 Простая, русская семья,
 Къ гостямъ усердіе большое,

*) Но можетъ быть (и это даже
 Правдоподобіе сто разъ),
 Изорванный, въ пыли и сажѣ,
 Мой недочитанный рассказъ
 Съ Барковымъ изгнанъ изъ уборной,
 Въ передней кончитъ вѣкъ позорный,
 Какъ «Инвалидъ» или календарь
 Или затасканный букварь.

.....
 Ну что жъ? Въ гостиной или передней
 Равно читатели умны,
 Надъ книгой ихъ права равны;
 Не я второй, не я послѣдній,
 Ихъ судъ услышу надъ собой
 Ревнивый, строгій и тупой.

**) Помѣта: 8 fevr., la nuit, 1824.

Варенье, вѣчный разговоръ
Про дождь, про лень, про скотный дворъ...

II.

— Я тутъ еще бѣды не вижу.
«Да скука, вотъ бѣда, мой другъ.»
— Я модный свѣтъ вашъ ненавижу;
Милѣ мнѣ домашній кругъ,
Гдѣ я могу... «Опять эклога!
Да полно, милый, ради Бога.
Ну, что жъ? ты ѣдешь? очень жаль.
Ахъ, слушай, Ленскій: да нельзя ль
Увидѣть мнѣ Филлиду эту,
Предметъ и мыслей, и пера,
И слезъ, и риѣмъ, et cetera?
Представь меня.»—Ты шутишь. «Нѣту.»
— Я радъ. «Когда же?»—Хоть сейчасъ.
Онѣ съ охотой примуть насъ.

III.

«Поѣдемъ.»

Поскакали други,
Явились; имъ расточены
Порой тяжелыя услуги
Гостепріимной старины.
Обрядъ извѣстный угощенья:
Несутъ на блюдечкахъ варенья,
На столики ставятъ воцаной
Кувшинъ съ брусничною водой.
.....*)).

IV.

Они дорогой самой краткой
Домой летятъ во весь опоръ ²⁰⁾.

*) Въ деревнѣ день есть цѣль обѣда;
Поджавши руки, у дверей
Сбѣжались дѣвки изъ сѣней
Смотрѣть на новаго сосѣда,
А на дворѣ толпа людей
Критиковала ихъ коней.

²⁰⁾ Въ прежнемъ изданіи, вмѣсто домой летятъ, было ошибкою напечатано вимой летятъ (что не имѣло никакого смысла). Критики, того не разобравъ, находили анахронизмъ въ слѣдующихъ строфахъ.—Смѣемъ увѣрить, что въ нашемъ романѣ время расчислено по календарю.

Теперь подслушаемъ украдкой
Героевъ нашихъ разговоръ.
— Ну, что жъ, Онѣгинъ? Ты вѣваешь?
«Привычка, Ленскій.»—Но скучаешь
Ты какъ-то больше. «Нѣтъ, равно.
Однако въ полѣ ужъ темно;
Скорѣй! пошелъ, пошелъ, Андрюшка!
Какія глупыя мѣста!
А, кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь, брусничная вода
Мнѣ не надѣлала бъ вреда.»

V.

«Скажи, которая Татьяна?»
— Да та, которая, грустна
И молчалива какъ Свѣтлана,
Вошла и сѣла у окна.
«Неужто ты влюбленъ въ меньшую?»
— А что? «Я выбралъ бы другую,
Когда бъ я былъ, какъ ты, поэтъ.
Въ чертахъ у Ольги жизни нѣтъ,
Точь-въ-точь въ Вандиковой Мадонѣ:
Кругла, красна лицомъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ.»
Владиміръ сухо отвѣчалъ,
И послѣ во весь путь молчалъ *).

*) Далѣе въ черновой рукописи слѣдуетъ строфа, совершенно не вошедшая въ романъ, потому что она оказавшаяся въ противорѣчій съ сложившимся планомъ: въ ней поэтъ заставилъ Онѣгина сразу влюбиться въ Татьяну:

Въ постелѣ лежа, нашъ Евгений
Глазами Байрона читалъ,
Но день невольныхъ размышленій
Татьянѣ милой посвящалъ.
Проснулся онъ сегодня ранѣ—
И мысль была все о Татьянѣ.
«Вотъ новое! подумалъ онъ:
«Неужто я въ нее влюбленъ?
«Ей-Богу, это было бъ славно!
«Я радъ... Ужъ то-то бъ одолжить!
«Посмотримъ!»—И тотчасъ рѣшилъ
Сосѣдовъ навѣщать исправно.
Какъ можно чаще, всякій день:
«Вѣдь имъ досугъ, а мнѣ не дѣнь!»

VI.

Межъ тѣмъ Онѣгина явленье
 У Лариныхъ произвело
 На всѣхъ большое впечатлѣнье,
 И всѣхъ сосѣдей развлекло.
 Пошла догадка за догадкой;
 Всѣ стали толковать украдкой,
 Шутить, судить не безъ грѣха,
 Татьянѣ прочить жениха;
 Иные даже утверждали,
 Что свадьба слажена совсѣмъ,
 Но остановлена затѣмъ,
 Что модныхъ колець не достали.
 О свадьбѣ Ленскаго давно
 У нихъ ужъ было рѣшено.

VII.

Татьяна слушала съ досадою
 Такія сплетни; но тайкомъ
 Съ неизъяснимою отрадою
 Невольно думала о томъ;
 И въ сердце дума заронилась:
 Пора пришла, она влюбилась.
 Такъ въ землю падшее зерно
 Весны огнемъ оживлено.
 Давно ея воображенье,
 Сторая нѣгой и тоской,
 Алкало пищи роковой;
 Давно сердечное томленье
 Тѣснило ей младую грудь;
 Душа ждала... когонибудь.

VIII.

И дождалась. Открылись очи;
 Она сказала: это онъ!
 Увы! теперь и дни, и ночи,
 И жаркій, одинокій сонъ, —

Рѣшилъ, и скоро сталъ Евгений,
 Какъ Ленскій...
 Ужель Онѣгинъ въ самомъ дѣлѣ
 Влюбленъ?...

Все полно имъ; все дѣвѣ милой
 Безъ умолку, волшебной силой
 Твердить о немъ. Докучны ей
 И звуки ласковыхъ рѣчей,
 И взоръ заботливой прислуги.
 Въ уныніе погружена,
 Гостей не слушаетъ она,
 И проклиняетъ ихъ досуги,
 Ихъ неожиданный приѣздъ
 И продолжительный приѣздъ.

IX.

Теперь съ какимъ она вниманьемъ
 Читаетъ сладостный романъ,
 Съ какимъ живымъ очарованьемъ
 Пьетъ обольстительный обманъ!
 Счастливой силою мечтанья
 Одушевленные созданья,
 Любовникъ Юліи Вольмаръ,
 Малекъ-Адель и де-Линаръ,
 И Вертеръ, мученикъ мятежный,
 И неподобный Грандисонъ ²¹⁾,
 Который намъ наводитъ сонъ;
 Всѣ для мечтательницы нѣжной
 Въ единый образъ облеклись,
 Въ одномъ Онъгинѣ слились.

X.

Воображаясь героиней
 Своихъ возлюбленныхъ творцовъ,
 Кларисой, Юліей, Дельфиной,
 Татьяна въ типинѣ лѣсовъ
 Одна съ опасной книгой бродить;
 Она въ ней ищетъ и находитъ
 Свой тайный жаръ, свои мечты,
 Плоды сердечной полноты;
 Вздыхаетъ, и себѣ присвоя
 Чужой восторгъ, чужую грусть,

²¹⁾ Юлія Вольмаръ—Новая Элоиза. Малекъ-Адель—герой посредственнаго романа M-me Cottin. Густавъ де-Линаръ—герой прелестной повѣсти баронессы Крюднеръ.

Въ забвеньѣ шепчетъ наизусть
 Письмо для милого героя...
 Но нашъ герой, кто бъ ни былъ онъ,
 Уже вѣрно былъ не Грандисонъ *).

XI.

Свой слогъ на важный ладъ настроя,
 Бывало, пламенный творецъ
 Являлъ намъ своего героя
 Какъ совершенства образецъ.
 Онъ одарялъ предметъ любимый,
 Всегда неправедно гонимый,
 Душой чувствительной, умомъ
 И привлекательнымъ лицомъ.
 Питая жаръ чистѣйшей страсти,
 Всегда восторженный герой
 Готовъ былъ жертвовать собой,
 И при концѣ послѣдней части
 Всегда наказанъ былъ порокъ,
 Добру достойный былъ вѣнокъ.

XII.

А нынче всѣ умы въ туманѣ,
 Мораль на насъ наводитъ сонъ,
 Порокъ любезенъ и въ романѣ,
 И тамъ уже торжествуетъ онъ.
 Британской музы небылицы
 Тревожатъ сонъ отроковицы,
 И сталъ теперь ея кумиръ
 Или задумчивый Вампиръ,

*) Къ строфѣ X:

Увы, друзья! мелькаютъ годы —
 И съ ними, вслѣдъ одна другой,
 Мелькаютъ вѣтренныя моды
 Разнообразной чередой.
 Все измѣнилось въ природѣ!
 Ламушъ и фіяжы были въ модѣ;
 Придворный франтъ и ростовщикъ
 Носили пудренный парижъ;
 Бывало, нѣжные поэты,
 Въ надеждѣ славы и похвалъ,
 Точили тонкій мадригалъ
 Иль остроумные куплеты;
 Бывало, храбрый генералъ
 Служилъ — и грамотѣ не зналъ.

Или Мельмотъ, бродяга мрачный,
Иль Вѣчный Жидъ, или Корсаръ,
Или таинственный Сбогаръ ²²⁾.
Лордъ Байронъ, прихотью удачной,
Облекъ въ унылый романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ.

XIII.

Друзья мои, что жъ толку въ этомъ?
Быть можетъ, волею небесъ,
Я перестану быть поэтомъ,
Въ меня вселится новый бѣсъ,
И Фебовы презрѣвъ угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда романъ на старый ладъ
Займетъ веселый мой закатъ.
Не муки тайныя злодѣйства
Я грозно въ немъ изображу,
Но просто вамъ перескажу
Преданья русскаго семейства;
Любви плѣнительные сны,
Да нравы нашей старины.

XIV.

Перескажу простыя рѣчи
Отца иль дяди старика,
Дѣтей условленныя встрѣчи
У старыхъ липъ, у ручейка;
Несчастной ревности мученья,
Разлуку, слезы примиренья;
Поссорю вновь, и наконецъ
Я поведу ихъ подъ вѣнецъ...
Я вспомню рѣчи нѣги страстной,
Слова тоскующей любви,
Которыя въ минувши дни
У ногъ любовницы прекрасной
Мнѣ приходили на языкъ,
Отъ коихъ я теперь отвыкъ.

²²⁾ Вампиръ — повѣсть, неправильно приписанная лорду Байрону. Мельмотъ — гениальное произведение Матюрина. Jean Sboгар — известный романъ Карла Поде.

XV.

Татьяна, милая Татьяна!
 Съ тобой теперь я слезы лью:
 Ты въ руки моднаго тирана
 Ужь отдала судьбу свою.
 Погибнешь, милая; но прежде
 Ты въ ослѣпительной надеждѣ
 Блаженство темное зовешь,
 Ты нѣгу жизни узнаешь,
 Ты пьешь волшебный ядъ желаній,
 Тебя преслѣдуютъ мечты:
 Вездѣ воображаешь ты
 Приюты счастливыхъ свиданій;
 Вездѣ, вездѣ передъ тобой
 Твой искуситель роковой.

XVI.

Тоска любви Татьяну гонить,
 И въ садъ идетъ она грустить,
 И вдругъ недвижны очи клонить,
 И лѣнь ей далѣе ступить:
 Приподнялася грудь, ланиты
 Мгновеннымъ пламенемъ покрыты,
 Дыханье замерло въ устахъ,
 И въ слухъ шумъ, и блескъ въ очахъ...
 Настанетъ ночь; луна обходить
 Дворомъ дальній сводъ небесъ,
 И соловей во мглѣ древесъ
 Напѣвы звучные заводить.
 Татьяна въ темнотѣ не спитъ
 И тихо съ няней говорить:

XVII.

«Не спится, няня: здѣсь такъ душно!
 Открой окно, да сядь ко мнѣ.»
 — Что, Таня, что съ тобой? «Мнѣ скучно;
 Поговоримъ о старинѣ.»
 — О чемъ же, Таня? Я, бывало,
 Хранила въ памяти не мало
 Старинныхъ былей, небылицъ
 Пре злыхъ духовъ и про дѣвицъ;

А нынѣ все мнѣ темно, Таня:
 Что знала, то забыла. Да,
 Пришла худая череда!
 Зашибло... «Разкажи мнѣ, няня,
 Про ваши старые года:
 Была ты влюблена тогда?»

XVII.

— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
 Мы не слышали про любовь;
 А то бы согнала со свѣта
 Меня покойница свекровь *).
 «Да какъ же ты вѣнчалась, няня?»
 — Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня
 Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
 А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
 Недѣли двѣ ходила сваха
 Къ моей роднѣ, и наконецъ
 Благословилъ меня отецъ.
 Я горько плакала со страха;
 Мнѣ съ плачемъ косу расплели,
 И съ пѣньемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ, ввели въ семью чужую...
 Да ты не слушаешь меня...
 «Ахъ, няня, няня, я тоскую,
 Мнѣ тошно, милая моя:
 Я плакать, я рыдать готова!..»
 — Дитя мое, ты нездорова;
 Господь помилуй и спаси!
 Чего ты хочешь, попроси...
 Дай, окроплю святой водою,
 Ты вся горишь... «Я не больна;
 Я... знаешь, няня... влюблена.»
 — Дитя мое, Господь съ тобою!

*) Въ рукописяхъ, принадлежавшихъ А. С. Норову, въ черновыхъ примѣчаніяхъ къ «Онѣгину» набросано Пушкинымъ слѣдующее: «Кто-то спрашивалъ у старушки: по страсти ли вышла замужъ? — По страсти, родимый, отвѣчала она: приказчикъ и староста общались меня до полусмерти избить. — Встарину свадьбы, какъ суды, обыкновенно были пристрастны!» (Рус. Арх. 1865, № 12).

И няня дѣвушку съ мольбой
Крестила дряхлою рукой.

XX.

«Я влюблена», шептала снова
Старушкѣ съ горестью она.
— Сердечный другъ, ты нездорова.
«Оставь меня: я влюблена.»
И между тѣмъ луна сіяла
И томнымъ свѣтомъ озаряла
Татьяны блѣдныя красы,
И распущенные волосы,
И капли слезъ, и на скамейкѣ
Предъ героиней молодой,
Съ платкомъ на головѣ сѣдой,
Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ;
И все дремало въ тишинѣ
При вдохновительной лунѣ.

XXI.

И сердцемъ далеко носилась
Татьяна, смотря на луну...
Вдругъ мысль въ умѣ ея родилась...
«Поди, оставь меня одну.
Дай, няня, мнѣ перо, бумагу,
Да столъ подвинь; я скоро лягу;
Прости.» И вотъ, она одна.
Все тихо. Свѣтитъ ей луна.
Облокотясь, Татьяна пишетъ,
И все Евгеній на умѣ,
И въ необдуманномъ письмѣ
Любовь невинной дѣвы дышетъ.
Письмо готово, сложено...
Татьяна! для кого жъ оно?

XXII.

Я зналъ красавицъ недоступныхъ,
Холодныхъ, чистыхъ какъ зима;
Неумолимыхъ, неподкупныхъ,
Непостижимыхъ для ума;
Дивился я ихъ спѣси модной,
Ихъ добродѣтели природной,

И, признаюсь, отъ нихъ бѣжалъ,
 И, мнится, съ ужасомъ читалъ
 Надъ ихъ бровями надпись ада:
 Оставь надежду навсегда ²³).
 Внушать любовь для нихъ бѣда,
 Пугать людей для нихъ отрада.
 Быть можетъ, на брегахъ Невы
 Подобныхъ дамъ видали вы.

XXIII.

Среди поклонниковъ послушныхъ
 Другихъ причудницъ я видалъ,
 Самолюбиво-равнодушныхъ
 Для вздоховъ страстныхъ и похвалъ.
 И что жъ нашель я съ изумленьемъ?
 Онѣ суровымъ поведенъемъ
 Пугая робкую любовь,
 Ее привлечь умѣли вновь,
 По крайней мѣрѣ — сожалѣньемъ;
 По крайней мѣрѣ, звукъ рѣчей
 Казался иногда нѣжнѣй,
 И съ легковѣрнымъ ослѣпленъемъ
 Опять любовникъ молодой
 Бѣжалъ за милой суетой.

XXIV.

За что жъ виновнѣ Татьяна?
 За то ль, что въ милой простотѣ
 Она не вѣдаетъ обмана
 И вѣрить избранной мечтѣ?
 За то ль, что любить безъ искусства,
 Послушная влеченью чувства,
 Что такъ довѣрчива она,
 Что отъ небесъ одарена
 Воображеніемъ мятежнымъ,
 Умомъ и волею живой,
 И своенравной головой,
 И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?

²³) Lasciate ogni speranza voi ch'entrate. Скромный авторъ перевелъ только первую половину славнаго стиха.

Ужели не простите ей
Вы легкомыслия страстей? *)

XXV.

Кокетка судить хладнокровно;
Татьяна любить не шутя,
И предается безусловно
Любви, какъ милое дитя.
Не говорить она: отложимъ —
Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
Вѣрнѣе въ сѣти заведемъ;
Сперва тщеславіе кольнемъ
Надеждой, тамъ недоумѣнемъ
Измучимъ сердце, а потомъ
Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
А то, скучая наслажденьемъ,
Невольникъ хитрый изъ оковъ
Всечасно вырваться готовъ.

*) Къ строфѣ XXIV:

О вы, которыя любили
Безъ позволенія родныхъ
И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ,
Для радостей, для нѣги сладкой —
Дѣвицы! если вамъ украдкой —
Случалось тайную печать
Съ письма любовнаго срывать,
Иль робко въ деревостныхъ руки
Завѣтный локонъ отдавать,
Иль даже молча доволять
Въ минуту горькую разлуки
Дрожащій подѣлуи любви,
Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови —

Не осуждайте безусловно
Татьяны вѣтреной моей;
Не повторяйте хладнокровно
Рѣшенія чопорныхъ судей.
А вы, о дѣвы безъ упрека!
Которыхъ даже рѣчь порока
Страшитъ сегодня какъ змія, —
Совѣтую вамъ то же я.
Кто знаетъ? пламенной тоскою
Сгорите, можетъ быть, и вы —
И завтра легкій судъ молвы
Припишетъ модному герою
Побѣды новой торжество:
Любви васъ ищетъ божество.

XXVI.

Еще предвижу затрудненье:
 Родной земли спасая честь,
 Я долженъ буду, безъ сомнѣнья,
 Письмо Татьяны перевести.
 Она по-русски плохо знала,
 Журналовъ нашихъ не читала
 И выражалася съ трудомъ
 На языкѣ своемъ родномъ,
 Итакъ писала по-французски...
 Что дѣлать! повторяю вновь:
 Донынѣ дамская любовь
 Не изъяснялася по-русски,
 Донынѣ гордый нашъ языкъ
 Къ почтовой прозѣ не привыкъ.

XXVII.

Я знаю: дамъ хотять заставить
 Читать по-русски. Право, страхъ!
 Могу ли ихъ себѣ представить
 Съ «Благонамѣреннымъ» въ рукахъ! ²⁴⁾
 Я плюсь на васъ, мои поэты!
 Не правда ль: милые предметы,
 Которымъ за свои грѣхи
 Писали втайнѣ вы стихи,
 Которымъ сердце посвящали,
 Не всѣ ли, русскимъ языкомъ
 Владѣя слабо и съ трудомъ,
 Его такъ мило искажали,
 И въ ихъ устахъ языкъ чужой
 Не обратился ли въ родной?

XXVIII.

Не дай мнѣ Богъ сойтись на балѣ
 Иль при разѣздѣ на крыльцѣ
 Съ семинаристомъ въ желтой шалѣ
 Иль съ академикомъ въ чепцѣ!

²⁴⁾ Журналъ, нѣкогда издаваемый покойнымъ А. Измайловымъ довольно неисправно. Издатель однажды печатно извинялся передъ публикою тѣмъ, что онъ на праздникахъ гулялъ.

Какъ усть румяныхъ безъ улыбки,
 Безъ грамматической ошибки
 Я русской рѣчи не люблю.
 Быть можетъ, на бѣду мою,
 Красавицъ новыхъ поколѣнье,
 Журналовъ внявъ молящій гласъ,
 Къ грамматикѣ приучить насъ;
 Стихи введутъ въ употребленье;
 Но я... какое дѣло мнѣ?
 Я вѣренъ буду старинѣ.

XXIX.

Неправильный, небрежный лепеть,
 Неточный выговоръ рѣчей
 Попржнему сердечный трепеть
 Произведутъ въ груди моей;
 Раскаяться во мнѣ нѣтъ силы,
 Мнѣ галицизмы будутъ милы,
 Какъ прошлой юности грѣхи,
 Какъ Богдановича стихи.
 Но полно. Мнѣ пора заняться
 Письмомъ красавицы моей;
 Я слово даль, и что жъ? ей-ей,
 Теперь готовъ ужъ отказаться.
 Я знаю: нѣжнаго Парни
 Перо не въ модѣ въ наши дни.

XXX.

Пѣвецъ «Пировъ» и грусти томной! ²⁵⁾
 Когда бъ еще ты былъ со мной,
 Я сталъ бы просьбою нескромной
 Тебя тревожить, милый мой,
 Чтобъ на волшебные напѣвы
 Переложилъ ты страстной дѣвы
 Иноплеменные слова.
 Гдѣ ты? Приди — свои права
 Передаю тебѣ съ поклономъ...
 Но посреди печальныхъ скалъ,
 Отвыкнувъ сердцемъ отъ похвалъ,
 Одинъ, подъ финскимъ небосклономъ,

²⁵⁾ Е. А. Баратынскій.

Онъ бродить, и душа его
Не слышитъ горя моего.

XXXI.

Письмо Татьяны предо мною,
Его я свято берегу,
Читаю съ тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушалъ и эту нѣжность,
И словъ любезную небрежность?
Кто ей внушалъ умилный вздоръ,
Безумный сердца разговоръ
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вотъ
Неполный, слабый переводъ,
Съ живой картины списокъ блѣдный,
Или разыгранный Фрейшицъ
Перстами робкихъ ученицъ.

Письмо Татьяны къ Онѣгину *).

«Я вамъ пишу — чего же болѣ?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, въ вашей волѣ
Меня презрѣньемъ наказать.
Но вы, къ моей несчастной долѣ
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотѣла;
Повѣрьте: моего стыда
Вы не узнали бъ никогда,
Когда бъ надежду я имѣла,
Хоть рѣдко, хоть въ недѣлю разъ,
Въ деревнѣ нашей видѣть васъ,
Чтобъ только слышать ваши рѣчи,

*) Кн. Вяземскій, въ статьѣ: Объ альманахахъ 1827 г. (Соч., II, 23), говоритъ по поводу этого письма: «Авторъ сказывалъ, что онъ долго не могъ рѣшиться, какъ заставить писать Татьяну безъ нарушенія женской личности и правдоподобія въ слогѣ: отъ страха сбиться на академическую оду, думалъ онъ написать письмо провою, думалъ даже написать его по-французски; но, наконецъ, счастливое вдохновеніе пришло кстати, и сердце женское запросто и свободно заговорило русскимъ языкомъ.»

Вамъ слово молвить, и потомъ
Все думать, думать объ одномъ
И день и ночь, до новой встрѣчи.
Но, говорить, вы нелюдимъ;
Въ глуши, въ деревнѣ, все вамъ скучно;
А мы... ничѣмъ мы не блестимъ,
Хоть вамъ и рады простодушно.

«Зачѣмъ вы посѣтили насъ?
Въ глуши забытаго селенья
Я никогда не знала бъ васъ,
Не знала бъ горькаго мученья.
Души неопытной волненья
Смиривъ современемъ (какъ знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы вѣрная супруга
И добродѣтельная мать.

«Другой!.. Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
То въ высшемъ суждено совѣтѣ...
То воля неба — я твоя;
Вся жизнь моя была залогомъ
Свиданья вѣрнаго съ тобой;
Я знаю, ты мнѣ посланъ Богомъ,
До гроба ты хранитель мой...
Ты въ сновидѣньяхъ мнѣ являлся;
Незримый, ты мнѣ былъ ужъ милъ,
Твой чудный взглядъ меня томилъ,
Въ душѣ твой голосъ раздавался
Давно... нѣтъ, это былъ не сонъ!
Ты чуть вошелъ, я вмигъ узнала,
Вся обомлѣла, запылала,
И въ мысляхъ молвила: вотъ онъ!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорилъ со мной въ тиши,
Когда я бѣднымъ помогала,
Или молитвой улаждала
Тоску волнуемой души?
И въ это самое мгновенье
Не ты ли, милое видѣнье,
Въ прозрачной темнотѣ мелькнулъ,

Принянуль тихо къ изголовью?
 Не ты ль съ отрадой и любовью,
 Слова надежды мнѣ шепнулъ?
 Кто ты: мой ангелъ ли хранитель,
 Или коварный искуситель?
 Мои сомнѣнья разрѣши.
 Быть можетъ, это все пустое,
 Обманъ неопытной души,
 И суждено совсѣмъ иное...
 Но такъ и быть! судьбу мою
 Отнынѣ я тебѣ вручаю,
 Передъ тобою слезы лью,
 Твоей защиты умоляю...
 Вообрази: я здѣсь одна,
 Никто меня не понимаетъ,
 Разсудокъ мой изнемогаетъ,
 И молча гибнуть я должна.
 Я жду тебя: единымъ взоромъ
 Надежды сердца оживи,
 Иль сонъ тяжелый перерви,
 Увы, заслуженнымъ укоромъ!

«Кончаю! страшно перечестъ..
 Стыдомъ и страхомъ замираю...
 Но мнѣ порукой ваща честь,
 И смѣло ей себя ввѣряю...» *)

XXXII.

Татьяна то вздохнетъ, то охнетъ;
 Письмо дрожить въ ея рукѣ;
 Облатка розовая сохнетъ
 На воспаленномъ языкѣ.
 Къ плечу головушкой склонилась,

*) Въ черновой рукописи письму Татьяны предшествуетъ программа: «Я знаю, что вы презираете... Я долго хотѣла молчать, я думала, что васъ увижу... Я ничего не хочу, я хочу васъ видѣть, — у меня нѣтъ никого, придите, вы должны быть то и то, если нѣтъ, — меня Богъ обманулъ... Я не перечитываю письма, и письмо не имѣетъ подписи, отгадайте кто... Далѣе слѣдуетъ часть самаго письма, отъ словъ: «Повѣрьте, я молчать хотѣла»; ватѣмъ опять фраза изъ программы: «Зачѣмъ я васъ увидѣла, но теперь ужъ повдно»... и продолженіе письма: «Зачѣмъ вы посѣтили насъ» и пр. Къ концу письма (обокъ) приписано:

Подумала: что скажутъ люди?
 И подписалась: Т. Л. [Твердо, Люди].

Сорочка легкая спустилась
 Съ ея прелестнаго плеча *).
 Но вотъ ужъ луннаго луча
 Сіянье гаснетъ. Тамъ долина
 Сквозь парь яснѣетъ. Тамъ потокъ
 Засеребрился; тамъ рожокъ
 Пастушій будить селянина.
 Вотъ утро; встали всѣ давно:
 Моей Татьянѣ все равно.

XXXIII.

Она зари не замѣчаетъ,
 Сидитъ съ поникшею главой,
 И на письмо не напираетъ
 Своей печати вырѣзной.
 Но, дверь тихонько отпирая,
 Ужъ ей Филиппевна сѣдая
 Приноситъ на подносѣ чай.
 — Пора, дитя мое, вставай!
 Да ты, красавица, готова!
 О, пташка ранняя моя!
 Вечоръ ужъ какъ боялась я!
 Да, слава Богу, ты здорова!
 Тоски ночной и слѣду нѣтъ!
 Лицо твое какъ маковъ цвѣтъ.

XXXIV.

«Ахъ! няня, сдѣлай одолженъе...»
 — Изволь, родная, прикажи.
 «Не думай... право... подозрѣнье...
 Но видишь... Ахъ! не откажи.»
 — Мой другъ, вотъ, Богъ тебѣ порука.
 «Итакъ, пошли тихонько внука
 Съ запиской этой къ О... къ тому...»

*) Такъ изображена Татьяна на картинкѣ, приложенной къ «Невскому Альманаху» на 1825 г. Эта картинка вызвала эпиграмму Пушкина, оканчивающуюся стихами:

Она сегодня рано встала,
 При блѣдныхъ мѣсяцѣ дучахъ,
 И . . . изорвала,
 Конечно, «Невскій Альманахъ».

Къ сосѣду... да велѣтъ ему,
 Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
 Чтобъ онъ не называлъ меня...»
 — Кому же, милая моя?
 Я нынѣ стала безтолкова.
 Кругомъ сосѣдей много есть:
 Куда мнѣ ихъ и перечесть.

XXXV.

«Какъ недогадлива ты, няня!»
 — Сердечный другъ, ужъ я стара,
 Стара; тупѣетъ разумъ, Таня;
 А то, бывало, я востра:
 Бывало, слово барской воли...
 «Ахъ, няня, няня! до того ли?
 Что нужды мнѣ въ твоємъ умѣ?
 Ты видишь, дѣло о письмѣ
 Къ Онѣгину.» — Ну, дѣло, дѣло.
 Не гнѣвайся, душа моя,
 Ты знаешь, непонятна я...
 Да что жъ ты снова поблѣднѣла?
 «Такъ, няня, право, ничего.
 Пошли же внука своего» *).

XXXVI.

Но день протекъ, и нѣтъ отвѣта.
 Другой насталь: все нѣтъ, какъ нѣтъ.
 Блѣдна какъ тѣнь, съ утра одѣта,
 Татьяна ждетъ: когда жъ отвѣтъ?

*) Къ строфѣ XXXV:

Теперь какъ сердце въ ней забилось!
 О, Боже! страхъ и стыдъ какой!
 Въ груди дыханіе стѣснилось...
 Что скажетъ онъ? О, Боже мой!..
 На мать она глядѣтъ не смѣетъ;
 То вся горитъ, то вся блѣднѣетъ;
 При ней потуша взоръ молчитъ
 И чуть не плачетъ и дрожитъ...
 Внукъ няининъ въ полдень воротился,
 Сосѣда видѣлъ, и ему
 Письмо вручилъ онъ самому.
 — Ну, что жъ сосѣдъ? «Верхомъ садился
 И положилъ письмо въ карманъ.»
 Татьяна, вотъ и весь романъ!

Пріѣхаль Ольгинъ обожатель.
 «Скажите: гдѣ же вашъ пріятель?»
 Ему вопросъ ховяйки былъ:
 «Онъ что-то насъ совсѣмъ забылъ.»
 Татьяна, вспыхнувъ, задрожала.
 — Сегодня быть онъ обѣщаль,
 Старушкѣ Ленскій отвѣчалъ:
 Да видно, почта задержала. —
 Татьяна потушила взоръ,
 Какъ будто слыша злой укоръ.

XXXVII.

Смеркалось; на столѣ, блистая,
 Шипѣлъ вечерній самоваръ,
 Китайскій чайникъ нагрѣвая;
 Подъ нимъ влубился легкій паръ.
 Разлитый Ольгиной рукою,
 По чашкамъ темною струею
 Уже душистый чай бѣжалъ,
 И сливки мальчикъ подавалъ;
 Татьяна предъ окномъ стояла,
 На стекла хладныя дыша,
 Задумавшись, моя душа,
 Прелестнымъ пальчикомъ писала
 На отуманенномъ стеклѣ
 Завѣтный вензель *O* да *E*.

XXXVIII.

И между тѣмъ душа въ ней ныла,
 И слезъ былъ полонъ томный взоръ.
 Вдругъ топотъ!.. кровь ея застыла.
 Вотъ ближе! скачуть... и на дворъ
 Евгений! «Ахъ!» и легче тѣни
 Татьяна прыгъ въ другія сѣни,
 Съ крыльца на дворъ, и прямо въ садъ;
 Летить, летить; взглянуть назадъ
 Не смѣетъ; мигомъ обѣжала
 Куртины, мостики, лужокъ,
 Аллею къ озеру, лѣсокъ,
 Кусты сирень переломала,
 По цвѣтникамъ летя къ ручью,
 И задыхаясь, на скамью

XXXIX.

Упала...

«Здѣсь онъ! здѣсь Евгений!

О Боже! что подумалъ онъ!»
 Въ ней сердце, полное мученій,
 Хранить надежды темный сонъ;
 Она дрожить и жаромъ пышетъ,
 И ждетъ, нейдетъ ли? Но не слышитъ.
 Въ саду служанки, на грядкахъ,
 Сбирали ягоды въ кустахъ
 И хоромъ по наказу пѣли
 (Наказъ, основанный на томъ,
 Чтобъ барской ягоды тайкомъ
 Уста лукавыя не ѣли,
 И пѣньемъ были заняты:
 Затѣя сельской остроты!..)

Пѣсня дѣвушекъ *).

«Дѣвицы-красавицы,
 Душеньки-подруженьки,
 Разыграйтесь, дѣвицы,
 Разгуляйтесь, милыя!
 Затяните пѣсенку,
 Пѣсенку завѣтную,
 Заманите молодца
 Къ хороводу нашему.

*) Первоначально была написана совершенно другая пѣсня:

Вышла Дуня на дорогу,
 Не молившись Богу.
 Дуня плачетъ, завываетъ,
 Друга провожаетъ.
 Другъ поѣхалъ на чужбину,
 Въ дальнюю сторонку.
 Охъ, ужъ эта мнѣ чужбина,
 Горькая кручина!
 На чужбинѣ молодежи,
 Красныя дѣвицы;
 Осталася я, младая,
 Горькою вдовицей.
 Вспомяни меня младую,
 Иль я приревную,
 Вспомяни меня заочно,
 Хоть и не нарочно.

Потомъ Пушкинъ написалъ на той же страницѣ пѣсню: «Дѣвицы-красавицы», которая и вошла въ печатный текстъ III главы.

Какъ заманимъ молодца,
 Какъ завидимъ издали,
 Разбѣжимтесь, милыя,
 Закидаемъ вишеньемъ,
 Вишеньемъ, малиною,
 Красною смородиной.
 Не ходи подслушивать
 Пѣсенки завѣтныя,
 Не ходи подсматривать
 Игры наши дѣвичьи.»

XL.

Онѣ поютъ, и съ небреженьемъ
 Внимая звонкій голосъ ихъ,
 Ждала Татьяна съ нетерпѣньемъ,
 Чтобъ трепеть сердца въ ней затихъ,
 Чтобы прошло ланить пыланье;
 Но въ персяхъ то же трепетанье,
 И не проходитъ жаръ ланить,
 Но ярче, ярче лишь горить.
 Такъ бѣдный мотылекъ и блещеть,
 И бьется радужнымъ крыломъ,
 Плѣненный школьнымъ шалуномъ;
 Такъ зайчикъ въ озими трепещеть,
 Увидя вдругъ издалека
 Въ кусты принадлегаго стрѣлка.

XLI.

Но наконецъ она вздохнула
 И встала со скамьи своей;
 Пошла, но только повернула
 Въ аллею — прямо передъ ней,
 Блестая взорами, Евгенийъ
 Стоитъ, подобно грозной тѣни,
 И какъ огнемъ обожжена,
 Остановилася она.
 Но слѣдствія неожиданной встрѣчи
 Сегодня, милые друзья,
 Пересказать не въ силахъ я;
 Мнѣ должно послѣ долгой рѣчи
 И погулять, и отдохнуть:
 Дожончу послѣ какъ-нибудь.

2 октября 1824.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ²⁶⁾.

La morale est dans la nature des choses.
Necker.

I. II. III. IV. V. VI.

.....
.....*)).

VII.

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ больше нравимся мы ей
И тѣмъ ее вѣрнѣе губимъ

²⁶⁾ Четвертая и пятая главы вышли въ свѣтъ съ посвященіемъ П. А. Плетневу: «Не мысля гордый свѣтъ забавить» и пр. [См. II, 56.]

*) Откинутое Пушкинымъ начало главы:

I.

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ,
Душа лишь только разгоралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣя чувствами, умомъ,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я таялъ въ тишинѣ;
Ея любовь казалась мнѣ
Недостигаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ —
Иного я желать не могъ.

II.

То вдругъ ее я ненавидѣлъ,
И трепеталъ, и слезы лилъ,
Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
Совданье злобныхъ, тайныхъ силъ;
Ея пронзительные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры,
Все было въ ней отравлено,
Иамъной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стопа,
Питалось кровію моею...
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ мольбой Пигмаліона
Еще холодный и нѣмой,
Но вскорѣ жаркій и живой.

III.

Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено:

Средь обольстительныхъ сѣтей,
 Развратъ, бывало, хладнокровный
 Наукой славился любовной,
 Самъ о себѣ вездѣ трубя
 И наслаждаясь не любя.
 Но эта важная забава
 Достойна старыхъ обезьянъ
 Хваленыхъ дѣдовскихъ времянь:
 Ловласовъ обветшала слава

Темира, Дафна и Лилета —
 Какъ сонъ, забыты мной давно;
 Но есть одна межъ ихъ тошпоку...
 Я долго былъ плѣненъ одною...
 Но была ли я любимъ, и къмъ,
 И гдѣ, и долго ли?.. Зачѣмъ
 Вамъ это знать? Не въ этомъ дѣло!
 Что было, то прошло, то вздоръ;
 А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
 Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
 Закрылось для любви оно,
 И все въ немъ пусто и темно.

IV.

Довнался я, что дамы сами,
 Душевной тайнѣ измѣня,
 Не могутъ удивиться нами,
 Себя по совѣсти цѣня.
 Восторги наши своенравны
 Имъ очень кажутся забавны;
 И, право, съ нашей стороны
 Мы непростительно смѣшны.
 Закабалаясь неосторожно,
 Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
 Любовь въ безуміи зовемъ,
 Какъ будто требовать возможно
 Отъ мотыльковъ или отъ лилей
 И чувствъ глубокихъ, и страстей!

Къ этой же строфѣ относится еще слѣдующій набросокъ:

Смѣшонъ, конечно, важный модникъ,
 Систематическій Фобласть,
 Красавицъ записной угодникъ,
 Хоть подѣломъ онъ мучить васъ;
 Но жалокъ тотъ, кто безъ искусства
 Души возвышенныя чувства,
 Прелестной вѣруя мечтѣ,
 Приносить въ жертву красотѣ .
 И, расточивъ неосторожно,
 Любви себѣ въ награду ждетъ,
 Объятій требуетъ, зоветъ,
 Какъ будто требовать возможно, и пр.

Со славой красныхъ каблучковъ
И величавыхъ париковъ *).

VIII.

Кому не скучно лицемѣрить,
Различно повторять одно,
Стараться важно въ томъ увѣрить,
Въ чемъ всѣ увѣрены давно;
Все тѣ же слышать возраженья,
Уничтожать предраасужденья,
Которыхъ не было и нѣтъ
У дѣвочки въ тринадцать лѣтъ!
Кого не утомятъ угрозы,
Моленья, клятвы, мнимый страхъ,
Записки на шести листахъ,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры тетокъ, матерей,
И дружба тяжкая мужей!

IX.

Такъ точно думалъ мой Евгеній.
Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблужденій
И необузданныхъ страстей.
Привычкой жизни избалованъ,
Однимъ на время очарованъ,
Разочарованный другимъ,
Желаньемъ медленно томимъ,
Томимъ и вѣтреннымъ успѣхомъ,
Внимая въ шумѣ и въ тиши
Роптанье вѣчное души,
Зѣвоту подавляя смѣхомъ:
Вотъ какъ убилъ отъ восемь лѣтъ,
Утрата жизни лучшій цвѣтъ.

X.

Въ красавицъ онъ ужъ не влюблялся,
А волочился какъ нибудь;
Откажутъ — мигомъ утѣшался;

*) Ср. письмо Пушкина къ брату, т. VII, стр. 44.

Измѣнять — радъ былъ отдохнуть.
 Онъ ихъ искалъ безъ упоенья,
 А оставлялъ безъ сожалѣнья,
 Чуть помня ихъ любовь и злость.
 Такъ точно равнодушный гость
 На вистъ вечерній прїѣзжаетъ,
 Садится; кончилась игра:
 Онъ уѣзжаетъ со двора,
 Спокойно дома засыпаетъ,
 И самъ не знаетъ поутру,
 Куда поѣдетъ ввечеру.

XI.

Но, получивъ посланье Тани,
 Овѣгинъ живо тронуть былъ:
 Языкъ дѣвическихъ мечтаній
 Въ немъ думы роемъ возмутить;
 И вспомнилъ онъ Татьяны милой
 И блѣдный цвѣтъ, и видъ унылый;
 И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
 Душою погрузился онъ.
 Быть можетъ, чувствій пылъ старинный
 Имъ на минуту овладѣлъ;
 Но обмануть онъ не хотѣлъ
 Довѣрчивость души невинной.
 Теперь мы въ садъ перелетимъ,
 Гдѣ встрѣтилась Татьяна съ нимъ.

XII.

Минуты двѣ они молчали,
 Но къ ней Овѣгинъ подошелъ
 И молвилъ: «Вы ко мнѣ писали,
 Не отпирайтесь. Я прочелъ
 Души довѣрчивой признанья,
 Любви невинной изліянья;
 Мнѣ ваша искренность мила;
 Она въ волненье привела
 Давно умолкнувшія чувства;
 Но васъ хвалить я не хочу;
 Я за нее вамъ отплачу
 Признаньемъ также безъ искусства;

Примите исповѣдь мою:
Себя на судъ вамъ отдаю. *)

XIII.

«Когда бы жизнь домашнимъ кругомъ
Я ограничить захотѣлъ;
Когда бь мнѣ быть отцомъ, супругомъ
Пріятный жребій повелѣлъ;
Когда бь семейственной картиной
Плѣнился я хоть мигъ единый:
То вѣрно бь кромѣ васъ одной
Невѣсты не искалъ иной.
Скажу безъ блескокъ мадригальныхъ:
Нашедь мой прежній идеаль,
Я вѣрно бь васъ одну избралъ
Въ подруги дней моихъ печальныхъ,
Всего прекраснаго въ залогъ,
Я былъ бы счастливъ... сколько могъ!

*) Въ одной изъ черновыхъ тетрадей Пушкина первыя девять строфъ этой главы перечислены въ такомъ видѣ:

1.

Въ началѣ жизни, etc.

2.

Словами юнаго поэта...

3.

Чѣмъ меньше etc.

4.

Ахъ, дамы! Скучно лицемѣрить...

5.

Такъ точно думалъ мой Евгений...

6.

Онъ твердо зналъ, что вы же сами...

7.

Безъ упоенья, по привычкѣ, etc.

8.]

Но, получивъ посланье Тани...

9.

Минуты двѣ etc.

XIV.

«Но я не созданъ для блаженства:
 Ему чужда душа моя;
 Напрасны ваши совершенства:
 Ихъ вовсе не достоинъ я.
 Повѣрьте (совѣсть въ томъ порукой),
 Супружество намъ будетъ мукой.
 Я, сколько ни любилъ бы васъ,
 Привыкнувъ, разлюблю тотчасъ;
 Начнете плакать — ваши слезы
 Не тронуть сердца моего,
 А будутъ лишь бѣсить его.
 Судите жъ вы, какія розы
 Намъ заготовить Гименей
 И, можетъ быть, на много дней!

XV.

«Что можетъ быть на свѣтѣ хуже
 Семьи, гдѣ бѣдная жена
 Груститъ о недостойномъ мужѣ,
 И днемъ, и вечеромъ одна;
 Гдѣ скучный мужъ, ей цѣну зная
 (Судьбу однакожъ проклиная),
 Всегда нахмуренъ, молчаливъ,
 Сердитъ и холодно-ревнивъ!
 Таковъ я. И того ль искали
 Вы чистой, пламенной душой,
 Когда съ такою простотой,
 Съ такимъ умомъ ко мнѣ писали?
 Ужели жребій вамъ такой
 Назначенъ строгою судьбой?»

XVI.

«Мечтамъ и годамъ нѣтъ возврата;
 Не обновлю души моей...

*) Объясненію Онѣгина предшествуетъ въ рукописи слѣдующая программа:
 «Когда бъ я думалъ о бракѣ, когда бы мирная семейная жизнь правилась мо-
 ему воображенію, то я бы васъ выбралъ — никого другого... я бы въ васъ на-
 шелъ... но я не созданъ для блаженства etc. (не достоинъ)... мнѣ ли соединить
 мою судьбу съ вашей?... Вы меня избрали; вѣроятно, я — первая ваша разсѣя, —
 но увѣрены ли... Позвольте вамъ совѣтъ дать.»

Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжнѣй.
Послушайте жь меня безъ гнѣва:
Смѣнить не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты;
Такъ деревцо свои листы
Мѣняетъ съ каждою весною.
Такъ, видно, небомъ суждено.
Полюбите вы снова, но...
Учитесь властвовать собою,
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ;
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ.»

XVII.

Такъ проповѣдывалъ Евгенийъ.
Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій,
Татьяна слушала его.
Онъ подалъ руку ей. Печально
(Какъ говорится, машинально)
Татьяна молча оперлась;
Головкой томною склонясь,
Пошла домой вокругъ огорода;
Явились вмѣстѣ, и никто
Не вздумалъ имъ пѣнять на то:
Имѣть сельская свобода
Свои счастливыя права,
Какъ и надменная Москва *).

*) Къ строфѣ XVII:

Но ты, губернія Псковская.	
Теплица юныхъ дней моихъ!	
Что можетъ быть, страва святая,	
Несноснѣй барышень твоихъ,	
Пласивыхъ, скучныхъ, своенравныхъ!..	} Вар: Межъ ними нѣтъ, замѣчу кстати, } Ни тонкой вѣжливости знати, } Ни милой вѣтренности шляхъ,
Какъ разговоръ ихъ пусть и сухъ,	
Какъ мысли пошлы, стародавны,	
Но, уважая русскій духъ,	
Простижь бы имъ ихъ сплетни, чванство,	
Фамильныхъ шутокъ остроту,	
Пороки зубъ, нечистоту,	
И неопрятность, и жеманство —	
Но какъ простить имъ модный бредъ	
И неуклюжій этикетъ?	

XVIII.

Вы согласитесь, мой читатель,
 Что очень мило поступилъ
 Съ печальной Таней нашъ пріятель;
 Не въ первый разъ онъ тутъ явилъ
 Души прямое благородство,
 Хотя людей недоброхотство
 Въ немъ не щадило ничего.
 Враги его, друзья его
 (Что, можетъ быть, одно и то же),
 Его честили такъ и сякъ.
 Враговъ имѣетъ въ мірѣ всякъ,
 Но отъ друзей спаси насъ, Боже!
 Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!
 О нихъ недаромъ вспомнилъ я.

XIX.

А что? Да такъ. Я усыпляю
 Пустыя, черныя мечты;
 Я только въ скобкахъ замѣчаю,
 Что нѣтъ презрѣнной клеветы,
 На чердакѣ вралемъ рожденной
 И свѣтской чернью ободренной,
 Что нѣтъ нелѣпицы такой,
 Ни эпиграммы площадной,
 Которой бы вашъ другъ съ улыбкой,
 Въ кругу порядочныхъ людей,
 Безъ всякой злобы и затѣй,
 Не повторилъ стократъ ошибкой;
 А впрочемъ, онъ за васъ горой:
 Онъ васъ такъ любить... какъ родной!

XX.

Гм! гм! Читатель благородный,
 Здорова ль ваша вся родня?
 Позвольте: можетъ быть, угодно
 Теперъ узнать вамъ отъ меня,
 Что значать именно родные.
 Родные люди вотъ какіе:
 Мы ихъ обязаны ласкать,
 Любить, душевно уважать,

И, по обычаю народа,
 О Рождествѣ ихъ навѣщать,
 Или по почтѣ поздравлять,
 Чтобъ остальное время года
 Не думали о насъ они...
 Итакъ, дай Богъ имъ долги дни!

XXI.

За то любовь красавицъ вѣжныхъ
 Надежнѣй дружбы и родства:
 Надъ нею и средь буръ мятежныхъ
 Вы сохраняете права.
 Конечно такъ. Но вихорь моды,
 Но своенравіе природы,
 Но мнѣнья свѣтскаго потокъ...
 А милый полъ, какъ пухъ, легокъ.
 Къ тому жъ и мнѣнія супруга
 Для добродѣтельной жены
 Всегда почтенны быть должны;
 Такъ наша вѣрная подруга
 Бываетъ вмигъ увлечена:
 Любовью шутить сатана.

XXII.

Кого жъ любить? Кому же вѣрить?
 Кто не измѣнитъ намъ одинъ?
 Кто всѣ дѣла, всѣ рѣки мѣритъ
 Услужливо на нашъ аршинъ?
 Кто клеветы про насъ не сѣетъ?
 Кто насъ заботливо лелѣетъ?
 Кому порокъ нашъ не бѣда?
 Кто не наскучитъ никогда?
 Призрака суетный искатель,
 Трудовъ напрасно не губя,
 Любите самого себя,
 Достопочтенный мой читатель!
 Предметъ достойный: ничего
 Любезнѣй вѣрно нѣтъ его.

XXIII.

Что было слѣдствіемъ свиданья?
 Увы, не трудно угадать!

Люби безумныя страданья
 Не перестали волновать
 Младой души, печали жадной;
 Нѣтъ, пуще страстью безотрадной
 Татьяна бѣдная горить;
 Ея постели сонъ бѣжить;
 Здоровье, жизни цвѣтъ и сладость,
 Улыбка, дѣвственный покой,
 Пропало все, что звукъ пустой,
 И меркнетъ милой Тани младость:
 Такъ одѣваетъ бури тѣнь
 Едва рождающійся день *).

XXIV.

Увы, Татьяна увядаетъ;
 Блѣднѣетъ, гаснетъ — и молчить!
 Ничто ея не занимаетъ,
 Ея души не шевелить.
 Качая важно головою,
 Сосѣди шепчутъ межъ собою:
 Пора, пора бы замужъ ей!..
 Но полно. Надо мнѣ скорѣй
 Развеселить воображенье
 Картиной счастливой любви.
 Невольно, милые мои
 Меня стѣсняетъ сожалѣнье;
 Простите мнѣ: я такъ люблю
 Татьяну милую мою!

XXV.

Часъ отъ часу плѣненный болѣ
 Красами Ольги молодой,
 Владиміръ сладостной неволѣ
 Предался полною душой.
 Онъ вѣчно съ ней. Въ ея покоѣ
 Они сидятъ въ потемкахъ двое;
 Они въ саду, рука съ рукой,
 Гуляютъ утренней порой;
 И что жъ? Любовью упоенный,

*) Послѣ этой строфы въ рукописи отмѣчено: 31 дек. 1824 — 1 ген. 1825.

Въ смятенъѣ нѣжнаго стыда,
Онъ только смѣетъ иногда,
Улыбкой Ольги ободренный,
Развитымъ локономъ играть,
Иль край одежды цѣловать.

XXVI.

Онъ иногда читаетъ Олѣ
Правоучительный романъ,
Въ которомъ авторъ знаетъ болѣ
Природу, чѣмъ Шатобріанъ;
А между тѣмъ двѣ, три страницы
(Пустыя бредни, небылицы,
Опасныя для сердца дѣвъ)
Онъ пропускаетъ, покраснѣвъ.
Уединясь отъ всѣхъ далеко,
Они надъ шахматной доской,
На столъ облокотясь, порой
Сидятъ, задумавшись глубоко,
И Ленскій пѣшкой ладью
Беретъ въ разсѣяньѣ свою.

XXVII.

Поѣдетъ ли домой,— и дома
Онъ занять Ольгою своей.
Летучіе листки альбома
Прилежно украшаетъ ей:
То въ нихъ рисуетъ сельски виды,
Надгробный камень, храмъ Киприды,
Или на лирѣ голубка,
Перомъ и красками слегка;
То на листкахъ воспоминанья.
Пониже подписи другихъ,
Онъ оставляетъ нѣжный стихъ,
Безмолвный памятникъ мечтанья,
Мгновенной думы легкой слѣдъ,
Все тотъ же послѣ многихъ лѣтъ.

XXVIII.

Конечно, вы не разъ видали
Уѣздной барышни альбомъ,
Что всѣ подружки измарали

Съ конца, съ начала и кругомъ.
 Сюда, на зло правописанью,
 Стихи безъ мѣры, по преданью,
 Въ знакъ дружбы вѣрной внесены,
 Уменьшены, продолжены.
 На первомъ листикѣ встрѣчаешь:
 Qu'écritez-vous sur ces tablettes?
 И подпись: t. à v. Annette;
 А на послѣднемъ прочитаешь:
 «Кто любить болѣе тебя,
 Пусть пишетъ далѣе меня.»

XXIX.

Тутъ непремѣнно вы найдете
 Два сердца, факель и цвѣтки;
 Тутъ вѣрно клятвы вы прочтете
 Въ любви до гробовой доски;
 Какой нибудь пѣить армейскій
 Тутъ подмахнулъ стишокъ злодѣйскій.
 Въ такой альбомъ, мои друзья,
 Признаться, радъ писать и я,
 Увѣренъ будучи душою,
 Что всякій мой усердный вздоръ
 Заслужить благосклонный взоръ,
 И что потомъ съ улыбкой злою
 Не стануть важно разбирать,
 Остро иль нѣтъ я могъ соврать.

XXX.

Но вы, разрозненные томы
 Изъ библіотеки чертей,
 Великолѣпные альбомы,
 Мученье модныхъ приемачей,
 Вы, украшенные проворно
 Толстого кистью чудотворной,
 Иль Баратынскаго перомъ,—
 Пускай сожжетъ васъ Божій громъ!
 Когда блистательная дама
 Мнѣ свой in-quarto подаетъ,—
 И дрожь, и злость меня беретъ,
 И шевелится эпитаграмма

Во глубинѣ моей души, —
А мадригалы имъ пиши!

XXXI.

Не мадригалы Ленскій пишетъ
Въ альбомѣ Ольги молодой;
Его перо любовью дышетъ,
Не хладно блещетъ остротой;
Что ни замѣтитъ, ни услышитъ
Объ Ольгѣ, онъ про то и пишетъ:
И полны истины живой
Текутъ элегіи рѣкой.
Такъ ты, Языковъ вдохновенный,
Въ порывахъ сердца своего
Поешь, Богъ вѣдаетъ кого,
И сводъ элегій драгоцѣнный
Представитъ нѣкогда тебѣ
Всю повѣсть о твоей судьбѣ.

XXXII.

Но тише! Слышишь? Критикъ строгій
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегіи вѣнокъ убогій,
И нашей братьѣ риемачамъ
Кричить: «да перестаньте плакать,
И все одно и то же квакать,
Жалѣть о прежнемъ, о быломъ:
Довольно — пойте о другомъ!»
— Ты правъ, и вѣрно намъ укажешь
Трубу, личину и кинжалъ,
И мыслей мертвый капиталъ
Отвсюду воскресить прикажешь.
Не такъ ли, другъ? — Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
Какъ было встарь заведено...»
— Однѣ торжественныя оды!
И, полно, другъ; не все ль равно?
Припомни, что сказаль сатирикъ!
Чужого толка хитрый лирикъ

Ужели для тебя сносишь
 Унылыхъ нашихъ риемачей? —
 «Но все въ элегіи ничтожно;
 Пустая цѣль ея жалка;
 Межь тѣмъ цѣль оды висока
 И благородна...» Тутъ бы можно
 Пospорить намъ, но я молчу:
 Два вѣка ссорить не хочу *).

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
 Въ волненьѣ бурныхъ думъ своихъ,
 Владиміръ и писалъ бы оды,
 Да Ольга не читала ихъ.
 Случалось ли поэтамъ слезнымъ
 Читать въ глаза своимъ любезнымъ
 Свои творенья! Говорятъ,
 Что въ мірѣ выше нѣтъ награды.
 И впрямь, блаженъ любовникъ скромный,
 Читающій мечты свои
 Предмету пѣсенъ и любви,
 Красавицѣ пріятно-томной!
 Блаженъ... хоть, можетъ быть, она
 Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
 И гармоническихъ затѣй
 Читаю только старой нянѣ,
 Подругѣ юности моей;
 Да послѣ скучнаго обѣда
 Ко мнѣ забредшаго собесѣда,
 Поймавъ нежданно за полу,
 Душу трагедіей въ углу **),

*) Пушкинъ имѣеть въ виду статью Кюхельбекера: «О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе» (Мнемозина 1824 г., ч. IV), въ которой осуждались элегіи вообще и элегіи Пушкина въ особенности, какъ мелочной родъ поэзіи, не выдерживающій сравненія съ пареніемъ оды. Мѣрикомъ художественнаго достоинства обоихъ родовъ Кюхельбекеръ считалъ восторгъ, и выводилъ заключеніе, что въ одѣ гораздо больше поэзіи, чѣмъ въ элегіи. Эти слова вызвали замѣтку Пушкина: «О вдохновеніи и восторгѣ» (V, 21). По поводу стиха: «Два вѣка ссорить не хочу» см. V, 127.

**) Пушкинъ читалъ Бориса Годунова А. Н. Вульфу.

Или (но это кромѣ шутокъ),
Тоской и риемами томимъ,
Бродя надъ озеромъ моимъ,
Пугаю стадо дикихъ утокъ:
Внявъ пѣнью сладковучныхъ строфъ,
Онѣ слетаютъ съ береговъ

XXXVI *). XXXVII.

А что жъ Онѣгинъ? Кстати, братья!
Терпѣнья вашего прошу:
Его вседневныя занятя
Я вамъ подробно опишу.
Онѣгинъ жилъ анахоретомъ;
Въ седьмомъ часу вставалъ онъ лѣтомъ
И отправлялся налегкѣ
Къ бѣгущей подъ горой рѣкѣ;
Пѣвцу Гюльнарѣ подражая,
Сей Геллеспонтъ переплывалъ.
Потомъ свой кофе выпивалъ,
Плохой журналъ перебирая,
И одѣвался... **)

XXXVIII ***). XXXIX.

Прогулки, чтенье, сонъ глубокий,
Лѣсная тѣнь, журчанье струй,

*) Эта строфа была напечатана въ первомъ изданіи:

Ужъ ихъ далече взоръ мой ищетъ...
А лѣсомъ кравшійся стрѣлокъ
Позвію влянетъ и свищетъ,
Спуская бережно курокъ.
У всякаго своя охота,
Своя любимая забота:
Кто цѣлитъ въ утокъ изъ ружья,
Кто бредитъ риемами, какъ я,
Кто бьетъ хлопнушкой мухъ нахальныхъ,
Кто правитъ въ замыслахъ толпой,
Кто забавляется войной,
Кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ,
Кто занимается виномъ:
И благо смѣшано со зломъ.

**) ...только врядъ
Носили вы такой нарядъ.

***) Строфа XXXVIII:

Носилъ онъ русскую рубашку,
Платокъ шелковый кушакомъ.
Армякъ татарскій на распашку

Порой бѣлянки черноокой
 Младой и свѣжій поцѣлуй,
 Уздѣ послушный конь ретивый,
 Обѣдъ довольно прихотливый,
 Бутылка свѣтлаго вина,
 Уединенье, тишина:
 Вотъ жизнь Онѣгина святая;
 И нечувствительно онъ ей
 Предался, красныхъ лѣтнихъ дней
 Въ безпечной нѣгѣ не считая,
 Забывъ и городъ, и друзей,
 И скуку правдничныхъ затѣй.

XL.

Но наше сѣверное лѣто,
 Карикатура южныхъ зимъ,
 Мелькнетъ и нѣтъ: извѣстно это.
 Хоть мы признаться не хотимъ*).
 Ужъ небо осенью дышало,
 Ужъ рѣже солнышко блистало,

И шапку съ бѣлымъ козырькомъ;
 И только. Симъ уборомъ чуднымъ,
 Безнравственнымъ и безразсуднымъ,
 Была весьма огорчена
 Его сосѣдка Дурина,
 А съ ней Мизинчиковъ.—Евгеній
 Быть можетъ, толки презиралъ,
 Быть можетъ, и про нихъ не зналъ,
 Но всѣхъ своихъ обыкновеній
 Не измѣнялъ въ угоду имъ;
 За то былъ ближнимъ нестерпимъ.

*) Послѣ этихъ стиховъ въ черновой рукописи слѣдуетъ:

Мы точно пасынки природы:
 Питомцы вѣчные зимы,
 Съ зимою только дружны мы.
 Не шумъ дубравъ, не тѣнь, не розы,—
 Снѣга, трескучіе морозы,
 Мятель, свинцовый сводъ небесъ,
 Безлиственный, серебряный лѣсъ,
 Пустыни ярко-снѣговья,
 Гдѣ свищутъ подрѣвы саней
 По слѣду ухорскихъ коней,
 средь ночей,
 Кибитки, пѣсни удалыя,—
 Вотъ наша область, наша слава!
 А дома....
 Двойныя стекла, банный паръ,
 Халатъ, лежанка и угарь.

Короче становился день;
 Лѣсовъ таинственная сѣнь
 Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
 Ложился на поля туманъ;
 Гусей крикливыхъ караванъ
 Тянулся къ югу: приближалась
 Довольно скучная пора;
 Стоялъ ноябрь ужъ у двора.

XLI.

Встаетъ заря во мглѣ холодной;
 На нивахъ шумъ работъ умолкъ;
 Съ своей волчихою голодной
 Выходить на дорогу волкъ;
 Его почуя, конь дорожный
 Храпять — и путникъ осторожный
 Несется въ гору во весь духъ;
 На утренней зарѣ пастухъ
 Не гонить ужъ коровъ изъ хлѣва,
 И въ часъ полуденный въ кружокъ
 Ихъ не зоветъ его рожокъ;
 Въ избушкѣ распѣвая, дѣва ²⁷⁾
 Прядетъ и, зимнихъ другъ ночей,
 Трещитъ лучинка передъ ней.

XLII.

И вотъ уже трещать морозы
 И серебрятся средь полей...
 (Читатель ждетъ ужъ риемы — ровы:
 На, вотъ, возьми ее скорѣй!)
 Опрятнѣй моднаго паркета,
 Блистаеть рѣчка, льдомъ одѣта;
 Мальчишекъ радостный народъ
 Коньками звучно рѣжетъ ледъ; ²⁸⁾
 На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
 Задумавъ плыть по лону водъ,
 Ступаетъ бережно на ледъ,

²⁷⁾ Въ журналахъ удивлялись, какъ можно было назвать дѣвою простую крестьянку, между тѣмъ какъ благородныя барышни, немного ниже, названы дѣвчонками! [Ср. V, 127].

²⁸⁾ «Это значитъ», замѣчаетъ одинъ изъ нашихъ критиковъ: «что мальчишки катаются на конькахъ.» Справедливо.

Скользить и падаетъ; веселый
Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучаетъ взору
Однообразной наготой *).
Скакать верхомъ въ степи суровой?
Но конь, притушенной подковой
Невѣрный зацѣпляя ледъ,
Того и жди, что упадетъ.
Сиди подъ кровлею пустынной
Читай: вотъ Прадтъ, вотъ Walter Scott!
Не хочешь? Повѣряй расходъ,
Сердись, иль пей, и вечеръ длинный
Кой-какъ пройдетъ, и завтра то жъ,
И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онѣгинъ Чильдъ-Гарольдомъ
Вдался въ задумчивую лѣнь:
Со сна садится въ ванну со льдомъ,
И послѣ, дома цѣлый день,
Одинъ, въ расчеты погруженный,
Тупымъ кіемъ вооруженный,
Онъ на бильярдѣ въ два шара
Играетъ съ самаго утра;
Настанетъ вечеръ деревенскій,
Бильярдъ оставленъ, кій забытъ,
Передъ каминомъ столъ накрытъ,
Евгеній ждетъ: вотъ ѣдетъ Ленскій
На тройкѣ чалыхъ лошадей;
Давай обѣдать поскорѣй!

XLV.

Вдовы Клико или Мозта
Благословенное вино

*) Въ глуши что дѣлать въ это время?
Гулять? Но голы всѣ мѣста,
Какъ лысое Сатурна темя
Иль крѣпостная нищета.

Въ бутылкѣ мерзлой для поэта
 На столъ тотчасъ принесено.
 Оно сверкаетъ Ипокреной ²⁹);
 Оно своей игрой и пѣной
 (Подобіемъ того-сего)
 Меня плѣняло: за него
 Послѣдній бѣдный лептъ, бывало,
 Давалъ я, помните ль, друзья:
 Его волшебная струя
 Рождала глупостей не мало;
 А сколько шутокъ, и стиховъ,
 И споровъ, и веселыхъ сновъ!

XLVI.

Но измѣняетъ пѣной шумной
 Оно желудку моему,
 И я бордо благоразумный
 Ужъ нынче предпочелъ ему.
 Къ аи я больше неспособенъ;
 Аи любовницѣ подобенъ
 Блестящей, вѣтренной, живой,
 И своенравной, и пустой...
 Но ты, бордо, подобенъ другу,
 Который въ горѣ и въ бѣдѣ,
 Товарищъ навсегда, вездѣ,
 Готовъ намъ оказать услугу,
 Иль тихій раздѣлить досугъ.
 Да здравствуетъ бордо, нашъ другъ!

XLVII.

Огонь потухъ; едва золою
 Подернуть уголь золотой;
 Едва замѣтною струею
 Виется паръ, и теплотой
 Каминъ чуть дышетъ. Дымъ изъ трубокъ

²⁹⁾ Въ лѣта красныя мои
 Поэтический акъ
 Нравился мнѣ пѣной шумной,
 Симвъ подобіемъ любви
 Или юности безумной, и проч.

(Послание къ Л. П.).

Въ трубу уходить. Свѣтлый кубокъ
 Еще шипитъ среди стола.
 Вечерняя находить мгла...
 (Люблю я дружескія враки
 И дружескій бокаль вина
 Порою той, что названа
 Пора межъ волка и собаки,
 А почему, не вижу я).
 Теперь бесѣдуютъ друзья:

XLVIII.

«Ну, что сосѣдки? Что Татьяна?
 Что Ольга рѣзвая твоя?»
 — Налей еще мнѣ полстакана...
 Довольно, милый... Вся семья
 Здорова; кланяется велѣли.
 Ахъ, милый, какъ похорошѣли
 У Ольги плечи, что за грудь!
 Что за душа!.. Когда нибудь
 Заѣдемъ къ нимъ; ты ихъ обяжешь;
 А то, мой другъ, суди ты самъ:
 Два раза заглянулъ, а тамъ
 Ужъ къ нимъ и носу не покажешь.
 Да вотъ... какой же я болванъ!
 Ты къ нимъ на той недѣлѣ званъ.

XLIX.

«Я?» — Да, Татьяны именины
 Въ субботу. Оленька и мать
 Велѣли звать, и нѣтъ причины
 Тебѣ на зовъ не прѣзжать.
 «Но куча будетъ тамъ народу
 И всякаго такого сброду...»
 — И, никого, увѣренъ я!
 Кто будетъ тамъ? своя семья.
 Поѣдемъ, сдѣлай одолженъе!
 Ну, что жъ? «Согласенъ.» — Какъ ты милъ! —
 При сихъ словахъ онъ осушилъ
 Стаканъ, сосѣдкѣ приношенъе,
 Потомъ разговорился вновь
 Про Ольгу: такова любовь!

I.

Онъ весель былъ. Чрезъ двѣ недѣли
 Назначенъ былъ счастливый срокъ.
 И тайна брачныя постели,
 И сладостной любви вѣнокъ
 Его восторговъ ожидали.
 Гимена хлопоты, печали,
 Зѣвоты хладная чреда
 Ему не снились никогда.
 Межъ тѣмъ какъ мы, враги Гимена,
 Въ домашней жизни зримъ одинъ
 Рядъ утомительныхъ картинъ,
 Романъ во вкусѣ Лафонтена...³⁰⁾
 Мой бѣдный Ленскій! сердцемъ онъ
 Для оной жизни былъ рожденъ.

II.

Онъ былъ любимъ... по крайней мѣрѣ —
 Такъ думалъ онъ, и былъ счастливъ.
 Стократъ блаженъ, кто преданъ вѣрѣ,
 Кто, хладный умъ угомонивъ,
 Покоится въ сердечной нѣгѣ,
 Какъ пьяный путникъ на ночлегѣ,
 Или, нѣжнѣй, какъ мотылекъ,
 Въ весенній впившійся цвѣтокъ;
 Но жалою тотъ, кто все предвидитъ,
 Чья не кружится голова,
 Кто всѣ движенья, всѣ слова
 Въ ихъ переводѣ ненавидитъ,
 Чье сердце опытъ остудилъ
 И забываться запретилъ!

1825. Январь—августъ. Михайловское.

³⁰⁾ Августъ Лафонтенъ — авторъ множества семейственныхъ романовъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О, не знай сихъ страшныхъ сновъ,
Ты, моя Свѣтлана!

Жуковскій.

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ;
Зимы ждала-ждала природа.
Снѣгъ выпалъ только въ январѣ,
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру поблѣввшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;
На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ,
И мягко устланныя горы
Зимы блистательнымъ ковромъ.
Все ярко, все бѣло кругомъ *).

II.

Зима... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;
Его лошадка, снѣгъ почуя,
Плетется рысью какъ нибудь;
Бразды пушистыя взрывая,
Летить кибитка удалая;
Ямщикъ сидитъ на облучкѣ
Въ тулупѣ, въ красномъ кушакѣ.
Вотъ бѣгаетъ дворовый мальчикъ,
Въ салазки жучку посадивъ,
Себя въ коня преобразивъ;
Шалунъ ужъ заморозилъ пальчикъ:
Ему и больно, и смѣшно,
А мать грозитъ ему въ окно...

III.

Но, можетъ быть, такого рода
Картины васъ не привлекутъ:

*) Сверху помѣта: 4 января.

Все это низкая природа;
 Изящнаго не много тутъ.
 Согрѣтый вдохновенъя богомъ,
 Другой поэтъ роскошнымъ слогомъ
 Живописалъ намъ первый снѣгъ
 И всѣ оттѣнки зимнихъ нѣгъ³¹⁾:
 Онъ васъ плѣнитъ, я въ томъ увѣренъ,
 Рисуя въ пламенныхъ стихахъ,
 Прогулки тайныя въ саняхъ;
 Но я бороться не намѣренъ
 Ни съ нимъ покамѣсть, ни съ тобой,
 Пѣвецъ финляндки молодой!³²⁾

IV.

Татьяна (русская душою,
 Сама не зная почему)
 Съ ея холодною красою
 Любила русскую зиму,
 На солнцѣ иней въ день морозный,
 И сани, и зарею поздной
 Сіянье розовыхъ снѣговъ,
 И мглу крещенскихъ вечеровъ.
 По старинѣ торжествовали
 Въ ихъ домѣ эти вечера:
 Служанки со всего двора
 Про барышень своихъ гадали,
 И имъ сулили каждый годъ
 Мужьевъ военныхъ и походъ.

V.

Татьяна вѣрила преданьямъ
 Простонародной старины,
 И снамъ, и карточнымъ гаданьямъ,
 И предсказаніямъ луны.
 Ее тревожили примѣты;
 Таинственно ей всѣ предметы
 Провозглашали что нибудь,
 Предчувствія тѣснили грудь.
 Жеманный котъ, на печкѣ сидя,

³¹⁾ См. «Первый снѣгъ», стихотвореніе князя Вяземскаго.

³²⁾ См. описанія финляндской зимы въ «Эдѣ» Баратынскаго.

Мурлыча, лапкой рыльцо мыль:
 То несомнѣнный знакъ ей былъ,
 Что ѣдутъ гости. Вдругъ увидя
 Младой двурогій ликъ луны
 На небѣ съ лѣвой стороны,

VI.

Она дрожала и блѣднѣла;
 Когда жъ падающая звѣзда
 По небу темному летѣла
 И рассыпалася, тогда
 Въ смятенѣ Таня торопилась,
 Пока звѣзда еще катилась,
 Желанье сердца ей шепнуть.
 Когда случилось гдѣ нибудь
 Ей встрѣтить чернаго монаха,
 Иль быстрый заяцъ межъ полей
 Перебѣгалъ дорогу ей —
 Не зная, что начать со страха,
 Предчувствій горестныхъ полна,
 Ждала несчастья ужъ она.

VII.

Что жъ? Тайну прелесть находила
 И въ самомъ ужасѣ она:
 Такъ насъ природа сотворила,
 Къ противорѣчію склонна.
 Настали святки. То-то радость!
 Гадаетъ вѣтреная младость,
 Которой ничего не жаль,
 Передъ которой жизни даль
 Лежитъ свѣтла, необозрима;
 Гадаетъ старость сквозь очки
 У гробовой своей доски,
 Все потерявъ невозвратно;
 И все равно: надежда имъ
 Лжетъ дѣтскимъ лепетомъ своимъ.

VIII.

Татьяна любопытнымъ взоромъ
 На воскъ потопленный глядитъ:
 Онъ чудно-вылитымъ узоромъ

Ей что-то чудное гласить;
 Изъ блюда, полного водою,
 Выходятъ кольца чередою;
 И вынулось колечко ей
 Подъ пѣсенку старинныхъ дней:
 «Тамъ мужички-то все богаты;
 Гребутъ лопатой серебро;
 Кому поемъ, тому добро
 И слава!» Но сулитъ утраты
 Сей пѣсни жалостный напѣвъ;
 Милѣй кошурка сердцу дѣвъ³³⁾.

IX.

Морозна ночь; все небо ясно;
 Свѣтили небесныхъ дивный хоръ
 Течетъ такъ тихо, такъ согласно...
 Татьяна на широкой дворъ
 Въ открытомъ платьѣцѣ выходитъ,
 На мѣсяцъ зеркало наводитъ;
 Но въ темномъ зеркалѣ одна
 Дрожитъ печальная луна...
 Чу... снѣгъ хруститъ... прохожій; дѣва
 Къ нему на цыпочкахъ летитъ,
 И голосокъ ея звучитъ
 Нѣжнѣй свирѣльнаго напѣва:
 «Какъ ваше имя?»³⁴⁾ Смотритъ онъ
 И отвѣчаетъ: Агаеонъ.

X.

Татьяна, по совѣту няни,
 Сбираясь ночью ворожить,
 Тихонько приказала въ банѣ
 На два прибора столъ накрыть;
 Но стало страшно вдругъ Татьянѣ...
 И я — при мысли о Свѣтланѣ
 Мнѣ стало страшно — такъ и быть,
 Съ Татьяной намъ не ворожить.
 Татьяна поясокъ шелковый
 Сняла, раздѣлась и въ постель

³³⁾ «Зоветъ котъ кошурку въ печурку спать» — предвѣщаніе свадьбы; первая пѣсня предрекаетъ смерть.

³⁴⁾ Такимъ образомъ узнаютъ имя будущаго жениха.

Легла. Надъ нею вьется Лель,
А подъ подушкою пуховой
Дѣвичье зеркало лежитъ.
Утихло все. Татьяна спитъ.

XI.

И снится чудный сонъ Татьянѣ:
Ей снится, будто бы она
Идетъ по снѣговой полянѣ,
Печальной мглой окружена;
Въ сугробахъ снѣжныхъ передъ нею
Шумить, клубить волною своею
Кипучій, темный и сѣдой
Потокъ, не скованный зимой;
Двѣ жердочки, склеенны льдиной,
Дрожащій, гибельный мостокъ,
Положены черезъ потокъ;
И предъ шумящею пучиной,
Недоумѣнія полна,
Остановилася она.

XII.

Какъ на досадную разлуку,
Татьяна ропщетъ на ручей,
Не видитъ никого, кто руку
Съ той стороны подалъ бы ей;
Но вдругъ сугробъ зашевелился,
И кто жъ изъ-подъ него явился?
Большой, взъерошенный медвѣдь;
Татьяна — ахъ! а онъ ревѣтъ,
И лапу съ острыми когтями
Ей протянулъ; она, скрѣпясь,
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливими шагами
Перебралась черезъ ручей;
Пошла — и что жъ? медвѣдь за ней.

XIII.

Она, взглянуть назадъ не смѣя,
Поспѣшный ускоряетъ шагъ;
Но отъ косматого лакея
Не можетъ убѣжать никакъ;

Бряхтя, валить медвѣдь несносный;
 Предъ ними лѣсъ; недвижны сосны
 Въ своей нахмуренной красѣ;
 Отягчены ихъ вѣтви всѣ
 Клоками снѣга; сквозь вершины
 Осинъ, березъ и липъ нагихъ
 Сіяетъ лучъ свѣтилъ nocturnыхъ;
 Дороги нѣтъ; кусты, стремнины
 Метелью всѣ занесены,
 Глубоко въ снѣгъ погружены.

XIV.

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею;
 Снѣгъ рыхлый по колѣно ей;
 То длинный сукъ ее за шею
 Зацѣпить вдругъ, то изъ ушей
 Златыя серьги вырветъ силой;
 То въ хрупкомъ снѣгѣ съ ножки милой
 Увязнетъ мокрый башмачекъ;
 То выронить она платокъ;
 Поднять ей некогда; боится,
 Медвѣдя слышитъ за собой,
 И даже трепетной рукой
 Одежды край поднять стыдится;
 Она бѣжитъ, онъ все вослѣдъ;
 И силъ уже бѣжать ей нѣтъ.

XV.

Упала въ снѣгъ; медвѣдь проворно
 Ее хватаетъ и несетъ;
 Она безчувственно-покорна;
 Не шевелится, недохнетъ;
 Онъ мчитъ ее лѣсной дорогой;
 Вдругъ межъ деревъ шалашъ убогій;
 Кругомъ все глушь; отсюду онъ
 Пустыннымъ снѣгомъ занесенъ,
 И ярко свѣтится окошко,
 И въ шалашѣ и крикъ, и шумъ;
 Медвѣдь примолвилъ: «здѣсь мой кумъ:
 Погрѣйся у него немножко!»
 И въ сѣни прямо онъ идетъ,
 И на порогъ ее кладетъ.

XXVI.

Опомнилась, глядитъ Татьяна:
 Медвѣдя нѣтъ; она въ сѣняхъ;
 За дверью крикъ и звонъ стакана,
 Какъ на большихъ похоронахъ;
 Не видя тутъ ни капли толку,
 Глядитъ она тихонько въ щелку,
 И что же! видитъ... за столомъ
 Сидятъ чудовища кругомъ;
 Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
 Другой съ пѣтушьей головой,
 Здѣсь вѣдьма съ козьею бородой,
 Тутъ остовъ чопорный и гордый,
 Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
 Полу-журавль и полу-котъ.

XVII.

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
 Вотъ ракъ верхомъ на паукъ,
 Вотъ черепъ на гусиной шеѣ
 Вертится въ красномъ колпакѣ,
 Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
 И крыльями трещить и машеть;
 Лай, хохоть, пѣнье, свистъ и хлопъ,
 Людская молвь и конскій топъ!⁸⁵⁾
 Но что подумала Татьяна,
 Когда узнала межъ гостей
 Того, кто миль и страшень ей—
 Героя нашего романа!
 Онѣгинъ за столомъ сидитъ
 И въ дверь укрادкою глядитъ.

XVIII.

Онъ знакъ подастъ—и всѣ хлопчуть;
 Онъ пьетъ— всѣ пьютъ и всѣ кричатъ;

⁸⁵⁾ Въ журналахъ осуждали слова: хлопъ, молвь и топъ, какъ неудачное нововведеніе. Слова сіи коренныя русскія. «Вышелъ Бова изъ шатра прохладиться и услышалъ въ чистомъ полѣ людскую молвь и конскій топъ.» (Сказка о Бовѣ Королевичѣ). Хлопъ употребляется въ просторѣчьи вмѣсто хлопаніе, какъ шипъ вмѣсто шипѣніе. «Онъ шипъ пустилъ по вмѣинуму.» (Древнія русскія стихотворенія).—Не должно мѣшать свободѣ нашего богатаго и прекраснаго языка.

[Ср. V, 127—128.]

Онъ засмѣется — всѣ хохочуть;
 Нахмурить брови — всѣ молчатъ;
 Онъ тамъ хозяинъ, это ясно.
 И Танѣ ужъ не такъ ужасно,
 И любопытная теперь
 Немного растворила дверь...
 Вдругъ вѣтеръ дунуль, загашая
 Огонь свѣтильниковъ ночныхъ;
 Смутилась шайка домовыхъ;
 Онѣгинъ, взорами сверкая,
 Изъ-за стола, гремя, встаетъ;
 Всѣ встали. Онъ къ дверямъ идетъ.

XIX.

И страшно ей; и торопливо
 Татьяна силится бѣжать —
 Нельзя никакъ; нетерпѣливо
 Метаясь, хочетъ закричать —
 Не можетъ; дверь толкнулъ Евгений:
 И взорамъ адскихъ привидѣній
 Явилась дѣва; ярый смѣхъ
 Раздался дико; очи всѣхъ,
 Копыта, хоботы кривые,
 Хвосты хохлатые, клыки,
 Усы, кровавы языки,
 Рога и пальцы костяные,
 Все указуетъ на нее,
 И всѣ кричатъ: мое! мое!

XX.

Мое! сказалъ Евгений грозно,
 И шайка вся сокрылась вдругъ;
 Осталася во тьмѣ морозной
 Младая дѣва съ нимъ самъ-другъ;
 Онѣгинъ тихо увлекаетъ ³⁶⁾
 Татьяну въ уголь и слагаетъ
 Ее на шаткую скамью,
 И клонить голову свою
 Къ ней на плечо; вдругъ Ольга входитъ,

³⁶⁾ Одинъ изъ нашихъ критиковъ, кажется, находитъ въ этихъ стихахъ непонятную для насъ неблагопристойность.

За нею Ленскій; свѣтъ блеснулъ;
 Онѣгинь руку замахнулъ
 И дико онъ очами бродить,
 И незваныхъ гостей бранить;
 Татьяна чуть жива лежитъ.

XXI.

Споръ громче, громче; вдругъ Евгений
 Хватаетъ длинный ножъ, и вмигъ
 Повержень Ленскій. Страшно тѣни
 Сгустились; нестерпимый крикъ
 Раздался... хижина шатнулась..
 И Таня въ ужасѣ проснулась...
 Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло;
 Въ окнѣ сквозь мерзлое стекло
 Зари багряный лучъ играетъ;
 Дверь отворилась. Ольга къ ней.
 Авроры сѣверной алѣй
 И легче ласточки, влетаетъ;
 «Ну, говорить: скажи жъ ты мнѣ,
 Кого ты видѣла во снѣ?»

XXII.

Но та, сестры не замѣчая,
 Въ постелѣ съ книгою лежить,
 За листомъ листъ перебирая,
 И ничего не говорить.
 Хоть не являла книга эта
 Ни сладкихъ вымысловъ поэта,
 Ни мудрыхъ истинъ, ни картинъ;
 Но ни Виргилій, ни Расинъ,
 Ни Скоттъ, ни Байронъ, ни Сенека,
 Ни даже Дамскихъ Модъ журналъ
 Такъ никого не занималъ:
 То былъ, друзья, Мартынъ Задека³⁷⁾,
 Глава халдейскихъ мудрецовъ,
 Гадатель, толкователь сновъ.

³⁷⁾ Гадательныя книги издаются у насъ подъ фирмою Мартына Задеки, почтеннаго человѣка, не писавшаго никогда гадательныхъ книгъ, какъ замѣчаетъ В. М. Федоровъ.

XXIII.

Сіе глубокое творенье
 Завезъ кочующій купецъ
 Однажды къ нимъ въ уединенье.
 И для Татьяны наконецъ
 Его съ разрозненной «Мальвиной»
 Онъ уступилъ за три съ половиной,
 Въ придачу взявъ еще за нихъ
 Собранье басенъ площадныхъ,
 Грамматику, двѣ Петріады,
 Да Мармонтеля третій томъ *).
 Мартынъ Задека сталъ потомъ
 Любимецъ Тани... Онъ отрады
 Во всѣхъ печаляхъ ей дарить,
 И безотлучно съ нею спить.

XXIV.

Ее тревожить сновидѣнье.
 Не зная, какъ его понять,
 Мечтанья страшнаго значенье
 Татьяна хочетъ отыскать.
 Татьяна въ оглавленнѣ краткомъ
 Находитъ азбучнымъ порядкомъ
 Слова: боръ, буря, воронъ, ель,
 Ежъ, мракъ, мостокъ, медвѣдь, метель,
 И прочая. Ея сомнѣній
 Мартынъ Задека не рѣшитъ;
 Но сонъ зловѣщій ей сулитъ
 Печальныхъ много приключеній.
 Дней нѣсколько она потомъ
 Все безпокоилась о томъ.

XXV.

Но вотъ багряною рукою ³⁸⁾
 Заря отъ утреннихъ долинъ

*) Мальвина—романъ г-жи Коттенъ, М. 1816—18, 6 частей. «Петріада», героическая поэма въ 10 пѣсняхъ, Александра Грузинцова, Спб. 1812 и 1817. «Творенія Мармонтеля, исторіографа Франціи», въ перев. Д. Воронова, вышли въ Спб. 1820—21, въ 4-хъ частяхъ.

³⁸⁾ Пародія извѣстныхъ стиховъ Ломоносова:

Заря багряною рукою
 Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ
 Выводитъ съ солнцемъ за собою — и проч.

Выводить съ солнцемъ за собою
 Веселый праздникъ именинъ.
 Съ утра домъ Лариной гостями
 Весь полонъ; цѣлыми семьями
 Сосѣди съѣхались въ возкахъ,
 Въ кибиткахъ, бричкахъ и въ саняхъ.
 Въ передней толкотня, тревога;
 Въ гостиной встрѣча новыхъ лицъ;
 Лай мосекъ, чмоканье дѣвицъ,
 Шумъ, хохоть, давка у порога,
 Поклоны, шарканье гостей,
 Кормилицъ крикъ и плачь дѣтей.

XXVI.

Съ своей супругою дородной
 Приѣхаль толстый Пустяковъ;
 Гвоздинъ, хозяинъ превосходный,
 Владѣлецъ нищихъ мужиковъ;
 Скотинины, чета сѣдая,
 Съ дѣтми всѣхъ возрастовъ, считая
 Окъ тридцати до двухъ годовъ;
 Увѣднй франтикъ Пѣтушковъ;
 Мой братъ двоюродный, Буяновъ,
 Въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ ³⁹⁾
 (Какъ вамъ, конечно, онъ знакомъ),
 И отставной совѣтникъ Флянновъ,
 Тяжелый сплетникъ, старый плуть,
 Обжора, взыточникъ и шутъ.

XXVII.

Съ семьей Панфила Харликова
 Приѣхаль и мосье Трике,
 Острякъ, недавно изъ Тамбова,
 Въ очкахъ и въ рыжемъ парикѣ.
 Какъ истинный французъ, въ кармаѣ
 Трике привезъ куплетъ Татьянѣ
 На голосъ, знаемый дѣтми:
 Reveillez vous, belle endormie.

³⁹⁾ Буяновъ, мой сосѣдъ,
 Пришелъ ко мнѣ вчера съ небритыми усами,
 Растрепанный, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ...
 (Опасный сосѣдъ).

Межъ ветхихъ пѣсенъ альманаха
 Былъ напечатанъ сей куплетъ;
 Трике, догадливый поэтъ,
 Его на свѣтъ явилъ изъ праха,
 И смѣло—вмѣсто belle Nina—
 Поставилъ belle Tatiana.

XXVIII.

И вотъ, изъ ближняго посада
 Созрѣвшихъ барышень кумирь,
 Убѣдныхъ матушекъ отрада,
 Приѣхалъ ротный командирь;
 Вошелъ... Ахъ, новость, да какая!
 Музыка будетъ полковая!
 Полковникъ самъ ее послалъ.
 Какая радость: будетъ балъ!
 Дѣвчонки прыгаютъ заранѣ ⁴⁰⁾.
 Но кушать подали. Четой
 Идутъ за столъ рука съ рукой,
 Тѣснятъ барышни къ Татьянѣ;
 Мужчины противъ—и, крестясь,
 Толпа жужжить, за столъ садясь.

XXIX.

На мигъ умолкли разговоры;
 Уста жуютъ. Со всѣхъ сторонъ
 Гремятъ тарелки и приборы,
 Да рюмокъ раздается звонъ.
 Но вскорѣ гости понемногу
 Подъемлютъ общую тревогу.
 Никто не слушаетъ, кричатъ,
 Смѣются, спорятъ и пищатъ.
 Вдругъ двери настежь. Ленскій входитъ
 И съ нимъ Онѣгинъ. «Ахъ, Творецъ!»
 Кричитъ хозяйка: «наконецъ!»
 Тѣснятъ гости; всякъ отводитъ
 Приборы, стулья поскорѣй;
 Зовутъ, сажаютъ двухъ друзей.

⁴⁰⁾ Наши критики, вѣрные почитатели прекраснаго пола, сильно осуждали неприличіе сего стиха.

XXX.

Сажаютъ прямо противъ Тани,
 И утренней луны блѣднѣй,
 И трепетнѣй гонимой лани,
 Она темнѣющихъ очей
 Не подымаетъ: пышетъ бурно
 Въ ней страстный жаръ; ей душно, дурно;
 Она привѣтствуй двухъ друзей
 Не слышитъ; слезы изъ очей
 Хотятъ ужъ капать; ужъ готова
 Бѣдняжка въ обморокъ упасть,
 Но воля и разсудка власть
 Превозмогли. Она два слова
 Сквозь зубы молвила тишкомъ
 И усидѣла за столомъ *).

XXXI.

Траги-нервическихъ явленій,
 Дѣвичьихъ обмороковъ, слезъ
 Давно терпѣть не могъ Евгений:
 Довольно онъ ихъ перенесъ.
 Чудакъ, понавъ на пиръ огромный,
 Ужъ былъ сердитъ. Но дѣвы томной
 Замѣтя трепетный порывъ,
 Съ досады взоры опустивъ,
 Надулся онъ, и негодуя,
 Поклялся Ленскаго взбѣсить
 И ужъ порядкомъ отомстить.
 Теперь, заранѣ торжествуя,
 Онъ сталъ чертить въ душѣ своей
 Карикатуры всѣхъ гостей.

*) Первоначально эта строфа оканчивалась иначе:

. слезы изъ очей
 Хотятъ ужъ хлынуть; вдругъ упала
 Бѣдняжка въ обморокъ; смутясь,
 Ее выносятъ; суетясь,
 Толпа гостей залепетала,
 Всѣ на Евгения глядятъ
 И всѣ въ душѣ его винятъ.

Затѣмъ Пушкинъ зачеркнулъ эти стихи и тутъ же написалъ:

Но воля и разсудка власть
 Превозмогли и т. д.

XXXII.

Конечно, не одинъ Евгений
 Смятенъе Тани видѣть могъ;
 Но цѣлью взоровъ и сужденій
 Въ то время жирный былъ пирогъ
 (Къ несчастію, пересоленый);
 Да вотъ, въ бутылкѣ засмоленной,
 Между жаркимъ и бланманже,
 Цимлянское несутъ уже;
 За нимъ строй рюмокъ, узкихъ, длинныхъ,
 Подобныхъ талии твоей,
 Зизи, кристалль души моей,
 Предметъ стиховъ моихъ невинныхъ,
 Любви приманчивый фіаль,
 Ты, отъ кого я пьянъ бывалъ! *)

XXXIII.

Освободясь отъ пробки влажной,
 Бутылка хлопнула; вино
 Шипить; и вотъ, съ осанкой важной,
 Куплетомъ мучимый давно,
 Трике встаетъ; предъ нимъ собранье
 Хранить глубокое молчанье.
 Татьяна чуть жива; Трике,
 Къ ней обратясь съ листкомъ въ рукѣ,
 Запѣлъ, фальшивя. Плески, клики
 Его привѣтствуютъ. Она
 Пѣвцу присѣсть принуждена;
 Поэтъ же скромный, хотъ великій,
 Ея здоровье первый пьетъ
 И ей куплетъ передаетъ.

XXXIV.

Пошли привѣты, поздравленья;
 Татьяна всѣхъ благодарить.
 Когда же дѣло до Евгенья
 Дошло, то дѣвы томный видъ,

*) Именемъ Зизи или Зины называли въ семейномъ кругу Осиповыхъ Евпраксию Ник. Вульфъ. (См. II, 1). Пушкинъ подарилъ ей печатный экземпляръ IV и V гл. Онѣгина съ надписью: «Твоя отъ твоихъ. 22 февраля 1828 г.» (Рус. Вѣстн. 1869, № 11, стр. 71; т. VII, п. 210).

Ея смущеніе, усталость
 Въ его душѣ родили жалость:
 Онъ молча поклонился ей,
 Но какъ-то взоръ его очей
 Былъ чудно-нѣженъ. Оттого ли,
 Что онъ и вправду тронуть былъ,
 Иль онъ кокетствуя шалилъ,
 Невольно ль, иль изъ доброй воли,
 Но взоръ сей нѣжность изъявилъ:
 Онъ сердце Тани оживилъ.

XXXV.

Гремятъ отдвинутыя стулья;
 Толпа въ гостиную валить:
 Такъ пчель изъ лакомага улья
 На ниву шумный рой летить.
 Довольный праздничнымъ обѣдомъ,
 Сосѣдъ сопитъ передъ сосѣдомъ;
 Подсѣли дамы къ комельку;
 Дѣвицы шепчутъ въ уголку;
 Столы зеленые раскрыты:
 Зовутъ задорныхъ игроковъ
 Бостонъ и ломберъ стариковъ,
 И вистъ, донинѣ знаменитый,
 Однообразная семья,
 Всѣ жадной скуки сыновья.

XXXVI.

Ужъ восемь робберовъ сыграли
 Герои виста; восемь разъ
 Они мѣста перемѣняли;
 И чай несутъ. Люблю я часъ
 Опредѣлять обѣдомъ, чаемъ
 И ужиномъ. Мы время знаемъ
 Въ деревнѣ безъ большихъ суетъ:
 Желудокъ—вѣрный нашъ брегетъ;
 И, кстати, я замѣчу въ скобкахъ,
 Что рѣчь веду въ моихъ строфахъ
 Я столь же часто о пирахъ,
 О разныхъ кушаньяхъ и пробкахъ,
 Какъ ты, божественный Омиръ,
 Ты, тридцати вѣковъ кумиръ!

XXXVII. XXXVIII *). XXXIX.

Но чай несутъ: дѣвицы чинно
 Едва за блюдечки взялись,
 Вдругъ изъ-за двери въ залѣ длинной
 Фаготъ и флейта раздались.
 Обрадованъ музыки громомъ,
 Оставя чашку чаю съ ромомъ.
 Парисъ окружныхъ городковъ,
 Подходить къ Ольгѣ Пѣтушковъ.
 Къ Татьянѣ Ленскій, Харликову,
 Невѣсту переспѣлыхъ лѣтъ,
 Беретъ тамбовскій мой поэтъ,
 Умчалъ Буяновъ Пустякову,
 И въ залу высыпали всѣ,
 И балъ блеститъ во всей красѣ.

*) Обѣ эти строфы были помѣщены въ первомъ изданіи:

XXXVII.

Въ пирахъ готовъ я непослушно
 Съ твоимъ боротся божествомъ;
 Но, признаюсь великодушно,
 Ты побѣдилъ меня въ другомъ:
 Твои свирѣбые герои,
 Твои неправильные бои,
 Твоя Киприда, твой Зевесъ
 Вольшой имѣютъ перевѣсъ
 Передъ Онѣгинимъ холоднымъ,
 Предъ сонной скукою полей,
 Предъ Истоминой моей,
 Предъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ;
 Но Таня (присягну) мигѣй
 Елены пакостной твоей.

XXXVIII.

Никто и спорить тутъ не станетъ,
 Хоть за Елену Менелай
 Сто лѣтъ еще не перестанетъ
 Каянить фригійскій бѣдный край,
 Хоть вокругъ почтеннаго Пріама
 Собранье стариковъ Пергама,
 Ее завидя, вновь рѣшить:
 Правъ Менелай и правъ Паридъ.
 Что жъ до сраженій, то немного
 Я попрошу васъ подождать;
 Извольте далѣе читать:
 Начала не судите строго;
 Сраженье будетъ. Не солгу,
 Честное слово дать могу.

XL.

Въ началѣ моего романа
 (Смотрите первую тетрадь)
 Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
 Балъ петербургскій описать;
 Но, развлечень пустымъ мечтаньемъ,
 Я занялся воспоминаньемъ
 О ножкахъ мнѣ знакомыхъ дамъ.
 По вашимъ узенькимъ слѣдамъ.
 О ножки, полно заблуждаться!
 Съ измѣной юности моей
 Пора мнѣ сдѣлаться умнѣй,
 Въ дѣлахъ и въ слогѣ поправляться,
 И эту пятую тетрадь
 Отъ отступлений очищать.

XLI.

Однообразный и безумный,
 Какъ вихорь жизни молодой,
 Кружится вальса вихорь шумный;
 Чета мелькаетъ за четой.
 Къ минутѣ мщенья приближаясь,
 Онѣгинъ, втайнѣ усмѣхаясь,
 Подходить къ Ольгѣ, быстро съ ней
 Вертится около гостей,
 Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
 Заводитъ рѣчь о томъ, о семь;
 Спустя минуты двѣ, потомъ,
 Вновь съ нею вальсъ онъ продолжаетъ;
 Всѣ въ изумленьѣ. Ленскій самъ
 Не вѣрить собственнымъ глазамъ

XLII.

Мазурка раздалась. Бывало,
 Когда гремѣлъ мазурки громъ,
 Въ огромной залѣ все дрожало,
 Паркетъ трещалъ подъ каблукомъ,
 Тряслися, дребезжали рамы;
 Теперь не то: и мы, какъ дамы,
 Скользимъ по лаковымъ доскамъ.
 Но въ городахъ, по деревьямъ,

Еще мазурка сохранила
 Первоначальныя красы:
 Припрыжки, каблукы, усы
 Все тѣ же; ихъ не измѣнила
 Лихая мода, нашъ тиранъ,
 Недугъ новѣйшихъ россіянь.

XLIII *). XLIV.

Буяновъ, братецъ мой задорный,
 Къ герою нашему подвелъ
 Татьяну съ Ольгою; проворный
 Онѣгинъ съ Ольгою пошелъ;
 Ведетъ ее, скользя небрежно,
 И, наклонясь, ей шепчетъ вѣжно
 Какой-то пошлый мадригалъ,
 И руку жметъ — и запылалъ
 Въ ея лицѣ самолюбивомъ
 Румянецъ ярче. Ленскій мой
 Все видѣлъ: вспыхнулъ, самъ не свой;
 Въ негодованіи ревнивомъ
 Поэтъ конца мазурки ждетъ
 И въ котильонъ ее зоветъ.

XLV.

Но ей нельзя. Нельзя? Но что же?
 Да Ольга слово ужъ дала
 Онѣгину. О, Боже, Боже!
 Что слышитъ онъ? Она могла...
 Возможно ль? Чуть лишь изъ пеленокъ,
 Кокетка, вѣтреный ребенокъ!
 Ужъ хитрость вѣдаетъ она,

*) Эта строфа была напечатана въ первомъ изданіи, безъ начальныхъ четырехъ стиховъ:

.....
 Подковы, шпоры Пѣтушкова
 (Канцеляриста оставного)
 Стучать; Буянова каблукъ
 Такъ и ломаетъ полъ вокругъ;
 Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
 Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
 Теперь пошло на молодцовъ:
 Пустились, только не въ присядку.
 Ахъ, легче, легче: каблукы
 Отдавать дамскіе носки!

Ужъ измѣнять научена!
 Не въ силахъ Ленскій снести удара;
 Проказы женскія кляня,
 Выходить, требуетъ коня
 И скачетъ. Пистолетовъ пара,
 Двѣ пули — больше ничего —
 Вдругъ разрѣшать судьбу его.

1825—1826. Михайловское.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

*La, sotto giorni nubilosi e brevi,
 Nasce una gente a cui l'morir non dole.*

Petr.

I.

Замѣтивъ, что Владиміръ скрылся,
 Онѣгинъ, скукой вновь гонимъ,
 Близъ Ольги въ думу погрузился,
 Довольный мщеніемъ своимъ.
 За нимъ и Оленька зѣвала,
 Глазами Ленскаго искала,
 И безконечный котильонъ
 Ее томилъ, какъ тяжкій сонъ.
 Но конченъ онъ. Идутъ за ужинъ.
 Постели стелать; для гостей
 Ночлегъ отводятъ отъ сѣней
 До самой дѣвичьей. Всѣмъ нуженъ
 Покойный сонъ. Онѣгинъ мой
 Одинъ уѣхалъ спать домой.

II.

Все успокоилось: въ гостиной
 Храпять тяжелый Пустяковъ
 Съ своей тяжелой половиной.
 Гвоздинъ, Буяновъ, Пѣтушковъ
 И Фляновъ, не совсѣмъ здоровый,
 На стульяхъ улеглись въ столовой,
 А на полу — мосѣ Трике,
 Въ фуфайкѣ, въ старомъ колпакѣ.
 Дѣвицы въ комнатахъ Татьяны

И Ольги всё объаты сномъ.
 Одна печально подъ окномъ,
 Озарена лучемъ Діаны,
 Татьяна бѣдная не спить
 И въ поле темное глядитъ.

III.

Его неожиданнымъ появленьемъ,
 Мгновенной вѣжностью очей
 И страннымъ съ Ольгой поведеньемъ
 До глубины души своей
 Она проникнута; не можетъ
 Никакъ понять его; тревожить
 Ее ревнивая тоска,
 Какъ будто хладная рука
 Ей сердце жметъ, какъ будто бездна
 Подъ ней чернѣетъ и шумить...
 «Погибну, Таня говорить:
 Но гибель отъ него любезна.
 Я не ропщу: зачѣмъ роптать?
 Не можетъ онъ мнѣ счастья дать.»

IV.

Впередъ, впередъ, моя исторья!
 Лицо насъ новое зоветъ.
 Въ пяти верстахъ отъ Красногорья,
 Деревни Ленскаго, живетъ
 И здравствуетъ еще донынѣ
 Въ философической пустынѣ
 Зарѣцкій, вѣкогда буянъ,
 Картежной шайки атаманъ,
 Глава повѣсь, трибунъ трактирный,
 Теперь же добрый и простой
 Отецъ семейства холостой,
 Надежный другъ, помѣщикъ мирный
 И даже честный человѣкъ:
 Такъ исправляется нашъ вѣкъ!

V.

Бывало, льстивый голосъ свѣта
 Въ немъ злую храбрость выхвалялъ:
 Онъ, правда, въ тузъ изъ пистолета

Въ пяти саженьяхъ попадалъ,
 И то сказать, что и въ сраженьѣ
 Разъ, въ настоящемъ упоеньѣ,
 Онъ отличился, смѣло въ грязь
 Съ коня калмыцкаго свалясь,
 Какъ зюзя пьяный, и французамъ
 Достался въ плѣнъ: драгой залогъ!
 Новѣйшій Регуль, чести богъ,
 Готовый вновь предаться узамъ,
 Чтобъ каждымъ утромъ у Вери ⁴¹⁾
 Въ долгъ осушать бутылки три.

VI.

Бывало, онъ трунилъ забавно,
 Умѣлъ морочить дурака
 И умнаго дурачить славно,
 Иль явно, иль изподтишка,
 Хоть и ему инья штуки
 Не проходили безъ науки,
 Хоть иногда и самъ въ просакъ
 Онъ попадался, какъ простакъ.
 Умѣлъ онъ весело поспорить,
 Остро и тупо отвѣчать,
 Порой разчетливо смолчать,
 Порой разчетливо повздорить,
 Друзей поссорить молодыхъ
 И на барьеръ поставить ихъ,

VII.

Иль помириться ихъ заставить,
 Дабы позавтракать втроемъ,
 И послѣ тайно обезславить
 Веселой шуткою, враньемъ;
 Sed alia temproa! Удалость
 (Какъ сонъ любви, другая шалость)
 Проходить съ юностью живой.
 Какъ я сказалъ, Зарѣцкій мой,
 Подъ сѣнь черемухъ и акацій
 Отъ бурь укрывшись наконецъ,
 Живеть какъ истинный мудрецъ,

⁴¹⁾ Парижскій рестораторъ.

Капусту садить какъ Горацій,
Разводитъ утокъ и гусей
И учить азбукѣ дѣтей.

VIII.

Онъ былъ неглухъ; и мой Евгений,
Не уважая сердца въ немъ,
Любилъ и духъ его сужденій,
И здравый толкъ о томъ, о семъ.
Онъ съ удовольствіемъ, бывало,
Видался съ нимъ; итакъ нимало
Поутру не былъ удивленъ,
Когда его увидѣлъ онъ.
Тотъ, послѣ перваго привѣта,
Прервавъ начатый разговоръ,
Онѣгину, ослабя взоръ,
Вручилъ записку отъ поэта.
Къ окну Онѣгинъ подошелъ
И про себя ее прочелъ.

IX.

То былъ пріятный, благородный,
Короткій вызовъ иль картель:
Учтиво, съ ясностью холодной,
Звалъ друга Ленскій на дуэль.
Онѣгинъ съ перваго движенья,
Къ послу такого порученья
Оборотясь, безъ лишнихъ словъ
Сказалъ, что онъ всегда готовъ.
Зарѣцкій всталъ безъ объясненій,
Остаться долѣ не хотѣлъ,
Имѣя дома много дѣлъ,
И тотчасъ вышелъ; но Евгений
Наединѣ съ своей душой
Былъ недоволенъ самъ собой.

X.

И подѣломъ: въ разборѣ строгомъ,
На тайный судъ себя призвавъ,
Онъ обвинялъ себя во многомъ:
Во-первыхъ, онъ ужъ былъ неправъ,

Что надъ любовью робкой, нѣжной
 Такъ подшутилъ вечеръ небрежно.
 А во-вторыхъ, пускай поэтъ
 Дурачится; въ осьмнадцать лѣтъ
 Оно простиительно. Евгенийъ,
 Всѣмъ сердцемъ юношу любя,
 Былъ долженъ оказать себя
 Не мячикомъ предразсужденій,
 Не пылкимъ мальчикомъ, бойцомъ,
 Но мужемъ съ честью и съ умомъ.

XI.

Онъ могъ бы чувства обнаружить,
 А не щетиниться какъ звѣрь;
 Онъ долженъ былъ обезоружить
 Младое сердце. «Но теперь
 Ужъ поздно; время улетѣло...
 Къ тому жъ — онъ мыслить — въ это дѣло
 Вмѣшался старый дуэлистъ;
 Онъ золь, онъ сплетникъ, онъ рѣчисть....
 Конечно, быть должно презрѣнье
 Цѣной его забавныхъ словъ;
 Но шопоть, хототя глупцовъ...»
 И вотъ общественное мнѣнье!⁴²⁾
 Пружина чести, нашъ кумиръ!
 И вотъ на чемъ вертится мѣръ!

XII.

Кипя враждой нетерпѣливой,
 Отвѣта дома ждетъ поэтъ;
 И вотъ, сосѣдъ велерѣчивый
 Привезъ торжественно отвѣтъ.
 Теперь ревнивцу то-то праздникъ!
 Онъ все боялся, чтобъ проказникъ
 Не отшутился какъ нибудь,
 Уловку выдумавъ и грудь
 Отворотивъ отъ пистолета.
 Теперь сомнѣнья рѣшены:
 Они на мельницу должны
 Приѣхать завтра до разсвѣта,

⁴²⁾ Стихъ Грибоѣдова.

Взвести другъ на друга курокъ
И мѣтить въ ляжку или въ високъ.

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
Кипящій Ленскій не хотѣлъ
Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
На солнце, на часы смотрѣлъ,
Махнулъ рукою напоследокъ —
И очутился у сосѣдокъ.
Онъ думалъ Оленьку смутить,
Своимъ пріѣздомъ поразить;
Не тутъ-то было: какъ и прежде,
Навстрѣчу бѣднаго пѣвца
Прыгнула Оленька съ крыльца,
Подобна вѣтренной надеждѣ,
Рѣзва, безпечна, весела,
Ну, точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечеръ такъ рано скрылись?»
Былъ первый Оленькинъ вопросъ.
Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
И молча онъ повѣсилъ носъ.
Исчезла ревность и досада
Предъ этой ясностію взгляда,
Предъ этой нѣжной простотой,
Предъ этой рѣзвою душой!..
Онъ смотреть въ сладкомъ умиленѣ;
Онъ видеть: онъ еще любимъ!
Ужъ онъ, раскаяньемъ томимъ,
Готовъ просить у ней прощенье,
Трепещеть, не находить словъ:
Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ...

XV. XVI. XVII.

И вновь задумчивый, унылый
Предъ милой Ольгою своей,
Владиміръ не имѣетъ силы
Вчерашній день напомнить ей;
Онъ мыслить: «буду ей спаситель»;

Не потерплю, чтобъ развратитель
 Огнемъ и вздохомъ, и похвалъ
 Младое сердце искушалъ;
 Чтобъ червь презрѣнный, ядовитый
 Точилъ лилеи стебелекъ;
 Чтобы двухъ-утренній цвѣтокъ
 Увялъ, еще полураскрытый.»
 Все это значило, друзья:
 Съ пріятелемъ стрѣляюсь я.

XVIII.

Когда бъ онъ зналъ, какая рана
 Моей Татьяны сердце жгла!
 Когда бы вѣдала Татьяна,
 Когда бы знать она могла,
 Что завтра Ленскій и Евгенийъ
 Заспорятъ о могильной сѣни:
 Ахъ, можетъ быть, ея любовь
 Друзей соединила бъ вновь!
 Но этой страсти и случайно
 Еще никто не открывалъ.
 Онѣгинъ обо всемъ молчалъ;
 Татьяна изнывала тайно;
 Одна бы няня знать могла,
 Да недогадлива была.

XIX.

Весь вечеръ Ленскій былъ расвѣянъ,
 То молчаливъ, то весель вновь;
 Но тотъ, кто музою взлелѣянъ,
 Всегда таковъ: нахмуря бровь,
 Садился онъ за клавикорды,
 И бралъ на нихъ одни аккорды;
 То, къ Ольгѣ взоры устремивъ,
 Шепталъ: «не правда ль? я счастливъ?»
 Но поздно; время ѣхать. Сжалось
 Въ немъ сердце, полное тоской;
 Прощаясь съ дѣвой молодой,
 Оно какъ будто разрывалось.
 Она глядитъ ему въ лицо.
 «Что съ вами?»—Такъ.—И на крыльцо.

XX.

Домой пріѣхавъ, пистолеты
 Онъ осмотрѣлъ, потомъ вложилъ
 Опять ихъ въ ящикъ, и раздѣтый
 При свѣчкѣ Шиллера открылъ;
 Но мысль одна его объемлетъ:
 Въ немъ сердце грустное не дремлетъ;
 Съ неизвѣсною красой
 Онъ видитъ Ольгу предъ собой.
 Владиміръ книгу закрываетъ,
 Беретъ перо; его стихи,
 Полны любовной чепухи,
 Звучать и льются. Ихъ читаетъ
 Онъ вслухъ, въ лирическомъ жару,
 Какъ Дельвигъ пьяный на пиру.

XXI.

Стихи на случай сохранились,
 Я ихъ имѣю; вотъ они:
 «Куда, куда вы удалились,
 Весны моей златые дни?
 Что день грядущій мнѣ готовитъ?
 Его мой взоръ напрасно ловитъ;
 Въ глубокой мглѣ таится онъ.
 Нѣтъ нужды; правъ судьбы законъ.
 Паду ли я, стрѣлой пронзенный,
 Иль мимо пролетитъ она,
 Все благо: бдѣнія и сна
 Приходитъ часъ опредѣленный;
 Благословенъ и день заботъ,
 Благословенъ и тьмы приходъ!

XXII.

«Блеснетъ завтра лучъ денницы
 И заиграетъ яркій день;
 А я, быть можетъ, я гробницы
 Сойду въ таинственную сѣнь,
 И память юнаго поэта
 Поглотитъ медленная Лета,
 Забудетъ міръ меня; но ты
 Придешь ли, дѣва красоты,

Слезу пролить надъ ранней урной
И думать: онъ меня любилъ,
Онъ мнѣ единой посвятилъ
Разсвѣтъ печальный жизни бурной!..
Сердечный другъ, желанный другъ,
Приди, приди: я твой супругъ!..»

XXIII.

Такъ онъ писалъ темно и вяло
(Что романтизмомъ мы зовемъ,
Хоть романтизма тутъ нимаго
Не вижу я; да что намъ въ томъ?)
И наконецъ, передъ зарею,
Склонясь усталой головою,
На модномъ словѣ идеаль
Тихонько Ленскій задремалъ;
Но только соннымъ обаяньемъ
Онъ позабылся,— ужъ сосѣдъ
Въ безмолвный входитъ кабинетъ
И будить Ленскаго воззваньемъ:
«Пора вставать: седьмой ужъ часъ!
Онѣгинъ вѣрно ждетъ ужъ насъ.»

XXIV.

Но ошибался онъ: Евгенийъ
Спалъ въ это время мертвымъ сномъ.
Уже рѣдѣютъ ночи тѣни
И встрѣченъ Вesperъ пѣтухомъ;
Онѣгинъ спитъ-себѣ глубоко.
Ужъ солнце катится высоко
И перелетная метель
Блеститъ и вьется; но постель
Еще Евгенийъ не покинулъ,
Еще надъ нимъ летаетъ сонъ.
Вотъ, наконецъ, проснулся онъ
И полы завѣса раздвинулъ;
Глядитъ — и видитъ, что пора
Давно ужъ ѣхать со двора.

XXV.

Онъ поскорѣй звонить. Вбѣгаетъ
Къ нему слуга, французъ Гильо,

Халать и туфли предлагаетъ,
 И подаетъ ему бѣлье.
 Спѣшить Онѣгинъ одѣваться,
 Слугѣ велитъ приготовляться
 Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать, и съ собой
 Взять также ящикъ боевой.
 Готовы санки бѣговья.
 Онъ сѣль, на мельницу летитъ.
 Примчались. Онъ слугѣ велитъ
 Лепажа ⁴³⁾ стволы роковые
 Нести за нимъ, а лошадямъ
 Отѣхать въ поле, къ двумъ дубкамъ.

XXVI.

Опершись на плотину, Ленскій
 Давно нетерпѣливо ждалъ;
 Межъ тѣмъ, механикъ деревенскій,
 Зарѣцкій жерновъ осуждалъ.
 Идетъ Онѣгинъ съ извиненьемъ.
 «Но гдѣ же, молвилъ съ изумленьемъ
 Зарѣцкій, гдѣ вашъ секундантъ?»
 Въ дуэляхъ классикъ и педантъ,
 Любилъ методу онъ изъ чувства,
 И человѣка растянуть
 Онъ позволялъ не какъ нибудь,
 Но въ строгихъ правилахъ искусства,
 По всѣмъ преданьямъ старины
 (Что похвалить мы въ немъ должны).

XXVII.

«Мой секундантъ?» сказалъ Евгений;
 «Вотъ онъ: мой другъ, monsieur Guillot.
 Я не предвижу возраженій
 На представленіе мое;
 Хоть человѣкъ онъ неизвѣстный,
 Но ужъ, конечно, малый честный.»
 Зарѣцкій губу закусилъ.
 Онѣгинъ Ленскаго спросилъ:
 «Что жъ, начинать?» — Начнемъ, пожалуй,
 Сказалъ Владиміръ. И пошли

⁴³⁾ Славный ружейный мастеръ.

За мельницу. Пока вдали
 Зарѣцкій нашъ и честный малый
 Вступили въ важный договоръ,
 Враги стоять, потупя взоръ.

XXVIII.

Враги! Давно ли другъ отъ друга
 Ихъ жажда крови отвела?
 Давно ль они часы досуга,
 Трапезу, мысли и дѣла
 Дѣлили дружно? Нынѣ злобно,
 Врагамъ наслѣдственнымъ подобно,
 Какъ въ страшномъ, непонятномъ снѣ,
 Они другъ другу въ тишинѣ
 Готовяъ гибель хладнокровно....
 Не засмѣяться ль имъ, пока
 Не обагрилась ихъ рука,
 Не разойтись ль полюбовно?...
 Но дико свѣтская вражда
 Бойтся ложнаго стыда.

XXIX.

Вотъ пистолеты ужъ блеснули;
 Гремить о шомполь молотокъ,
 Въ граненый стволъ уходятъ пули
 И щелкнулъ въ первый разъ курокъ.
 Вотъ порохъ струйкой сѣрвовой
 На полку сыплется. Зубчатый,
 Надежно ввинченный кремень
 Введенъ еще. За ближній пенъ
 Становится Гильо смущенный.
 Плащи бросаютъ два врага.
 Зарѣцкій тридцать два шага
 Отмѣрилъ съ точностью отмѣнной,
 Друзей развелъ по крайній слѣдъ,
 И каждый взялъ свой пистолеть.

XXX.

«Теперь сходитесь.»

Хладнокровно,
 Еще не цѣля, два врага
 Походкой твердой, тихо, ровно
 Четыре перешли шага,

Четыре смертныя ступени.
 Свой пистолеть тогда Евгенийъ,
 Не преставаая наступать,
 Сталь первый тихо подымать.
 Вотъ пять шаговъ еще ступили,
 И Ленскій, жмуря лѣвый глазъ,
 Сталь также цѣлить — но какъ разъ
 Онъгинъ выстрѣлилъ.... Пробили
 Часы урочные: поэтъ
 Роняетъ молча пистолеть,

XXXI.

На грудь кладеть тихонько руку
 И падаетъ. Туманный взоръ
 Изображаетъ смерть, не муку.
 Такъ медленно по скату горъ,
 На солнцѣ искрами блистая,
 Спадаетъ глыба снѣговая.
 Мгновеннымъ холодомъ облить,
 Онъгинъ къ юношѣ спѣшить,
 Глядитъ, зоветъ его.... напрасно:
 Его ужъ нѣтъ. Младой пѣвецъ
 Нашель безвременный конецъ!
 Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
 Увяль на утренней зарѣ,
 Потухъ огонь на алтарѣ!

XXXII.

Недвижимъ онъ лежалъ, и странень
 Быль томный миръ его чела.
 Подъ грудь онъ былъ навылеть ранень;
 Дымясь, изъ раны кровь текла.
 Тому назадъ одно мгновенье,
 Въ семь сердцѣ билось вдохновенье,
 Вражда, надежда и любовь,
 Играла жизнь, кипѣла кровь:
 Теперь, какъ въ домѣ опустѣломъ,
 Все въ немъ и тихо, и темно;
 Замолкло навсегда оно.
 Закрыты ставни, окна мѣломъ
 Забѣлены. Хозяйки нѣтъ.
 А гдѣ, Богъ вѣсть. Пропаль и слѣдъ!

XXXIII.

Приятно дерзкой эпиграммой
 Взбѣситъ оплошнаго врага;
 Приятно зрѣть, какъ онъ, упрямо
 Склонивъ бодливые рога,
 Невольно въ зеркало глядится
 И узнавать себя стыдится;
 Приятнѣй, если онъ, друзья,
 Завоетъ сдуру: это я!
 Еще приятнѣе въ молчаньѣ
 Ему готовить честный гробъ,
 И тихо цѣлить въ блѣдный лобъ
 На благородномъ разстояньѣ;
 Но отослать его къ отцамъ
 Едва ль приятно будетъ вамъ!

XXXIV.

Что жъ, если вашимъ пистолетомъ
 Сраженъ пріятель молодой,
 Нескромнымъ взглядомъ, иль отвѣтомъ,
 Или бездѣлицей иной
 Васъ оскорбившій за бутылкой,
 Иль даже самъ, въ досадѣ пылкой,
 Васъ гордо вызвавшій на бой?
 Скажите: вашу душу
 Какое чувство овладѣетъ,
 Когда недвижимъ, на землѣ,
 Предъ вами, съ смертью на челѣ,
 Онъ постепенно костенѣетъ,
 Когда онъ глухъ и молчаливъ
 На вашъ отчаянный призывъ?

XXXV.

Въ тоскѣ сердечныхъ угрызений,
 Рукою стиснувъ пистолетъ,
 Глядитъ на Ленскаго Евгеній.
 «Ну, что жъ? убить!» рѣшилъ сосѣдъ.
 Убить!.. симъ страшнымъ восклицаньемъ
 Сраженъ, Онѣгинъ съ содроганьемъ
 Отходить и людей зоветъ.
 Зарѣцкій бережно владеть

На сани трупъ оледенѣлый;
 Домой везеть онъ страшный кладъ.
 Почуя мертваго, храпятъ
 И бьются кони, пѣной бѣлой
 Стальные мочать удила,
 И полетѣли, какъ стрѣла.

XXXVI.

Друзья мои, вамъ жаль поэта:
 Во цвѣтѣ радостныхъ надеждъ,
 Ихъ не свершивъ еще для свѣта,
 Чуть изъ младенческихъ одеждъ—
 Увяль! Гдѣ жаркое волненье,
 Гдѣ благородное стремленье
 И чувствъ, и мыслей молодыхъ,
 Высокихъ, нѣжныхъ, удалыхъ?
 Гдѣ бурныя любви желанья,
 И жажда знаній и труда,
 И страхъ порока и стыда,
 И вы, завѣтныя мечтанья,
 Вы, призракъ жизни неземной,
 Вы, сны поэзіи святой!

XXXVII.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
 Иль хотъ для славы былъ рожденъ;
 Его умолкнувшая лира
 Гремучій, непрерывный звонъ
 Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
 Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
 Ждала высокая ступень.
 Его страдальческая тѣнь,
 Быть можетъ, унесла съ собою
 Святую тайну, и для насъ
 Погибъ животворящій гласъ,
 И за могильною чертою
 Къ ней не домчится гимнъ временъ,
 Благословенія племень.

XXXVIII. XXXIX.

А можетъ быть и то: poeta
 Обыкновенный ждалъ удѣлъ.

Прошли бы юношества лѣта,
 Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ.
 Во многомъ онъ бы измѣнился,
 Разстался бъ съ музами, женился;
 Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
 Носилъ бы стеганный халатъ;
 Узналъ бы жизнь на самомъ дѣлѣ,
 Подагру бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
 Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ. хирѣлъ,
 И наконецъ въ своей постелѣ
 Скончался бъ посреди дѣтей,
 Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

XL.

Но что бы ни было, читатель,
 Увы, любовникъ молодой,
 Поэтъ, задумчивый мечтатель,
 Убить пріятельской рукой!
 Есть мѣсто: влѣво отъ селенья,
 Гдѣ жилъ питомецъ вдохновенья,
 Двѣ сосны корнями срослись;
 Подъ ними струйки извились
 Ручья сосѣдственной долины.
 Тамъ пахарь любить отдыхать.
 И жницы въ волны погружать
 Приходятъ звонкіе кувшины;
 Тамъ, у ручья, въ тѣни густой,
 Поставленъ памятникъ простой.

XLI.

Подъ нимъ (какъ начинается капать
 Весенній дождь на злакъ полей)
 Пастухъ, плетя свой пестрый лапотъ,
 Поетъ про волжскихъ рыбаей;
 И горожанка молодая,
 Въ деревнѣ лѣто провождая,
 Когда стремглавъ верхомъ она
 Несется по полямъ одна,
 Коня предъ нимъ останавливаетъ,
 Ременный поводъ натянувъ,
 И флеръ отъ шляпы отвернувъ.
 Глазами бѣглыми читаетъ

Простую надпись — и слеза
Туманить нѣжные глаза.

XLII.

И шагомъ ѣдетъ въ чистомъ полѣ,
Въ мечтанье погружаясь, она;
Душа въ ней долго поневолѣ
Судьбою Ленскаго полна;
И мыслить: «что-то съ Ольгой стало?
Въ ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слезъ прошла пора?
И гдѣ теперь ея сестра?
И гдѣ жъ бѣглець людей и свѣта,
Красавицъ модныхъ модный врагъ,
Гдѣ этотъ пасмурный чудакъ,
Убійца юнаго поэта?»
Современемъ отчетъ я вамъ
Подробно обо всемъ отдамъ,

XLIII.

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь къ нему, конечно,
Но мнѣ теперь не до него:
Лѣта къ суровой прозѣ клонятъ,
Лѣта шалунью риему гонятъ,
И я, со вздохомъ признаюсь,
За ней лѣнивѣй волочусь.
Перу старинной нѣтъ охоты
Марать летучіе листы;
Другія, хладныя мечты,
Другія, строгія заботы
И въ шумѣ свѣта, и въ тиши
Тревожатъ сонъ моей души.

XLIV.

Позналъ я гласъ иныхъ желаній,
Позналъ я новую печаль;
Для первыхъ нѣтъ мнѣ упованій,
А старой мнѣ печали жаль.
Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?

Гдѣ, вѣчная къ ней риема, младость? *)
 Ужель и вправду, наконецъ,
 Увяль, увяль ея вѣнецъ?
 Ужель и впрямь, и въ самомъ дѣлѣ,
 Безъ элегическихъ затѣй,
 Весна моихъ промчалась дней
 (Что я шутя твердилъ доселѣ)?
 И ей ужель возврата нѣтъ?
 Ужель мнѣ скоро тридцать лѣтъ?

XLV.

Такъ, полдень мой насталь, и нужно
 Мнѣ въ томъ сознаться, вижу я.
 Но, такъ и быть, простимся дружно,
 О юность легкая моя!
 Благодарю за наслажденья.
 За грусть, за милыя мученья,
 За шумъ, за бури, за пиры,
 За всѣ, за всѣ твои дары;
 Благодарю тебя. Тобою
 Среди тревогъ и въ тишинѣ
 Я наслаждался... и вполне;
 Довольно! Съ ясною душою
 Пускаюсь нынѣ въ новый путь
 Отъ жизни прошлой отдохнуть **).

XLVI.

Дай оглянусь. Простите жъ, сѣни,
 Гдѣ дни мои текли въ глуши,
 Исполнены страстей и лѣни
 И сновъ задумчивой души.
 А ты, младое вдохновенье,
 Волнуй мое воображенье,
 Дремоту сердца оживляй,
 Въ мой уголь чаще прилетай,
 Не дай остыть душѣ поэта,
 Ожесточиться, очерствѣть,
 И наконецъ окаменѣть
 Въ мертвящемъ упоеньѣ свѣта ***).

*) Намекъ на собственное стихотвореніе: «Пробужденіе», см. I, 152.

***) Помѣта: 10 августа.

***) Во 2-мъ изданіи послѣ этого было опущено 14 стиховъ и строфа за-

Среди бездушныхъ гордецовъ
Среди блистательныхъ глупцовъ,

XLVII.

Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,
Злодѣевъ и смѣшныхъ, и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей,
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холоповъ добровольныхъ,
Среди всеневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ,
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разчетовъ, думъ и разговоровъ,
Въ семь омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!

1826. Михайловское.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

Дмитріевъ.

Какъ не любить родной Москвы?

Баратынскій.

Гоненье на Москву? Что значить видѣть свѣтъ!

Гдѣ жь лучше?

— Гдѣ насъ нѣтъ.

Грибоѣдовъ.

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года:
Синѣя, блещутъ небеса.

канчивалась двумя послѣдними XLVII-й. Въ примѣчаніяхъ Пушкинъ однако привелъ въ примѣчаніи полный текстъ обѣихъ строфъ, сдѣлавъ предварительно замѣтку: «Въ первомъ изданіи шестая глава оканчивалась слѣдующимъ образомъ.»

Еще прозрачные, лѣса
 Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.
 Пчела за данью полевой
 Летитъ изъ келли восковой.
 Долины сохнуть и пестрѣютъ,
 Стада шумять, и соловей
 Ужъ пѣль въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
 Весна, весна! пора любви!
 Какое томное волненье
 Въ моей душѣ, въ моей крови!
 Съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
 Я наслаждаюсь дуновеньемъ
 Въ лицо мнѣ вѣющей весны
 На лонѣ сельской тишины!
 Или мнѣ чуждо наслажденье,
 И все, что радуешь, живить,
 Все, что ликуешь и блестить,
 Наводитъ скуку и томленье
 На душу, мертвую давно,
 И все ей кажется темно?

III.

Или, не радуясь возврату
 Погибшихъ осенью листовъ,
 Мы помнимъ горькую утрату,
 Внимая новый шумъ лѣсовъ?
 Или съ природой оживленной
 Сближаемъ думою смущенной
 Мы увяданье нашихъ лѣтъ,
 Которымъ возрожденья нѣтъ?
 Быть можетъ, въ мысли намъ приходитъ,
 Средь поэтического сна,
 Иная, старая весна,
 И въ трепеть сердце намъ приводить
 Мечтой о дальней сторонѣ,
 О чудной ночи, о лунѣ...

IV.

Вотъ время: добрые лѣнивцы,
 Эпикурейцы-мудрецы,

Вы, равнодушные счастливыцы,
 Вы, школы Левшина птенцы ⁴⁴⁾,
 Вы, деревенскіе Пріамы,
 И вы, чувствительныя дамы!
 Весна въ деревню васъ зоветъ,
 Пора тепла, цвѣтовъ, работъ,
 Пора гуляній вдохновенныхъ
 И соблазнительныхъ ночей...
 Въ поля, друзья! скорѣй, скорѣй,
 Въ каретахъ тяжко нагруженныхъ,
 На долгихъ плъ на почтовыхъ,
 Тянитесь изъ заставъ градскихъ.

V.

И вы, читатель благосклонный,
 Въ своей коляскѣ выписной
 Оставьте градъ неугомонный,
 Гдѣ веселились вы зимой;
 Съ моею музой своенравной
 Пойдемте слушать шумъ дубравный
 Надъ безыменною рѣкой,
 Въ деревнѣ, гдѣ Евгений мой,
 Отшельникъ правдный и унылый,
 Еще недавно жилъ зимой
 Въ сосѣдствѣ Тани молодой,
 Моей мечтательницы милой,
 Но гдѣ его теперь ужъ нѣтъ...
 Гдѣ грустный онъ оставилъ слѣдъ.

VI.

Межъ горъ, лежащихъ полукругомъ,
 Пойдемъ туда, гдѣ ручеекъ,
 Віясь, бѣжитъ зеленымъ лугомъ
 Къ рѣкѣ сквозь липовый лѣсокъ.
 Тамъ соловей, весны любовникъ,
 Всю ночь поетъ; цвѣтеть шиповникъ,
 И слышенъ говоръ ключевой;
 Тамъ виденъ камень гробовой
 Въ тѣни двухъ сосенъ устарѣлыхъ.
 Пришельцу надпись говорить:

⁴⁴⁾ Левшинъ, авторъ многихъ сочиненій по части хозяйственной.

«Владиміръ Ленскій здѣсь лежитъ,
Погибшій рано смертью смѣлыхъ,
Въ такой-то годъ, такихъ-то лѣтъ.
Покойся, юноша-поэтъ!»

VII.

На вѣтви сосны преклоненной,
Бывало, ранній вѣтерокъ
Надъ этой урною смиренной
Качалъ таинственный вѣнокъ;
Бывало, въ поздніе досуги
Сюда ходили двѣ подруги,
И на могилѣ, при лунѣ,
Обнявшись, плакали онѣ.
Но нынѣ... памятникъ унылый
Забить. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ подъ нимъ, сѣдой и хилый,
Пастухъ по прежнему поетъ,
И обувь бѣдную плететъ.

VIII. IX *). X.

Мой бѣдный Ленскій! изнывая,
Не долго плакала она.

*) Къ строфѣ VIII:

. . . разъ вечернею порою
Одна изъ дѣвъ сюда пришла;
Казалось, тайною тоскою
Она встревожена была.
Объятая невольнымъ страхомъ
Она въ слезахъ предъ милымъ прахомъ
Стояла, голову склонивъ
И руки съ трепетомъ сложивъ...
Но тутъ послѣдними шагами
Ее настигъ молодой уланъ,
Затянуть, статеи и румяиъ,
Красуясь черными усамъ,
Нагнувъ широкія плеча
И гордо шпорами звуча.

Къ IX.

Она на война взглянула:
Горѣлъ досадою взоръ его —
И тихо руку протянула,
Но не сказала ничего.
И молча Ленскаго невѣста

Увы! невѣста молодая
 Своей печали не вѣрна.
 Другой увлекъ ея вниманье,
 Другой успѣлъ ея страданье
 Любовной лестью усыпить;
 Уланъ умѣлъ ее плѣнить,
 Уланъ любимъ ея душою...
 И вотъ, ужъ съ нимъ предъ алтаремъ
 Она стыдливо подъ вѣнцомъ
 Стоитъ съ поникшей головою,
 Съ огнемъ въ потупленныхъ очахъ,
 Съ улыбкой легкой на устахъ.

XI.

Мой бѣдный Ленскій! за могилой,
 Въ предѣлахъ вѣчности глухой,
 Смутился ли пѣвецъ унылый
 Измѣны вѣстью роковой?
 Или надъ Летою усыпленной,
 Поэтъ, безчувствіемъ блаженный,
 Ужъ не смущается ничѣмъ,
 И міръ ему закрытъ и нѣмъ?....*)
 Такъ равнодушное забвенье
 За гробомъ ожидаетъ насъ.
 Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
 Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
 Наслѣдниковъ сердитый хоръ
 Заводитъ непристойный споръ.

XII.

И скоро звонкій голосъ Оли
 Въ семействѣ Лариныхъ умолкъ.
 Уланъ, своей невольникъ доли,

Отъ сиротѣющаго мѣста
 Съ нимъ удалилась, и съ тѣхъ поръ
 Ужъ не являлась изъ-за горъ...

*) По крайней мѣрѣ, изъ могилы
 Не вышла въ сей печальный день
 Его ревнующая тѣнь,
 И въ поздній часъ, Гимену милый,
 Не испугали молодыхъ
 Слѣды явленій гробовыхъ.

Быль долженъ ѣхать съ нею въ полкъ.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, съ дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была;
Но Таня плакать не могла:
Лишь смертной блѣдностью покрылось
Ея печальное лицо,
Когда всё вышли на крыльцо,
И все, прощаясь, суетилось
Вокругъ кареты молодыхъ.
Татьяна проводила ихъ *)

XIII.

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядѣла имъ вослѣдъ....
И вотъ одна, одна Татьяна!
Увы! подруга столькихъ лѣтъ,
Ея голубка молодая,
Ея наперсница родная,
Судьбою въ даль занесена,
Съ ней навсегда разлучена.
Какъ тѣнь, она безъ цѣли бродить;
То смотритъ въ опустѣлый садъ....
Нигдѣ, ни въ чемъ ей нѣтъ отрадъ,
И облегченья не находитъ
Она подавленнымъ слезамъ,
И сердце рвется пополамъ.

XIV.

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горитъ,
И объ Онѣгинѣ далекомъ
Ей сердце громче говорить.
Она его не будетъ видѣть;
Она должна въ немъ ненавидѣть
Убийцу брата своего.
Поэтъ погибъ.... но ужъ его
Никто не помнитъ; ужъ другому
Его невѣста отдалась.
Поэта память пронеслась

*) Помѣта: 19 февраля.

Какъ дымъ по небу голубому.
 О немъ два сердца, можетъ быть,
 Еще грустятъ.... на что грустить?...

XV.

Быль вечеръ. Небо меркло. Воды
 Струились тихо. Жукъ жужжалъ.
 Ужъ расходились хороводы.
 Ужъ за рѣкой, дымясь, пылалъ
 Огонь рыбацій. Въ полѣ чистомъ,
 Луны при свѣтѣ серебристомъ,
 Въ свои мечты погружена,
 Татьяна долго шла одна;
 Шла, шла.... и вдругъ передъ собою
 Съ холма господскій видитъ домъ,
 Селенье, рощу подъ холмомъ
 И садъ надъ свѣтлою рѣкою.
 Она глядитъ — и сердце въ ней
 Забилось чаще и сильнѣй.

XVI.

Ее сомнѣнія смущаютъ:
 «Пойду ль впередъ, пойду ль назадъ?..
 Его здѣсь нѣтъ. Меня не знаютъ....
 Взгляну на домъ, на этотъ садъ!»
 И вотъ, съ холма Татьяна сходитъ,
 Едва дыша, кругомъ обводитъ
 Недоумѣнья полный взоръ...
 И входитъ на пустынный дворъ.
 Къ ней, лая, кинулись собаки;
 На крикъ испуганный ея
 Ребятъ дворовая семья
 Сбѣжалась шумно. Не безъ драки
 Мальчишки разгоняли псовъ,
 Взявъ барышню подъ свой покровъ.

XVII.

«Увидѣть барскій домъ нельзя ли?»
 Спросила Таня. Поскорѣй
 Къ Анисьѣ дѣти побѣжали,
 У ней ключи взять отъ сѣней.

Анисья тотчасъ къ ней явилась,
И дверь предъ ними отворилась,
И Таня входитъ въ домъ пустой,
Гдѣ жилъ недавно нашъ герой.
Она глядитъ: забытый въ залѣ
Кій на бильярдѣ отдыхалъ;
На смятомъ канале лежалъ
Манежный хлыстикъ. Таня далѣ;
Старушка ей: «а вотъ каминъ;
Здѣсь баринъ сиживалъ одинъ.

XVIII.

«Здѣсь съ нимъ обѣдывалъ зимою
Покойный Ленскій, нашъ сосѣдъ.
Сюда пожалуйте за мною,—
Вотъ это барскій кабинетъ:
Здѣсь почивалъ онъ, кофѣй кушалъ,
Прикащика доклады слушалъ,
И книжку поутру читалъ...
И старый баринъ здѣсь живалъ.
Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь подъ окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!»

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ;
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу томную живить
Полумучительной отрадой:
И столикъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подъ окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видъ въ окно сквозь сумракъ лунный,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,
И лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
 Какъ очарована стоитъ.
 Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодный.
 Темно въ долинѣ. Роща спитъ
 Надъ отуманенной рѣкою;
 Луна сокрылась за горою,
 И пилигримѣ молодой
 Пора, давно пора домой.
 И Таня, скрывъ свое волненье,
 Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
 Пускается въ обратный путь,
 Но прежде проситъ позволенья
 Пустынный замокъ навѣщать,
 Чтобъ книжки здѣсь одной читать.

XXI.

Татьяна съ ключницей простилась
 За воротами. Черезъ день
 Ужъ утромъ рано вновь явилась
 Она въ оставленную сѣнь,
 И въ молчаливомъ кабинетѣ,
 Забывъ на время все на свѣтѣ,
 Осталась наконецъ одна,
 И долго плакала она.
 Потомъ за книги принялася.
 Сперва ей было не до нихъ;
 Но показался выборъ ихъ
 Ей страненъ. Чтенью предалася
 Татьяна жадною душой:
 И ей открылся міръ иной.

XXII.

Хотя мы знаемъ, что Евгенийъ
 Издавна чтенье разлюбилъ;
 Однакожъ нѣсколько твореній
 Онъ изъ опалы исключилъ:
 Пѣвца Гаура и Жуана,
 Да съ нимъ еще два-три романа,
 Въ которыхъ отразился вѣкъ,
 И современный человекъ

Изображенъ довольно вѣрно
 Съ его безнравственной душой,
 Себялюбивой и сухой,
 Мечтанью преданной безмѣрно,
 Съ его озлобленнымъ умомъ,
 Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ *).

XXIII.

Хранили многія страницы
 Отмѣтку рѣзкую ногтей.
 Глаза внимательной дѣвицы
 Устремлены на нихъ живѣй.
 Татьяна видитъ съ трепетаньемъ,
 Какою мыслью, замѣчаньемъ.
 Бываль Онѣгинъ пораженъ,
 Съ чѣмъ молча соглашался онъ.
 На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
 Черты его карандаша:
 Вездѣ Онѣгина душа
 Себя невольно выражаетъ
 То краткимъ словомъ, то крестомъ,
 То вопросительнымъ крючкомъ.

XXIV.

И начинаетъ понемногу
 Моя Татьяна понимать
 Теперь яснѣе, слава Богу,
 Того, по комъ она вздыхать
 Осуждена судьбою властной:
 Чудакъ печальный и опасный,
 Созданье ада иль небесъ,
 Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
 Что жъ онъ? Ужели подражанье,
 Ничтожный призракъ, иль еще
 Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ.
 Чужихъ причудъ истолкованье,
 Словъ модныхъ полный лексиконъ?..
 Ужъ не пародія ли онъ?

*) Юмъ, Робертсонъ, Руссо, Мабли,
 Баронъ д'Ольбахъ, Вольтеръ, Гельвецій,
 Локъ, Фонтенель, Дидротъ, Парни,
 Горацій, Киверонъ, Лукрецій...

XXV.

Ужель загадку разрѣшила?
 Ужели слово найдено?
 Часы бѣгутъ; она забыла,
 Что дома ждуть ее давно,
 Гдѣ собралися два сосѣда
 И гдѣ о ней идетъ бесѣда.
 «Какъ быть? Татьяна не дитя,»
 Старушка молвила, крехтя.
 «Вѣдь Оленька ея моложе.
 Пристроить дѣвушку, ей-ей,
 Пора; а что мнѣ дѣлать съ ней?
 Всѣмъ наотрѣзъ одно и то же:
 Нейду. И все груститъ она,
 Да бродить по лѣсамъ одна.»

XXVI.

— Не влюблена ль она? «Въ кого же?
 Буяновъ сватался — отказъ.
 Ивану Пѣтушкову — тоже.
 Гусарь Пыхтинъ гостилъ у насъ;
 Ужъ какъ онъ Танею прельщался,
 Какъ мелкимъ бѣсомъ разсыпался!
 Я думала: поидеть, авось;
 Куда! и снова дѣло врозь.»
 — Что жъ, матушка, зачѣмъ же стало?
 Въ Москву, на ярмарку невѣсть!
 Тамъ, слышно, много праздныхъ мѣсть.
 «Охъ, мой отецъ! доходу мало.»
 — Довольно для одной зимы;
 Не то, ужъ дамъ хоть я взаимы.

XXVII.

Старушка очень полюбила
 Совѣтъ разумный и благой;
 Сочлась, и тутъ же положила
 Въ Москву отправиться зимой.
 И Таня слышитъ новость эту.
 На судъ взыскательному свѣту
 Представить ясныя черты
 Провинціальной простоты,

И запоздалые наряды,
 И запоздалый складъ рѣчей!
 Московскихъ франтовъ и цирцей
 Привлечь насмѣшливые взгляды!...
 О, страхъ! нѣтъ, лучше и вѣрнѣй
 Въ глуши лѣсовъ остаться ей.

XXVIII.

Вставая съ первыми лучами,
 Теперь она въ поля спѣшить
 И, умиленными очами
 Ихъ. озирая, говорить:
 «Простите, мирныя долины,
 И вы, знакомыхъ горъ вершины,
 И вы, знакомые лѣса!
 Прости, небесная краса,
 Прости, веселая природа!
 Мнѣняю милый, тихій свѣтъ
 На шумъ блистательныхъ суеть!...
 Прости жъ и ты, моя свобода!
 Куда, зачѣмъ стремлюся я?
 Что мнѣ сулитъ судьба моя?

XXIX.

Ея прогулки длятся долѣ.
 Теперь то холмикъ, то ручей
 Останавлиють поневолѣ
 Татьяну прелестью своей.
 Она, какъ съ давними друзьями,
 Съ своими рощами, лугами,
 Еще бесѣдовать спѣшить.
 Но лѣто быстрое летить;
 Настала осень золотая.
 Природа трепетна, блѣдна,
 Какъ жертва пышно убрана...
 Вотъ сѣверъ, тучи нагоняя,
 Дохнуль, завылъ — и вотъ сама
 Идетъ волшебница зима.

XXX.

Пришла, разсыпалась; клоками
 Повисла на сукахъ дубовъ;

Легла волнистыми коврами
 Среди полей, вокруг холмовъ *);
 Брега съ недвижною рѣкою
 Сравнила пухлой пеленою;
 Блеснулъ морозъ. И рады мы
 Проказамъ матушки зимы.
 Не радо ей лишь сердце Тани.
 Нейдетъ она зиму встрѣчать,
 Морозной пылью подышать,
 И первымъ снѣгомъ съ кровли бани
 Умыть лицо, плеча и грудь:
 Татьянѣ страшень зимній путь.

XXXI.

Отъѣзда день давно просроченъ;
 Приходить и послѣдній срокъ.
 Осмотрѣвъ, вновь обить, упроченъ
 Забвенью брошенный возокъ.
 Обозъ обычный — три кибитки
 Везуть домашніе пожитки,
 Кострюльки, стулья, сундуки,
 Варенья въ банкахъ, тюфяки,
 Перины, клѣтки съ пѣтухами,
 Горшки, тазы et cetera,
 Ну, много всякаго добра.
 И вотъ, въ избѣ между слугами
 Поднялся шумъ, прощальный плачь:
 Ведуть на дворъ осмнадцать клячь;

XXXII.

Въ возокъ боярскій ихъ впрягаютъ;
 Готовятъ завтракъ повара;
 Горой кибитки нагружаютъ;
 Бранятся бабы, кучера;
 На клячѣ тощей и косматой
 Сидитъ фореиторъ бородатый;
 Сбѣжалась челядь у воротъ
 Прощаться съ барями. И вотъ,
 Усѣлись, и возокъ почтенный

*) Ср. у Державина, въ одѣ на переходѣ Альпійскихъ горъ: «Волшебница сѣдая лежитъ на высотѣ холмовъ.»

Скользя, ползеть за ворота.
 «Простите, мирныя мѣста!
 Прости, приютъ уединенный!
 Увижу ль васъ?..» И слезъ ручей
 У Тани льется изъ очей.

XXXIII.

Когда благому просвѣщенью
 Отдвинемъ болѣе границъ,
 Современемъ (по расчисленью
 Философическихъ таблицъ,
 Лѣтъ черезъ пятьсотъ) дороги, вѣрно,
 У насъ измѣнятся безмѣрно:
 Шоссе Россію здѣсь и тутъ
 Соединивъ, пересѣкутъ;
 Мосты чугунные черезъ воды
 Шагнутъ широкою дугой;
 Раздвинемъ горы; подъ водой
 Пророемъ дерзостные своды,
 И заведетъ крещеный міръ
 На каждой станціи трактиръ.

XXXIV.

Теперь у насъ дороги плохи ⁴⁵⁾,
 Мосты забытые гніютъ,

⁴⁵⁾ Дороги наши—садъ для глазъ:
 Деревья съ дерномъ, валь, канавы,
 Работы много, много славы,
 Да жаль, проѣзда нѣтъ подчасъ.
 Съ деревьевъ, на часахъ стоящихъ,
 Проѣзжимъ мало барыша;
 Дорога, скажешь, хороша,—
 И вспомнишь стихъ: для проходящихъ!
 Свободна русская ѣзда
 Въ двухъ только случаяхъ: когда
 Нашъ Махъ-Адамъ или Махъ-Ева—
 Зима свершитъ, треща отъ гнѣва,
 Опустошительный набѣгъ,
 Путь окуетъ чугуномъ ледистымъ
 И запорошитъ ранній снѣгъ
 Слѣды ея пескомъ пушистымъ,
 Или когда поля пройметъ
 Такая внойная засуха,
 Что черезъ лужу можетъ въ бродъ
 Пройти, глаза зажмура, муха.

(«Станція». Кн. Вяземскій).

На станціяхъ клопы да блохи
 Заснуть минуты не даютъ;
 Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной.
 Для виду прейскурантъ висить,
 И тщетный дразнить аппетитъ,
 Межъ тѣмъ какъ сельскіе циклопы,
 Передъ медлительнымъ огнемъ,
 Россійскимъ лѣчатъ молоткомъ
 Издѣлье легкое Европы,
 Благословляя колеи
 И рвы отеческой земли.

XXXV.

За то зимы порой холодной
 Ъзда пріятна и легка.
 Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной,
 Дорога зимняя гладка.
 Автомедоны наши бойки,
 Неутомимы наши тройки,
 И версты, тѣша праздный взоръ,
 Въ глазахъ мелькають, какъ заборъ.⁴⁶⁾
 Къ несчастью, Ларина тащилась,
 Боясь прогоновъ дорогихъ,
 Не на почтовыхъ, на своихъ —
 И наша дѣва насладилась
 Дорожной скукою вполне:
 Семь сутокъ ѣхали онѣ.

XXXVI.

Но вотъ, ужъ близко. Передъ ними
 Ужъ бѣлокаменной Москвы
 Какъ жаръ крестами золотыми
 Горять старинныя главы.
 Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
 Когда церковей и колоколенъ,
 Садовъ, чертоговъ полукругъ
 Открылся предо мною вдругъ!
 Какъ часто въ горестной разлукѣ,

⁴⁶⁾ Сравненіе, заимствованное у К**, столь извѣстнаго игривостью воображенія. К** рассказывалъ, что, будучи однажды посланъ курьеромъ отъ князя Потемкина къ императрицѣ, онъ ѣхалъ такъ скоро, что шпата его, высунувшійся концомъ изъ телѣжки, стучала по верстамъ, какъ по частоколу.

Въ моей блуждающей судьбѣ,
 Москва, я думалъ о тебѣ! *)
 Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
 Для сердца русскаго слилось!
 Какъ много въ немъ отозвалось!

XXXVII.

Вотъ, окружень своей дубравой,
 Петровскій замокъ. Мрачно онъ
 Недавнею гордится славой.
 Напрасно ждалъ Наполеонъ,
 Последнимъ счастьемъ упоенный,
 Москвы колѣнопреклоненной
 Съ ключами стараго Кремля:
 Нѣтъ, не пошла Москва моя
 Къ нему съ повинной головою.
 Не праздникъ, не приѣмный даръ, —
 Она готовила пожаръ
 Нетерпѣливому герою!
 Отселѣ, въ думу погружень,
 Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

XXXVIII.

Прощай, свидѣтель нашей славы,
 Петровскій замокъ. Ну! не стой,
 Поползь! Уже столпы заставы
 Вѣдѣютъ; вотъ, ужъ по Тверской
 Возокъ несется чрезъ ухабы.
 Мелькаютъ мимо будки, бабы,
 Мальчишки, лавки, фанари,
 Дворцы, сады, монастыри,
 Бухарцы, сани, огороды,
 Купцы, лачужки, мужики,
 Бульвары, башни, казаки,
 Аптеки, магазины моды,
 Балконы, львы на воротахъ
 И стаи галокъ на крестахъ.

*) Вар.:

Въ изгнаньѣ, въ горести, въ разлукѣ,
 Москва, какъ жаждалъ я тебя,
 Святая родина моя!

XXXIX.

Москва! Москва!

XL.

Въ сей утомительной прогулкѣ
 Проходить часъ-другой, и вотъ,
 У Харитонья въ переулкѣ
 Возокъ предъ домомъ у воротъ
 Остановился. Къ старой теткѣ,
 Четвертый годъ больной въ чахоткѣ,
 Онѣ прѣхали теперь.
 Имъ настежь отворяетъ дверь
 Въ очкахъ, въ изорванномъ кафтанѣ,
 Съ чулкомъ въ рукѣ, съдой калмыкъ.
 Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
 Княжны, простертой на диванѣ.
 Старушки съ плачемъ обнялись,
 И восклицанья полились.

XLI.

«Княжна, mon ange!»—Pachette! «Полина!»
 — Кто бь могъ подумать? «Какъ давно!»
 — Надолго ль? «Милая! кузина!»
 — Садись! какъ это мудрено!
 Ей-Богу, сцена изъ романа...
 «А это дочь моя, Татьяна.»
 — Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ,
 Какъ будто брежу я во снѣ...
 Кузина, помнишь Грандисона?
 «Какъ, Грандисонъ?.. а, Грандисонъ!»
 Да, помню, помню. Гдѣ же онъ?»
 — Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
 Меня въ сочельникъ навѣстилъ:
 Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ... но послѣ все расскажемъ,
 Не правда ль? Всей ея роднѣ
 Мы Таню завтра же покажемъ.
 Жаль, разбѣзжать нѣтъ мочи мнѣ;

Едва-едва таскаю ноги.
 Но вы замучены съ дороги;
 Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть...
 Охъ, силы нѣтъ... устала грудь...
 Мнѣ тяжела теперь и радость,
 Не только грусть... душа моя,
 Ужъ никуда не годна я...
 Подъ старость жизнь — такая гадость...
 И тутъ, совсѣмъ утомлена,
 Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки, и веселье
 Татьяну трогаютъ; но ей
 Нехорошо на новосельѣ,
 Привыкшей къ горницѣ своей.
 Подъ занавѣскою шелковой
 Не спится ей въ постелѣ новой.
 И ранній звонъ колоколовъ,
 Предтеча утреннихъ трудовъ,
 Ее съ постели подымаетъ.
 Садится Таня у окна.
 Рѣдѣетъ сумракъ; но она
 Своихъ полей не различаетъ:
 Предъ нею незнакомый дворъ,
 Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ, по родственнымъ обѣдамъ
 Развозятъ Таню каждый день —
 Представить бабушкамъ и дѣдамъ
 Ея разсѣянную лѣнь.
 Роднѣ, прибывшей издалеча,
 Повсюду ласковая встрѣча,
 И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
 «Какъ Таня выросла! Давно ль
 Я, кажется, тебя крестила?»
 — А я такъ на руки брала!
 «А я такъ за уши драла.»
 — А я такъ пряникомъ кормила!
 И хоромъ бабушки твердятъ:
 «Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемѣны;
 Все въ нихъ на старый образецъ:
 У тетушки княжны Елены
 Все тотъ же тюлевый чепецъ;
 Все бѣлится Лукерья Львовна,
 Все такъ же жжетъ Любовь Петровна,
 Иванъ Петровичъ такъ же глупъ,
 Семень Петровичъ такъ же скупъ,
 У Пелагеи Николавны
 Все тотъ же другъ, москѣ Финмушъ,
 И тотъ же шницъ, и тотъ же мужъ;
 А онъ все клуба членъ исправный,
 Все такъ же смиренъ, такъ же глухъ,
 И такъ же ѣсть и пить за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимають.
 Младья граціи Москвы
 Сначала молча озирають
 Татьяну съ ногъ до головы;
 Ее находятъ что-то странной,
 Провинціальной и жеманной,
 И что-то блѣдной и худой,
 А впрочемъ очень недурной;
 Потомъ, покорствуя природѣ,
 Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
 Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
 Взбиваютъ кудри ей по модѣ,
 И повѣряютъ нараспѣвъ
 Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
 Надежды, шалости, мечты...
 Текутъ невинныя бесѣды
 Съ прикрасой легкой клеветы.
 Потомъ, въ отплату лепетанья,
 Ея сердечнаго признанья
 Умильно требуютъ онѣ.
 Но Тая, точно какъ во снѣ,

Ихъ рѣчи слышать безъ участя,
 Не понимаетъ ничего,
 И тайну сердца своего,
 Завѣтный кладъ и слезъ, и счастья,
 Хранить безмолвно между тѣмъ,
 И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
 Въ бесѣды, въ общій разговоръ;
 Но всѣхъ въ гостиной занимаетъ
 Такой безсвязный, пошлый вздоръ,
 Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
 Они клеветуютъ даже скучно;
 Въ бесплодной сухости рѣчей,
 Вопросовъ, сплетень и вѣстей,
 Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
 Хоть невзначай, хоть наобумъ;
 Не улыбнется темный умъ,
 Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки.
 И даже глупости смѣшной
 Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

XLIX.

Архивны юноши толпою
 На Таню чопорно глядятъ,
 И про нее между собою
 Неблагодарно говорятъ*).
 Одинъ какой-то путь печальный
 Ее находить идеальной,
 И прислонившись у дверей,
 Элегію готовить ей.
 У скучной тетки Таню встрѣтя,
 Къ ней какъ-то Вяземскій подсѣлъ
 И душу ей занять успѣлъ;
 И близъ него ее замѣтя,
 Объ ней, поправя свой парикъ,
 Освѣдомляется старикъ.

*) Многие молодые люди изъ аристократическихъ фамилій считались въ 20-хъ годахъ на службѣ въ Московскомъ главномъ архивѣ м-ва иностранныхъ дѣлъ. Выраженіе «архивные юноши», по словамъ Пушкина, принадлежить Соболевскому. См. V, 129.

L.

Но тамъ, гдѣ Мельпомены бурной
 Протяжный раздается вой,
 Гдѣ машетъ мантией мишурной
 Она предъ хладною толпой,
 Гдѣ Талія тихонько дремлетъ
 И плескамъ дружескимъ не внемлетъ,
 Гдѣ Терпсихорѣ лишь одной
 Дивится зритель молодой
 (Что было также въ прежни лѣты,
 Во время ваше и мое),
 Не обратились на нее
 Ни дамъ ревнивые лорнеты,
 Ни трубки модныхъ знатоковъ
 Изъ ложъ и кресельныхъ рядовъ *).

LI.

Ее привозятъ и въ собранье.
 Тамъ тѣснота, волненье, жаръ,
 Музыки грохотъ, свѣтъ блистанье,
 Мельканье, вихорь быстрыхъ паръ,
 Красавицъ легкіе уборы,
 Людьми пестрѣющія хоры,
 Невѣсть обширный полукругъ, —
 Все чувство поражаетъ вдругъ.
 Здѣсь кажутъ франты записные
 Свое нахальство, свой жилетъ
 И невнимательный лорнетъ;
 Сюда гусары отпускные
 Спѣшатъ явиться, прогремѣть,
 Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

LII.

У ночи много звѣздъ прелестныхъ,
 Красавицъ много на Москвѣ.
 Но ярче всѣхъ подругъ небесныхъ
 Луна въ воздушной синевѣ.

*) Первоначально Пушкинъ хотѣлъ, чтобы въ театрѣ обратили вниманіе на Татьяну:

Внизу вопросы зашумѣли:
 Кто это—съ правой стороны
 Въ четвертой ложѣ?..

Но та, которую не смѣю
Тревожить лирою моею,
Какъ величавая луна
Средь женъ и дѣвъ блестить одна.
Съ какою гордостью небесной
Земли касается она!
Какъ нѣгой грудь ея полна!
Какъ томень взоръ ея чудесный!..*)
Но полно, полно, перестань,
Ты заплатилъ безумству дань.

LIII.

Шумъ, хохоть, бѣготня, поклоны,
Галопъ, мазурка, вальсъ... Межъ тѣмъ,
Между двухъ тетокъ, у колонны,
Не замѣчаема никѣмъ,
Татьяна смотреть и не видитъ,
Волненье свѣта ненавидитъ;
Ей душно здѣсь... она мечтой
Стремится къ жизни полевой,
Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,
Въ уединенный уголокъ,
Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,
Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ,
И въ сумракъ липовыхъ аллей,
Туда, гдѣ онъ являлся ей.

LIV.

Такъ мысль ея далече бродитъ:
Забуть и свѣтъ, и шумный балъ;
А глазъ межъ тѣмъ съ нея не сводитъ
Какой-то важный генераль.
Другъ другу тетушки мигнули,
И локтемъ Таню вразъ толкнули,
И каждая шепнула ей:
«Взгляни налѣво поскорѣй.»
— Налѣво? гдѣ? что тамъ такое?
«Ну, что бы ни было, гляди...
Въ той кучкѣ, видишь, впереди,
Тамъ, гдѣ еще въ мундирахъ двое...

*) Ср. II, 25.

Вотъ, отошелъ... вотъ, бокомъ сталь?..
— Кто? толстый этотъ генераль?..

LV.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою,
И всторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть, о комъ пою..
Да, кстати, здѣсь о томъ два слова:
«Пою пріятеля младого
И множество его причудъ *).
Благослови мой долгій трудъ,
О ты, эпическая муза!
И вѣрный посохъ мнѣ вручивъ,
Не дай блуждать мнѣ вкось и веривъ.»
Довольно. Съ плечъ долой обуза!
Я классицизму отдалъ честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

(1827—1828. Москва. Михайловское.
Петербургъ. Малинники).

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Fare thee well, and if for ever,
Still for ever fare thee well.

Вугон.

I.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Апулея,
А Цицерона не читалъ;
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близъ водъ, сіявшихъ въ тишинѣ,
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья
Вдругъ озарилась: муза въ ней
Открыла пиръ молодыхъ затѣй,

*) Пою... слогъ настроя,
Я полу-русскаго героя...

Воспѣла дѣтскія веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны *).

*) Къ строфѣ I:

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,
Читалъ охотно Елисея,
А Цицерона прокипалъ *),
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
Не предпочелъ бы мячикъ мѣткій,
Считалъ схоластику за вадоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ;
Когда порой бывалъ прилеженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятенъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ.

II.

Когда въ забвеньѣ передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ,
И говорить старался басомъ,
И стригъ надъ губой первый пухъ.
Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую вволновала кровь,
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ
И счастье тайныхъ мукъ узналъ...

III.

Въ тѣ дни, во мглѣ дубравныхъ сводовъ,
Близъ водъ, текущихъ въ тишинѣ,
Въ углахъ лицейскихъ переходовъ,
Являться муза стала мнѣ.
Моя студенческая келья,
Доселѣ чуждая веселья,
Вдругъ оварилась! Муза въ ней
Открыла пиръ своихъ затѣй.
Простите, хладныя науки!
Простите, игры первыхъ лѣтъ!
Я измѣнился, я поэтъ...
Въ душѣ моей едины звуки
Переливаются, живутъ,
Въ размѣры сладкіе бѣгутъ.

*) Читалъ украдкой Апулея,
А надъ Виргилиемъ зѣвалъ.

Въ рукописи этой строфѣ предшествуетъ поэмта: 1829, 24 декабря.

II.

И свѣтъ ея съ улыбкой встрѣтилъ:
 Успѣхъ насъ первый окрылилъ;
 Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
 И, въ гробъ сходя, благословилъ... *)

.....

III.

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
 Страстей единый произволь,
 Съ толпою чувства раздѣляя,
 Я музу рѣзвую привелъ
 На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
 Грозы полуночныхъ дозоровъ;
 И къ нимъ въ безумные пиры
 Она несла свои дары,
 И какъ вакханочка рѣзвилась,

IV.

Вездѣ со мной, неутомима,
 Мнѣ муза пѣла, пѣла вновь
 (Amorem sanat aetas prima)**)
 Все про любовь, да про любовь...
 Я вторилъ ей; младые други
 Въ освобожденные досуги
 Любили слушать голосъ мой.
 Они пристрастною душой
 Ревнуга къ братскому союзу,
 Мнѣ первый поднесли вѣнецъ,
 Чтобъ имъ украсилъ ихъ пѣвецъ
 Свою застѣчивую музу.
 О торжество невинныхъ дней:
 Твой сладокъ сонъ душѣ моей!

*) И Дмитревъ не былъ намъ хулитель,
 И бытъ русскаго хранитель,
 Скрижалъ оставя, намъ внималъ
 И музу робкую ласкалъ.
 И ты, глубоко вдохновленный,
 Всего прекраснаго пѣвецъ,
 Ты, идолъ дѣвственныхъ сердецъ!
 Не ты ль, пристрастьемъ увлеченный,
 Не ты ль мнѣ руку подавалъ
 И къ славѣ чистой призывалъ?

[Ср. Посланіе къ Жуковскому 1817 г., I, 163.]

***) Стихъ Проперція: Aetas prima sanat venereis extrema tumultos взять эпиграфомъ къ наданію «Стихотвореній А. Пушкина», 1826.

За чашей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился межъ друзей
Подругой вѣтреной моей.

IV.

Но я отсталъ отъ ихъ союза
И вдаль бѣжалъ... она—за мной *).
Какъ часто ласковая муза
Мнѣ услаждала путь нѣмой
Волшебствомъ тайнаго разсказа!
Какъ часто по скаламъ Кавказа
Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ!
Какъ часто по берегамъ Тавриды
Она меня во мглѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный попотъ Нереиды,
Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ отцу міровъ.

V.

И позабывъ столицы дальней
И блескъ, и шумные пиры,
Въ глуши Молдавіи печальной
Она смиренные шатры
Племень бродящихъ посѣщала,
И между ними одичала,
И позабыла рѣчь боговъ
Для скудныхъ, странныхъ языковъ,
Для пѣсенъ степи, ей любовной...
Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ, она въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкой въ рукахъ.

*) Но рокъ мнѣ бросилъ взоры гнѣва
И вдаль занесъ... Она—за мной.
Какъ часто ласковая дѣва, и т. д.

VI.

И нынѣ музу я впервые
 На свѣтскій раутъ привожу ⁴⁷⁾;
 На прелести ея степныя
 Съ ревнивой робостью гляжу.
 Сквозь тѣсный рядъ аристократовъ,
 Военныхъ франтовъ, дипломатовъ
 И гордыхъ дамъ она скользить;
 Вотъ, сѣла тихо и глядитъ,
 Любуясь шумной тѣснотою,
 Мельканьемъ платьевъ и рѣчей,
 Явленьемъ медленнымъ гостей
 Передъ хозяйкой молодою,
 И темной рамою мужчинъ
 Вкругъ дамъ, какъ около картинъ.

VII.

Ей нравится порядокъ стройный
 Олигархическихъ бесѣдъ,
 И холодъ гордости спокойной,
 И эта смѣсь чиновъ и лѣтъ.
 Но это кто въ толпѣ избранной
 Стоитъ безмолвный и туманный?
 Для всѣхъ онъ кажется чужимъ.
 Мелькаютъ лица передъ нимъ,
 Какъ рядъ докучныхъ привидѣній.
 Что—сплинъ иль страждущая спѣсь
 Въ его лицѣ? Зачѣмъ онъ здѣсь?
 Кто онъ таковъ? Ужель Евгеній?
 Ужели онъ?... Такъ, точно онъ.
 «Давно ли къ намъ онъ занесенъ?»

VIII.

«Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
 Иль корчитъ такъ же чудака?
 Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
 Что намъ представить онъ пока?
 Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
 Космополитомъ, патріотомъ,
 Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,

⁴⁷⁾ Rout, вечернее собраніе безъ ташцевъ, собственно значить толпа.

Иль маской щегольнетъ иной?
 Иль просто будетъ добрый малый,
 Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
 По крайней мѣрѣ, мой совѣтъ:
 Отстать отъ моды обветшалою.
 Довольно онъ морочилъ свѣтъ...»
 — Знакомъ онъ вамъ? «И да, и нѣтъ.»

IX.

— Зачѣмъ же такъ неблагоклонно
 Вы отзываетесь о немъ?
 За то ль, что мы неутомонно
 Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
 Чтò пылкихъ душъ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Иль оскорбляетъ, иль смѣшить;
 Что умъ, любя просторъ, тѣснить;
 Что слишкомъ часто разговоры
 Принять мы рады за дѣла;
 Что глупость вѣтрена и зла;
 Что важнымъ людямъ — важны вздоры,
 И что посредственность одна
 Намъ по плечу и не странна?

X.

Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ,
 Блаженъ, кто во-время созрѣлъ,
 Кто постепенно жизни холодъ
 Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
 Кто страннымъ снамъ не предавался;
 Кто черни свѣтской не чуждался;
 Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
 А въ тридцать выгодно женатъ;
 Кто въ пятьдесятъ освободился
 Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
 Кто славы, денегъ и чиновъ
 Спокойно въ очередь добился,
 О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
 N. N. прекрасный человекъ!*)

*) Къ строфѣ X:

Блаженъ, кто понималъ голосъ строгій
 Необходимости земной,

XI.

Но грустно думать, что напрасно
 Была намъ молодость дана,
 Что измѣняли ей всечасно,
 Что обманула насъ она;
 Что наши лучшія желанья,
 Что наши свѣжія мечтанья
 Истлѣли быстрой чередой,
 Какъ листья осенью гнилой.
 Несносно видѣть предъ собою
 Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
 Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
 И вслѣдъ за чинною толпою
 Идти, не раздѣляя съ ней
 Ни общихъ мнѣній, ни страстей!

XII.

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
 Несносно (согласитесь въ томъ)
 Между людей благоразумныхъ
 Прослыть притворнымъ чудакомъ,
 Или печальнымъ сумасбродомъ,
 Иль сатаническимъ уродомъ,
 Иль даже «Демономъ» моимъ.
 Онѣгинъ (вновь займуся имъ),
 Убивъ на поединкѣ друга,
 Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ,
 До двадцати шести годовъ,

Кто въ жизни шелъ большой дорогой,
 Большой дорогой столбовой.
 Кто цѣль имѣлъ и къ ней стремился,
 Кто зналъ, зачѣмъ онъ въ свѣтъ явился,
 И Богу душу передалъ,
 Какъ отступникъ или генералъ.
 «Мы рождены, сказала Сенека,
 Для пользы ближнихъ и своей!»
 Нельзя быть проще и яснѣй!
 Но тяжело, проживъ полвѣка,
 Въ минувшемъ видѣть только слѣдъ
 Утраченныхъ безумныхъ лѣтъ.

XI.

Несносно думать, что напрасно
 Была намъ молодость дана... и пр.

Томясь въ бездѣйствіи досуга,
 Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
 Ничѣмъ заняться не умѣлъ *).

XIII.

Имъ овладѣло безпокойство,
 Охота къ перемѣнѣ мѣстъ
 (Весьма мучительное свойство,
 Немногихъ добровольный крестъ).
 Оставилъ онъ свое селенье,
 Лѣсовъ и нивъ уединенье,
 Гдѣ окровавленная тѣнь
 Ему являлась каждый день,
 И началъ странствія безъ цѣли,
 Доступный чувству одному—
 И путешествія ему,
 Какъ все на свѣтѣ, надобли;
 Онъ возвратился и попалъ,
 Какъ Чацкій, съ корабля на балъ.

XIV.

Но вотъ, толпа заколебалась,
 По залѣ шопотъ пробѣжалъ...
 Къ хозяйкѣ дама приближалась,
 За нею важный генераль.
 Она была не тороплива,
 Не холодна, не говорлива,
 Безъ взора наглаго для всѣхъ,
 Безъ притязаній на успѣхъ,
 Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
 Безъ раздражательныхъ затѣй...
 Все тихо, просто было въ ней.
 Она казалась вѣрный снимокъ
 Du somme il faut... Шишковъ! прости:
 Не знаю, какъ перевести **).

XV.

Къ ней дамы подвигались ближе,
 Старушки улыбались ей;

*) Помѣта: 2 октября 1829.

***) По словамъ Ц. А. Плетнева, въ этихъ стихахъ изображена гр. Нат. Викт. Бючубей. См. I, 4, и Соврем. 1863, № 7, стр. 159.

Мужчины кланялися ниже,
 Ловили взоръ ея очей;
 Дѣвицы проходили тише
 Предъ ней по залѣ, и всѣхъ выше
 И носъ, и плечи подымалъ
 Вошедшій съ нею генералъ.
 Никто бъ не могъ ее прекрасной
 Назвать; но съ головы до ногъ
 Никто бы въ ней найти не могъ
 Того, что модой самовластной
 Въ высокомъ лондонскомъ кругу
 Зовется vulgar. Не могу...

XVI.

Люблю я очень это слово,
 Но не могу перевести:
 Оно у насъ покамѣстъ ново,
 И врядъ ли быть ему въ чести,
 Оно бъ годилось къ эпиграммѣ...
 Но обращаюсь къ нашей дамѣ.
 Безпечной прелестью мила,
 Она сидѣла у стола
 Съ блестящей Ниной Воронскою,
 Сей Клеопатрою Невы:
 И вѣрно бъ согласились вы,
 Что Нина мраморною красою
 Затмить сосѣдку не могла,
 Хоть ослѣпительна была *).

*) Къ строфамъ XVI—XVII:

И въ залѣ яркой и богатой,
 Когда въ умолкшій тѣсный кругъ,
 Подобно лиліи крылатой,
 Колебаясь, входитъ Лалла-Рукъ *)
 И надъ поникшею толпою
 Сіяетъ царственной главою,
 И тихо вѣетъ и скользитъ
 Звѣзда—харита межъ харитъ—
 И взоръ смѣшенныхъ поколѣній
 Стремится, ревностью горя,
 То на нее, то на царя,—
 Для нихъ безъ главъ одинъ Евгений:
 Одной Татьяной пораженъ,
 Одну Татьяну видитъ онъ.

*) Императрица Александра Феодоровна.

XVII.

«Ужели», думаетъ Евгений:
 «Ужель она? Но точно... Нѣтъ...
 Какъ? изъ глуши степныхъ селеній...»
 И неотвязчивый лорнетъ
 Онъ обращаетъ поминутно,
 На ту, чей видъ напомнилъ смутно
 Ему забытыя черты.
 «Скажи мнѣ, князь, не знаешь ты
 Кто тамъ въ малиновомъ беретѣ
 Съ посломъ испанскимъ говорить?»
 Князь на Онѣгина глядитъ:
 — Ага! давно жъ ты не былъ въ свѣтѣ.
 Постой, тебя представлю я.
 «Да кто жъ она?» — Жена моя.

XVIII.

«Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
 Давно ли?» — Около двухъ лѣтъ.
 «На комъ?» — На Лариной. «Татьянѣ?»
 — Ты ей знакомъ? «Я имъ сосѣдъ.»
 — О, такъ пойдемъ же. — Князь подходитъ
 Къ своей женѣ, и ей подводитъ
 Родню и друга своего.
 Княгиня смотритъ на него...
 И что ей душу ни смутило,
 Какъ сильно ни была она
 Удивлена, поражена,

Другой вариантъ той же строфы:

Смотрите, въ задѣ Нина входитъ,
 Остановилась у дверей
 И взглядъ разсѣянный обводитъ
 Кругомъ внимательныхъ гостей.
 Въ волненнѣ перси, плечи блещутъ,
 Горитъ въ алмазахъ голова,
 Вкругъ стана вьются и трепещутъ
 Прозрачной сѣтью кружева,
 И шелкъ узорной паутиной
 Сквозитъ на розовыхъ плечахъ,
 И всѣ въ восторгѣ, въ небесахъ
 Предъ сей волшебною картиной.
 Одинъ Онѣгинъ...
 Одной Татьяной пораженъ,
 Одну Татьяну [видитъ онъ.]

Но ей ничто не измѣнило:
Въ ней сохранился тотъ же тонъ;
Быль такъ же тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей-ей! не то, чтобъ содрогнулась,
Иль стала вдругъ блѣдна, красна...
У ней и бровь не шевельнулась;
Не сжала даже губъ она.
Хоть онъ глядѣль нельзя прилежнѣй,
Но и слѣдовъ Татьяны прежней
Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.
Съ ней рѣчь хотѣль онъ завести
И — и не могъ. Она спросила,
Давно ль онъ здѣсь, откуда онъ,
И не изъ ихъ ли ужъ сторонъ?
Потомъ къ супругу обратила
Усталый взглядъ; скользнула вонъ...
И недвижимъ остался онъ.

XX.

Ужель та самая Татьяна,
Которой онъ наединѣ,
Въ началѣ нашего романа,
Въ глухой, далекой сторонѣ,
Въ благомъ пылу нравоученья,
Читаль когда-то наставленья,
Та, отъ которой онъ хранить
Письмо, гдѣ сердце говорить,
Гдѣ все наружу, все на волѣ,
Та дѣвочка... иль это сонъ?..
Та дѣвочка, которой онъ
Пренебрегалъ въ смиренной долѣ,
Ужели съ нимъ сейчасъ была
Такъ равнодушна, такъ смѣла?

XXI.

Онъ оставляетъ раутъ тѣсный.
Домой задумчивъ ѣдетъ онъ.
Мечтой то грустной, то прелестной
Его встревоженъ поздній сонъ.
Проснулся онъ — ему приносятъ

Письмо: князь N. покорно просить
Его на вечеръ. «Боже! къ ней!..
О! буду, буду!» — и скорѣй
Мараеть онъ отвѣтъ учтивый.
Что съ нимъ? Въ какомъ онъ страшномъ снѣ!
Что шевельнулось въ глубинѣ
Души холодной и лѣнливой?
Досада? суетность? или вновь
Забота юности — любовь?

XXII.

Онѣгинъ вновь часы считаетъ,
Вновь не дождется дню конца;
Но десять бьетъ; онъ выѣзжаетъ,
Онъ полетѣлъ, онъ у крыльца;
Онъ съ трепетомъ къ княгинѣ входитъ;
Татьяну онъ одну находитъ,
И вмѣстѣ нѣсколько минутъ
Они сидятъ. Слова нейдутъ
Изъ устъ Онѣгина. Угрюмый,
Неловкій, онъ едва-едва
Ей отвѣчаетъ. Голова
Его полна упрямой думой.
Упрямо смотреть онъ. Она
Сидитъ покойна и вольна.

XXIII.

Приходить мужъ. Онъ прерываетъ
Сей непріятный tête-à-tête;
Съ Онѣгинымъ онъ вспоминаетъ
Проказы, шутки прежнихъ лѣтъ.
Они смѣются. Входятъ гости.
Вотъ, крупной солью свѣтской злости
Сталъ оживляться разговоръ;
Передъ хозяйкой легкій вздоръ
Сверкалъ безъ глупаго жеманства,
И прерывалъ его межъ тѣмъ
Разумный толкъ безъ пошлыхъ темъ,
Безъ вѣчныхъ истинъ, безъ педантства,
И не пугалъ ни чихъ ушей
Свободной живостью своей.

XXIV.

Тутъ былъ, однако, цвѣтъ столицы,
 И знать, и моды образцы,
 Вездѣ встрѣчаемыя лица,
 Необходимые глупцы;
 Тутъ были дамы пожилыя
 Въ чепцахъ и въ розахъ, съ виду злыя;
 Тутъ было нѣскольکو дѣвицъ,
 Неулыбающихся лицъ;
 Тутъ былъ посланникъ, говорившій
 О государственныхъ дѣлахъ;
 Тутъ былъ въ душистыхъ сѣдинахъ
 Старикъ, по-старому шутившій,
 Отмѣнно тонко и умно,
 Что нынче нѣскольکو смѣшно.

XXV.

Тутъ былъ на эпиграммы падкій,
 На все сердитый господинъ:
 На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій,
 На плоскость дамъ, на тонъ мужчинъ,
 На толки про романъ туманный,
 На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
 На ложъ журналовъ, на войну,
 На снѣгъ, и на свою жену.

.....*)

*) Къ строфѣ XXV:

Тутъ былъ все́мъ свѣтомъ недовольный,
 На все сердитый графъ Туринъ:
 На домъ хозяйки, слишкомъ вольный,
 На глупость дамъ, на тонъ мужчинъ,
 На толки про романъ жеманный,
 На слогъ газетъ, на день туманный,
 На пустоту жены своей,
 На тальи спѣлыхъ дочерей...
 Тутъ былъ К. М., женатый
 На куялѣ чахлой и горбатой
 И семи тысячахъ душахъ;
 Тутъ былъ, во всѣхъ своихъ звѣздахъ,
 Прависинъ, цензоръ непреклонный
 (Недавно гровный сей Катонъ
 За вятки мѣста былъ лишенъ);
 Тутъ былъ еще сенаторъ сонный,
 Проведшій съ картами свой вѣкъ,
 Для власти нужный человекъ.

XXVI.

Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
 Извѣстность нивостью души,
 Во всѣхъ альбомахъ притупившій,
 St.-Priest, твои карандаши;
 Въ дверяхъ другой диктаторъ бальный
 Стоялъ картинкою журнальной —
 Румянь какъ вербный херувимъ,
 Затянуть, нѣмъ и недвижимъ,
 И путешественникъ залетный,
 Перекрахмаленный нахаль,
 Въ гостяхъ улыбку возбуждалъ
 Своей осанкою заботной,
 И молча обмѣненный взоръ
 Ему былъ общій приговоръ.

XXVII.

Но мой Онѣгинъ вечеръ цѣлый
 Татьяной занять былъ одной, —
 Не этой дѣвочкой несмѣлой,
 Влюбленной, бѣдной и простой,
 Но равнодушною княгиней,
 Но неприступною богиней
 Роскошной, царственной Невы.
 О, люди! всѣ похожи вы
 На прародительницу Еву:
 Что вамъ дано, то не влечетъ;
 Васъ непрестанно змій зоветъ
 Ъ съ себѣ, къ таинственному древу;
 Запретный плодъ вамъ подавай;
 А безъ того вамъ рай не рай.

XXVIII.

Какъ измѣнилася Татьяна!
 Какъ твердо въ роль свою вошла!
 Какъ утѣснительнаго сана
 Приемы скоро приняла!
 Кто бѣ смѣлъ искать дѣвочки нѣжной
 Въ сей величавой, въ сей небрежной
 Законодательницѣ заль?
 И онъ ей сердце волноваль!

Объ немъ она во мракѣ ночи,
 Пока Морфей не прилетитъ,
 Бывало, дѣвственно груститъ,
 Къ лунѣ подъемлетъ томны очи,
 Мечтая съ нимъ когда нибудь
 Свершить смиренный жизни путь!

XXIX.

Любви всѣ возрасты покорны;
 Но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ
 Ея порывы благотворны,
 Какъ бури вешнія полямъ.
 Въ дождѣ страстей они свѣжѣютъ,
 И обновляются, и врѣютъ —
 И жизнь могущая даетъ
 И пышный цвѣтъ, и сладкій плодъ.
 Но въ возрастъ поздній и бесплодный,
 На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
 Печалень страсти мертвый слѣдъ:
 Такъ бури осени холодной
 Въ болото обращаютъ лугъ
 И обнажаютъ лѣсъ вокругъ.

XXX.

Сомнѣнья нѣтъ: увы! Евгений
 Въ Татьяну какъ дитя влюбленъ;
 Въ тоскѣ любовныхъ помышлений
 И день, и ночь проводитъ онъ.
 Ума не внемля строгимъ пенямъ,
 Къ ея крыльцу, стекляннымъ сѣнямъ
 Онъ подъѣзжаетъ каждый день;
 За ней онъ гонится какъ тѣнь;
 Онъ счастливъ, если ей накинетъ
 Боа пушистый на плечо,
 Или коснется горячо
 Ея руки, или раздвинетъ
 Предъ нею пестрый полкъ ливрей,
 Или платокъ подниметъ ей.

XXXI.

Она его не замѣчаетъ,
 Какъ онъ ни бейся, хоть умри,

Свободно дома принимаетъ,
 Въ гостяхъ съ нимъ молвить слова три,
 Порой однимъ поклономъ встрѣтитъ,
 Порою вовсе не замѣтитъ:
 Кокетства въ ней ни капли нѣтъ —
 Его не терпитъ высшій свѣтъ.
 Блѣднѣтъ Онѣгинъ начинаетъ:
 Ей иль не видно, иль не жаль;
 Онѣгинъ сохнетъ, и едва ль
 Уже не чахоткою страдаетъ.
 Всѣ шлютъ Онѣгина къ врачамъ;
 Тѣ хоромъ шлютъ его къ водамъ.

XXXII.

А онъ не ѣдетъ; онъ заранѣ
 Писать ко прадѣдамъ готовъ
 О скорой встрѣчѣ; а Татьянѣ
 И дѣла нѣтъ (ихъ поль таковъ);
 А онъ упрямъ, отстать не хочетъ,
 Еще надѣется, хлопочеть;
 Смѣлѣй здороваго, больной,
 Княгинѣ слабою рукой
 Онъ пишетъ страстное посланье.
 Хоть толку мало вообще
 Онъ въ письмахъ видѣлъ не вотще;
 Но, знать, сердечное страданье
 Уже пришло ему не въ мочь.
 Вотъ вамъ письмо его точь-въ-точь.

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ *).

«Предвижу все: васъ оскорбитъ
 Печальной тайны объясненье.
 Какое горькое презрѣнье
 Вашъ гордый взглядъ изобразить!
 Чего хочу? Съ какою цѣлью
 Открою душу вамъ свою?
 Какому злобному веселью,
 Быть можетъ, поводъ подаю!

*) Пожѣта: 3 октября 1831, Ц. Село.

«Случайно васъ когда-то встрѣтя,
 Въ васъ искру нѣжности замѣтя,
 Я ей повѣрить не посмѣлъ,
 Привычекъ милой не даль ходу;
 Свою посылаю свободу
 Я потерять не захотѣлъ.
 Еще одно насъ разлучило...
 Несчастной жертвой Ленскій палъ...
 Ото всего, что сердцу мило,
 Тогда я сердце оторвалъ;
 Чужой для всѣхъ, ничѣмъ не связанъ,
 Я думалъ: вольность и покой —
 Замѣна счастью. Боже мой!
 Какъ я ошибся, какъ наказанъ!

«Нѣтъ, поминутно видѣть васъ,
 Повсюду слѣдовать за вами,
 Улыбку устъ, движенье глазъ
 Ловить влюбленными глазами,
 Внимать вамъ долго, понимать
 Душой все ваше совершенство,
 Предъ вами въ мукахъ замирать,
 Блѣднѣть и гаснуть... вотъ блаженство!

«И я лишень того: для васъ
 Тащусь повсюду наудачу;
 Мнѣ дорогъ день, мнѣ дорогъ часъ;
 А я въ напрасной скукѣ трачу
 Судьбой отсчитанные дни.
 И такъ ужъ тягостны они.
 Я знаю: вѣкъ ужъ мой измѣренъ;
 Но, чтобъ продлилась жизнь моя,
 Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
 Что съ вами днемъ увижусь я...

«Боюсь: въ мольбѣ моей смиренной
 Увидить вашъ суровый взоръ
 Затѣи хитрости преврѣнной —
 И слышу гнѣвный вашъ укоръ.
 Когда бъ вы знали, какъ ужасно
 Томиться жаждою любви,
 Пылать — и разумомъ всечасно

Смирять волненіе въ крови;
 Желать обнять у васъ колѣни,
 И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
 Излить мольбы, признанья, пени,
 Все, все, что выразить бы могъ;
 А между тѣмъ притворнымъ хладомъ
 Вооружить и рѣчь, и взоръ,
 Вести спокойный разговоръ,
 Глядѣть на васъ веселымъ взглядомъ!..

«Но такъ и быть: я самъ себѣ
 Противиться не въ силахъ болѣ;
 Всѣ рѣшено: я въ вашей волѣ,
 И предаюсь моей судьбѣ» *).

XXXIII.

Отвѣта нѣтъ. Онъ вновь посланье.
 Второму, третьему письму
 Отвѣта нѣтъ. Въ одно собранье
 Онъ ѣдетъ; лишь вопель... ему
 Она навстрѣчу. Какъ сурова!
 Его не видятъ, съ нимъ ни слова;
 У! какъ теперь окружена
 Крещенскимъ холодомъ она!
 Какъ удержатъ негодованье
 Уста упрямья хотятъ!
 Вперилъ Онѣгинъ зоркій взглядъ:
 Гдѣ, гдѣ смятенье, состраданье?
 Гдѣ пятна слезъ?.. Ихъ нѣтъ, ихъ нѣтъ!
 На семь лицъ лишь гнѣва слѣдъ,

*) Къ строфѣ XXXII:

Я позабылъ вашъ образъ милый,
 Рѣчей стыдливыхъ нѣжный звукъ,
 И жизнь сокрылъ въ душѣ унылой,
 Какъ искупительный недугъ.

*

Такъ! я безумецъ!—и ужели
 Я слышюмъ многого прошу?
 Когда бъ хоть тѣнь вы разумѣли
 Того, что въ сердцѣ я ношу...

*

И что же? Вотъ чего хочу:
 Пройду немного съ вами рядомъ,
 Упьюсь по каплѣ сладкимъ ядомъ
 И, благодарный, замолчу...

XXXIV.

Да, можетъ быть, боязни тайной,
 Чтобъ мужъ иль свѣтъ не угадалъ
 Проказы слабости случайной,
 Всего, что мой Онѣгинъ зналъ...
 Надежды нѣтъ! Онъ уѣзжаетъ,
 Свое безумство проклинаятъ —
 И въ немъ глубоко погруженъ,
 Отъ свѣта вновь отрекся онъ.
 И въ молчаливомъ кабинетѣ
 Ему припомнилась пора,
 Когда жестокая хандра
 За нимъ гналася въ шумномъ свѣтѣ,
 Поймала, за воротъ взяла
 И въ темный уголь заперла.

XXXV.

Сталъ вновь читать онъ безъ разбора.
 Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
 Манзони, Гердера, Шамфора,
 Madame de Stael, Биша, Тиссо,
 Прочелъ скептическаго Беля,
 Прочелъ творенья Фонтенеля,
 Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
 Не отвергая ничего:
 И альманахи, и журналы,
 Гдѣ поученья намъ твердятъ,
 Гдѣ нынче такъ меня бранятъ,
 А гдѣ такіе мадригалы
 Себѣ встрѣчалъ я иногда —
 E sempre bene, господа.

XXXVI.

И что жъ? Глаза его читали,
 Но мысли были далеко;
 Мечты, желанія, печали
 Тѣснились въ душу глубоко.
 Онъ межъ печатными строками
 Читалъ духовными глазами
 Другія строки. Въ нихъ-то онъ
 Былъ совершенно углубленъ.

То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,
Ни съ чѣмъ несвязанныя,
Угрозы, толки, предсказанья,
Иль длинной сказки вздоръ живой,
Иль письма дѣвы молодой*).

XXXVII.

И постепенно въ усыпленье
И чувствъ, и думъ впадаетъ онъ,
А передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
То видитъ онъ: на таломъ снѣгѣ,
Какъ будто спящій на ночлегѣ,
Недвижимъ юноша лежитъ,
И слышитъ голосъ: «что жъ? убить!»
То видитъ онъ враговъ забвенныхъ,
Клеветниковъ и трусовъ злыхъ,
И рой измѣнницъ молодыхъ,
И кругъ товарищей презрѣнныхъ;
То сельскій домъ — и у окна
Сидитъ она... и все она!

XXXVIII.

Онъ такъ привыкъ теряться въ этомъ,
Что чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ.
Признаться: то-то бь одолжилъ!
А точно: силой магнетизма

*) Къ строфѣ XXXVI:

Проходятъ дни, летятъ недѣли,
Онѣгинъ мыслить объ одномъ,
Другой себѣ не знаетъ цѣли,
Чтобъ только, явно иль тайкомъ,
Гдѣ бъ ни было, княгиню встрѣтить,
Чтобы въ лицѣ ея замѣтить
Хоть озабоченность иль гнѣвъ;
Свой дикій нравъ преодолевъ,
Вездѣ—на вечерѣ, на балѣ,
Въ театрѣ, у художницъ модъ,
На берегахъ замерзлыхъ водъ,
На улицѣ, въ передней, въ залѣ,
За ней онъ гонится, какъ тѣнь...
Охота жъ! Какъ ему не лѣнь?

Стиховъ російскихъ механизма
 Едва въ то время не постигъ
 Мой безтолковый ученикъ.
 Какъ походилъ онъ на поэта,
 Когда въ углу сидѣлъ одинъ,
 И передъ нимъ пылалъ каминъ,
 И онъ мурлыкалъ: Benedetta
 Иль Idol mio, и ронялъ
 Въ огонь то туфлю, то журналъ.

XXXIX.

Дни мчались; въ воздухѣ нагрѣтомъ
 Ужъ разрѣшалася зима.
 И онъ не сдѣлался поэтомъ,
 Не умеръ, не сошелъ съ ума.
 Весна живить его: впервые
 Свои покои запертые,
 Гдѣ зимовалъ онъ какъ сурокъ,
 Двойныя окна, комелекъ
 Онъ яснымъ утромъ оставляетъ.
 Несется вдоль Невы въ саняхъ.
 На синихъ, иссѣченныхъ льдахъ
 Играетъ солнце; грязно таетъ
 На улицахъ разрытый снѣгъ.
 Куда по немъ свой быстрый бѣгъ

XL.

Стремить Онъгинъ? Вы заранѣ
 Ужъ угадали; точно такъ:
 Примчался къ ней, къ своей Татьянѣ,
 Мой неисправленный чудакъ.
 Идетъ, на мертвеца похожій.
 Нѣтъ ни одной души въ прихожей.
 Онъ въ залу, дальше — никого.
 Дверь отворилъ онъ. Что жъ его
 Съ такою силой поражаетъ?
 Княгиня передъ нимъ, одна,
 Сидитъ неубрана, блѣдна,
 Письмо какое-то читаетъ,
 И тихо слезы льетъ рѣкой,
 Опершись на руку щекой.

XLI.

О, кто бѣ нѣмыхъ ея страданій
 Въ сей быстрый мигъ не прочиталъ?
 Кто прежней Тани, бѣдной Тани
 Теперь въ княгинѣ бѣ не узналъ!
 Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній
 Къ ея ногамъ упалъ Евгений;
 Она вздрогнула, и молчить,
 И на Онѣгина глядитъ
 Безъ удивленія, безъ гнѣва...
 Его больной, угасшій взоръ,
 Молящій видъ, нѣмой укоръ,—
 Ей внятно все. Простая дѣва,
 Съ мечтами, сердцемъ прежнихъ дней,
 Теперь опять воскресла въ ней!

XLII.

Она его не подымаетъ,
 И не сводя съ него очей,
 Отъ жадныхъ устъ не отымаетъ
 Безчувственной руки своей...
 О чемъ теперь ея мечтанье?
 Проходитъ долгое молчанье,
 И тихо наконецъ она:
 «Довольно, встаньте. Я должна
 Вамъ объясниться откровенно.
 Онѣгинъ, помните ль тотъ часъ,
 Когда въ саду, въ аллеѣ, насъ
 Судьба свела, и такъ смиренно
 Урокъ вашъ выслушала я?
 Сегодня очередь моя.

XLIII.

«Онѣгинъ, я тогда моложе,
 Я лучше, кажется, была,
 И я любила васъ; и что же?
 Что въ сердцѣ вашемъ я нашла,
 Какой отвѣтъ? Одну суровость.
 Не правда ль? Вамъ была не новость
 Смиреной дѣвочки любовь?
 И нынче — Боже! — стынетъ кровь,

Какъ только вспомню взгляды холодный
И эту проповѣдь... Но васъ
Я не виню: въ тотъ страшный часъ
Вы поступили благородно,
Вы были правы предо мной:
Я благодарна всей душой...

XLIV.

«Тогда — не правда ли? — въ пустынѣ,
Вдали отъ суетной молвы,
Я вамъ не правила... Что жъ нынѣ
Меня преслѣдуете вы?
Зачѣмъ у васъ я на примѣтѣ?
Не потому ль, что въ высшемъ свѣтѣ
Теперь являться я должна;
Что я богата и знатна;
Что мужъ въ сраженьяхъ изувѣченъ;
Что насъ за то ласкаетъ дворъ?
Не потому ль, что мой позоръ
Теперь бы всѣми былъ замѣченъ,
И могъ бы въ обществѣ принести
Вамъ соблазнительную честь?»

XLV.

«Я плачу... Если вашей Тани
Вы не забыли до сихъ поръ,
То знайте: колкость вашей брани,
Холодный, строгій разговоръ,
Когда бъ въ моей лишь было власти,
Я предпочла бъ обидной страсти
И этимъ письмамъ и слезамъ.
Къ моимъ младенческимъ мечтамъ
Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче!.. Что къ моимъ ногамъ
Васъ привело? Какая малость!
Какъ, съ вашимъ сердцемъ и умомъ,
Быть чувства медкаго рабомъ?»

XLVI.

«А мнѣ, Онѣгинъ, пышность эта —
Постылой жизни мишура,

Мои успѣхи въ вихрѣ свѣта,
 Мой модный домъ и вечера, —
 Что въ нихъ? Сейчасъ отдать я рада
 Всю эту ветошь маскарада,
 Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ,
 За полку книгъ, за дикій садъ,
 За наше бѣдное жилище,
 За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ,
 Онѣгиня, видѣла я васъ,
 Да за смиренное кладбище,
 Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
 Надъ бѣдной нянею моею...

XLVII.

«А счастье было такъ возможно,
 Такъ близко!.. Но судьба моя
 Ужъ рѣшена. Неосторожно,
 Быть можетъ, поступила я:
 Меня съ слезами заклинаній
 Молила мать; для бѣдной Тани
 Всѣ были жребіи равны...
 Я вышла замужъ. Вы должны,
 Я васъ прошу, меня оставить;
 Я знаю: въ вашемъ сердцѣ есть
 И гордость, и прямая честь.
 Я васъ люблю (къ чему лукавить?),
 Но я' другому отдана;
 Я буду вѣкъ ему вѣрна.»

XLVIII.

Она ушла. Стоитъ Евгенийъ,
 Какъ будто громомъ пораженъ.
 Въ какую бурю ощущеній
 Теперь онъ сердцемъ погруженъ!
 Но шпоръ внезапный звонъ раздался,
 И мужъ Татьянинъ показался,
 И здѣсь героя моего,
 Въ минуту злую для него,
 Читатель, мы теперь оставимъ
 Надолго... навсегда. За нимъ
 Довольно мы путемъ однимъ
 Бродили по свѣту. Поздравимъ

Другъ друга съ берегомъ. Ура!
 Давно бѣ (не правда ли?) пора!

XLIX.

Кто бѣ ни былъ ты, о мой читатель,
 Другъ, недругъ, — я хочу съ тобой
 Разстаться нынче какъ пріятель.
 Прости. Чего бы ты за мной
 Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
 Воспоминаній ли мятежныхъ,
 Отдохновенья ль отъ трудовъ,
 Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
 Иль грамматическихъ ошибокъ,
 Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
 Для развлечения, для мечты,
 Для сердца, для журнальныхъ спибокъ,
 Хотя крупицу могъ найти.
 Засимъ — разстанемся, прости!

L.

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
 И ты, мой вѣрный идеаль,
 И ты, живой и постоянный,
 Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
 Все, что завидно для поэта:
 Забвенье жизни въ буряхъ свѣта,
 Бесѣду сладкую друзей.
 Промчалось много, много дней
 Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
 И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
 Явились впервые мнѣ —
 И даль свободнаго романа
 Я сквозь магическій кристалль
 Еще неясно различалъ *).

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
 Я строфы первыя читалъ...
 Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,

*) Набрасывая третью главу «Онѣгина», Пушкинъ заставилъ было своего героя сразу влюбиться въ Татьяну; но ватѣмъ измѣнилъ этотъ планъ. См. примѣчаніе къ 5-й строфѣ третьей главы.

Какъ Сади нѣкогда сказалъ *).
 Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
 А ты, съ которой образованъ
 Татьяна милый идеаль...**)
 О, много, много рокъ отъялъ!
 Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
 Оставилъ, не допивъ до дна
 Бокала полного вина,
 Кто не дочелъ ея романа
 И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
 Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ ***)).

(1830 — 1831. Петербургъ,
 Болдино. П. Село).

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ ОНЪГИНА.

Послѣдняя глава Евгенія Онѣгина издана была особо, съ слѣдующимъ предисловіемъ:

«Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ попричанію и насмѣшкамъ (впрочемъ, весьма справедливымъ и остроумнымъ). Авторъ чистосердечно признается, что онъ выпустилъ изъ своего романа цѣлую главу, въ коей описано было путешествіе Онѣгина по Россіи. Отъ него зависѣло означить сію выпущенную главу точками или цифрой; но, во избѣжаніе соблазна, рѣшился онъ лучше выставить, вмѣсто девятаго нумера, осьмой надъ послѣдней главою Евгенія Онѣгина, и пожертвовать одною изъ окончательныхъ строфъ:

Пора: перо покоя просить;
 Я девять пѣсенъ написалъ;
 На берегъ радостный выносить
 Мою ладью девятый валъ —
 Хвала вамъ, девяти Каменамъ, и проч.»

*) Эпиграфъ къ Бахчисарайскому Фонтану.

**) Вопросъ о томъ, кто именно послужилъ оригиналомъ для типа Татьяны рѣшить трудно. Съ одной стороны, г. Анненковъ (Пушк. 279) видитъ въ Татьянѣ и Ольгѣ отраженіе А. и Евпр. Н. Вульфъ, хотя тутъ же оговаривается, что созданія Пушкина «уже не носятъ на себѣ ни малѣйшаго признака портретовъ съ натуры»; съ другой стороны, А. Н. Раевскій, въ письмѣ къ Пушкину отъ 21 авг. 1824 (сборн. Бартечева, I, 77), сообщая ему разныя вѣсти объ одесской жизни, говоритъ, между прочимъ, и о «Татьянѣ», которая приняла живое участіе въ постигшей Пушкина бѣдѣ, и о ея «прелестной дочкѣ.» Кого слѣдуетъ видѣть въ этой одесской «Татьянѣ» — мы не знаемъ.

***) Помѣта: 25 сент. (1830).

П. А. Катенинъ (коему прекрасный поэтический талантъ не мѣшаетъ быть и тонкимъ критикомъ) замѣтилъ намъ, что сіе исключеніе, можетъ быть и выгодное для читателей, вредитъ однакожъ плану цѣлаго сочиненія, ибо чрезъ то переходъ отъ Татьяны, уѣздной барышни, къ Татьянѣ, знатной дамѣ, становится слишкомъ неожиданнымъ и необъясненнымъ — замѣчаніе, обличающее опытнаго художника. Авторъ самъ чувствовалъ справедливость онаго, но рѣшился выпустить эту главу по причинамъ, важнымъ для него, а не для публики. Нѣкоторые отрывки были напечатаны; мы здѣсь ихъ помѣщаемъ, присовокупивъ къ нимъ еще нѣсколько строфъ.

Евг. Онѣгинъ ѣдетъ въ Нижній-Новгородъ:

. передъ нимъ
 Макарёвъ суетно хлопочеть,
 Кишитъ обиліемъ своимъ.
 Сюда жемчугъ привезъ индѣецъ,
 Поддѣльны вина европеецъ;
 Табунъ бракованныхъ коней
 Пригналъ заводчикъ изъ степей;
 Игрокъ привезъ свои колоды
 И горсть услужливыхъ костей;
 Помѣщикъ — спѣлыхъ дочерей,
 А дочки — прошлогодни моды.
 Всякъ суетится, жлетъ за двухъ,
 И всюду меркантильный духъ.
 Тоска!..

Онѣгинъ ѣдетъ въ Астрахань и оттуда на Кавказъ:

Онъ видитъ: Терекъ своенравный
 Крутые роетъ берега;
 Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
 Стоитъ олень, склонивъ рога,
 Верблюды лежатъ въ тѣни утеса,
 Въ лугахъ несется конь черкеса,
 И вокругъ кочующихъ шатровъ
 Пасутся овцы калмыковъ.
 Вдали — кавказскія громады:
 Къ нимъ путь открытъ. Пробилась грань
 За ихъ естественную грань,
 Чрезъ ихъ опасныя преграды;

Брега Арагвы и Куры
Узрѣли русскіе шатры.

Уже пустыни сторожъ вѣчный,
Стѣсненный холмами вокругъ
Стоить Бешту остроконечный,
И зеленѣющей Машукъ,
Машукъ, податель струй пѣлебныхъ;
Вокругъ ручевъ его волшебныхъ
Больныхъ тѣснится блѣдный рой;
Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалецъ мыслить жизни нить
Въ волнахъ чудесныхъ укрѣпить,
Кокетка — злыхъ годовъ обиды
На двѣ оставить, а старикъ
Помолодѣть — хотя на мигъ.

Питая горьки размышленья,
Среди печальной ихъ семьи,
Онѣгинъ взоромъ сожалѣнья
Глядитъ на дымныя струи,
И мыслить, грустью отуманенъ:
Зачѣмъ я пулей въ грудь не раненъ?
Зачѣмъ не хилый я старикъ,
Какъ этотъ бѣдный откушчикъ?
Зачѣмъ, какъ тульскій засѣдатель,
Я не лежу въ параличѣ?
Зачѣмъ не чувствую въ плечѣ
Хоть ревматизма? — Ахъ, Создатель!
Я молодъ, жизнь во мнѣ крѣпка;
Чего мнѣ ждать? Тоска, тоска!.. *)

Онѣгинъ посѣщаетъ потомъ Тавриду:

Воображеню край священный:
Съ Атридомъ спорилъ тамъ Пиладъ,
Тамъ заколося Митридатъ,
Тамъ пѣлъ Мицкевичъ вдохновенный

*) Блаженъ, чья смерть уже близка,
Но я здоровъ! Тоска, тоска!..

И посреди прибрежныхъ скалъ
Свою Литву воспоминалъ.

Прекрасны вы, берега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При свѣтѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ предстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ синемъ и прозрачномъ
Сіяли груди вашихъ горъ;
Долинъ, деревьевъ, сель узоръ
Разостланъ былъ передо мною.
А тамъ, межъ хижинокъ татаръ...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебною тоскою
Стѣснилась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь *).

Какія бѣ чувства ни таились
Тогда во мнѣ — теперь ихъ нѣтъ:
Они прошли или измѣнились...
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ лѣтъ!
Въ ту пору мнѣ казались нужны
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и груди скалъ,
И гордой дѣвы идеаль,
И безыменныя страданья...
Другіе дни, другіе сны;
Смирились вы, моей весны
Высокопарныя мечтанья,
И въ поэтическій бокаль
Воды я много подмѣшалъ.

Иныя нужны мнѣ картины:
Люблю песчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ,
На небѣ сѣренькія тучи,
Передъ гумномъ соломы кучи —
Да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ,

*) Ср. письмо къ брату, т. VII, п. 7.

Раздолье утокъ молодыхъ;
 Теперь мила мнѣ балабайка,
 Да пьяный топоть трепака
 Передъ порогомъ кабака;
 Мой идеаль теперь — хозяйка,
 Мои желанія — покой,
 Да щей горшокъ, да самъ большой.

Порой дождливою намедни
 Я, завернувъ на скотный дворъ...
 Тьфу! прозаическія бредни,
 Фламандской школы пестрый соръ!
 Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?
 Скажи, фонтанъ Бахчисарая!
 Такія ль мысли мнѣ на умъ
 Навель твой безконечный шумъ,
 Когда безмолвно предъ тобою
 Зарему я воображалъ...
 Средь пышныхъ, опустѣлыхъ залъ,
 Спустя три года, вслѣдъ за мною,
 Скитаясь въ той же сторонѣ,
 Онъгинъ вспомнилъ обо мнѣ.

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной...*)
 Тамъ долго ясны небеса,
 Тамъ хлопотливо торгъ обильный
 Свои подъемлетъ паруса;
 Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
 Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
 Разнообразностью живой.
 Языкъ Италиі златой
 Звучитъ по улицѣ веселой,
 Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
 Французъ, испанецъ, армянинъ,
 И грекъ, и молдаванъ тяжелый,

*) Въ черновомъ оригиналѣ приписано:

..... я жилъ поетомъ —
 Безъ дровъ зимой, безъ дрожекъ лѣтомъ.

По словамъ Арх. Ос. Россета (Р. Арх. 1882, I, 246), Пушкинъ не любилъ вспоминать о подробностяхъ своего одесскаго житія. Одессу онъ называлъ: «лѣтомъ — песочница, зимой — чернильница.» См. статью Лонгинова: Пушкинъ въ Одессѣ, въ Библиогр. Зап., II (1859), 553.

И сынъ египетской земли,
Корсаръ въ отставку, Морали.

Одессу звучными стихами
Нашъ другъ Туманскій описалъ *),
Но онъ пристрастными глазами
Въ то время на нее взиралъ.
Приѣхавъ, онъ прямымъ поэтомъ
Пошелъ бродить съ своимъ лорнетомъ
Одинъ надъ моремъ — и потомъ
Очаровательнымъ перомъ
Сады одесскіе прославилъ.
Все хорошо, но дѣло въ томъ,
Что степь нагая тамъ кругомъ;
Кой-гдѣ недавній трудъ заставилъ
Младья вѣтви въ знойный день
Давать насильственную тѣнь.

А гдѣ бишь мой рассказъ несвязный?
Въ Одессѣ пыльной, я сказалъ.
Я бъ могъ сказать: въ Одессѣ грязной —
И тутъ бы право не солгалъ.
Въ году недѣль пять-шесть Одесса,
По волѣ бурнаго Зевеса,
Потоплена, запружена,
Въ густой грязи погружена.
Всѣ дома на аршинъ загрязнуть;
Лишь на ходуляхъ пѣшеходъ
По улицѣ дерзаетъ въ бродъ;
Кареты, люди тонуть, вязнуть,
И въ дрожкахъ волъ, рога склона,
Смѣняетъ хилаго коня.

Но ужъ дробить каменья молотъ,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный городъ,
Какъ будто кованой броней.
Однако въ сей Одессѣ влажной
Еще есть недостатокъ важный;
Чего бъ вы думали? — воды!

*) «Одесса», см. Стихотв. В. И. Туманскаго, Спб. 1881, стр. 85.

Потребны тяжкіе труды...
Что жъ? это не большое горе,
Особенно, когда вино
Безъ пошлины привезено.
Но солнце южное, но море...
Чего жъ вамъ болѣе, друзья?
Благословенные края!

Бывало, пушка заревая
Лишь только грянетъ съ корабля,
Съ крутого берега сбѣгая,
Ужъ къ морю отправляюсь я.
Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Какъ мусульманъ въ своемъ раю,
Съ восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Ужъ благосклонный
Открыть Casino; чашекъ звонъ
Тамъ раздается; на балконъ
Маркёръ выходить полусонный
Съ метлой въ рукахъ, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

Глядишь, и площадь запестрѣла.
Все оживилось; здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дитя расчета и отваги,
Идетъ купецъ взглянуть на флаги,
Провѣдать, шлютъ ли небеса
Ему знакомы паруса?
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантинъ?
Пришли ли бочки жданныхъ винъ?
И что чума? и гдѣ пожары?
И нѣтъ ли голода, войны,
Или подобной новизны?

Но мы, ребята безъ печали,
Среди заботливыхъ купцовъ,
Мы только устрицъ ожидали
Отъ цареградскихъ береговъ.

Что устрицы? Пришли! О радость!
 Летить обжорливая младость
 Глотать изъ раковинъ морскихъ
 Затворницъ жирныхъ и живыхъ,
 Слегка обрызнутыхъ лимономъ.
 Шумъ, споры — легкое вино
 Изъ погребовъ принесено
 На столъ услужливымъ Отономъ ⁴⁸⁾;
 Часы летятъ, а грозный счетъ
 Межъ тѣмъ невидимо растеть.

Но ужъ темнѣеть вечеръ синій;
 Пора намъ въ оперу скорѣй:
 Тамъ упоительный Россини,
 Европы баловень — Орфей.
 Не внемля критикѣ суровой,
 Онъ вѣчно тотъ же, вѣчно новый,
 Онъ звуки льетъ — они кипятъ,
 Они текутъ, они горятъ,
 Какъ поцѣлуй молодые,
 Всѣ въ нѣгѣ, въ пламени любви,
 Какъ зашипѣвшаго аи
 Струя и брызги золотые...
 Но, господа, позволено ль
 Съ виномъ равнять do-re-mi-sol?

А только ль тамъ очарованій?
 А разыскательный лорнетъ?
 А закулисныя свиданья?
 А prima donna? а балетъ?
 А ложа, гдѣ красой блистая,
 Негоціантка молодая,
 Самолюбива и томна,
 Толпой рабовъ окружена? *)
 Она и внемлетъ, и не внемлетъ
 И каватинѣ, и мольбамъ,
 И шуткѣ съ лестью пополамъ...
 А мужъ — въ углу за нею дремлетъ,
 Въ просонкахъ фора закричить,
 Зѣвнетъ — и снова захрапить.

⁴⁸⁾ Известный рестораторъ въ Одессѣ.

*) Г-жа Рязничъ.

Финаль гремитъ; пустѣетъ зала;
 Шума, торопится разѣздъ;
 Толпа на площадь побѣжала
 При блескѣ фонарей и звѣздъ.
 Сыны Авзоніи счастливой
 Слегка поютъ мотивъ игривый,
 Его невольно затвердивъ;
 А мы режемъ речитативъ.
 Но поздно. Тихо спитъ Одесса;
 И бездыханна, и тепла
 Нѣмая ночь. Луна взошла.
 Прозрачно-легкая завѣса
 Объемлетъ небо. Все молчитъ,
 Лишь море Черное шумить...

Итакъ, я жилъ тогда въ Одессѣ...

1827—1829. Москва. Павл. Волдино.

[Въ черновыхъ тетрадахъ Пушкина сохранилось еще нѣсколько совершенно неотдѣланныхъ строфъ, относящихся къ путешествію Онъгина:

* * *

Наскуча щеголять Мельмотомъ
 Иль маскою другой,
 Проснулся разъ онъ патриотомъ
 Въ Hôtel de Londres, что на Морской.
 Россія!.. Русь!.. она мгновенно
 Ему понравилась отъѣнно,
 И рѣшено — ужъ онъ влюбленъ!
 Россіей только бредитъ онъ!
 Ужъ онъ Европу ненавидитъ
 Съ ея логической, сухой,
 Съ ея разумной суетой;
 Онъгинъ ѣдетъ, онъ увидитъ
 Святую Русь, ея поля,
 Селеня, грады и моря.

(2 октября 1829.)

*

И вотъ, собрался — слава Богу!
 Юня третьяго числа
 Коляска вѣнская въ дорогу
 Его по почтѣ повесла.
 Среди равнины полудикой
 Онъ видитъ Новгородъ великій..

*

Тоска! тоска!...
 Спѣшитъ Евгений
 Скорѣе далѣе... Теперь

Мелькаютъ, какъ волшебны тѣни,
 Предъ нимъ Валдай, Торжокъ и Тверь.

 Здѣсь онъ обѣдаетъ, а тамъ
 Онъ сонный скачетъ. Кони мчатся
 Сквозъ лѣсъ, чрезъ холмы, вдоль рѣки;
 Мелькаютъ версты; ямщики
 Поютъ, и свищутъ, и бранятся...
 Евгений мой
 Въ Москвѣ очнулся на Тверской.

*

Москва Онѣгина встрѣчаетъ
 Своею важной суетой,
 Своими дѣвами прельщаетъ,
 Старинной кухней угощаетъ,
 Стерляжью подчуетъ ухой...
 Въ палатахъ Англійскаго клоба
 О вистѣ преня слышитъ онъ,
 Въ раздумьѣ молча погружень;
 Онъ видитъ башни Годунова,
 Дворцы и площади Кремля
 И храмъ, гдѣ царская семья
 Почіетъ близъ мощей святого.
 Онъ ходитъ
 Въ садахъ московскихъ богачей...

*

Замѣченъ онъ. Объ немъ толкуеть,
 Имъ занимается Москва,
 Его шпиономъ именуеть
 И производитъ въ жениха...

*

Тоска! тоска!...

Онъ далѣ хочетъ,
 Въ торговый Нижній. Передъ нимъ, и пр., см. стр. 406.

(Въ Одессѣ).

Недолго вмѣстѣ мы бродили
 По берегамъ Эвксинскихъ водъ:
 Судьбы насъ снова разлучили
 И намъ назначили походъ.
 Онѣгинъ, очень охлажденный,
 И тѣмъ, что видѣлъ, пресыщенный,
 Пустился къ невскимъ берегамъ,
 А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
 Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
 Отъ оперы, отъ темныхъ дожъ,
 И, слава Богу, отъ вельможъ,
 Уѣхалъ въ тѣнъ лѣсовъ Тригорскихъ,
 Въ далекій сѣверный уѣздъ —
 И былъ печалень мой приѣздъ.]

АЛЬБОМЪ ОНѢГИНА.

(Къ гл. VII, стр. XXIII).

Въ сафьянѣ, по краямъ окованъ,
 Замкнуть серебрянымъ замкомъ,
 Онъ былъ исписанъ, изрисованъ
 Рукой Онѣгина кругомъ.
 Среди безсвязнаго маранья
 Мелькали мысли, примѣчанья,
 Портреты, буквы, имена,
 И думы тайной письмена.

1.

Меня не любятъ и клеветуютъ;
 Въ кругу мужчинъ несносенъ я,
 Дѣвчонки предо мной трепещутъ,
 Косятся дамы на меня.
 За что? За то, что разговоры
 Принять мы рады за дѣла,
 Что вздорнымъ людямъ важны вздоры,
 Что глупость вѣтрена и зла,
 Что пылкихъ душъ неосторожность
 Самолюбивую ничтожность
 Иль оскорбляетъ, иль смѣшить,
 Что умъ, любя просторъ, тѣснить *).

2.

Бойтесь вы графини —овой,
 Сказала имъ Элиза К.
 — Да, возразилъ Н. Н. суровый,
 Боимся мы графини —овой,
 Какъ вы бойтесь паука.

3.

Въ Коранѣ много мыслей здравыхъ.
 Вотъ, на примѣръ: «Предъ каждымъ сномъ
 Молись; бѣги путей лукавыхъ;
 Чти правду, и не спорь съ глушцомъ.»**)

*) Ср. гл. VIII, 9.

**) Ср. II, 190: «И не оспаривай глушца.»

4.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
 Въ ручьѣ кавказскомъ каменѣтъ;
 Въ волненьѣ жизни такъ мертвѣтъ
 И вѣтреный, и пылкій нравъ *).

5.

Шестого. Былъ у В. на балѣ:
 Довольно пусто было въ залѣ.
 Р. С. какъ ангелъ хороша:
 Какая вольность въ обхожденьѣ!
 Въ улыбкаѣ, въ томномъ глазъ движенъѣ
 Какая нѣга и душа!**)

6.

Вечоръ сказала мнѣ Р. С.:
 — Давно желала я васъ видѣть.
 «Зачѣмъ?» — Мнѣ говорили всѣ,
 Что я васъ буду ненавидѣть.
 «За что?» — За рѣзкій разговоръ,
 За легкомысленное мнѣнье
 О всемъ, за колкое презрѣнье
 Ко всѣмъ. Однакожъ это вздоръ.
 Вы надо мной смѣяться властны,
 Но вы совсѣмъ не такъ опасны;
 И знали ль вы до сей поры,
 Что просто очень вы добры? —

7.

Сокровища родного слова,—
 Замѣтать важные умы,—
 Для лепетанія чужого
 Пренебрегли безумно мы.
 Мы любимъ музъ чужихъ игрушки,
 Чужихъ нарѣчий погремущи,
 А не читаемъ книгъ своихъ.—
 Да гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ!
 Конечно: сѣверные звуки

*) Ср. I, 284.

**) Помѣта: 5 августа.

Ласкаютъ мой привычный слухъ;
 Ихъ любить мой славянскій духъ;
 Ихъ музыкой сердечны муки
 Усыплены; но дорожить
 Одними ль звуками пить?
 И гдѣ жъ мы первыя познанья
 И мысли первыя нашли?
 Гдѣ повѣряемъ испытанья,
 Гдѣ узнаемъ судьбу земли?
 Не въ переводахъ одичалыхъ,
 Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ,
 Гдѣ русскій умъ и русскій духъ
 Зады твердить и лжетъ за двухъ.

.....
 Поэты наши переводятъ,
 Или молчатъ; одинъ журналъ
 Исполненъ приторныхъ похвалъ,
 Тотъ — брани плоской; всё наводятъ
 Зѣвоту скуки, чуть не сонъ:
 Хорошъ россійскій Геликонъ!

8.

Морозъ и солнце: чудный день!
 Но нашимъ дамамъ, видно, лѣнь
 Сойти съ крыльца и надъ Невою
 Блеснуть холодной красотою;
 Сидятъ — напрасно ихъ манить
 Пескомъ усыпанный гранитъ.
 Умна восточная система,
 И правъ обычай стариковъ:
 Онѣ родились для гарема
 Иль для неволи б — овъ.

9.

Вчера, у В. оставя пиръ,
 В. С. летѣла какъ зефиръ,
 Не внемля жалобамъ и пенямъ;
 А мы по лаковымъ ступенямъ
 Летѣли шумною толпой
 За одалиской молодой.
 Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
 Я отъ нея поймать успѣлъ;

Я чернымъ соболемъ одѣлъ
 Ея блистающія плечи;
 На кудри милой головы
 Я шаль зеленую накинулъ;
 Я предъ Венерою Невы
 Толпу влюбленную раздвинулъ.

10.

Сегодня былъ я ей представленъ,
 Глядѣлъ на мужа съ полчаса:
 Онъ важенъ; красить волоса;
 Онъ чиномъ отъ ума избавленъ.

11.

Когда бы грузъ, меня гнетущій,
 Былъ страсть, несчастіе
 Такъ, напряженьемъ воли твердой
 Мы страсть безумную смиримъ,
 Бѣду снесемъ душою гордой,
 Печаль надеждой усладимъ...
 Но скуку? чѣмъ ее смиримъ?

12.

Вчера былъ день довольно скучный;
 Чего же такъ хотѣлось ей?
 Сказать ли первыя три буквы:
 К., Л., Ю.—клю... возможно ль? клюквы!

13.

Конечно, презирать не трудно
 Отдѣльно каждаго глупца;
 Сердиться также безразсудно
 И на отдѣльнаго срамца;
 Но чудно!
 Всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно.

14.

Строгій свѣтъ
 Смягчилъ свои предубѣжденья
 Или простилъ мнѣ заблужденья
 Давно минувшихъ, темныхъ лѣтъ...

15.

Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ
 Сравнилъ онъ съ радугой живою:
 Вы милы, какъ она, для глазъ
 И, какъ она, премѣнчивы душою.
 И съ розой схожи вы, блеснувшюю весной:
 Вы такъ же, какъ она, предъ нами
 Цвѣтете пышною красой,
 И такъ же колетесь — Богъ съ вами!
 Но болѣе всего сравненіе съ ключемъ
 Мнѣ нравится: я радъ ему сердечно!
 Да! чисты вы, какъ онъ, и сердцемъ и умомъ,
 И такъ же холодны, конечно!
 Сравненья прочія не столько хороши:
 Поэтъ не виноватъ — сравненья неудобны;
 Вы прелестью лица и прелестью души,
 Къ несчастью, неподобны!

16.

Порой [одно] воспоминанье,
 Какъ тѣнь, опять бѣжить ко мнѣ

 Грызеть мнѣ сердце въ тишинѣ.

[Первая часть Онѣгина напечатана въ Спб. 1825, съ посвященіемъ брату Льву Сергѣевичу и съ слѣдующимъ предисловіемъ*):

«Вотъ начало большого стихотворенія, которое, вѣроятно, не будетъ окончено. — Нѣсколько пѣсень, или главъ Евгенія Онѣгина уже готовы. Писанныя подъ вліяніемъ благоприятныхъ обстоятельствъ, онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ веселости, ознаменовавшей первыя произведенія автора Руслана и Людмилы. — Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описаніе свѣтской жизни петербургскаго молодого человека въ концѣ 1819 г. и напоминаетъ Веппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона. — Дальновидныя критики замѣтятъ, конечно, недостатокъ плача. Всякій воленъ судить о планѣ цѣлаго романа, прочитавъ первую главу оного. Станутъ осуждать и антипатическій характеръ главнаго лица, сбивающагося на Кавказскаго Пльнива, также нѣкоторыя строфы, писанныя въ утомительномъ родѣ новѣйшихъ элегій, «въ коихъ чувство унынія поглотило всѣ прочія»**). Но да будетъ намъ

*) Въ черновой рукописи Пушкина это предисловіе сохранилось въ гораздо болѣе полномъ видѣ. Ниже, въ подстрочной выноскѣ, приведенъ конецъ его, измѣненный въ печати.

**) Званіе издателя не позволяетъ намъ ни хвалить, ни осуждать сіе новое произведеніе. Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе почтенной публики и гг. журналистовъ на достоинство, новое въ сатирическомъ писателѣ:

позволено обратить вниманіе читателей на достоинства, рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ.»

Послѣ этого предисловія былъ напечатанъ «Разговоръ книгопродавца съ постромъ» (см. I, 309), впоследствии вошедшій отдѣльно въ книжку стихотвореній, изданія 1835 г. Въ выноскѣ было сказано: «Замѣтимъ для щекотливыхъ бюстителей приличій, что книгопродавецъ и поэтъ оба—лица вымышленныя. Похвалы перваго не что иное, какъ свѣтская вѣжливость, приторство, необходимое въ разговорѣ, если не въ журналѣ.»

Критическія статьи и рецензіи по поводу 1-й главы явились въ Моск. Телегр., № 5; С. Отеч., № 8 (разборъ предыдущей статьи, написанный Д. В. Веневитиновымъ, см. его Соч., изд. 1862, стр. 198). Моск. Телегр. № 15, особ. прибавленіе (отвѣтъ Полевого Веневитинову); Сынъ Отеч., ч. 104, приб. № 1 (отвѣтъ Веневитинова Полевому); Вѣстн. Евр., № 17 («Нѣчто о спорѣ по поводу Онъгина»); Моск. Телегр., ч. 6, особ. прибавл. № 23 (замѣчанія на статью Вѣст. Евр.). См. кромѣ того Благонамѣр. № 29; Дамск. Журн., № 9; Сѣв. Пч., № 23. Въ 1829 г. первая глава была напечатана вновь.

Вторая глава вышла въ Спб. 1826 (2-е изд. 1830); см. Сѣв. Пч. № 132 и замѣтку Веневитинова въ Моск. Вѣстн. 1828, № 4 (Соч., 225).

Третья глава напечатана въ Спб. 1827, съ слѣдующимъ вступленіемъ: «Первая глава Евгенія Онъгина, написанная въ 1823 г., появилась въ 1825-мъ. Спустя два года издана вторая. Эта медленность произошла отъ постороннихъ обстоятельствъ. Отнынѣ изданіе будетъ слѣдовать въ непрерывномъ порядкѣ: одна глава тотчасъ за другою.» Рецензіи см. въ Моск. Тел., № 19; Дамск. Журн., № 21; Сынъ Отеч., № 19 и Сѣв. Пч., № 124.

Четвертая и пятая главы вышли въ Спб. 1828, съ посвяченіемъ П. А. Плетневу (II, 56). Рецензіи: Атеней, № 4; Спб. Зритель, № 1 (Б. Федорова); Сѣв. Пч., № 15; Сынъ Отеч., № 7. Ср. замѣтки Пушкина въ т. V, 126.

Шестая глава вышла также въ 1828 г. Въ концѣ ея помѣщено примѣчаніе: «Впродолженіе изданія первой части Евгенія Онъгина вкралось въ нее нѣсколько значительныхъ ошибокъ. Важнѣйшія изъ нихъ помѣщаются здѣсь. Поправки означены подъ ними *en italique*.» Затѣмъ приведено 40 исправленій текста, причѣмъ иногда измѣнены цѣлыя стихи, такъ что это вовсе не поправки однихъ опечатокъ. Въ концѣ книжки означено: Конецъ первой части, изъ чего видно, что Пушкинъ предполагалъ написать еще не двѣ-три главы, а цѣлую часть или вторую половину романа; однако написано было всего три главы, изъ которыхъ одну (восьмую) Пушкинъ уничтожилъ. Рецензіи: Сынъ Отеч., № 7; Моск. Тел. 1828, № 5; Сѣв. Пч., № 40. Ср. замѣтку Пушкина въ т. V, 128.

Седьмая глава напечатана въ Спб. 1830. Рецензіи: Вѣстн. Евр., № 7 (ст. Надеждина въ защиту Пушкина отъ нелѣпныхъ нападеній со стороны прежнихъ его льстецовъ); Галатея, № 15; Дамск. Журн., № 20; Лит. Газета, № 17; Моск. Тел., ч. XXXII, 238; Рус. Инв., № 79; Сѣв. Пч., №№ 35 и 39. Ср. замѣтку Пушкина въ т. V, 128.

наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ. Ювеналь, Катгуль, Петроній, Вольтеръ и Байронъ далеко не сохраняли должнаго уваженія къ читателямъ и въ прекрасномъ полу. Говорятъ, что наши дамы начинаютъ читать по-русски. Смѣло предлагаемъ имъ произведеніе, гдѣ найдутъ онѣ подъ легкимъ покрываломъ сатирической веселости наблюденія вѣрныя и безпристрастныя.

Другое достоинство, почти столь же важное, приносящее не малую честь сердечному незлобію нашего автора, есть совершенное отсутствіе оскорбительной личности (ибо не должно сіе приписывать единственно отеческой бдительности нашей цензуры, столь же заботливо охраняющей гражданъ отъ нападенія простодушной клеветы или насмѣшливаго легкомыслія).

Восьмая глава вышла въ Спб. 1832. Рецензіи: Дамск. Журн., № 10 и 11; Лит. Приб. къ Рус. Инв., № 22; Моск. Тел., № 1; Телескопъ, № 9; Рус. Инв., № 26; Сѣв. Пч., № 50.

Въ цѣломъ видѣ романъ напечатанъ въ Спб. 1833. Въ этомъ второмъ изданіи выпущено предисловіе, Разговоръ книгопродавца съ поетомъ, 36-я строфа IV главы и 37-я и 38-я V-й, въ VI главѣ послѣдняя, 47-я строфа перенесена въ примѣчанія; къ VIII главѣ прибавлены Отрывки изъ путешествія Онъгина. Рецензіи на это изданіе—въ Моск. Тел., ч. L, 237 и Лит. Приб. къ Рус. Инв., № 34.

Третье изданіе вышло въ Спб. 1837, въ самый день смерти поэта, съ посвященіемъ Плетневу въ началѣ книжки. Небольшая библиографическая записка о немъ—въ Лит. Приб. къ Рус. Инв., № 5.

Отрывки изъ Е. Онъгина, ранѣе полнаго изданія, были помѣщены въ Сѣв. Пчѣтахъ на 1825 и 1826 г. (изъ II главы); Моск. Вѣстн. 1827, № 20, и 1828, № 1 и 2 (изъ IV, VII и VIII гл.); Сѣв. Пч. 1828, № 17 («Москва» изъ VII гл.) и Лит. Газ. 1830, № 1 (изъ VIII гл.).

Дополненія, взятые изъ черновыхъ тетрадей, даны посмертнымъ изданіемъ, г. Анненковымъ (Мат.), Бартевымъ (Рус. Арх.), Отто (Вѣст. Евр. 1883, № 1) и Якушкинымъ (Рус. Стар. 1884). Въ настоящемъ изданіи они вновь свѣрены съ рукописями и приводятся, вмѣстѣ съ вариантами, въ подстрочныхъ выноскахъ.

Романъ писался въ продолженіе девяти слишкомъ лѣтъ (съ 28 мая 1822 по 3 октября 1831); сохранившіяся въ черновыхъ рукописяхъ числовыя помѣты приведены нами въ подстрочныхъ выноскахъ. Въ тѣхъ же рукописяхъ г. Анненковъ отыскалъ листокъ, на которомъ набросанъ общій обзоръ труда, въ слѣдующемъ видѣ:

О Н Ъ Г И Н Ъ.

Часть первая. Предисловіе.

- I пѣснь. — Хандра. Кишиневъ. Одесса.
- II » Поэтъ. Одесса. 1824.
- III » Барышня. Одесса. Михайловское. 1824.

Часть вторая.

- IV пѣснь. — Деревня. Михайловское. 1825.
- V » Именины. Мих. 1825, 1826.
- VI » Поединокъ. Мих. 1826.

Часть третья.

- VII пѣснь. — Москва. Москва. Мих. Спб. Малинники. 1827, 1828.
- VIII » Странствіе. Москва. Павл. Болдино. 1829.
- IX » Большой свѣтъ. Болдино. 1830.

Примѣчанія.

- Кишиневъ 1823 года, 9 мая.
- Болдино 1830 года, 25 сентября.

7 лѣтъ, 4 мѣсяца, 17 дней.

Изъ приводимыхъ нами помѣтъ видно, однакоже, что Пушкинъ подвѣлъ этотъ итогъ лишь приблизительно, и притомъ ранѣе уничтоженія VIII-й главы, которая была приготовлена къ изданію вмѣстѣ съ IX-й, какъ это видно изъ написаннаго Пушкинымъ въ Болдинѣ, 21 ноября 1830 г., предисловія (V, 130). Предисловіе осталось ненапечатаннымъ, потому что Пушкинъ откинулъ VIII главу и заново передѣлалъ IX—уже осенью 1831 года.

Въ 1833 году Пушкинъ думалъ вновь возвратиться къ любимому своему роману. Слѣды этого остались въ черновыхъ наброскахъ, изъ которыхъ одинъ

имѣть форму посланія къ Плетневу, а два другіе, написанные размѣромъ Онѣгина, повидимому, должны были служить вступленіемъ въ новую главу романа.

I.

Ты мнѣ совѣтуешь, Плетневъ любезный,
Оставленный романъ мой продолжать
И потчуя стихами вѣкъ желѣзный,
Рассказами пустыми угощать.
Ты думаешь, что съ цѣлію полезной
Тревогу славы можно сочетать,
А для того совѣтуешь собрату
Брать съ публики умѣренную плату,—
За каждый стихъ по десяти рублей;
Составить, стало быть, за каждую строфу сто сорокъ—
Оброкъ пустой для нынѣшнихъ людей.
Пустое! всякъ то дастъ безъ отговорокъ!
Съ книгопродавца можно взять, ей-ей!

* * *

Ты говоришь: пока Онѣгинъ живъ,
Дотоль романъ не конченъ; нѣтъ причины
Его кончать; къ тому же, плачь счастливъ
кончины... *)

(Ты мнѣ совѣтуешь продолжать Онѣгина, увѣряя меня, что я его не кончилъ).

* * *

Вы за Онѣгина совѣтуете, други,
Опять приняться мнѣ въ осенніе досуги;
Вы говорите мнѣ: «онъ живъ и не женатъ—
Итакъ, еще романъ не конченъ: это владѣ!
Въ его свободную, вмѣстительную раму
Ты вставишь рядъ картинъ, откроешь діораму.
Прихлынетъ публика, платя тебѣ за входъ,
Что дастъ еще тебѣ и славу, и доходъ.»
Пожалуй, я бы радъ...

II.

Въ мои осенніе досуги,
Въ тѣ дни, какъ либо мнѣ писать,
Вы мнѣ совѣтуете, други,
Рассказъ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Романъ, не конча, перервать,
Отдавъ уже его въ печать;
Что должно своего героя
Какъ бы то ни было женить,
По крайней мѣрѣ — уморить,
И лица прочія пристроя,
Отдавъ имъ дружескій поклонъ,
Изъ лабиринта выслать вонъ.

15 сентября.

*) Такъ и въ подлинникѣ, одна рима.

III.

Вы говорите: слава Богу!
Покажьсть твой Онъгинъ живъ,
Романъ не конченъ. Понемногу
Пиши его, не будь лѣнивъ.
Со славы, внявъ ея призыванью,
Сбирай оброкъ хвалою и бранью,
Рисуй и франтовъ городскихъ,
И милыхъ барышень своихъ,
Войну и балъ, дворецъ и хату,
Чердакъ, и келью, и харемъ,
И съ нашей публики, межъ тѣмъ,
Бери умѣренную плату:
За книжку по пяти рублей;
Неужто жаль ихъ будетъ ей?

СКАЗКА О ЦАРѢ САЛТАНѢ,

о сынѣ его, славномъ и могучемъ богатырѣ князѣ
Гвидонѣ Салтановичѣ и о прекрасной царевнѣ
Лебеди.

(1831).

Три дѣвицы подъ окномъ
Пряли поздно вечеркомъ.
Кабы я была царица,
Говорить одна дѣвица,
То сама на весь бы міръ
Приготовила я пиръ.
Кабы я была царица,
Говорить ея сестрица,
То на весь бы міръ одна
Наткала я полотна.
Кабы я была царица,
Третья молвила сестрица,
Я бѣ для батюшки-царя
Родила богатыря.

Только вымолвить успѣла,
Дверь тихонько заскрипѣла,
И въ свѣтлицу входитъ царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Онъ стоялъ позадь забора;
Рѣчь послѣдней по всему

Полюбилася ему.
«Здравствуй, красная дѣвица,
Говорить онъ: будь царица,
И роди богатыря
Мнѣ къ исходу сентября.
Вы жъ, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь изъ свѣтлицы,
Поѣзжайте вслѣдъ за мной,
Вслѣдъ за мной и за сестрой:
Будь одна изъ васъ ткачиха,
А другая повариха.»

Въ сѣни вышелъ царь-отецъ.
Всѣ пустились во дворецъ.
Царь недолго собирался:
Въ тотъ же вечеръ обвѣнчался.
Царь Салтанъ за пиръ честной
Сѣлъ съ царицей молодой;
А потомъ честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодыхъ
И оставили однихъ.
Въ кухнѣ злится повариха,
Плачетъ у станка ткачиха —
И завидуютъ онѣ
Государевой женѣ,
А царица молодая,
Объщанье выполняя,
Съ той же ночи понесла.

Въ тѣ поры война была:
Царь Салтанъ, съ женой простая,
На добра-коня садясь,
Ей наказываль — себя
Побережь, его любя.
Между тѣмъ какъ онъ далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступаетъ срокъ родинѣ;
Сына Богъ имъ далъ въ аршинѣ.
И царица надъ ребенкомъ,
Какъ орлица надъ орленкомъ.
Шлетъ съ письмомъ она гонца,

Чтобъ обрадовать отца.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Извести его хотятъ,
 Перенять гонца велятъ;
 Сами шлютъ гонца другого
 Вотъ съ чѣмъ, отъ слова до слова:
 «Родила царица въ ночь
 Не то сына, не то дочь,
 Не мышенка, не лягушку;
 А невѣдому звѣрюшку.»

Какъ услышалъ царь-отецъ,
 Что донесъ ему гонецъ,
 Въ гнѣвѣ началъ онъ чудесить
 И гонца велѣлъ повѣсить;
 Но, смягчившись на сей разъ,
 Далъ гонцу такой приказъ:
 «Ждать царева возвращенья
 Для законнаго рѣшенья.»

Ёдетъ съ грамотой гонецъ,
 И пріѣхалъ наконецъ.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Обобратъ его велятъ;
 До-пьяна гонца поятъ,
 И въ суму его пустую
 Суютъ грамоту другую —
 И привезъ гонецъ хмѣльной
 Въ тотъ же день приказъ такой:
 «Царь велитъ своимъ боярамъ,
 Времени не тратя даромъ,
 И царицу, и приплодъ
 Тайно бросить въ бездну водъ.»
 Дѣлать нечего: бояре,
 Потуживъ о государѣ
 И царицѣ молодой,
 Въ спальню къ ней пришли толпой.
 Объявили царску волю —
 Ей и сыну злую долю,
 Прочитали вслухъ указъ,

И царицу въ тотъ же часъ
 Въ бочку съ сыномъ посадили,
 Засмолили, покатили
 И пустили въ окіянь —
 Такъ велѣль-де царь Салтанъ.

Въ синемъ небѣ звѣзды блещутъ,
 Въ синемъ морѣ волны хлещутъ;
 Туча по небу идетъ,
 Бочка по морю плыветъ.
 Словно горькая вдовица,
 Плачетъ, бьется въ ней царица;
 И растетъ ребенокъ тамъ
 Не по днямъ, а по часамъ.
 День прошелъ, царица вопить...
 А дитя волну торопить:
 «Ты, волна моя, волна!
 Ты гульлива и вольна;
 Плещешь ты, куда захочешь,
 Ты морскіе камни точишь,
 Топишь берегъ ты земли,
 Подымаешь корабли —
 Не губи ты нашу душу,
 Выплесни ты насъ на сушу!»
 И послушалась волна:
 Тутъ же на берегъ она
 Бочку вынесла легонько,
 И отхлынула тихонько.
 Мать съ младенцемъ спасена;
 Землю чувствуетъ она.
 Но изъ бочки кто ихъ вынетъ?
 Богъ неужто ихъ покинетъ?
 Сынъ на ножки поднялся,
 Въ дно головкой уперся,
 Понатужился немножко:
 «Какъ бы здѣсь на дворъ окошко
 Намъ продѣлать?» молвилъ онъ,
 Вышибъ дно и вышелъ вонъ.

Мать и сынъ теперь на волѣ.
 Видятъ холмъ въ широкомъ полѣ;
 Море синее кругомъ,

Дубъ зеленый надъ холмомъ.
 Сынъ подумаль: добрый ужинъ
 Былъ бы намъ однако нуженъ.
 Ломить онъ у дуба сукъ
 И въ тугой сгибаетъ лукъ.
 Со креста снурокъ шелковый
 Натянулъ на лукъ дубовый,
 Тонку тросточку сломилъ,
 Стрѣлкой легкой заострилъ
 И пошелъ на край долины,
 У моря искать дичины.

Къ морю лишь подходитъ онъ
 Вотъ и слышитъ будто стонъ...
 Видно, на морѣ не тихо;
 Смотрить — видеть дѣло лихо:
 Бьется лебедь средь зыбей,
 Коршунъ носится надъ ней;
 Та, бѣдняжка, такъ и плещеть,
 Воду вокругъ мутить и хлещеть...
 Тотъ ужъ когти распустилъ,
 Клювъ кровавый наострилъ*)...
 Но какъ разъ стрѣла запѣла,
 Въ шею коршуна задѣла —
 Коршунъ въ море кровь пролилъ,
 Лукъ царевичъ опустилъ;
 Смотрить: коршунъ въ морѣ тонеть
 И не птичьимъ крикомъ стонеть,
 Лебедь около плыветь,
 Злого коршуна клюеть,
 Гибель близкую торопить,
 Бьетъ крыломъ и въ морѣ топить —
 И царевичу потомъ
 Молвить русскимъ языкомъ:
 «Ты, царевичъ, мой спаситель,
 Мой могучій избавитель,

*) Послѣ этого стиха въ рукописи зачеркнуто:

Кличетъ лебедь безотрадно...
 Стало жалко и досадно
 Моему богатырю:
 «Я те, лебедь, подарю!»
 Молвилъ онъ — стрѣла запѣла, и т. д.

Не тужи, что за меня
 Ёсть не будешь ты три дня,
 Что стрѣла пропала въ морѣ;
 Это горе — все не горе.
 Отплачу тебѣ добромъ,
 Сослужу тебѣ потомъ:
 Ты не лебедь вѣдь избавилъ, —
 Дѣвицу въ живыхъ оставилъ;
 Ты не коршуна убилъ, —
 Чародѣя подстрѣлилъ.
 Вѣкъъ тебя я не забуду,
 Ты найдешь меня повсюду.
 А теперь ты воротись,
 Не горюй и спать ложись.»

Улетѣла лебедь-птица,
 А царевичъ и царица,
 Цѣлый день проведши такъ,
 Лечь рѣшились натошакъ.
 Вотъ, открылъ царевичъ очи,
 Отрясая грезы ночи,
 И, дивясь, передъ собой
 Видитъ городъ онъ большой;
 Стѣны съ частыми зубцами,
 И за бѣлыми стѣнами
 Блещутъ маковки церквей
 И святыхъ монастырей.
 Онъ скорѣй царицу будить;
 Та какъ ахнетъ!.. «То ли будетъ!
 Говоритъ онъ, вижу я:
 Лебедь тѣшится моя.»
 Мать и сынъ идутъ ко граду.
 Лишь ступили за ограду,
 Оглушительный трезвонъ
 Поднялся со всѣхъ сторонъ:
 Къ нимъ народъ навстрѣчу валить,
 Хоръ церковный Бога хвалить;
 Въ колымагахъ золотыхъ
 Пышный дворъ встрѣчаетъ ихъ;
 Всѣ ихъ громко величаютъ
 И царевича вѣнчаютъ
 Княжей шапкой, и главой

Возглашаютъ надъ собой:
И среди своей столицы,
Съ разрѣшенія царицы,
Въ тотъ же день сталъ княжить онъ,
И нарекъся: князь Гвидонъ.

Вѣтеръ на морѣ гүляетъ
И корабликъ подгбняетъ:
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ.
Корабельщики дивятся,
На корабликѣ толпятся,
На знакомомъ острову
Чудо видятъ наяву:
Городъ новый, златоглавый,
Пристань съ крѣпкою заставой —
Пушки съ пристани палать,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости:
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
Ихъ онъ кормить и поить
И отвѣтъ держать велить:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь намъ вышелъ срокъ,
Ѣдемъ прямо на востокъ,
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану:
Отъ меня ему поклонъ. —
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Съ берега душой печальной
Провожаетъ бѣгъ ихъ дальный;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветь.

«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
 Что ты тихъ, какъ день ненастный?
 Опечалился чему?»
 Говорить она ему.
 Князь печально отвѣчаетъ:
 Грусть-тоска меня съѣдаетъ,
 Одолѣла молодца:
 Видѣть я бѣ хотѣлъ отца. —
 Лебедь князю: «вотъ въ чемъ горе!
 Ну, послушай: хочешь въ море
 Полетѣть за кораблемъ?
 Будь же, князь, ты комаромъ.»
 И крылами замахала,
 Воду съ шумомъ расплескала,
 И обрызгала его
 Съ головы до ногъ всего.
 Тутъ онъ въ точку уменьшился,
 Комаромъ оборотился;
 Полетѣлъ и запищаль,
 Судно на морѣ догналь,
 Потихоньку опустился
 На корабль — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумить;
 Судно весело бѣжитъ
 Мимо острова Буяна,
 Къ царству славнаго Салтана,
 И желанная страна
 Вотъ ужъ издали видна.
 Вотъ на берегъ вышли гости;
 Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости —
 И за ними во дворецъ
 Полетѣлъ нашъ удалецъ.
 Видить: весь сіяя въ златѣ,
 Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
 На престолѣ и въ вѣнцѣ,
 Съ грустной думой на лицѣ;
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Около царя сидятъ,
 И въ глаза ему глядятъ.
 Царь Салтанъ гостей сажаетъ

За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Въ морѣ островъ былъ крутой,
Не привольный, не жилой;
Онъ лежалъ пустой равниной;
Росъ на немъ дубокъ единый;
А теперь стоитъ на немъ
Новый городъ со дворцомъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами,
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду;
Молвить онъ: коль живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.
«Ужъ диковинка, ну, право»,
Подмигнувъ другимъ лукаво,
Повариха говорить.
«Городъ у моря стоитъ!
Знайте, вотъ что не бездѣлка:
Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка;
Бѣлка пѣсенки поетъ
И орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,—
Все скорлупки золотыя,
Ядра—чистый изумрудъ.
Вотъ что чудомъ-то зовутъ.»
Чуду царь Салтанъ дивится,
А комаръ то злится, злится—
И впился комаръ какъ разъ

Теткѣ прямо въ правый глазъ.
 Повариха поблѣднѣла,
 Обмерла и окривѣла.
 Слуги, сватья и сестра
 Съ крикомъ ловятъ комара.
 «Распроклятая ты мошка!
 Мы тебя!..» А онъ въ окошко,
 Да спокойно въ свой удѣлъ
 Черезъ море полетѣлъ *).

Снова князь у моря ходитъ,
 Съ синя моря глазъ не сводитъ;
 Глядь—поверхъ текучихъ водъ
 Лебедь бѣлая плыветъ.
 «Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
 Что жъ ты тихъ, какъ день ненастный?
 Опечалился чему?»
 Говоритъ она ему.
 Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
 Грусть-тоска меня съѣдаетъ;
 Чудо чудное завестъ
 Мнѣ бѣ хотѣлось. Гдѣ-то есть
 Ель въ лѣсу, подъ елью бѣлка,
 Диво, право, не бездѣлка:
 Бѣлка пѣсенки поетъ,
 Да орѣшки все грызетъ,
 А орѣшки не простые,—
 Все скорлупки золотыя,
 Ядра—чистый изумрудъ;
 Но, быть можетъ, люди врутъ.—
 Князю лебедь отвѣчаетъ:
 «Свѣтъ о бѣлкѣ правду баетъ;
 Это чудо знаю я;
 Полно, князь, душа моя,
 Не печалься; рада службу
 Оказать тебѣ я въ дружбу.»
 Съ ободренною душой

*) Далѣе въ рукописи зачеркнуто:

Тамъ у берега морского
 Очутился онъ, и снова
 Княземъ сталъ изъ комара.
 Князь у синя моря ходитъ и пр.

Князь пошелъ себѣ домой;
 Лишь ступилъ на дворъ широкій —
 Что жъ? Подъ елкою высокой,
 Видить, бѣлочка при всѣхъ
 Золотой грызеть орѣхъ,
 Изумрудецъ вынимаетъ,
 А скорлупку собираетъ,
 Кучки ровныя кладетъ,
 И съ присвисточкой поетъ
 При честномъ при всемъ народѣ:
 Во саду ли въ огородѣ.
 Изумился князь Гвидонъ.
 Ну, спасибо, молвилъ онъ,
 Ай-да лебедь — дай ей, Боже,
 Что и мнѣ, веселье то же. —
 Князь для бѣлочки потомъ
 Выстроилъ хрустальный домъ,
 Карауль къ нему приставилъ
 И притомъ дьяка заставилъ
 Строгий счетъ орѣхамъ вести.
 Князю прибыль, бѣлкѣ честь.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
 И корабликъ подгоняетъ:
 Онъ бѣжить себѣ въ волнахъ
 На поднятыхъ парусахъ
 Мимо острова крутого,
 Мимо города большого;
 Пушки съ пристани палать,
 Кораблю пристать велятъ.
 Пристаютъ къ заставѣ гости:
 Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
 Ихъ и кормить, и поить,
 И отвѣтъ держать велить:
 Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
 И куда теперь плывете?
 Корабельщики въ отвѣтъ:
 Мы объѣхали весь свѣтъ,
 Торговали мы конями,
 Все донскими жеребцами,
 А теперь намъ вышелъ срокъ —
 И лежитъ намъ путь далекъ:

Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана.
Говорить имъ князь тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидонъ
Шлетъ царю-де свой поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь — а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Молить князь: душа-де просить,
Такъ и тянетъ, и уносить...
Вотъ, опять она его
Вмигъ обрызгала всего:
Въ муху князь оборотился,
Полетѣлъ и опустился
Между моря и небесъ
На корабль — и въ щель залѣзъ.

Вѣтеръ весело шумить;
Судно весело бѣжитъ
Мимо острова Буяна,
Въ царство славнаго Салтана —
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна;
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣлъ нашъ удалецъ.
Видить: весь сія въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ,
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ Бабарихой,
Да съ кривою поварихой,
Около царя сидятъ,
Злыми жабами глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:

Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? Куда?
Ладно ль за моремъ, или худо,
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живетъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ,
А орѣшки не простые,—
Все скорлупки золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Слуги бѣлку стерегутъ,
Служать ей прислугой разной —
И приставленъ дьякъ приказный
Строгий счетъ орѣхамъ вестъ;
Отдаетъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя, да подъ спудъ:
Всѣ въ томъ островѣ богаты,
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты;
А сидитъ въ немъ князь Гвидонъ;
Онъ тебѣ прислалъ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду:
Если только живъ я буду,
Чудный островъ навѣщу,
У Гвидона погощу.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Не хотятъ его пустить
Чудный островъ навѣстить.

Усмѣхнувшись изподтиха,
Говорить царю ткачиха:
«Что тутъ дивнаго? ну, вотъ!
Бѣлка камушки грызеть,
Мечетъ золото, и въ груды
Загребаютъ изумруды;
Этимъ насъ не удивишь.
Правду ль, нѣтъ ли говоришь,
Въ свѣтѣ есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Это диво, такъ ужъ диво,
Можно молвить справедливо!»
Гости умные молчатъ,
Спорить съ нею не хотятъ.
Диву царь Салтанъ дивится,
А Гвидонъ-то злится, злится...
Зажужжалъ онъ, и какъ разъ
Теткѣ сѣлъ на лѣвый глазъ.
И ткачиха поблѣднѣла
«Ай!» и тутъ же окривѣла;
Всѣ кричатъ: «лови, лови,
Да дави ее, дави...
Вотъ, ужо! постой немножко,
Погоди...» А князь въ окошко,
Да спокойно въ свой удѣлъ
Черезъ море прилетѣлъ.

Князь у синя моря ходить,
Съ синя моря глазъ не сводить;
Глядь — поверхъ текучихъ водъ
Лебедь бѣлая плыветъ.
«Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ты тихъ, какъ день ненастный?
 Опечалился чему?»
 Говорить она ему.
 Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
 Грусть-тоска меня съѣдаетъ —
 Диво бѣ дивное хотѣлъ
 Перенести я въ свой удѣлъ.
 «А какое жѣ это диво?»
 — Гдѣ-то вздуется бурливо
 Оклянь, подыметъ вой,
 Хлынетъ на берегъ пустой,
 Расплеснется въ шумномъ бѣгѣ,
 И очутятся на брегѣ,
 Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
 Тридцать три богатыря,
 Всѣ красавцы молодые,
 Великаны удалые,
 Всѣ равны, какъ на подборъ,
 Съ ними дядька Черноморъ.
 Князю лебедь отвѣчаетъ:
 «Вотъ что, князь, тебя смущаетъ?
 Не тужи, душа моя,
 Это чудо знаю я.
 Эти витязи морскіе
 Мнѣ вѣдь братья всѣ родные.
 Не печалься же, ступай,
 Въ гости братцевъ поджидай.»

Князь пошелъ, забывши горе,
 Съѣлъ на башню, и на море
 Сталъ глядѣть онъ; море вдругъ
 Всколыхалось вокругъ,
 Расплескалось въ шумномъ бѣгѣ,
 И оставило на брегѣ
 Тридцать три богатыря;
 Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
 Идутъ витязи четами,
 И, блистая сѣдинами,
 Дядька впереди идетъ
 И ко граду ихъ ведетъ.
 Съ башни князь Гвидонъ сбѣгаетъ,
 Дорогихъ гостей встрѣчаетъ;

Второпяхъ народъ бѣжить;
 Дядька князю говорить:
 «Лебедь насъ къ тебѣ послала
 И наказомъ наказала
 Славный городъ твой хранить
 И дозоромъ обходить.
 Мы отнынѣ ежедневно
 Вмѣстѣ будемъ непремѣнно
 У высокихъ стѣнъ твоихъ
 Выходить изъ водъ морскихъ.
 Такъ увидимся мы вскорѣ,
 А теперь пора намъ въ море:
 Тяжекъ воздухъ намъ земли.»
 Всѣ потомъ домой ушли.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
 И корабликъ подгоняетъ;
 Онъ бѣжить себѣ въ волнахъ
 На поднятыхъ парусахъ
 Мимо острова крутого,
 Мимо города большого;
 Пушки съ пристани палать,
 Кораблю пристать велать.
 Пристаютъ къ заставѣ гости:
 Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости,
 Ихъ и кормить, и поить,
 И отвѣтъ держать велить:
 Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете?
 И куда теперь плывете?
 Карабельщики въ отвѣтъ:
 Мы объѣхали весь свѣтъ;
 Торговали мы булатомъ,
 Чистымъ серебромъ и златомъ,
 И теперь намъ вышелъ срокъ;
 А лежитъ намъ путь далекъ,—
 Мимо острова Буяна,
 Въ царство славнаго Салтана.
 Говоритъ имъ князь тогда:
 Добрый путь вамъ, господа,
 По морю по окіану,
 Къ славному царю Салтану;

Да скажите жъ: князь Гвидонъ.
Шлетъ-де свой царю поклонъ.

Гости князю поклонились,
Вышли вонъ и въ путь пустились.
Къ морю князь, а лебедь тамъ
Ужъ гуляетъ по волнамъ.
Князь опять: душа-де просить,
Такъ и тянетъ, и уносить —
И опять она его
Вмигъ обрызгала всего.
Тутъ онъ очень уменьшился,
Шмелемъ князь оборотился,
Полетѣль и зажужжалъ;
Судно на морѣ догналъ,
Потихоньку опустился
На корму — и въ щель забился.

Вѣтеръ весело шумить;
Судно весело бѣжить
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана,
И желанная страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости,
И за ними во дворецъ
Полетѣль нашъ удалецъ.
Видитъ: весь сія въ златѣ,
Царь Салтанъ сидитъ въ палатѣ
На престолѣ и въ вѣнцѣ,
Съ грустной думой на лицѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? куда?
Ладно ль за моремъ иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?

Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо;
Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Каждый день идетъ тамъ диво:
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ —
И останутся на брегѣ
Тридцать три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ
И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить:
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, ни прилежнѣй;
А сидитъ тамъ князь Гвидонъ;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ.
Царь Салтанъ дивится чуду:
Коли живъ я только буду,
Чудный островъ навѣщу
И у князя погощу.
Повариха и ткачиха
Ни-гугу — но Бабариха,
Усмѣхнувшись, говорить:
«Кто насъ этимъ удивить?
Люди изъ моря выходятъ
И себѣ дозоромъ бродятъ!
Правду ль баютъ или лгутъ,
Дива я не вижу тутъ.
Въ свѣтѣ есть такія ль дива?
Вотъ, идетъ молва правдива:
За моремъ царевна есть,
Что не можно глазъ отвести:

Днем свѣтъ Божій затмѣваетъ,
 Ночью землю освѣщаетъ,
 Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
 А во лбу звѣзда горитъ.
 А сама-то величава,
 Выплываетъ будто пава;
 А какъ рѣчь-то говоритъ,
 Словно рѣченъка журчитъ.
 Молвить можно справедливо,
 Это диво, такъ ужъ диво.»
 Гости умные молчатъ:
 Спорить съ бабой не хотятъ.
 Чуду царь Салтанъ дивится,
 А царевичъ хотъ и злится,
 Но жалѣеть онъ очей
 Старой бабушки своей.
 Онъ надъ ней жужжить, кружится —
 Прямо на носъ къ ней садится,
 Носъ ужалилъ богатырь:
 На носу вскочилъ волдырь.
 И опять пошла тревога:
 «Помогите, ради Бога!
 Караулъ! лови, лови,
 Да дави его, дави...
 Вотъ, ужо! пожди немножко,
 Погоди!..» А шмель въ окошко,
 Да спокойно въ свой удѣлъ
 Черезъ море полетѣлъ.

Князь у синя моря ходитъ,
 Съ синя моря глазъ не сводитъ;
 Глядь — поверхъ текучихъ водъ
 Лебедь бѣлая плыветъ.
 «Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
 Что жъ ты тихъ, какъ день ненастный?
 Опечалился чему?»
 Говоритъ она ему.
 Князь Гвидонъ ей отвѣчаетъ:
 Грусть-тоска меня съѣдаетъ —
 Люди женятся; гляжу,
 Не женатъ лишь я хожу.
 «А кого же на примѣтъ

Ты имѣешь?» Да на свѣтѣ,
Говорять, царевна есть,
Что не можно глазъ отвести;
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ,
Мѣсяць подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
Сладку рѣчь-то говорить,
Будто рѣченька журчить.
Только, полно, правда ль это?
Князь со страхомъ ждетъ отвѣта.
Лебедь бѣлая молчитъ
И, подумавъ, говорить:
«Да, такая есть дѣвица.
Но жена не рукавица:
Съ бѣлой ручки не страхнешь,
Да за поясъ не заткнешь.
Услужу тебѣ совѣтомъ —
Слушай: обо всемъ объ этомъ
Пораздумай ты путемъ,
Не раскаться бѣ потомъ.»
Князь предъ нею сталъ божиться,
Что пора ему жениться;
Что объ этомъ обо всемъ
Передумалъ онъ путемъ;
Что готовъ душою страстной
За царевною прекрасной
Онъ пѣшкомъ идти отсель,
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тутъ, вздохнувъ глубоко,
Молвила: «зачѣмъ далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Вѣдь царевна эта — я.»
Тутъ она, взмахнувъ крылами,
Полетѣла надъ волнами
И на берегъ съ высоты,
Опустилася въ кусты,
Встрепенулася, отряхнулася
И царевной обернулася:
Мѣсяць подъ косой блеститъ,

А во лбу звѣзда горить;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава;
А какъ рѣчь-то говоритъ,
Словно рѣченъка журчить.
Князь царевну обнимаетъ,
Къ бѣлой груди прижимаетъ
И ведетъ ее скорѣй
Къ милой матушкѣ своей.
Князь ей въ ноги, умоляя:
«Государыня родная!
Выбралъ я жену себѣ,
Дочь послушную тебѣ;
Просимъ оба разрѣшенья,
Твоего благословенья:
Ты дѣтей благослови
Жить въ совѣтѣ и въ любви.»
Надъ главою ихъ покорной
Мать съ иконою чудотворной
Слезы льетъ и говоритъ:
«Богъ васъ, дѣти, наградить.»
Князь не долго собирался,
На царевнѣ обвѣнчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжить себѣ въ волнахъ
На раздутыхъ парусахъ
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки съ пристани палятъ,
Кораблю пристать велятъ.
Пристаютъ къ заставѣ гости;
Князь Гвидонъ зоветъ ихъ въ гости;
Онъ ихъ кормить и поить
И отвѣтъ держать велить:
Чѣмъ вы, гости, торгъ ведете,
И куда теперь плывете?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;

Торговали мы не даромъ
Неуказаннымъ товаромъ;
А лежитъ намъ путь далекъ:
Во свояси, на востокъ,
Мимо острова Буяна
Въ царство славнаго Салтана.
Князь имъ вымолвилъ тогда:
Добрый путь вамъ, господа,
По морю по окіану,
Къ славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:
Къ намъ онъ въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.
Шлю ему я свой поклонъ. —
Гости въ путь, а князь Гвидонъ
Дома на сей разъ остался
И съ женою не разстался.

Вѣтеръ весело шумить,
Судно весело бѣжить
Мимо острова Буяна
Къ царству славнаго Салтана,
И знакомая страна
Вотъ ужъ издали видна.
Вотъ на берегъ вышли гости;
Царь Салтанъ зоветъ ихъ въ гости.
Гости видятъ: во дворцѣ
Царь сидитъ въ своемъ вѣнцѣ;
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидятъ,
Четырьмя всѣ три глядятъ.
Царь Салтанъ гостей сажаетъ
За свой столъ и вопрошаетъ:
Ой вы, гости-господа,
Долго ль ѣздили? Куда?
Ладно ль за моремъ, иль худо?
И какое въ свѣтѣ чудо?
Корабельщики въ отвѣтъ:
Мы объѣхали весь свѣтъ;
За моремъ житье не худо,

Въ свѣтѣ жъ вотъ какое чудо:
Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ,
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами и садами;
Ель растетъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка въ немъ живетъ ручная,
Да чудесница какая!
Бѣлка пѣсенки поетъ,
Да орѣшки все грызетъ;
А орѣшки не простые,—
Скорлупы-то золотыя,
Ядра — чистый изумрудъ;
Бѣлку холятъ, берегутъ.
Тамъ еще другое диво:
Море всдуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ,
Въ чешуѣ какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
И той стражи нѣтъ надежнѣй,
Ни храбрѣе, не прилежнѣй.
А у князя жѣнка есть,
Что не можно глазъ отвести:
Днемъ свѣтъ Божій затмѣваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ;
Мѣсяцъ подъ косою блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
Князь Гвидонъ тотъ городъ править,
Всякъ его усердно славить;
Онъ прислалъ тебѣ поклонъ,
Да тебѣ пеняетъ онъ:
Къ намъ-де въ гости обѣщался,
А доселѣ не собрался.

Тутъ ужъ царь не утерпѣлъ,
 Снарядить онъ флотъ велѣлъ.
 А ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой,
 Не хотятъ царя пустить
 Чудный островъ навѣстить.
 Но Салтанъ имъ не внимаетъ
 И какъ разъ ихъ унимаетъ:
 «Что я? царь или дитя?»
 Говорить онъ не шутя.
 «Нынче жъ ѣду!» — Тутъ онъ топнулъ,
 Вышелъ вонъ и дверью хлопнулъ.

Подъ окномъ Гвидонъ сидитъ,
 Молча на море глядитъ:
 Не шумитъ оно, не хлещетъ,
 Лишь едва-едва трепещетъ,
 И въ лазоревой дали
 Показались корабли;
 По равнинамъ окіяна
 Ёдетъ флотъ царя Салтана.
 Князь Гвидонъ тогда вскочилъ,
 Громогласно возопилъ:
 «Матушка моя родная!
 Ты, княгиня молодая!
 Посмотрите вы туда:
 Ёдетъ батюшка сюда.»
 Флотъ ужъ къ острову подходитъ.
 Князь Гвидонъ трубу наводитъ:
 Царь на палубѣ стоитъ,
 И въ трубу на нихъ глядитъ;
 Съ нимъ ткачиха съ поварихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой;
 Удивляются онѣ
 Незнакомой сторонѣ.
 Разомъ пушки запалили,
 Въ колокольныхъ зазвонили;
 Къ морю самъ идетъ Гвидонъ;
 Тамъ царя встрѣчаетъ онъ
 Съ поварихой и ткачихой,
 Съ сватьей бабой Бабарихой;

Въ городъ онъ повелъ царя,
Ничего не говоря.

Всѣ теперь идутъ въ палаты,
У воротъ блистаютъ латы,
И стоятъ въ глазахъ царя
Тридцать три богатыря,
Всѣ красавцы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны, какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.
Царь вступилъ на дворъ широкій:
Тамъ подъ елкою высокой
Бѣлка пѣсенку поетъ,
Золотой орѣхъ грызетъ,
Изумрудецъ вынимаетъ
И въ мѣшочекъ опускаетъ;
И засѣянь дворъ большой
Золотою скорлупой.
Гости далѣ—торопливо
Смотрятъ—что жъ? Княгиня-диво:
Подъ косою луна блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ;
А сама-то величава,
Выступаетъ, будто пава
И свекровь свою ведетъ.
Царь глядитъ — и узнаетъ...
Въ немъ выиграло ретивое!
«Что я вижу? Что такое?
Какъ!» и духъ въ немъ ваялся...
Царь слезами залился,
Обнимаетъ онъ царицу
И сынка, и молодицу;
И садятся всѣ за столъ,
И веселый пиръ пошелъ.
А ткачиха съ поварихой,
Съ сватьей бабой Бабарихой,
Разбѣжались по угламъ;
Ихъ нашли насилу тамъ.
Тутъ во всемъ онѣ признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой

Отпустилъ всёхъ трехъ домой.
 День прошелъ — царя Салтана
 Уложили спать въ полпьяна.
 Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ —
 И усы лишь обмочилъ.

[Сказка напечатана въ 1831 г., въ особой брошюрѣ, вмѣстѣ со сказками Жуковского; но брошюра эта была назначена Жуковскимъ только для высочайшихъ особъ. Публика же познакомилась со сказкой только въ слѣдующемъ году, въ III части «Стихотвореній». Друзья Пушкина находили въ «Салтанѣ» зародышъ новаго періода въ литературѣ, возможность новаго въ ней направленія; сказка вызвала между ними много толковъ. Однимъ изъ самыхъ восторженныхъ поклонниковъ новаго произведенія былъ Гнѣдичъ, который привѣтствовалъ автора посланіемъ: «Пушкинъ, Протей» и т. д. (См. Стихотворенія Гнѣдича, Спб. 1832, стр. 187 и Анненкова, Мат., 311).

Основною для сказки послужила сказка няни Арины Родіоновны, записанная Пушкинымъ въ слѣдующемъ видѣ:

Нѣкоторый царь задумалъ жениться, но не нашелъ по своему праву никого; подслушалъ онъ однажды разговоръ трехъ сестеръ. Старшая хвалилась, что государство однимъ зерномъ накормить, вторая, что однимъ кускомъ сукна одѣнуть, третья, что съ перваго года родитъ 33 сына. Царь женился на меньшей, и съ первой ночи она понесла *). Царь ухалъ воевать. Мачиха его, завидуя своей невѣсткѣ, рѣшилась ее погубить. Послѣ 9-ти мѣсяцевъ царица благополучно разрѣшилась 33 мальчиками — а 34-й уродился чудомъ; ножки по колѣни серебряныя, ручки по локотки золотыя, во лбу звѣзда, въ затылкѣ мѣсяць. Послали извѣстить о томъ царя: мачиха задержала гонца на дорогѣ, напоила его пьянымъ, подмѣнила письмо, въ коемъ написала, что царица разрѣшилась не мышью, не лягушкой, а невѣдомою звѣрюшкою. Царь опечалился, но съ тѣмъ же гонцомъ повелѣлъ дожидаться приѣзда его для разрѣшенія. Мачиха опять подмѣнила приказъ и написала повелѣніе, чтобъ заготовить двѣ бочки: одну для 33 царевичей, а другую для царицы съ чудеснымъ сыномъ — и бросить ихъ въ море. Такъ и сдѣлано. Долго плавали царица съ царевичемъ въ засмоленной бочкѣ; наконецъ море выкинуло ихъ на землю. Сынъ замѣтилъ это: матушка ты моя, благослови ты меня на то, чтобъ разсыпались обручи и вышли бы мы на свѣтъ. — «Господь благослови тебя, дитятко.» Обручи лопнули, они вышли на островъ, сынъ избралъ мѣсто и съ благословенія матери выстроилъ городъ и сталъ въ ономъ жить, да поживать. Ёдетъ мимо корабль: царевичъ остановилъ корабельщиковъ, осмотрѣлъ ихъ пропускъ и узнавъ, что ѣдутъ они къ Султану Султановичу, турецкому государю, обратился въ муху и полетѣлъ велѣть за ними. Мачиха хочетъ его поймать, онъ никакъ не дается. Гости корабельщики раз-

*) Въ другой тетради (1828) сначала написаны первые стихи сказки, до: «Родила богатыря», а затѣмъ слѣдуетъ: «Только успѣла она выговорить сіи слова, какъ дверь открылась и царь вошелъ безъ доклада. Царь имѣлъ привычку гулять поздно по городу и подслушивать рѣчи своихъ подданныхъ. Онъ съ пріятной улыбкой подошелъ къ меньшей сестрѣ, взявъ ее за руку и сказалъ: «Будь же царицей и роди мнѣ царевича.» Потомъ, обратясь къ старшей и средней, сказалъ онъ: «Ты будь у меня при дворѣ ткачихой, а ты кухаркой.» Съ этимъ словомъ, не давъ имъ образумиться, царь два раза свистнулъ; дворъ наполнился воинами и царедворцами; серебряная карета подъѣхала къ самому крыльцу. Царь съѣлъ въ нее съ новою царицей, а свояченицъ велѣлъ вести во дворецъ; ихъ посадили въ телѣги, и всё поскакали.»

сказываютъ царю о новомъ государствѣ и о чудномъ отроку: ноги серебряныя и проч. Ахъ! говоритъ царь, поѣду посмотрѣть это чудо. Что за чудо, говоритъ мачиха, вотъ что чудо: у моря Лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ, вверхъ идетъ—сказки сказываетъ, внизъ идетъ—пѣсни поетъ *). Царевичъ прилетѣлъ домой и, съ благословенья матери, перенесъ передъ дворецъ чудный дубъ.

Новый корабль. То же опять. Тотъ же разговоръ у Султана—царь опять хочетъ ѣхать. «Что это за чудо», говоритъ опять мачиха, «вотъ чудо: за моремъ стоитъ гора, и на горѣ два борова, боровы грызутся, а межъ ими сыплется золото да серебро» и проч. Третій корабль и проч. также. «Что за чудо, а вотъ чудо: изъ моря выходятъ 30 отроковъ, точь-въ-точь ровны и волосомъ, и волосомъ, и лицомъ, и ростомъ, и выходятъ они изъ моря только на одинъ часъ.»

Тужить Царевна обь остальныхъ своихъ дѣтяхъ. Царевичъ, съ ея благословенія, берется ихъ отыскивать. «Нацѣди ты, матушка, своего молока, ты замѣси 30 лепешечекъ.» Онъ идетъ къ морю, море сколыхалоса и вышли 30 юношей и съ ними старикъ, а царевичъ спрятался и оставилъ одну лепешечку. Одинъ изъ нихъ съѣлъ ее: ахъ, братцы, говоритъ онъ, до сихъ поръ не знали мы материнскаго молока, а теперь узнали.—Старикъ погналъ ихъ въ море. На другой день вышли они опять, и всѣ съѣли по лепешечкѣ и познали брата своего. На третій день вышли безъ старика—и царевичъ привелъ всѣхъ братьевъ своихъ къ своей матери. 4-й корабль — то же самое. Мачихѣ уже болѣе дѣлать нечего.—Царь Султанъ ѣдетъ на островъ, узнаеть свою жену и дѣтей—и возвращается домой, а мачиха умираеть.

Замѣчательно, что та же сказка была записана Пушкинымъ еще въ 1822 г., въ одной изъ кишиневскихъ тетрадей, но очень сокращенно, какъ бы въ видѣ программы:

Царь не имѣеть дѣтей. Слушаетъ трехъ сестеръ: когда бы я была царица, то я бы всякій день ...; когда бы я была царица, завела бы... На другой день — свадьба. Зависть первой жены; война, царь на войнѣ; царевна рождаетъ сына, гонецъ etc. Царь **) умираеть бездѣтень. Оракуль, буря, ладья. Избирають его царемъ — онъ править въ славу — ѣдетъ корабль — у Салтана рѣчь о новомъ государѣ. Салтанъ хочетъ слать пословъ, царевна ***) посылаетъ своего повѣреннаго гонца, который клевететь. Царь объявляетъ войну—царица узнаеть его съ башни...]

*) Ср. II, 202: Прологъ къ «Руслану».

**) [Т. е. царь того острова, куда выкинуло царицу съ царевичемъ.]

***) [Т. е. царица, первая жена царя.]

СКАЗКА О ПОПѢ И РАБОТНИКѢ ЕГО БАЛДѢ.

(1831).

Жиль-быль попъ,
Толоконный лобъ.
Пошелъ попъ по бавару
Посмотрѣть кой-какого товару.
На встрѣчу ему Балда
Идеть, самъ не зная куда.
Говорить попу: «здравствуй, борода!
Что ты, батька, такъ рано поднялся?
Чего ты взыскался?»
Попъ ему въ отвѣтъ:
«Нуженъ мнѣ работникъ —
Поваръ, конюхъ и плотникъ.
А гдѣ найти мнѣ такого
Служителя, не слишкомъ дорогого?»
Балда говорить:
«Буду служить тебѣ славно,
Усердно и очень исправно
Въ годъ за три щелчка тебѣ по лбу;
Бѣсть же мнѣ давай вареную полбу.»
Призадумался попъ,
Сталъ почесывать лобъ.
Щелчокъ щелчку розъ —
Да понадѣялся на русскій авось.
Попъ говорить Балдѣ: «ладно;
Не будетъ намъ обоимъ накладно.
Поживи-ка на моемъ подворьѣ,

Окажи свое усердье и проворье.»
Живеть Балда въ поповомъ домѣ,
Спать себѣ на соломѣ,
Ѣсть за четверыхъ,
Работаетъ за семерыхъ;
До-свѣтла все у него пляшетъ,
Лошадь запряжетъ, полосу вспашетъ,
Печь затопить, все заготовить, закупить,
Яичко испечь, да самъ и облупить.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балдѣ лишь и печалится,
Попѣнокъ зоветъ его тятей;
Кашу заварить, нянчиться съ дитятей;
Одинъ попъ лишь Балду не любитъ,
Никогда его не приголубить,
О расплатѣ думаетъ частенько.
Время идетъ, и срокъ ужъ близенько.
Попъ не ѣсть, не пьетъ, ночи не спитъ.
Лобъ у него заранѣ трещить.
Вотъ, онъ попадѣ признается:
Такъ и такъ, что дѣлать остается?
Умъ у бабы догадливъ,
На всякія хитрости повадливъ.
Попадья говорить: «знаю средство,
Какъ удалить отъ насъ такое бѣдство:
Закажи Балдѣ службу, чтобъ стало ему не въ мочь,
А требуй, чтобъ онъ ее исполнилъ точь-въ-точь;
Тѣмъ ты и лобъ отъ расправы избавишь,
И Балду-то безъ расплаты отправишь.»
Стало на сердцѣ у попа веселѣе;
Началь онъ глядѣть на Балду посмѣлѣе.
Вотъ, онъ кричитъ: «поди-ка сюда,
Вѣрный мой работникъ Балда!
Слушай: платить обязались черти
Мнѣ оброкъ до самой моей смерти.
Лучшаго бѣ не надобно дохода,
Да есть на нихъ недоимки за три года.
Какъ наѣшься ты своей полбы,
Собери-ка съ чертей оброкъ мнѣ полный.»
Балда, съ попомъ понапрасну не споря,
Пошелъ, да и сѣлъ у берега моря;
Тамъ онъ сталъ веревку крутить,

Да конецъ ея въ морѣ мочить.
Вотъ, изъ моря вылѣвъ старый бѣсъ:
«Зачѣмъ ты, Балда, къ намъ залѣвъ?»
— Да вотъ, веревкой хочу море морщить,
Да васъ, проклятое племя, корчить. —
Бѣса стараго взяла тутъ унылость.
«Скажи, за что такая немилость?»
— Какъ за что? Вы не платите оброка,
Не помните положеннаго срока,
Вотъ, уже будетъ намъ потѣха,
Вамъ, собакамъ, великая помѣха!
«Балдушка, погоди ты морщить море,
Оброкъ сполна ты получишь вскорѣ.
Погоди, выплчу къ тебѣ внука.»
Балда мыслить: «этого провестъ не штука!»
Вынырнулъ подосланный бѣсенокъ,
Замяукалъ онъ, какъ голодный котенокъ.
«Здравствуй, Балда-мужичекъ;
Какой тебѣ надобень оброкъ?
Объ оброкъ вѣкъ мы не слыхали,
Не было чертямъ такой печали;
Ну, такъ и быть — возьми; да съ уговору,
Съ общаго нашего приговору —
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорѣй изъ насъ обѣжитъ около моря,
Тотъ и бери себѣ полный оброкъ,
Между тѣмъ приготовить тамъ и мѣшокъ.»
Засмѣялся Балда лукаво:
«Что это ты выдумалъ, право?
Гдѣ тебѣ тягаться со мною,
Со мною, съ самимъ Балдою?
Экаго послали супостата!
Подожди-ка моего меньшого брата.»
Пошелъ Балда въ ближній лѣсокъ,
Поймалъ двухъ зайковъ, да въ мѣшокъ.
Къ морю опять онъ приходитъ,
У моря бѣсенка находить.
Держить Балда за уши одного зайку:
«Попляши-ка ты подъ нашу балалайку;
Ты, бѣсенокъ, еще молоденецъ,
Со мною тягаться слабенецъ —
Это было бѣ лишъ времени трата,

Обгони-ка сперва моего брата.
 Разъ, два, три! Догоняй-ка.»
 Пустились бѣсенокъ и зайка:
 Бѣсенокъ по берегу морскому,
 А зайка въ лѣсокъ до дому.
 Вотъ, море кругомъ обѣжавши,
 Высунувъ языкъ, мордку поднявши,
 Прибѣжалъ бѣсенокъ, задыхаясь,
 Весь мокрешенекъ, лапкой утираясь,
 Мысля: дѣло съ Балдою сладить.
 Глядь — а Балда братца гладить.
 Приговаривая: «братецъ мой любимый,
 Усталъ, бѣдняжка! отдохни, родимый.»
 Бѣсенокъ оторопѣлъ,
 Хвостикъ поджалъ, совсѣмъ присмирѣлъ,
 На братца поглядываетъ бокомъ.
 «Погоди», говорить, «схожу за оброкомъ.»
 Пошелъ къ дѣду; говорить: «бѣда!
 Обогналъ меня меньшей Балда!»
 Старый бѣсъ сталъ тутъ думать думу;
 А Балда надѣлалъ такого шуму,
 Что все море смутилось,
 И волнами такъ и расходилось.
 Вылѣзъ бѣсенокъ. «Полно, мужичекъ,
 Вышлемъ тебѣ весь оброкъ —
 Только слушай: видишь ты палку эту?
 Выбери себѣ любую мѣту —
 Кто далѣе палку бросить,
 Тотъ пускай и оброкъ уносить.
 Что жъ? Боишься вывихнуть ручки?
 Чего ты ждешь?» — Да жду вонъ этой тучки;
 Зашвырну туда твою палку,
 Да и начну съ вами, чертями, свалку. —
 Испугался бѣсенокъ, да къ дѣду,
 Рассказывать про Балдову побѣду;
 А Балда надъ моремъ опять шумить,
 Да чертямъ веревкой грозить.
 Вылѣзъ опять бѣсенокъ: «что ты хлопочешь?
 Будетъ тебѣ оброкъ, коли захочешь...»
 — Нѣтъ, говорить Балда,
 Теперъ моя чередъ —
 Условіе самъ назначу,

Задамъ тебѣ, враженокъ, задачу.
Посмотримъ, какова у тебя сила!
Видишь, тамъ сивая кобыла?
Кобылу подыми-ка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу — оброкъ ужъ твой;
Не снесешь кобылы — онъ будетъ мой.»
Бѣдненькій бѣсъ
Подъ кобылу подлѣзъ,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнявъ кобылу, два шага шагнулъ,
На третьемъ упалъ, ножки протянулъ.
А Балда ему: «глупый ты бѣсъ,
Куда ты за нами полѣзъ?
И руками снести не сможь,
А я, смотри, снесу промежь ногъ.»
Сѣлъ Балда на кобылу верхомъ,
Да версту проскакалъ, такъ что пыль столбомъ;
Испугался бѣсенокъ, и къ дѣду,
Разсказывать про такую побѣду.
Черти стали въ кружокъ,
Дѣлать нечего — собрали полный оброкъ,
Да на Балду взвалили мѣшокъ.
Идетъ Балда, побрякиваетъ,
А попъ, завидя Балду, вскакиваетъ,
За попадю прячется,
Со страху корячится.
Балда его тутъ отыскалъ,
Отдалъ оброкъ, платы требовать сталъ.
Бѣдный попъ
Подставилъ лобъ.
Съ перваго щелка —
Прыгнулъ попъ до потолка;
Со втораго щелка —
Лишился попъ языка;
А съ третьяго щелка —
Вышибло умъ у старика.
А Балда приговаривалъ съ укоривной:
«Не гонялся бы ты, попъ, за дешевизной!..»

13 сентября.

[Эта сказка, перефранная для печати Жуковскимъ, до 1882 г. печаталась подъ заглавiемъ: «О купцѣ Остолопѣ и работникѣ его Балдѣ», и только въ настоящемъ изданiи восстановлена по рукописи. И она также вята изъ няниной сказки, записанной Пушкинымъ:

Попѣ поѣхалъ искать работника. Навстрѣчу ему Балда. Соглашается Балда идти ему въ работники, платы требуетъ только три щелка въ лобъ попу. Попѣ радехонежъ, попадья говорить: «Каковъ щелкъ будетъ.» Балда дюжь и работящъ — но срокъ уже близокъ, и попѣ начинаетъ беспокоиться. Жена совѣтуетъ отослать Балду въ лѣсъ къ медвѣдю, будто бы за коровой. Балда идетъ и приводитъ медвѣдя въ хлѣвъ. Попѣ посылаетъ Балду съ чертей оброкъ собирать. Балда беретъ пеньку, смолу, да дубину — садится у рѣки, ударилъ дубиною въ воду, и въ водѣ охнуло: «кого я тамъ зашибъ? стараго иль малаго?» — и выдѣвъ старый: что тебѣ надо? — «Оброкъ собираю.» — А вотъ, внука я къ тебѣ пришлю съ переговорами. — Сидитъ Балда, да веревки плететь, да смолить. — Бѣсенокъ выскочилъ. — Что ты Балда? «Да вотъ, собираю море морщить, да васъ, чертей, корчить.» Бѣсенокъ перепугался*). «Тотъ заплатитъ попу оброкъ, кто вотъ эту лошадь не обнесетъ три раза вокругъ моря.» Бѣсенокъ не могъ. Балда сѣлъ верхомъ и объѣхалъ. «Ахъ, дѣдушка! онъ не только что въ охапку, а то между ногъ обнесъ лошадь вокругъ.» Новая выдумка. Кто прежде объжитъ около моря? «Куда тебѣ со мной, бѣсенокъ? Да мой меньшой братъ обгонитъ тебя, не только что я.» — А гдѣ твой меньшой братъ? — У Балды были въ мѣшкѣ два зайца, онъ одного пустил. Бѣсенокъ, захихавшись, объжалъ, а Балда гладитъ ужъ другого, приговаривая: «усталъ ты, бѣдненькiй братецъ, три раза объжалъ около моря.» Бѣсенокъ въ отчаянiи. Третiй способъ. Дѣдъ даетъ ему трость, кто выше броситъ? Балда ждетъ облака, чтобъ зашвырнуть ее туда и проч. Принимаетъ оброкъ въ бездонную шапку. Попѣ, видя Балду, бѣжитъ, и беретъ его въ мѣшкѣ вмѣсто сухарей, утопляетъ ночью попадью вмѣсто его и проч.

Балда у царя; дочь одержима бѣсомъ; Балда подъ страхомъ висѣлицы беретъ вылѣчить царевну; съ нею ночуетъ, беретъ съ собою орѣхи желѣзные и старыя карты, да молотокъ; знакомого бѣсенка заставляетъ грызть желѣзные орѣхи, играетъ съ нимъ въ щелчки и бьетъ бѣсенка молоткомъ. На другую ночь то же; на третью дѣлаетъ куколку на пружинахъ, у которой ротъ отерывається. — Что такое, Балда? — Питъ хочетъ... **) Бѣсенокъ поймавъ и высѣченъ, и пр.]

*) Начинаются переговоры.

**) См. Рус. Стар. 1884, № 6, стр. 544.

РУСАЛКА.

(1832).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

БЕРЕГЪ ДНѢПРА. — МЕЛЬНИЦА.

Мельникъ и дочь.

МЕЛЬНИКЪ.

Охъ, то-то всѣ вы, дѣвки молодья,
Всѣ глупы вы! Ужъ если подвернулся
Къ вамъ человѣкъ завидный, не простой,
Такъ должно вамъ его себѣ упрочить;
А чѣмъ? Разумнымъ, честнымъ поведениемъ;
Заманивать то строгостью, то лаской;
Порою исподволь, обинякомъ
О свадьбѣ заговаривать, а пуще
Беречь свою дѣвическую честь —
Безцѣнное сокровище: она —
Что слово: разъ упустишь, не воротишь.
А коли нѣтъ на свадьбу ужъ надежды,
То все-таки, по крайней мѣрѣ, можно
Какойнибудь барышъ себѣ, иль пользу
Роднымъ да выгадать; подумать надо:
«Не вѣчно жъ будетъ онъ меня любить
И баловать меня.» Да нѣтъ! куда
Вамъ помышлять о добромъ дѣлѣ! Кстати ль?
Вы тотчасъ одурѣете: вы рады

Исполнить даромъ прихоти его,
 Готовы цѣлый день висѣть на шеѣ
 У милаго дружка; а милый другъ
 Глядь — и пропаль, и слѣдъ простылъ; а вы
 Остались ни съ чѣмъ... Охъ, все вы глупы!
 Не говорилъ ли я тебѣ сто разъ:
 Эй, дочь, смотри, не будь такая дура,
 Не прозѣвай ты счастья своего,
 Не упускай ты князя, да спроста
 Не погуби самой себя. Что жъ вышло?
 Сиди теперь, да вѣчно плачь о томъ,
 Чего ужъ не воротишь.

дочь.

Почему же

Ты думаешь, что бросилъ онъ меня?

мельникъ.

Какъ почему? Да сколько разъ, бывало,
 Въ недѣлю онъ на мельницу ѣзжалъ?
 А?.. всякій Божій день, а иногда
 И дважды въ день; а тамъ все рѣже, рѣже
 Сталъ пріѣзжать — и вотъ девятый день,
 Какъ не видали мы его. Что скажешь?

дочь.

Онъ занять; мало ль у него заботы?
 Вѣдь онъ не мельникъ: за него не станеть
 Вода работать! Часто онъ твердить,
 Что всехъ трудовъ его труды тяжелѣ.

мельникъ.

Да, вѣрь ему! Когда князя трудятся?
 И что ихъ трудъ? Травить лисицъ и зайцевъ,
 Да пировать, да обирать сосѣдей,
 Да подговаривать вась, бѣдныхъ дурь.
 Онъ самъ работаетъ — куда какъ жалко!
 А за меня вода!.. А мнѣ покою
 Ни днемъ, ни ночью нѣтъ; а тамъ посмотришь:
 То здѣсь, то тамъ нужна еще починка,
 Гдѣ гниль, гдѣ течь. Вотъ, если бъ ты у князя
 Умѣла выпросить на перестройку
 Хоть нѣсколько деньжонокъ, было бъ лучше.

ДОЧЬ.

Ахъ!

МЕЛЬНИКЪ.

Что такое?

ДОЧЬ.

Чу! Я слышу топотъ
Его коня... Онъ! онъ!

МЕЛЬНИКЪ.

Смотри же, дочь,
Не забывай моихъ совѣтовъ, помни...

ДОЧЬ.

Вотъ онъ, вотъ онъ!

(Входитъ князь. Конюшій уводитъ его коня).

КНЯЗЬ.

Здорово, милый другъ!
Здорово, мельникъ.

МЕЛЬНИКЪ.

Милостивый князь,
Добро пожаловать! Давно, давно
Твоихъ очей мы свѣтлыхъ не видали.
Пойду тебѣ готовить угощенье. (Уходитъ).

ДОЧЬ.

Ахъ, наконецъ ты вспомнилъ обо мнѣ!
Не стыдно ли тебѣ такъ долго мучить
Меня пустымъ, жестокимъ ожиданьемъ?
Чего мнѣ въ голову не приходило?
Какамъ себѣ я страхомъ не пугала?
То думала, что конь тебя занесъ
Въ болото или пропасть; что медвѣдь
Тебя въ лѣсу дремучемъ одолѣлъ;
Что боленъ ты; что разлюбилъ меня...
Но, слава Богу, живъ ты, невредимъ...
И любишь все по прежнему меня,
Не правда ли?

КНЯЗЬ.

По прежнему, мой ангелъ!
Нѣтъ, больше прежняго.

ОНА.

Однако ты
Печалень; что съ тобою?

КНЯЗЬ.

Я печалень?
Тебѣ такъ показалось. Нѣтъ, я весель
Всегда, когда тебя лишь вижу.

ОНА.

Нѣтъ,
Когда ты весель, издали ко мнѣ
Спѣшишь и кличешь: гдѣ моя голубка?
Что дѣлаетъ она? А тамъ цѣлуешь
И вопрошаешь: рада ль я тебѣ
И ожидала ли тебя такъ рано?
А нынче — слушаешь меня ты молча,
Не обнимаешь, не цѣлуешь въ очи.
Ты чѣмъ нибудь встревоженъ вѣрно? Чѣмъ же?
Ужъ не сердить ли на меня?

КНЯЗЬ *).

Я не хочу притворствовать напрасно;
Ты права: въ сердцѣ я ношу печаль
Тяжелую, — и ты ее не можешь
Ни ласками любовными разсѣять,
Ни облегчить, ни даже раздѣлить.

ОНА.

Но больно мнѣ съ тобою не грустить
Одною грустью. Тайну мнѣ повѣдай.
Позволишь — буду плакать, не позволишь —
Ни слезкой я тебѣ не досажу.

КНЯЗЬ.

Зачѣмъ мнѣ медлить? Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.
Мой милый другъ, ты знаешь, нѣтъ на свѣтѣ
Блаженства прочнаго: ни знатный родъ,
Ни красота, ни сила, ни богатство,

*) Зачеркнуто:

Отъ сокола не скрывается вороненку,
Отъ глазъ любви душѣ не утаится.

Ничто бѣды не можетъ миновать *).
 И мы — не правда ли, моя голубка? —
 Мы были счастливы! — По крайней мѣрѣ,
 Я счастливъ былъ тобой, твоей любовью;
 И что впередъ со мною ни случится,
 Гдѣ бъ ни былъ я, всегда я буду помнить
 Тебя, мой другъ; того, что я теряю,
 Ничто на свѣтѣ мнѣ не замѣнитъ!

ОНА.

Я словъ твоихъ еще не понимаю,
 Но ужъ мнѣ страшно. Намъ судьба грозитъ,
 Готовить намъ невѣдомое горе —
 Разлуку, можетъ быть...

КНЯЗЬ.

Ты угадала:
 Разлука намъ судьбою суждена.

ОНА.

Кто насъ разлучить? Развѣ за тобою
 Идти во слѣдъ я всюду не властна?
 Я мальчикомъ одѣнусь; вѣрно буду
 Тебѣ служить дорогою, въ походѣ
 Иль на войнѣ; войны я не боюсь,
 Лишь видѣла бъ тебя. Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрю!
 Иль вывѣдать мои ты мысли хочешь,
 Или со мной пустую шутку шутишь...

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, шутки мнѣ на умъ нейдутъ сегодня;
 Вывѣдывать тебя не нужно мнѣ;
 Не снаряжаюсь я ни въ дальній путь,
 Ни на войну; я дома остаюсь,
 Но долженъ я съ тобой навѣкъ проститься.

ОНА.

Постой, теперь я понимаю все:
 Ты женишься? (Князь молчитъ). Ты женишься?

*) Дальше зачеркнуто:

Кто разъ сказалъ: «я счастливъ», тотъ ужъ вѣдай,
 Что близокъ, близокъ счастью конецъ...

князь.

Что дѣлать?

Сама ты разсуди. Князья не вольны,
 Какъ дѣвицы: не по сердцу они
 Себѣ подругъ берутъ, а по расчетамъ
 Иныхъ людей, для выгоды чужой...
 Твою печаль утѣшить Богъ и время!
 Не забывай меня! Возьми на память
 Повязку — дай, тебѣ я самъ надѣну.
 Еще привезъ съ собою ожерелье —
 Возьми его. Да вотъ еще: отцу
 Я это посулилъ — отдай ему.

(Даетъ ей въ руки мѣшокъ съ золотомъ).

Прощай!

она.

Постой, тебѣ сказать должна я —
 Не помню что.

князь.

Припомни.

она.

Для тебя
 Я все готова... Нѣтъ не то... Постой...
 Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,
 Меня ты могъ покинуть... Все не то...
 Да, вспомнила: сегодня у меня
 Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся.

князь.

Несчастная! Какъ быть? Хотя для него
 Побереги себя! Я не оставлю
 Ни твоего ребенка, ни тебя.
 Современемъ, быть можетъ, самъ приѣду
 Васъ навѣстить. Утѣшься, не крушися.
 Дай, обниму тебя въ послѣдній разъ.
 (Уходя). Ухъ, конечно! Душѣ какъ будто легче.
 Я бури ждалъ, но дѣло обошлось
 Довольно тихо. (Уходитъ. Она остается неподвижною).

МЕЛЬНИКЪ (входитъ).

Не угодно ль будетъ
 Пожаловать на мель... Да гдѣ же онъ?

Скажи, гдѣ князь нашъ? Ба, ба, ба! Какая
Повязка! Вся въ каменьяхъ дорогихъ!
Такъ и горить! И бусы!.. Ну, скажу,
Подарокъ царскій. Ахъ онъ, благодѣтель!..
А это что? мѣшочекъ! Ужъ не деньги ль?..
Да что же ты стоишь, не отвѣчаешь,
Не вымолвишь словечка? Али ты
Отъ радости неожиданной одурѣла,
Иль на тебя столбнякъ напелъ?

дочь.

Не вѣрю,
Не можетъ быть. Я такъ его любила...
Или онъ звѣрь? Иль сердце у него
Косматое?

мельникъ.

О комъ ты говоришь?

дочь.

Скажи, родимый: какъ могла его
Я прогнѣвить? Въ одну недѣлю развѣ
Моя краса пропала? Иль его
Отравой опоили?

мельникъ.

Что съ тобою?

дочь.

Родимый, онъ уѣхалъ! Вонъ онъ скачетъ!
И я, безумная, его пустила!
Я за полы его не уцѣпилась!
Я не повисла на уздѣ коня!
Пускай же бѣ онъ съ досады отрубилъ
Мнѣ руки по локоть; пускай бы тутъ же
Онъ растопталъ меня своимъ конемъ!

мельникъ.

Что съ нею?

дочь.

Видишь ли — князя не вольны,
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Берутъ жену себѣ... А вольно имъ,

Небось, подманивать, божиться, плакать
 И говорить: «тебя я повезу
 Въ мой свѣтлый теремъ, въ тайную свѣтлицу,
 И наряжу въ парчу и въ бархатъ алый!»
 Имъ вольно бѣдныхъ дѣвочекъ учить
 Съ полуночи на свистъ ихъ подыматься,
 И до зари за мельницей сидѣть!
 Имъ любо сердце княжеское тѣшить
 Бѣдами нашими! А тамъ — прощай:
 Ступай, голубушка, куда захочешь;
 Люби, кого замыслишь!

мельникъ.

Вотъ въ чемъ дѣло!..

дочь.

Да кто же, кто невѣста? На кого
 Онъ промѣнялъ меня? О, я узнаю!
 Я доберусь; я ей скажу, злодѣйкѣ:
 Отстань отъ насъ! ты видишь: двѣ волчихи
 Не водятся въ одномъ оврагѣ!..

мельникъ.

Дура!

Ужъ если князь беретъ себѣ невѣсту,
 Кто можетъ помѣшать ему? Вотъ, то-то!
 Не говорилъ ли я тебѣ!..

дочь.

И могъ онъ,

Какъ добрый человѣкъ, со мной прощаться,
 И мнѣ давать подарки! Каково?
 И деньги! Выкупить себя онъ думалъ!
 Онъ мнѣ хотѣлъ языкъ засеребрить,
 Чтобъ не прошла о немъ худая слава
 И не дошла до молодой жены!..
 Да, бишь, забыла я: тебѣ отдать
 Велѣлъ онъ это серебро, за то,
 Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
 За нимъ пускалъ таскаться, что ее
 Держалъ не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
 Моя погибель! (Отдаетъ ему мѣшокъ).

МЕЛЬНИКЪ (въ слезахъ).

До чего я дожилъ!
 Что Богъ привелъ услышать! Грѣхъ тебѣ
 Такъ горько упрекать отца родного.
 Одно дитя ты у меня на свѣтѣ,
 Одна отрада въ старости моей:
 Какъ было мнѣ тебя не баловать?
 Богъ наказалъ меня за то, что слабо
 Я выполнилъ отцовскій долгъ.

ДОЧЬ.

Охъ, душно!
 Холодная змѣя мнѣ шею давить...
 Змѣей, змѣею онъ меня —
 Не жемчугомъ опуталь... (Рветъ съ себя жемчугъ).
 Такъ бы я
 Разорвала тебя, змѣю-злодѣйку,
 Проклятую разлучницу мою!

МЕЛЬНИКЪ.

Ты бредишь, право бредишь.

ДОЧЬ (снимаетъ съ себя повязку).

Вотъ вѣнецъ мой,
 Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
 Лукавый врагъ, когда я отреклася
 Ото всего, чѣмъ прежде дорожила!
 Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ!
 (Бросаетъ повязку въ Днѣпръ).
 Теперь все кончено... (Бросается въ рѣку).

СТАРИКЪ (падая).

Охъ, горе, горе!

12 апрѣля 1832 года.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

КНЯЖЕСКІЙ ТЕРЕМЪ.

Свадьба. Молодые сидятъ за столомъ. Гости. Хоръ дѣвушекъ.

СВАТЬ.

Веселую мы свадебку сыграли.
 Ну, здравствуй, князь съ княгиней молодой!
 Дай Богъ вамъ жить въ любви да совѣтѣ,
 А намъ у васъ почаще пировать.
 Что жъ, красныя дѣвицы, вы примолкли?
 Что жъ, бѣлыя лебедушки, притихли?
 Али всѣ пѣсенки вы перепѣли?
 Аль горлышки отъ пѣнья пересохли?

ХОРЪ.

Сватушка, сватушка,
 Безтолковый сватушка!
 По невѣсту ѣхали —
 Въ огородъ заѣхали,
 Пива бочку пролили,
 Всю капусту полили,
 Тыну поклонилися,
 Вереѣ молилися:
 Верея ль, вереюшка,
 Укажи дороженьку
 По невѣсту ѣхати.
 Сватушка, догадайся,
 За мошоночку принимайся:
 Въ мошнѣ денежка шевелится,
 Краснымъ дѣвушкамъ норовится.

СВАТЬ.

Насмѣшницы, ужъ выбрали вы пѣсню!
 На, на, возьмите, не корите свата. (Дарить дѣвушекъ).

ОДИНЪ ГОЛОСЪ.

По камушкамъ, по желтому песочку
 Пробѣгала, быстрая рѣчка;
 Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки;

Двѣ рыбки, двѣ малыя плотицы.
 А слыхала ль ты, рыбка-сестрица,
 Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
 Какъ вечеръ у насъ красная дѣвица утопилась,
 Утопая, милого друга проклинала?

свАТЬ.

Красавицы! да это что за пѣсня?
 Она, кажись, не свадебная, нѣтъ.
 Кто выбралъ эту пѣсню? а?

дѢВУШКИ.

Не я;

Не я, не мы...

свАТЬ.

Да кто жъ пропѣлъ ее?
 (Шопотъ и смятеніе между дѣвушками).

кНЯЗЬ.

Я знаю кто.

(Встаеъ изъ-за стола и говорить тихо конюшему).

Вѣдь мельничиха здѣсь:

Скорѣ выведи ее. Да свѣдай,
 Кто смѣлъ ее впустить?

(Конюшій подходитъ къ дѣвушкамъ).

кНЯЗЬ (про себя).

Она, пожалуй,

Готова здѣсь надѣлать столько шуму,
 Что со стыда не буду знать, куда
 И спрятаться.

конюшій.

Я не нашель ея.

кНЯЗЬ.

Ищи. Она, я знаю, здѣсь. Она
 Пропѣла эту пѣсню.

гость.

Ай да медь!

И въ голову, и въ ноги такъ и бьетъ.

Жаль, горекъ: подсластить его бѣ не худо...
 (Молодые дѣлуются. Слышенъ слабый крикъ).

КНЯЗЬ.

Она! Вотъ крикъ ея ревнивый! Что?

КОНЮШІЙ.

Я не нашель ея нигдѣ.

КНЯЗЬ.

Дуракъ.

ДРУЖКО (вставая).

Не время ль намъ княгиню выдать мужу,
Да молодыхъ въ дверяхъ осыпать хмѣлемъ?

(Все встаютъ).

СВАХА.

Вѣстимо, время. Дайте жъ пѣтуха.

(Молодыхъ кормятъ жаренымъ пѣтухомъ, осыпаютъ хмѣлемъ и ведутъ въ спальню).

СВАХА.

Княгиня-душенька, не плачь, не бойся,
Послушна будь.

(Молодые уходятъ въ спальню. Все расходятся, кромѣ свахи и дружка).

ДРУЖКО.

Гдѣ чарочка? Всю ночь

Подъ окнами я буду развѣзжать,
Такъ уврѣпиться мнѣ виномъ не худо.

СВАХА (наливаетъ ему чарку).

На, кушай на здоровье.

ДРУЖКО.

Ухъ, спасибо!

Все хорошо, не правда ль, обошлось?
И свадьба хоть куда?

СВАХА.

Да, слава Богу,
Все хорошо; одно не хорошо...

ДРУЖКО.

А что?

СВАХА.

Да не къ добру пропѣли эту пѣсню,
Не свадебную, а Богъ вѣсть какую.

ДРУЖКО.

Ужъ эти дѣвушки! никакъ нельзя имъ
Не попроказать. Статочно ли дѣло —
Мутить нарочно княжескую свадьбу! *)

*) Въ рукописи эта сцена продолжалась такъ: (Слышенъ крикъ).

Ва! это что? Да это голосъ князя...

(Дѣвушка подъ покрываломъ переходить черезъ комнату).

Ты видѣла?

СВАХА.

Да видѣла.

КНЯЗЬ (выбѣгаетъ).

Держите!

Гоните со двора ее долой!
Вотъ слѣдъ ея — съ нея вода течетъ.

ДРУЖКО.

Юродивая, можетъ статья. Слуги,
Смѣясь надъ ней, ее, зная, окатили.

КНЯЗЬ.

Ступай, прикирни ты на нихъ. Какъ смѣли
Надъ нею издѣваться и ко мнѣ
Впустить ее? (Уходитъ).

ДРУЖКО.

Ей-Богу, это странно.

Кто тамъ? (Входятъ слуги). Зачѣмъ пустили эту дѣвчу?

СЛУГА.

Какую?

ДРУЖКО.

Мокрую.

СЛУГА.

Мы мокрыхъ дѣвокъ

Не видѣли.

ДРУЖКО.

Куда жъ она дѣбалась?

СЛУГА.

Не вѣдаемъ.

СВАХА.

Охъ, сердце замираетъ.

Нѣтъ, это не къ добру.

ДРУЖКО.

Ступайте вонъ,

Да никого, смотрите, не выпускайте.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

СВѢТЛИЦА.

Княгиня и мамка.

КНЯГИНЯ.

Чу! кажется, трубятъ. Нѣтъ, онъ не ѣдетъ.
 Ахъ, мамушка! какъ былъ онъ женихомъ,
 Онъ отъ меня на шагъ не отлучался,
 Съ меня очей, бывало, не сводилъ;
 Женился онъ — и все пошло не такъ!
 Теперь меня ранехонько разбудить,
 И ужъ велить себѣ коня сѣдлатъ,
 Да до ночи, Богъ вѣдаетъ, гдѣ ѣздить.
 Воротится — чуть ласковое слово
 Промолвить мнѣ, чуть ласковой рукой
 По бѣлому лицу меня потреплеть.

МАМКА.

Княгинюшка! мужчина, что пѣтухъ:
 Кури-куку! махъ, махъ крыломъ — и прочь!
 А женщина — что бѣдная насѣдка:
 Сиди себѣ, да выводилы цыплятъ.
 Пока женихъ — ужъ онъ не насидится,
 Не пьетъ, не ѣстъ, глядитъ, не наглядится;
 Женился — и заботы настаютъ:
 То надобно сосѣдей навѣстить,
 То на охоту ѣхать съ соколами,
 То на войну нелегкая несетъ;
 Туда, сюда — а дома не сидится.

КНЯГИНЯ.

Какъ думаешь? Ужъ нѣтъ ли у него
 Зазнобы тайной?

Пойти-ка мнѣ садиться на коня.
 Прощай, кума!

СВАХА.

Охъ, сердце не на мѣстѣ.
 Не въ пору сладили мы эту свадьбу!

МАМКА.

Полно, не грѣши.

Да на кого тебя онъ промѣняетъ?
Ты всёмъ взяла: умомъ, красою ненаглядной,
Обычаемъ и разумомъ. Подумай,
Родимая: ну, въ комъ ему найти,
Какъ не въ тебѣ, сокровище такое? *)

КНЯГИНЯ.

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
И мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда бъ
Умѣла вновь я мужа привязать...
А! полонъ дворъ охотниками. Мужъ
Домой пріѣхаль. Что жъ его не видно?
(Входитъ ловчій).
Что князь, гдѣ онъ?

ЛОВЧІЙ.

Князь приказалъ домой
Отѣхать намъ.

КНЯГИНЯ.

А гдѣ жъ онъ самъ?

*) Первоначально это мѣсто разговора было написано такъ:

...Подумай:

Ну, въ комъ ему найти, какъ не въ тебѣ,
Сокровище такое?

КНЯГИНЯ.

Я слыхала,
Что будто бы до свадьбы онъ любилъ
Какую-то красавицу, простую
Дочь мельника.

МАМКА.

Да, такъ и я слыхала,
Тому давно, годовъ ужъ пять и больше;
Но дѣвушка, какъ слышно, утопилась,
Такъ нечего объ ней и помянуть.

КНЯГИНЯ.

Коль ужъ одну любилъ онъ и повинулъ,
Такъ и меня повинуть можетъ.

Но Пушкинъ зачеркнулъ эти стихи, повидимому, сейчасъ же, какъ только они были написаны, и далъ словамъ княгини другую редакцію.

ЛОВЧИЙ.

Остался

Одинъ въ лѣсу, на берегу Днѣпра.

КНЯГИНЯ.

И князя вы осмѣлились оставить
 Тамъ одного? Усердые вы слуги!
 Сейчасъ назадъ, сейчасъ къ нему скачите!
 Сказать ему, что я прислала васъ!

(Ловчій уходитъ).

Ахъ, Боже мой! въ лѣсу ночной порою
 И дикій звѣрь, и лютый человѣкъ,
 И лѣшій бродить — долго ль до бѣды!
 Скорѣй зажги свѣчу передъ иконой.

МАМА.

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ДНѢПРЪ. НОЧЬ.

РУСАЛКИ.

Веселой толпою,
 Съ глубокаго дна,
 Мы ночью всплываемъ;
 Насъ грѣетъ луна...

Любо намъ порой ночью
 Дно рѣчное покидать,
 Любо вольной головою
 Высь рѣчную разрѣзать,
 Подавать другъ дружкѣ голосъ,
 Воздухъ звонкій раздражать,
 И зеленый, влажный волосъ
 Въ немъ сушить и отряхать *).

*) Въ рукописи было еще добавлено:

Слушать ухомъ ненасытнымъ
 Шумы равные земли...

ОДНА.

Тише! птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ *).

ДРУГАЯ.

Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходить по землѣ.

(Прячутся).

КНЯЗЬ.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила...
Знакомыя, печальныя мѣста!
Я узнаю окрестные предметы:
Вотъ мельница... Она ужъ развалилася;
Веселый шумъ ея колесъ умолкнулъ;
Сталь жорновъ; видно, умеръ и старикъ!
Дочь бѣдную оплакивалъ онъ долго!
Тропинка тутъ вилась — она заглохла...
Давно, давно сюда никто не ходить.
Тутъ садикъ былъ съ заборомъ — неужели
Разросся онъ кудрявой этой рощей?
Ахъ, вотъ и дубъ завѣтный! Здѣсь она
Обнявъ меня, поникла и умолкла...
Возможно ли?.. (Идетъ къ дверямъ; листья сыплются).

Что это значить? Листья,

Поблекнувъ, вдругъ свернулись, и съ шумомъ,
Какъ дождь, посыпалися на меня!
Передо мной стоитъ онъ голъ и черенъ,
Какъ дерево проклятое.

(Входитъ старикъ въ лохмотьяхъ и полунагой).

СТАРИКЪ.

Здорово,

Здорово, зять!

КНЯЗЬ.

Кто ты?

СТАРИКЪ.

Я здѣшній воронъ.

*) Вариантъ въ рукописи:

Тише, тише, подъ кустами
Что-то дрогнуло во мглѣ.

КНЯЗЬ.

Возможно ль? Это мельникъ!

СТАРИКЪ.

Что за мельникъ!

Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣжки зарыты,
Ихъ рыбка одноглазка сторожить.

КНЯЗЬ.

Несчастный, онѣ помѣшанъ! Мысли въ немъ
Равсѣяны, какъ тучи послѣ бури.

СТАРИКЪ.

Зачѣмъ вечеръ ты не пріѣхалъ къ намъ?
У насъ былъ пиръ, тебя мы долго ждали.

КНЯЗЬ.

Кто ждалъ меня?

СТАРИКЪ.

Кто ждалъ? Вѣстимо, дочь.

Ты знаешь, я на все гляжу сквозь пальцы
И волю вамъ даю: сиди она
Съ тобою хоть всю ночь, до пѣтуховъ —
Ни слова не скажу я.

КНЯЗЬ.

Бѣдный мельникъ!

СТАРИКЪ.

Какой я мельникъ! Говорятъ тебѣ,
Я воронъ, а не мельникъ. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она
Въ рѣку, я побѣжалъ за нею слѣдомъ,
И съ той скалы прыгнуть хотѣлъ, да вдругъ
Почувствовалъ: два сильныя крыла
Мнѣ выросли внезапно изъ-подъ мышекъ
И въ воздухъ сдержали. Съ той поры
То здѣсь, то тамъ летаю, то клюю

Корову мертвую, то на могилѣ
Сижу да каркаю.

князь.

Какая жалость!
Кто жъ за тобою смотреть?

СТАРИКЪ.

Да, за мною
Присматривать не худо: старъ я сталъ
И шаловливъ. За мной, спасибо, смотреть
Русалочка.

князь.

Кто?

СТАРИКЪ.

Внучка.

князь.

Невозможно
Понять его! Старикъ, ты здѣсь въ лѣсу
Иль съ голоду умрешь, или звѣрь тебя
Заѣстъ. Не хочешь ли пойти въ мой теремъ,
Со мною жить?

СТАРИКЪ.

Въ твой теремъ? Нѣтъ спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ. Здѣсь я живъ,
И сытъ, и воленъ. Не хочу въ твой теремъ.
(Уходитъ).

князь.

И этому все я виною! Страшно
Ума лишиться! Легче умереть:
На мертвеца глядимъ мы съ уваженьемъ,
Творимъ о немъ молитвы — смерть равняетъ
Съ нимъ cadaго. Но человѣкъ, лишенный
Ума, становится не человѣкомъ:
Напрасно рѣчь ему дана — не править
Словами онъ; въ немъ брата своего
Звѣрь узнаетъ; онъ людямъ въ посмѣянье;
Надъ нимъ всякъ воленъ; Богъ его не судить...

Старикъ несчастный! Видъ его во мнѣ
Раскаянья всѣ муки растравилъ.

ЛОВЧІЙ.

Вотъ онъ. Насилу-то его сыскали.

КНЯЗЬ.

Зачѣмъ вы здѣсь?

ЛОВЧІЙ.

Княгиня насъ послала:

Она боялась за тебя.

КНЯЗЬ.

Несносна

Ея заботливость! Иль я ребенокъ,
Что шагу мнѣ ступить нельзя безъ няньки?
(Уходитъ. Русалки показываются надъ водой).

РУСАЛКИ.

Что, сестрицы: въ полѣ чистомъ
Не догнать ли ихъ скорѣй?
Плескомъ, хохотомъ и свистомъ
Не пугнуть ли ихъ коней?
Поздно. Волны охладѣли,
Пѣтухи вдали пропѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна *).

ОДНА.

Подождемъ еще, сестрица.

ДРУГАЯ.

Нѣтъ, пора, пора, пора!
Ожидаетъ насъ царица,
Наша строгая сестра. (Скрываются).

*) Въ рукописи вариантъ послѣднихъ четырехъ стиховъ:

Поздно. Рошчи потемнѣли,
Холодѣетъ глубина,
Пѣтухи въ селѣ пропѣли.
Закатилася луна.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ДНѢПРОВСКОЕ ДНО.

Теремъ русалокъ. Русалки прядутъ около своей царицы.

СТАРШАЯ РУСАЛКА.

Оставьте пряжу, сестры. Солнце сѣло.
 Столбомъ луна блеститъ надъ нами. Полно!
 Плывите вверхъ, подъ небомъ поиграть,
 Да никого не трогайте сегодня:
 Ни пѣшехода щекотать не смѣйте,
 Ни рыбакамъ ихъ неводъ отягчать
 Травой и тиной, ни ребенка въ воду
 Заманивать рассказами о рыбакахъ.

(Входитъ Русалочка).

Гдѣ ты была?

дочь.

На землю выходила
 Я къ дѣду. Онъ вечеръ меня просилъ
 Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
 Которыя когда-то въ воду къ намъ
 Онъ побросалъ. Я долго ихъ искала;
 А что такое деньги, я не знаю.
 Однако же я вынесла ему
 Пригоршню ракувинокъ самоцвѣтныхъ:
 Онъ очень былъ имъ радъ.

РУСАЛКА.

Безумный скряга!

Послушай, дочка: нынче на тебя
 Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
 Придетъ мужчина. Стереги его
 И выдь ему на встрѣчу. Онъ намъ близокъ —
 Онъ твой отецъ.

дочь.

Тотъ самый, что тебя
 Покинулъ и на женщинѣ женился?

РУСАЛКА.

Онъ самъ. Къ нему нѣжнѣе приласкайся
 И расскажи все то, что отъ меня
 Ты знаешь про свое рожденье, также
 И про меня. И если спросить онъ:
 Забыла ль я его иль нѣтъ — скажи,
 Что все его я помню и люблю,
 И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

дочь.

О! поняла.

РУСАЛКА.

Ступай же. (Одна). Съ той поры,
 Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
 Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
 И въ глубинѣ Днѣпра-рѣки очнулась
 Русалкою холодной и могучей,
 Прошло ужъ восемь долгихъ [долгихъ] лѣтъ;
 Я каждый день о мщеньѣ помышляю —
 И нынѣ, кажется, мой часъ насталь.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

БЕРЕГЪ.

князь.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
 Меня влечетъ невѣдомая сила!..
 Все здѣсь напоминаетъ мнѣ бывшее
 И вольной, красной юности моей
 Любимую, хоть горестную повѣсть.
 Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала —
 Свободнаго — свободная любовь.
 Я счастливъ былъ. Безумецъ!.. И я могъ
 Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!..
 Печальныя, печальныя мечты
 Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
 Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
 А воть опять его сегодня встрѣчу,

И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться...

(Русалочка выходитъ на берегъ).

Что я вижу!

Откуда ты, прелестное дитя?

.....

[Пьеса эта, оставшаяся въ рукописяхъ Пушкина неоконченною и неотдѣланною, напечатана уже по смерти поэта, въ VI т. Современника 1837 г. Сюжетъ ея, повидимому, заимствованъ изъ чешской пѣсни «Янышь-королевичъ», часть которой переведена Пушкинымъ (см. ниже, Пѣсни западныхъ славянъ). Въ рукописи остался набросокъ программы: «Мельникъ и его дочь. Свадьба. Княгиня и мамка. Русалки. Князь, старикъ и русалочка. Охотники».

Въ бумагахъ А. С. Норова сохранился черновой автографъ «разговора» княгини съ мамкой (Р. Архивъ 1865, № 12):

— Княгиня-княгинюшка,
Дитя мое милое,
Что сидишь не весело,
Головку повѣсила?
Ты не вѣсь головушку,
Не печаль меня старую,
Свою няню любимую.
— Ахъ нянюшка, нянюшка, милая моя!
Какъ мнѣ не тужить, какъ веселой быть?
Какъ была я въ дѣвцахъ, мужъ любилъ меня;
Вышла за него — разлюбилъ меня.
Бывало, дружокъ мой супротивъ меня сидитъ,
Сидитъ цѣлый день и съ мѣста нейдетъ,
Сидитъ да глядитъ, не смигиваетъ.
А нынче дружокъ мой ни свѣтъ ни заря
Разбудитъ меня, да самъ на коня.
Весь день по гостямъ разгуливаетъ,
Приѣдетъ — не молвитъ словечушка мнѣ
Онъ ласковаго, привѣтливаго.
— Дитя мое дитяtko, не плачь, не тужи,
Не плачь, не тужи, сама рассуди:
Удалъ добрый молодецъ, что вольный пѣтухъ —
Махъ-махъ крыломъ, запѣлъ, полетѣлъ;
А красная дѣвица, что насѣдочка —
Сиди да сиди, цыплятъ выводи.
— Ужъ нѣтъ ли у него завнобы какой?
Ужъ нѣтъ ли на меня разлучницы?
— Полно ты, милая, сама рассуди:
Ты вѣзмъ-то вядала, вѣзмъ-то хороша,
Красотой, умомъ-разумомъ,
Тихимъ ласковымъ обычаемъ,
Лебединою походочкой,
Соловьиной поговорочкой.]

~~~~~

ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.

(1832—1833).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Большая часть этихъ пѣсень взята мною изъ книги, вышедшей въ Парижѣ въ концѣ 1827 года, подъ названіемъ: *La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine*. Неизвѣстный издатель говоритъ въ своемъ предисловіи, что собирая нѣкогда безыскусственныя пѣсни полудикаго племени, онъ не думалъ ихъ обнародовать, но что потомъ, замѣтивъ распространяющійся вкусъ къ произведеніямъ иностраннымъ, особенно къ тѣмъ, которыя въ своихъ формахъ удаляются отъ классическихъ образцовъ, вспомнилъ онъ о собраніи своемъ и, по совѣту друзей, перевелъ нѣкоторыя изъ сихъ поэмъ, и проч. Сей неизвѣстный собиратель былъ не кто иной, какъ Мериме, острый и оригинальный писатель, авторъ театра Клары Газюль, Хроники временъ Карла IX, Двойной Ошибки, и другихъ произведеній, чрезвычайно замѣчательныхъ въ глубокое и жалкое упадкѣ нынѣшней французской литературы. Поэтъ Мицкевичъ, критикъ зоркій и тонкій и знатокъ въ славянской поэзіи, не усомнился въ подлинности сихъ пѣсень, а какой-то ученый нѣмецъ написалъ о нихъ пространную диссертацию.

Мнѣ очень хотѣлось знать, на чемъ основано изобрѣтеніе странныхъ сихъ пѣсень. С. А. Соболевскій, по моей просьбѣ, писалъ о томъ къ Мериме, съ которымъ былъ онъ коротко знакомъ, и въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо:

Paris, 18 Janvier 1835.

Je croyais, monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien de plaisir que j'en puis compter deux de plus, ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe, que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grâce 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif, je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nous avons formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire. Arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des Anglais et des Allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis de là à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette «douleur nonpareille», comme dit Rabelais, nous arrêta au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire; on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passai l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et je me levais à dix heures; quand j'avais fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume, que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources, où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Banialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver, que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé: Dei costumi dei Morlachi, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan-Aga, qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte, qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience, j'obtins le mot à mot, mais j'étais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui

lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade de Hassan-Aga et l'avait traduit sur la traduction poétique de l'abbé, en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle, que je l'avais pillé. De premier vers illyrique est: «Sto se bieli u gorje zelenoi». Fortis a traduit: «Che mai biancheggia nel verde Bosco.» Nodier a traduit Bosco par plaine verdoyante; c'était mal tomber, car on me dit, que gorje veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mais excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

I. ВИДѢНІЕ КОРОЛЯ ¹⁾.

Король ходитъ большими шагами
 Взадъ и впередъ по палатамъ;
 Люди спать — королю лишь не спится:
 Короля султанъ осаждаетъ,
 Голову отсѣчь ему грозитъ
 И въ Стамбуль отослать ее хочетъ.

Часто онъ подходитъ къ окошку:
 Не услышитъ ли какого шума?
 Слышитъ, воетъ ночная птица:
 Она чуетъ бѣду неминучу;
 Скоро ей искать новой кровли
 Для своихъ птенцовъ горемычныхъ.

Не сова воетъ въ Ключъ-градѣ,
 Не луна Ключъ-городъ озаряетъ,
 Въ церкви Божіей гремятъ барабаны.
 Вся свѣчами озарена церковь.

Но никто барабановъ не слышитъ,
 Никто свѣта въ церкви Божіей не видитъ,

¹⁾ Ома былъ тайно умерщвленъ своими двумя сыновьями, Стефаномъ и Радивоемъ въ 1460 году. Стефанъ ему наследовалъ. Радивой, негодуя на брата за похищеніе власти, разгласилъ ужасную тайну и бѣжалъ въ Турцію, къ Магомету II. Стефанъ, по внушенію папскаго легата, рѣшился воевать съ турками. Онъ былъ побѣжденъ и бѣжалъ въ Ключъ-городъ, гдѣ Магометъ осадилъ его. Захваченный въ плѣнъ, онъ не согласился припятъ магометанскую вѣру, и съ него содрали кожу.

Лишь король то слышалъ и видѣлъ;
Изъ палатъ своихъ онъ выходитъ
И идетъ одинъ въ Божию церковь.

Сталь на паперти, дверь отворяетъ...
Ужасомъ въ немъ замерло сердце;
Но великую творитъ онъ молитву,
И спокойно въ церковь Божию входитъ.

Туть онъ видитъ чудное видѣнье:
На помостѣ валяются трупы,
Между ними хлещетъ кровь ручьями
Какъ потоки осени дождливой.
Онъ идетъ, шагая черезъ трупы;
Кровь по щиколку ²⁾ ему достигаетъ...

Горе! въ церкви турки и татары
И предатели, враги богумилы ³⁾.
На амвонѣ самъ султанъ безбожный;
Держитъ онъ на-голо саблю;
Кровь по саблѣ свѣжая струится
Съ вострїа до самой рукояти.

Короля незашный обнялъ холодъ:
Туть же видитъ онъ отца и брата.
Предъ султаномъ старикъ бѣдный справа,
Униженно стоя на колѣнахъ,
Подаетъ ему свою корону;
Слѣва, также стоя на колѣнахъ,
Его сынъ, Радивой окаянный,
Бусурманскою чалмою покрытый
(Съ тою самою веревкою, которой
Удавилъ онъ несчастнаго старца),
Край полы у султана цѣлуетъ,
Какъ холопъ, наказанный фалангой ⁴⁾.

И султанъ безбожный, усмѣхаясь,
Взялъ корону, растопталъ ногами,
И промолвилъ потомъ Радивоу:

²⁾ Щиколодка, по московскому нарѣчію щиколка.

³⁾ Такъ называютъ себя нѣкоторые иллирійскіе раскольники.

⁴⁾ Фаланга—палочные удары по пятамъ.

«Будь надъ Босніей моею ты властелиномъ,
Для гяуръ-христіанъ беглербеемъ⁵⁾».
И отступникъ билъ челомъ султану,
Трижды полъ окровавленный цѣлуя.

И султанъ прислужниковъ еликнулъ.
И сказала: «дать кафтанъ Радивою!⁶⁾
Не бархатный кафтанъ, не парчевый,
А содрать на кафтанъ Радивоя
Кожу съ брата его родного.»
Бусурмане на короля наскочили,
До нага всего его раздѣли,
Ятаганомъ ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили и мясо, и жилы,
И до самыхъ костей ободрали,
И одѣли кожею Радивоя.

Громко мученикъ Господу взмолился:
«Правъ ты, Боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мнѣ душу, Іисусе!»

При семъ имени церковь задрожала,
Все внезапно утихло, померкло,
Все исчезло — будто не бывало.

И король ощупью въ потемкахъ
Кое-какъ до двери добрался,
И съ молитвою на улицу вышелъ.

Было тихо. Съ высокаго неба
Городъ бѣлый луна озаряла.
Вдругъ взвилась изъ-за города бомба⁷⁾,
И пошли бусурмане на приступъ*).

⁵⁾ Радивой никогда не имѣлъ этого сана, и всѣ члены королевскаго семейства истреблены были султаномъ.

⁶⁾ Кафтанъ, обыкновенный подарокъ сунановъ.

⁷⁾ Анахронизмъ.

^{*)} У Мериме эта пѣсня озаглавлена: *La vision de Thomas II, roi de Bosnie.*

II. ЯНКО МАРНАВИЧЪ *).

Что въ развѣздахъ бей Янко Марнавичъ?
 Что ему дома не сидится?
 Отчего двухъ ночей онъ сряду
 Подъ одною кровлей не ночуетъ?
 Али недруги его могучи?
 Аль боится онъ кровомщенья?

Не боится бей Янко Марнавичъ
 Ни враговъ своихъ, ни кровомщенья,
 Но онъ бродить, какъ гайдукъ бездомный,
 Съ той поры какъ Кирила умеръ.

Въ церкви Спаса они братовались⁸⁾,
 И были по Богу братья;
 Но Кирила несчастливый умеръ
 Отъ руки имъ избраннаго брата.

Веселое было пиrowанье,
 Много пили меду и горѣлки;
 Охмѣлѣли, обезумѣли гости,
 Два могучіе бей побранились.

Янко выстрѣлилъ изъ своего пистоля,
 Но рука его пьяная дрожала:
 Въ супротивника своего не попалъ онъ,
 А попалъ онъ въ своего друга.
 Съ того времени онъ тоскуя бродить,
 Словно волъ, ужаленный змѣю.

Наконецъ онъ на родину вернулся,
 И вошелъ въ церковь святого Спаса.
 Тамъ день цѣлый онъ молился Богу,
 Горько плача и жалостно рыдая.
 Ночью онъ пришелъ къ себѣ на домъ,
 И отужиналъ со своей семьей,

*) У Мериме: La flamme de Ferrusich.

8) Трогательный обычай братованія, у сербовъ и другихъ западныхъ славянъ, освящается духовными обрядами.

Потомъ легъ и женѣ своей молвилъ:
 «Посмотри, жена, ты въ окошко,
 Видишь ли церковь Спаса отселѣ?»
 Жена встала, въ окошко поглядѣла,
 И сказала: «на дворѣ полночь,
 За рѣкою густые туманы,
 За туманомъ ничего не видно.»
 Повернулся Янко Марнавичъ
 И тихонько сталъ читать молитву.

Помолившись, онъ опять ей молвилъ:
 «Посмотри, что ты видишь въ окошко?»
 И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
 «Вижу, вонъ, малый огонечекъ
 Чуть-чуть брежжетъ въ темнотѣ за рѣкою.»
 Улыбнулся Янко Марнавичъ,
 И опять сталъ тихонько молиться.

Помолясь, онъ опять женѣ молвилъ:
 «Отвори-ка, женка, ты окошко,
 Посмотри, что тамъ еще видно?»
 И жена, поглядѣвъ, отвѣчала:
 «Вижу я на рѣкѣ сіянье,
 Близится оно къ нашему дому.»
 Бей вздохнулъ и съ постели свалился.
 Тутъ и смерть ему приключилась.

III. БИТВА У ЗЕНИЦЫ ВЕЛИКОЙ ⁹⁾.

Радивой поднялъ желтое знамя:
 Онъ идетъ войной на бусурмана.
 А далматы, завидя наше войско,
 Свои длинные усы закрутили,
 На-бекрень надѣли свои шапки,
 И сказали: «возьмите насъ съ собою ¹⁰⁾;
 Мы хотимъ воевать бусурмановъ.»

⁹⁾ Неизвѣстно къ какому происшествію относится эта пѣсня.

¹⁰⁾ Потеря сраженія приписывается далматамъ, ненавистнымъ для влаховъ.

Радивой дружелюбно ихъ принялъ
 И сказалъ имъ: «милости просимъ!»
 Перешли мы заповѣдную рѣчку,
 Стали жечь турецкія деревни,
 А жидовъ на деревьяхъ вѣшать ¹¹⁾.
 Беглербей со своими бошняками
 Противъ насъ пришелъ изъ Банялуки ¹²⁾;
 Но лишь только варжали ихъ кови,
 И на солнцѣ ихъ кривыя сабли
 Засверкали у Зеницы-Великой,
 Разбѣжались измѣнники далматы;
 Окружили мы тогда Радивоя
 И сказали: «Господь Богъ поможетъ,
 Мы домой воротимся съ тобою,
 И расскажемъ эту битву нашимъ дѣтямъ.»
 Стали биться мы тогда жестоко:
 Всякъ изъ насъ троихъ воиновъ стоялъ;
 Кровью были покрыты наши сабли
 Съ острія до самой рукояти.
 Но когда черезъ рѣчку стали
 Тѣсной кучей мы переправляться,
 Селихтаръ ¹³⁾ съ крыла на насъ ударилъ
 Съ новымъ войскомъ, съ конницею свѣжей.
 Радивой сказалъ тогда намъ: «дѣти,
 Слишкомъ много собакъ-бусурмановъ,
 Намъ управиться съ ними невозможно.
 Кто не раненъ, въ лѣсъ бѣги скорѣе,
 И спасайся тамъ отъ селихтара.»
 Всѣхъ-то насъ оставалось двадцать,
 Всѣ друзья, родные Радивою,
 Но и тутъ насъ пало девятнадцать.
 Закричалъ Георгій Радивою:
 «Ты, садись, Радивой, поскорѣе
 На коня моего вороного;
 Черезъ рѣчку вплавь переправляйся,
 Конь тебя изъ погибели вымчитъ.»

¹¹⁾ Жиды въ турецкихъ областяхъ суть вѣчные предметы гоненія и ненависти. Во время войны имъ доставалось отъ мусульманъ и христіанъ. Участь ихъ, замѣчаетъ В. Скоттъ, походить на участь летучей рыбы. Мериме.

¹²⁾ Банялука, прежняя столица Боснійскаго пашалыка.

¹³⁾ Селихтаръ, меченосецъ.

Радивой Георгія не послушалъ,
 На земь сѣлъ, поджавъ подъ себя ноги.
 Тутъ враги на него наскочили,
 Отрубили голову Радивою.

~~~~~

IV. ТЕОДОРЪ И ЕЛЕНА *).

.....

 Стамати былъ старъ и безсиленъ,
 А Елена молода и проворна;
 Она такъ-то его оттолкнула,
 Что ушелъ онъ, охая да хромая.
 Подѣломъ тебѣ, старый безстыдникъ!
 Ай да баба, отдѣлалась славно!

Вотъ Стамати, сталъ думать думу:
 Какъ ему погубить бы Елену?
 Онъ къ жиду-лиходѣю приходитъ,
 Отъ него онъ требуетъ совѣта.
 Жидъ сказалъ: «ступай на кладбище,
 Отыщи подъ камнями жабу,
 И въ горшкѣ сюда принеси мнѣ.»

На кладбище приходитъ Стамати,
 Отыскалъ подъ камнями жабу ¹⁴⁾,
 И въ горшкѣ жиду ее приносить.
 Жидъ на жабу проливаетъ воду,
 Нарекаетъ жабу Иваномъ
 (Грѣхъ великъ христіанское имя
 Нарещи такой поганой твари!).
 Они жабу всю потомъ искололи,
 И ее — ея жъ кровью напоили:
 Напоивши, заставили жабу
 Облизать поспѣлую сливу.

И Стамати мальчику молвилъ:
 «Отнеси ты Еленѣ эту сливу,

*) У Мериме: "La belle Héleine. Пушкинъ откинулъ начало пѣсни и сократилъ ее.

¹⁴⁾ Всѣ народы почитали жабу ядовитымъ животнымъ.

Отъ моей племянницы въ подарокъ.»
Принесъ мальчикъ Еленѣ сливу,
А Елена тотчасъ ее съѣла.

Только съѣла поганую сливу,
Показалось бѣдной молодицѣ,
Что змія у ней въ животѣ шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она вликнула сестру свою меньшую.
Та ее молокомъ напоила,
Но змія въ животѣ все шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена;
Стали баять: Елена брюхата.
Каково-то будетъ ей отъ мужа,
Какъ воротится онъ изъ-за моря!
И Елена стыдится и плачетъ,
И на улицу выдти не смѣетъ,
День сидитъ, ночью ей не спится.
Поминутно сестрицѣ повторяетъ:
«Что скажу я милому мужу?»

Круглый годъ проходитъ, и Феодоръ
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бѣжить къ нему на встрѣчу,
Всѣ его привѣтно поздравляютъ;
Но въ толпѣ не видятъ онъ Елены,
Какъ ни ищеть онъ ее глазами.
«Гдѣ жъ Елена?» наконецъ онъ молвилъ.
Кто смутился, а кто усмѣхнулся,
Но никто не отвѣчалъ ни слова.

Пришелъ онъ въ домъ свой — и видитъ:
На постелѣ сидитъ его Елена.
«Встань, Елена!» говорить Феодоръ.
Она встала — онъ взглянулъ сурово.
«Господинъ ты мой, влянусь Богомъ
И пречистымъ именемъ Маріи,
Предъ тобою я не виновата;
Испортили меня злые люди.»

Но Феодоръ женѣ не повѣрилъ:
Онъ отсѣкъ ей голову по плечи.

Отсѣкши, онъ самъ себѣ молвилъ:
 «Не сгублю я невиннаго младенца,
 Изъ нея выну его живого,
 При себѣ воспитывать буду.
 Я увижу, на кого онъ походить.
 Такъ навѣрно отца его узнаю
 И убью своего злодѣя.»

Распоролъ онъ мертвое тѣло.
 Что жь? — Намѣсто милаго дитяти,
 Онъ черную жабу находить.
 Взвыль Ѳеодоръ: «горе мнѣ, убійцѣ!
 Я сгубилъ Елену понапрасну:
 Предо мной она была невинна,
 А испортили ее злые люди.»

Поднялъ онъ голову Елены,
 Сталъ ее цѣловать умиленно,
 И мертвыя уста отворились,
 Голова Елены провѣщала:

«Я невинна. Жидъ и старый Стамати
 Черной жабой меня окормили.»
 Тутъ опять уста ея сомкнулись,
 И языкъ пересталъ шевелиться.

И Ѳеодоръ Стамати зарѣзалъ,
 А жидъ убилъ какъ собаку,
 И отпѣлъ по женѣ панихиду.

V. ВЛАХЪ ВЪ ВЕНЕЦІИ ¹⁵⁾.

Какъ покинула меня Парасковья,
 И какъ я съ печали промотался,
 Вотъ, далмать пришелъ ко мнѣ лукавый:
 «Ступай, Дмитрій, въ морской ты городъ,
 Тамъ цехины — что у насъ каменья.

¹⁵⁾ Мицкевичъ перевелъ и украсилъ эту пѣсню. [У Мериме: Le Morlaque-à Venise.

«Тамъ солдаты въ шелковыхъ кафтанахъ
И только что пьютъ да гуляютъ:
Скоро ты тамъ разбогатѣешь,
И воротись въ шитомъ долиманѣ,
Съ кинжаломъ на серебряной цѣпочкѣ.

«И тогда-то играй себѣ на гусяхъ;
Красавицы побѣгутъ къ окошкамъ,
И подарками тебя закидаютъ.
Эй, послушайся! отправляйся моремъ;
Воротись, когда разбогатѣешь.»

Я послушался лукаваго далмата.
Вотъ, живу въ этой мраморной лодкѣ,
Но мнѣ скучно, хлѣбъ ихъ мнѣ какъ камень,
Я неволенъ, какъ на привязи собака.

Надо мною женщины смѣются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здѣсь языкъ свой позабыли,
Позабыли и нашъ родной обычай:
Я завяль, какъ пересаженный кустикъ.

Какъ у насъ, бывало, кого встрѣчу,
Слышу: здравствуй, Дмитрій Алексѣичъ!
Здѣсь не слышу добраго привѣта,
Не дождуся ласковаго слова;
Здѣсь я точно бѣдная мурашка,
Занесенная въ озеро бурей.

VI. ГАЙДУКЪ ХРИЗИЧЪ *).

Въ пещерѣ, на острыхъ каменьяхъ,
Притаился храбрый гайдукъ Хризичъ ¹⁶⁾.
Съ нимъ жена его Катерина,
Съ нимъ его два милые сына.

¹⁶⁾ Гайдукъ—глава, начальникъ. Гайдуки не имѣютъ причастища и живутъ разбоями.

*) У Мериме: Les braves heyduques; героемъ является не Хризичъ, а Christich Mladin.

Имъ нельзя изъ пещеры выйти:
 Стерегутъ ихъ недруги злые.
 Коли чуть они голову подымутъ,
 Въ нихъ прицѣлятся тотчасъ сорокъ ружей.
 Они три дня, три ночи не ѣли,
 Пили только воду дождевую,
 Накопленную во впадинѣ камня.
 На четвертый взошло красно-солнце,
 И вода во впадинѣ изсякла.
 Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
 «Господь Богъ! помилуй наши души!»
 И упала мертвая на землю.
 Хризичъ, глядя на нее, не заплакалъ,
 Сыновья плакать при немъ не смѣли;
 Они только очи отирали,
 Какъ отъ нихъ отворачивался Хризичъ.
 Въ пятый день старшій сынъ обезумѣлъ,
 Сталъ глядѣть онъ на мертвую мать,
 Будто волкъ на спящую козу.
 Его братъ, видя то, испугался.
 Закричалъ онъ старшему брату:
 «Милый братъ! не губи свою душу;
 Ты напейся горячей моей крови,
 А умремъ мы голодною смертью, —
 Станемъ мы выходить изъ могилы,
 Кровь сосать нашихъ недруговъ спящихъ¹⁷⁾.»
 Хризичъ всталъ и промолвилъ: «полно!
 Лучше пуля, чѣмъ голодъ и жажда.»
 И всѣ трое со скалы въ долину
 Сбѣжали, какъ бѣшеные волки.
 Семерыхъ убилъ изъ нихъ каждый,
 Семью пулями каждый изъ нихъ прострѣленъ;
 Головы враги у нихъ отсѣкли
 И на копья свои насадили —
 А и тутъ глядѣть на нихъ не смѣли.
 Такъ имъ страшенъ былъ Хризичъ съ сыновьями.

¹⁷⁾ Западныя славяне вѣрятъ существованію упырей (vampire). См. пѣсню о Маркѣ Якубовичѣ.

VII. ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ.

Якинеа Маглановича ¹⁸⁾.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волень умеръ ты, какъ жиль.
Врагъ твой мчался безъ оглядки;
Но твой сынъ его убилъ.

Вспоминай насъ за могилой;
Коль сойдется какъ нибудь,
Отъ меня отцу, братъ милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня ужъ зажила:
Я здоровъ — и сына Яна
Мнѣ хозяйка родила.

Дѣду въ честь онъ названъ Яномъ:
Умный мальчикъ у меня;
Ужъ владѣть ятаганомъ
И стрѣляетъ нѣзъ ружья.

Дочь моя живетъ въ Лизгорѣ;
Съ мужемъ ей не скучно тамъ.
Тваркъ ушелъ давно ужъ въ море;
Живъ иль нѣтъ — узнаешь самъ.

Съ Богомъ, въ дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава Богу.
Свѣтитъ мѣсяцъ; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

¹⁸⁾ Мериме помѣстилъ, въ началѣ своей *Guzla*, извѣстие о старомъ гусларѣ Якинеѣ Маглановичѣ; неизвѣстно, существовалъ ли онъ когда нибудь, но статья его біографа имѣетъ необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобія. Книга Мериме рѣдка, и читатели, думаю, съ удовольствіемъ найдутъ здѣсь жизнеописаніе славянина-поэта. [Приведена выписка].

VIII. МАРКО ЯКУБОВИЧЪ *).

У воротъ сидѣлъ Марко Якубовичъ;
 Передъ нимъ сидѣла его Зоя,
 А мальчишка ихъ игралъ у порогу.
 По дорогѣ къ нимъ идетъ незнакомецъ:
 Блѣденъ онъ и чуть ноги волочить,
 Просить онъ напиться ради Бога.
 Зоя встала и пошла за водою,
 И прохожему вынесла ковшикъ,
 И прохожій до дна его выпилъ.
 Вотъ, напившись, говоритъ онъ Маркѣ:
 «Это что подъ горою тамъ видно?»
 Отвѣчаетъ Марко Якубовичъ:
 «То кладбище наше родовое.»
 Говоритъ незнакомый прохожій:
 «Отдыхать мнѣ на вашемъ кладбищѣ,
 Потому что мнѣ жить ужъ недолго.»
 Тутъ широкій развилъ онъ поясъ,
 Кажеть Маркѣ кровавую рану.
 «Три дня, молвилъ, ношу я подъ сердцемъ
 Бусурмана свинцовую пулю.
 Какъ умру, ты зарой мое тѣло
 За горой, подъ зеленою ивой.
 И со мной положи мою саблю,
 Потому что я славный былъ воинъ.»

Поддержала Зоя незнакомца,
 А Марко сталъ осматривать рану.
 Вдругъ сказала молодая Зоя:
 «Помоги мнѣ, Марко, я не въ силахъ
 Поддержать гостя нашего долѣ.»
 Тутъ увидѣлъ Марко Якубовичъ,
 Что прохожій на рукахъ ея умеръ.

Марко сѣлъ на коня вороного,
 Взялъ съ собою мертвое тѣло,
 И поѣхалъ съ нимъ на кладбище.
 Тамъ глубокоу вырыли могилу,

* У Мериме: Constantin Jacoubovitch.

И съ молитвой мертвеца схоронили.
 Вотъ проходить недѣля, другая,
 Сталь худѣть сыночекъ у Марка;
 Пересталь онъ бѣгать и рѣзвиться,
 Все лежалъ на рогожѣ да охаль.
 Къ Якубовичу калуеръ приходитъ —
 Посмотрѣлъ на ребенка и молвилъ:
 «Сынъ твой боленъ опасною болѣзнью;
 Посмотри на бѣлую его шею:
 Видишь ты кровавую ранку?
 Это зубъ вурдалака, повѣрь мнѣ.»¹⁹⁾

Вся деревня за старцемъ калуеромъ
 Отправилась тотчасъ на кладбище;
 Тамъ могилу прохожаго разрыли,
 Видять — трупъ румяный и свѣжій,
 Ногти выросли какъ вороныи когти,
 А лицо обросло бородою,
 Алой кровью вымазаны губы,
 Полна крови глубокая могила.
 Бѣдный Марко коломъ замахнулся,
 Но мертвецъ завизжалъ, и проворно
 Изъ могилы въ лѣсъ бѣгомъ пустился.
 Онъ бѣжалъ быстрѣе, чѣмъ лошадь,
 Стременами острыми язвима:
 И кусточки подъ нимъ такъ и гнулись,
 А суки деревъ такъ и трещали,
 Ломаясь, какъ замерзлые прутья.

Калуеръ могильною землею²⁰⁾
 Ребенка больного всего вытеръ,
 И весь день творилъ надъ нимъ молитвы.
 На закатѣ краснаго солнца
 Зоя мужу своему сказала:
 «Помнишь? ровно тому двѣ недѣли,
 Въ эту пору, умеръ злой прохожій.»

Вдругъ собака громко завыла,
 Отворилась дверь сама собою,

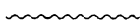
¹⁹⁾ Вурдалаки, вудкодлаки, упыри, мертвецы, выходящіе изъ своихъ могилъ и сосущіе кровь живыхъ людей.

²⁰⁾ Лѣкарствомъ отъ укушенія упыря служитъ земля, взятая изъ его могилы.

И вошелъ великанъ, наклонившись;
 Сѣлъ онъ, ноги подъ себя поджавши,
 Потолка головою касаясь.
 Онъ на Марка глядѣлъ неподвижно,
 Неподвижно глядѣлъ на него Марко,
 Очарованъ ужаснымъ его взоромъ;
 Но старикъ, молитвенникъ раскрывши,
 Запалилъ кипарисную вѣтку,
 И подуть дымъ на великана.
 И затрясся вурдалакъ проклятый,
 Въ двери бросился, и бѣжать пустился,
 Будто волкъ, охотникомъ гонимый.

На другія сутки, въ ту же пору,
 Песъ залаялъ, дверь отворилась,
 И вошелъ человекъ незнакомый;
 Былъ онъ ростомъ, какъ цесарскій рекрутъ.
 Сѣлъ онъ молча и сталъ глядѣть на Марка;
 Но старикъ молитвой его прогналъ.

Въ третій день вошелъ карликъ малый—
 Могъ бы онъ верхомъ сидѣть на крысѣ,
 Но сверкали у него злые глазки.
 И старикъ въ третій разъ его прогналъ,
 И съ тѣхъ поръ ужъ онъ не возвращался.

IX. БОНАПАРТЬ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

«Черногорцы? что такое?
 Бонапарте спросилъ:
 «Правда ль: это племя злое
 Не боится нашихъ силъ?»

«Такъ расскаются жъ нахалы:
 Объявить ихъ старпинамъ,
 Чтобы ружья и кинжалы
 Всѣ несли къ моимъ ногамъ.»

Вотъ, онъ шлетъ на насъ пѣхоту
 Съ сотней пушекъ и мортиръ,

И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасирь.

Намъ сдаваться нѣтъ охоты —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы...

Мы засѣли въ наши норы
И гостей незванныхъ ждемъ;
Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.

.....
..... *)

Идутъ тѣсно подь скалами.
Вдругъ — смятеніе!.. Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шалоковъ видать рядъ.

«Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не просить:
Не падите жъ никого!»

Ружья грянули — упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подь ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.

Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы французамъ: «Это что?»
Удивясь, они сказали:
«Эхо, что ли?» Нѣтъ, не то!

Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человекъ.
Весь отрядъ его смутился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.

*) Пропускъ находится и въ оригиналѣ, у Мерима, гдѣ къ этому мѣсту пѣсни сдѣлано примѣчаніе: «Ici manque une stance.»

И французы ненавидятъ
 Съ той поры нашъ вольный край,
 И краснѣютъ, коль завидятъ
 Шапку нашу невзначай.

Х. СОЛОВЕЙ *).

(Изъ Бѹка Стефановича).

Соловей мой, соловейко!
 Птица малая лѣсная!
 У тебя ль, у малой птицы,
 Неизмѣнныя три пѣсни;
 У меня ли, у молодца,
 Три великія заботы!
 Какъ ужъ первая забота —
 Рано молодца женили;
 А вторая-то забота —
 Воронъ конь мой притомился;
 Какъ ужъ третья-то забота —
 Красну дѣвицу со мною
 Разлучили злые люди.
 Вы копайте мнѣ могилу
 Во полѣ, полѣ широкомъ,
 Въ головахъ мнѣ посадите
 Алы цвѣтики-цвѣточки,
 А въ ногахъ мнѣ проведите
 Чисту воду ключевую.
 Пройдутъ мимо красны дѣвки,
 Такъ сплетутъ себѣ вѣночки;
 Пойдутъ мимо стары люди,
 Такъ воды себѣ зачерпнутъ.

*) Въ рукописи этой пѣснѣ предшествуютъ четыре сербскіе стиха:

Славіј птица мала сваком покој дала,
 А мене јунаку туге је задала:
 Прва ми је туга на срдашцу моме,
 Што мене је мајка оженила млада.

ХІ. ПѢСНЯ О ГЕОРГИИ ЧЕРНОМЪ *).

Не два волка въ оврагѣ грызутся —
 Отецъ съ сыномъ въ пещерѣ бранятся.
 Старый Петро сына укоряетъ:
 «Бунтовщикъ ты, злодѣй проклятый!
 Не боишься ты Господа Бога!
 Гдѣ тебѣ съ султаномъ тягаться,
 Воевать съ бѣлградскимъ пашою!
 Аль о двухъ головахъ ты родился?
 Пропадай ты себѣ, окаянный,
 Да зачѣмъ ты всю Сербію губишь?»
 Отвѣчаетъ Георгій угрюмо:
 «Изъ ума, старикъ, видно, выжилъ,
 Коли лаешь безумныя рѣчи.»
 Старый Петро пуще осердился,
 Пуще онъ бранится, бушуетъ.
 Хочетъ онъ отправиться въ Бѣлградъ,
 Туркамъ выдать ослушнаго сына,
 Объявить убѣжище сербовъ.
 Онъ изъ темной пещеры выходитъ;
 Георгій старика догоняетъ:
 «Воротися, отецъ, воротися,
 Отпусти мнѣ невольное слово.»
 Старый Петро не слушаетъ, гровится:
 «Вотъ ужъ, разбойникъ, тебѣ будетъ!»
 Сынъ ему впередъ забѣгаетъ,
 Старику кланяется въ ноги.
 Не взглянулъ на сына старый Петро.
 Догоняетъ вновь его Георгій,
 И хватаетъ за сивую косу.
 «Воротись, ради Господа Бога:
 Не введи ты меня въ искушенье!»
 Отпихнулъ старикъ его сердито
 И пошелъ по бѣлградской дорогѣ.
 Горько, горько Георгій заплакалъ,
 Пистолеть изъ-за пояса вынулъ,
 Взвелъ курокъ, да и выстрѣлилъ тутъ же.
 Закричалъ Петро, запатавшись:

*) Георгій Черный или Карагеоргій былъ вождемъ сербовъ съ 1804 по 1813 г. Онъ родился между 1750—1760 г. и убитъ измѣннически въ 1817 г.

«Помоги мнѣ, Георгій, я раненъ!»
 И упалъ на дорогу бездыханенъ.
 Сынъ бѣгомъ въ пещеру воротился;
 Его мать вышла ему навстрѣчу.
 «Что, Георгій, куда дѣлся Петро?»
 Отвѣчаетъ Георгій сурово:
 «За обѣдомъ старикъ пьянъ напился,
 И заснулъ на бѣлградской дорогѣ.»²¹⁾
 Догадалась она, завопила:
 «Будь же Богомъ проклять ты, черный,
 Коль убилъ ты отца родного!»
 Съ той поры Георгій Петровичъ
 У людей прозывается Черный.

ХІІ. ВОЕВОДА МИЛОШЪ *).

Надъ Сербіей смилуйся ты, Боже!
 Заѣдаютъ насъ волки-янычары!
 Безъ вины намъ головы рѣжутъ,
 Нашихъ женъ обижаютъ, позорятъ,
 Сюновой въ неволю забираютъ,
 Красныхъ дѣвокъ заставляють въ насмѣшку
 Распѣвать заворныя пѣсни
 И плясать бусурманскія пляски.
 Старики даже съ нами согласны:
 Унимать насъ они перестали —
 Ужъ и имъ нестерпимо насилье.
 Гусляры насъ въ глаза укоряють;
 «Долго ль намъ мирволить янычарамъ?
 Долго ль намъ терпѣть оплеухи?
 Или вы ужъ не сербы — цыганы?
 Или вы не мужчины — старухи?
 Вы бросайте ваши бѣлые дома,
 Уходите въ Велійское ущелье —
 Тамъ гроза готовится на турокъ,
 Тамъ дружину свою собираетъ
 Старый сербинъ, воевода Милошъ.»

²¹⁾ По другому преданію, Георгій сказалъ товарищамъ: старикъ мой умеръ; возьмите его съ дороги.

*) Правитель Сербіи съ 1813 по 1839 г.

XIII. ВУРДАЛАКЪ *).

Трусовать былъ Ваня бѣдный:
 Разъ онъ позднею порой
 Весь въ поту, отъ страха блѣдный,
 Черезъ кладбище шель домой.

Бѣдный Ваня еле дышетъ;
 Спотыкаясь, чуть бредетъ
 По могиламъ; вдругъ онъ слышитъ —
 Кто-то кость, ворча, грызетъ.

Ваня сталъ — шагнуть не можетъ.
 Боже! думаетъ бѣднякъ,
 Это вѣрно кости гложетъ
 Красногубый вурдалакъ.

Горе! малый я не сильный:
 Съѣсть упырь меня совѣмъ,
 Если самъ земли могильной
 Я съ молитвою не съѣмъ.

Что же? вмѣсто вурдалака
 (Вы представьте Вани злость!)—
 Въ темнотѣ предъ нимъ собака
 На могилѣ гложетъ кость.

XIV. СЕСТРА И БРАТЯ ²²⁾).

(Изъ Вука Стефановича).

Два дубочка выросали рядомъ,
 Между ними тонковерхая елка;
 Не два дуба рядомъ выросали,
 Жили вмѣстѣ два братца родные:
 Одинъ Павель, а другой Радула,

*) У Мериме: Jeannot.

²²⁾ Прекрасная эта поэма взята мною изъ собранія сербскихъ пѣсенъ Вука Стефановича.

А межъ ими сестра ихъ Елица.
 Сестру братья любили всѣмъ сердцемъ,
 Всякую ей оказывали милость;
 На послѣдокъ ей ножъ подарили
 Золоченый, въ серебряной оправѣ.
 Огорчилась молодая Павлиха
 На золовку, стало ей завидно;
 Говоритъ она Радуловой любѣ:
 «Невѣстуха, по Богу сестрица!
 Не знаешь ли ты зеля такого,
 Чтобъ сестра омерзѣла братьямъ?»
 Отвѣчаетъ Радулова любя:
 «По Богу сестра моя, невѣстка,
 Я не знаю зеля такого;
 Хоть бы знала, тебѣ бъ не сказала;
 И меня братья мои любили,
 И мнѣ всякую оказывали милость.»
 Вотъ, пошла Павлиха къ водопою,
 Да зарѣвала коня вороного,
 И сказала своему господину:
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду даришь ей подарки:
 Извела она коня вороного.»
 Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
 «За что это? скажи Бога ради.»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!»
 Въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
 Вотъ, Павлиха пошла въ садъ зеленый,
 Сиваго сокола тамъ заколола,
 И сказала своему господину:
 «Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
 На бѣду даришь ты ей подарки:
 Вѣдь она сокола заколола.»
 Сталъ Елицу допытывать Павелъ:
 «За что это? скажи Бога ради.»
 Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
 «Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
 Клянусь жизнью твоей и моею!»
 И въ ту пору братъ сестрѣ повѣрилъ.
 Вотъ, Павлиха по вечеру поздно

Ножъ украла у своей золовки,
И ребенка своего заколола
Въ колыбелькѣ его золоченой.
Рано утромъ къ мужу прибѣжала,
Громко воя и лицо терзая.
«Самъ себѣ на зло сестру ты любишь,
На бѣду даришь ты ей подарки:
Заколола у насъ она ребенка;
А когда еще ты мнѣ не вѣришь,
Осмотри ты ножъ ея злаченный.»
Вскочилъ Павелъ, какъ услышалъ это,
Побѣжалъ къ Елицѣ во свѣтлицу:
На перинѣ Елица почивала,
Въ головахъ ножъ висѣлъ злаченный.
Изъ ноженъ вынулъ его Павелъ —
Ножъ злаченный весь былъ окровавленъ.
Дернулъ онъ сестру за бѣлу руку:
«Ой, сестра, убей тебя Боже!
Извела ты коня вороного,
И въ саду сокола заколола;
Да за что ты зарѣзала ребенка?»
Сестра брату съ плачемъ отвѣчаетъ:
«Не я, братецъ, клянусь тебѣ жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли жъ ты не вѣришь моей клятвѣ,
Выведи меня въ чистое поле,
Привяжи къ хвостамъ коней борзыхъ:
Пусть они мое бѣлое тѣло
Разорвутъ на четыре части.»
Въ ту пору братъ сестрѣ не повѣрилъ;
Вывелъ онъ ее въ чистое поле,
Привязалъ ко хвостамъ коней борзыхъ,
И погналъ ихъ по чистому полю.
Гдѣ попала капля ея крови,
Выросли тамъ алые цвѣточки;
Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
Церковь тамъ надъ ней соорудилась.
Прошло малое послѣ того время,
Захворала молода Павлиха;
Девять лѣтъ Павлиха все хвораетъ —
Выросла трава сквозь ея кости,
Въ той травѣ лютый змѣй гнѣздится,

Пѣть ей очи, самъ уходитъ къ ночи.
 Люто страждетъ молода Павлиха;
 Говоритъ она своему господину:
 «Слышишь ли, господинъ ты мой Павелъ,
 Сведи меня къ золовкиной церкви,
 У той церкви авось исцѣлюся.»
 Онъ повель ее къ сестриной церкви,
 И какъ были они уже близко,
 Вдругъ изъ церкви услышали голосъ:
 «Не входи, молодая Павлиха,
 Здѣсь не будетъ тебѣ исцѣленья.»
 Какъ услышала то молодая Павлиха,
 Она молвила своему господину:
 «Господинъ ты мой! прошу тебя Богомъ,
 Не веди ты меня къ бѣлому дому,
 А вяжи меня къ хвостамъ твоихъ коней,
 И пусти ихъ по чистому полю.»
 Своей любви послушался Павелъ,
 Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
 И погналъ ихъ по чистому полю.
 Гдѣ попала капля ея крови,
 Выросло тамъ тернье да крапива,
 Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 На томъ мѣстѣ озеро провалило.
 Воронъ конь по озеру выплываетъ,
 За конемъ волоченая люлька,
 На той люлькѣ сидитъ соколъ-птица,
 Лежитъ въ люлькѣ маленькій мальчикъ:
 Рука матери у него подъ горломъ,
 Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

~~~~~

XV. ЯНЫШЪ-КОРОЛЕВИЧЪ ²³⁾,

Полюбилъ королевичъ Янышъ
 Молодую красавицу Елицу;
 Любитъ онъ ее два красныя лѣта,
 Въ третье лѣто вздумалъ онъ жениться
 На Любусѣ, чешской королевнѣ.

²³⁾ Пѣсня о Янышѣ-королевичѣ въ подлинникѣ очень длинна и раздѣляется на нѣсколько частей. Я перевелъ первую, и то не всю.

Съ прежней любой идетъ онъ проститься.
 Ей приносить съ червонцами чересь,
 Да гремучія серьги золотыя,
 Да жемчужное тройное ожерелье;
 Самъ ей вдѣль онъ серьги золотыя,
 Навязалъ на шею ожерелье,
 Далъ ей въ руки съ червонцами чересь,
 Въ обѣ щеки поцѣловалъ молча,
 И поѣхалъ своею дорогой.
 Какъ одна осталася Елица,
 Деньги на земь она пометала,
 Изъ ушей выдернула серьги,
 Ожерелье на-двое разорвала,
 А сама кинулась въ Мораву.
 Тамъ на днѣ молодая Елица
 Водяною царицей очнулась,
 И родила маленькую дочку,
 И ее нарекла Водяницей.

Вотъ, проходятъ три года и болѣ,
 Королевичъ ѣздитъ на охотѣ,
 Ѣздитъ онъ по берегу Моравы;
 Захотѣлъ онъ коня вороного
 Напоить студѣною водою.
 Но лишь только запѣненную морду
 Сунуль конь въ студеную воду,
 Изъ воды вдругъ высунулась ручка:
 Хватъ коня за узду золотую!
 Конь отдернулъ голову въ испугѣ,—
 На уздѣ виситъ Водяница,
 Какъ на удѣ пойманная рыбка.
 Конь кружится по чистому лугу,
 Потрясая уздой золотою,
 Но стряхнуть Водяницы не можетъ.
 Чуть въ сѣдлѣ усидѣлъ королевичъ,
 Чуть сдержалъ коня вороного,
 Осадивъ могучею рукою.
 На траву Водяница прыгнула.
 Говоритъ ей Янышь-королевичъ:
 «Разскажи, какое ты творенье:
 Женщина ль тебя породила,
 Иль Богомъ проклятая Вила?»

Отвѣчаетъ ему Водяница:

«Родила меня молодая Елица,
Мой отецъ Янышь-королевичъ,
А зовутъ меня Водяницей.»
Королевичъ при такомъ отвѣтѣ
Соскочилъ съ коня вороного,
Обнялъ дочь свою Водяницу,
И, слезами заливаясь, молвилъ:
«Гдѣ, скажи, твоя мать—Елица?
Я слыхалъ, что она потонула.»

Отвѣчаетъ ему Водяница:

«Мать моя царица водяная;
Она властвуетъ надъ всѣми рѣками,
Надъ рѣками и надъ озерами;
Лишь не властвуетъ она синимъ моремъ:
Синимъ моремъ властвуетъ Дивъ-Рыба.»

Водяницѣ молвилъ королевичъ:

«Такъ иди же къ водяной царицѣ,
И скажи ей: Янышь-королевичъ
Ей поклонъ усердный посылаетъ,
И у ней свиданія просить
На зеленомъ берегу Моравы.
Завтра я заѣду за отвѣтомъ.»
Они послѣ того разстались.

Рано утромъ, чуть заря зардѣлась,
Королевичъ надъ рѣкою ходитъ;
Вдругъ изъ рѣчки, по бѣлымъ груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: «Янышь-королевичъ!
У меня свиданія просилъ ты:
Говори, чего еще ты хочешь?»
Какъ увидѣлъ онъ свою Елицу,
Разгорѣлись снова въ немъ желанья,
Сталъ манить ее къ себѣ на берегъ.
«Люба ты моя, млада Елица,
Выйдъ ко мнѣ на зеленый берегъ,
Поцѣлуй меня по-прежнему сладко,
По-прежнему полкую тебя крѣпко.»
Королевичу Елица не внимаетъ,
Не внимаетъ, головою киваетъ:
«Нѣтъ, не выйду, Янышь-королевичъ,

Я къ тебѣ на зеленый берегъ.
 Сладче прежняго намъ не цѣловаться,
 Крѣпче прежняго меня не полюбишь.
 Расскажи-ка мнѣ лучше хорошенько,
 Каково, счастливо ль поживаешь
 Съ новой любовью, съ молодой женою?»
 Отвѣчаетъ Янышь-королевичъ:
 «Противъ солнышка луна не пригрѣеть,
 Противъ милой жена не утѣшитъ.»

~~~~~

XVI. К О Н Ъ *).

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
 Что ты шею опустилъ,
 Не потряхиваешь гривой,
 Не грызешь своихъ удилъ?
 Али я тебя не холю?
 Али ѣшь овса не въ волю?
 Али сбруя не красна?
 Аль поводья не шелковы,
 Не серебряны подковы,
 Не злачены стремяна?

Отвѣчаетъ конь печальный:
 Оттого я присмирѣлъ,
 Что я слышу топотъ дальный,
 Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
 Оттого я ржу, что въ полѣ
 Ужъ не долго мнѣ гулять,
 Проживать въ краѣхъ и въ холѣхъ,
 Свѣтлой сбруей щеголять;
 Что ужъ скоро врагъ суровый
 Сбрую всю мою возьметъ,
 И серебряны подковы
 Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
 Оттого мой духъ и ноетъ,
 Что намѣсто чапрака,
 Кожей онъ твоей покроетъ
 Мнѣ вспотѣвшіе бока.

*) У Мериме: Le cheval de Thomas II.

XVII *).

(Отрывокъ).

Что бѣлѣется на горѣ зеленой?
 Снѣгъ ли то, али лебеди бѣлы?
 Былъ бы снѣгъ — онъ давно бѣ растаялъ,
 Были бѣ лебеди — они бѣ улетѣли:
 То не снѣгъ и не лебеди бѣлы,
 А шатеръ Аги Ассанъ-Аги:
 Онъ лежитъ на немъ весь израненъ.
 Посѣтили его сестра и матеръ;
 Его любя не пришла, застыдилась.
 Какъ ему отъ боли стало легче,
 Приказаль онъ своей вѣрной любѣ:
 Ты не жди меня въ моемъ бѣломъ домѣ,
 Въ бѣломъ домѣ, ни во всемъ моемъ родѣ...

.....

[Изъ числа этихъ пѣсенъ 12 взяты изъ книги Мериме (I—IX, XIII, XVI, XVII), точно такъ же, какъ и примѣчанія къ нимъ; пѣсни X и XIV взяты изъ сборника сербскихъ пѣсенъ В. С. Караджича; XV-я, давшая тему для «Русалки» — изъ чешскихъ народныхъ сказаній; источникъ пѣсенъ XI и XII намъ неизвѣстенъ; г. Анненковъ полагаетъ, что онѣ сочинены самимъ Пушкинымъ на мотивы изъ новой сербской исторіи. Подробности заимствованій у Мериме и вообще созданія этихъ пѣсенъ обстоятельно изложены г. Анненковымъ (Мат., 367 — 373). Сравненіе съ произведеніями Мериме показываетъ, что Пушкинъ далеко не былъ простымъ переводчикомъ, и что въ его обработкѣ эти пѣсни получили гораздо большее художественное достоинство. Сербскія пѣсни (X и XIV) переведены очень близко къ подлиннику, точно такъ же, какъ и пѣсня XVII, переводъ которой только начать Пушкинымъ и которая раньше была напечатана, въ переводѣ А. Х. Востокова, въ Сѣв. Цвѣтахъ на 1827 г.

«Пѣсни западныхъ славянъ» напечатаны въ Библ. для Чт. 1835, № 2 («Конь») и 3, и затѣмъ — въ IV томѣ «Стихотвореній» — уже съ предисловіемъ и примѣчаніями, которыхъ въ журналѣ не было. Отрывокъ XVII пѣсни данъ впервые въ Материалахъ г. Анненкова; въ настоящемъ изданіи онъ напечатанъ въ исправленномъ видѣ.]

*) У Мериме: *Triste ballade de la noble épouse d'Assan-Aga*, перев. изъ сборника Караджича.

СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ.

(1833).

Жилъ старикъ со своею старухой
У самаго синяго моря;
Они жили въ ветхой землянкѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года.
Старикъ ловилъ неводомъ рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Разъ онъ въ море закинулъ неводъ:
Пришелъ неводъ съ одною тиной;
Онъ въ другой разъ закинулъ неводъ:
Пришелъ неводъ съ травой морскою;
Въ третій разъ закинулъ онъ неводъ:
Пришелъ неводъ съ золотою рыбкой,
Съ непростою рыбкой, золотою.
Какъ взмолился золотая рыбка,
Голосомъ молвить человѣчьимъ:
«Отпусти ты, старче, меня въ море,
Дорогѣй за себя дамъ откупъ:
Откуплюсь, чѣмъ только пожелаешь.»
Удивился старикъ, испугался:
Онъ рыбачилъ тридцать лѣтъ и три года,
И не слыхивалъ, чтобъ рыба говорила.
Отпустилъ онъ рыбку золотую
И сказалъ ей ласковое слово:
«Богъ съ тобою, золотая рыбка!
Твоего мнѣ откупа не надо;
Ступай себѣ въ синее море,

Гуляй тамъ себѣ на просторѣ.»
Воротился старикъ ко старухѣ,
Разсказаль ей великое чудо:
«Я сегодня поймалъ-было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой, въ море синее просилась,
Дорогою цѣною откупалась:
Откупалась, чѣмъ только пожелаю.
Не посмѣлъ я взять съ нея выкупъ;
Такъ пустилъ ее въ синее море.»
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умѣлъ ты взять выкупа съ рыбки!
Хоть бы взялъ ты съ нея корыто:
Наше-то совсѣмъ расколосось.»
Вотъ, пошелъ онъ къ синему морю;
Видить: море слегка разыгралось.
Сталь онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка и спросила:
«Чего тебѣ надобно, старче?»
Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Разбранила меня моя старуха,
Не даетъ старику мнѣ покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсѣмъ расколосось.»
Отвѣчаетъ золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
Будетъ вамъ новое корыто.»
Воротился старикъ ко старухѣ:
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросилъ, дурачина, корыто!
Въ корытѣ много ли корысти?
Воротись, дурачина, ты къ рыбкѣ:
Поклонись ей, выпроси ужъ избу.»
Вотъ, пошелъ онъ къ синему морю:
Помутилося синее море.
Сталь онъ кликать золотую рыбку;
Приплыла къ нему рыбка, спросила:

«Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Еще пуще старуха бранится,
 Не даетъ старику мнѣ покою:
 Избу просить сварливая баба.»
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
 Такъ и быть: изба вамъ ужъ будетъ.»
 Пошелъ онъ ко своей землянкѣ,
 А землянки нѣтъ ужъ и слѣда;
 Передъ нимъ изба со свѣтелкой,
 Съ кирпичною, бѣленою трубою,
 Съ дубовыми, тесовыми вороты.
 Старуха сидитъ подъ окошкомъ,
 На чемъ свѣтъ стоитъ мужа ругаетъ:
 «Дурачина ты, прямой простофиля!
 Выпросилъ, простофиля, избу!
 Воротись, поклонися рыбкѣ:
 Не хочу быть черной крестьянкой,
 Хочу быть столбовою дворянкой.»

Пошелъ старикъ къ синему морю:
 Непокойно синее море.
 Сталь онъ кликать золотую рыбку;
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 «Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Пуще прежняго старуха вздурилась,
 Не даетъ старику мнѣ покою:
 Ужъ не хочеть быть она крестьянкой,
 Хочеть быть столбовою дворянкой.»
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!»

Воротился старикъ ко старухѣ;
 Что жъ онъ видитъ? Высокій теремъ;
 На крыльцѣ стоитъ его старуха
 Въ дорогой собольей душегрѣйкѣ,
 Парчевая на маковѣхъ кичка,
 Жемчуги окружили шею;

На рукахъ золотые перстни,
 На ногахъ красные сапожки.
 Передъ нею усердные слуги;
 Она бьетъ ихъ, за чупрунъ таскаетъ.
 Говоритъ старикъ своей старухѣ:
 «Здравствуй, барыня-сударыня дворянка!
 Чай, теперь твоя душенька довольна.»
 На него прикрикнула старуха,
 На конюшню служить его послала.

Вотъ, недѣля-другая проходить,—
 Еще пуще старуха вздурилась;
 Опять къ рыбакѣ старика посылаетъ.
 «Воротись, поклонися рыбакѣ:
 Не хочу быть столбовою дворянкой,
 А хочу быть вольною царицей.»
 Испугался старикъ, взмолился:
 «Что ты, баба, бѣлены объѣлась?
 Ни ступить, ни молвить не умѣешь —
 Насмѣшишь ты цѣлое царство.»
 Осердилася пуще старуха,
 По щекѣ ударила мужа.
 «Какъ ты смѣешь, мужикъ, спорить со мною,
 Со мною, дворянкой столбовою?
 Ступай къ морю, говорятъ тебѣ честию,
 Не пойдешь, поведутъ по неволѣ.»

Старичекъ отправился къ морю:
 Почернѣло синее море.
 Сталь онъ кликать золотую рыбку;
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:
 «Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей съ поклономъ старикъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Опять моя старуха бунтуетъ:
 Ужь не хочетъ быть она дворянкой;
 Хочетъ быть вольною царицей.»
 Отвѣчаетъ золотая рыбка:
 «Не печалься, ступай себѣ съ Богомъ!
 Добро! будетъ старуха царицей!»

Старичекъ къ старухѣ воротился.
 Что жъ? Предъ нимъ царскія палаты;

Въ палатахъ видить свою старуху:
 За столомъ сидитъ она царицей,
 Служать ей бояре да дворяне,
 Наливаютъ ей заморскія вина,
 Заѣдаетъ она пряникомъ печатнымъ;
 Вкругъ стоитъ ея грозная стража,
 На плечахъ топорики держать.
 Какъ увидѣлъ старикъ — испугался;
 Въ ноги онъ старухѣ поклонился,
 Молвилъ: «здравствуй, грозная царица!
 Ну, теперъ твоя душенька довольна.»
 На него старуха не взглянула,
 Лишь съ очей прогнать его велѣла.
 Подбѣжали бояре и дворяне,
 Старика въ зашеи затолкали.
 А въ дверяхъ-то стража подбѣжала,
 Топорами чуть не изрубила;
 А народъ-то надъ нимъ насмѣялся:
 «Подѣломъ тебѣ, старый невѣжа!
 Впредь тебѣ, невѣжа, наука;
 Не садися не въ свои сани!»

Вотъ, недѣля-другая проходитъ, —
 Еще пуще старуха вздурилась:
 Царедворцевъ за мужемъ посылаетъ.
 Отыскали старика, привели къ ней.
 Говоритъ старику старуха:
 «Воротись, поклонися рыбакѣ;
 Не хочу быть вольною царицей,
 Хочу быть владычицей морскою,
 Чтобы жить мнѣ въ окянѣ-морѣ,
 Чтобы служила мнѣ рыбка золотая
 И была бъ у меня на посылкахъ.»

Старикъ не осмѣлился перечить,
 Не дерзнулъ поперекъ слова молвить.
 Вотъ, идетъ онъ къ синему морю;
 Видитъ: на морѣ черная буря —
 Такъ и вздулись сердитыя волны,
 Такъ и ходятъ, такъ воемъ и воютъ.
 Сталъ онъ кликать золотую рыбку.
 Приплыла къ нему рыбка, спросила:

«Чего тебѣ надобно, старче?»
 Ей старикъ съ поклономъ отвѣчаетъ:
 «Смилуйся, государыня рыбка!
 Что мнѣ дѣлать съ проклятою бабой?
 Ужъ не хочетъ быть она царицей,
 Хочетъ быть владычицей морскою,
 Чтобы жить ей въ окіянь-морѣ,
 Чтобы ты сама ей служила
 И была бы у ней на посылкахъ.»
 Ничего не сказала рыбка,
 Лишь хвостомъ по водѣ плеснула
 И ушла въ глубокое море.
 Долго у моря ждалъ онъ отвѣта,
 Не дождался, къ старухѣ воротился —
 Глядь: опять передъ нимъ землянка,
 На порогѣ сидитъ его старуха,
 А предъ нею разбитое корыто.

14 октября 1833. Болдино.

[Напечатана въ Библ. для Чт. 1835, № 5 и въ IV томѣ «Стихотвореній». Въ рукописи послѣ заглавія есть приписка: 18-я пѣсня сербская; слѣдовательно, на эту сказку, написанную, дѣйствительно, размѣромъ сербскаго эпическаго стиха, Пушкинъ смотрѣлъ, какъ на заключительную пьесу въ его собраніи «Пѣсенъ зап. славянъ».]

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

(1833)

Царь съ царицею простился,
Въ путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Сѣла ждать его одна.
Ждетъ-пождетъ съ утра до ночи.
Смотритъ въ поле, инда очи
Разболѣлись, гляючи
Съ бѣлой зори до ночи.
Не видать милого друга!
Только видить: вьется вьюга,
Снѣгъ валится на поля,
Вся бѣлешенька земля.
Девять мѣсяцевъ проходить,
Съ поля глазъ она не сводить.
Вотъ, въ сочельникъ въ самый, въ ночь,
Богъ даетъ царицѣ дочь.

Рано утромъ гость желанный,
День и ночь такъ долго жданный,
Издальца наконецъ
Воротился царь-отецъ.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И къ обѣднѣ умерла.

Долго царь былъ неутѣшенъ;
Но какъ быть? и онъ былъ грѣшенъ:
Годъ прошелъ, какъ сонъ пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Ужъ и впрямь была царица:
Высока, стройна, бѣла,
И умомъ, и всѣмъ взяла;
Но за то горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей въ приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имѣло:
Говорить оно умѣло.
Съ нимъ однимъ она была
Добродушна, весела;
Съ нимъ привѣтливо шутила,
И красуясь говорила:
«Свѣтъ мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И ей зеркальце въ отвѣтъ:
«Ты, конечно, спору нѣтъ;
Ты, царица, всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертѣться подбочась,
Гордо въ зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолкомъ расцвѣтая,
Между тѣмъ росла, росла,
Поднялась—и расцвѣла
Бѣлолица, черноброва,
Нрава кроткаго такого.
И женихъ сыскался ей,—
Королевичъ Елисей.
Сватъ пріѣхалъ; царь далъ слово;

А приданое готово:
 Семь торговыхъ городовъ.
 Да сто сорокъ теремовъ.

На дѣвичникъ собираясь,
 Вотъ, царица, наряжаясь
 Передъ зеркальцемъ своимъ,
 Перемолвилася съ нимъ:
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 Что же зеркальце въ отвѣтъ? —
 «Ты прекрасна, спору нѣтъ;
 Но царица всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»
 Какъ царица отпрыгнетъ,
 Да какъ ручку замахнетъ,
 Да по зеркальцу какъ хлопнетъ,
 Каблучкомъ-то какъ притопнетъ!..
 «Ахъ ты, мерзкое стекло!
 Это врешь ты мнѣ на зло.
 Какъ тягаться ей со мною?
 Я въ ней дурь-то успокою.
 Вишь, какая подросла!
 И не диво, что бѣла:
 Мать беременна сидѣла,
 Да на снѣгъ лишь и глядѣла!
 Но скажи: какъ можно ей
 Быть во всемъ меня милѣй?
 Признавайся: всѣхъ я краше!
 Обойди все царство наше,
 Хоть весь мѣръ, мнѣ равной нѣтъ.
 Такъ ли?» Зеркальце въ отвѣтъ:
 «А царица все жъ милѣе,
 Все румянѣй и бѣлѣе.»
 Дѣлать нечего. Она,
 Черной зависти полна,
 Бросивъ зеркальце подъ лавку,
 Позвала къ себѣ Чернавку,
 И наказываетъ ей,
 Стѣнной дѣвушкѣ своей,
 Вестъ царевну въ глушь лѣсную
 И, связавъ ее, живую

Подъ сосной оставить тамъ
На съѣденіе волкамъ.

Чортъ ли сладить съ бабой гнѣвной?
Спорить нечего. Съ царевной,
Вотъ, Чернавка въ лѣсъ пошла,
И въ такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: «жизнь моя!
Въ чемъ, скажи, виновна я?
Не губи меня, дѣвица!
А какъ буду я царица
Я пожалую тебя.»
Та, въ душѣ ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
«Не кручинься, Богъ съ тобой.»
А сама пришла домой.
«Что?» сказала ей царица,
Гдѣ красавица-дѣвица?»
— Тамъ, въ лѣсу, стоитъ одна,
Отвѣчаетъ ей она:
Крѣпко связаны ей локти;
Попадется звѣрю въ когти,
Меньше будетъ ей терпѣть,
Легче будетъ умереть.

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!
Тужить бѣдный царь по ней.
Королевичъ Елисей,
Помолясь усердно Богу,
Отправляется въ дорогу
За красавицей-душой,
За невѣстой молодой.

Но невѣста молодая,
До зари въ лѣсу блуждая,
Между тѣмъ все шла да шла,
И на теремъ набрела.
Ей навстрѣчу песь, залая,

Прибѣжалъ и смолеъ, играя;
Въ ворота вошла она;
На подворьѣ тишина.
Песъ бѣжить за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
Въ свѣтлой горницѣ; кругомъ
Лавки, крытыя ковромъ,
Подъ святыми столъ дубовый,
Печь съ лежанкой изразцовой.
Видитъ дѣвица, что тутъ
Люди добрые живутъ;
Знать, не будетъ ей обидно.
Никого межъ тѣмъ не видно.
Домъ царевна обошла,
Все порядкомъ убрала,
Засвѣтила Богу свѣчку,
Затопила жарко печку,
На палати взобралась
И тихонько улеглась.

Часъ обѣда приближался;
Топотъ по двору раздался:
Входятъ семь богатырей,
Семь румяныхъ усачей.
Старшій молвилъ: «что за диво!
Все такъ чисто и красиво.
Кто-то теремъ прибиралъ,
Да хозяевъ поджидалъ.
Кто же? выдь и покажися,
Съ нами честно подружися:
Коль ты старый человѣкъ,
Дядей будешь намъ навѣкъ;
Коли парень ты румяный,
Братецъ будешь намъ названный;
Коль старушка, будь намъ мать,
Такъ и станемъ величать;
Коли красная дѣвица, —
Будь намъ милая сестрица.»

И царевна къ нимъ сошла,
Честь хозяямъ отдала,
Въ поясъ низко поклонилась;
Закраснѣвши, извинилась,
Что-де въ гости къ нимъ зашла,
Хоть звана и не была.
Вмигъ по рѣчи тѣ спознали,
Что царевну принимали;
Усадили въ уголокъ,
Подносили пирожокъ,
Рюмку полну наливали,
На подносъ подавали.
Отъ зеленаго вина
Отрекалася она;
Пирожокъ лишь разломилла,
Да кусочекъ прикусила,
И съ дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они дѣвицу
Вверхъ, во свѣтлую свѣтлицу,
И оставили одну,
Отходящую ко сну.

День за днемъ идетъ, мелькая,
А царевна молодая
Все въ лѣсу, не скучно ей
У семи богатырей.
Передъ утренней зарею
Братья дружною толпою
Выѣзжаютъ погулять,
Сѣрыхъ утокъ пострѣлять,
Руку правую потѣшить,
Сорочина въ полѣ слѣшить,
Иль башку съ широкихъ плечъ
У татарина отсѣчь,
Или вытравить изъ лѣса
Пятигорскаго черкеса.
А хозяюшкой она
Въ терему межъ тѣмъ одна,
Приберетъ и приготовить.
Имъ она не прекословить,

Не перечать ей они;
Такъ идутъ за днями дни.

Братья милую дѣвицу
Полюбили. Къ ней въ свѣтлицу
Разъ, лишь только разсвѣло,
Всѣхъ ихъ семеро вошло.
Старшій молвилъ ей: «дѣвица,
Знаешь: всѣмъ ты намъ сестрица,
Всѣхъ насъ семеро, тебя
Всѣ мы любимъ; за себя
Взять тебя мы всѣ бы ради,
Да нельзя; такъ Бога ради,
Помири насъ какъ нибудь:
Одному женою будь,
Прочимъ ласковой сestroю.
Что жъ качаешь головою?
Аль отказываешь намъ?
Аль товаръ не по купцамъ?»

«Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные,
Имъ царевна говорить:
Коли лгу, пусть Богъ велить
Не сойти живой мнѣ съ мѣста,
Какъ мнѣ быть? вѣдь я невѣста.
Для меня вы всѣ равны,
Всѣ удалы, всѣ умны,
Всѣхъ я васъ люблю сердечно;
Но другому я навѣчно
Отдана. Мнѣ всѣхъ милѣй
Королевичъ Елисей.»

Братья молча постояли,
Да въ затылкѣ почесали.
«Спрось не грѣхъ. Прости ты насъ,
Старшій молвилъ, поклонясь:
Коли такъ, не заикнуса
Ужъ о томъ.» — Я не сержуся,
Тихо молвила она,
И отказъ мой не вина. —
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,

И согласно всё опять
 Стали жить да поживать.

Между тѣмъ царица злая,
 Про царевну вспоминая,
 Не могла простить ее;
 А на зеркальце свое
 Долго дулась и сердилась;
 Наконецъ объ немъ хватилась
 И пошла за нимъ и, сѣвъ
 Передъ нимъ, забыла гнѣвъ,
 Красоваться снова стала,
 И съ улыбкою сказала:
 «Здравствуй, зеркальце! скажи,
 Да всю правду доложи:
 Я ль на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И ей зеркальце въ отвѣтъ:
 «Ты прекрасна, спору нѣтъ;
 Но живетъ безъ всякой славы,
 Средь зеленыхъ дубравы,
 У семи богатырей
 Та, что все жъ тебя милѣй.»
 И царица налетѣла
 На Чернавку: «какъ ты смѣла
 Обмануть меня? и въ чемъ?..»
 Та призналася во всемъ,
 Такъ и такъ. Царица злая,
 Ей рогаткой угрожая,
 Положила иль не жить,
 Иль царевну погубить.

Разъ царевна молодая,
 Милыхъ братьевъ поджидая,
 Пряла, сидя подъ окномъ.
 Вдругъ сердито подъ крыльцомъ
 Песъ залаялъ, и дѣвица
 Видитъ: нищая черница
 Ходитъ по двору, клюкой
 Отгоняя пса. «Постой,
 Бабушка, постой немножко,
 Ей кричитъ она въ окошко;

Пригрожу сама я псу,
И кой что тебѣ снесу.»
Отвѣчаетъ ей черница:
«Охъ ты, дитятко, дѣвица!
Песъ проклятый одолѣлъ,
Чуть до смерти не заѣлъ.
Посмотри, какъ онъ хлопочетъ!
Выдь ко мнѣ.» Царевна хочетъ
Выдти къ ней и хлѣбъ взяла,
Но съ крылечка лишь сошла,
Песъ ей подъ ноги — и лаетъ,
И къ старухѣ не пускаетъ;
Лишь пойдетъ старуха къ ней,
Онъ, лѣснаго звѣря злѣй,
На старуху. Что за чудо?
«Видно, выспался онъ худо,
Ей царевна говоритъ;
На жъ, лови!» и хлѣбъ летить.
Старушонка хлѣбъ поймала;
«Благодарствую», сказала,
Богъ тебя благослови;
Вотъ за то тебѣ, лови!»
И къ царевнѣ наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летить...
Песъ какъ прыгнетъ, завизжитъ...
Но царевна въ обѣ руки
Хватъ — поймала. «Ради скуки
Кушай яблочко, мой свѣтъ.
Благодарствуй за обѣдъ»,
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала.
И съ царевной на крыльцо
Песъ бѣжить, и ей въ лицо
Жалко смотреть, грозно воетъ.
Словно сердце песье ноетъ,
Словно хочетъ ей сказать:
Брось! Она его ласкать,
Треплетъ нѣжною рукою;
«Что, Соколка, что съ тобою?
Лягъ!» и въ комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,

Подъ окно за пряжу сѣла
Ждать хозяевъ, а глядѣла
Все на яблоко. Оно
Соку сѣлаго полно,
Такъ свѣжо и такъ душисто,
Такъ румяно, золотисто,
Будто медомъ налилось!
Видны сѣмечки насквозь.
Подождать она хотѣла
До обѣда, не стерпѣла,
Въ руки яблочко взяла,
Къ алымъ губкамъ поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочекъ проглотила...
Вдругъ она, моя душа,
Пошатнулась, не дыша,
Бѣлы руки опустила,
Плодъ румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она подъ образа
Головой на лавку пала,
И тиха, недвижна стала...

Братья въ ту пору домой
Возвращались толпой
Съ молодецкаго разбоя.
Имъ на встрѣчу, громко воя,
Песъ бѣжить, и ко двору
Путь имъ кажетъ. «Не къ добру!
Братья молвили: печали
Не минуемъ.» Прискакали,
Входятъ, ахнули. Вбѣжавъ,
Песъ на яблоко стремглавъ
Съ лаемъ кинулся, озлился,
Проглотилъ его, свалился
И издохъ. Напоено
Было ядомъ, знать, оно.
Передъ мертвою царевной
Братья въ горести душевной
Всѣ поникли головой,
И съ молитвою святой
Съ лавки подняли, одѣли,

Хоронить ее хотѣли
 И раздумали. Она
 Какъ подѣ крылышкомъ у сна,
 Такъ тиха, свѣжа лежала,
 Что лишь только не дышала.
 Ждали три дня, но она
 Не возстала ото сна.
 Сотворивъ обрядъ печальный,
 Вотъ они во гробъ хрустальный
 Трупъ царевны молодой
 Положили, и толпой
 Понесли въ пустую гору,
 И въ полуночную пору
 Гробъ ея къ шести столбамъ
 На цѣпяхъ чугуновыхъ тамъ
 Осторожно привинтили
 И рѣшеткой оградили;
 И предъ мертвою сестрой
 Сотворивъ поклонъ земной,
 Старшій молвилъ: «спи во гробѣ;
 Вдругъ погасла, жертвой злобѣ,
 На землѣ твоя краса;
 Духъ твой примутъ небеса.
 Нами ты была любима
 И для милаго хранима —
 Не досталась никому,
 Только гробу одному.»

Въ тотъ же день царица злая,
 Доброй вѣсти ожидала,
 Втайнѣ зеркальце взяла
 И вопросъ свой задала:
 «Я ль, скажи мнѣ, всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
 И услышала въ отвѣтъ:
 «Ты, царица, спору нѣтъ;
 Ты на свѣтѣ всѣхъ милѣе,
 Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе.»

За невѣстою своей
 Королевичъ Елисей
 Между тѣмъ по свѣту скачетъ.
 Нѣтъ, какъ нѣтъ! Онъ горько плачетъ,

И кого ни спроситъ онъ,
 Всѣмъ вопросъ его мудренъ;
 Кто въ глаза ему смѣется,
 Кто скорѣе отвернется;
 Къ красну солнцу наконецъ
 Обратился молодець.
 «Свѣтъ нашъ, солнышко! ты ходишь
 Круглый годъ по небу, сводишь
 Зиму съ теплою весной,
 Всѣхъ насъ видишь подъ собой.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видало ль гдѣ на свѣтѣ
 Ты царевны молодой?
 Я женихъ ей.» — Свѣтъ ты мой,
 Красно солнце отвѣчало:
 Я царевны не видало.
 Знать, ее въ живыхъ ужъ нѣтъ.
 Развѣ мѣсяцъ, мой сосѣдъ,
 Гдѣ нибудь ее да встрѣтилъ,
 Или слѣдъ ея замѣтилъ.

Темной ночи Елисей
 Дождался въ тоскѣ своей.
 Только мѣсяцъ показался,
 Онъ за нимъ съ мольбой погнался:
 «Мѣсяцъ, мѣсяцъ, мой дружокъ,
 Позолоченный рожокъ!
 Ты встаешь во тьмѣ глубокой,
 Круглолицый, свѣтлоокій,
 И обычай твой любя,
 Звѣзды смотреть на тебя.
 Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
 Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
 Ты царевны молодой?
 Я женихъ ей.» — Братецъ мой,
 Отвѣчаетъ мѣсяцъ ясный:
 Не видалъ я дѣвы красной.
 На сторожѣ я стою
 Только въ очередь мою.
 Безъ меня царевна, видно,
 Пробѣжала. «Какъ обидно!
 Королевицъ отвѣчалъ.

Ясный мѣсяцъ продолжалъ:
«Погоди: объ ней, быть можетъ,
Вѣтеръ знаетъ. Онъ поможетъ.
Ты къ нему теперъ ступай;
Не печалься же, прощай.»

Елисей, не унывая,
Къ вѣтру кинулся, зывая:
Вѣтеръ, вѣтеръ! ты могучъ,
Ты гоняешь стаи тучъ,
Ты волнуешь сине море,
Всюду вѣешь на просторѣ,
Не боишься никого,
Кромѣ Бога одного;
Аль откажешь мнѣ въ отвѣтъ?
Не видалъ ли гдѣ на свѣтѣ
Ты царевны молодой?
Я женихъ ея.» — Пстой,
Отвѣчаетъ вѣтеръ буйный:
Тамъ, за рѣчкой тихоструйной,
Есть высокая гора;
Въ ней глубокая нора;
Въ той норѣ, во тѣмъ печальной.
Гробъ качается хрустальный
На цѣпяхъ между столбовъ.
Не видать ничьихъ слѣдовъ
Вкругъ того пустого мѣста;
Въ томъ гробу твоя невѣста. —

Вѣтеръ далѣ побѣжалъ.
Королевичъ зарыдалъ,
И пошелъ къ пустому мѣсту,
На прекрасную невѣсту
Посмотрѣть еще хоть разъ.
Вотъ идетъ; и поднялась
Передъ нимъ гора крутая;
Вкругъ нея страна пустая;
Подъ горою темный входъ.
Онъ туда скорѣй идетъ.
Передъ нимъ, во мглѣ печальной,
Гробъ качается хрустальный,
И въ хрустальномъ гробѣ томъ

Спитъ царевна мертвымъ сномъ.
И о гробъ невѣсты милой
Онъ ударился всей силой.
Гробъ разбился. Дѣва вдругъ
Ожила. Глядитъ вокругъ
Изумленными глазами,
И качаясь надъ цѣпями,
Привздохнувъ, произнесла:
«Какъ же долго я спала!»
И встаетъ она изъ гроба...
Ахъ!... и зарыдали оба.
Въ руки онъ ее беретъ
И на свѣтъ изъ тьмы несетъ,
И бесѣдуя пріятно,
Въ путь пускается обратно,
И трубить уже молва:
Дочка царская жива!

Дома въ ту пору безъ дѣла
Злая мачиха сидѣла
Передъ зеркальцемъ своимъ
И бесѣдовала съ нимъ,
Говоря: «Я ль всѣхъ милѣе,
Всѣхъ румянѣй и бѣлѣе?»
И услышала въ отвѣтъ:
«Ты прекрасна, слова нѣтъ,
Но царевна все жъ милѣе,
Все румянѣй и бѣлѣе».
Злая мачиха, вскочивъ,
Объ полъ зеркальце разбивъ,
Въ двери прямо побѣжала
И царевну повстрѣчала.
Тутъ ее тоска взяла
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчасъ учинили,
И съ невѣстою своей
Обвѣнчался Елисей;
И никто съ начала міра
Не видалъ такого пира;
Я тамъ былъ; медъ, пиво пилъ,
Да усы лишь обмочилъ.

[Напечатана въ Библ. для Чт. 1834, № 2. Въ бумагахъ Пушкина сохранился отрывокъ сказки, записанной со словъ няни и послужившей основою для его обработки:

Царевна заблудилась въ лѣсу. Находить домъ пустой, убираетъ его. 12 братьевъ приѣзжаютъ: ахъ, говорятъ, тутъ былъ кто-то, или мужчина, или женщина. Коли мужчина, — будь намъ отецъ родной или братъ названный; коли женщина — будь намъ мать или сестра... Сии братья враждуютъ съ другими 12-ю богатырями; уѣзжая, они оставляютъ сестрѣ платокъ, сапогъ и шапку: если кровію нальется, то не жди насъ. Приѣзжая назадъ, спятъ они сномъ богатырскимъ: первый разъ — 12 дней, второй — 24, третій — 31. Противники приѣзжаютъ и пируютъ. Она подноситъ имъ сонныхъ капель — и проч.

Мачиха ея приходитъ въ лѣсъ подъ видомъ нищенки; собаки ходятъ на цѣпяхъ и не подпускаютъ ея. Она даетъ царевнѣ рубашку, которую та надѣвъ умираетъ. Братья хоронятъ ее въ гробницѣ, натянутой золотыми цѣпями къ двумъ соснамъ. Царевичъ влюбляется въ ея трупъ, и проч.]

СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПЪТУШКѢ.

(1834).

Нѣгдѣ, въ тридевятомъ царствѣ,
Въ тридесятомъ государствѣ,
Жиль-быль славный царь Дадонъ.
Смолоду былъ грозень онъ,
И сосѣдямъ то и дѣло
Наносилъ обиды смѣло;
Но подъ старость захотѣлъ
Отдохнуть отъ ратныхъ дѣлъ
И покой себѣ устроить.
Тутъ сосѣди беспокоить
Стали стараго царя,
Страшный вредъ ему творя.
Чтобъ концы своихъ владѣній
Охранять отъ нападеній,
Долженъ былъ онъ содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никакъ не успѣвали:
Ждутъ, бывало, съ юга: глядь —
Анъ съ востока лѣзетъ рать;
Справятъ здѣсь — лихіе гости
Идутъ отъ моря; со злости
Инда плакалъ царь Дадонъ,
Инда забывалъ и сонъ.
Что и жизньъ въ такой тревогѣ!
Вотъ, онъ съ просьбой о помогѣ

Обратился къ мудрецу,
 Звѣздочету и скопцу.
 Шлетъ за нимъ гонца съ поклономъ.
 Вотъ, мудрецъ передъ Дадономъ
 Сталъ и вынулъ изъ мѣшка
 Золотого пѣтушка.
 «Посади ты эту птицу,
 Молвилъ онъ царю, на спицу:
 Пѣтушокъ мой золотой
 Будетъ вѣрный сторожъ твой.
 Коль кругомъ все будетъ мирно,
 Такъ сидѣть онъ будетъ смирно;
 Но лишь чуть со стороны
 Ожидать тебѣ войны,
 Иль набѣга силы бранной,
 Иль другой бѣды незванной,
 Вмигъ тогда мой пѣтушокъ
 Приподыметъ гребешокъ,
 Закричитъ и встрепенется,
 И въ то мѣсто обернется.»
 Царь скопца благодарить,
 Горы золота сулитъ:
 «За такое одолженье,
 Говоритъ онъ въ восхищенъѣ:
 Волю первую твою
 Я исполню, какъ мою.»

Пѣтушокъ съ высокой спицы
 Сталъ стеречь его границы;
 Чуть опасность гдѣ видна,
 Вѣрный сторожъ какъ со сна
 Шевельнется, встрепенется,
 Къ той сторонкѣ обернется
 И кричитъ: «кири-ку-ку!
 Царствуй, лежя на боку!»
 И сосѣди присмирѣли,
 Воевать уже не смѣли.
 Таковой имъ царь Дадонъ
 Даль отпоръ со всѣхъ сторонъ.

Годъ, другой проходить мирно,
 Пѣтушокъ сидитъ все смирно.

Вотъ, однажды царь Дадонъ
 Страшнымъ шумомъ пробуждёнъ:
 «Царь ты нашъ! отецъ народа!
 Возглашаетъ воевода:
 Государь! Проснись! бѣда!»
 — Что такое, господа?
 Говоритъ Дадонъ, вѣвая:
 А? кто тамъ? бѣда какая?—
 Воевода говорить:
 «Пѣтушокъ опять кричить;
 Страхъ и шумъ во всей столицѣ.»
 Царь къ окошку — анъ на спицѣ,
 Видитъ, бьется пѣтушокъ,
 Обратившись на востокъ.
 Медлить нечего: скорѣе!
 Люди, на конь! эй, живѣе!
 Царь къ востоку войско шлетъ;
 Старшій сынъ его ведеть.
 Пѣтушокъ угомонился,
 Шумъ утихъ и царь забылся.

Вотъ, проходитъ восемь дней,
 А отъ войска нѣтъ вѣстей:
 Было ль, не было ль сраженья?
 Нѣтъ Дадону донесенья.
 Пѣтушокъ кричитъ опять —
 Кличетъ царь другую рать;
 Сына онъ теперь меньшого
 Шлетъ на выручку большого.
 Пѣтушокъ опять утихъ.
 Снова вѣсти нѣтъ отъ нихъ.
 Снова восемь дней проходятъ:
 Люди въ страхѣ дни проводятъ;
 Пѣтушокъ кричитъ опять;
 Царь скликаетъ третью рать
 И ведеть ее къ востоку
 Самъ, не зная, быть ли проку.

Войска идутъ день и ночь;
 Имъ становится не въ мочь.
 Ни побоища, ни стана,
 Ни надгробнаго кургана

Не встрѣчаетъ царь Дадонъ.
Что за чудо? мыслить онъ.
Вотъ, осемой ужь день проходить,
Войско въ горы царь приводитъ,
И промежъ высокихъ горъ
Видитъ шелковый шатеръ.
Все въ безмолвіи чудесномъ
Вкругъ шатра; въ ущельѣ тѣсномъ
Рать побитая лежитъ.
Царь Дадонъ къ шатру спѣшить...
Что за страшная картина!
Передъ нимъ его два сына
Безъ шоломовъ и безъ латъ
Оба мертвые лежатъ,
Мечъ вонзивши другъ во друга.
Бродятъ кони ихъ средь луга
По притоптанной травѣ,
По кровавой муравѣ...
Царь завылъ: «охъ, дѣти, дѣти!
Горе мнѣ! попались въ сѣти
Оба наши сокола,
Горе! смерть моя пришла.»
Всѣ завыли за Дадономъ;
Застонала тяжкимъ стономъ
Глубь долинъ, и сердце горъ
Потряслось. Вдругъ шатеръ
Распахнулся... и дѣвица,
Шамаханская царица,
Вся сіяя какъ заря,
Тихо встрѣтила царя.
Какъ предъ солнцемъ птица ночи,
Царь умолкъ, ей глядя въ очи,
И забылъ онъ передъ ней
Смерть обоихъ сыновей.
И она передъ Дадономъ
Улыбнулась — и съ поклономъ
Его за руку взяла
И въ шатеръ свой увела.
Тамъ за столъ его сажала,
Всякимъ явствомъ угощала,
Уложила отдыхать
На парчевую кровать;

И потомъ недѣлю ровно,
 Покорясь ей безусловно,
 Околдованъ, восхищенъ,
 Пироваль у ней Дадонъ.

Наконецъ и въ путь обратный
 Со своею силой ратной
 И съ дѣвицей молодой
 Царь отправился домой.
 Передъ нимъ молва бѣжала,
 Быль и небыль разглашала.
 Подъ столицей, близъ воротъ,
 Съ шумомъ встрѣтилъ ихъ народъ.
 Всѣ бѣгутъ за колесницей
 За Дадономъ и царицей —
 Всѣхъ привѣтствуетъ Дадонъ...
 Вдругъ въ толпѣ увидѣлъ онъ,
 Въ сорочинской шапкѣ бѣлой,
 Весь какъ лебедь посѣдѣлый,
 Старый другъ его, скопецъ.
 «А! здорово, мой отецъ,
 Молвилъ царь ему: что скажешь?
 Подъ поближе, что прикажешь?»
 — Царь, отвѣтствуетъ мудрецъ:
 Разочтемся наконецъ.
 Помнишь? за мою услугу
 Обѣщался мнѣ, какъ другу,
 Волю первую мою
 Ты исполнить какъ свою.
 Подари жъ ты мнѣ дѣвицу,
 Шамаханскую царицу. —
 Крайне царь былъ изумленъ.
 «Что ты? старцу молвилъ онъ:
 Или бѣсъ въ тебя ввернулся,
 Или ты съ ума рехнулся?
 Чтò ты въ голову забралъ?
 Я, конечно, обѣщаль,
 Но всему же есть граница.
 И зачѣмъ тебѣ дѣвица?
 Полно, знаешь ли, кто я?
 Попроси ты отъ меня
 Хоть казну, хоть чинъ боярскій,

Хоть коня съ конюшни царской,
 Хоть полцарства моего.»
 — Не хочу я ничего.
 Подари ты мнѣ дѣвицу,
 Шамаханскую царицу —
 Говорить мудрецъ въ отвѣтъ.
 Плюнулъ царь: «Такъ лихъ же, нѣтъ!
 Ничего ты не получишь.
 Самъ себя ты, грѣшникъ, мучишь.
 Убирайся, цѣль пока;
 Оттащите старика!»
 Старичекъ хотѣлъ заспорить,
 Но съ инымъ накладно вздорить:
 Царь хватилъ его жезломъ
 По лбу; тотъ упалъ ничкомъ,
 Да и духъ вонъ. — Вся столица
 Содрогнулась — а дѣвица
 Хи хи хи, да ха ха ха!
 Не боится, знать, грѣха.
 Царь, хоть былъ встревоженъ сильно,
 Усмѣхнулся ей умильно.
 Вотъ — вѣзжаетъ въ городъ онъ.
 Вдругъ раздался легкій звонъ,
 И въ глазахъ у всей столицы
 Пѣтушокъ спорхнулъ со спицы,
 Къ колесницѣ полетѣлъ
 И царю на темя сѣлъ,
 Встрепенулся, клюнулъ въ темя
 И взвился... и въ то же время
 Съ колесницы палъ Дадонъ —
 Охнулъ разъ — и умеръ онъ —
 А царица вдругъ пропала,
 Будто вовсе не бывала.
 Сказка — ложь, да въ ней намѣкъ,
 Добрымъ молодцамъ урокъ!

Болдино, 20 сентября 1834.

10 ч. 53 м.

[Напечатана въ Библ. для Чт. 1835, № 4, съ пропускомъ стиха: «Царствуй, лежа на боку!» и двухъ послѣднихъ. Приведенная выше помѣта находится въ рукописи, принадлежащей И. П. Б—евъ. Въ той же рукописи находимъ слѣдующій списокъ сказокъ, составленный Пушкинымъ:

«Простонародныя сказки. I. Сказка о женихѣ.— II. О царевнѣ-лебеди.— III. О мертвой царевнѣ.— IV. О Вадѣ.— V. О золотой рыбкѣ.— VI. О золотомъ пѣтушкѣ.»]

Приводимъ здѣсь, вѣстать, изъ рукописей Пушкина записанныя имъ съ азки няни (двѣ изъ нихъ уже приведены выше).

I.

Сказка, послужившая основой для сказки В. А. Жуковскаго о царѣ Берендѣе.

Нѣкоторый царь ѣхалъ на войну; онъ оставилъ жену свою беременную. Вдучи домой, дорогою захотѣлось ему пить: видитъ онъ пролубъ и въ пролубѣ плаваетъ золотой ковшикъ; но только онъ хочетъ испить воды, что-то его хватъ за бороду и не выпускаетъ. Царь взмолился — нѣтъ: «подари мнѣ, чего ты не знаешь!» Задумался бѣдный царь: какъ, чего я не знаю, а все знаю — ну, такъ и быть, дарю. Приѣзжаетъ домой, къ нему выносятъ молодого Ивана-царевича, безъ него родившагося. Царь догадался, что его-то онъ и подарилъ и весьма опечалился. Иванъ-царевичъ выросъ. Прогуливаясь однажды верхомъ, встрѣтилъ онъ старичка, который сталъ ему пенять за то, что онъ еще не явился — и что онъ еще его прошелъ. Иванъ-царевичъ удивляется и получаетъ объясненіе отъ отца своего. Три раза является ему старикъ и научаетъ, куда идти. Иванъ-царевичъ приходитъ къ морю, гдѣ 30 утокъ полощутся, а одна по-одаль. Онъ беретъ ея платъе. Всѣ одѣваются, остается одна... Царевичъ выходитъ. Другъ съ другомъ обручаются. Она научаетъ его, какъ умягчить гнѣвъ сердитаго старика—отца ея. Сходятъ они въ подземельное царство. Старикъ, сидя на крыльцѣ, взбѣсилъ, завидя царевича. Сей, по совѣту Марьи-царевны становится на колѣни, шапку возноситъ на мечъ выше головы и такимъ образомъ приближается. Царь посылаетъ его въ особую комнату [и повелѣваетъ ему готовиться отвѣчать на его загадки: повелѣваетъ построить церковь въ одну! ночь. Царевичъ думаль-думаль и наконецъ сказалъ: «а! ну.. же его! повѣсите, такъ повѣсите, голова мнѣ не дорога.» Царевна, обратясь въ муху, является къ нему: «не печалься, Иванъ-царевичъ, скинь портки, повѣсь на шестокъ, да спи, а завтра новыми молоточекъ, ходи около церкви, гдѣ лишнее—отрѣжь, гдѣ неровно—приколоти.» Царевичъ былъ безунывная головушка, легъ и заснулъ. Поутру церковь готова. Ну, сказала царь послѣ обѣдни, я хитеръ, а ты хитрѣ меня. Отдамъ за тебя старшую дочь, но сперва узнай ее между 30-ю прочими.— «Это не мудрено», думаль Иванъ-царевичъ.— Нѣтъ, мудрено, сказала царевна-муха. Мы завтра будемъ всѣ съ одинаковымъ лицомъ, съ одинаковымъ уборомъ.—Задумался царевичъ: «... его такъ, вѣсите, такъ вѣсите!» Но царевна его надумила: на которую сядетъ муха, та и старшая. Наутро приходитъ онъ къ царю, видитъ всѣхъ царевенъ, у одной муха [сидитъ на щеку, она гонитъ ее платкомъ. «Вотъ старшая!»—«Правда, Иванъ-царевичъ, но всѣ эти хитрости не твои, а послѣ-завтра 3-я загадка.»—«Ну, Иванъ-царевичъ, сказала Марья-царевна, тутъ ужъ тебѣ не помогу; [дѣло въ томъ, чтобъ ты спилъ салоги, пока у него въ рукахъ соломенка будетъ горѣть; [убѣжимъ.» Она плюнула три слюнки на окно Ивана-царевича, да три слюнки къ себѣ,— сѣли верхомъ и ускакали. Поутру посылаетъ царь къ Ивану-царевичу: что ты, Иванъ-царевичъ, спишь или думу думаешь?—«Думу думаю», отвѣчаютъ слюнки.— Наконецъ царь видитъ обманъ и посылаетъ за нимъ въ погоню. «Послушай-ка, Иванъ-царевичъ», сказала Марья-царевна: не гонятъ ли за нами? Тотъ прилегъ къ землѣ: «нѣтъ.» Марья-царевна послушала: «близко», и тотчасъ обратила Ивана-царевича въ рожь, а себя—въ пшеницу. Погоня насакала. Не видя дороги и не видя ни одного измятаго колоса, они воротились. Новая погоня. Марья-царевна превращаетъ Ивана-царевича въ церковь, а себя — въ священника, и церковь такъ ветха, что мохомъ обросла,

и священникъ такъ старъ, что еле дышетъ. Погоня возвращается. Царь ѣдетъ самъ. Но Марья-царевна разливаетъ между имъ и собою рѣку, и царь возвращается со стыдомъ. Иванъ-царевичъ и Марья-царевна вступаютъ въ свое государство. «Забудешь ты меня, Иванъ-царевичъ; не цѣлуй ребенка, когда прійдешь къ отцу и къ матери, а то забудешь меня.» Иванъ-царевичъ пріѣзжаетъ къ отцу и къ матери, въ восторгѣ цѣлуетъ ребенка и забываетъ Марью-царевну. Между тѣмъ предлагаютъ ему невѣсту, онъ съ нею обручается. Марья-царевна проситъ у старушки, съ которой живетъ, идти посмотрѣть на царскую свадьбу. Приходитъ въ царскія кухни, съ трудомъ выпрашиваетъ позволеніе испечь пирогъ. Пирогъ подаютъ на царскій столъ, разрѣзываютъ: оттуда вылетаютъ голубь съ голубкою, и голубка ходитъ за голубемъ и зоветъ: «голубоць ты мой, не забудь ты меня, какъ забылъ Иванъ-царевичъ свою Марью-царевну», и проч.

II.

Царь Кашей безсмертный не хотѣлъ дочери своей выдать замужъ, пока мѣсть самъ будетъ живъ. Дочь приступаетъ къ нему: гдѣ же твоя смерть?— Въ баранѣ, отвѣчаетъ Кашей, въ козлѣ, въ вѣнникѣ. Дочь велитъ вызолотить рога барану и козлу, вызолачиваетъ и вѣнникъ,—напрасно: Кашей живъ. Наконецъ, онъ объявляетъ, что смерть его на морѣ на океанѣ, на островѣ Буянѣ, а на островѣ дубъ, а въ дубѣ душло, а въ душлѣ сундукъ, а въ сундукѣ заяць, а въ зайцѣ утка, а въ уткѣ яйцо.— Иванъ-царевичъ идетъ за смертію Кашея; голодь; попадается ему собака, ястребъ, волкъ, баранъ, ракъ; Иванъ-царевичъ говоритъ имъ каждому: я тебя съѣмъ, но оставляетъ имъ животь; приходитъ къ морю, волкъ его перевозитъ, баранъ рогами сваливаетъ дубъ, собака ловитъ заяца, ястребъ ловитъ утку, ракъ лапами выносятъ изъ моря яйцо; отецъ проситъ отъ нея мѣсяца, недѣли, дня и проч.

III.

Слѣпой царь не вѣрилъ своей женѣ и не пускалъ ее въ садъ. «Вели, сказала она, повѣсить кровать мою на яблоню, я влѣзу туда, ты покажѣшь обхватишь яблоню, да держи.» Царь согласился. Любовникъ былъ уже тамъ, царица къ нему лѣзетъ, царь пока держитъ яблоню.

Глядя на сіе, мужъ съ женою (царь да царица) поссорились и побранились; жена была беременна; она родила и велѣла убить сына и принести себѣ его сердце. Младенець уговорилъ повара принести вмѣсто своего собачье сердце и подмѣнить кузнецкаго сына. Молодой царевичъ собираетъ маленькую шайку, ребята признаютъ его царемъ, ибо по его велѣнію берега приклонилась и лягушки замолкли. Царенокъ дѣлаетъ висѣлину, вѣшаетъ, кнудомъ сѣчетъ и въ ссылку ссылаетъ; доходитъ слухъ о томъ до царя, который задаетъ ему разныя задачи и удивляется раннему понятію сына кузнеца.

Ѣдетъ царь мимо кузницы. Богъ помочь, кузнецъ. — Спасибо, В. В. — Сколько иверней (?) съ тѣхъ поръ, какъ ты куешь? — А сколько шаговъ ступилъ твой конь? — Пріѣзжай же ко мнѣ завтра не пѣшкомъ, не верхомъ, покажи мнѣ своего друга и недруга, и принеси мнѣ даръ, котораго бы я не взялъ. — Кузнецъ пріѣзжаетъ на козлѣ, приноситъ ястреба подъ блюдомъ и приводитъ жену (своего врага) и собаку (своего друга); жену бьетъ, та его бранитъ и убѣгаетъ, собаку бьетъ, та выжить и къ нему ласкается. Царь догадывается, что кузнецъ умнѣнъ умомъ сыновнимъ, призываетъ его и ѣдетъ съ нимъ и со своимъ мнимымъ сыномъ прогуливаться. — Подѣзжаютъ къ сосновой рошѣ. — Что бѣ изъ нея сдѣлать, мой сынъ? спрашиваетъ царь. — Да наковальню, отвѣчаетъ царскій сынъ (мнимый). — А ты, кузнецкій сынъ? — Теремы царскіе. — Видать еловую рошу и березовую; тотъ же вопросъ, отвѣты въ томъ же духѣ. — Царь привозитъ кузнецова

сына домой. Мать его въ него влюбляется; новый Иосифъ, онъ убѣгаетъ и притворяется дурачкомъ. Погонщики его настигаютъ; онъ , ѣсть и вшей бьетъ. — Что ты дѣлаешь? — Убавляю, прибавляю и недруговъ побѣждаю. Не узнавъ его, оставляютъ.

Мать его скоро предается другому любовнику. Царевичъ приходитъ къ ней подъ видомъ нищаго. Хищникъ (?) ввергается въ темницу и осуждается на смерть. Три висѣлицы: золотая, серебряная, шелковая. Царь и царица ѣдутъ смотрѣть казнь королевича. Онъ хохочетъ: чему? Да тому, что переднія колеса ѣдутъ за лошадыю, а заднія-то за чѣмъ? (allusion à la reine qui suit le roi). Приѣзжаютъ. Царевичъ проситъ позволенія играть на рожкѣ, рать его вооружается; ступаетъ на ступень, на другую, на третью, и все играетъ въ рожокъ. Наконецъ хохочетъ. — Чему, дуракъ? — Самъ ты дуракъ! взгляни, какъ мои голуби твою пшеницу клюютъ, и проч.

На шелковой висѣлицѣ вѣшаетъ онъ сводника, купца Шелковникова; вотъ куда каламбуры зашли!

IV.

1. О святкахъ молодые люди играютъ играща, идутъ въ пустую избу. Одинъ изъ нихъ говоритъ: чортъ, жени меня. Чортъ выходитъ изъ-за печки, соглашается женить. Невѣста—дочь, проклятая отцомъ и матерью. Молодые ѣдутъ въ чужой городъ, заживаютъ домкомъ. Разъ видятъ двухъ нищихъ, старика со старухою, и несутъ они младенца, что не ѣсть, не пьетъ ужъ 30 лѣтъ. Молодые зовутъ ихъ, жена топоромъ разрубаетъ младенца, и вываливается оттуда осиновый чурбанъ; она отрываяетъ имъ, что она—ихъ дочь.

2. Въ томъ же родѣ. Женихъ пропадаетъ три года; невѣста его узнаетъ, что должно въ лѣсу, въ пустой хижинѣ, три ночи ночевать, дабы достать его. Находить хижину, около нея ходить, слышитъ голосъ его, но не видитъ входа. Видитъ ходъ чертей, между ними и онъ, на гудкѣ играетъ. Хижинка открывается, она видитъ тамъ кучу змѣй, — бросается туда, то былъ хвостъ, и проч.

3. Мать, разсердясь на сына, говоритъ ему: Лукавый тебя побери. Мальчикъ исчезаетъ. Тоже слышитъ его голосъ въ банѣ; читая воскресную молитву (да воскреснетъ Богъ), она туда, а плачутъ въ ригѣ, у пруда. Господи, говоритъ она, прости мое согрѣшеніе! Мальчикъ тутъ: я былъ тамъ и тамъ... и огни, и много ихъ, и проч.,

Въ июнѣ 1836 г. Пушкинъ, по просьбѣ посѣтившаго Петербургъ французскаго писателя Loewe-Weimars, перевелъ на французскій яз. одиннадцать русскихъ пѣсень. Этотъ переводъ напечатанъ въ Рус. Арх. 1835, I, 451—460.]

Г А Л У Б Ъ.

(1829—1833).

Не для бесѣдъ и ликованій,
Не для кровавыхъ совѣщаній,
Не для разспросовъ кунака,
Не для разбойничьей потѣхи
Такъ рано съѣхались адехи
На дворъ Галуба-старика.
Въ неожиданной встрѣчѣ сынъ Галуба
Рукой завистника убить
Вблизи развалинъ Татартуба *).
Въ родимой саклѣ онъ лежитъ;
Обрядъ творится погребальный;
Звучить уныло пѣснь муллы;
Въ арбу впряженные волю
Стоять предъ саклею печальной;
Дворъ полонъ тѣсною толпой;
Подъземлють гости скорбный вой,
И съ плачемъ бьютъ въ нагрудны брони;
И внемля шумъ не боевой,
Мянутся спутанные кони.
Всѣ ждуть. Изъ сакли наконецъ
Выходитъ между женъ отецъ;
Два узденя за нимъ выносятъ

*) Окрестности этого разрушеннаго аула пользовались священными правами убѣжища, потому убійство тамъ сына Галубова составляло двойное преступленіе.

На буркѣ хладный трупъ. Толпу
 По сторонамъ раздаться просить,
 Слагаютъ тѣло на арбу,
 И съ нимъ кладутъ снарядь воинскій:
 Неразряженную пицаль,
 Колчанъ и лукъ, кинжалъ грузинскій,
 И пашки крестовую сталь,
 Чтобы крѣпка была могила,
 Гдѣ храбрый ляжетъ почивать,
 Чтобъ могъ на зовъ онъ Азраила
 Исправнымъ воиномъ возстать.

Въ дорогу шествіе готово,
 И тронулась арба. За ней
 Адехи слѣдуютъ сурово,
 Смиряя молча пыль коней.
 Ужъ потухалъ закатъ огнистый,
 Злата нагорныя скалы,
 Когда долины каменистой
 Достигли тихіе волны.
 Въ долинѣ той враждою жадной
 Сражень наѣвдникъ молодой —
 Тамъ нынѣ въ тѣнь могилы хладной
 Онъ ляжетъ, блѣдный и нѣмой...

Ужъ трупъ землю взять. Могила
 Завалена. Толпа вокругъ
 Мольбы послѣднія творила.
 Изъ-за горы явились вдругъ
 Старикъ сѣдой и отрокъ стройный.
 Даютъ дорогу пращлецу,
 И къ скорбному старикъ отцу
 Такъ молвилъ, важный и спокойный:
 «Тому прошло тринадцать лѣтъ,
 Какъ ты, въ ауль чужой пришедь,
 Вручилъ мнѣ слабого младенца,
 Чтобъ воспитаньемъ изъ него
 Я сдѣлалъ храбраго чеченца.
 Сегодня сына одного
 Ты преждевременно хоронишь.
 Галубъ, покорень будь судьбѣ!
 Другого я привельъ тебѣ —

Вотъ онъ. Ты голову преклонишь
 Къ его могучему плечу,
 Свою потерю имъ замѣнишь;
 Труды мои ты самъ оцѣнишь —
 Хвалиться ими не хочю.»

Умолкнулъ. Смотрить торопливо
 Галубъ на отрока. Тазить,
 Главу потупя, молчаливо
 Ему недвижимъ предстоить.
 И въ горѣ имъ Галубъ любуясь,
 Влеченью сердца повинуюсь,
 Объемлетъ ласково его.
 Потомъ наставника ласкаетъ,
 Благодарить и приглашаетъ
 Подъ кровлю дома своего.
 Три дня, три ночи съ кунаками
 Его онъ хочетъ угощать,
 И послѣ чествомъ провожать,
 Съ благословеньемъ и дарами.
 Ему жь, отецъ печальный мнить,
 Обязанъ благомъ я безцѣннымъ:
 Слугой и другомъ неизмѣннымъ,
 Могучимъ мстителемъ обидѣ.

* *
 *

Проходятъ дни. Печаль заснула
 Въ душѣ Галуба. Но Тазить
 Все дикость прежнюю хранить.
 Среди родимаго аула
 Онъ какъ чужой; онъ цѣлый день
 Въ горахъ одинъ молчить и бродить.
 Такъ въ саклѣ пойманный олень
 Все въ лѣсъ глядитъ, все въ глушь уходитъ.
 Онъ любить по крутымъ скаламъ
 Скользить, ползти тропой кремнистой,
 Внимая бурѣ голосистой
 И въ безднѣ воющимъ волнамъ.
 Онъ иногда до поздней ночи
 Сидитъ, печаленъ, надъ горой,
 Недвижно въ даль уставя очи,
 Опершись на руку главой.

Какія мысли въ немъ проходятъ?
 Чего желаетъ онъ тогда?
 Изъ міра дольнаго куда
 Младые сны его уведать?..
 Какъ знать? Неврима глубь сердець!
 Въ мечтаньяхъ отрокъ своеволенъ,
 Какъ вѣтеръ въ небѣ...

Но отецъ

Уже Тазитомъ недоволенъ.
 «Гдѣ жъ, мыслить онъ, въ немъ плодъ наукъ,—
 Отважность, хитрость и проворство,
 Лукавый умъ и сила рукъ?
 Въ немъ только лѣнь и непокорство...
 Иль сына взоръ мой не проникъ,
 Иль обманулъ меня старикъ.»

* * *

Тазить изъ табуна выводитъ
 Коня, любимца своего.
 Два дня въ аулѣ нѣтъ его;
 На третій онъ домой приходитъ.

отецъ.

Гдѣ былъ ты, сынъ?

сынъ.

Въ ущельѣ скаль,
 Гдѣ прорванъ каменистый берегъ
 И путь открытъ на Даріаль.

отецъ.

Что дѣлалъ тамъ?

сынъ.

Я слушалъ Терекъ.

отецъ.

А не видалъ ли ты грузинъ,
 Иль русскихъ?

сынъ.

Видѣлъ я, съ товаромъ
 Тифлисскій ѣхалъ армянинъ.

ОТЕЦЪ.

Онъ былъ со стражей?

СЫНЪ.

Нѣтъ, одинъ.

ОТЕЦЪ.

Зачѣмъ нечаяннымъ ударомъ
 Не вздумалъ ты свалить его,
 И не прыгнулъ къ нему съ утеса?
 Потушилъ очи сынъ черкеса,
 Не отвѣчая ничего.

* *
*

Тазить опять коня сѣдлаетъ.
 Два дня, двѣ ночи пропадаетъ,
 Потомъ является домой.

ОТЕЦЪ.

Гдѣ былъ?

СЫНЪ.

За бѣлою горой.

ОТЕЦЪ.

Кого ты встрѣтилъ?

СЫНЪ.

На курганѣ
 Отъ насъ бѣжавшаго раба.

ОТЕЦЪ.

О, милосердая судьба!
 Гдѣ жь онъ? Ужели на арканѣ
 Ты бѣглеца не притащилъ?

Тазить опять главу склонилъ.
 Галубъ нахмурился въ молчаньѣ,
 Но скрылъ свое негодованье.
 «Нѣтъ, мыслить онъ, не замѣнить
 Онъ никогда другого брата!
 Не научился мой Тазить,

Какъ пашкой добываютъ злата;
 Ни стадъ моихъ, ни табуновъ
 Не надѣлять его разѣзды,
 Онъ только знаетъ безъ трудовъ
 Внимать волнамъ, глядѣть на звѣзды,
 А не въ набѣгахъ отбивать
 Коней съ ногайскими быками,
 И съ боя взятыми рабами
 Суда въ Анапѣ нагружать.»

* *
 *

Тазить опять коня сѣдлаетъ,
 Два дня, двѣ ночи пропадаетъ;
 На третій, блѣденъ какъ мертвецъ,
 Приходитъ онъ домой. Отецъ,
 Его увидя, вопрошаетъ:
 Гдѣ былъ ты?

СЫНЪ.

Около станицъ
 Кубани, близъ лѣсныхъ границъ.

ОТЕЦЪ.

Кого ты видѣлъ?

СЫНЪ.

Супостата.

ОТЕЦЪ.

Кого, кого?

СЫНЪ.

Убійцу брата.

ОТЕЦЪ.

Убійцу сына моего?..
 Тазить! гдѣ голова его?
 Подай! Мнѣ черепъ этотъ нуженъ...
 Дай, наглажусь!

СЫНЪ.

Убійца былъ

Одинъ, израненъ, безоруженъ...

ОТЕЦЪ.

Ты долга крови не забылъ?
 Брага ты навзничь опрокинулъ, —
 Не правда ли? Ты пашку вынулъ,
 Ты въ горло сталь ему воткнулъ,
 И трижды тихо повернулъ?
 Упился ты его стenanьемъ,
 Его змѣинымъ издыханьемъ?..
 Гдѣ жъ голова? Подай!.. Нѣтъ силъ...

Но сынъ молчитъ, потупя очи.
 И сталь Галубъ чернѣе ночи,
 И сыну грозно возопилъ:

«Поди ты прочь — ты мнѣ не сынъ,
 Ты не чеченецъ, ты старуха,
 Ты трусъ, ты рабъ, ты армянинъ!
 Будь проклять мной! — Поди, чтобъ слуха
 Никто объ робкомъ не имѣлъ,
 Чтобъ вѣчно ждалъ ты грозной встрѣчи,
 Чтобъ мертвый братъ тебѣ на плечи
 Окровавленной кошкой сѣлъ,
 И къ безднѣ гналъ тебя нещадно;
 Чтобъ ты, какъ раненый олень,
 Бѣжалъ, тоскуя безотрадно;
 Чтобъ дѣти русскихъ деревень
 Тебя веревкою поймали,
 И какъ волченка затерзали —
 Чтобъ ты... Бѣги, бѣги скорѣй!
 Не оскверняй моихъ очей!»
 Сказаль, и на земь легъ — и очи
 Закрылъ, и такъ лежалъ до ночи.
 Когда же приподнялся онъ,
 Былъ темень синій небосклонъ *).

* *
*

*) Первоначально было:

Сказаль и [на земь] легъ, и очи
 Закрылъ. Глядѣть не стало мочи.
 И день противень былъ ему.
 И, равнодушный ко всему
 Лежалъ онъ до глубокой ночи.
 Когда же приподнялся онъ,

Ущелій горныхъ поселенцы
 Въ долиня шумно собрались;
 Привычны игры начались:
 Верхами юные чеченцы,
 Въ пыли несясь во весь опоръ,
 Стрѣлою шапку пробиваютъ,
 Иль трижды сложенный коверъ
 Булатомъ сразу разсѣкаютъ,
 То скользкой тѣшатся борьбой,
 То пляской быстрой. Жены, дѣвы
 Межъ тѣмъ поютъ — и гулъ лѣсной
 Далече вторить ихъ напѣвы.
 Но между юношей — одинъ
 Забавъ наивдничьихъ не дѣлать,
 Верхомъ не мчитси вдоль стремнинъ,
 Изъ лука звонкаго не цѣлать.
 Но между дѣвами — одна
 Молчить, уныла и блѣдна.
 Они въ толпѣ четою странной
 Стоять, не видя ничего.
 И горе имъ: онъ — сынъ изгнанный,
 Она — любовница его...
 О, было время!.. Съ ней украдкой
 Видался юноша въ горахъ;
 Онъ пилъ огонь отравы сладкой
 Въ ея смятеннѣ, въ рѣчи краткой,
 Въ ея потушенныхъ очахъ,
 Когда съ домашняго порогу
 Она смотрѣла на дорогу,
 Съ подружкой рѣзвой говоря,
 И вдругъ садилась и блѣднѣла,
 И, отвѣчая, не глядѣла,
 И разгоралась какъ заря;
 Или у водъ когда стояла,
 Текущихъ съ каменныхъ вершинъ,
 И долго кованный кувшинъ
 Волною звонкой наполняла...

Былъ темень синій небосклонъ;
 Луна, блистая, восходила
 И скалъ вершины серебрила.
 Тазита онъ позвадь,—
 Никто ему не отвѣчалъ.

И онъ, не властный превозмочь
 Волненій сердца, разъ приходитъ
 Къ ея отцу, его отводитъ
 И говорить: «твоя мнѣ дочь
 Давно мила; по ней тоскуя,
 Одинъ и сирь давно живу я;
 Благослови любовь мою.
 Я бѣденъ — но могучъ и молодъ,
 Мнѣ трудъ лежокъ. Я удалю
 Отъ нашей сакли тощій голодъ.
 Тебѣ я буду сынъ и другъ
 Послушный, преданный и нѣжный,
 Твоимъ сынамъ кунакъ надежный,
 А ей — приверженный супругъ...»

[Поэма напечатана уже по смерти Пушкина, въ «Современникѣ» 1837 г., т. VII. По замѣчанію г. Анненкова, она начата въ 1829 г., тотчасъ по возвращеніи съ Кавказа, но писалась, какъ можно судить по рукописямъ, года четыре; названіе ей дано въ «Современникѣ», тогда какъ скорѣе надо бы назвать ее «Тазитомъ». Для поэмы Пушкинъ набросалъ такую программу: «Обрядъ похоронъ. Уздень и меньшей сынъ. I день [отсутствія Тазита]. Лань — почта — грузинскіе купцы. — II день. Орель — казакъ. — III день. Отецъ его гонить. — Юноша и монахъ. Любовь отвергнута. Битва и монахъ» [оба раза это слово подчеркнуто]. Въ тетрадяхъ поэта отыскалась и другая программа: «1. Похороны. 2. Черкесь-христіанинъ. 3. Купецъ. 4. Рабъ. 5. Убийца. 6. Изгнаніе. 7. Любовь. 8. Сватовство. 9. Отказъ. 10. Миссіонеръ. 11. Война. 12. Сраженіе. 13. Смерть. 14. Эпилогъ.» По мѣрѣ исполненія программы, Пушкинъ зачеркивалъ въ ней нумера. Остались незачеркнутыми семь, такъ что поэма доведена только до половины. Въ рукописи встрѣчается много лаконическихъ отмѣтокъ, которыя должны были обратиться въ стихи. Такъ, подѣ стихомъ: «Онъ ляжетъ блѣдный и нѣмой», написано: «восприметъ трупъ его...» и т. п. Редакція «Современника» выпустила изъ поэмы 4 стиха, зачеркнутые авторомъ, но не замѣненные новыми, отчего пострадалъ смыслъ. Стихи эти восстановлены г. Анненковымъ. (Но между юношей одинъ и пр.), равно какъ 5-й и 6-й отъ конца поэмы, почему-то передѣланные въ «Современникѣ» такъ:

Я агнецъ дома, звѣрь въ бою,
 Къ намъ въ саклю не впущу я голодъ.]

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

(Отрывокъ изъ сатирической поэмы).

(1833).

I.

Начнемъ ab ovo:

Мой Езерскій
Происходилъ отъ тѣхъ вождей,
Чей въ древни вѣки парусъ дерзкій
Поработилъ брега морей.
Одульфъ, его начальникъ рода,
Вельми бѣ грозенъ воевода
(Гласить софійскій хронографъ).
При Ольгѣ, сынъ его Варлафъ
Пріялъ крещенье въ Царѣградѣ
Съ приданнымъ греческой княжны.
Отъ нихъ два сына рождены,
Якубъ и Дороей. Въ засадѣ
Убить Якубъ, а Дороей
Родилъ двѣнадцать сыновей.

II.

Ондрей, по прозвищу Езерскій,
Родилъ Ивана да Илью,
И въ лаврѣ схимился Печерской.
Отсель фамилію свою
Ведутъ Езерскіе. При Калкѣ
Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ въ свалкѣ,

А тамъ раздавленъ какъ комаръ
 Задами тяжкими татаръ;
 За то со славою, хотъ съ урономъ,
 Другой Езерскій, Елизаръ,
 Упился кровію татаръ
 Между Непрядвою и Дономъ,
 Ударя съ тыла въ таборъ ихъ
 Съ дружиной сѹздальцевъ своихъ.

III.

Въ вѣка старинной нашей славы,
 Какъ и въ худыя времена,
 Крамоль и смуть во дни кровавы
 Блестятъ Езерскихъ имена.
 Они и въ войскѣ, и въ совѣтѣ,
 На воеводствѣ и въ отвѣтѣ ¹⁾
 Служили доблестно царямъ.
 Изъ нихъ Езерскій Варлаамъ
 Гордыней славился боярской;
 За споръ то съ тѣмъ онъ, то съ другимъ,
 Съ большимъ безчестьемъ выводимъ
 Бывалъ изъ-за трапезы царской,
 Но снова шелъ подъ тяжкій гнѣвъ
 И умеръ, Сидкихъ пересѣвъ ²⁾.

IV.

Когда отъ думы величавой
 Пріялъ Романовъ свой вѣнецъ,
 Какъ подъ отеческой державой
 Русь отдохнула наконецъ,
 А наши вѣроги смирились —
 Тогда Езерскіе явились
 Въ великой силѣ при дворѣ,
 При императорѣ Петрѣ...
 Но извините, статья можетъ,
 Читатель, вамъ я досадилъ;
 Вашъ умъ духъ вѣка просвѣтилъ,
 Васъ спѣсъ дворянская не гложетъ,
 И нужды нѣтъ вамъ никакой
 До вашей книги родовой.

¹⁾ Въ посольствѣ. — А. II.

²⁾ Пересѣвъ кого — старинное выраженіе, значить занять мѣсто выше. — А. II.

V.

Кто бъ ни былъ вашъ родоначальникъ, —
 Мстиславъ, князь Курбскій, иль Ермакъ,
 Или Митюшка цѣловальникъ, —
 Вамъ все равно. Конечно, такъ:
 Вы презираете отцами,
 Ихъ славой, честію, правами —
 Великодушно и умно;
 Вы отреклись отъ нихъ давно,
 Прямого просвѣщенья ради,
 Гордясь (какъ общей пользы другъ)
 Красою собственныхъ заслугъ,
 Звѣздой двоюроднаго дяди,
 Иль приглашеніемъ на балъ
 Туда, гдѣ дѣдъ вашъ не бывалъ.

VI.

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно-
 Собратья надо мной трунять,
 Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
 И въ этомъ смыслѣ демократъ;
 Но каюсъ: новый Ходаковскій³⁾,
 Люблю отъ бабушки московской
 Я толки слушать о роднѣ,
 Объ отдаленной старинѣ.
 Мнѣ жаль, что нашей славы звуки
 Уже намъ чужды; что спроста
 Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état;
 Что намъ не въ прокъ пошли науки,
 И что спасибо намъ за то
 Не скажетъ, кажется, никто.

VII.

Мнѣ жаль, что тѣхъ родовъ боярскихъ
 Блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ;
 Мнѣ жаль, что нѣтъ князей Пожарскихъ,
 Что о другихъ пропалъ и слухъ;

³⁾ Извѣстный любитель древности, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ. — А. П. [О немъ см. статью А. Н. Пыпина: Зоріанъ Доленга-Ходаковскій, въ Вѣстн. Евр. 1886, № 11.]

Что ихъ поносить и Фигляринъ;
 Что русскій вѣтреныи бояринъ
 Считаетъ грамоты царей
 За пыльный сборъ календарей;
 Что въ нашемъ теремѣ забытомъ
 Растетъ пустынная трава;
 Что геральдическаго льва
 Демократическимъ копытомъ
 Теперь лягаетъ и осель:
 Духъ вѣка вотъ куда зашелъ!

VIII.

Вотъ почему, архивы роя
 Я разобралъ въ досужій часъ
 Всю родословную героя,
 О комъ затѣялъ свой рассказъ,
 И здѣсь потомству заповѣдалъ.
 Езерскій самъ же твердо вѣдалъ,
 Что дѣдъ его, великій мужъ,
 Имѣлъ двѣнадцать тысячъ душъ;
 Изъ нихъ отцу его досталась
 Осьмая часть, и та сполна
 Была давно заложена
 И ежегодно продавалась;
 А самъ онъ жалованьемъ жилъ
 И регистраторомъ служилъ.

[Эти восемь строфъ были напечатаны самимъ Пушкинымъ въ III книгѣ «Современника» 1836, съ цензурною замѣною 9 стиха II-й строфы словами: «За то на Куликовомъ полѣ», отчего утратилась рима. По мысли Пушкина, «Родословная» должна была составлять часть поэмы «Мѣдный Всадникъ» (Евгеній—одно лицо съ Езерскимъ); но затѣмъ Пушкинъ отказался отъ этого плана и, занявшись отдѣлкою «Всадника», оставилъ «Родословную». Въ тетрадахъ поэта сохранилось, однакоже, очень много черновыхъ набросковъ*), дополняющихъ поэму и яснѣе развивающихъ ея основную мысль, къ которой Пушкинъ такъ часто обращался въ разныхъ своихъ произведеніяхъ 30-хъ годовъ (ср. II, 107: «Моя родословная»; замѣтки въ т. V, 116—119 и 148—152, и особенно IV, 356—объ упадкѣ дворянства и о неуваженіи къ предкамъ; 367—368, разговоръ съ испанцемъ и 399—400, набросокъ къ «Египетскимъ Ночамъ», гдѣ дословно повторены даже нѣкоторые выраженія «Родословной». См. также по указателю п. с. аристократія, дворянство). Приводимъ эти черновые наброски въ томъ порядкѣ, въ какомъ они могли бы составить, вмѣстѣ съ напечатаннымъ выше, нѣчто цѣлое. Въ выноскахъ помѣщаемъ варианты.

*) Они напечатаны г. Бартевымъ въ Рус. Арх. 1881 и В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Стар. 1884.

I.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
 Осенній вѣтеръ тучи гналъ;
 Дышало небо мрачнымъ хладомъ;
 Нева шумѣла; бился валь
 О пристань набережной стройной,
 Какъ челобитчикъ безпокойный
 Объ дверь судейской. Дождь въ окно
 Стучалъ печально. Ужъ темно
 Все становилось. Въ это время
 Иванъ Езерскій, мой чудакъ,
 Взмошелъ и отперъ свой чердакъ.
 Однакожъ родъ его и племя
 И чинъ, и службу, и года
 Вамъ знать не худо, господа.
 Начнемъ ab ovo... и т. д. *)

Послѣ III строфы.

Во время смуты безначальной.
 Когда то ляхъ, то гордый шведъ
 Одолѣвалъ нашъ край печальный
 И гибла Русь отъ разныхъ бѣдъ:

*) Черновое начало:

I.

Надъ Петербургомъ омраченнымъ
 Осенній вѣтеръ тучи гналъ;
 Нева въ теченьѣ возмущенномъ,
 Шумя, неслась. Упрямый валь,
 Какъ бы проситель безпокойный,
 Плескалъ въ гранитъ ограды стройной
 Ея широкихъ береговъ.
 Среди бѣгущихъ облаковъ
 Вечернихъ звѣздъ не видно было.
 Огонь свѣтился въ фонаряхъ;
 По улицамъ вавивался прахъ,
 И буйный вихоръ вылъ уныло,
 Клубя кашоты дѣвъ ночныхъ
 И заглушая часовыхъ.

II.

Порой той повдней и печальной
 Въ томъ домѣ, гдѣ стоялъ и я,
 Неся огарокъ свѣчки сальной,
 Въ конурку пятого жилья
 Вошелъ одинъ чиновникъ бѣдный.
 Задумчивый, худой и блѣдный;
 Вдохнулъ, свой осмотрѣлъ чуланъ,
 Постелю, пыльный чемоданъ,
 И столъ, бумагами покрытый,
 И швалъ со всѣмъ его добромъ;
 Нашелъ въ порядкѣ все—потомъ,
 Дымкомъ своей сигарки сытый,
 Раздѣлся самъ и легъ въ постель,
 Подъ заслуженную шинель.

Когда въ Москвѣ сидѣли воры,
 А съ крулемъ велѣ переговоры
 Предатель умный Салтыковъ,
 И средь озлобленныхъ враговъ
 Посольство русское гладало,
 И за отчизну сталъ одинъ
 Нижегородскій мѣщанинъ.
 Въ тѣ дни Езерскіе не мало...

Послѣ 5-го стиха IV строфы.

Въ тѣ дни Езерскіе явились
 Опять въ чинахъ и при дврѣ.
 При императорѣ Петрѣ
 Одинъ изъ нихъ былъ четвертованъ
 За бунтъ стрѣлецкій, а другой,
 Его племянникъ молодой,
 Прощень и милостью окованъ
 И умеръ знатень и богатъ.
 Онъ на голландкѣ былъ женатъ *).

* * *

Петра не стало. Государство
 Шатнулось, будто подъ грозой,
 И усмиренное боярство
 Его могущею рукой,
 Мятежной предалось надеждѣ:
 «Пусть будетъ вновь, что было прежде!
 Долой кафтанъ кургузый! Нѣтъ!
 Примѣромъ намъ не будетъ шведъ!» —
 Не тутъ-то было. Тѣнь Петрова
 Стояла грозно средь вельможъ;
 Что было, не возстало снова;
 Россія двинулась впередъ, —
 Вѣтрила тѣ жъ средь тѣхъ же водъ.

* * *

И тутъ Езерскіе возились
 Въ связи то съ этимъ, то съ другимъ,
 На счастье Меньшикова злились,
 Хитрили съ злымъ Трубецкимъ,
 И Биронъ, деспотъ непреклонный,
 Смирять ихъ родъ неугомонный,
 И Долгорукіе князья
 Бывали имъ враги, друзья.
 Матвѣй Арсеньевичъ Езерскій
 Елизаветой сосланъ былъ
 Въ свои помѣстья. Тамъ онъ жилъ...

*) Вариантъ:

Одинъ изъ нихъ былъ четверть вѣка
 За старовѣровъ и стрѣльцовъ;
 Другой въ Парижѣ обучался
 И первый на Руси святой
 Разстался съ русой бородой...

Въ Екатерининъ славный вѣкъ
 Случайный, знатный человекъ,
 Былъ славенъ Езерскій
 Своимъ умомъ и злобой звѣрской.
 Имѣлъ онъ сына одного
 (Отца героя моего).

Къ концу IV строфы.

Къ тому же, это подражанье
 Поэту Вайроу! Нашъ лордъ,
 Какъ говорить объ немъ преданье,
 Не только былъ отменно гордъ
 Великимъ даромъ пѣснопѣнья,
 Но и [случайностью] рожденья;
 Ламартинъ,
 Я слышалъ, также дворянинъ;
 Гюго — не знаю..
 Въ Россіи же мы всё дворяне,
 Всё, кромѣ двухъ или трехъ; за то
 Мы ихъ и ставимъ ни во что.

Послѣ 8-го стиха VI строфы.

Могучихъ предковъ правнукъ бѣдный,
 Люблю встрѣчать ихъ имена
 Въ двухъ-трехъ строкахъ Карамзина;
 Отъ этой слабости безвредной
 Какъ ни старался, видить Богъ,
 Отвыкнуть я никакъ не могъ.

* * *

Мнѣ жаль, что дома наши новы
 Что прибываемъ мы на нихъ
 Не льва съ мечемъ, не щитъ гербовый,
 А рядъ лишь вывѣсокъ цвѣтныхъ;
 Что наши бабушки и дѣды
 Съ жезлами, розами въ рукахъ,
 Въ роброндахъ, въ латахъ, въ парикахъ,
 У насъ не блещутъ въ старыхъ рамахъ
 Въ простѣнкахъ старыхъ галлерей,
 Для назидательной бесѣды..

 Мнѣ жаль, что мы рукѣ наемной
 Ввѣряя чистый свой доходъ,
 Съ трудомъ въ столицѣ круглый годъ
 Владчимъ ярмо неволи темной,
 И что спасибо намъ за то
 Не скажетъ, кажется, никто..
 Что не живемъ семьейо дружной,
 Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
 Въ своихъ владѣнняхъ родовыхъ;
 Что наши сѣла, нужды ихъ
 Намъ вовсе чужды; что науки
 Пошли не въ прокъ намъ, что проста
 Изъ баръ мы лѣземъ въ tiers-état,
 Что будутъ нищи наши внуки;
 Что русскій вѣтранный бояринъ

Теряеть грамоты царей
Какъ старый сборъ календарей *).

IX.

Допросомъ музу безпокою,
Съ усмѣшкой скажетъ критикъ мой:
«Куда завиднаго героя
Избрали вы! Кто вашъ герой?»
— А что? — Коллежскій регистраторъ.
Какой вы строгій литераторъ!
Его пою. Зачѣмъ же нѣтъ?
Онъ мой пріятель и сосѣдъ.
Державинъ двухъ своихъ сосѣдовъ
И смерть Мещерскаго воспѣлъ —
Пѣвецъ Фелицы быть умѣлъ
Пѣвцомъ ихъ свадебъ, ихъ обѣдовъ
И похоронъ, смѣнившихъ пиръ, —
А зналь ли ихъ, скажите, мръ?

X.

Замѣтать мнѣ, что есть же разность
Между Державиннымъ и мной.
Что красота и бевобразность
Раздѣлены чертой одной.
Что князь Мещерскій былъ сенаторъ,
А не коллежскій регистраторъ, —
Что лучше, ежели поэтъ
Возьметъ возвышенный предметъ;
Что нѣтъ, къ тому же, перевода
Прямымъ героямъ; что они
Совсѣмъ не чудо въ наши дни, —
Куда! намъ нѣтъ отъ нихъ прохода, —
И равнѣ межъ моихъ друзей
Двухъ-трехъ великихъ нѣтъ людей? **).

*) Вариантъ:

Мнѣ жаль, что мы рукъ наемной
Доволя грабить свой доходъ,
Съ трудомъ яремъ заботы темной
Влачимъ въ столицѣ круглый годъ,
Что не живемъ семьею дружной,
Въ довольствѣ, въ тишинѣ досужной,
Старѣя близъ могилъ родныхъ,
Въ своихъ помѣстьяхъ родовыхъ,
Гдѣ въ нашемъ теремѣ забытомъ
Растетъ пустынная трава;
Что геральдическаго льва и т. д.

**) Въмѣсто этихъ двухъ строфъ первоначально была написана одна:

Какой вы строгій литераторъ!
Вы говорите, критикъ мой,
Что ужъ коллежскій регистраторъ
Никакъ не долженъ быть герой,
Что выборъ мой всегда ничтоженъ,
Что въ немъ я страхъ неостороженъ;
Что долженъ братъ себѣ поэтъ

XI.

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
 Волнуетъ степь и пыль несетъ,
 Когда корабль въ недвижной влагѣ
 Его дыханья жадно ждетъ?
 Зачѣмъ отъ горь и мимо башенъ
 Летитъ орелъ, угрюмъ и страшень,
 На пень гнилой? Спроси его!
 Зачѣмъ арапа своего
 Младая любить Дездемона,
 Какъ мѣсяцъ любить ночи мглу?
 Зачѣмъ, что вѣтру и орлу
 И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
 Гордись! таковъ и ты, поэтъ,
 И для тебя закона нѣтъ.

XII.

Исполненъ мыслями златыми,
 Не понимаемый никѣмъ,
 Передъ кумирами земными
 Проходишь ты уныль и нѣмъ.
 Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
 Ни вуждъ, ни хохота, ни рева,
 Ни удивленья, ни труда.
 Глупецъ кричить: куда? куда?
 Дорога здѣсь! Но ты не слышишь,
 Идешь, куда тебя влекутъ
 Мечтанья тайныя. Твой трудъ
 Тебѣ награда: имъ ты дышешь,
 А плодъ его бросаешь ты
 Толпѣ, рабынѣ суеты *).

XIII.

Скажите: «экой вздоръ!» или «bravo!»
 Или не скажите ничего — **)
 Я въ томъ стою: имѣлъ я право
 Избрать сосѣда моего
 Въ герои повѣсти смиренной,
 Хоть человекъ онъ не военный,
 Не бунтовщикъ, не Донъ Жуанъ,
 Не Демонъ, даже не Цыганъ,
 А просто гражданинъ столичный
 Какихъ встрѣчаемъ всюду тѣмъ;
 Ни по лицу, ни по уму,

Всегда возвышенный предметъ;
 Что въ спискахъ цѣлаго Парнасса
 Героя нѣтъ такого класса...
 Вы правы!.. Но, божитесь радъ,
 И я совсѣмъ не виноватъ.

*) Стрфы IX — XII были напечатаны А. Θ. Онѣгинимъ (Отто) въ Рус. Мысли 1886, № 5.

**) Варіантъ:

Свищите мнѣ, кричите «bravo!» —
 Я не скажу вамъ ничего, и т. д.

Отъ нашей братьи не отличный,
Благопристойный и простой,
А впрочемъ малый дѣловой.

XIV.

Онъ одѣвался нерадиво;
На немъ сидѣло все не такъ;
Всегда бывалъ застегнуть криво
Его зеленый, узкій фракъ *);
Но должно знать, что мой чиновникъ
Былъ сочинитель и любовникъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ первоначальныхъ наброскахъ имя Езерскаго два раза поправлено на Ояѣгина.]

*) Вариантъ:

Какъ всё, онъ велъ себя не строго,
Какъ всё, о деньгахъ думалъ много
И жѣновскій куриль табакъ;
Какъ всё, носилъ мундирный фракъ.

МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ.

(Петербургская повѣсть).

(1833).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Происшествіе, описанное въ сей повѣсти, основано на истинѣ. Подробности наводненія заимствованы изъ тогдашнихъ журналовъ. Любопытные могутъ справиться съ извѣстіемъ, составленнымъ В. И. Берхомъ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный чолнъ
По ней стремился одиноко.
По мшистымъ, топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца;
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онъ:
Отсель грозить мы будемъ шведу;
Здѣсь будетъ городъ заложонъ,

На зло надменному сосѣду;
 Природой здѣсь намъ суждено
 Въ Европу прорубить окно ¹⁾,
 Ногою твердой стать при морѣ;
 Сюда, по новымъ имъ волнамъ,
 Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ —
 И запируемъ на просторѣ.»

Прошло сто лѣтъ — и юный градъ,
 Полночныхъ странъ краса и диво,
 Изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ
 Вознесся пышно, горделиво:
 Гдѣ прежде финскій рыболовъ,
 Печальной пасынокъ природы,
 Одинъ у низкихъ береговъ
 Бросалъ въ невѣдомыя воды
 Свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ,
 По оживленнымъ берегамъ,
 Громады стройныя тѣсняются
 Дворцовъ и башенъ; корабли
 Толпой со всѣхъ концовъ земли
 Къ богатымъ пристанямъ стремятся;
 Въ гранить одѣлася Нева;
 Мосты повисли надъ водами;
 Темнозелеными садами
 Ея покрылись острова —
 И передъ младшею столицей
 Главой склонилася Москва,
 Какъ передъ новою царицей
 Порфиросная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье ²⁾;
 Люблю твой строгій, стройный видъ,
 Невы державное теченье,
 Береговой ея гранить,
 Твоихъ оградъ узоръ чугунный,
 Твоихъ задумчивыхъ ночей
 Прозрачный сумракъ, блескъ безлунный,

¹⁾ Альгаротти гдѣ-то сказалъ: Pétersbourg est la fenêtre, par laquelle la Russie regarde en Europe. — А. П.

²⁾ См. стихи кн. Вяземскаго къ графинѣ З—ой. — А. П.

Когда я въ комнатѣ моей
 Пишу, читаю безъ лампы,
 И ясны спящія громады
 Пустынныхъ улицъ, и свѣтла
 Адмиралтейская игла,
 И не пуская тьму ночную
 На золотыя небеса,
 Одна заря смѣнить другую
 Спѣшитъ, давъ ночи полчаса;
 Люблю зимы твоей жестокой
 Недвижный воздухъ и морозъ,
 Бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой,
 Дѣвичьи лица ярче розъ,
 И блескъ, и шумъ, и говоръ баловъ,
 А въ часъ пирушки холостой —
 Шипѣнье пѣнистыхъ бокаловъ
 И пунша пламень голубой;
 Люблю воинственную живость
 Потѣшныхъ Марсовыхъ полей,
 Пѣхотныхъ ратей и коней
 Однообразную красоту;
 Въ ихъ стройно-зыблемомъ строю
 Лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ,
 Сіянье шапокъ этихъ мѣдныхъ,
 Насквозъ прострѣленныхъ въ бою *);
 Люблю, военная столица,
 Твоей твердыни дымъ и громъ,
 Когда полночная царица
 Даруетъ сына въ царскій домъ,
 Или побѣду надъ врагомъ
 Россія снова торжествуетъ,
 Или, взломавъ свой синій ледъ,
 Нева къ морямъ его несетъ
 И, чуя вешни дни, ликуетъ **).

*) Далѣе въ рукописи было еще:

Цвѣтныя дротики улановъ,
 Звучь трубъ и грохотъ барабановъ;
 Люблю на улицахъ твоихъ
 Встрѣчать поутру вводы ихъ.

**) Или крестить средь невскихъ водъ
 Меньшого брата русскій флотъ,
 Или Нева весну пируетъ
 И въ море мчитъ разбитый ледъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой
 Неколебимо, какъ Россія!
 Да умирится же съ тобой
 И побѣжденная стихія:
 Вражду и плѣнъ старинный свой
 Пусть волны финскія забудутъ,
 И тщетной злобою не будутъ
 Тревожить вѣчный сонъ Петра!

Была ужасная пора:
 Объ ней свѣжо воспоминанье...
 Объ ней, друзья мои, для васъ
 Начну свое повѣствованье.
 Печалень будетъ мой рассказъ...*)

29 октября.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Надъ омраченнымъ Петроградомъ
 Дышаль ноябрь осеннимъ хладомъ;
 Плеская шумною волной
 Въ края своей ограды стройной,
 Нева металась, какъ больной
 Въ своей постелѣ безпокойной.
 Ужъ было поздно и темно;
 Серdito бился дождь въ окно,
 И вѣтеръ дулъ, печально воя.
 Въ то время изъ гостей домой
 Пришелъ Евгеній молодой...**)

*) Была ужасная пора;
 Объ ней начну повѣствованье,
 И будетъ пусть она для васъ,
 Друзья, вечерній лишь рассказъ,
 А не зловѣщее преданье.

***) Въмѣсто двухъ стиховъ о возвращеніи Евгенія домой, поэтъ началъ было подробный очеркъ, но оставилъ его совершенно не отдѣланнымъ, конечно, потому, что этотъ очеркъ не соответствовалъ положенію героя:

Тогда по каменной площадкѣ
 Пескомъ усыпанныхъ сѣней
 Вабъжавъ по ступенямъ отлогимъ
 Широкой лѣстницы своей,

Мы будемъ нашего героя
 Звать этимъ именемъ. Оно
 Звучить пріятно; съ нимъ давно
 Мое перо ужъ какъ-то дружно;
 Прозванья намъ его не нужно —
 Хотя въ минувши времена
 Оно, быть можетъ, и блистало,
 И подъ перомъ Карамзина
 Въ родныхъ преданьяхъ прозвучало;
 Но нынѣ свѣтомъ и молвой
 Оно забыто. Нашъ герой
 Живеть въ Коломнѣ, гдѣ-то служить,
 Дичится знатныхъ, и не тужить
 Ни о покойницѣ роднѣ,
 Ни о забытой старинѣ.

Итакъ, домой пришедъ, Евгенийъ
 Стряхнулъ шинель, раздѣлся, легъ —
 Но долго онъ заснуть не могъ
 Въ волненіи разныхъ размышленій.
 О чемъ же думалъ онъ? О томъ,
 Что былъ онъ бѣденъ; что трудомъ
 Онъ долженъ былъ себѣ доставить
 И независимость, и честь;
 Что могъ бы Богъ ему прибавить
 Ума и денегъ; что вѣдь есть
 Такіе праздные счастливыцы,
 Ума недальняго, лѣнивцы,
 Которымъ жизнь куда легка!
 Что служить онъ всего два года...
 Онъ также думалъ, что погода

Въ то время кто-то съ видомъ строгимъ
 Звонилъ у запертыхъ дверей.
 Минуту ждалъ нетерпѣливо.
 Дверь отворилась. Онъ бранчиво
 Лакею выговоръ прочелъ
 И въ кабинетъ ворча пошелъ.
 Радостно залаялъ
 Церберъ косматый
 И положилъ ему на плечи
 Свои двѣ лапы и потомъ
 Улегся тихо подъ столомъ...
 Раздѣлся, былъ онъ озабоченъ,
 Какъ тотъ, у коего просроченъ...

Не унималась; что рѣка
 Все прибывала; что едва ли
 Съ Невы мостовъ уже не сняли,
 И что съ Парашей будетъ онъ
 Дня на два, на три разлученъ *).

Такъ онъ мечталъ. И грустно было
 Ему въ ту ночь, и онъ желалъ,
 Чтобъ вѣтеръ вылъ не такъ уныло,
 И чтобы дождь въ окно стучалъ
 Не такъ сердито...

Сонны очи

Онъ наконецъ закрылъ. И вотъ,
 Рѣдѣетъ мгла ненастной ночи,
 И блѣдный день ужъ настаетъ...
 Ужасный день!

Нева всю ночь

Рвалася къ морю противъ бури,

*) Сначала мечты Евгения были переданы подробнѣе:

Что врядъ еще черезъ два года
 Онъ чинъ получить; что рѣка
 Все прибывала; что погода
 Не унималась; что едва ль
 Мостовъ не сымутъ, что конечно
 Парашѣ будетъ очень жаль...
 Тутъ онъ развѣжился сердечно
 И размечтался, какъ поэтъ.
 «Жениться? Что жъ? Зачѣмъ же нѣтъ?
 Я не богатъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья,
 И у Парашы нѣтъ имѣнья.
 Ну, что жъ! Какое дѣло намъ?
 Ужели только богачамъ
 Жениться можно? Я устрою
 Себѣ смиренный уголокъ
 И въ немъ Парашу успокою.
 Кровать, два стула, щей горшокъ,
 Да самъ большой... чего мнѣ болѣ?
 Не будемъ прихотей мы знать;
 По воскресеньямъ лѣтомъ въ полѣ
 Съ Парашей буду я гулять;
 Мѣстечко выпрошу; Парашѣ
 Препоручу ховяйство наше
 И воспитаніе ребятъ...
 И станемъ жить, и такъ до гроба
 Рука съ рукой дойдемъ мы оба
 И внуки насъ похоронятъ.»
 Такъ онъ мечталъ...

Не одолѣвъ ихъ буйной дури...
 И спорить стало ей не въ мочь...³⁾
 Поутру надъ ея берегами
 Тѣснился кучами народъ,
 Любуясь брызгами, горами
 И пѣной разъяренныхъ водъ.
 Но силой вѣтра отъ залива
 Перегражденная Нева
 Обрато шла гнѣвна, бурлива,
 И затопляла острова;
 Погода пуще свирѣѣла;
 Нева вздувалась и ревѣла,
 Котломъ клокоча и клубясь —
 И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
 На городъ кинулась. Предъ нею
 Все побѣжало, все вокругъ
 Вдругъ опустѣло... Воды вдругъ
 Втекли въ подземные подвалы;
 Къ рѣшеткамъ хлынули каналы —
 И всплылъ Петрополь, какъ Тритонъ,
 По поясъ въ воду погруженъ.

Осада! приступъ! Злыя волны,
 Какъ воры, лѣзутъ въ окна; чолны
 Съ разбѣга стекла бьютъ кормой;
 Садки подъ мокрой пеленой,
 Обломки хижинъ, бревна, кровли,
 Товаръ запасливой торговли,
 Пожитки блѣдной нищеты,
 Грозой снесенные мосты,
 Гроба съ размытаго кладбища
 Плывутъ по улицамъ!..

Народъ

Зрять Божій гнѣвъ и казни ждеть.
 Увы! все гибнетъ: кровь и пища.
 Гдѣ будетъ взятъ?

³⁾ Мицкевичъ прекрасными стихами описалъ день, предшествовавшій петербургскому наводненію (въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній Oleszkiewicz). Жаль только, что описаніе это не точно: снѣгу не было; Нева не была покрыта льдомъ. Наше описаніе вѣрнѣе, хотя въ немъ и нѣтъ яркихъ красокъ польскаго поэта. — А. П. [Стихотвореніе: Oleszkiewicz, dzień przed powodzią petersburgską 1824, вписано Пушкинымъ въ одну изъ своихъ тетрадей.]

Въ тотъ грозный годъ

Покойный царь еще Россіей
 Со славою правилъ. На балконъ
 Печалень, смутень вышелъ онъ,
 И молвилъ: «съ Божіей стихіей
 Царямъ не совладѣть.» Онъ сѣлъ,
 И въ думъ скорбными очами
 На злое бѣдствіе глядѣлъ.
 Стояли стогны озерами,
 И въ нихъ широкими рѣками
 Вливались улицы. Дворецъ
 Казался островомъ печальнымъ.
 Царь молвилъ — изъ конца въ конецъ,
 По ближнимъ улицамъ и дальнымъ,
 Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
 Его пустились генералы ⁴⁾
 Спасать и страхомъ обуяльй,
 И дома тонуцій народъ.

Тогда на площади Петровой —
 Гдѣ домъ въ углу вознесся новый,
 Гдѣ надъ возвышеннымъ крыльцомъ
 Съ поднятой лапой, какъ живые,
 Стоять два льва сторожевые —
 На звѣрѣ мраморномъ верхомъ,
 Безъ шляпы, руки сжавъ крестомъ,
 Сидѣлъ недвижный, страшно блѣдный
 Евгений. Онъ страшился, бѣдный,
 Не за себя. Онъ не слыхаль,
 Какъ подымался жадный валь,
 Ему подошвы подмывая,
 Какъ дождь ему въ лицо хлесталь;
 Какъ вѣтеръ, буйно завывая,
 Съ него и шляпу вдругъ сорваль.
 Его отчаянные взоры
 На край одинъ наведены
 Недвижно были. Словно горы,
 Изъ возмущенной глубины
 Вставали волны тамъ и злились,
 Тамъ буря выла, тамъ носились

⁴⁾ Графъ Милорадовичъ и генераль-адъютантъ Бенкендорфъ. — А. П.

Обломки... Боже, Боже! тамъ—
 Увы! близехонько къ волнамъ,
 Почти у самаго залива —
 Заборъ некрашенный, да ива
 И ветхій домикъ: тамъ онѣ,
 Вдова и дочь, его Параша,
 Его мечта... Или во снѣ
 Онъ это видитъ? Иль вся наша
 И жизнь ничто, какъ сонъ пустой,
 Насмѣшка рока надъ землей? *)
 И онъ, какъ будто околдованъ.
 Какъ будто къ мрамору прикованъ,
 Сойти не можетъ! Вкругъ него
 Вода—и больше ничего.
 И обращенъ къ нему спиною
 Въ неколебимой вышины,
 Надъ возмущенною Невою,
 Сидитъ съ простертою рукою **)
 Гигантъ на бронзовомъ конѣ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Но вотъ, насытись разрушеньемъ
 И наглým буйствомъ утомясь,
 Нева обратно повлеклась,
 Своимъ любясь возмущеньемъ
 И покидая съ небреженьемъ
 Свою добычу. Такъ злодѣй,

*) Помѣта: 30 октября.

**) Въ черновой:

И онъ какъ будто околдованъ,
 Какъ будто силой злой прикованъ
 Недвижно къ мѣсту одному,
 И нѣтъ возможности ему
 Перелетѣть! Гроза пируетъ,
 Мостовъ ужъ нѣтъ, исчезъ народъ;
 Нева на площади бунтуетъ!
 Несчастнй молча негодуетъ,
 И прямо передъ нимъ изъ водъ
 Возникнулъ мѣдною главою
 Кумиръ на бронзовомъ конѣ,
 Невѣ безумной въ тишинѣ
 Грозя недвижною рукою.

Съ свирѣпой шайкою своей
 Въ село ворвавшись, ловить, рѣжетъ,
 Крушить и грабить; вопли, скрежетъ,
 Насилье, брань, тревога, вой!...
 И грабежемъ отягощенны,
 Боясь погони, утомленны,
 Спѣшать разбойники домой,
 Добычу на пути роняя.

Вода сбыла, и мостовая
 Открылась. И Евгений мой
 Спѣшитъ, душою замирая,
 Въ надеждѣ, страхѣ и тоскѣ
 Къ едва смирившейся рѣкѣ.
 Но, торжествомъ побѣды полны,
 Еще кипѣли злобно волны,
 Какъ бы подъ ними тлѣлъ огонь;
 Еще ихъ пѣна покрывала,
 И тяжело Нева дышала,
 Какъ съ битвы прибѣжавшій конь.
 Евгений смотритъ: видитъ лодку;
 Онъ къ ней бѣжитъ, какъ на находку;
 Онъ перевозчика зоветъ —
 И перевозикъ беззаботный
 Его за гривенникъ охотно
 Черезъ волны страшныя везетъ.

И долго съ бурными волнами
 Боролся опытный гребецъ,
 И скрыться въ глубь межъ ихъ рядами
 Всечасно съ дерзкими пловцами
 Готовъ былъ чолнъ — и наконецъ
 Достигъ онъ берега.

Несчастный

Знакомой улицей бѣжитъ
 Въ мѣста знакомыя. Глядитъ...
 Узнать не можетъ: видъ ужасный!
 Все передъ нимъ завалено;
 Что сброшено, что снесено;
 Скривились домики; другіе
 Совсѣмъ обрушились; иные
 Волнами сдвинуты; кругомъ,
 Какъ будто въ полѣ боевомъ,

Тѣла валяются. Евгений
 Стремглавъ, не помня ничего,
 Изнемогая отъ мученій,
 Бѣжить туда, гдѣ ждетъ его
 Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
 Какъ съ запечатаннымъ письмомъ.
 И вотъ, бѣжить ужъ онъ предмѣстьемъ,
 И вотъ заливъ, и близовъ домъ...
 Что жъ это?

Онъ остановился;
 Пошелъ назадъ — и воротился.
 Глядить... идти... еще глядить:
 Вотъ мѣсто, гдѣ ихъ домъ стоитъ;
 Вотъ ива. Были здѣсь ворота;
 Снесло ихъ, видно. Гдѣ же домъ?
 И полонъ сумрачной заботы,
 Все ходить, ходить онъ кругомъ.
 Толкуеть громко самъ съ собою —
 И вдругъ, ударя въ лобъ рукою,
 Захохоталъ.

Ночная мгла
 На городъ трепетный сошла;
 Но долго жители не спали
 И межъ собою толковали
 О днѣ минувшемъ.

Утра лучъ
 Изъ-за усталыхъ, блѣдныхъ тучъ
 Блеснулъ надъ тихою столицей —
 И не нашель уже слѣдовъ
 Бѣды вчерашней. Багряницей
 Уже прикрыто было зло.
 Въ порядокъ прежній все вошло.
 Уже по улицамъ свободнымъ,
 Съ своимъ безчувствіемъ холоднымъ,
 Ходилъ народъ. Чиновный людъ,
 Покинувъ свой ночной пріютъ,
 На службу шелъ. Торгашъ отважный,
 Не унывая, открывалъ
 Невой ограбленный подвалъ,
 Сбираясь свой убытокъ важный
 На ближнемъ вымѣстить. Съ дворовъ
 Свозили лодки.

Графъ Хвостовъ,
 Поэтъ, любимый небесами,
 Ужъ пѣлъ безсмертными стихами
 Несчастье невскихъ береговъ *).

Но бѣдный, бѣдный мой Евгений...
 Увы! его смятенный умъ
 Противъ ужасныхъ потрясеній
 Не устоялъ. Мятенный шумъ
 Невы и вѣтровъ раздавался
 Въ его ухахъ. Ужасныхъ думъ
 Безмолвно полонъ, онъ скитался;
 Его терзалъ какой-то сонъ.
 Прошла недѣля, мѣсяцъ — онъ
 Къ себѣ домой не возвращался.
 Его пустынный уголокъ
 Отдалъ въ наймы, какъ вышелъ срокъ,
 Хозяинъ бѣдному поэту.
 Евгений за своимъ добромъ
 Не приходилъ. Онъ скоро свѣту
 Сталъ чуждъ. Весь день бродилъ пѣшкомъ,
 А спалъ на пристани; питался
 Въ окошко поданнымъ кускомъ;
 Одежда ветхая на немъ
 Рвалась и тлѣла. Злыя дѣти
 Бросали камни вслѣдъ ему;
 Нерѣдко кучерскія плети
 Его стегали, потому
 Что онъ не разбиралъ дороги
 Ужъ никогда; казалось — онъ
 Не примѣчалъ. Онъ оглушенъ
 Былъ шумомъ внутренней тревоги.
 И такъ онъ свой несчастный вѣкъ
 Влачилъ — ни звѣрь, ни человѣкъ,
 Ни то, ни сѣ — ни житель свѣта,
 Ни призракъ мертвый...
 Разъ онъ спалъ
 У невской пристани. Дни лѣта
 Клонились къ осени. Дышалъ
 Ненастный вѣтеръ. Мрачный валъ

*) Посланіе къ NN о наводненіи Петрополя, въ Невск. Альманахѣ 1825 г.

Плескалъ на пристань, ропща пени
 И бѣясь о гладкія ступени,
 Какъ челобитчикъ у дверей
 Ему не внемлющихъ судей.
 Вѣдникъ проснулся. Мрачно было;
 Дождь капалъ; вѣтеръ вылъ уныло —
 И съ нимъ вдали, во тьмѣ ночной,
 Перекликался часовой...
 Вскочилъ Евгеній, вспомнилъ живо
 Онъ прошлый ужасъ; торопливо
 Онъ всталъ, пошелъ бродить, и вдругъ
 Остановился, и вокругъ
 Тихонько сталъ водить очами
 Съ боязнью дикой на лицѣ.
 Онъ очутился подъ столбами
 Большого дома. На крыльцѣ
 Съ поднятой лапой, какъ живые,
 Стояли львы сторожевые,
 И прямо въ темной вышинѣ,
 Надъ огражденною скалою,
 Гигантъ съ простертою рукою
 Сидѣлъ на бронзовомъ конѣ⁵⁾.

Евгеній вздрогнулъ. Прояснились
 Въ немъ страшно мысли. Онъ узналъ
 И мѣсто, гдѣ потопъ игралъ,
 Гдѣ волны хищныя толпились,
 Бунтуя злобно вокругъ него,
 И львовъ, и площадь, и того,
 Кто неподвижно возвышался
 Во мракѣ мѣдною главою,
 Того, чьей волей роковой
 Надъ моремъ городъ основался...
 Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
 Какъ дума на челѣ!
 Какая сила въ немъ сокрыта!
 А въ семъ конѣ какой огонь!
 Куда ты скачешь, гордый конь,
 И гдѣ опустишь ты копыта?

⁵⁾ См. описаніе памятника въ Мицкевичѣ. Оно заимствовано изъ Рубана, какъ замѣчаетъ самъ Мицкевичъ. — А. П.

О, мощный властелинъ судьбы!
 Не такъ ли ты надъ самой бездной,
 На высотѣ, уздой желѣзной
 Россію вздернулъ на дыбы?

Кругомъ подножія кумира
 Безумецъ бѣднѣй обожель,
 И взоры дикіе навель
 На ликъ державца полумира.
 Стѣснилась грудь его. Чело
 Къ рѣшеткѣ хладной прилегло,
 Глаза подернулись туманомъ,
 По сердцу пламень пробѣжалъ,
 Вскипѣла кровь; онъ мрачно сталъ
 Предъ горделивымъ истуканомъ —
 И зубы стиснувъ, пальцы сжавъ,
 Какъ обуянный силой черной:
 «Добро, строитель чудотворный!»
 Шепнулъ онъ, злобно задрожавъ:
 «Ужо тебѣ!..» И вдругъ стремглавъ
 Бѣжать пустился. Показалось
 Ему, что грознаго царя,
 Мгновенно гнѣвомъ возгоря,
 Лицо тихонько обращалось...
 И онъ по площади пустой
 Бѣжить, и слышитъ за собой,
 Какъ будто грома грохотанье,—
 Тяжело-звонкое скаканье
 По потрясенной мостовой —
 И, озаренъ луною блѣдной,
 Простерши руку въ вышинѣ,
 За нимъ несется Всадникъ Мѣднѣй
 На звонко-скачущемъ конѣ.
 И во всю ночь, безумецъ бѣднѣй
 Куда стопы ни обращалъ,
 За нимъ повсюду Всадникъ Мѣднѣй
 Съ тяжелымъ топотомъ скакалъ.

И съ той поры, когда случилось
 Идти той площадью ему,
 Въ его лицѣ изображалось
 Смятенье; къ сердцу своему

Онъ прижималъ поспѣшно руку,
 Какъ бы его смиряя муку;
 Картузъ изношенный снималъ,
 Смущенныхъ глазъ не подымалъ,
 И шель сторонкой.

Островъ малый

На взморѣ виденъ. Иногда
 Причалить съ неведомъ туда
 Рыбакъ, на ловлѣ заповдалый,
 И бѣдный ужинъ свой варить;
 Или чиновникъ посѣтитъ,
 Гуляя въ лодкѣ въ воскресенье,
 Пустынный островъ. Не взросло
 Тамъ ни былинки. Наводненъ
 Туда, играя, занесло
 Домишко ветхій. Надъ водою
 Остался онъ, какъ черный кустъ —
 Его пропедшею весною
 Свели на баркѣ. Былъ онъ пустъ
 И весь разрушенъ. У порога
 Нашли безумца моего...
 И тутъ же хладный трупъ его
 Похоронили, ради Бога.

31 октября 1833. Болдино. 5 ч. 5.

[Цензура не позволила Пушкину напечатать эту поэму, такъ что при жизни поэта въ печати явился только отрывокъ изъ вступленія («Петербургъ», въ Библ. для Чт. 1834, т. 7); вся же поэма была напечатана уже по смерти Пушкина, въ Современникѣ 1837, т. 5, съ пропусками и передѣлками Жуковского. Въ рукописяхъ Рум. Музея она имѣется въ двухъ видахъ: въ перебѣленномъ спискѣ, текстъ котораго сходенъ съ напечатаннымъ, и въ черновыхъ наброскахъ, подробно описанныхъ П. И. Бартевымъ въ Рус. Арх. 1881, III. (Наиболѣе существенные варианты и дополненія изъ этихъ черновыхъ тетрадей приведены нами въ подстрочныхъ выноскахъ, съ нѣкоторыми поправками по рукописи). Тѣмъ не менѣе, въ поэмѣ все-таки остается пропускъ чрезвычайно важный и до сихъ поръ не возстановленный. Кн. П. П. Вяземскій, въ своей брошюрѣ: «Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива 1826—37» (стр. 71—72), сообщаетъ, что въ чтеніи поэмы самимъ Пушкинымъ потрясающее впечатлѣніе производилъ монологъ обезумѣвшаго чиновника передъ памятникомъ Петра, включавшій въ себѣ около тридцати стиховъ, въ которомъ «слишкомъ энергически звучала ненависть къ европейской цивилизаціи.» — «Мнѣ все кажется, добавляетъ князь, что великолѣпный монологъ таятъ вслѣдствіе какихъ-либо тенденціозныхъ соображеній, ибо трудно допустить, чтобы изъ всѣхъ людей, слышавшихъ проклятыя, никто не попросилъ Пушкина дать списать эти 30—40 стиховъ... Я помню впечатлѣніе, произведенное имъ на одного изъ слу-

шателей, Арк. Ос. Россетти, и мнѣ какъ будто помнится, онъ увѣрилъ меня, что сниметь копію для будущаго времени.»

Поэма писалась въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ Пушкинымъ въ нижегородской деревнѣ. Связь ее съ «Родословною моего героя» была указана выше. Тема вступленія взята изъ статьи Батюшкова: «Прогулка въ академію художествъ» (Соч. Бат., смирд. изд. 1850, I, 134—138), причемъ нѣкоторыя выраженія этой статьи повторены Пушкинымъ почти дословно; напр., Батюшковъ, размышляя о красотѣ столицы, задаетъ себѣ вопросъ: что было на этомъ мѣстѣ до построения Петербурга? и отвѣчаетъ:

«Можетъ быть—сосновая роща, дремучій боръ или топкое болото, поросшее мхомъ и брусникою; ближе къ берегу—лачуга рыбака, кругомъ которой развѣшаны были мрежи, невода и весь грубый снарядъ скуднаго промысла. Сюда, можетъ быть, съ трудомъ пробирался охотникъ, какой-нибудь длинновласый финнъ... Здѣсь все было безмолвно... А нынѣ? Воображеніе мое представило мнѣ Петра, который въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные. Изъ крѣпости Нюсканцъ еще гремѣли шведскія пушки; устье Невы еще было покрыто неприятелемъ и частые ружейныя выстрѣлы раздавались по болотнымъ берегамъ, когда великая мысль родилась въ умѣ великаго человѣка. Здѣсь будетъ городъ, сказалъ онъ,—чудо свѣта. Сюда привову всѣ искусства, всѣ искусства... Скажаль—и Петербургъ возникъ изъ дикаго болота... Великолѣпныя зданія ярко отражались въ чистомъ зеркалѣ Невы, и мы оба единогласно воскликнули: какой городъ! какая рѣка!» *).

Въ этой же статьѣ, нѣсколько далѣе (стр. 147), говорится о памятникѣ Петра: «У насъ передъ глазами Фальконетова произведеніе, сей чудесный конь, живой, пламенный, статный и столь смѣло поставленный, что одинъ иностранецъ, пораженный смѣлостію мысли, сказалъ мнѣ, указывая на коня Фальконетова: онъ скачетъ, какъ Россія!»

Передъ этимъ-то памятникомъ, въ осенній вечеръ 1827 года, стояли, прикрывшись однимъ плащемъ, Пушкинъ и Мицкевичъ:

Z wieczora na dższczu stali dwaj młodzieńce
 Pod jednym płoszczem, wzięwszy się za ręce:
 Jeden—ów pielgrzym, przybyłce z zachodu,
 Nieznana carskiej ofiara przemocy;
 Drugi był wieszczem ruskiego narodu,
 Sławny pieśniami na całej północy.
 Znali się z sobą nie długo, lecz wiele,
 J od dniu kilku już są przyjaciele.
 Jch dusze, wyższe nad ziemne przeszkody,
 Jako dwie Alpów spokrewnione skały:
 Choć je na wieki rozerwał nurt wody,
 Ledwo szum slyszą swej nieprzyjaciółki,
 Chyląc ku sobie podniebnie werzchołki...

Слѣдъ ихъ бесѣды по поводу памятника остался, съ одной стороны, въ «Мѣдномъ Всадникѣ», съ другой—въ стихотвореніи Мицкевича «Pomnik Piotra Wielkiego», начало котораго выписано выше и которое цѣликомъ внесено Пушкинымъ въ одну изъ черновыхъ тетрадей «М. Всадника» наряду съ другимъ стихотвореніемъ того же поэта: «Oleszkiewicz». Темою бесѣды, какъ передаетъ ее Мицкевичъ, служила именно «желѣзная узда мощнаго владетелина судьбы.» Подробности политическихъ взглядовъ Пушкина изложены въ «Mélan-

*) Указанное Пушкинымъ въ примѣчаніи стихотвореніе вн. Вяземскаго—вѣроятно—«Петербургъ». (Соч. Вяз., III, 157).

ges Posthumes d'Adam Mickiewicz, I (Paris 1872), p. 277—332. См. также ст. кн. П. А. Вяземскаго: «Мицкевичъ о Пушкинѣ», въ его Соч., VII, 306—332.

Сюжетъ «Мѣднаго Всадника», какъ было указано А. П. Милюковымъ въ Сынѣ Отец. 1869, воскрес. № 29 и ватѣмъ (другимъ лицомъ и въ иной редакціи) въ Рус. Арх. 1877, II, 424, явился слѣдствіемъ разсказа, переданнаго Пушкину гр. М. Ю. Вельгорскимъ, о томъ, какъ въ 1812 году, когда Петербургу грозила опасность непріятельскаго вторженія, государь предполагалъ увести памятникъ Петра и былъ остановленъ въ этомъ рѣшеніи кн. А. Н. Голицынымъ, рассказавшимъ ему чудный сонъ: будто Мѣдный Всадникъ скачетъ по улицамъ Петербурга на Каменный Островъ, гдѣ живетъ тогда государь, — подъѣзжаетъ ко дворцу, — государь выходитъ къ нему, грустный и озабоченный. «Молодой человекъ, говоритъ ему Всадникъ, — до чего довелъ ты мою Россію? Но, покаместъ я на мѣстѣ, моему городу нечего опасаться.» Пушкинъ былъ пораженъ поэтическими чертами этого разсказа и воспользовался образомъ Мѣднаго Всадника для своей поэмы.

Наводненіе 7 ноября 1824 г. описано Пушкинымъ по печатнымъ извѣстіямъ о немъ (см. напр. статью Булгарина въ Литер. Листкахъ 1824, № 21 и 22; Аллера, Описаніе наводненія, бывшаго въ Петербургѣ 7-го ноября 1824 г. Спб. 1826, и др.). Въ Петербургѣ въ то время вспоминали, что подобное же, хотя менѣе сильное, наводненіе было въ 1777 г., въ годъ рожденія императора Александра. Слѣдъ этихъ воспоминаній остался въ наброскахъ Пушкина:

Тотъ самый годъ
Послѣднимъ годомъ былъ державства
Царя.
Соображалъ...
Что гдѣта семьдесятъ седьмого...
Екатерина
(Вчера была ей годовщина)
Была жива, и Павлу сына
Въ тотъ годъ Всевышній даровалъ,
Порфиророднаго младенца...

Въ другомъ мѣстѣ повторено:

Тогда еще Екатерина
Была жива...
И гимнъ свой про тотъ день
Бряцалъ Державинъ...

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пушкинъ хотѣлъ воспользоваться городскими слухами и, между прочимъ, воспроизвелъ анекдотъ о гр. Варв. Вас. Толстомъ, разсказанный кн. Вяземскимъ (Соч., VIII, 126):

Со сна идетъ къ окну сенаторъ
И видитъ — въ лодкѣ по Морской
Плыветъ военный губернаторъ...
Сенаторъ обмеръ: «Боже мой!
Сюда, Ванюша! Встань немножко;
Гляди: что видишь ты въ окошко?»
— Я вижу-съ, въ лодкѣ генералъ
Плыветъ въ ворота мимо будки.
«Ей-Богу?» — Точно-съ. «Кромѣ шутки?»
— Да такъ-съ. — Сенаторъ отдохнулъ
И чаю просить. «Слава Богу!
Ну, графъ, надѣлалъ мнѣ тревогу:
Я думалъ, я съ ума свихнулъ.»]

АНДЖЕЛО.

(1833).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одномъ изъ городовъ Италіи счастливой
Когда-то властвовалъ предобрый, старый Дукъ,
Народа своего отецъ чадолюбивый,
Другъ мира, истины, художествъ и наукъ.
Но власть верховная не терпитъ слабыхъ рукъ,
А добротѣ своей онъ слишкомъ предавался.
Народъ любилъ его, и вовсе не боялся.
Въ судѣ его дремалъ карающій законъ,
Какъ дряхлый звѣрь, уже къ ловитвѣ неспособный.
Дукъ это чувствовалъ въ душѣ своей незлобной,
И часто сѣтовалъ. Самъ ясно видѣлъ онъ,
Что хуже дѣдушекъ съ дня на день были внуки,
Что грудь кормилицы ребенокъ ужъ кусалъ,
Что правосудіе сидѣло сложа руки
И по носу его лѣнивый не щелкалъ.

II.

Нерѣдко добрый Дукъ, раскаяньемъ смущенный,
Хотѣлъ возстановить порядокъ упущенный;
Но какъ? Зло явное, терпимое давно,
Молчаніемъ суда уже дозволено,
И вдругъ его казнить — совѣмъ несправедливо
И странно было бы, тому же особливо,

Кто первый самъ его потворствомъ ободрялъ.
 Что дѣлать? Долго Дукъ сидѣлъ и размышлялъ.
 Размысливъ наконецъ, рѣшился онъ на время
 Предать инымъ рукамъ верховной власти бремя,
 Чтобъ новый властелинъ расправой новой могъ
 Порядокъ вдругъ завести, и былъ бы крутъ и строгъ.

III.

Былъ нѣкто Анджело, мужъ опытный, не новый
 Въ искусствѣ властвовать, обычаемъ суровый,
 Блѣднѣющій въ трудахъ, ученъ и постъ,
 За нравы строгіе прославленный вездѣ,
 Стѣснившій весь себя оградю законной,
 Съ нахмуреннымъ лицомъ и съ волей непреклонной.
 Его-то старый Дукъ намѣстникомъ нарекъ,
 И въ ужасъ ополчилъ, и милостью облекъ,
 Неограниченны права ему вручая.
 А самъ, докучнаго вниманья избѣгая,
 Съ народомъ не простясь, incognito, одинъ
 Пустился странствовать, какъ древній паладинъ.

IV.

Лишь только Анджело вступилъ во управленье,—
 И все тотчасъ другимъ порядкомъ потекло:
 Пружины ржавыя опять пришли въ движенье,
 Законы поднялись, хватая въ когти зло;
 На полныхъ площадяхъ, безмолвныхъ отъ боязни,
 По пятницамъ пошли разыгрываться казни,
 И ухо сталъ себѣ почесывать народъ
 И говорить: хе, хе! да этотъ ужъ не тотъ!

V.

Между законами, забытыми въ ту пору,
 Жестокій былъ одинъ: законъ сей изрекалъ
 Прелюбодѣю смерть. Такого приговору
 Въ томъ городѣ никто не помнилъ, не слыхалъ.
 Угрюмый Анджело въ громадѣ уложенъ
 Отрылъ его, и въ страхъ повѣсамъ городскимъ
 Опять его на свѣтъ пустилъ для исполненья,
 Сурово говоря помощникамъ своимъ:
 «Пора намъ зло пугнуть. Въ балованномъ народѣ

Преобразились привычки ужъ въ права,
И шмыгають кругомъ закона на свободѣ,
Какъ мыши около зѣвающаго льва.
Законъ не долженъ быть пугало изъ тряпицы,
На коемъ наконецъ уже садятся птицы.»

VI.

Такъ Анджели на всѣхъ навелъ невольнo дрожь.
Роптали вообще, смѣялась молодежь,
И въ шуткахъ строгаго вельможи не падила,
Межъ тѣмъ какъ вѣтрено надъ бездною скользила;
И первый подъ топоръ безпечной головой
Попался Клавдіо, патрицій молодой.
Въ надеждѣ всю бѣду современемъ исправить,
И не любовницу, супругу въ свѣтъ представить,
Джюльету нѣжную успѣлъ онъ обольстить,
И къ тайнствамъ любви безбрачной преклонить.
Но ихъ послѣдствія, къ несчастью, явны стали;
Младыхъ любовниковъ свидѣтели застали,
Ославили въ судѣ взаимный ихъ позоръ,
И юношѣ прочли законный приговоръ.

VII.

Несчастный, выслушавъ жестокое рѣшенье,
Съ поникшей головой обратно шель въ тюрьму,
Невольнo каждому внушая сожалѣнье
И горько сѣтуя. На встрѣчу вдругъ ему
Попался Люціо, гуляка беззаботный,
Повѣса, вздорный враль, но малый добротный.
«Другъ, молвилъ Клавдіо, молю! не откажи:
Сходи ты въ монастырь къ сестрѣ моей. Скажи,
Что долженъ я на смерть идти; чтобъ поспѣшила
Она спасти меня, друзей бы упросила,
Иль даже бы пошла къ намѣстнику сама.
Въ ней много, Люціо, искусства и ума;
Богъ далъ ея рѣчамъ увѣрчивость и сладость;
Къ тому жъ, и безъ рѣчей рыдающая младость
Мягчитъ сердца людей.» — Изволь, поговорю!
Гуляка отвѣчалъ, и самъ къ монастырю
Тотчасъ отправился.

VIII.

Младая Изабелла

Въ то время съ важною монахиней сидѣла:
 Постричься черезъ день она должна была,
 И разговоръ о томъ со старицей вела.
 Вдругъ Люціо звонитъ и входитъ. У рѣшетки
 Его привѣтствуетъ, перебирая четки,
 Полузатворница: «Кого угодно вамъ?»
 — Дѣвица (я судя, по розовымъ щекамъ,
 Увѣренъ я, что вы дѣвица въ самомъ дѣлѣ),
 Нельзя ли доложить прекрасной Изабеллѣ,
 Что къ ней меня прислалъ ея несчастный братъ.
 «Несчастный?.. почему? что съ нимъ? скажите смѣло:
 Я Клавдіо сестра.» — Нѣтъ, право? очень радъ.
 Онъ кланяется вамъ сердечно. Вотъ въ чемъ дѣло:
 Вашъ братъ въ тюрьмѣ. «За что?» За то, за что бы я
 Благодарилъ его, красавица моя,
 И не было бъ ему иного наказанья.
 (Тутъ онъ въ подробныя пустился описанья,
 Немного жесткія своею наготою
 Для дѣвственныхъ ушей отшельницы молодой;
 Но со вниманіемъ все выслушала дѣва,
 Безъ приторныхъ причудъ стыдливости и гнѣва.
 Она чиста была душою какъ эеиръ:
 Ее смутить не могъ невѣдомый ей міръ
 Своею суетой и праздными рѣчами).
 — Теперь, примолвилъ онъ, осталось лишь мольбами
 Вамъ тронуть Анджело, и вотъ о чемъ просилъ
 Васъ братецъ. «Боже мой, дѣвица отвѣчала,
 Когда бъ отъ словъ моихъ я пользы ожидала!..
 Но сомнѣваюся; во мнѣ не станетъ силъ...»
 — Сомнѣнья намъ враги, тотъ съ жаромъ возразилъ:
 Насъ неудачею предатели стращаютъ,
 И благо вѣрное достать не допускаютъ.
 Ступайте къ Анджело, и знайте отъ меня,
 Что если дѣвица, колѣна преклоня
 Передъ мужчиною, и просить, и рыдаетъ,—
 Какъ Богъ, онъ все даетъ, чего ни пожелаетъ.

IX.

Дѣвица, отпросясь у матери честной,
 Съ усерднымъ Люціо къ вельможѣ поспѣшила,

И на колѣна ставъ, смиренною мольбой
 За брата своего намѣстника молила.
 «Дѣвица, отвѣчай суровый человѣкъ:
 Спасти его нельзя; твой братъ свой отжилъ вѣкъ;
 Онъ долженъ умереть.» Заплакавъ, Изабелла
 Склонилась передъ нимъ и прочь идти хотѣла.
 Но добрый Люціо дѣвицу удержалъ.
 «Не отступайтесь такъ, онъ тихо ей сказалъ:
 Просите вновь его; бросайтесь на колѣни,
 Хватайтесь за плащъ, рыдайте; слезы, пени,
 Всѣ средства женскаго искусства вы должны
 Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны,
 Какъ будто рѣчь идетъ межъ вами про иголку:
 Конечно, если такъ, не будетъ вѣрно толку.
 Не отставайте же! еще!»

X.

Она опять

Усердною мольбой стыдливо умолять
 Жестокосердаго блюстителя закона.
 «Повѣрь мнѣ, говорить, ни царская корона,
 Ни мечъ намѣстника, ни бархатъ суди,
 Ни полководца жезлъ — всѣ почести сіи —
 Земныхъ властителей ничто не украшаетъ
 Какъ милосердіе. Оно ихъ возвышаетъ.
 Когда бъ во власть твою мой братъ былъ облеченъ,
 А ты былъ Клавдіо, ты могъ бы пасть, какъ онъ,
 Но братъ бы не былъ строгъ, какъ ты.»

XI.

Ея укоромъ

Смущенъ былъ Анджело. Сверкая мрачнымъ взоромъ,
 «Оставь меня, прошу», сказалъ онъ тихо ей.
 Но дѣва скромная и жарче, и смѣлѣй
 Была часъ отъ часу. «Помилуй! говорила,
 Подумай, если тотъ, чья праведная сила
 Прощаетъ и цѣлитъ, судилъ бы грѣшныхъ насъ
 Безъ милосердія, скажи: что было бъ съ нами?
 Подумай — и любви услышишь въ сердцѣ гласъ,
 И милость нѣжная твоими дхнеть устами,
 И новый человѣкъ ты будешь.»

XII.

Онъ въ отвѣтъ:

«Поди, твои мольбы — пустая словъ утрата.
Не я, законъ казнить. Спаси нельзя мнѣ брата,
И завтра онъ умретъ.»

ИЗАБЕЛЛА.

Какъ, завтра! что? Нѣтъ, нѣтъ!
Онъ не готовъ еще... подумай, въ самомъ дѣлѣ:
Ты знаешь, государь, несчастный осужденъ
За преступленіе, которое доселѣ
Прощалось каждому; постраждетъ первый онъ.

АНДЖЕЛО.

Законъ не умиралъ, но былъ лишь въ усыпленьѣ;
Теперь проснулся онъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Будь милостивъ!

АНДЖЕЛО.

Нельзя.

Потворствовать грѣху есть тоже преступленье:
Карая одного, спасаю многихъ я.

ИЗАБЕЛЛА.

Ты ль первый изречешь сей приговоръ ужасный?
И первой жертвою мой будетъ братъ несчастный!
Нѣтъ, нѣтъ! будь милостивъ. Ужель душа твоя
Совсѣмъ безвинная? Спросись у ней: ужели
И мысли грѣшныя въ ней отроду не тлѣли?

XIII.

Невольно онъ вздрогнулъ, поникнулъ головой
И прочь идти хотѣлъ. Она: «постой, постой!
Послушай, воротись! Великими дарами
Я задарю тебя... прими мои дары,
Они не суетны, но честны и добры,
И будешь ими ты дѣлиться съ небесами:
Я одарю тебя молитвами души
Предъ утренней зарей, въ полуночной тиши,
Молитвами любви, смиренія и мира,

Молитвами святыхъ, угодныхъ небу дѣвъ,
 Въ уединеніи умершихъ ужь для міра,
 Живыхъ для Господа.»

Смущенъ и присмирѣвъ,
 Онъ ей свиданіе на завтра назначаетъ,
 И въ отдаленные покои поспѣшаетъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

День цѣлый Анджею, безмолвный и угрюмый,
 Сидѣль уединясь, объять одною думой,
 Однимъ желаніемъ; всю ночь не тронуть сонъ
 Усталыхъ вѣждъ его. «Что жь это? мыслить онъ:
 Ужель ее люблю, когда хочу такъ сильно
 Услышать вновь ее, и взоръ мой усладить
 Дѣвичьей прелестью? По ней грустить умильно
 Душа... Или когда святого уловить
 Захочетъ бѣсъ, тогда приманкою святою
 И манить онъ на крюкъ? Нескромной красотой
 Я не былъ отроду къ соблазнамъ увлеченъ, —
 И чистой дѣвою теперь я побѣжденъ.
 Влюбленный человекъ доселѣ мнѣ казался
 Смѣшнымъ, и я его безумству удивлялся.
 А нынѣ!..»

II.

Размышлять, молиться хочетъ онъ;
 Но мыслить, молится разсѣянно. Словами
 Онъ небу говорить, а волей и мечтами
 Стремится къ ней одной. Въ унынье погруженъ,
 Устами праздными вращалъ онъ имя Бога,
 А въ сердцѣ грѣхъ кипѣлъ. Душевная тревога
 Его осилила. Правленье для него,
 Какъ дѣльная, давно затверженная книга,
 Несноснымъ сдѣлалось. Скучалъ онъ; какъ отъ ига
 Отречься былъ готовъ отъ сана своего;
 А важность мудрую, которой столь гордился,
 Которой весь народъ бессмысленно дивился,
 Цѣнилъ онъ ни во что и сравнивалъ съ перомъ,

Носимымъ въ воздухѣ летучимъ вѣтеркомъ...

.....

Поутру къ Анджело явилась Изабелла
И странный разговоръ съ намѣстникомъ имѣла.

III.

АНДЖЕЛО.

Что скажешь?

ИЗАБЕЛЛА.

Волю я твою пришла узнать.

АНДЖЕЛО.

Ахъ, если бы ее могла ты угадать!..
Твой братъ не долженъ жить... а могъ бы.

ИЗАБЕЛЛА.

Почему же

Простить нельзя его?

АНДЖЕЛО.

Простить?.. Что въ мирѣ хуже
Столь гнуснаго грѣха? Убийство легче.

ИЗАБЕЛЛА.

Да,

Такъ судять въ небесахъ, но на землѣ когда?

АНДЖЕЛО.

Ты думаешь? Такъ вотъ тебѣ предположенье:
Что, если бѣ отдали тебѣ на разрѣшенье
Оставить брата влечь ко плахѣ на убой,
Иль искупить его, пожертвовавъ собой
И плоть предавъ грѣху?

ИЗАБЕЛЛА.

Скорѣе, чѣмъ душою,
Я плотью жертвовать готова.

АНДЖЕЛО.

Я съ тобою

Теперь не о душѣ толкую... Дѣло въ томъ,—

Братъ осужденъ на казнь: спасти его грѣхомъ
Не милосердіе ль?

ИЗАБЕЛЛА.

Предъ Богомъ я готова
Душою отвѣчать: грѣха въ томъ никакого,
Повѣрь, и нѣтъ. Спаси ты брата моего!
Тутъ милость, а не грѣхъ.

АНДЖЕЛО.

Спасешь ли ты его,
Коль милость на вѣсахъ равно съ грѣхомъ потянетъ?

ИЗАБЕЛЛА.

О, пусть моимъ грѣхомъ спасенье брата станетъ!
Коль это только грѣхъ, о томъ готова я
Молиться день и ночь.

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, выслушай меня:
Или ты словъ моихъ совсѣмъ не понимаешь,
Или понять меня нарочно избѣгаешь;
Я проще изъяснюсь: твой братъ приговоренъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ.

АНДЖЕЛО.

Смерть изрекъ ему рѣшительно законъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ точно.

АНДЖЕЛО.

Средство есть одно къ его спасенью
(Все это влонится къ тому предположенью,
И только есть вопросъ, и больше ничего).
Положимъ: тотъ, кто бъ могъ одинъ спасти его
(Наперсникъ судіи, иль самъ, по сану властный
Законы толковать, смягчить ихъ смыслъ ужасный),
Къ тебѣ желаньемъ былъ преступнымъ воспаленъ,
И требоваль, чтобъ ты казнь брата искупила

Своимъ паденіемъ; не то — рѣшить законъ.
 Что скажешь? какъ бы ты въ умѣ своемъ рѣшила?

ИЗАВЕЛЛА.

Для брата, для себя рѣшилась бы скорѣй,
 Повѣрь, какъ яхонты, носить рубцы бичей
 И лечь въ кровавый гробъ спокойно, какъ на ложе,
 Чѣмъ осквернить себя.

АНДЖЕЛО.

Твой братъ умретъ!

ИЗАВЕЛЛА.

Такъ что же?

Онъ лучший путь себѣ, конечно, избереть.
 Безчестіемъ сестры души онъ не спасетъ.
 Братъ лучше разъ умри, чѣмъ гибнуть мнѣ навѣчно.

АНДЖЕЛО.

За что жъ казалось тебѣ безчеловѣчно
 Рѣшеніе суда? Ты обвиняла насъ
 Въ жестокосердіи. Давно ль еще? Сейчасъ
 Ты праведный законъ тираномъ называла,
 А братній грѣхъ едва ль не шуткой почитала.

ИЗАВЕЛЛА.

Прости, прости меня. Невольно я душой
 Тогда лукавила. Увы! себѣ самой
 Противорѣчила я, милое спасая,
 И ненавистное притворно извиняя.
 Мы слабы.

АНДЖЕЛО.

Я твоимъ признаньемъ ободренъ.
 Такъ! женщина слаба, я въ этомъ убѣжденъ,
 И говорю тебѣ: будь женщина, не болѣ —
 Иль будешь ничего. Такъ покорися волѣ
 Судьбы своей.

ИЗАВЕЛЛА.

Тебя я не могу понять.

АНДЖЕЛО.

Поймешь: люблю тебя.

ИЗАБЕЛЛА.

Увы! что мнѣ сказать?
Джюльету братъ любилъ, и онъ умереть, несчастный.

АНДЖЕЛО.

Люби меня, и живъ онъ будетъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Знаю: властный
Испытывать другихъ, ты хочешь...

АНДЖЕЛО.

Нѣтъ, клянусь,
Отъ слова моего теперь не отпущусь;
Клянуся честію!

ИЗАБЕЛЛА.

О много, много чести!
И дѣло честное!.. Обманщикъ, демонъ лести!
Сейчасъ мнѣ Клавдіо свободу подпиши,
Или поступокъ твой и черноту души
Я всюду разглашу — и полно лицемѣрить
Тебѣ передъ людьми.

АНДЖЕЛО.

И кто же станетъ вѣрить?
По строгости моей извѣстенъ свѣту я;
Молва всеобщая, мой санъ, вся жизнь моя
И самый приговоръ надъ братней головою
Представятъ твой доносъ безумной клеветой.
Теперь я волю далъ стремленію страстей.
Подумай и смирись предъ волею моей;
Брось эти глупости — и слезы, и моленья,
И краску робкую. Отъ смерти, отъ мученья
Тѣмъ брата не спасешь. Покорностью одной
Искупишь ты его отъ плахи роковой.
До завтра отъ тебя я стану ждать отвѣта.
И знай, что твоего я не боюсь извѣта.
Что хочешь говори, не пошатнуся я.
Всю истину твою низвергнетъ ложь моя.

IV.

Сказаль и вышелъ вонъ, невинную дѣвицу
 Оставля въ ужасѣ. Поднявши къ небесамъ
 Молящій, ясный взоръ и чистую десницу,
 Отъ мерзостныхъ палатъ спѣшить она въ темницу.
 Дверь отворилась ей, и братъ ея глазамъ
 Представился.

V.

Въ цѣпяхъ, въ уныніи глубокомъ,
 О свѣтскихъ радостяхъ стараясь не жалѣть,
 Еще надѣясь жить, готовясь умереть,
 Безмолвенъ онъ сидѣлъ, и съ нимъ, въ плащѣ широкомъ,
 Подъ чернымъ куколемъ, съ распятіемъ въ рукахъ,
 Согбенный старостью бесѣдоваль монахъ.
 Старикъ доказываль страдальцу молодому,
 Что смерть и бытіе равны одна другому,
 Что здѣсь и тамъ одна безсмертная душа,
 И что подлунный міръ не стоить ни гроша.
 Съ нимъ бѣдный Клавдіо печально соглашался,
 А въ сердцѣ милою Джюльетой занимался.
 Отшельница вошла: миръ вамъ! — Очнулся онъ,
 И смотритъ на сестру, мгновенно оживленъ.
 «Отецъ мой, говоритъ монаху Изабелла,
 Я съ братомъ говорить одна бы здѣсь хотѣла.»
 Монахъ оставилъ ихъ.

VI.

КЛАВДІО.

Что жъ, милая сестра,
 Что скажешь?

ИЗАБЕЛЛА.

Милый братъ, пришла тебѣ пора.

КЛАВДІО.

Такъ нѣтъ спасенья?

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ, иль развѣ поплатиться

Душой за голову?

КЛАВДІО.

Такъ средство есть одно?

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ, есть. Ты могъ бы жить. Судья готовъ смягчиться.
Въ немъ милосердіе бѣсовское: оно
Тебѣ даруетъ жизнь за узы муки вѣчной.

КЛАВДІО.

Что? Вѣчная тюрьма?

ИЗАБЕЛЛА.

Тюрьма — хоть безъ оградъ,
Безъ цѣпи.

КЛАВДІО.

Изъяснись, что жъ это?

ИЗАБЕЛЛА.

Другъ сердечный,
Братъ милый! Я боюсь... Послушай, милый братъ:
Семь, восемь лишнихъ лѣтъ ужель тебѣ дороже
Всегдашней чести? Братъ, боишься ль умереть?
Что чувство смерти? Мигъ. И много ли терпѣть?
Раздавленный червякъ при смерти терпитъ то же,
Что терпитъ великанъ.

КЛАВДІО.

Сестра! или я трусъ?
Или идти на смерть во мнѣ не станетъ силы?
Повѣрь, безъ трепета отъ міра отрѣшусь,
Коль должно умереть, и встрѣчу ночь могилы,
Какъ дѣву милую.

ИЗАБЕЛЛА.

Вотъ братъ мой! узнаю;
Изъ гроба слышу я отцовскій голосъ. Точно:
Ты долженъ умереть; умри же безпорочно.
Послушай, ничего тебѣ не утаю:
Тотъ грозный судія, святоша тотъ жестокій,
Чьи взоры строгіе во всѣхъ родятъ блязнь,
Чья избранная рѣчь плетъ отроковъ на казнь —

Самъ демонъ; сердце въ немъ черно, какъ адъ глубокой,
И полно мерзостью.

КЛАВДІО.

Намѣстникъ?

ИЗАБЕЛЛА.

Адъ облекъ

Его въ свою броню. Лукавый человѣкъ!..
Знай: если бъ я его безстыдное желанье
Рѣшилась утолить, тогда бы могъ ты жить.

КЛАВДІО.

О нѣтъ, не надобно.

ИЗАБЕЛЛА.

На гнусное свиданье,

Сказалъ онъ, нынче въ ночь должна я поспѣшить,
Иль завтра ты умрешь.

КЛАВДІО.

Нейди, сестра.

ИЗАБЕЛЛА.

Братъ милый!

Богъ видитъ: ежели одной моей могилой
Могла бы я тебя отъ казни искупить,
Не стала бъ болѣе иголки дорожить
Я жизнию моей.

КЛАВДІО.

Благодарю, другъ милый!

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ завтра, Клавдіо, ты къ смерти будь готовъ.

КЛАВДІО.

Да, такъ... и страсти въ немъ кипятъ съ такою силой!

.....

..... Для одного мгновенья

Ужель себя сгубить рѣшился бъ онъ навѣкъ?

Нѣтъ, я не думаю: онъ умный человѣкъ.

Ахъ, Изабелла!

ИЗАБЕЛЛА.

Что? что скажешь?

КЛАВДІО.

Смерть ужасна!

ИЗАБЕЛЛА.

И стыдъ ужасенъ.

КЛАВДІО.

Такъ — однакожь... умереть,
Идти невѣдомо куда, во гробъ тлѣть,
Въ холодной тѣснотѣ... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тутъ: войти въ нѣмую мглу,
Стремглавъ низвергнуться въ кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль съ вѣтромъ быстротечнымъ
Носиться въ пустотѣ пространствомъ безконечнымъ.

.....
.....
.....
.....

ИЗАБЕЛЛА.

О, Боже!

КЛАВДІО.

Другъ ты мой! сестра! позволь мнѣ жить!
Ужь если будетъ грѣхъ спасти отъ смерти брата,—
Природа извинить.

ИЗАБЕЛЛА.

Что смѣешь говорить?

Трусъ! тварь бездушная! отъ сестрина разврата
Себѣ ты жизни ждешь!.. кровосмѣситель! Нѣтъ,
Я думать не могу, нельзя, чтобъ жизнь и свѣтъ
Моимъ отцомъ тебѣ даны. Прости мнѣ, Боже!
Нѣтъ, осквернила мать отеческое ложе,
Коль понесла тебя. Умри. Когда бы я
Спаси тебя могла лишь волею моею,
То все таки бь теперь свершилась казнь твоя.
Я тысячу молитвъ за смерть твою имѣю,
За жизнь — ужь ни одной.

КЛАВДІО.

Сестра, стой, стой!

Сестра, прости меня!

VII.

И узникъ молодой

Удерживалъ ее за платье. Изабелла
 Отъ гнѣва своего насилу охладѣла,
 И брата бѣднаго простила, и опять,
 Лаская, начала страдальца утѣшать.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Монахъ стоялъ межъ тѣмъ за дверью отпертою
 И слышалъ разговоръ межъ братомъ и сестрою.
 Пора мнѣ вамъ сказать, что старый сей монахъ
 Не что иное былъ, какъ Дукъ переодѣтый.
 Пока народъ считалъ его въ чужихъ краяхъ
 И сравнивалъ, шутя, съ бродящею кометою,
 Скрывался онъ въ толпѣ, все видѣлъ, наблюдалъ
 И соглядатаемъ незримымъ посѣщалъ
 Палаты, площади, монастыри, больницы.
 Развратные дома, театры и темницы.
 Воображеніе живое Дукъ имѣлъ;
 Романы онъ любилъ, и, можетъ быть, хотѣлъ
 Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду.
 Младой отшельницы подслушавъ весь разговоръ,
 Въ растроганномъ умѣ рѣшилъ онъ тотъ же часъ
 Не только наказать жестокость и обиду,
 Но сладить кое-что... Онъ тихо въ дверь вошелъ,
 Дѣвицу отозвалъ и въ уголокъ отвелъ.
 «Я слышалъ все, сказалъ; ты похвалы достойна:
 Свой долгъ исполнила ты свято; но теперь
 Предайся жъ ты моимъ совѣтамъ. Будь покойна,
 Все къ лучшему придетъ; послушна будь и вѣрь.»
 Тутъ онъ ей объяснилъ свое предположеніе,
 И далъ прощальное свое благословеніе.

II.

Друзья! повѣрите ль, чтобъ мрачное чело,
 Угрюмой, злой души печальное зеркало,
 Желанья женскія навѣки привязало
 И нѣжной красотѣ понравиться могло?
 Не чудно ли? Но такъ. Сей Анджело надменный,
 Сей злобный человекъ, сей грѣшникъ — былъ любимъ
 Душою нѣжною, печальной и смиренной,
 Душой отверженной мучителемъ своимъ.
 Онъ былъ давно женатъ. Летунья легкокрыла,
 Младой его жены молва не пощадила,
 Безъ доказательства насмѣшливо коря;
 И онъ ее прогналъ, надменно говоря:
 «Пускай себѣ молвы неправо обвиненье,
 Нѣтъ нужды. Не должно коснуться подозрѣнье
 Къ супругѣ Кесаря.» Съ тѣхъ поръ она жила
 Одна въ предмѣстїи, печально изнывая.
 Объ ней-то вспомнилъ Дукъ, и дѣва молодая
 По наставленію монаха къ ней пошла.

III.

Марьянна подъ окномъ за пряжею сидѣла
 И тихо плакала. Какъ ангелъ, Изабелла
 Предъ ней нечаянно явилась у дверей.
 Отшельница была давно знакома съ ней,
 И часто утѣшать несчастную ходила.
 Монаха мысль она ей тотчасъ объяснила:
 Марьянна, только лишь настанетъ ночи мгла,
 Къ палатамъ Анджело идти должна была,
 Въ саду съ нимъ встрѣтиться подъ каменной оградой,
 И наградить его условленной наградой.
 Чуть внятнымъ шопотомъ, прощаяся, шепнуть
 Лишь только то: теперь о братѣ не забудь.
 Марьянна, бѣдная, сквозь слезы улыбалась,
 Готовилась, дрожа — и дѣва съ ней расталась.

IV.

Всю ночь въ темницѣ Дукъ послѣдствій ожидалъ,
 И сидя съ Клавдіо, страдальца утѣшалъ.
 Предъ свѣтомъ снова къ нимъ явилась Изабелла.
 Все шло какъ надобно: сейчасъ у ней сидѣла

Марьянна блѣдная, съ успѣхомъ возвратясь,
И мужа обманувъ. Денница занялась —
Вдругъ запечатанный приказъ приносить вѣстникъ
Начальнику тюрьмы. Читають: что жь? Намѣстникъ
Немедля узника приказывалъ казнить
И голову его въ палаты предъявить.

V.

Замыслиль новую затѣю Дукъ — представить
Начальнику тюрьмы свой перстень и печать,
И казнь остановить, а къ Анджело отправить
Другую голову, велѣвъ обрить и снять
Ее съ широкихъ плечъ разбойника морского,
Горячкой въ ту же ночь умершаго въ тюрьмѣ;
А самъ отправился, дабы вельможу злого,
Столь гнусныя дѣла творящаго во тѣмѣ,
Предъ свѣтомъ обличить.

VI.

Едва молва невнятно
О казни Клавдіо успѣла пробѣжать,—
Пришла другая вѣсть. Узнали, что обратно
Ко граду ѣдетъ Дукъ. Народъ его встрѣчать
Толпами кинулся. И Анджело смущенный,
Грызомый совѣстью, предчувствіемъ стѣсненный,
Туда же поспѣшилъ. Улыбкой добрый Дукъ
Привѣтствуетъ народъ, тѣснящійся вокругъ,
И дружно къ Анджело протягиваетъ руку.
И вдругъ раздался крикъ, и прямо въ ноги Дуку
Дѣвица падаетъ: «помилуй, государь!
Ты щитъ невинности, ты милости алтарь!
Помилуй!...» Анджело блѣднѣетъ и трепещетъ
И взоры дикіе на Изабеллу метцетъ...
Но побѣдилъ себя. Оправиться успѣвъ,
«Она помѣшана, сказаль онъ, видѣвъ брата,
Приговореннаго на смерть. Сія утрата
Въ ней разумъ потрясла...»

Но, обнаружа гнѣвъ
И долго скрытое въ душѣ негодованье:
«Все знаю, молвилъ Дукъ, все знаю! наконецъ
Злодѣйство на землѣ получить воздаянье.
Дѣвица, Анджело! за мною, во дворецъ!»

VII.

У трона во дворцѣ стояла Маріанна
И бѣдный Клавдіо. Злодѣй, увидя ихъ,
Затрепетаъ, челомъ поникнулъ и утихъ.
Все объяснилось, и правда изъ тумана
Возникла. Дукъ тогда: «что, Анджело? скажи,
Чего достоинъ ты?» Безъ слезъ и безъ боязни
Съ угрюмой твердостью тотъ отвѣчаетъ: — казни!
И объ одномъ молю: скорѣе прикажи
Вести меня на смерть.

«Иди, сказалъ властитель,
Да гибнетъ судія-торгащъ и обольстителъ!»
Но бѣдная жена, къ ногамъ его упавъ,
Помилуй, молвила: ты, мужа мнѣ отдавъ,
Не отымай опять; не смѣйся надо мною.
«Не я, но Анджело смѣялся надъ тобою,
Ей Дукъ отвѣтствуетъ; но о твоей судьбѣ
Самъ буду я пецись. Останутся тебѣ
Его сокровища и будешь ты награда
Супругу лучшему.» — Мнѣ лучшаго не надо.
Помилуй, государь! не будь неумолимъ.
Твоя рука меня соединила съ нимъ!
Ужели для того такъ долго я вдовѣла?
Онъ чловѣчеству свою принесъ лишь дань.
Сестра! спаси меня! другъ милый, Изабелла!
Проси ты за него, хоть на колѣна стань,
Хоть руки подыми ты молча. —

Изабелла

Душой о грѣшникѣ, какъ ангелъ, пожалѣла
И предъ властителемъ колѣна преклоня,
«Помилуй, государь! сказала. За меня
Не осуждай его. Онъ (сколько мнѣ извѣстно,
И какъ я думаю) жилъ праведно и честно,
Покамѣстъ на меня очей не устремилъ.
Прости же ты его!»

И Дукъ его простилъ.

[Эта повѣсть, представляющая пересказъ драмы Шекспира «Мѣра за мѣру», напечатана въ альманахѣ «Новоселье» 1834 г. Стихи, означенные точками, были выпущены по волѣ императора Николая Павловича, какъ видно изъ прошенія Пушкина въ главный комитетъ цензуры (т. VII, п. 433), и тесоч. А. С. ПУШКИНА. Т. III.

перъ не могутъ быть восстановлены, потому что рукопись «Анджело» до сихъ поръ не отыскана. Пропуски соответствуютъ слѣдующимъ мѣстамъ въ разговорѣ Клавдіо съ Изабеллою у Шекспира (Measure for measure, act III, sc. 1).

I.

Клавдіо. [И страсти въ немъ кипятъ съ такою силой], что заставляютъ его попираť законы даже и тогда, когда онъ хочетъ восстановить ихъ насиліемъ? Въ такомъ случаѣ, здѣсь, конечно, нѣтъ грѣха или, по крайней мѣрѣ, изъ семи смертныхъ грѣховъ это — наименьшій.

Изабелла. Который изъ нихъ наименьшій?

Клавдіо. Если бы этотъ грѣхъ велъ къ вѣчному осужденію, то [для одного мгновенія уже] себя сгубить рѣшился бы онъ навѣкъ?]

II.

Клавдіо. [или съ вѣтромъ быстротечнымъ носиться въ пустотѣ пространства безконечнымъ], или быть хуже, чѣмъ самыя худшія изъ тѣхъ, кого невѣрное и беспорядочное воображеніе рисуешь воюющими (т. е. изъ грѣшниковъ). Это слишкомъ ужасно! Самая тягостная и самая омерзительная земная жизнь, старость, болѣзни, нужда и заточеніе, гнетущія людей, все это — рай въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы боимся въ смерти!]

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНИЕ III-го ТОМА.

	стр.
БОРИСЪ ГОДУНОВЪ	1
ГРАФЪ НУЛИНЪ	86
ЖЕНИХЪ	97
СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА	103
ПОЛТАВА	107
ДОМИКЪ ВЪ КОЛОМНЪ	153
СКУПОЙ РЫЦАРЬ. (Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи: The caveteous Knight)	168
МОЦАРТЪ И САЛБЕРИ	185-
КАМЕННЫЙ ГОСТЬ	195
ПИРЪ ВО ВРЕМЯ ЧУМЫ. (Изъ Вильсоновой трагедіи: The city of the plague)	225
ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ. (Романъ въ стихахъ)	234
СКАЗКА О ЦАРЪ САЛТАНЪ	424
СКАЗКА О ПОПЪ И РАБОТНИКЪ ЕГО ВАЛДЪ	451
РУСАЛКА	457
ПѢСНИ ЗАПАДНЫХЪ СЛАВЯНЪ.	
Предисловіе	480
I. Видѣніе короля	482
II. Янко Марнавичъ	485
III. Битва у Зеницы Великой	486
IV. Феодоръ и Елена	488
V. Влахъ въ Венеціи	490
VI. Гайдукъ Хризицъ	491
VII. Похоронная пѣсня	493
VIII. Марко Якубовичъ	494
IX. Бонапартъ и черногорцы	496
X. Соловей	498
XI. Пѣсня о Георги Черномъ	499
XII. Воевода Милошъ	500
XIII. Вурдалакъ	501
XIV. Сестра и братъ	—
XV. Янышъ-королевичъ	504
XVI. Конь	507
XVII. (Отрывокъ)	508

	СТР.
СКАЗКА О РЫБАКѢ И РЫБКѢ	509
СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНѢ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ	515
СКАЗКА О ЗОЛОТОМЪ ПѢТУШКѢ	530
СКАЗКИ НЯНИ	536
ГАЛУБЪ	539
РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ. (Отрывокъ изъ сатирической поэмы) . .	548
МѢДНЫЙ ВСАДНИКЪ. (Петербургская повѣсть)	558
АНДЖЕЛО	575

УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНІЙ.

- Абамелекъ, кн. А. Д. (Баратынской). II, 142.
- Avez-vous vu la tendre rose... I, 23.
- Аглаѣ (къ): 1) И вы повѣрите мнѣ могли... I, 237; 2) Иной имѣлъ мою Аглаю... VII, 29.
- Адели (А. А. Давыдовой). I, 281.
- Адеркасъ (экспромтъ). VII, 163.
- Аквилонъ. I, 305.
- Актрисѣ (къ молодой). I, 26.
- Алексѣву, Н. С.: 1) Мой милнй, какъ несправедливы... I, 248; 2) Пріятелю. I, 278; 3) Изъ письма. VII, 190.
- Альбомныя пьесы и замѣтки:
- 1) Вульфъ, Аннѣ Н. I, 346; VII, 123.
 - 2) Вульфъ, Евпр. Н. II, 1.
 - 3) Ваземскому, кн. П. П. II, 6.
 - 4) Гонимый рока самовластьемъ. II, 142.
 - 5) Гончаровой, Н. Н. II, 127.
 - 6) Долго сихъ листовъ завѣтныхъ. II, 141.
 - 7) Зубову, А. Н. I, 179.
 - 8) Илличевскому, А. Д. II, 177.
 - 9) Иностранкѣ. I, 302.
 - 10) Кернъ, А. П. II, 61.
 - 11) Олениной, А. А. II, 31, 62, 63, 149.
 - 12) Пушкину, И. И. I, 178.
 - 13) Россетти, А. О. II, 136.
 - 13) Сосницкой, Е. Я. I, 195.
 - 15) Ушаковой, Е. Н. II, 64.
 - 16) Щербинину, М. А. I, 188.
- Альфieri (нзъ). Отрывокъ. II, 23.
- Альфонсъ (начало поэмы). II, 138.
- Амуръ и Гименей (сказка). I, 124.
- Анакреона: Гробъ, I, 96. Фіаль, I, 126. Ода LV, II, 170; IV, 385. Ода LVI, II, 170; IV, 385. Ода LVII, II, 171. Ода LX, II, 53.
- Ангель. II, 9.
- Андрей Шенье. I, 337.
- Анджело. III, 575.
- Анониму отвѣтъ. II, 98.
- Антологическій отрывокъ. I, 234.
- Анчаръ. II, 43.
- Аракчееву, эпиграммы. I, 221—222.
- Арзамасской рѣчи отрывокъ. I, 158.
- Аристарху (моему). I, 106.
- Аристѣ и ты въ толпѣ... I, 8.
- Аристъ намъ обѣщаль... I, 51.
- Аріонъ. II, 15.
- Аріостова поэма „Orlando furioso“. I, 366.
- Бакуниной, К. П.: 1) Въ печальной праздности... I, 180; 2) Итакъ я счастливъ былъ... V, 3; 3) Слеза. I, 148; 4. Что можемъ наскоро стихами молвить ей? I, 180.
- Баратынской, А. Д. (Абамелекъ). II, 142.
- Баратынскому, Е. А. 1) Сія пустынная страна... I, 279; 2) Стихъ важный повѣсти твоей... I, 364; 3) Я жду обѣщанной тетради... I, 279.
- Батюшкову, К. Н.: 1) Въ пещерахъ Геликона... I, 77; 2) Философъ рѣзвый и шитъ. I, 34.
- Бахчисарайскій фонтанъ, поэма. II, 322.
- Везувіе. I, 170.
- Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье (элегія). II, 101.
- Бестужеву, А. А. Напрасно ахнула Европа. I, 331.
- Благодари свою судьбу (Аракчееву). I, 222.
- Благослови, поэтъ (Жуковскому). I, 163.
- Благословляю новоселье. II, 91.
- Блаженство. I, 29.
- Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ... II, 27.
- Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни... I, 278.
- Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ (Дельви-гу).—Доп.
- Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ. VII, 1.
- Блеститъ луна, недвижно море спитъ... II, 337.
- Блеща средь полей широкихъ (Донъ). II, 68.
- Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая... II, 22.

- Блѣдна, слаба — Земфира дремлетъ...
II, 365.
- Бова, сказка. I, 62.
- Богами вамъ еще даны (Друзьямъ)... I, 152.
- Богъ веселѣй винограда... II, 171.
- Богъ вѣсть, за что философы, пьюты...
I, 159.
- Богъ помочь вамъ, друзья мои (19 окт.
1827). II, 22.
- Боже, царя храни. I, 155.
- Больны вы, дялюшка?... I, 159.
- Борись Годуновъ. III, 1.
- Бородинская годовщина. II, 131.
- Брадатѣй старичекъ Авдѣй... II, 60.
- Брату (начало посланія). I, 284.
- Братья-Разбойники. II, 302.
- Брови царя нахмура. VII, 165.
- Брожу ли я вдаль улицъ шумныхъ...
II, 77.
- Будрысь и его сыновья. II, 153.
- Булгарину Ѳ. В. (Эпиграммы). II, 89—91.
- Булына (изъ). Странникъ. II, 164.
- Бура: Ты видѣлъ дѣву на скалѣ... I, 364.
- Бура мглою небо кроетъ... I, 362.
- Бывало, прежнихъ лѣтъ герой... I, 106.
- Была пора: нашъ праздникъ молодой (19
окт. 1836). II, 191.
- Было время, процвѣтала (Пѣсня Мери).
III, 226.
- Быль и я среди донцовъ... II, 83.
- Быль на свѣтѣ рыцарь бѣдный... IV, 333.
- Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ (Ш. А.
Осиповой). I, 349.
- Бѣги, сокройся отъ очей (Вольность). I,
219.
- Вадимъ.** (Отрывки изъ драмы и поэмы).
II, 314.
- Вавхическая пѣсня. I, 344.
- Вамъ восемь лѣтъ (М. А. Дельвигъ). I,
105.
- Вамъ музы, милая старушки (В. С. Фи-
лимонову). II, 53.
- Вашъ дѣдъ портной (Жалоба). I, 282.
- Вдали ты зришь утѣсь уединенный (Эв-
лега). I, 15.
- Вдовѣ (Къ молодой). I, 162.
- Везувій зѣвъ открытъ... II, 184.
- Великимъ быть желая (про себя). I, 196.
- Великѣй день Бородина (Бородинская
годовщина). II, 131.
- Великопольскому, И. Е.: 1) Такъ элги-
ческую лиру... II, 30; 2) Съ тобой мнѣ
вновь считается довелось... VII, 181.
- Вельможѣ (къ). II, 91.
- Вельяшевой. II, 41.
- Венерѣ отъ Лаксы. I, 22.
- Венерѣ, Фебу и Фемидѣ. I, 290.
- Вертоградъ моей сестры. I, 345.
- Веселаго пути. VII, 130.
- Веселый пиръ. I, 212.
- Вечерняя заря въ лучинѣ догорала (На-
полеонъ на Эльбѣ). I, 68.
- Вечеръ (Зимній). I, 362.
- Взгляни на милую, когда свое чело... I,
235.
- Взглянувъ когда нибудь на тайный сей
листокъ (И. И. Пущину). I, 178.
- Вигель: Проклятый городъ Кишиневъ.
VII, 64.
- Вино (Ионъ Хіосскій). II, 145.
- Виноградъ. I, 224.
- Вишня. I, 60.
- Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ... I, 185.
- Вновь я посѣтилъ. II, 182.
- Внучъ Тредьяковскаго Клитъ... I, 52.
- Во время оное, былое. II, 84.
- Во городѣ то было во Астрахани... I,
372.
- Во глубинѣ сибирскихъ рудъ. II, 11.
- Вода и вино. I, 78.
- Воевода. II, 151.
- Возвращеніе государя изъ Парижа (На).
I, 103.
- Возрожденіе. I, 208.
- Возможно ль? Въмѣсто розъ, Амуромъ на-
сажденныхъ... I, 22.
- Возстань, боязливый (Коранъ). I, 326.
- Возстань, о Греція, возстань! I, 298.
- Война! Подъяты наконецъ... I, 257.
- Волконской, вл. З. А. II, 13.
- Волконской княжнѣ, эпиграмма. — Доп.
Волконскому, младенцу, эпитафія. II, 23.
- Волнеюмъ жизни утомленный... II, 60.
- Вольность, ода (отрывки). I, 219.
- Вольтера (изъ). Венерѣ отъ Лаксы. I, 22.
- Сновидѣніе. I, 169; Стансы. I, 167.
- Во лѣсахъ дремучихъ. I, 372.
- Воронъ къ ворону летить. II, 39.
- Воронцову, М. С.: 1) Не знаю гдѣ... V,
57; 2) Сказали разъ царю... I, 298;
3) Эпиграмма. I, 302.
- Воротился ночью мельникъ. IV, 329.
- Воспитанный подъ барабаномъ... I, 332.
- Воспоминаніе: Когда для смертнаго
умолкнетъ шумный день... II, 37.
- Воспоминаніе (Пущину): Помнишь ли,
мой братъ по чашѣ. I, 79.
- Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ: 1) На-
висъ покровъ угрюмой ночи. I, 53.
2) Воспоминаніями смущенный. II, 75.
- Воспоминаньемъ упоенный. I, 213.
- Во стольномъ городѣ во Кіевѣ... I, 374.
- Вотъ Виля, онъ любовью дышетъ... I, 160.
- Вотъ зеркало мое, прима его, Киприда.
I, 22.
- Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ. —
Доп.
- Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ. II, 1.
- Вотъ муза, рѣзвая болтунья. I, 265.
- Вотъ, перешедши мостъ Кокушкинъ...
VII, 91.
- Вотъ Хвостовой покровитель. I, 195.
- Враги мои, покажѣтъ я ни слова. I,
435; VII, 106.
- Всеволожскому, Н. В. I, 209.

- Все въ жертву памяти твоей... II, 8.
 Все въ ней гармонія, все диво (Н. Н. Гончаровой). II, 127.
 Все въ таинственномъ молчаньѣ... I, 96.
 Всевышней волею небесъ... I, 180.
 Всегда такъ будетъ и бывало... I, 263.
 Все кончено, межъ нами связи нѣтъ... I, 334.
 Все миновалось... I, 2.
 Все мое, сказало злато. II, 23.
 Все плѣняетъ насъ въ Эсфири... I, 213.
 Все призракъ, суета. I, 214.
 Встрѣчаюсь я съ осмысленною весной (Кн. Горчакову). I, 130.
 Вульфъ, Аннѣ Ив. II, 42.
 Вульфъ, Аннѣ Ник. I, 346; VII, 123.
 Вульфъ, Евпр. Ник. II, 1.
 Vous me demandez mon portrait. I, 39.
 Вчера былъ день разлуки шумной... I, 272.
 Вчера за чашею пуншевою... I, 148.
 Вчера мнѣ Маша привазала... I, 117.
 Въ академіи наукъ. VII, 418.
 Въ безмолвіи садовъ, весной, во мглѣ ночей... II, 11.
 Въ Гееннѣ праздникъ. I, 267.
 Въ глуши, измучася жизнью постылой... VII, 161.
 Въ голубомъ зѣира полѣ. I, 290.
 Въ дверяхъ Эдема ангелъ нѣжный... II, 9.
 Въ Доридѣ нравятся и локоны златые... I, 216.
 Въ еврейской хижинѣ лампада. II, 137.
 Въ его исторіи (на Карамзина). I, 195.
 Въ жизни мрачной и презрѣнной (Ф. И. Толстому). I, 231.
 Въ крови горитъ огонь желанья... I, 260.
 Въ лѣсахъ, во мракѣ ночи праздной... I, 354.
 Въ лѣсахъ Гаргаріи счастливой. I, 231.
 Въ младенчествѣ моемъ она меня любила (Муза). I, 235.
 Въ мои осенніе досуги. III, 422.
 Въ молчаньѣ предъ тобой сижу. I, 159.
 Въ надеждѣ славы и добра. II, 7.
 Въ началѣ жизни школу помню я... II, 115.
 Въ неволѣ скучной увядаетъ... I, 144.
 Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашней жаръ... I, 180.
 Въ немъ радости мои (къ письму). I, 158.
 Въ отдаленіи отъ васъ (Е. Н. Ушаковой). II, 65.
 Въ печальной праздности я лиру забывалъ... I, 180.
 Въпещерахъ Геликона (Батюшкову). I, 77.
 Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья... I, 335.
 Въ полѣ чистомъ серебрится. II, 163.
 Въ послѣдній разъ въ сѣни уединенья... I, 179.
 Въ послѣдній разъ твой образъ милый. II, 105.
 Въ пустынѣ чахлой и скупой (Анчаръ). II, 43.
 Въ родахъ карійскихъ. II, 28.
 Въ рождѣ сумрачной, тѣнистой. I, 29.
 Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій вальс. II, 293.
 Въ сіяніи и въ радостномъ покое. II, 23.
 Въ степи мірской, печальной и безбрежной. II, 16.
 Въ степяхъ зеленыхъ Буджака. II, 60.
 Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣчанный. VII, 16.
 Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ (Чаадаеву). I, 241.
 Въ твою свѣтилицу, другъ мой нѣжный. I, 265.
 Въ тревогѣ пестрой и бесплодной (Россети). II, 136.
 Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы (Демонъ). I, 292.
 Въ часъ забавъ или праздной скуки (Филарету). II, 88.
 Въ чужбинѣ свято наблюдаю. I, 277; VII, 32.
 Въ Элизіи Василій Тредьяковскій. II, 78.
 Въ Юрузѣ бѣдный мусульманъ. I, 266.
 Вы говорите: слава Богу. III, 423.
 Вы за Онгина советуете, други. III, 422.
 Выздоровленіе. I, 191.
 Выздоровленіе Лукулла. II, 180.
 Вы избалованы природой (Е. Н. Ушаковой). II, 64.
 Высоко надъ семью горъ. II, 69.
 Вы соединить могли съ холодностью сердечной (Е. Я. Сосницкой). I, 195.
 Вышла Дуна на дорогу. III, 300.
 Вяземскому, кн. П. А.: 1) Къ портрету, I, 262; 2) Ответъ на его стихи, II, 32; 3) Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ, VII, 1; 4) Въ глуши, научася. VII, 161; 5) Сатирикъ и поэтъ любовный, VII, 156; 6) Язывительный поэтъ. I, 264.
 Вяземскому, кн. П. П. II, 6.
 Вянетъ, вянетъ лѣто красно (Наташѣ). I, 139.
 Галичу (къ): 1) Гдѣ ты, лѣнивекъ мой... I, 84; 2) Пускай угрюмый риемотворъ... I, 73.
 Галубъ. III, 539.
 Гальбергу. II, 185.
 Гафиза (Изь): Не плѣняйся бранной славой... II, 67.
 Гдѣ жъ онъ, гдѣ старецъ Леонидъ? III, 79.
 Гдѣ миръ, одной мечтѣ послушный? I, 145.
 Гдѣ наша роза. I, 95.
 Гдѣ ты, лѣнивекъ мой (Галичу). I, 84.
 Герой. II, 121.
 Геснеру (Русскому). I, 283.
 Глаза (Ея). II, 32.
 Глаза скосивъ на усъ кудравный (Усы). I, 120.
 Глинѣ, М. И., куплетъ. II, 194.
 Глинѣ, Ф. Н. 1) Когда средѣ оргій... I, 281; 2) Эпиграмма, VII, 106.
 Глубокой ночи на поляхъ (Навздинъ). I, 127.

Глухой глухого звалъ... V, 112.
 Глядѣть на свѣтлѣ края... I, 378.
 Гляжу какъ безумный на черную шаль... I, 228.
 Гвѣдичу: 1) На переводъ Иллады II, 89; 2) Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный... VII, 16; 3) Съ тобою въ споръ я не вступаю... VII, 214.
 Годовщина бородинская. II, 131.
 Годовщины липейскія. 1825: I, 355; 1827: II, 22; 1828: II, 54; 1831: II, 133; 1836: II, 191.
 Голицыной, кн. Е. И. Краевъ чужихъ неопытный любитель... I, 185.
 Голицыной-Суворовой, кн. М. А. Давно объ ней воспоминанье... I, 293.
 Голицыну, кн. А. Н., надгробная надпись, I, 300.
 Голицыну, кн. А. Н. Эпиграмма. I, 195.
 Гонзаго (съ португальскаго). I, 369.
 Гонимый рока самовластьемъ... II, 142.
 Гончаровой, Н. Н.: 1) Все въ ней гармонія, все диво... II, 127; 2) Я влюбленъ, я очарованъ... II, 127.
 Горация (Изъ): Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ... II, 172; отрывокъ, IV, 386.
 Горнишь ли ты, лампада наша... VII, 39.
 Городецъ. I, 40.
 Городъ Кшиневъ. VII, 64.
 Городъ пышный, городъ бѣдный... II, 31.
 Горчаковой, кн. Евд. Мих.: 1) Красавицѣ, которая нюхала табакъ. I, 22; 2) Стансес. I, 23.
 Горчакову, В. П.: Зима мнѣ рыхлою стѣною... VII, 46.
 Горчакову, кн. А. М.: 1) Встрѣчаюсь я съ осмысленной весной... I, 130; 2) Питомецъ моды, большого свѣта другъ... I, 211; 3) Пускай, не знаясь съ Аполлономъ... I, 83; 4) Ужъ я не тотъ... I, 212.
 Господинъ фонъ-Адеркасъ... VII, 163.
 Готовцовой, А. И. (Отвѣтъ). II, 55.
 Графу О***. I, 334.
 Графъ Нулинъ. III, 88.
 Гревеницу, бар. П. Ф. (Mon portrait). I, 39.
 Гречанкѣ. I, 279.
 Гробъ Анакреона. I, 96.
 Гробъ юноши. I, 250.
 Гроза Луны, свобода воинъ... I, 227.
 Грустенъ и веселье вхожу, ваятель, въ твою мастерскую... II, 185.
 Гулянову, И. А. (Отвѣтъ анониму). II, 98.
 Гусаръ. II, 145.
 Даве (To Dawe, esq.). II, 36.
 Давайте пить и веселиться... I, 176.
 Давно объ ней воспоминанье (М. А. Голицыной). I, 293.
 Давыдовой, А. А. (Адели). I, 281.
 Давыдову, А. Л.: Нельзя, мой толстый Аристиппъ... I, 301.

Давыдову, Д. В.: 1) Сѣтованіе. I, 247; 2) Тебѣ, пѣвицу, тебѣ, герою... II, 185.
 Дамы (Кшиневскія). I, 269.
 Даруетъ небо человѣку... II, 325, 338.
 Даръ напрасный, даръ случайный... II, 38.
 Да, слава въ прихотахъ воляна (Герой). II, 121.
 Два чувства равно близки къ намъ... I, 336.
 Движеніе. I, 353.
 Девлетъ-Гирей задумчиво сидеть... II, 338.
 Делибашъ. II, 68.
 Делія. I, 2.
 Дельвигу: 1) Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ... Доп.; 2) Другъ Дельвигу, мой парнасскій братъ... VII, 14; 3) Загадка. II, 78; 4) Любвою, дружествомъ и лѣнью... I, 167; 5) Мы рождены, мой братъ названный... II, 126; 6) Послушай, музъ невинныхъ... I, 88; 7) Прими сей черепъ... II, 16.
 Дельвигу, баронессѣ М. А.: 1) Вамъ восемь лѣтъ... I, 105; 2) Вчера мнѣ Мама приказала... I, 117.
 Демонъ. I, 292.
 Деревня: Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ... I, 205.
 Десятая заповѣдь. I, 261.
 Джіанни, Франческо (Изъ). II, 187.
 Дети, не смѣю надъ тобой... I, 336.
 Дети харитъ и вдохновенья... I, 93.
 Дюнея. I, 234.
 Для береговъ отчизны дальней... II, 119.
 Для васъ, души моей царицы (Посвященіе Руслана и Людмила). II, 202.
 Добра чужого не желать... I, 261.
 Добрый совѣтъ. I, 176.
 Добрый человѣкъ (эпиграмма). I, 186.
 Довольно битвы мчался громъ... I, 137.
 Долго ль мнѣ гулять по свѣту... II, 70.
 Долго сихъ листовъ завѣтныхъ... II, 141.
 Домикъ въ Коломнѣ. III, 153.
 Домовому. I, 207.
 Донъ. II, 68.
 Дорида. I, 216.
 Доридъ. I, 216.
 Дорога (Зимняя). II, 5.
 Дорожная жалоба. II, 70.
 Дочери Карагеоргія. I, 227.
 Дробясь о мрачныя скалы... II, 71.
 Другу-стихотворцу (Къ). I, 8.
 Другъ Дельвигу, мой парнасскій братъ... VII, 14.
 Другъ мой милый, красно солнышко мое... II, 162.
 Дружба. I, 354.
 Друзья, досужный часъ насталъ... I, 31.
 Друзья, простите! завѣщаю... I, 147.
 Друзьямъ: 1) Богамъ вамъ еще даны... I, 152; 2) Вчера былъ день разлики шумной... I, 272; 3) Опять я вашъ... I, 148; 4) Нѣтъ, я не льстецъ... II, 29; 5) Хочу я завтра умереть... I, 92.
 Дряхлѣли троны, алтари... I, 255.

- Дундукову-Корсакову, М. А. (эпиграмма). VII, 418.
- Духовной жаждою томимъ (Пророкъ). II, 2.
- Душа моя Павель... II, 6.
- Дѣва. I, 234.
- Дѣвицы-красавицы (пѣсня). III, 300.
- Дѣвственница (Начало I-й пѣсни). I, 371.
- Дѣдушка-игумень... VII, 150.
- Евгеній Онѣгинъ**. романъ въ стихахъ. III, 234.
- Еврейскъ. I, 277.
- Египетскія ночи (Клеопатра). IV, 396, 404, 405.
- Его стиховъ плѣнительная сладость... I, 193.
- Едва уста краснорѣчивы... I, 333.
- Ex ungue leonem. I, 349; VII, 135.
- Если жизнь тебя обманетъ... I, 346.
- Есть въ Россіи городъ Луга... Доп.
- Есть роза дивная... II, 12.
- Еще одной высокой, важной пѣсни... II, 85.
- Ея глаза. II, 32.
- Жалоба** (Д. П. Сѣверину). I, 282.
- Жалобы (Дорожная). II, 70.
- Желаніе: Кто видѣлъ край... I, 235.
- Желаніе: Медлительно влекутся дни мои... I, 139.
- Желаніе славы. I, 350.
- Желаніе: Христосъ воскресъ, питомецъ Феба!.. I, 121.
- Женихъ. III, 97.
- Женѣ: Пора, мой другъ, пора... II, 193.
- Живописцу (Къ). I, 93.
- Живъ, живъ курликъ! (На Каченовскаго). I, 347; VII, 120.
- Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный... IV, 328, 333.
- Житье тому, любезный другъ (Щербинину). I, 188.
- Жуковскому, В. А.: 1) Благослови, поэтъ... I, 163; 2) Къ его портрету, I, 193; 3) На изданіе книжекъ: „Для немногихъ“, I, 193; 4) Пародія „Тлѣнности“, VII, 130; 5) Пародія посланія къ Влудову. VII, 130; 6) Поминки—г. Шафонскаго и др., II, 150.
- Забудь**, любезный мой Каверинъ... I, 172.
- Забывъ и рошу, и свободу... I, 336.
- Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлнѣй... I, 264.
- Завѣщаніе: Друзья, простите! завѣщаю... I, 147.
- Завѣщаніе (Мое). Хочу я завтра умереть... I, 92.
- Загадка (Дельвигу). II, 78.
- Заздравный Кубокъ. I, 119.
- Заклинаніе. II, 112.
- Закревской, гр. А. Ѳ. (Портретъ). II, 33.
- За Netty сердцемъ я летаю... II, 42.
- Записки къ пріятелю (Изъ). II, 107.
- Заповѣдь (Десятая). I, 261.
- За ужиномъ объѣлся я... VII, 35.
- Завтра съ свѣчкой грошевою... I, 161.
- Зачѣмъ безвременную скуку... II, 4.
- Зачѣмъ, Елена, такъ пугливо... II, 84.
- Зачѣмъ изъ облака выходишь... I, 146.
- Зачѣмъ кричишь ты, что ты дѣва (на Пучкову). I, 159.
- Зачѣмъ объ инвалидной долѣ (на Пучкову). I, 160.
- Зачѣмъ раздался громъ войны... I, 289.
- Зачѣмъ твой дивный карандашъ (Доу). II, 36.
- Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ... I, 306.
- Зачѣмъ ты посланъ былъ... I, 254.
- Здорово, Юрьевъ-именинникъ... I, 198.
- Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой... VII, 85.
- Здѣсь Пушкинъ погребень... I, 106.
- Земли достигнувъ наконецъ... II, 26.
- Земля и море. I, 233.
- Земля недвижна; неба своды (Коранъ). I, 325.
- Зима мнѣ рыхлою стѣною... VII, 46.
- Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? II, 73.
- Зимнее утро. II, 74.
- Зимній вечеръ. I, 362.
- Зимняя дорога. II, 5.
- Злое дитя, старикъ молодой... II, 145.
- Золото и будаль. II, 23.
- Зорю бьютъ... Изъ рукъ монахъ... II, 83.
- Зубову, А. Н., въ альбомъ. I, 179.
- И** вотъ, ущелье мрачныхъ скалъ... II, 85.
- И вы повѣрите мнѣ могилы (Аглафъ). I, 237.
- Играй, Аделъ... I, 281.
- И далѣ мы пошли... II, 140.
- Извѣстіе (Литературное). II, 78.
- Издавна мудрые искали... I, 126.
- Издрекле сладостный союзъ (Языкову). I, 308.
- Измѣны. I, 2.
- Изъде сѣятель сѣяти сѣмена своя. I, 299; VII, 62.
- Иличевскому, А. Д. I, 177.
- Именинникъ (Къ). I, 346.
- Именины. I, 170.
- И недоувѣрчиво, и жадно (А. И. Готовцовой). II, 55.
- Иной имѣлъ мою Аглаю... VII, 29.
- Иностранкѣ (въ альбомъ). I, 302.
- И путникъ усталый на Бога ропталъ (Коранъ). I, 327.
- И скоро, скоро смокнетъ брань (П. С. Пушкину). I, 262.
- Испанскій романсъ (Ночной зефиръ...). I, 307.
- Исполню я твое желанье... II, 337.
- Истина. I, 126.
- Исторія стихотворца. I, 185.
- Источникъ быстрой Каломоны (Кольна). I, 12.
- Исчезла прежняя живость... VII, 61.

- Итакъ я счастливъ былъ (К. П. Бакуниной). V, 3.
- И ты, любезный другъ, оставилъ (Н. Г. Ломоносову). I, 37.
- И чувствую, душа моя... I, 232.
- Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы (Н. Д. Киселеву). II, 40.
- И я слыхалъ, что бѣлыи свѣтъ... I, 197.
- Каверину, П. П.:** 1) Забудь, любезный мой Каверинъ... I, 172 и доп.; 2) Къ его портрету. I, 180.
- Кавказскій Плънникъ,** поэма. II, 276. Приписки къ ней. II, 298.
- Кавказъ.** II, 69.
- Кагульскому памятнику (Къ).** I, 214.
- Казахъ.** I, 58.
- Какая ночь, морозъ трескучий...** II, 47.
- Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я...** II, 33.
- Какъ брань тебѣ не надоѣла (эпиграмма).** I, 186.
- Какъ быстро въ полѣ, вокругъ открытомъ...** II, 124.
- Какъ весенней теплой порою...** II, 113.
- Какъ? живъ еще курилка-журналистъ?** I, 347; VII, 120.
- Какъ за церковью за нѣмецкою...** I, 372.
- Какъ наше сердце своенравно!** I, 288.
- Какъ нынѣ собирается вѣщій Олегъ...** I, 274.
- Какъ сатирой безымянной (На Каченовскаго).** II, 80.
- Какъ сладостно, — но, боги, какъ опасно...** I, 197.
- Какъ съ древа сорвался предатель-ученикъ...** II, 187.
- Какъ широко...** VII, 164.
- Калмычкѣ.** II, 66.
- Наменный Гость.** III, 195.
- Каюкъ въ честь М. И. Глинки.** II, 194.
- Карамзину (двѣ эпиграммы).** I, 195.
- Картина (недоооченная).** I, 207.
- Картинки Невскаго Альманаха.** III, 297; VII, 191.
- Картину разъ высматривалъ салонникъ...** II, 81.
- Катенину, П. А.:** 1) Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ, I, 240; 2) Напрасно, пламенный поэтъ... II, 44.
- Катулла (Изъ).** II, 172.
- Каченовскому (эпиграммы).** I, 230, 263, 332, 347; II, 78—80; VII, 29, 120.
- Кернъ, А. П.:** 1) Я помню чудное мгновенье... I, 351; 2) Когда твои младыя лѣта... II, 64; 3) Изъ ея альбома, II, 61.
- Кияжалъ.** I, 239.
- Киселеву, Н. Д. П.** 40.
- Клишневскія дамы.** I, 269.
- Клеветникамъ Россіи.** II, 129.
- Клеветникъ безъ дарованья...** I, 263.
- Клеопатра (Египетскія Ночи).** IV, 396, 404, 405.
- Клянусь четой и нечетой (Коранъ).** I, 322.
- Ко болгарскому двору.** IV, 107.
- Кобылица молодая...** II, 53.
- Коварность.** I, 321.
- Когда-бъ писать ты началъ сдуру...** I, 230.
- Когда-бъ не смутное влеченье...** II, 145.
- Когда, бывало, въ старину...** II, 12.
- Когда великое свершалось торжество...** II, 186.
- Когда владыка ассирійскій...** II, 138.
- Когда въ объятія мои...** II, 135.
- Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день...** II, 37.
- Когда за городомъ задумчивъ я брожу...** II, 188.
- Когда ко граду Константина...** II, 72.
- Когда къ мечтательному міру (Жуковскому).** I, 193.
- Когда, любовію и нѣгой упоенный...** I, 350.
- Когда могучая зима (Швсія Президента).** III, 229.
- Когда на поклоненье (Фіаль Анакреона).** I, 126.
- Когда погаснутъ дни мечтанья (Зубову).** I, 179.
- Когда помилуетъ насъ Богъ...** II, 61.
- Когда по синевѣ морей...** I, 233.
- Когда пробилъ послѣдній счастью часъ...** I, 141.
- Когда сожмешь ты снова руку (Кривцову).** I, 189.
- Когда средь оргій жизни шумной (Глинкѣ).** I, 231.
- Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей...** I, 321.
- Когда твои младыя лѣта...** II, 64.
- Когда-то, помню, съ умиленьемъ...** II, 142.
- Козлову, И. И.:** Пѣвецъ! когда передъ тобой... I, 348.
- Колокольчики звенять...** I, 376.
- Колосовой, А. М. (эпиграмма).** I, 213.
- Кольна.** I, 12.
- Коль ты къ Смирдину войдешь...** VII, 415.
- Коррадъ Валленродъ.** II, 51.
- Корану подражанія.** I, 322.
- Кормомъ, стойлами, надзоромъ...** II, 27.
- Кочубей, гр. Н. В.:** 1) Измѣны, I, 2; 2) При посылкѣ ей оды Воляность, II, 13.
- Копанскому, Н. Θ. (Моему Аристарху).** I, 106.
- Краевъ чужихъ неопытный любитель...** I, 185.
- Красавица.** II, 127.
- Красавица передъ зеркаломъ.** I, 235.
- Красавицъ, которая нюхала табакъ.** I, 22.
- Красы Лайсъ, завѣтные пиры...** I, 287.
- Кривцову, Н. И.:** 1) Когда сожмешь ты снова руку. I, 189; 2) Не пугай насъ, милый другъ. I, 200.
- Критонъ, роскошный гражданинъ...** II, 84.
- Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы...** I, 235.
- Кто, волны, васъ остановилъ...** I, 290.

- Кто знает край, гдѣ небо блещетъ...
II, 24.
- Кто изъ боговъ мнѣ возвратилъ... II, 172.
- Кто мнѣ приплелъ ея портретъ... I, 240.
- Кто на сибѣгахъ возрасталъ Феокритовы
и ѣжнны розы? II, 78.
- Кто съ минутой переможетъ (Опытность).
I, 28.
- Кубокъ (Заздравный). I, 119.
- Куда же ты? Въ Москву... II, 107.
- Куда ты холодеешь и сушь! (Панаеву).
I, 233.
- Куплетъ въ честь М. И. Глинки. II, 194.
- Courplets: Quand un poète en son extase...
Доп.
- Къ ней: 1) Въ печальной праздности я
лиру забывалъ... I, 180, 2) Эльвина,
милый другъ... I, 147.
- Къ Н*: Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ
одинъ... II, 168.
- Къ письму. I, 158.
- Къ тебѣ собирался я давно (Языкову).
VII, 193.
- Къ товарищамъ. I, 176.
- Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ...
I, 190.
- Къ чему холодна сомнѣнья? (Чаадаеву).
I, 226.
- Къ ***: Зачѣмъ безвременную скуку...
II, 4.
- Къ ***: Мой другъ, забыты мной... I, 256.
- Къ ***: Не спрашивай, зачѣмъ унылой
думой... I, 201.
- Къ ***: Суровый Дантъ не презиралъ со-
нета... II, 97.
- Къ ***: Счастливы, кто избранъ свое-
нравно... II, 34.
- Къ ***: Ты правъ, мой другъ: напрасно
я презрѣлъ... I, 286.
- Къхельбекеру, В. К.: 1) Мечтателю. I,
192; 2) Разлука. I; 3) Эпиграммы. I, 51;
I, 160; VII, 35.
- Леда (Кантата). I, 20.
- Лидѣ (Письмо къ). I, 169.
- Лидѣ (Посланіе). I, 122.
- Лиза въ городѣ жила... VII, 244.
- Лизѣ страшно полюбить... I, 263.
- Лила, другъ мой неизмѣнный... I, 162.
- Лилѣ. I, 124.
- Литературное извѣстіе. II, 78.
- Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ... I, 332.
- Лицейскія годовщины, см. Годовщины ли-
цейскія.
- Личинію. I, 71.
- Ломоносову, Н. Г.: И ты, любезный другъ,
оставилъ... I, 37.
- Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ... II, 14.
- Любви, надежды, гордой славы (Чаадаеву).
I, 190.
- Любезный именованныкъ (Пушину). I, 75.
- Любимецъ вѣтренныхъ Лаисъ (Юрьеву).
I, 187.
- Любимецъ моды легкрылой. I, 378.
- Люблю васъ сумракъ неизвѣстный... I, 271.
- Люблю я въ полдень воспаленный... I, 78.
- Любовь одна веселье жизни холодной...
I, 149.
- Любовью, дружествомъ и лѣнью (Дель-
вигу). I, 167.
- Мадонна. II, 96.
- Мальчику (Изъ Катутла). II, 172.
- Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ... II, 80.
- Мансуровъ, закадычный другъ... VII, 5.
- Маро, Клемакъ (Изъ). Старикъ. I, 75.
- Массонъ, Оленькъ. I, 217.
- Машѣ (сестрѣ Дельвига). I, 117.
- Мая 26-го, 1828: Даръ напрасный... II, 38.
- Медитально влекутся дни мои... I, 139.
- Медокъ въ Уаллахъ. II, 125.
- Межъ тѣмъ какъ генералъ Орловъ...
VII, 20.
- Межъ тѣмъ, какъ изумленный міръ... I, 337.
- Мечтатель. I, 81.
- Мечтателю. I, 192.
- Мечты, мечты! I, 152.
- Мецкерской, вн. А. А. (эпиграмма). II, 15.
- Мигъ возделанный насталь... II, 121.
- Милостыня (Коранъ). I, 327.
- Митрополиту Филарету, стася. II, 88.
- М—тъ, хвастунъ безстыднѣй... I, 184.
- Мицкевича (Изъ): 1) Будрысь. II, 153; 2)
Воевода. II, 151 3) Конрадъ Валлен-
родъ. II, 51.
- Мицкевичъ (Онъ между нами жилъ...)-
II, 166.
- Младенцу. I, 336.
- Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой...
I, 90.
- Мнѣ бой знакомъ... I, 219.
- Мнѣ васъ не жалъ, года весны моей...
I, 230.
- Мнѣ жалъ великія жены... I, 336.
- Мнѣ не спится, нѣтъ огня... II, 113.
- Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ погачки...
I, 329.
- Мое завѣщаніе. I, 92.
- Моей любовью насладись... II, 366.
- Моей чернильницѣ (Къ). I, 243.
- Моему Аристарху. I, 106.
- Мое собранье насъкомыхъ... II, 57.
- Мой голосъ для тебя и ласковый, и том-
ный... I, 296.
- Мой другъ, забыты мной слѣды минув-
шихъ лѣтъ... I, 256.
- Мой другъ, не славный я поэтъ (Илли-
чевскому). I, 177.
- Мой другъ, уже три дня... I, 284.
- Мой милый другъ, разстался я съ тобою...
I, 142.
- Мой милый, какъ несправедливъ (Але-
ксѣеву). I, 248.
- Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный
(Пушину). II, 7.
- Мой портретъ (Mon portrait). I, 139.

- Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ.—
Доп.
- Молитва: Отцы-пустынники... II, 188.
- Молодой актрисѣ (Къ). I, 26.
- Молодой вдовѣ (Къ). I, 162.
- Монастырь на Казбекѣ. II, 69.
- Монологъ Изабеллы. II, 23.
- Монологъ пьянаго мужичка. II, 149.
- Моп portrait. I, 39.
- Мордвинову, Н. С. I, 364.
- Морозъ и солнце—день чудесный... II, 74.
- Морфею (Къ). I, 117.
- Морю (Къ). I, 303.
- Москва идиллія. I, 233.
- Моцартъ и Сальери. III, 184.
- Моя родословная. II, 107.
- Моя эпитафія. I, 106.
- Муза. I, 235.
- Муравьеву, А. Н. (эпиграмма). II, 14.
- Мчатся тучи, вьются тучи... II, 99.
- Мы недавно отъ печали... I, 75.
- Мы рождены, мой братъ названный (Дель-
вигу). II, 126.
- Мѣдный Всадникъ. III, 558.
- Мѣсяць. I, 146.
- Н***** (Къ): Съ Гомеромъ долго ты... II,
168.
- На берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священ-
ный... I, 232.
- Наброски изъ неоконченной сатиры. I,
267.
- Навѣсь покровъ угрюмой ноши... I, 53.
На возвращеніе государя изъ Парижа. I,
103.
- На Волгѣ, въ темнотѣ ночной... II, 309.
- На выздоровленіе Лукулла. II, 180.
- Надгробная надпись кн. А. Н. Голицы-
ну. I, 300.
- Надеждину, Н. И. (эпиграмма). II, 80—81.
- Наденькѣ. I, 196.
- Надо мной въ лазури ясной... I, 335.
- Надпись къ бесѣдкѣ. I, 147.
- Надпись надгробная кн. А. Н. Голицы-
ну. I, 300.
- Надпись на мой портретъ. I, 160.
- Надъ лѣсистыми брегами... II, 97.
- Надъ Невомъ рѣзво вьются... II, 178.
- Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ...
I, 203.
- Надѣясь на мое презрѣнье... II, 81.
- На Испанію родящую... II, 155.
- На лирѣ скромной, благородной... I, 208.
- На лицейскаго дядьку. I, 161.
- На переводъ Иліады. II, 89.
- Наперсникъ. II, 35.
- Наперсникъ Феба или Пріапа... I, 349.
- Наперсница волшебной старинки... I, 246.
- На петербургское наводненіе. I, 331.
- Наполеонъ. I, 251; VII, 61.
- Наполеонъ на Эльбѣ. I, 68.
- Напрасно ахнула Европа... I, 331.
- Напрасно видятъ тутъ ошибку... II, 82.
- Напрасно, милный другъ, я мыслить
утаить... I, 213.
- Напрасно, пламенный поэтъ (Катенину).
II, 44.
- Напрасно я бѣгу къ Сіонскимъ высо-
тамъ... II, 162.
- На сколькокомъ поприщѣ Тимковскаго на-
слѣдникъ... I, 318.
- Наслажденіе. I, 144.
- На смерть Анны Львовны. VII, 126.
- На статую „Мальчика, играющаго въ
бабки“. II, 190.
- На статую „Мальчика, играющаго въ
свайку“. II, 191.
- Насъ было два брата, мы вмѣстѣ росли...
II, 309.
- Насъ было много на челѣхъ... II, 15.
- Натальѣ (Къ): Такъ, и мнѣ узнать слу-
чилось... I, 24.
- Наташѣ (Къ): Вянетъ, вянетъ лѣто крас-
но... I, 139.
- На тихихъ берегахъ Москвы... I, 289.
- На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла...
II, 66.
- Начало повѣсти: Въ еврейской хижинѣ
лампада... II, 137.
- Начало сказки: Какъ весенней теплой
порою... II, 113.
- Нашъ другъ Глаголь (На Ф. Глинку). VII,
106.
- Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ... VII, 342.
- Наѣздники. I, 127.
- На это скажутъ мнѣ съ улыбкою невѣр-
ной... VII, 68.
- На языкѣ, тебѣ не внятномъ... I, 302.
- Не бойся вѣтренныхъ невѣждъ... I, 255.
- Не бойся, Глазунъ, ты моего портре-
та... I, 160.
- Неводъ рыбаекъ разстилалъ по берегу сту-
денаго моря... II, 120.
- Невѣдомскій поэтъ... II, 58.
- Не вѣровалъ я троичъ донныхъ... II, 14.
- Не вѣру чести игрока... II, 91.
- Невѣстѣ. II, 127.
- Недавно, обольщенъ прелестнымъ сно-
видѣньемъ... I, 169.
- Недавно я, въ часъ свободы... I, 247.
- Недавно я стихами какъ-то свистнулъ...
I, 349; VII, 135.
- Не дай мнѣ Богъ сойти съ ума... II, 154.
- Не даромъ вы приснились мнѣ (Коранъ).
I, 326.
- Недвижный стражъ дремалъ на царствен-
номъ порогѣ... I, 296.
- Недоконченная картина. I, 207.
- Не дорого цѣню я громкія права... II, 187.
- Не знаю гдѣ, но не у насъ... V, 57.
- Не лучше ли намъ съ надеждою смирен-
ной... II, 161.
- Нельзя, мой толстый Аристиппъ (А. Л.
Давидову). I, 301.
- Не множествомъ картинъ старинныхъ
мастеровъ... II, 96.

- Не мысля гордый свѣтъ забавить (Плетневу). II, 56.
 Ненастный день потухъ... I, 295.
 Не памятникъ, а диво... VII, 126.
 Не пѣняйся бранной славой... II, 67.
 Не пой, красавица, при мнѣ... II, 34.
 Не притворяйся, милый другъ... I, 278.
 Не пугай насъ, милый другъ (Кривцову). I, 200.
 Нерерида. I, 225.
 Не розу паеосскую... II, 173.
 Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой... I, 201.
 Не стану я жалѣть о розахъ... I, 224.
 Не то бѣда, что ты полякъ... II, 90.
 Не тѣмъ горжусь я, мой пѣвецъ... I, 264.
 Ни блескъ ума, ни стройность платья... I, 262.
 Новоселье. II, 91.
 Но укротился пламень гнѣвный... I, 293.
 Ночной зефиръ... I, 307.
 Ночь. I, 296.
 Нулинь. III, 88.
 Нѣтъ, не черкешенка она... II, 6.
 Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати... I, 282.
 Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я... II, 142.
 Нѣтъ, я не дорожъ мятежнымъ наслажденьемъ... II, 136.
 Нѣтъ, я не льстецъ... II, 29.
 Нянь: Подруга дней моихъ суровыхъ... II, 26.
 Обваль. II, 71.
 Обиженный журналами жестоко... II, 79.
 О бѣдность, затвердилъ я наконецъ... IV, 405.
 Овидію (Къ). I, 258.
 О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ... I, 170.
 О вы, которыхъ любилъ... II, 298.
 Огаревой, Е. С. I, 184.
 Ода Вольность (отрывки). I, 219.
 Ода графу Хвостову. I, 330.
 О, Делія драгая... I, 1.
 Одинъ въ глуши кавказскихъ горъ... II, 299.
 Одинъ-то былъ у отца, у матери единственный снитъ... II, 162.
 Однажды, странствуя среди долины дикой... II, 164.
 Оды Анакреона: LV, II, 170; IV, 385. LVI, II, 170; IV, 385. LXVII, II, 171; LX, II, 53.
 О дѣва-роза, я въ оковахъ... I, 224.
 О, если правда, что въ ночи... II, 112.
 О жены чистыя пророка (Коранъ). I, 323.
 Окно. I, 145.
 О, кто бы ни былъ ты, чье ласковое пѣнье... II, 98.
 Октябрь ужъ наступилъ... II, 102.
 Октября 19 (Лицейскія годовщины). 1825: Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ. I, 355; 1827: Богъ помочь вамъ, друзья

- мои... II, 22; 1828: Усердно помолвишься Богу... II, 54; 1831: Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей... II, 133; 1836: Была пора, нашъ праздникъ молодой... II, 191.
 Олеговъ щить. II, 72.
 Олениной, А. А. II, 31, 62, 63, 149.
 Оленькѣ Массонъ (Ольга, крестница Киприды). I, 217.
 О муза пламенной сатиры... II, 124.
 Она (Печаленъ ты...). I, 160.
 Она внушила первый сонъ... I, 95.
 Она мила, скажу межъ нами... II, 32.
 Онъ между нами жилъ... II, 166.
 Опричникъ. II, 47.
 Опытность. I, 28.
 Оплять я васъ, о юные друзья... I, 148.
 Оранскому принцу. I, 137.
 Orlando furioso. I, 366.
 Орлово, А. Ф.: О ты, который сочеталъ... I, 202.
 Осгаръ. I, 17.
 Осеннее утро. I, 140.
 Осень. II, 102.
 О, жалюсь надо мною... I, 79.
 Осиповой А. И.: 1) Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки. I, 329; 2) Я васъ люблю, хоть я бѣшусь... I, 328.
 Осиповой, П. А. 1) Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ... I, 349; 2) Послѣдніе цвѣты. I, 355.
 Отвѣтъ анониму (П. А. Гулянову). II, 98.
 Отвѣтъ кн. П. А. Вяземскому. II, 32.
 Отвѣтъ А. И. Гоговцову. II, 55.
 Отвѣтъ Катенину. II, 44.
 Отвѣтъ на вызовъ написать стихи императрицѣ. I, 208.
 Отвѣтъ Ф. Туманскому. II, 6.
 Отвѣтъ Е. Н. Ушаковой. II, 87.
 Откуда чудный шумъ, неистовые клики? I, 181.
 Отряднымъ ангеломъ ты съ неба къ намъ явился... I, 300.
 Отрокъ. II, 120.
 Отрокъ милый, отрокъ нѣжный... II, 174.
 Отрывки изъ Вадима. II, 314.
 Отрывки изъ поэм. II, 342.
 Отрывокъ антологическій. I, 234.
 Отрывокъ изъ комедіи. II, 313.
 Отрывокъ: Когда въ объятія мои... II, 135.
 Отрывокъ: На холмахъ Грузіи лежитъ ночная мгла... II, 66.
 Отрывокъ: Недвижный стражъ дремалъ... I, 296.
 Отрывокъ элегическій: Поѣдемъ, я готовъ... II, 76.
 Отцы-пустынники и жены непорочны... II, 188.
 Отъ васъ узналъ я плѣнь Варшавы... VII, 291.
 Отъ всеобщей вечеръ ида домой... Доп.
 Отъ меня вечеръ Лейла... II, 171.

Отъ сѣверныхъ оковъ освобождаѣ мирь...
II, 291.

О ты, который сочеталъ (Орлову). I, 202.

О ты, который сочеталъ (отрывокъ). II, 8.

Охотникъ до журнальной драки... I, 332.

Охъ, тетенька, охъ, Анна Львовна... VII, 126.

О чемъ, прозякъ, ты хлопчешь? I, 358.

О чемъ шумите вы, народные вити? II, 129.

О, Эгельстромъ! Я восхищенный... II, 41.

Иажъ или пятнадцатый годъ. II, 106.

Памятнику (Къ Кагульскому). I, 214.

Памятникъ: Я памятникъ воздвигъ себѣ
нерукотворный... II, 189.

Панаеву, В. И. (Русскому Геснеру). I, 233.

Парни (переводы и подражанія). I, 15,
17, 20, 95, 96, 110, 117, 151, 169, 176,
218, 306; II, 342.

Пародіи: стихотвореній Жуковского, VII,
130; пѣсни Дебро, II, 54.

Переводы:
Конрадъ Валленродъ. II, 51.

Начало I-й пѣсни Дѣвственницы. I, 371.

Изъ Альфіери. II, 23.

Изъ Аріостова „Orlando furioso“. I,
366.

Изъ Вильсоновой трагедіи. III, 225.

Съ португальскаго. I, 369.

Изъ Мицкевича. II, 51, 151, 153.

Изъ Вольтера. II, 22, 167, 169; II, 14.

Изъ Парни. I, 15, 96, 117, 176, 217.

Изъ Шенье. I, 362; II, 22.

Изъ Шиллера. I, 118.

Переводъ Илиады (На). II, 89.

Передъ бюстомъ. II, 82.

Передъ гробницею святой... II, 128.

Перестрѣлка за холмами... II, 68.

Печаленъ ты, признайся, что съ тобой?
I, 160.

Пиндемонте (Изъ VI). II, 187.

Пирующіе студенты. I, 31.

Пиръ (Веселый). I, 212.

Пиръ во время чумы. III, 225.

Пиръ Петра Перваго. II, 178.

Пиръ, любовницы, друзья... I, 287.

Письмо къ В. J. Пушкину. I, 156.

Письмо къ Лидѣ. I, 169.

Письмо (Сожженное). I, 343.

Письму (Къ). I, 158.

Питомецъ моды, большого свѣта другъ
(Кн. Горчакову). I, 211.

Платонизмъ. I, 217.

Плетеву, П. А.: Не мысля гордый свѣтъ
забавить... II, 56.

Плещутъ волны Флегетона... I, 306.

Побѣды памятникъ надменный... I, 214.

Повѣрь, когда слѣпней и комаровъ...
I, 354.

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Панглоссомъ...
I, 270.

Погасло дневное свѣтило... I, 222.

Погребъ. I, 79.

Поднялся шумъ; свирѣлью полевой...
I, 140.

Подражаніе (Элегія). I, 151.

Подражанія:
Анакреону. II, 53.

Арабскому. II, 174.

Древнимъ. II, 144.

Итальянскому. II, 187.

Корану. I, 322.

Оссиану. I, 12.

Парни. I, 17, 20, 95, 110, 151, 169,
218, 306; II, 342.

Пѣсни Пѣсней. I, 260, 345.

Шенье. I, 216, 321.

Подруга дней моихъ суровыхъ... II, 26.

Подруга думы праздной... I, 243.

Подруга милая, я знаю отчего... I, 234.

Подъ вечеръ, осенью ненастной... I, 38.

Подъ небомъ голубымъ страны своей
родной... II, 1.

Подъ хладомъ старости угрюмо угасаль...
I, 364.

Подъѣзжая подъ Ижоры... II, 41.

Позволь душѣ моей открыться предъ то-
бою... I, 196.

Поздно ночью изъ похода... II, 151.

Пой въ восторгъ русскій хоръ... II, 194.

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ по-
луночи... I, 17.

Пока не требуетъ пошта... II, 21; VII, 195.

Пока супругъ тебя, красавицу младую...
I, 377.

Покойникъ Клитъ въ рай не будетъ...
I, 161.

Покойны чувства, ясенъ умъ... I, 288.

Покровъ, упитанный язвительною кровью...
I, 362.

Полководецъ. II, 174.

Полтава. III, 107.

Полу-милордъ, полу-купецъ... I, 302.

Полу-фанатикъ, полу-плутъ... I, 196.

Полюбуйтесь же вы, дѣти... II, 260.

Помилуй, трезвый Аристархъ... I, 106.

Поминки (Жуковскому). II, 150.

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ... I, 79.

Помѣстѣя мирнаго незримый покрови-
тель... I, 207.

По небу крадется луна... I, 81.

Попутный вѣтегъ вѣтръ. Идетъ корабль...
II, 125.

Пора, мой другъ, пора! Покоя сердце
просить... II, 193.

Портрету (Къ):
Кн. П. А. Вяземскаго. I, 262.

В. А. Жуковскаго. I, 193.

П. П. Каверина. I, 180.

П. Я. Чаадаева. I, 180.

Portrait (Mon). I, 39.

Портретъ (А. Ѳ. Закревской). II, 33.

Портретъ (Надпись на мой). I, 160.

Порѣдѣли, побѣлѣли (Анакреона ода LVI).
II, 170.

Посвященія:

- IV и V гл. Евгенія Овѣгина. II, 56.
 Кавказскаго Пльнника. II, 276.
 Полтавы. III, 108.
 Руслана и Людмилы. II, 202.
- Посланія:
- Всеволожскому, Н. В. I, 209.
 Въ Сибирь. II, 11.
 Горчакову, кн. А. М. I, 130.
 Графу О**. I, 334.
 Дельвигу. I, 88, 167; II, 16.
 Жуковскому. I, 163, 193.
 Козлову. I, 348.
 Лидѣ. I, 122.
 Пушкину, В. Л. I, 173.
 Цензору—первое I, 315; второе I, 318.
 Чаадаеву. I, 190, 226, 241.
 Эгельстрому. II, 41.
 Юдину. I, 97.
 Языкову. I, 308; II, 21; VII, 193.
- Послушай, дѣдушка (пародія). VII, 130.
 Послушай, музъ невинныхъ... I, 88.
 Послушайте, я вамъ скажу про старину... I, 195.
 Последнимъ сянѣмъ за роцей горя... I, 91.
 Последніе дѣвты. I, 355.
 Последний день Помпеи. II, 184.
 Последняя туча разсѣянной бури... II, 178.
- Почтенія, любви и дружбы нѣжной ради... VII, 123.
 Поѣдемъ, я готовъ... II, 76.
 Поэмы (изъ) отрывки. II, 342.
 Поэту. II, 95.
 Поэтъ. II, 21.
 Поэтъ-игрокъ, о Беверлей-Гораціи... II, 83.
 Поэтъ, не дорожи любовію народной... II, 95.
 Поэтъ по лирѣ вдохновенной... II, 49.
 Предзвѣстіе: Снова тучи надо мною... II, 39.
 Предъ испанкой благородной... II, 118.
 Презрѣвъ и шоловъ украинцы... I, 333.
 Прелестницѣ. I, 190.
 Прибѣжали въ избу дѣти... II, 45.
 Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ... I, 205.
 Признание (А. И. Осиповой). I, 328.
 Прими сей черепъ, Дельвигъ... II, 16.
 Прими съ улыбкою, мой другъ (Посвященіе Кавк. Пльнника). II, 276.
 Примите Невскій Альманахъ... I, 363.
 Примите новую тетрадь... II, 298.
- Примѣты:
- 1) Старайся наблюдать... I, 272.
 - 2) Я ѣхалъ къ вамъ... II, 62.
- Принцу Оранскому (Къ). I, 137.
 Принциса къ Кавказскому Пльннику. II, 298.
 Притча (Сапожникъ). II, 81.
 Приятелю: Непритворяйся, милый другъ... I, 278.

- Пріятели: Враги мои, покажѣтъ я ни слова... I, 345; VII, 106.
 Пробужденіе. I, 152.
 Прозакъ и поэтъ. I, 353.
 Прозерпина. I, 306.
 Проклятый городъ Кишиневъ! VII, 64.
 Промчались годы заточенья... I, 176.
 Пророкъ. II, 2.
 Про себя: Великимъ быть желанъ... I, 196.
 Прости мнѣ, милый другъ... I, 40.
 Прости, счастливый сынъ пирова... I, 209.
 Простите, милыя дубравы... I, 184.
 Простышь ли мнѣ ревнивыя мечты... I, 194.
 Простой воспитанникъ природы... II, 13.
 Прощай, любезная Калмычка! II, 66.
 Прощай, отшельникъ бессарабскій. VII, 190.
 Прощай, письмо любви... I, 343.
 Прощай, свободная стихія! I, 303.
 Прощаніе съ Тригорскимъ. I, 184.
 Птичка. I, 277; VII, 32.
 Пушкинская пѣсня (изъ Шиллера). I, 118.
 Пускай, не знаясь съ Аполлономъ... I, 83.
 Пускай поэтъ съ кадилницей наемной... I, 132.
 Пускай угрюмый риетоворъ... I, 73.
 Пустое въ сердечномъ ты... II, 38.
 Пучковой (двѣ эпиграммы). I, 159.
 Пушкину, В. Л.: 1) Желаніе. I, 121; 2) Скажи, парнасскій мой отецъ... I, 173; 3) Тебѣ, о Несторъ Арзамаса... I, 156.
 Пушкину, Л. С.: 1) Братъ милый, огрокомъ... I, 284; 2) Эпиграмма. VII, 342.
 Пушину, И. И.: 1) Въ альбомъ. I, 178; 2) Любезный именинникъ... I, 75; 3) Мой первый другъ, мой другъ бездѣльный... II, 7; 4) Помнишь ли, мой братъ по чашѣ... I, 79.
 Пушину П. С.: И скоро, скоро смолкнетъ брань... I, 262.
 Пью за здравіе Меря... II, 117.
 Пьяной горечью Фалерна... II, 172.
 Пѣвецъ! издревле межъ собою... I, 334.
 Пѣвецъ! когда передъ тобой... I, 348.
 Пѣсни западныхъ славянъ. III, 480.
 Пѣсни, записанныя Пушкинымъ. I, 372.
- Пѣсни:
- Вакхическая. I, 344.
 Горохинская. IV, 107.
 Дѣвушка. III, 300.
 Косарей. IV, 325.
 Мери. III, 226.
 Молдавская. II, 354.
 О, Делія драгая! I, 1.
 Президента. III, 229.
 Пушкина. I, 118.
 Татарская. II, 325, 338.
 Черкесская. II, 293.
 Шотландская. II, 39.
 Пятнадцать лѣтъ ужъ скоро минетъ... II, 106.

Раевскому, Н. Н. (Посвященіе Кавказскаго Пѣвника). II, 276.
 Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ. I, 309.
 Раззѣвавшись отъ обѣдни... I, 269.
 Разлука:
 1) Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья... I, 179.
 2) Когда пробилъ послѣдній счастью часъ... I, 141.
 Разставаніе: Въ послѣдній разъ твой образъ милый... II, 105.
 Разсудокъ и любовь. I, 90.
 Разумовскому, гр. А. К. (эпиграмма). I, 52.
 Разъ, полуночной порою... I, 58.
 Реветь ли вѣтеръ въ лѣсу глухомъ... II, 128.
 Рефутація Беражера. II, 54.
 Ризничъ, г-жа. (элегія на ея смерть). II, 1.
 Риема, звучная подруга... II, 58.
 Риема (Эхо, безсонная нимфа...). II, 120.
 Родзянко, А. Г. I, 349, 352.
 Родословная моего героя. III, 548.
 Родословная (Моя). II, 107.
 Родригъ. II, 155.
 Роза. I, 95.
 Романсъ:
 Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный... IV, 328, 333.
 Испанскій. I, 307.
 Подъ вечеръ, осенью ненастной... I, 38.
 Роняеть лѣсъ багряный свой уборъ... I, 355.
 Россетти, А. О. II, 136.
 Румяной зарею покрылся востокъ... I, 60.
 Румяный критикъ мой... II, 101.
 Русалка, драма. III, 457.
 Русалка: Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ... I, 203.
 Русланъ и Людмила. II, 197.
 Русскому Геснеру. I, 283.
 Рыцарь (Сраженный). I, 91.
 Рѣдѣеть облаковъ легучая гряда... I, 225.
 Саозоновъ, дядька (эпиграмма). I, 161.
 Саложникъ, притча. II, 81.
 Саранча (экспромптъ). I, 303.
 Сатира (неоконченная, наброски). I, 267.
 Сатирикъ и поэтъ любовный... VII, 156.
 Сафо. I, 347.
 Сватъ Иванъ, какъ пить мы станемъ... II, 149.
 Свободы сѣятель пустынный... I, 229; VII, 62.
 Свободы тайный стражъ, карающій князь... I, 239.
 Сводъ неба мракомъ обложился (Вадимъ). II, 315.
 Своенравная подруга... II, 60.
 Себѣ ты выбралъ, Зензевей... I, 289.
 Сегодня, добрые мужья (Амуръ и Гименей). I, 124.
 Сегодня я поутру дома... I, 284.

Семейственной любви и дружбы пѣжной ради... VII, 122.
 Семеновой, Н. С. — Доп.
 Сестрѣ (Къ). I, 5.
 Сизу за рѣшеткой (Узникъ). I, 273.
 Силы четарѣ (Пуншева пѣсня). I, 118.
 Сія пустынная страна... I, 279.
 Скажи, какія заклинанья... I, 214.
 Скажи, какой судьбой другъ другу мы попались? (Комедія). II, 311.
 Скажи, парнасскій мой отецъ (В. Л. Пушкину). I, 173.
 Скажи, что новаго? I, 158.
 Сказали разъ царю... I, 298.
 Сказки:
 Бова. I, 62.
 О золотомъ пѣтушкѣ. III, 530.
 О мертвой царевнѣ. III, 515.
 О попѣ и его работникѣ. III, 451.
 О рыбацкѣ и рыбѣ. III, 513.
 О царѣ Никитѣ. II, 340.
 О царѣ Салтанѣ. III, 424.
 Сквозъ волнистые туманы... II, 5.
 Скорбицей чистилъ онъ коня... II, 145.
 Снупой Рыцарь. III, 168.
 Славная флейта Феонъ... II, 144.
 Слеза. I, 148.
 Сленину, И. В.: Я не люблю альбомовъ модныхъ... II, 52.
 Слово милой. I, 124.
 Слыхали ли вы... I, 153.
 Слышу умолкнувшій звукъ... II, 89.
 Смирдинъ меня въ бѣду повергъ... VII, 414.
 Смутьясъ, нахмурился пророкъ (Коранъ). I, 324.
 Смѣясь жестоко надъ собратомъ... II, 107.
 Снова тужи надо мною... II, 39.
 Сновидѣніе (изъ Волтера). I, 173.
 Сну (см. Къ Морфею). — Доп.
 Собраніе насѣкомыхъ. II, 57.
 Совѣтъ (Повѣрь, когда слѣпней и комаровъ). I, 354.
 Совѣтъ (Добрый): Давайте пить и веселиться... I, 176.
 Сожженное письмо. I, 343.
 Сокрылся онъ... (Гробъ юности). I, 250.
 Соловей. II, 11.
 Соловей и Кукушка. I, 354.
 Сомнѣніе, страхъ, порочную надежду... II, 23.
 Сонетъ: Суровый Дантъ не презиралъ сонета... II, 97.
 Сонъ (отрывокъ). I, 132.
 Сосницкой, Е. Я., въ альбомѣ. I, 195.
 Составленъ онъ изъ подлой слѣсы... I, 263.
 Сраженный Рыцарь. I, 91.
 Среди зеленыхъ волкъ, лобзающихъ Та-вриду... I, 225.
 Среди разстѣпанной Москвы... II, 13.
 Среди темной рошцы, подъ тѣнью липъ душистыхъ... I, 20.
 Стамбулъ гяуры нынче славятъ... II, 110; IV, 447.

- Stances: Avez-vous vu la tendre rose... I, 28.
- Стансы:
 Брожу ли я вдоль улиц шумных... II, 77.
 Въ надеждѣ славы и добра... II, 7.
 Въ часы забавъ или праздной скуки... II, 88.
 Ты мнѣ велишь пылать душою... I, 167.
 Философъ ранній, ты бѣжишь... I, 200.
- Старайся наблюдать различныя примѣты... I, 272.
- Старикъ (изъ Марога). I, 75.
- Старый мужъ, грозный мужъ... II, 354.
- Статуя (Царскосельская). II, 120.
- Стихи, сочиненные ночью. II, 113.
- Стихъ каждый повѣсти твоей... I, 364.
- Стишки для васъ одна забава... I, 309.
- Сто лѣтъ минуло, какъ тевтонъ... I, 51.
- Стою печально на кладбищѣ... I, 335.
- Странникъ (изъ Буньяна). II, 164.
- Страшно и скучно... II, 85.
- Стрекогуныя бѣлобока... I, 376.
- Студенты (Пирующіе). I, 31.
- Судьба свои дары явить желала въ немъ... I, 262.
- Султанъ явится... I, 330.
- Супругою твоей я такъ плѣнился... I, 51.
- Суровый Дантъ не презиралъ совета... II, 97.
- Сцена изъ Фауста. III, 103.
- Счастливъ, кто близъ тебя... I, 232.
- Счастливъ, кто въ страсти самъ себя... I, 144.
- Счастливъ, кто избранъ совершенно... II, 34.
- Счастливъ ты въ прелестныхъ дуракахъ... II, 82.
- Счастливыи юноша, ты всѣмъ меня плѣнилъ... I, 347.
- Съ благоговѣнною душой... I, 147.
- Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ... II, 168.
- Съ позволенія сказать... Доп.
- Съ португальскаго. I, 369.
- Съ пятнадцатой весной (Фавнъ и Пастушка). I, 110.
- Съ своей пылающей душой... II, 33.
- Съ тобою мнѣ вновь считаются довелось... VII, 181.
- Съ тобою приятно удѣлить... I, 196.
- Съ тобою въ споръ я не вступаю... VII, 214.
- Съ тобою древле, о Всесильный (Коранъ). I, 324.
- Съ утра до вечера за нею я стремлюсь... II, 127.
- Съверину (Жалоба). I, 282.
- Сѣтованіе (Д. В. Давыдову). I, 247.
- Таврида (Отрывокъ). I, 288.
- Такъ, я мнѣ узнать случилось... I, 24.
- Такъ море, древній душегубецъ... VII, 184.
- Такъ элегическую лиру... II, 30.
- Талисманъ (Тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ). II, 9.
- Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій... II, 79.
- Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ... I, 347.
- Тамъ звѣзда зари взошла... I, 369.
- Твой и мой. I, 159.
- Твоихъ признаній, жалобъ нѣжныхъ... II, 35.
- Тебѣ, наперсница Венеры... I, 122.
- Тебѣ... но голосъ музы темной (Посвященіе Полтавы). III, 108.
- Тебѣ, о Несторъ Арзамаса (В. Л. Пушкину). I, 156.
- Тебѣ подобной въ свѣтѣ нѣтъ... II, 15.
- Тебѣ, пѣвицу, тебѣ, герою... II, 185.
- Тебя ль я видѣлъ, милый другъ... I, 191.
- Телѣга жизни. I, 291; VII, 95.
- Тимашевой, Е. А.: Я видѣлъ васъ... II, 3.
- Тимковъ кій царствовалъ... I, 302.
- Товарищамъ (Къ). I, 176.
- То Dawe esq. II, 36.
- Тодорашна въ васъ влюбленъ... I, 270.
- Tolyade (La). — Доп.
- Толпа холодная поэга окружаетъ... II, 27.
- Толстому, Я. Н.: 1) Горашъ ли ты, лампада наша... VII, 39. 2) Философъ ранній, ты бѣжишь... I, 200.
- Толстому, Ѡ. И. (Эниграмма). I, 231.
- Только что на проталинахъ весеннихъ... I, 375.
- Торгуя совъѣстью предъ блѣдною нищетою (Коранъ). I, 327.
- Торжество Вакха. I, 181.
- Три ключа. II, 16.
- Три у Вудриса сына... II, 153.
- Трудъ. II, 121.
- Туманскому, Ѡ. А., отвѣтъ. II, 6.
- Туча. II, 178.
- Ты видѣлъ дѣву на скалѣ... I, 364.
- Ты въ страсти горестной находишь наслажденіе... I, 192.
- Ты вынешъ и молчишь... I, 321.
- Ты и въ. II, 33.
- Ты и я (отрывокъ). — Доп.
- Ты идалъ дядю моего... VII, 86.
- Ты ль передо мною... I, 2.
- Ты мнѣ велишь пылать душою... I, 167.
- Ты мнѣ съветуешь, Палгневъ любезный... III, 422.
- Ты не наследница Клероннъ... I, 26.
- Ты общалъ о романтизмѣ... I, 352.
- Ты помнишь ль, ахъ, ваше благородье... II, 54.
- Ты помнишь часъ ужасной битвы... IV, 386.
- Ты правъ, мой другъ: напрасно я презрѣлъ... I, 2-6.
- Ты правъ, несносенъ Фирсъ ученый... I, 186.
- Ты рождена воспламенять... I, 279.
- Ты, сераду неопытный мракъ... Доп.
- Ты слышала вѣсть смѣшную?... I, 52.
- Ты угасала, богачъ молодой... II, 180.

Ты хочешь, другъ бездѣнный... I, 5.
 Ты хочешь знать, моя драгая... Доп.
 Ты хочешь, милый другъ, узнать... I, 97.
 Ты пѣлый свѣтъ увѣрить хочешь... II, 90.
 Тѣни полководца (Къ). II, 128.
 Тѣснится средь толпы... VII, 66.

Увидѣлъ ихъ надменныхъ, низкихъ... I, 299.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ... I, 223.
 Увы, напрасно дѣвъ гордой... I, 346.
 Увы, языкъ любви болтливой... II, 36.
 У Гальони иль Кальони... VII, 204.
 Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давней мой... I, 315.
 Уединеніе: Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни... I, 278.

Ужъ я не тотъ любовникъ страстный... I, 75.

Ужъ я не тотъ; мои златые годы... I, 212.
 Узнаемъ коней ретивыхъ... II, 170; IV, 385.
 Узникъ. I, 273.

У Кларисы денегъ мало... I, 282.
 Умножайте шумъ и радость... I, 170.
 Умолю скоро я... I, 255.

Уныніе (Къ ***): Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой... I, 201.

Уныніе (Разлука): Мой милый другъ, разстался я съ тобою... I, 142.

Урну съ водой уронивъ... II, 120.
 Урусовой, кн. С. А. II, 14.

У русского царя въ чертогахъ есть палата... II, 174.

Усердно помолившись Богу.. II, 54.
 Усы (философическая ода). I, 120.

Утихла брань племенъ... I, 103.
 Утопленникъ. II, 45.

Утро (Зимнее). II, 74.
 Утро (Осеннее). I, 140.

Ушаковой, Е. П.: 1) Въ отдаленіи отъ васъ... II, 65; 2) Вы избалованы природой... II, 64; 3) Когда, бывало, встарили... II, 12; 4) Я васъ узналъ, о мой оракуль... II, 87.

Фавнъ и Пастушка. I, 110.
 Фаустъ (сцена). III, 103.

Фиглярникъ — вотъ полякъ примѣрный... II, 90.

Филарету, митрополиту. Стансы. II, 88.
 Филимонову, В. С. II, 53.

Философъ ранній, ты бѣднѣшь... I, 200.
 Философъ рѣзвый и шитъ... I, 34.

Филь Анакреона. I, 126.

Фонтану Бахчисарайскаго дворца. I, 226.
 Французскихъ риемачей суровый судя... II, 160.

Французскіе стихи: I, 23, 39 и Доп.

Жавроніосъ, ругатель закоснѣлый... I, 230.
 Характеристика (Булгарина). II, 91.
 Хвослову, графу Д. И., ода. I, 330.
 Ходить во полѣ коса... IV, 325.

Холопъ... благодари свою судьбу... I, 222.
 Хотя впрочемъ онъ поэтъ изрядный... I, 186.

Хотя тяжело подчасъ въ ней бремя... I, 291; VII, 95.

Хотя стишки на именины. I, 346.
 Хочу я завтра умереть... I, 92.

Христосъ воскресъ, моя Ревекка! I, 277.
 Христосъ воскресъ, питомецъ Феба... I, 121.

Хромидъ въ тебя влюбленъ... I, 234.
 Художнику. II, 185.

Художникъ-варваръ кистью сонной... I, 203.

Царскосельская статуя. II, 120.
 Царь Никита (сказка). II, 340.

Царь увидѣлъ предъ собою... II, 163.
 Цвѣтокъ (Цвѣтокъ засохшій, безукан- ный). II, 35.

Цвѣты послѣдніе милѣй... I, 355.
 Цензору посланіе первое I, 315; второе I, 318.

Цыклопъ. II, 88.
 Цыганы (Надъ лѣсистыми берегами). II, 97.

Цыганы, поэма. II, 346.

Цѣнитель умственныхъ твореній исполн- скихъ... II, 161.

Чаадаеву, П. Я.: 1) Всевышней волею небесъ... I, 180; 2) Въ странѣ, гдѣ я забылъ... I, 241; 3) Къ чему жемочница сомнѣнья? I, 226; 4) Любви, надежды, гордой славы... I, 190.

Часто, часто я бесѣдовалъ (Бова). I, 62.
 Черепъ (Дельвингу). II, 16.

Черна какъ галка... II, 15.
 Черная шаль. I, 228.

Чернильницъ (Къ моей). I, 243.
 Черновые наброски см. по первому стиху.

Черный воронъ выбиралъ... I, 376.
 Чернь. II, 49.

Чертогъ сіялъ (Клеопатра). IV, 396, 404, 405.

Чистый доснится ноль... II, 144.
 Что въ имени тебѣ моемъ? II, 63.

Что дружба? Легкій ниль похмѣлья... I, 354.

Что же? будетъ ли вино? VII, 100.
 Что же сухо въ чашѣ дно? II, 171.

Что жъ новато? II, 56.
 Что можемъ наскоро стихами молвить ей? I, 180.

Что смолкнулъ веселія гласъ? I, 344.
 Чугунъ Кагульскій, ты священъ... I, 265.

Чудесный жребій совершился... I, 251.
 Чья мысль восторгомъ угадала... I, 207.

Чѣмъ чаще празднуетъ Лицей... II, 133.

Шалость (Румяный критикъ мой...). II, 101.

Шалуя, увѣчанный Эратой и Венерой... I, 154.

- Шаль (Черная). I, 228.
 Шенье, Андрей, въ темницѣ. I, 337.
 Шенье (Изъ): Покровъ, упитанный язвительною кровью... I, 362.
 Шенье, подражанія: I, 216. 321.
 Шиллера (Изъ): Пуншевая пѣсня. I, 118.
 Шишкову, А. А. I, 154.
 Шотландская пѣсня. II, 39.
 Штейнгель (Прелестницѣ). I, 190.
- Щ**ербинину (Къ). I, 188.
 Щитъ (Олеговъ). II, 72.
- Э**влега (изъ Парни). I, 15.
 Эгельстрому, П. И. II, 41.
 Эйхфельдтъ, М. Е. I, 262.
- Э**кспромпты:
 Въ молчаніи предъ тобой сижу. I, 159.
 Гнѣдичу. VII, 214.
 Но укротился пламень гнѣвный... I, 293.
 Полюбуйтесь же вы, дѣти... II, 160.
 Саранча летѣла... I, 303.
- Э**легическій отрывокъ: Поѣдемъ, я готовъ... II, 76.
- Э**легія:
 Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье... II, 101.
 Мой другъ, забыты мной... I, 256.
 На смерть Анны Львовны. VII, 126.
 Опять я вашъ, о юные друзья! I, 148.
 Подъ небомъ голубымъ... II, 1.
 Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты... I, 294.
 Счастливы, кто въ страсти самъ себѣ... I, 144.
 Увы, зачѣмъ она блистаетъ... I, 228.
 Умолкну скоро я... I, 255.
 Я видѣлъ смерть... I, 151.
 Я думалъ, что любовь погасла навсегда... I, 142.
 Я пережилъ свои желанья... I, 238.
- Э**львина, милый другъ... I, 147.
 Энгельгардту, В. В. I, 198.
- Э**пиграммы:
 Аристъ намъ обѣщалъ... I, 51.
 Больны вы, дядюшка? I, 159.
 Бывало, прежнихъ лѣтъ герой... I, 106.
 Какъ брань тебѣ не надобла? I, 186.
 Когда бъ писать ты началъ сдуру. I, 230.
 Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ. I, 332.
 Любопытный. II, 56.
 На Аракчеева. I, 221, 222.
 — Булгарина. II, 90.
 — Воронцова. I, 302; V, 57.
 — Глинку. Ф. Н. VII, 106.
 — Голицына. I, 195.
 — Дундукова-Корсакова. VII,
 — Карамзина. I, 195.
 — Картинки Невскаго Альманаха. III, 297; VII, 91.
 — Каченовскаго. I, 230, 263, 332, 347; II, 78—80; VII, 29.
 — Колосову. I, 213.
- Кюхельбекера. I, 52, 160; VII, 35.
 — Липейскаго дядьку. I, 161.
 — Надеждина. II, 80, 81.
 — Панаева. I, 283.
 — Петербургское наводненіе. I, 331.
 — Пучкову. I, 159—160.
 — Разумовскаго. I, 52.
 — Свой портретъ. I, 160.
 — Стурдзу. VII, 54.
 — Сѣверина. I, 282.
 — Толстого. I, 231.
 — Фотія. I, 196.
 — Ц. I, 332.
- Н**ѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати... I, 282.
 Она. I, 160.
 Скажи, что новаго? I, 158.
 Составленъ онъ изъ подлой спѣси... I, 263.
 Супругомъ твоимъ я такъ плѣнился... I, 52.
 Твой и мой. I, 159.
 У Кларисы денегъ мало. I, 282.
 Хотъ впрочемъ онъ поэтъ израдный... I, 186.
- Э**питафія:
 Духовнику Анны Львовны. VII, 126.
 Младенцу Волконскому. II, 23.
 Моя. I, 106.
 „Покійникъ Клитъ въ раю не будетъ“. I, 161.
- Э**хо (Изъ Т. Мура). I, 128.
Эхо, бессонная нимфа... II, 120.
- Ю**дину, П. М., посланіе. I, 97.
 Юдишь (отрывокъ). II, 138.
 Юноша, полный красн... II, 191.
 Юноша, скромно пируй... II, 173.
 Юноша трижды шагнулъ... II, 190.
 Юношу, горько рыдая... II, 173.
 Юрьеву, Ф. Ф.: 1) Здорово, Юрьевъ—именинникъ... I, 198. 2) Любимецъ вѣтренныхъ Лаясъ... I, 187.
- Я** былъ свидѣтелемъ златой твоей весны... I, 377.
 Я васъ любилъ; любовь еще, быть можетъ... II, 63.
 Я васъ люблю, хоть я бѣхусь... I, 328.
 Я васъ узналъ, о мой оракулъ... II, 87.
 Я видѣлъ Азіи безплодные предѣлы... II, 300.
 Я видѣлъ васъ (Е. А. Тимашевой). II, 3.
 Я видѣлъ смерть... I, 151.
 Я вокругъ Стурдзы хожу... VII, 54.
 Я влюбленъ, я очарованъ... II, 127.
 Я въ Курскѣ, милые друзья... VII, 205.
 Я вѣрю: я любимъ... I, 216.
 Я говорилъ предъ холодной толпой... I, 287.
 Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой... I, 234.
 Я думалъ, сердце позабыло... II, 40.
 Я думалъ, что любовь погасла навсегда... I, 142.

<p>Я жду обѣщанной тетради... I, 279.
 Язвительный поэтъ (кн. Вяземскому).
 I, 283.
 Я здѣсь, Инезилья... II, 117.
 Я знаю, Лиденька... I, 217.
 Языкову, Н. М.: 1) Издревле сладостный
 соювь... I, 308; 2) Къ тебѣ сбирался я
 давно... VII, 193; 3) Языковъ, кто тебѣ
 внушилъ... II, 21.
 Языкъ и умъ теряя разомъ... II, 88.
 Я Лилу слушала у клавира... I, 124.</p> | <p>Я люблю вечерній пиръ... I, 212.
 Я не люблю альбомовъ модныхъ... II, 52.
 Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотвор-
 ный... II, 189.
 Я пережилъ свои желанья... I, 238.
 Я помню чудное мгновенье... I, 351.
 Я слушаю тебя и сердцемъ молодью...
 I, 264.
 Я ускользнулъ отъ Эскулапа... I, 198.
 Я ѣхалъ къ вамъ (Примѣты). II, 62.</p> |
|--|--|

О П Е Ч А Т К И.

Страница.	Строка.		Напечатано.	Слѣдуетъ.
80	9	сверху	Одѣленіе	Отдѣленіе
136	20	›	работы	заботы
241	4	снизу	Ек. Ник. Семенова	Ек. Сем. Семенова
419	20	›	Первая часть	Первая глава
